

М Горький

М. ГОРЬКИЙ

ХУДОЖЕСТ
ВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕД
ЕНИЯ

18

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО**

М. ГОРЬКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. ГОРЬКИЙ

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

ПЬЕСЫ
СЦЕНЫ. НАБРОСКИ

1907—1917

МОСКВА · 1972

7-3-1

Подписное

А. М. ГОРЬКИЙ
Капри. 1907—1908 гг.

ПОСЛЕДНИЕ

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

И в а н К о л о м и й ц е в.

Я к о в — его брат.

С о ф ь я — жена Ивана.

А л е к с а н д р — 26 лет.

Н а д е ж д а — 23 лет.

Л ю б о в ь — 20 лет.

П е т р — 18 лет.

В е р а — 16 лет.

Г - ж а С о к о л о в а.

Л е щ — муж Надежды.

Я к о р е в — околоточный надзиратель.

Ф е д о с ь я — няня, очень старая, полуглухая.

Г о р н и ч н а я.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Уютная комната; в левой стене — камин. У задней стены — ширмы, за ними видна односпальная кровать, покрытая красным одеялом, и узкая белая дверь. Большой книжный шкаф делит комнату на две части, правая больше левой. Шкаф обращен дверьми направо, спинка его завешена ковром, к ней прислонилось пианино; напротив — широкий темный диван и маленькое окно; в глубине этой комнаты дверь в столовую. Там светло. Если к пианино поставить стул — он закроет проход в столовую. У камина в глубоком кресле сидит Яков — седой, кудрявый, бритый, лицо мягкое, читает книгу. Сзади кресла на письменном столе высокая лампа под абажуром из зеленой бумаги. У стола, тоже в кресле, сидит Федосья, в руках у нее длинное серое вязанье, на коленях большой клубок шерсти, она всё время что-то бормочет. В столовой бесшумно ходит, накрывая стол к обеду, горничная; там же Софья — она моложавая, лицо бледное, глаза малоподвижны, всегда смотрят вдаль, пристально и тревожно. Яков мешает угли в камине, она прислушивается к шуму, медленно идет в комнату Якова, за шкафом нерешительно останавливается.

Софья. Я не помешаю?

Яков. Конечно, нет! *(Встречает ее улыбкой.)*

Софья. Мне казалось — ты занят...

Яков *(снявая пенсне)*. Чем?

Софья. Я хочу спросить тебя, — госпожа Соколова, мать того, который стрелял в Ивана, просит принять ее, — как ты думаешь, принять?

Яков *(нерешительно)*. Не знаю... Как мать, она имеет право на твоё внимание... хотя — зачем ей обращаться именно к тебе, а не к Ивану?

Федосья (*тихо и не поднимая головы, бормочет*).
Ждем-пождем да опять пойдем...

Софья. Ты веришь, что стрелял этот?

Яков. Видишь ли — я думаю, террористы не лгут, заявляя, что он не принадлежит к их партии...

Софья. Мне тоже кажется...

Яков. Ты что не сядешь?

Софья (*опуская голову*). Не хочется...

Яков. У тебя утомленное лицо.

Софья (*негромко*). Когда я сажусь — меня одолевает слабость. (*Тише.*) Извини, но я снова принуждена просить у тебя денег.

Яков (*торопливо, сконфуженный*). В левом ящике стола — пожалуйста! Верхний ящик, не заперто...

Софья. Как это тяжело — обирать тебя...

Яков. Э, полно, Соня...

Федосья (*бормочет*). Бери, бери у него деньги-то! Умрет скоро... куда ему!

(Из столовой идет Любовь. Она горбата и — чтобы скрыть свое уродство — всегда носит на плечах шаль или плед. Теперь на ней большая желтая шаль. Остановилась у пианино.)

Софья (*задумчиво*). Переехали мы в твой дом, а тебя, больного, загнали куда-то в угол...

Яков (*смущенно*). Полно, Соня...

Софья. Я взяла сто...

(Любовь ставит к пианино стул и тихо играет.)

Яков. Послушай, я хочу предложить тебе...

Софья. Мне нужно идти, после обеда скажешь — хорошо? (*Идет.*)

Яков (*берет книгу*). Когда хочешь...

Федосья (*тихо напевает на мотив колыбельной песни*). Эх, Яшенька, Яша. Горька судьба наша... (*Дальше слова непонятны, но всё время старуха бормочет, точно баюкая ребенка.*)

Софья (*останавливается перед дочерью, не замечаящей ее, ждет несколько секунд*). Пусти меня, Люба.

Любовь. Я уже мешаю?

Софья. Но как же пройти?

Л ю б о в ь. Мама, где я могла бы не мешать никому?
Софья (*ставит ногу на диван и так обходит стул дочери*). Ну, не злись...

Л ю б о в ь (*вскакивая*). Ты прыгаешь, чтобы потом получить право упрекнуть меня за свой прыжок?

Софья (*уходя, тихо*). В чем, когда я упрекаю тебя...

(*Любовь встает и входит в комнату Якова.*)

Я к о в (*тихо*). Как ты легко раздражаешься...

Л ю б о в ь (*спокойно*). Это все говорят. Все жалуются на меня, точно я зимний холод или осенний дождь...

Ф е д о с ь я (*поет*). А вот пришла Люба...
А чего ей надо...

Л ю б о в ь (*громко*). Перестань, няня!

Ф е д о с ь я. Чего? (*Чешет спицей голову и улыбается, глядя на Любовь.*)

Я к о в. Ты преувеличиваешь, Люба...

Л ю б о в ь. Холод и слякоть осени тоже нечто преувеличенное, ненужное, враждебное людям... Скажи, сколько мама взяла денег?

Я к о в. Сто рублей... А что тебе?

Л ю б о в ь. Почему ты не хочешь дать сразу много, чтобы ей не просить часто? Ведь это унизительно — просить, разве ты не понимаешь?

Я к о в (*смущен*). Ах, боже мой! Конечно, понимаю. Я и хотел сейчас предложить ей...

Л ю б о в ь (*как бы напоминая*). Ведь ты богат...

Я к о в (*улыбаясь*). Был. Алюминий разорил меня...

Л ю б о в ь. Зачем тебе понадобился этот алюминий?

Я к о в (*виновато*). Я думал, видишь ли, что было бы хорошо, если бы люди получили красивый металл. Железо — тяжело и мрачно, медь — такая жирная всегда...

Л ю б о в ь (*вздыхнув*). Какой ты смешной!

Ф е д о с ь я. О господи, господи... помилуй нас, грешников...

Л ю б о в ь. Ты часто ошибался?

Я к о в (*усмегаясь*). Необходимо, должно быть, чтобы иные люди делали ошибки...

Л ю б о в ь (*заглядывая ему в лицо*). Я знаю одну твою ошибку.

Я к о в (*беспокойно*). Да?

Л ю б о в ь. Ты должен был жениться на маме...

Я к о в (*испуган*). Люба!.. Это слишком сложно для тебя, пожалуй! Я не решился бы так говорить об этом на твоём месте.

Л ю б о в ь. А где оно — моё место?

Я к о в (*опуская голову*). Странно ты говоришь, право...

Л ю б о в ь (*настойчиво*). Почему я никогда не могу рассердить тебя? Я всех могу вывести из себя, а тебя — нет! Почему?

Я к о в. Бог мой, я не знаю...

Л ю б о в ь. Маме было бы лучше с тобой, чем с отцом, который пьёт, играет...

Я к о в. Милая Люба, зачем ты так говоришь?

Л ю б о в ь. Народил больных и глухих детей и вот оставил их теперь нищими на шее мамы...

Ф е д о с ь я (*уловив слово «нищие», поёт*). Нищая братия, богова забавушка...

Я к о в. Так нельзя говорить об отце! Няня, молчи, пожалуйста!

Ф е д о с ь я. Ась?

Л ю б о в ь. Почему? Мне не нравится быть дочерью человека, который приказывает убивать людей...

Я к о в (*тоскливо*). Как резко, Люба...

Л ю б о в ь. И бегаёт, как трус, когда в него стреляют за это...

Я к о в. Он старый, нездоровый человек, уставший...

Л ю б о в ь. Разве болезнь оправдывает? Ведь он болен оттого, что много кутил.

Я к о в (*неприятно пораженный*). Откуда ты знаешь?

Л ю б о в ь. Это говорит доктор Лещ. Он тебе нравится?

Я к о в (*возится в кресле*). Твои слова могут услышать...

Л ю б о в ь. Доктор Лещ... Тюремный врач... Какая честь быть в родстве с таким... Ты что — хочешь в столовую?

Я к о в. Я не могу больше слушать...

5

ЛЕВОНЬ. Почему я никогда не могу рассердить тебя?
Ты знаешь это? Я всё же могу вывести из терпения, а
тебя - нет! И почему ты не отбиваешь?

ЯКОВЬ. Богъ мой - я не знаю...

ЛЕВОНЬ. Ты любишь маму?

ЯКОВЬ. | тихо | О, да...

ЛЕВОНЬ. Ей было-бы лучше съ тобой, чѣмъ съ отцомъ,
которой пьезъ, играетъ...

ЯКОВЬ. Но, милая Леба, зачѣмъ ты такъ говоришь?

ЛЕВОНЬ. Народилъ больныхъ и глухихъ дѣтей и вотъ
оставилъ ихъ теперь нищими на шею мамы.

ЯКОВЬ. | протестуя, но слабо | Такъ милая говорить объ
отцѣ!

ЛЕВОНЬ. Почему? Кѣмъ не нравится бить дочерью человѣка,
который прикидывается убивать людей...

~~... докторъ Лева...
... докторъ Лева...
... докторъ Лева...~~

ЯКОВЬ. И сбѣгать, какъ трусъ, когда на него стрѣля-
ютъ въ око...

ЯКОВЬ. Онъ старый, нездоровый человѣкъ... уставшій...

ЛЕВОНЬ. Гавръ болѣзнь оправдываетъ? Видь онъ боленъ
оттого, что много кутилъ.

ЯКОВЬ. | неприятно пораженный | ^{Откуда} ~~Кѣмъ~~ ты знаешь?

ЛЕВОНЬ. Это говорить докторъ Лева. Онъ тебѣ нравится?

ЯКОВЬ. | возится въ креслѣ | Твоя слова могутъ услышать...

Леба.

ЛЕВОНЬ. О, здѣсь не бояться словъ и всё говорить гром-
ко... Докторъ Лева!... Терпимый врачъ... Кажалъ ч то-то
быть въ родствѣ съ такимъ... господиномъ! Ты что - хо

«ПОСЛЕДНИЕ».

Страница машинописи с правкой М. Горького.

Любовь (*пожимая плечами*). Сиди... Куда тебе с твоим сердцем! А-а, вот пришли любимчики... твои, мамини, всего света.

Яков. Но ведь и твои...

Любовь (*задумчиво*). Любовь к жалкому — это, я думаю, нездоровая любовь...

Яков. Ты даже себе самой говоришь колкости!

Вера (*из столовой, за нею Петр*). Дядя!

Федосья (*громко*). А вот мои последние... детки мои последние... (*Перестает вязать и смотрит на всех с улыбкою на темном лице.*)

Вера. С каким интересным человеком мы познакомились!

Яков. Это ты всё время катался на коньках, Петр? Смотри, тебе вредно!

Петр (*задумчиво*). Пустяки!

Вера. Понимаешь, к нам на улице привязались какие-то трое — наверное, из черных сотеш...

Петр. Три пьяных идиота — идут за нами и говорят гнусные вещи...

Вера. Я им крикнула: мы дети Колосийцева...

Любовь. На колени! Шапки долой...

(*Петр исподлобья смотрит на Любовь.*)

Вера (*Любови*). Мы испугались, нужно же было сказать им, кто мы!..

Любовь (*с улыбкой*). А они, узнав это, начали ругаться еще сильнее, да?

Петр (*подозрительно*). Почему ты знаешь?

Вера. Да, Люба, это верно! Я не понимаю — как же? Ведь они должны уважать властей? Это революционеры обязаны не уважать, а они — почему?

Яков (*поучительно, но мягко*). В России никто никого не уважает...

Любовь. Что же дальше?

Вера. Вдруг навстречу нам идет молодой человек. Я уже хотела ударить одного из них коньками, того, который был ближе, но этот человек...

Петр (*усмехаясь*). Верка действительно хотела драться...

Вера. Этот господин крикнул им — прочь! (*Фе-*

досья чему-то беззвучно смеется.) Они зарычали и — на него! Вот было страшно! Тут он вынул револьвер... *(Смеется.)* Как они побежали!

Федосья *(вслушивается, смеется).* Ах вы, мои милые, ах, веселые...

Петр. Ломаными линиями, чтобы не попала пуля.

Любовь *(негромко).* Вот так же бежал отец, когда в него стреляли...

Вера. Что?

Любовь. Наверное, так же...

Петр *(строго).* Зачем ты это сказала?

Любовь. Просто так...

Вера. Что такое она сказала?

Петр. Ничего... Продолжай!

Вера. Он очень красивый...

Петр *(задумчиво).* Хороший голос и такая простая речь...

Вера. Брюнет, с острой бородкой, — мечтательные глаза... Я думаю — он пишет стихи...

Любовь. А твой револьвер, Петр?

Петр *(хмурясь).* Не буду я таскать его с собой... Я не люблю таких вещей...

Вера. Он — трусишка!

Яков. Вот что, дети, давайте скроем от мамы этот случай, чтобы не волновать ее...

Вера *(разочарованно).* Да? Я бы хотела рассказать и ей!

Яков. Потом, после — хорошо?

Вера. Да...

Петр *(задумчиво).* Мы с ним долго гуляли... Мне хотелось пригласить его к нам...

Вера. Вот хорошо, Петька!

Любовь. Ты думаешь, он пришел бы?

Петр. А почему нет?

Надежда *(входит).* Зачем это все набились сюда? Они тебе мешают, дядя?

Яков. Нисколько! Ведь каждый день перед обедом все сходятся ко мне...

Надежда. Знаете, этот мерзавец, который стрелял в папу, заболел.

(Все смотрят на нее, становится тихо.)

Надежда. Муж говорит, что он не притворяется.

Петр *(беспокойно)*. Почему его так долго не судят?

Надежда. Он всё еще не сознается...

Петр. Мне кажется, что он где-то близко...

Вера. Что такое?

Любовь. Где же?

Петр. Тут... за дверьми...

Надежда. Какой вздор!

Петр. Стоит и ждет, чтобы его простили...

Надежда. Не глуп, однако...

Софья *(входит. Тревожно)*. Кто ждет прощения?

Надежда. А этот, который стрелял в отца...

Софья *(оглядывая всех)*. Кто это знает?

Яков *(успокаивая)*. Это Петр сказал, Соня! Ему кажется, что этот человек где-то около нас и ждет, чтобы мы ему простили.

Софья *(странным тоном)*. Революционеры считают себя правыми...

Любовь. Как все властолюбцы...

(Петр незаметно уходит. Вере скучно, она стоит сзади кресла няньки, прикрепляя ей на голову бумажные цветы с абажура лампы. Любовь смотрит на всех из угла неподвижным взглядом. Надежда всё время озорашивается, тихонько напевая.)

Любовь *(серьезно, Вере)*. Цветы ей не идут.

Вера. Разве?

Софья. А где Александр? И Павел Дмитриевич?

Надежда. Муж только что пришел, переодевается. Это он сказал, что убийца заболел...

Софья *(тревожно)*. Заболел? Чем?

Надежда. Сходит с ума, кажется. *(С иронией.)* Тебе его жалко, мама?

Софья. Я не сказала этого...

Любовь *(усмехаясь)*. Потому что боишься?

Надежда. Эта мама становится какой-то чуждой!

Вера. Не обижайте ее, а то она не купит мне новые коньки.

Любовь *(матери)*. Скажи, ведь тебе его жалко?

С о ф ь я. Мне надоело всё это злое. Тюрьмы, суды, казни — противны.

Я к о в (*вздыхая*). С каждым днем их всё больше...

Н а д е ж д а. Это необходимо, чтобы люди могли жить спокойно.

Л ю б о в ь. Даже индусы перестают верить, что покой есть счастье...

С о ф ь я (*неожиданно для всех*). Террористы заявили, что он не участвовал в покушении.

(*Все смотрят на нее. Любовь стоит, закрыв глаза книгой, и через нее смотрит на всех подстерегающими глазами.*)

Н а д е ж д а (*не сразу*). Разве можно верить революционерам? Как это наивно, мама!

(*Виновато улыбнувшись, Софья садится на стул и как бы вдруг стареет, мякнет, опускает голову.*)

А л е к с а н д р (*в столовой, кричит*). Послушайте, эй! Почта была?

Н а д е ж д а. На этажерке в гостиной лежит письмо тебе... Вера, иди причешись, ты ужасно растрепана.

В е р а. Ой, мне не хочется!

Н а д е ж д а. Ну, не кривляйся. (*Ведет ее за собой.*) Ты становишься небрежной; имей в виду, что мужчины терпеть этого не могут...

В е р а. Господи! Опять мужчины! Маленькую меня пугали чертями, выросла — пугают мужчинами...

Я к о в (*тихо*). Что с тобой, Соня?

С о ф ь я (*вздвигнув*). А? Я задумалась...

А л е к с а н д р. Обед скоро?

С о ф ь я. Да... сейчас...

А л е к с а н д р (*идет, насвистывая*). Маленький митинг? По вопросу о финансах или — внутренняя политика, а?

Л ю б о в ь. Как это остроумно!

А л е к с а н д р. Как ты горбата!

С о ф ь я (*укоряя*). Александр!

А л е к с а н д р (*не глядя на мать*). Mon cher oncle¹, как здоровье ваших ножек?

¹ Мой дорогой дядя (*франц.*).

Л ю б о в ь (*уходя в дверь за ширмой*). Выгони его, мама!

А л е к с а н д р (*прищуриваясь*). Э? Что я слышал? Оскорбила и спряталась, точно жиденек-революционер.

С о ф ь я (*просит*). В самом деле, Александр, иди в столовую.

А л е к с а н д р. Да, маман? Вы — командуете?

С о ф ь я (*печально*). На тебя неприятно смотреть...

А л е к с а н д р. Нет, что я слышу? Вы, маман, кажется, наконец хотите заняться моим воспитанием?

Я к о в. Довольно, Александр! Как ты можешь?

А л е к с а н д р. Vien...¹ Я имею маленькое дело к тебе, дядя.

С о ф ь я. Он не даст денег.

А л е к с а н д р. Вы это знаете наверное?

С о ф ь я. Я просила его не давать.

А л е к с а н д р. Да, дядя? Она просила?

Я к о в. Конечно, если она говорит.

А л е к с а н д р (*злится*). Вот рыцарский ответ! «Конечно, если она говорит!» Я это запомню. Но — что же вы, дядя? Как вы отнеслись к ее просьбе?

Я к о в (*смущенно*). Я? Я дал слово, что исполню ее просьбу.

А л е к с а н д р. Весьма похвально!

Я к о в (*мягко*). Ты извини меня, Саша, но такая жизнь, как твоя... эти ночные кутежи...

А л е к с а н д р. Кто же устраивает кутежи днем?

С о ф ь я. Ты посмотри, какое у тебя лицо. И ты уже лысеешь...

А л е к с а н д р. Лицо энергичного человека, а лысина придает ему солидность. Я бледен, потому что утомлен ежедневными поисками куска хлеба... Мои родители произвели меня на свет, но не позаботились обеспечить средствами для приличной жизни...

С о ф ь я (*тихо*). Я прошу тебя перестать...

А л е к с а н д р. Почтенный папаша много брал взяток в городе, но мало в клубе за карточным столом...

Я к о в (*тоскливо*). Какой цинизм, Саша...

¹ Хорошо... (*Франц.*).

Софья (*спокойно и убито*). Ты понимаешь, что говоришь?

Александр. Вполне. И вот, благодаря неудачной игре отца, я оказался в полном проигрыше.

Яков. Ужасно, Александр, ужасно! Будь милосерден, уйди. За что ты мучаешь мать?

Александр. Sheg oncle, двадцать пять рублей, и — я уйду!

Яков. Возьми, пожалуйста... на столе под прессом. Но — я спрашиваю — неужели тебе не жалко мать?

Александр (*искренно*). А кто пожалеет распутного молодого человека — кандидата в помощники полицейского пристава? Мне предстоит бить морды человеческие, брать взятки понемногу и — получить в живот пулю революционера... Как вам нравится эта блестящая карьера? (*Насильственно смеясь, уходит.*)

Яков (*не сразу*). Как он похож на своего отца!

Софья. Я не знаю, как надо говорить с ним, что сказать ему! Зачем ты дал ему денег? Он снова будет пить всю ночь.

Яков. Но что же делать? Надо же было, чтобы он ушел!

Софья. Мы тебя ограбим, Яков... Зачем ты с нами?

Яков. Оставь, дорогая Соня. Я хочу быть полезен тебе и сумею, ты увидишь! Вот приедет Иван...

Софья. Твоих денег ненадолго хватит...

Яков. Но разве только деньги, Соня...

Софья. Нам ничего не нужно, кроме денег...

Федосья. Сонюшка, Андрюша-то Рязанов — жив ли?

Софья (*громко*). Умер, няня. Я тебе говорила.

Федосья (*качая головой*). Да, да... Застрелили его... да...

Софья (*равнодушно*). Это Бородулина застрелили...

Федосья. Да, помню, помню... Андрюша-то... тоже мой выкормок... Много их...

Софья (*взглянув на старуху*). Ты знаешь, что Рязанов сек крестьян в ее деревне... может быть, родственников своей пнянки.

Яков. Почему ты говоришь об этом?

Софья. Не знаю... Так...

Федосья. Да... много!

Яков (*тихо просит*). Я хочу поговорить с тобой о Любе. Можно?

Софья (*подозрительно*). Что такое?

Яков. Мне кажется, она что-то чувствует... чего-то ищет...

Софья. Все теперь чего-то ищут.

Яков. С нею обращаются грубо...

Софья. Я?

Яков. О, нет, конечно! Ты только... менее внимательна к ней...

Софья. Она тоже нехорошо относится ко мне... Впрочем, она со всеми одинакова...

Яков (*тихо, намекая*). Кроме меня, Соня...

Софья (*помолчав*). Нет! Она не может знать! (*С силою.*) И — не должна знать, Яков! (*Порывисто, тихо.*) Я мучительно люблю это несчастное существо, я люблю... Но моя любовь — трусливое чувство виноватой; я боюсь, что вскроется моя вина перед нею, и — люблю ее издали, не смею подойти к ней, говорить с нею...

Яков. Это напрасно, Соня. Скажи ей, скажи...

Софья. Не могу...

Яков. Потом, не сейчас, но — скажи!.. Теперь ты слишком мрачно настроена... это проклятое, безумное время подавляет тебя...

Софья. Я тоже ищу. Я хочу понять, что мне делать? Ведь дети мои погибают, Яков! Я спрашиваю себя: где ты была до этой поры? Чем вооружила детей для страшной жизни?

Яков. Голубушка — спокойнее! Кто же знал...

Софья. Я спокойна — господи боже мой! Я всё думаю, думаю, но я — спокойна!

Яков. Нет, Соня! Это глупое покушение на жизнь Ивана и затем его отставка ошеломили тебя, ты растерялась — понятно! И к тому же дикий вой газет... они клеветают, сочиняют...

Софья. Ты говоришь по совести — они клеветают?

Яков (*не глядя на нее*). Они преувеличивают... Иван, конечно, не очень... он слишком...

Софья. Нет, будем правдивы. Мы знаем, что газеты не клеветают...

Яков. Ах, Соня... Это, должно быть, страшно трудно — остаться честным, имея пятерых детей...

Софья. Не говори так! Ты сам себе не веришь...

Яков (*сконфужен*). Всё против человека в нашем обществе, вот что я хотел сказать! Невозможно быть самим собой...

Софья (*всё время ходит по комнате, сняла цветы с головы няньки, бросила их в угол*). Человека, имеющего пятерых детей, мы знаем лучше газет. Нам известно, что этот человек кутила и развратник; он устроил игорный дом рядом с комнатами, где спали его дети. Какие женщины бывали у него! Он оскорблял свою жену непрерывно десять лет — сколько любовниц имел он! Разве не он развратил Александра? А почему я не умела помешать этому? Он пьяный уронил Любу на пол, сделал ее уродом — как я могла допустить? Поздно думать об этом? Поздно, да, я знаю...

Яков (*качая головой*). Как ты ошиблась однажды...

Софья. Я это знаю... Ты — мягок... да, с тобой было бы спокойнее жить... Ты честный человек. Мне было тридцать пять лет, когда я догадалась об этом, а Любе уж было десять. Десять лет я не думала о тебе... забыла про тебя и вспомнила в год, когда Иван, помещик, дворянин, — пошел служить в полицию. Ты застрелился бы, но — не пошел! И вот десять лет пытки и унижений и для меня и для него... Как он быстро развратился, прогнулся... Когда в него стреляли — мне стало жалко его, я готова была простить ему всё, что можно... Но он вел себя так унижительно, трусливо...

(Из столовой идет доктор Лещ, человек средних лет, с большим желтым лицом. Он шагает осторожно, прислушивается, предупредительно кашляет.)

Лещ. Если помешал — приношу извинения! Вам сказала Надя о том, что подозреваемый в покушении заболел?

Софья. А зачем я должна знать это?

Л е щ (*поучительно*). Человек этот не может быть безразличен для вас; странно вы говорите! Вы непосредственно заинтересованы в том, чтобы он понес должное наказание, — как же иначе? (*Считает пульс Якова, глядя в потолок.*) Как спали?

Я к о в. Плохо.

Л е щ. А сердце?

Я к о в. Замирает...

С о ф ь я. Он не сознается?

Л е щ. Нет! Аппетит?

Я к о в. Плохой. Ванны меня ослабляют...

Л е щ. Я это предвидел, разумеется.

С о ф ь я. Может быть, действительно не он стрелял?

Л е щ. Не знаю. Меня это не касается. Ванны надо продолжать.

Ф е д о с ь я (*улыбаясь*). Доктор, полечил бы ты меня, а? Полечи-ка! (*Тихонько смеется, точно торжествуя.*)

Л е щ (*солидно*). Далее — Александр может получить должность помощника пристава, но это будет стоить пятьсот рублей.

С о ф ь я. Надо дать взятку?

Л е щ. А как же? Разумеется.

С о ф ь я. У нас нет денег.

Л е щ. Несомненно. Но я думаю, дядя Яков понимает насущную необходимость всей семьи...

С о ф ь я. У него тоже нет денег...

Л е щ (*пристально глядя на нее*). Сенсационно. И — странный тон — как будто эту взятку требую у вас я сам!

Я к о в (*торопливо*). Это не совсем верно, Соня, я могу дать пятьсот...

С о ф ь я (*зятю*). Вам кажется, что Александр будет на месте в полиции?

Л е щ. Я, как вам известно, человек правдивый, и скажу прямо: полиция — это единственное учреждение, где ваш сын может служить. Я отношусь к нему отрицательно и не скрываю этого даже от него. Разумеется, в нем есть и добрые чувства, но в общем — это анархист, человек, лишенный внутренней дисциплины, существо с расшатанной волей... недоучившийся юнкер...

С о ф ь я. Когда вы осуждаете людей, вы говорите охотно, но ужасно длинно.

Л е щ (*любезно*). Тут виновато обилие недостатков в людях...

С о ф ь я (*Якову*). Мне не хочется, чтобы Александр служил в полиции...

Я к о в (*бормочет*). Что же делать?..

Л е щ. Не вижу, где бы он мог служить кроме, положительно не вижу. У него есть некоторая военная выправка, он был вольноопределяющимся, имеет какой-то чин. Я думаю, он будет недурным полицейским... для провинции, разумеется!

Я к о в (*осторожно*). Главное, Соня, он уйдет из дома, и дети избавятся от его влияния... Ты позволишь мне дать эти деньги...

С о ф ь я (*пожимает плечами*). Я не понимаю, что надо делать.

Я к о в. Деньги — кому?

Л е щ. Я дал слово, что не назову имени лица, которое желает получить деньги.

Я к о в (*смущенно*). Конечно... понимаю...

Л е щ. Не очень приятное поручение давать взятки... Что, скоро обед?

С о ф ь я. Идемте. (*Помогая Якову встать*.) Вот я и продала сына...

Л е щ (*наставительно*). Продавая — получают деньги...

С о ф ь я. На душе у меня — нехорошо...

Я к о в (*тяжело двигая ногами*). Что делать! Без взяток не работает машина нашей жизни...

Л е щ (*идя за ними*). Без денег — невозможна личная независимость...

(*Из столовой навстречу им идет Надежда.*)

Л е щ. Ты что?

Н а д е ж д а. На минуту, Павел... (*Ведет его назад в комнату Якова. Тихо.*) Получил?

Л е щ (*недовольно*). Как это неосторожно и некорректно... точно я спрячу эти деньги от тебя, фу!

Н а д е ж д а (*целуя его*). Милый Пашка, не сердись! Пятьсот! да? А ты получишь — двести?

Л е щ. Тише!

Н а д е ж д а. И купишь мне крест из гранат, помнишь, ты обещал? Ты должен подарить мне этот крест: ведь план — мой!

Л е щ. Я, разумеется, сдержу слово! Идем же! Там сядутся за стол... Что за шум?

(Прислушиваются.)

Н а д е ж д а *(удивленно)*. Приехал отец!

Л е щ. Гм... неожиданно!

И в а н *(в столовой)*. Почему меня никто не встретил?

С о ф ь я. Кто же знал, что ты приедешь сегодня?..

И в а н. Но я послал вам телеграмму!

С о ф ь я. Не кричи...

Л е щ. Подождем здесь, пока он остынет.

Н а д е ж д а *(вздыхая)*. Ах, этот комик папка!

И в а н *(в дверях столовой)*. Вы боитесь проехать по улице рядом с человеком, которого злодеи осудили на смерть, хотя человек этот ваш отец, да?

С о ф ь я. Садись, ешь, Иван...

И в а н *(идет в комнату Якова)*. Я не хочу ваших объедков! Надежда, почему меня никто не встретил?

Н а д е ж д а. Мы не знали!

И в а н. Неправда! А, господа! Я понимаю вас! С того дня, как я не служу, — цена мне упала в ваших глазах...

Л е щ. Вы бы поздоровались прежде...

И в а н. Что? Здравствуйте...

Л е щ. Преступник, который...

И в а н. Какой поднял безумную руку на меня, — что он?

Л е щ. Заболел острым расстройством нервов...

И в а н. Это его не оправдает, нет, шалишь!

Л е щ. Ну да, но его нельзя судить...

И в а н. Почему? *(Он опускается на диван. В дверях столовой стоят Петр, Вера, Софья, потом Александр. Из двери за ширмами в комнату Якова взходит Любовь, останавливается у кресла няни, задумчиво гладит рукой ее щеку, старуха что-то бормочет, тихонько смеется, кивая головой, Ле щ и Надежда около Ивана, В столо-*

вой — горничная.) Это поразительно! За то, что я не позволил застрелить себя, — меня бесчестят газеты и даже принуждают уйти со службы... а извергам, убийцам — мирволят, потому что у них, видите ли, слабые первы! И называют это — конституцией! Как жить, спрашиваю я вас, как жить?

С о ф ь я (*уходя в столовую*). Садитесь за стол!

И в а н. Разве пойдет мне кусок в горло!

А л е к с а н д р. А ты выпей водки, и он пойдет.

И в а н. Почему ты не встретил меня на вокзале?

А л е к с а н д р. Ну, брось это!

И в а н (*почти искренно*). Нет, мне обидно... Разве я не заслужил вашего внимания, дети, а?

Я к о в (*из столовой*). Да перестань же, Иван...

Л ю б о в ь (*подходит к отцу, холодно*). Вы скоро кончите эту жалкую сцену?

И в а н (*встает*). Жалкую? (*Ко всем*.) Так она говорит об отце своем, который на службе престолу и порядку...

Л ю б о в ь (*спокойно*). Пропустите меня, я хочу есть...

И в а н. Чей хлеб ты идешь есть, горбатая дрянь?

Я к о в (*кричит*). Иван! Ах, боже мой...

Л ю б о в ь (*спокойно, громко*). Я буду есть хлеб вашего брата.

С о ф ь я. Иван, ты бы постыдился хоть горничной...

И в а н (*оглядываясь*). Как? Что такое?

Л ю б о в ь. Вы не смеете говорить мне грубости...

И в а н (*растерянно оглядываясь*). Это — это новость...

Я к о в (*поддерживаемый под руку Петром, взволнованный, тихо*). Что вы? Вы с ума сошли! Иван!.. Иди... иди!

И в а н (*уходя*). Я не буду есть, если она сядет за один стол со мной...

(*Все идут за ним; Яков, Петр и Любовь остаются одни.*)

Я к о в (*тихо*). Что с тобой, Люба?

Л ю б о в ь (*тихо*). А как ты думаешь?

(*Под ее взглядом он наклоняет голову. Петр подоврительно смотрит на них.*)

И в а н (*в столовой, горестно*). Откуда мог явиться в моей семье этот злой дух вражды?

А л е к с а н д р. Твое здоровье, папа!

(*Яков и Петр молча идут к столу. Любовь осталась одна, оглядывается, кутаясь в свою шаль.*)

Ф е д о с ь я (*наклоняясь в кресле, смотрит на нее с улыбкой, манит к себе и шепчет*). Поди сюда, Любушка, поди сюда... Что он кричит, воевало-то наш?

Л е щ (*в столовой*). С приездом... и за осуществление всех желаний нашей тесной семьи!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Часть столовой — скучный угол со старинными часами на стене. Солидный буфет и большой стол, уходящий наполовину за пределы сцены. Широкая арка, занавешенная темной драпировкой, отделяет столовую от гостиной; гостиная глубже столовой, тесно заставлена старой мебелью. В правом углу горит небольшая электрическая лампа; под нею на кушетке В е р а с книгой в руках. Между стульев ходит П е т р, точно ищет чего-то. В глубине у окна Л ю б о в ь, она встала коленями на стул, держится за спинку и смотрит в окно.

П е т р (*тихо, упрямо*). Мне нужно знать правду...

Л ю б о в ь (*оборачиваясь к нему*). Ты не рассказывай маме о твоей ссоре.

П е т р (*подозрительно*). Почему?

В е р а (*с досадой*). Как ты мне мешаешь, Петька!

Л ю б о в ь. Зачем волновать ее?

П е т р (*упрямо*). А если он был прав, Максимов-то?

В е р а (*горячо, упрекая*). Как тебе не стыдно, Пётр! Ты не смеешь думать о папе скверно!

П е т р (*задумчиво*). Молчи, Верка, ты глупая...

В е р а. А ты — зазнаёшься...

П е т р (*настойчиво*). Почему ты не отвечаешь, Любовь?

В е р а. Познакомился с интересным человеком и задираешь нос...

Л ю б о в ь (*сходит со стула*). Что я тебе отвечу!

П е т р. Ты старшая, ты должна знать... Он кричал, что папа взяточник и трус, и...

В е р а (*вскакивая*). Не смей повторять при мне эти гнусности, а то я скажу маме...

П е т р (*пытливо смотрит на нее*). Иди, скажи! Ну?

В е р а *(бежит)*. И пойду! Думаешь — нет?

Л ю б о в ь *(обеспокоена)*. Вера, не надо! Это — плохо, Петр!

П е т р. Да, плохо, когда про отца так говорят... Любовь, правда, что он приказал избить арестованных и двое умерли? И что этого не нужно было делать?.. Правда?

Л ю б о в ь *(не вдруг)*. Послушай, Петр, я не уверена, что нужно говорить правду...

П е т р. Мне?

Л ю б о в ь. Всем здесь...

П е т р. Почему?

Л ю б о в ь. Мне кажется — это бесполезно.

П е т р *(недоверчиво)*. Правда — бесполезна! Не понимаю...

Л ю б о в ь. Если ты станешь сеять хлеб на болоте — разве он созреет?

П е т р *(подумав, обиженно)*. Ага, ты считаешь меня ничтожеством, да? Ты — злая, ты злишься на весь мир за свой горб...

Л ю б о в ь *(усмехаясь)*. Если бы тебе сказал правду красивый человек красивыми словами — ты, может быть, поверил бы ему, а мне ты неверишь — я горбата. Кассандра, наверное, была уродом, вот почему ей не поверили...

П е т р *(вдумчиво)*. Не путай, это не нужно мне. Всё равно я узнаю. *(Помолчав, печально.)* И прости меня... мне — нехорошо... я тоже злюсь...

Л ю б о в ь *(тихо)*. Тебя — жалко.

П е т р *(угрюмо)*. Но я... не хочу лгать — мне, кажется, никого не жалко! *(Идет.)*

Л ю б о в ь *(серьезно)*. Ты думаешь, молчание — ложь?

П е т р. А что же? Конечно — ложь.

(Любовь стоит среди комнаты, лицо у нее суровое, брови нахмурены. По столовой идет Надежда в капоте, с распущенными волосами.)

Н а д е ж д а. Верка здесь? Вот дрянь девчонка — растаскала все мои шпильки. Что это у тебя такое свиное лицо?

Любовь. Да?

Надежда. Мне страшно подумать, что будет из этой Верки! По-моему, она опасная девочка, так своеправна. Не понимаю, чего смотрит мама. И ты тоже становишься какой-то ненормальной. Впрочем, ты всегда такая была. Ты ничего не делаешь, это вредно! Вот помогала бы маме следить за Верой, право, это нужно...

Любовь. Отец лег спать?

Надежда. Как всегда. А я начала одеваться на вечер к прокурору, да рано еще.

Любовь *(улыбаясь, осматривает ее)*. Тебе не скучно жить, Надя?

Надежда. Н-но! С таким красивым телом, как мое? Скучают только ненормальные люди.

Любовь. Это говорит твой Лещ?

Надежда. У меня есть свой язык.

Любовь. А — мысли?

Надежда. Не трудись напрасно, меня не укулешь... Ага, вот Верка! Ну, я ей покажу, как хватать чужие вещи.

(Надежда быстро уходит. Из двери справа идет Федосья.)

Федосья. Любушка, милая! Александр, озорник, вязанье у меня спрятал куда-то, — поискала бы ты...

Любовь *(берет с дивана вязанье и дает няньке)*. Вот оно.

Федосья. Ишь, бездельник. Нянчила, гадала — богатырь растет, вынянчила — миру захребетника... Вот этак-то и все мы, няньки. Еще ладно, когда дурака вынянчишь, а то всё жулики.

Любовь *(усмехаясь)*. Это верно, няня, не удались тебе питомцы... не удались.

Федосья. Ась? *(Оглядывается, садится у стола, распутывая свое вязанье, и, как всегда, что-то шепчет. По столовой, разговаривая, проходят Петр и Софья, потом Софья садится на кушетку, Петр на пол, к ее ногам. Затем вбегают Вера, садится рядом с матерью, поправляя растрепанную прическу.)*

Петр (*задумчиво*). Мы пили чай, и он говорил, что настанет время, когда люди будут летать по воздуху так же легко и просто, как теперь ездят на велосипедах...

Софья. А о политике вы с ним не говорили?

Петр. И о политике. Он обо всем говорит удивительно интересно.

Софья (*настойчиво*). А что он говорил о политике?

Любовь (*иронически*). Эх, мама, мама! Жена полицеймейстера.

Петр (*вспоминаая*). Я позабыл... Это тоже было хорошо. У него такие умные глаза. Но, мне кажется, он не жалеет людей — он сказал: погибнут сотни сильных, тысячи слабых...

Софья (*тревожно*). Отчего — погибнут?

Петр (*улыбаясь*). Не помню... или, скорее, не понял я...

Софья (*осторожно*). Тебе не кажется, что он — революционер?

Петр (*протестуя*). Нет, мама, что ты!

Софья (*вздыхнув*). Они хитрые, Петя...

Вера (*матери*). Ты поругала Петьку?

Софья (*торопливо*). Да, да... Ну, рассказывай...

Петр. Потом пришла барышня, Наталья Михайловна, и стала говорить о книгах...

Вера (*ласкаясь*). Мама,пусти меня к нему! Ведь вот у него бывают барышни...

Софья. Это неудобно. Я не знаю его.

Любовь. А ты находишь удобным для Веры знакомство с Якоревым?

Софья. Якорева знает отец...

Любовь. Разве это делает его приличнее?

Софья. Подожди, Люба... (*Петру.*) Он знает, что ты сын Коломийцева?

Петр (*не сразу*). Ну, конечно! (*Встает, отходит прочь, сердито бормочет.*) Сын Коломийцева... Ты говоришь об этом, как о заразной болезни...

Вера. Слышишь, мама? Вот дрянь Петька!.. Мама, пригласи его к нам, хорошо?

Софья. Я подумаю.

В е р а. Ах, господи, у нас так скучно! Ходят одни полицейские, притворяются военными...

(Иван вошел в столовую, заложил руки за спину, посмотрел на часы и погрозил им пальцем. Открыл буфет, налил вина, выпил, покачал головой и, расправляя усы, заглянул в гостиную.)

Ф е д о с ь я. Софьюшка, ты бы женила Александра-то! Верочке замуж пора... Детей-то сколько будет, а? *(Беззвучно смеется.)*

(Петр остановился перед ней, смотрит змуро.)

И в а н. Тут есть кто-нибудь?

С о ф ь я. Дети.

И в а н. А ты?

С о ф ь я. Что я?

И в а н. Ты с ними?

С о ф ь я. Ну да...

И в а н. Так ты должна была сказать: я и дети. Почему так темно? Вы знаете, что я люблю свет, огонь!

Ф е д о с ь я *(бормочет)*. В поле выехали, горе выманили, а огнем его печь, востры саблями сечь...

(Петр зажигает все лампы; Софья смотрит печально, Вера робко, Любовь насмешливо.)

И в а н *(медленно шагает по комнате и важно жестикулирует)*. Вынужденное безделье утомляет того, кто привык видеть вокруг себя людей, занятых серьезным государственным делом. Ты почему не учишь уроки, Петр?

П е т р *(внимательно рассматривая отца)*. Я уже кончил.

И в а н. Вероятно, врешь. А завтра тебя, как болвана, оставят без обеда в классе, и отец будет страдать от стыда. Меня удивляет, как вы живете, — никто ничего не делает.

Л ю б о в ь. Научи нас работать.

И в а н. Х-хе! Работать! Что ты можешь?

Л ю б о в ь *(спокойно)*. Я недурно рисую и могла бы, например, делать фальшивые деньги.

И в а н (*шагает к ней*). Я тебя... (*встречая ее взгляд, кончает мягче*) прошу выйти! Петр и Вера — тоже марш! Мне пужно поговорить с матерью.

(*Вера и Петр уходят быстро; Любовь идет медленно, в столовой конец ее шали зацепился за стул, она останавливается. Федосья поднимает голову, смотрит на Ивана, он замечает ее.*)

И в а н. А эта старая сова зачем здесь торчит? Ей в богадельню пора, я говорю!

С о ф ь я. Оставь, Иван...

И в а н (*громко*). Нянька — уйди! Слышишь?

Ф е д о с ь я (*поднимаясь*). Слышу, чай... Не из дерева сделана... (*Идет в столовую.*)

И в а н. Вот что, Софья, я решил заняться благоустройством дома...

С о ф ь я. Чужого.

И в а н (*строго*). Это дом моего брата! А когда Яков умрет — дом будет мой. Не перебивай меня глупостями. Итак, мне, я вижу, необходимо лично заняться благоустройством дома и судьбою детей. Когда я служил, я не замечал, как отвратительно они воспитаны тобой, теперь я имею время исправить это и сразу принимаюсь за дело. (*Подумав.*) Прежде всего, нужно в моей комнате забить окно на улицу и прорезать дверь в коридор. Затем, Любовь должна работать, — замуж она, конечно, не выйдет — кто возьмет уroda, да еще злого!

(*Любовь уже распутала шаль; при словах Ивана о ней она делает движение, видимо, хочет идти в гостиную, тихий голос матери останавливает ее.*)

С о ф ь я. Не забывай, по чьей вине она горбата...

И в а н (*негромко*). Я помню, помню-с! Вы двадцать тысяч раз упрекали меня этим. (*Тише.*) Ты, может быть, сказала ей, и потому она так злится на меня? Сказала?

С о ф ь я (*озлобляясь*). Нет, я не говорила... я не знаю — нечаянно ты уронил ее или бросил нарочно, из ревности. Но нянька... она видела, знает,

И в а н (*зрoзит*). Раз и навсегда — молчать об этом! Я не знаю, кто уронил ее.

С о ф ь я. Ты, — пьяный.

И в а н (*тихо, наклоняясь к ней*). А почему не ты? Как ты докажешь, что не ты? Ага! Ты не бывала пьяной? И прошу не забывать: я не уверен, что Любовь моя дочь, а не племянница.

С о ф ь я (*в лицо ему*). И потому ты бросил ее тогда, да?

И в а н. Молчать!

С о ф ь я. Какое ты имеешь право говорить о моей неверности?.. У тебя были десятки связей...

И в а н. Право? Я — мужчина! Я мог — вот мое право! Я — хотел!

С о ф ь я. А я? Я не могла?

И в а н. А ты — не смела! Но... будет! Любовь должна работать, сказал я, пусть она возьмет место учительницы где-нибудь в селе. Дома ей нечего делать, и она может дурно влиять на Веру, Петра... Дальше. Ковалев не прочь жениться на Вере, но говорит, что ему нужно пять тысяч.

С о ф ь я (*испуганно*). Ковалев? Развратный и больной?

И в а н. А где я тебе возьму здорового и нравственного зятя? Ты нашла мужа Надежде? Она сама нашла его. А Верка не может, глупа. Но она слишком бойка. Ковалев энергичный малый, он скоро будет помощником полицеймейстера или исправником... Ты должна убедить Якова, чтобы он дал эти пять тысяч... и нам, на расходы по свадьбе... (*С усмешкой.*) Он не может отказать тебе... (*Тревожно.*) Ты что... что ты так смотришь? Что такое?

С о ф ь я (*тихо*). Потемнело в глазах...

И в а н (*успокаиваясь*). Лечись!

С о ф ь я (*испуганно, тоскливо*). Я не вижу...

И в а н (*с досадой*). Говорю — лечись! Ведь доктор — свой.

С о ф ь я (*тихо, оправляясь*). Господи... как страшно...

И в а н (*оглядываясь, угрюмо*). У меня тоже темнеет в глазах, когда я выхожу на улицу. Ведь бомбисты

убивают и отставных, им всё равно... это звери! (*Вдруг говорит мягко и искренно.*) Послушай, Соня, разве я злой человек?

С о ф ь я (*не вдруг*). Не знаю...

И в а н (*усмехаясь*). Прожив со мною двадцать семь лет?

С о ф ь я. Теперь всё изменилось, стало непонятно и угрожает. О тебе говорят ужасно... Ты хуже, чем злой.

И в а н (*презрительно*). Газеты! Чёрт с ними...

С о ф ь я. И люди. Газеты читают люди... (*Тоскливо.*) Зачем ты приказал бить арестованных?

И в а н (*тихо*). Неправда! Их били до ареста... они сопротивлялись...

С о ф ь я. И дорогой в тюрьму — били!

И в а н. Они сопротивлялись, пели песни! Они не слушали меня. Ты же знаешь, я горяч, я не терплю противоречия... Ведь это буйные, распущенные люди, враги царя и порядка... Их вешают, ссылают на каторгу. Почему же нельзя... нужно было заставить их молчать.

С о ф ь я. Двое убиты... двое...

И в а н. Что значит двое? Это слабые, истощенные безработицей люди, их можно убивать щелчками в лоб... Солдаты были раздражены... (*Замолчал, развел руками, говорит искренно.*) Ну да, конечно, я отчасти виноват... по — живешь в постоянном раздражении... Другие делают более жестокие вещи, чем я, однако в них не стреляют.

С о ф ь я. Мы говорим не то, что нужно... нужно о детях говорить в это страшное время... ведь оно губит больше всего детей. Те, двое убитых, тоже были еще мальчики...

И в а н (*пожимая плечами*). При чем тут дети?

С о ф ь я. А если они осудят?

И в а н (*возмущен*). Они? Они мне судьи? Дети, кровь моя? Чёрт знает что ты говоришь! Как же они смеют упрекнуть отца, который ради них пошел служить в полицию? Ради них потерял... очень много и наконец едва не лишился жизни...

Л е щ (*из столовой*). Можно?

И в а н. Пожалуйста...

Л е щ (*осматривая обоих*). Пришел Ковалев.

И в а н (*жене*). Иди к нему! Я сейчас! Будь э-э... любезнее с ним и вообще — понимаешь?..

(*Софья молча уходит. Лещ улыбается.*)

И в а н (*недружелюбно*). Что? Вам весело?

Л е щ. Я тоже понимаю.

И в а н (*строго*). Да? Послушайте, почтеннейший, я должен вам сказать, что ваши поступки могут скомпрометировать меня и... очень!

Л е щ (*поднимая брови*). О? Это любопытно.

И в а н. Скажите, вы сколько дали по делу об устройстве Александра на службу?

Л е щ. Триста.

И в а н. Но вы у брата взяли пятьсот!

Л е щ. Факт.

И в а н. И где же двести?

(*Лещ молча хлопает себя по карману на груди.*)

И в а н. Но это — неудобно!

Л е щ. Для меня?

И в а н. Вообще... Представьте — брат узнает!

Л е щ. Кто ему скажет?

И в а н. Да вот я, например, могу проговориться...

Л е щ (*серьезно*). А вы будьте осторожнее! Забудьте этот случай.

И в а н (*смущенно, но с сердцем*). Однако вы таким тоном говорите...

Л е щ. Забудьте, как, примерно, забыли доплатить мне три тысячи приданого за дочерью.

И в а н (*мягче*). На что вам деньги? Ведь есть, достаточно.

Л е щ. Надя находит, что еще недостаточно.

И в а н. Гм... Да... Кстати, нет ли у вас... двадцати рублей?

Л е щ. Это совсем нехстати. И — много.

И в а н (*удивленно*). Почему много?

Л е щ. Двадцать рублей — это двадцать процентов.

И в а н (*хочет рассердиться*). Вы... вы что говорите, милостивый государь?

Л е щ. Я вам дам десять — извольте! Не нужно? Как хотите. Должен сообщить вам новость: дочь рас-сыльного Федякова предъявляет к вам иск на содержа-ние ребенка.

И в а н (*возмущен*). Вот подлая! Да чем же она докажет, что ребенок мой?

Л е щ. Разумеется. Это — недоказуемо. Но будет еще скандал.

И в а н. Какое свинство!

Л е щ. А курьер Трусов думает жаловаться на вас...

И в а н. И он, скотина!

Л е щ. Да. У него лопнула барабанная перепонка от удара.

И в а н (*подумав*). Помните, есть басня — раненый лев, которого лягают ослы? Вот это я — лев!

Л е щ. Возможно.

И в а н (*искренно*). Да, да! Они там боятся, что я снова буду служить, и вот хотят оскандалить меня — дьявольский план завистников... Это — люди!

Л е щ (*протягивая деньги, серьезно*). Горе побеж-денным!

И в а н (*принимая бумажку*). Еще посмотрим! Вы, дорогой мой, должны помочь мне в этих случаях; вы, я знаю, всё можете! У вас великолепная голова.

(*В столовой появляется Надежда, очень нарядная, де-вольте, с крестом из красных камней на голой шее, Стоит и слушает.*)

И в а н. Услуга за услугу — завтра в клубе я по-знакомлю вас с Муратовым, знаете — купец, либерал?

Л е щ. В чем дело?

И в а н. У него в тюрьме племянник, за какие-то брошюры, знакомства... Нужно дать этому племяннику свидетельство о болезни, чтобы его выпустили... я его знаю, славный парень! А брошюры — случайность.

Л е щ (*серьезно*). Если славный малый, надо ему помочь.

И в а н. Дядя его любит и боится за него, Он не пожалеет рублей трехсот...

Л е щ. Мало! Это — политика,

Надежда (*входит*). Нам пора идти, Павел...

Иван (*крутя усы*). Какая дама, а? Семьсот чертей!

Лещ (*уходя*). Я на секунду загляну к дяде Якову...

Иван (*вслед ему*). Вы посмотрели бы на жену, она жалуется на свои глаза... А ты, Надина, всё хорошеешь!

Надежда. Оттого, что нет детей...

Иван (*вздыхая*). Да, Надя, они старят, они уродуют нас, родителей. Дети... как много в этом слове... Из пятерых — только ты радуешь мое сердце.

Надежда (*осторожно ласкаясь*). Бедный мой папка! Тебе стало плохо жить. Раньше ты дарил своей Надеине разные хорошенькие штучки, а теперь стал беденький и не можешь порадовать свое сердце подарком любимой дочурке.

Иван (*огорченно*). Да, чёрт возьми, не могу.

Надежда. Знаешь что? Ты возьми денег у дяди...

Иван. Это испробовано!

Надежда. И подари мне дюжину чулок, помнишь, ты покупал мне шёлковые чулки.

Иван. Помню... Эх, Надя...

Лещ (*входит*). Я готов. (*Ивану, негромко.*) А дела дяди Якова — швах...

Иван (*тихо*). Да ну?

Лещ. Сердце у него очень плохо, очень!

Иван (*озабоченно*). Гм...

Надежда. Ты, папа, должен бы поговорить с ним.

Иван. Поговорить... О чем же? Наследник у него один — я!

Лещ (*многозначительно*). Вы уверены? Идем, Надя...

Надежда (*подставляя отцу щеку для поцелуя*). До свиданья!

Иван (*целует ее*). Желаю веселиться, милая! Иди с богом... (*Оставшись один, он задумчиво подходит к буфету, наливает стакан вина, выпивает и бормочет.*) Поговорить? Н-да...

(*В гостиную справа входит Петр, садится в кресло, закрывает глаза и закидывает голову. Иван смотрит на часы, открывает дверцу, переводит стрелку. Часы бьют во-*

семь. Петр открывает глаза, оглядывается. Иван, на- свистывая «Боже, царя храни», стоит посреди столовой, хмурый и озабоченный. Петр решительно идет к отцу.)

Петр (*взволнованно*). Папа!

Иван. Ну?

Петр. Я хочу спросить тебя...

Иван. Что такое?

Петр. Это очень тяжело и страшно...

Иван (*присматриваясь к нему*). Не мямли!

Петр. Может быть, это даже гадко... но — будь ласков со мной... позволь мне быть искренним...

Иван. Ты всегда должен быть искренним с твоим отцом.

Петр. Я хочу поговорить с тобой как человек с человеком...

Иван (*удивлен*). Ка-ак? (*Вдруг — догадался, схватил сына за плечо, потрянул его и говорит упрекающим шёпотом.*) Ты — заболел? Уже заболел, скверный мальчишка, а? Ах, развратная дрянь, — уже?

Петр (*возмущен*). Оставь меня... ты не понимаешь... я здоров!

Иван (*отпуская его*). Врешь?!

Петр (*тихо*). Прошу тебя, папа, оставь!

Иван (*досадливо*). Так что же ты тут городил, дурачина? Ну, говори, в чем дело!

Петр. Потом... я уже не могу сейчас...

Иван. Без фокусов, ну?

Петр (*быстро идет в гостиную*). Не могу!

Иван (*строго*). Стой! Я говорю — стой!.. (*Смотрит на часы и успокаивается.*) Жаль, что нет времени поймать тебя...

(Держась за стену и стулья, идет Яков.)

Иван (*смотрит на брата, с сожалением чмокая губами*). Что, брат, плохо служат ноги, а? Да, брат, старикашки мы с тобой! Так сказать — два воина, уставшие от битв...

Яков (*очень взволнован; говоря, он заикается*). Послушай... я вышел на твой голос...

И в а н (*извиняясь*). Да, я тут крикнул. Нельзя, знаешь, — отец! Ты — сядь. Ты помнишь, — два гренадера... (*Растроганно, но фальшиво поет.*)

Во-о Францию два гренадера
Из русского плена брели...
И об-ба они...

(*Забыл слова.*) Да-а... Но, извини, Яша, я ухожу...

Ф е д о с ь я (*идет*). Чего ты, Яша, ходишь один, упадешь еще... ах ты...

Я к о в. Пожалуйста, останься — я прошу!.. Мне нужно поговорить с тобой...

И в а н (*взглянув на часы*). Не могу, дружище! Мне необходимо нужно идти, да...

Я к о в. Это важно... Я хочу говорить о Любе...

И в а н (*нахмурясь*). Гм... Ты так слаб сегодня. Мне тоже нужно о многом говорить с тобой... о детях... и еще разное там... (*Решительно.*) Но — не сегодня! Завтра, Яков! Да, завтра, друг мой! (*Уходит, прежде чем брат успеет сказать ему.*)

Я к о в (*вслед*). Иван, может быть, завтра я... (*Махнув рукою, идет к себе.*)

Ф е д о с ь я. Опять пошел вокруг себя! (*Идет, вяжась тащится за нею.*) Прожил век камнем — ни росту, ни семени — чего искать теперь? Клады ищут — по полям рыщут... А я гляди за вами... стереги да береги... (*Уходит.*)

(*В гостиную быстро вбегает Вера, она тащит за руку Якова. Это молодой человек в форме околоточного, красивый. Следом за ними идет Петр, угрюмый и нервный.*)

В е р а. Садитесь и продолжайте.

Я к о р е в. Вам не боязно?

В е р а. Всё героическое немножко страшно, но — так и следует!

Я к о р е в. Верно. Ну-с, так, значит, он выстрелил в меня, я тотчас же ответил ему из моего нагана и бросился на землю, чтобы лежа лучше стрелять, и стараясь

попасть ему, pardon¹, в живот, чтобы нанести тяжелую рану. После третьего выстрела один из нападавших, впоследствии оказавшийся учеником художественной школы Николаем Уховым, был мною ранен легко в колено...

В е р а (*махая руками*). Не так, не так!

Я к о р е в (*удивленно*). Помилуйте, что вы? Сложите с протоколом... я вам принесу копию!

В е р а (*убежденно*). Не надо говорить так, как в протоколе! Не надо, понимаете?

Я к о р е в (*усмехаясь*). Но если отступить от него, тогда будет неправда!

В е р а (*топая ногой*). Ах, какой вы! Петр, объясни ему, как надо рассказывать страшное...

П е т р (*недовольно*). Тебе, Якорев, пора бы перестать об этом...

Я к о р е в. Почему же? Странно.

П е т р. Нечем тут гордиться...

В е р а. Неправда, Петька!

Я к о р е в (*обижен*). Как нечем? Я подвергал жизнь опасности, и ты, дворянин, должен понимать...

П е т р. А я — не понимаю. Не хочу. А если пойму, так, может быть, не подам тебе руки...

В е р а. Петька, что такое?

Я к о р е в (*вставая*). Ты стал зазнаваться, Петр. Если ты гордишься тем, что кончаешь гимназию, а меня исключили, то я считаю себя оскорбленным...

В е р а (*радостно*). Bravo! Вот видите, Якорев, вы можете говорить, как настоящий герой, благородно, горячо...

Я к о р е в (*повышая тон*). Твое поведение я называю свинством.

В е р а. Ай, не надо ругаться!

П е т р (*равнодушно*). Иди ты к чёрту! Очень мне нужно знать, как ты думаешь о моем поведении... Перестрелял каких-то мальчишек — а стрелял со страха...

В е р а. Врешь, Петька!

Я к о р е в (*возмущен*). Я? Со страха?

¹ извините (*франц.*).

Петр (*лениво*). Конечно. Испугался и давай палить без всякой надобности...

Якорев (*угрожая*). Это, мой друг, слова серьезные.

Петр (*сестре, насмешливо*). Его под суд надо отдать, а ты, дура, восхищаешься — герой!

Вера (*растерянно*). Да, герой... он — герой, только не умеет рассказывать...

Якорев. Я ухожу, Вера Ивановна! С тобой, Петр, я поговорю после! Я тоже — дворянин...

Петр (*усмехаясь*). Дуэль, что ли?

Вера (*в тихом восторге*). Нет? Якорев, неужели дуэль? Петя, милый!

Якорев (*многозначительно*). Я посмотрю... подумаю... (*Идет.*)

Вера (*проводя его*). Прекрасно, Якорев, вы — благородная душа! Это правда — Петька загордился. Он познакомился с каким-то господином, может быть — революционером, и с той поры...

(*Уходят. Петр подходит к буфету, наливает водки, пьет. Из своей комнаты, торопливо, как только может, идет Яков.*)

Яков. Дай мне воду, Петя.

Петр. Это — водка.

Яков. Водка? Зачем ты пьешь?

Петр. Так. Должно быть, от зубной боли.

Яков. Э-эх, Петя! Дай скорее воды...

Петр (*подавая воду*). Кто-нибудь плачет?

Яков. Да.

Петр. Мама?

Яков (*уходя*). Люба...

Петр. Давай, я снесу воду...

Яков. Нет. Ты не ходи туда...

Петр (*грубовато*). Я не собираюсь...

(*Входят Софья и г-жа Соколова — седая дама с измученным лицом, держится прямо, говорит негромко, с большой внутренней силой, и невольно внушает уважение к себе.*)

Соколова. Вы понимаете, зачем я пришла?

Софья (не знает, как себя держать). Я получила ваше письмо... Петя, пожалуйста, оставь нас...

(Пристально глядя в лицо Соколовой, Петр подвигается к ней, она тоже смотрит на него. Петр, поклонясь, хочет протянуть ей руку, Софья становится между ними.)

Софья (суетливо). Прощу тебя, Петя! Пожалуйста, садитесь...

(Петр уходит.)

Соколова (не села. Говорит сначала твердо, под конец не может сдерживать волнения, но голос ее звучит властно). Я пришла сказать, что мой сын не виновен, он не стрелял в вашего мужа — вы понимаете? Мой сын не мог покушаться на жизнь человека... он не террорист! Он, конечно, революционер, как все честные люди в России...

Софья (повторяет, ударяя на слове «честные»). Как все честные люди?

Соколова. Да. Вам это кажется неправдой?

Софья (не сразу). Я не знаю.

Соколова. Супруг ваш ошибся, указав на него. Ошибка понятна, если хотите, но ее необходимо исправить. Сын мой сидит в тюрьме пятый месяц, теперь он заболел — вот почему я пришла к вам. У него дурная наследственность от отца, очень нервного человека, и я — я боюсь, вы понимаете меня? Понятна вам боязнь за жизнь детей? Скажите, вам знаком этот страх?

(Она берет Софью за руку и смотрит ей в глаза. Софья растерянно наклоняет голову, несколько секунд обе молчат.)

Софья (с напряжением). Мы получили заявление террористов... они отрицают участие вашего сына...

Соколова. И этого, я думаю, достаточно для порядочного человека, чтобы признать свою ошибку...

Софья (тихо). Не говорите со мною... так строго!

Соколова (не сразу). Я прошу извинить меня.

С о ф ь я (*вздыхая*). Мне кажется, мы можем говорить иначе...

С о к о л о в а (*наклоняясь к ней*). Да, как две матери... Ведь я не ошибаюсь, чувствуя, что вы убеждены в ошибке вашего мужа, что у вас есть желание помочь мне?

С о ф ь я (*волнуясь*). Да! Да, я хотела бы... очень хочу! Я не верю, что стрелял ваш сын, я и раньше сомневалась, но теперь — вижу вас — не верю!

С о к о л о в а (*жмет ей руку*). Вы — мать, вы не можете ошибаться, когда речь идет о судьбе сына...

С о ф ь я (*пугливо, недоверчиво*). Не могу ошибаться, я?

С о к о л о в а (*просто*). Мать всегда справедлива, как жизнь...

С о ф ь я (*болезненно усмехаясь*). О, это неверно! Это... красиво сказано, но, боже мой, я — справедлива?

С о к о л о в а (*настойчиво*). Мать справедлива, как жизнь, как природа... Все дети близки ее сердцу, если это здоровое сердце...

С о ф ь я (*грустно*). А! Вот видите — здоровое сердце...

С о к о л о в а. Мать — враг смерти. Вот почему вы хотите помочь мне спасти сына...

С о ф ь я (*тоскливо*). У меня — тоже дети, и они — тоже хорошие, поверьте мне! Я первый раз вижу ваше лицо, но мне кажется — я давно знаю вас... Это странно, но я чувствую вас, как сестру...

С о к о л о в а (*просто*). Мы все сестры, когда нашим детям грозит опасность.

С о ф ь я (*сильно волнуясь*). Как странно вы говорите... Вы — сильная.

С о к о л о в а. Я — мать...

С о ф ь я. О! Я хочу спасти вашего сына... Может быть, это научит меня помочь моим детям... Но — могу ли я? Сумею ли?

С о к о л о в а. Я приду послезавтра утром — хорошо? Убедите вашего мужа выслушать меня спокойно...

С о ф ь я. Убедить мужа? (*Тихо*.) Что вы думаете об этом человеке? Это — очень дурной человек, да?

Соколова (*спокойно*). По всему, что я знаю о нем, — да, очень...

Софья (*виновато улыбаясь*). Мне сорок пять лет — я смешна и жалка, правда? Так спрашивать о человеке, с которым прожила всю жизнь, — глупо? У меня взрослые дети...

Соколова (*мягко*). Но давно ли вы почувствовали себя матерью?

Софья. О, мне было восемнадцать лет, когда...

Соколова. Я говорю о чувстве духовного родства с детьми...

(*Софья испуганно смотрит в лицо ей и отрицательно качает головой, видимо, не понимая слов Соколовой.*)

Соколова (*после паузы*). Простите меня, я строила вас...

Софья (*тихо*). Нет, не то...

Соколова (*идет*). Один вопрос: ваш сын хотел поздороваться со мной, мне показалось — вы помешали этому... зачем?

Софья. Не знаю... Может быть, побоялась. Люди всегда так охотно обижают друг друга...

Соколова. Какие грустные глаза у него...

(*Обе уходят. В столовой появляется Петр, возбужденный, смотрит вслед им. Входит Александр, в форме и в шапке.*)

Александр (*сердито*). Отец дома?

Петр. Уехал в клуб.

Александр. Где мать?

Петр. Зачем тебе?

Александр (*кричит*). Что за вопрос?

Петр (*с досадой, но мягко*). Ну, не ори! Какой ты странный...

Александр. Что?

Петр. Зачем казаться хуже, чем есть?

Александр. Что за дерзости?! Я тебе уши надеру, осел!

Петр (*отступая*). Александр, послушай...

Софья (*быстро входит*). Оставь!

Александр (*возмущенный*). Он говорит мне дерзости!

Софья (*взволнованно*). Ты не имеешь права драться!

Петр. Он, мама, хочет набить себе руку для практики по службе.

Александр. Слышите? Если вы не умеете воспитывать его, отцу нет времени, так должен я, по старшинству... Ступай вон, ты!

Петр (*уходя, с усмешкой*). Иду, брат мой... милый мой брат...

Александр. Поговори еще!.. Послушайте, мамаша, вы поставили меня в идиотское положение: я должен угостить товарищей, отпраздновать свое вступление в их среду, а где же деньги? Где деньги, спрашивается?

Федосья (*идет*). Сонюшка, иди-ка...

Софья (*тихо и мягко*). Саша, денег нет! Всё, что можно было заложить, — заложено...

Александр. Но вы должны понять, что не могу же я брать взятки с первых дней службы!.. Вы обязаны избавить меня от этой необходимости, а не толкать к ней...

Софья (*тихо, с тоской*). Что же мне делать, что? Голубчик Саша...

Федосья. Сонюшка, там Люба плачет.

Александр. Мне надоели жалкие слова, я говорю серьезно!

Федосья. Ты, басурман, сними шапку-то! Перед матерью надо как перед иконой стоять... а ты — ишь, выпялился!

Александр (*срывая шапку*). Уйди ты к...

Софья. Ты говоришь плохо, Александр! Ведь перед тобою — мать!

Александр. Нужно помнить не то, что вы моя мать, а что я — ваш сын — имею право на вашу помощь. Неужели вам непонятна ваша обязанность помочь мне встать на ноги? Необходимо по крайней мере двести рублей; от этого зависит ход моей службы, карьера, достойная дворянского имени и чести.

Софья (*усмехаясь*). Ты — умный, Саша! Ты очень убедительно говоришь...

Александр (*возмущаясь*). Нет, вы бросьте эти

façons de parler...¹ Мне нужны деньги, а всё остальное, pardon, комедия!

Софья. Александр! Опомнись же... Где я возьму денег?

Александр. У дяди, это ясно!

Софья. Мы его обобрали уже... Мне стыдно просить.

Александр *(со злой иронией)*. Как стойко вы защищаете интересы дяди Якова! Parole d'honneur² — это может показаться подозрительным кому-нибудь...

Софья. Что? Что ты говоришь?..

Александр. Э, полноте! К чему тут драматический шёпот? Я — не мальчик...

Софья *(с ужасом, тихо)*. На что ты намекнул?!

Александр. Какие там намеки! Я знаю — дядя не может отказать вам.

Софья. Почему? Саша, почему?

Александр *(чувствуя, что он зарвался)*. Ну, вы это знаете...

Софья *(вдруг, твердо)*. Тебе сказал отец? Неужели он сказал тебе?

Александр *(успокоительно)*. Ну да! Вы знаете — папа болтлив. Но ведь ничего страшного нет во всем этом... Какая женщина не увлекалась?..

Софья *(гневно)*. Молчать!

(Александр испуганно встает. Он впервые видит гнев матери и удивлен.)

Софья. Твой отец... Ты понимаешь...

Александр. Это мне не интересно...

Софья. Ты понимаешь — кто твой отец?

Александр *(уходя)*. Нет, вы меня избавьте... у меня есть свои задачи...

Софья *(стоит, точно каменная, с ужасом на лице смотрит в угол и спрашивает тихо)*. Это ты, господи? Твоя всесильная рука? За что же? За что?

Федосья. Чего он расходился, а? Сонюшка!

Софья *(тихо и точно ребенок)*. Няня... няня...

¹ церемонии *(франц.)*.

² честное слово *(франц.)*.

Федосья. Зачем, бишь, я пришла, Совюшка...
Вот, последенький мой...

(Идет Петр. У него лицо светлое, удивленное, он как-то выпрямился.)

Петр *(осторожно подходя к матери)*. Мама, прости меня, я слышал, что говорила эта женщина... не всё, но слышал... ты не сердись...

Софья *(глухо)*. Подожди...

Петр *(не замечая состояния матери, ходит по комнате, возбужденный)*. Какая она величественная, а? Вот — мать, да!

Софья. Как? Что ты сказал?

Петр. Вот мать, сказал я. Точно из другого мира.

Софья *(тихо)*. Это упрек мне?

Петр *(быстро)*. Нет, мама, ей-богу, нет! Это я... так, просто...

Софья. Ты меня любишь?

Петр *(просто, думая о чем-то другом)*. Конечно, мама!

Софья *(громко)*. За что?

Петр *(так же)*. Люблю, а за что — как это скажешь? Но какая она удивительная, не правда ли? Она — гордая, мама! Мама, познакомь меня с нею, мне так хочется быть знакомым с хорошими, с другими людьми.

Софья *(печально)*. С другими, с хорошими?

Федосья. Не люблю я его, Александра-то!

Петр *(сконфужен)*. Ты, мама, неверно поняла... я не о тебе думал...

Софья. Милый мой мальчик — я заслужила...
Куда вы? Что такое?

(Любовь ведет под руку Якова, лицо у нее суровое, усталое. Яков взволнован, он умоляюще смотрит в лицо Любви. Видя их, Софья невольно встает.)

Яков *(тихо)*. Тише, Люба, дорогая моя... ты оцени этот момент... ты задумала, я не знаю, право, что

это будет... Вот, Соня, она ведет меня... Петя, голубчик, на минуту уйди, прошу тебя...

Ф е д о с ь я. Опять этот выполз, ах какой! Сонюшка, Люба-то всё плачет, вот я зачем пришла...

П е т р (*уходя, хмуро*). Идем, нянька...

Я к о в. Мы должны поговорить... решить один вопрос, извини... Соня, она всё знает, Люба... я говорил тебе — она всё поняла...

С о ф ь я (*села. Глухо*). Ну что же, Люба... Ты... Чего ты хочешь?..

Л ю б о в ь (*тихо*). Мама, он мой отец?

Я к о в (*тоже тихо*). Нужно ответить, Соня.

Л ю б о в ь. Это мой отец?

С о ф ь я (*опуская голову, тихо*). Я не могу сказать... ни — да, ни — нет...

(Все трое молчат. Любовь опустилась на пол, положила голову на колени матери. Яков стоит, держась за спинку стула. Потом говорят всё время тихо, как будто в доме кто-то умер.)

С о ф ь я. Я только так скажу: были в моей жизни светлые, чистые дни — это дни твоей любви, Яков...

Я к о в. Нашей любви...

С о ф ь я. Только однажды я была человеком, свободным от грязи, — во дни твоей любви.

Я к о в. Соня, нашей любви!..

С о ф ь я. Разве я тебя любила, если не пошла с тобой, когда ты звал? Я променяла любовь на привычку — вот я наказана за это...

Л ю б о в ь (*твердо*). Мама, мой отец — он! Я это знаю.

Я к о в. Да, Соня. Она — знает!

С о ф ь я (*осторожно лаская дочь*). Пусть так... но что же дальше?

(Молчат.)

Ф е д о с ь я (*улыбаясь, смотрит на них*). Вот и побеседуйте дружненько...

Л ю б о в ь (*тихо, с отчаянием*). Мама, зачем я урод?

Я к о в (*ласково и грустно*). Ты не должна бы пом-

нить об этом в святую минуту, когда воскресла умершая любовь...

Л ю б о в ь (*холодно*). Нет минуты, когда бы я не чувствовала своего уродства, отец!

С о ф ь я (*медленно*). И у меня нет теперь такой минуты...

Л ю б о в ь. И разве это любовь воскресла, отец? Нет, это обнаружилась ошибка, может быть, и...

Я к о в (*умоляюще*). Не будь жестокой, Люба!

С о ф ь я. Ты думаешь, она не выстрадала права на это?

Л ю б о в ь (*тихо, печально*). Мама, мама... как мне тебя жалко!

(Подавленно молчат.)

Ф е д о с ь я. А ты бы, Яша, смешное что рассказал... Помнишь, как, бывало, вы с Андрюшей Рязановым комедию играли... и Сонюшка тоже... еще тогда Люба не родилась, а Надя корью болела... а полковник Бородулин, крестный-то ее, в ту пору...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Столовая, большая уютная комната. На столе остатки завтрака, вокруг стола беспорядочно разбросаны стулья. И в а н, в тужурке, ходит по комнате, С о ф ь я моет чайную посуду, Ф е д о с ь я убирает ее в буфет.

И в а н. Что — она приличная женщина, эта Соколова?

С о ф ь я. К ней чувствуешь уважение.

И в а н (*скептически*). Ну, уважение! (*Подумав.*) Однако надо будет надеть новый мундир.

С о ф ь я. Он в ссудной кассе.

И в а н. Ф-фу, чёрт! Вы скоро и меня туда стащите!

С о ф ь я (*спокойно*). За нас с тобой там не дадут ни гроша.

И в а н. Без иронических шуток! Кто разорил меня? Твои наряды и капризы!

С о ф ь я (*сдерживаясь*). А также твоя игра, твои любовницы и кутежи...

И в а н (*останавливаясь, смотрит на нее, пожимает плечами, говорит спокойно*). Я не хочу споров; мне нужно встретить эту женщину вполне корректно, моя беседа с нею, вероятно, будет известна всему городу, а если бы не это, ты, моя милая (*грозит ей пальцем*), услышала бы несколько теплых слов...

Ф е д о с ь я (*бормочет*). Зарычало воевало...

И в а н. Характер у тебя становится невыносим. Ты груба, как прачка, и зла, как чёрт, которому прижали хвост. Я слишком устал для того, чтобы терпеть твои выходки, я требую покоя! Я должен беречь свои силы для детей...

С о ф ь я (*холодно*). Ты погубил детей!

И в а н (*грубо*). Не смей говорить так!

С о ф ь я (*вздыхая, твердо*). Мы с тобой погубили детей, да! Посмотри, как они несчастны...

И в а н. Ага, твоя горбунья! Но мои дети — уважают меня!

С о ф ь я. В Петре зреет отвращение к нам... Надежда — чувственное животное, без ума и сердца...

И в а н. Как ты. Ты была такой же!

С о ф ь я. Александр развращен тобой, Вера — бедная, глупая девочка...

И в а н. Ты не умела воспитать их, ты!

С о ф ь я. Я знаю, в чем я виновата.

И в а н. Чего ты хочешь от меня, скажи, чего?

С о ф ь я (*бросая полотенце*). Слушай, ты десять лет боролся против детей...

Ф е д о с ь я. Ну вот, начали...

И в а н (*усмехаясь*). Что такое?

С о ф ь я (*сильнее*). Обыскивал, хватал, сажал в тюрьмы — кого?

И в а н (*изумлен*). Это — либерализм, что ли? Ты бредишь! Старуха, не смей меня!

Ф е д о с ь я. Сто лет ругаетесь... уж пора бы устать.

С о ф ь я (*тоскливо*). Ты убивал мальчиков. Одному из убитых было семнадцать лет. А девушка, которую вы застрелили во время обыска! Ты весь в крови, и всё это кровь детей, кровь юности, да! Ты сам не однажды кричал: они мальчишки! Помнишь?

И в а н (*испуган, недоумевает*). Софья, что с тобой? Это ужасно!

С о ф ь я. Да, ужасно!

И в а н. Ты собрала всю клевету и ложь... Да разве только одни молодые идут против порядка? Наконец, ты говоришь опасные вещи! Если тебя услышат Петр и Вера...

С о ф ь я. Из трусости или со зла — ты сделал подлость...

И в а н (*теряется*). Софья, я — дворянин, я не позволю...

С о ф ь я. Ты указал на юношу, который будто бы стрелял в тебя... ты знаешь, видел — это стрелял он? Он?

И в а н. А, понимаю! Тебя настроила его мать...

Софья. Ты скажешь по чести, вот здесь, перед образом, мне в глаза, что он стрелял?

Иван (*гневно*). Довольно! Я всё понял! Я ей — покажу!

Федосья. Охо-хо... Разбодрился кум, растерявши ум...

Софья (*подошла к мужу*). Иван, ты должен сказать жандармам, что ты ошибся, не этот юноша стрелял в тебя — ты скажешь!

Иван (*испуган ее тоном*). А... если не скажу?

Софья. Скажешь! Христа ради прошу...

Иван. Это отвратительно! Но если я уверен в его вине?

Софья. Неправда! Я не к сердцу твоему обращаюсь — бесполезно кричать в пустоту, — я говорю тебе: или ты сознаешься в своей ошибке, или я расскажу о тебе Петру и Вере... Ради детей, Иван!

Иван (*колеблется*). Это насилие надо мной! Это безумие!

Софья (*слабей*). Сделай, как я говорю, — ты сам себе покажешься лучше, честнее...

Иван (*отмахиваясь от нее*). Довольно! Мне, конечно... да чёрт с ним, с этим прохвостом. Действительно, я не уверен, что он стрелял... но ведь кто-нибудь стрелял же! Я, наконец, допускаю — не он! Но все-таки устраивать мне такую сцену из-за пустяков — это безумие, Софья!

Софья (*утомлена напряжением, тихо*). Вся моя жизнь — безумие... и твоя тоже...

Федосья (*бормочет*). Нянчила-водила, всю си-лушку убила...

(Петр идет.)

Иван (*пожимая плечами*). Откуда это у тебя? Гм... Что тебе нужно, Петр?

Петр. Ничего.

Иван. Гм... Почему ты не в гимназии?

Петр. Не пошел туда. А вы — ссорились?

Иван (*вскипая*). Ты смеешь так спрашивать?..

Софья (*слабо*). Петя, не надо...

Петр (*спокойно*). А почему не смею, папа?

И в а н. Видишь, Софья? Ага!

П е т р (*грустно улыбаясь*). Разве мне всё равно, как живут мой мать и отец?

И в а н (*не знает, как ему отнестись к сыну*). В-первых, ты — еще мальчик...

П е т р. И так далее... Скажите, правда, что Веру решено выдать замуж за Ковалева?

И в а н (*изумленно*). Постой... тебе какое дело?

С о ф ь я. Это еще не решено, Петя.

П е т р. А Верка плачет, бедная!

И в а н (*пожимая плечами*). Я ничего не понимаю!

П е т р. Папа, ты называл Ковалева мерзавцем...

И в а н. Я? Когда?

П е т р. Не однажды.

И в а н (*смотрит на жену и сына*). Это — что? Допрос? Отцу? Мне? Нет, господа, до этого я... вы не до-росли... (*Уходит.*)

Ф е д о с ь я (*усмехаясь*). Ну, всё высыпал, пошел еще копить...

П е т р (*помолчав*). Детям не принято отвечать на их вопросы, я забыл...

С о ф ь я (*задумчиво*). Тут, я думаю, есть... некото-рый смысл...

П е т р. Я хотел бы спросить отца — честный ли он человек?

С о ф ь я (*тревожно*). Не говори так, Петя, не говори!

П е т р. Почему? Потому, что это мучает тебя? Мама, ведь бесполезно мучить людей, не правда ли?

С о ф ь я (*быстро*). Да! О да! (*Подумав и тише.*) А может быть, нет...

П е т р (*мягко*). У тебя «да» и «нет» живут удиви-тельно дружно: они всегда вместе! Это — удобно?

С о ф ь я (*тихо*). Мучительно и страшно, Петя!

П е т р. Мне тоже кажется, что мучительно... Я, мама, больше не пойду в гимназию...

С о ф ь я. Но как же? Надо же учиться!

П е т р. Но чему же, мама, учиться? Самое ценное, что я узнал там до сей поры, это про отца... о нем я уже знаю достаточно... достаточно для того, чтобы...

С о ф ь я. Петя, ради бога! Молчи!

Петр. Хорошо! Хотя — бог... Что такое бог, мама? Ты знаешь?

Софья (*с отчаянием*). Я ничего не знаю... ничего, родной мой!

Петр (*помолчав*). Всё это странно. Ты не любишь отца, не уважаешь его, но ты останавливаешь меня, когда я хочу сказать о нем то, что думаю. Почему? Почему так, мама? Ведь ты же сама рассказала мне о нем!

Софья. Я не должна была делать этого!..

Петр. Чтобы не мучить меня? Как мы, однако, жалеем друг друга! Но, мне кажется, наша жалость — самое плохое, что можно выдумать, мама.

Софья (*тихо*). Может быть, ты прав, мой друг... да!

Петр. Твой друг? Первый раз слышу это... (*Помолчав — Федосье.*) Няня, ты смерти боишься?

Федосья. А тебе какое дело?

Петр. Боишься?

Федосья. А тебе что? Не твое это дело!

Петр. Мне хочется знать...

Софья. Петя, перестань...

Федосья. Бояться мне нечего — я смерть не обидела, никого не обидела. А ты не заигрывай, молодец еще шутки шутить...

Софья. О боже мой...

Петр (*тихо*). Ты, мама, скажи отцу, что я не буду ходить в гимназию. Мне говорить с ним... трудно, мы плохо понимаем друг друга... Скажи — я дал пощечину Максиму, когда он назвал отца зверем и подлецом... Теперь я понимаю, что незаслуженно обидел этого мальчика... Хотя он не прав — какой же зверь отец? (*Медленно и задумчиво.*) Какой он зверь...

Софья. Это несчастный, слабый человек...

Петр. Который всю жизнь командовал людьми, говорит дядя Яков. Оставим это, а то мне хочется говорить о жизни, в которой командуют несчастные, слабые люди... и о людях, которые позволяют командовать собой... и — как назвать таких людей? Я спрошу об этом у Кирилла Александровича.

Софья (*думая о чем-то другом*). Кто это?

Петр. Я говорил тебе о нем... еще ты назвала его воздухоплавателем, помнишь? Я тоже хочу быть воздухоплавателем — летать мимо воздушных замков... Верка идет... Смотри, мама, какое у нее смешное лицо.

Вера (*возбужденно*). Мама, было бы тебе известно — я убегу из дому, но замуж за этого болвана не пойду!

Софья. Ведь ничего еще не решено, Вера... Я не успела поговорить с отцом.

(*Петр подошел к буфету, налил себе вина и пьет; этого не замечают, он стучит стаканом, крикает.*)

Вера. Не успела! И не успеешь! И он тебя не будет слушать...

Софья. Ты напрасно горячишься!.. Петя, зачем?

Вера. Напрасно? Благодарю вас! Мне приказывают: Вера, будь женой краснорожего, лысого, с большим животом и зелеными усами,— а я что же? Должна сказать — тегсі да поцеловать папину ручку?

Иван (*в мундире, с орденами*). Что? Жаловаться прискакала? Не поможет! Я решил...

Вера (*сквозь слезы*). Вы, папа, заметили, что у него зеленые усы?

Иван. Ну, не шали! Будь умной. Смотри: муж Надежды тоже некрасив, а она — счастлива! Это серьезно,— брак!

Вера. Да, да, усы, серьезно, зеленые! Вы подарили бы ему своей краски для волос...

Иван. Моей... Что такое?

Вера. У вас хоть лиловая, это оригинальнее...

Иван (*тихо, но грозно*). Ты с кем шутишь, девочка, а?

Петр (*выходя из комнаты*). Мама, возможен трагический балаган?

Иван (*кричит*). Софья, чёрт возьми! Ты должна наказать ее! Что вы — издеваетесь надо мной?

Федосья (*ворчит*). Заорали! Заплакали! Ах, неугомонные! (*Идет прочь.*)

Вера (*плачет*). Это ты издеваешься надо мной! Ну, зачем тебе Ковалев, зачем? Ведь достаточно одного Леща, чтобы всё в доме было противно!

Софья. Вот ты говорил, что дети любят тебя...
Вера. Да, папа, мы тебя любим... но мы не полицейские солдаты...

Иван (*растерянно смотрит на всех*). Прямо заговор, заговор против отца!

Любовь (*входит*). Мама, тебя зовет отец... Что с тобой, Вера?

Вера. Ты знаешь...

Иван (*удивлен*). Отец? Какой отец?

Любовь. Ты напрасно плачешь, Вера...

Иван. Прощу не поучать ее! Вера, марш отсюда! Нет, ты останься, Любовь... да...

Любовь. Что вам угодно?

Иван. Дай мне сообразить...

(Смотрят друг на друга; Иван — видимо, не понимая, зачем он ее остановил, Любовь — спокойно ожидая.)

Иван. Ты сказала — отец... Это кто же?

Любовь. Мой отец.

Иван (*растерянно*). Ага-а... да! Значит, мы с тобой — чужие?

Любовь. Мы не были родными.

Иван. Да, ты относилась ко мне враждебно!

Любовь. Я немного умнее других.

Иван. Ты... ты удивительно злой человек!

Любовь. Как все уроды.

Иван (*возбуждаясь, с пафосом*). Это ты привила моим детям дух противоречия, ты научила их не уважать меня... и даже мать довела почти до безумия... несомненно — ты! Теперь всё ясно, я вижу всюду твою мстительную руку...

Любовь. У вас похоже на мелодраму.

Иван (*убеждая сам себя*). Я долго думал — где зло?

Любовь. Вы бы давно могли найти его, если бы однажды взглянули на себя серьезно...

Иван. Нет, подожди...

Любовь (*спокойно*). Послушайте, нам не о чем говорить.

Иван (*озабоченно*). Но что же теперь будет?

Л ю б о в ь. Я уйду отсюда.

И в а н. Уйдешь? Гм... Куда?

Л ю б о в ь. Это уж мое дело. Нам не за что благодарить друг друга, не так ли? (*Идет.*)

И в а н (*смотрит вслед ей, грустно качает головой и искренно бормочет*). Какая злоба, а? О боже мой... Вот где находит пищу анархия и прочее... Вот оно... Как я одинок, боже мой! Как я одинок, господи!

Н а д е ж д а (*входит*). Ты здесь, мой милый воевода? Что это ты бормочешь? Молишься?

И в а н. Эх, Надя, Надя! Не смейся над этим.

Н а д е ж д а (*весело*). Молись, отец! Тебе есть за что благодарить бога.

И в а н (*грустно*). Он меня забыл...

Н а д е ж д а. Представь — нет еще!

И в а н (*задумчиво*). Ты что-нибудь знаешь?

Н а д е ж д а. Кажется, тебе дадут место исправника...

И в а н (*гордо ударив себя в грудь*). Я, Коломийцев, полицеймейстер, — в исправники? Никогда!

Н а д е ж д а. Ах, папа, какой ты, в сущности, ребенок!

И в а н. Надежда, — ни за что!

Н а д е ж д а. Милый, гордость — прекрасна, но надо же кушать! И как это вкусно — кушать с гордостью заработанный кусок хлеба...

И в а н. Я всегда так ел мой хлеб!

Н а д е ж д а. И выкормил им твою Надю... Знаешь что? Сделай так, как делали какие-то рыцари, — шаг назад...

И в а н (*соображая*). В исправники... гм...

Н а д е ж д а. И сразу — два шага вперед!

И в а н. Два? Два — вперед?

Н а д е ж д а. Ну да — два!

И в а н. Это, знаешь, идея! Ого? В наше время, когда энергичный человек — всё, это возможно!

Н а д е ж д а. Не глупо, папка?

И в а н (*вздыхая*). Д-да! Ты — просто прелесть! Счастливец этот Лещ, будь ему неладно!

Н а д е ж д а. Зачем желать ему дурного? Он так старается для тебя.

И в а н (*весело*). Ну-ну-ну! Ты что — серьезно влюблена в него?

Н а д е ж д а. Это мой секрет.

И в а н (*подмигивая*). А ведь он рожа, между нами говоря!

Н а д е ж д а (*притворяясь обиженной*). Папка!

И в а н. Сазан какой-то, а не мужчина. Скажи, у тебя нет маленького желания наставить ему рога, э?

Н а д е ж д а. Разве можно говорить с дочерью о таких грешных вещах? (*Закрывает уши.*) Я не хочу слушать.

И в а н (*берет ее за руки*). А может быть, уже?

Н а д е ж д а. Оставь меня, безнравственный отец мой!

И в а н (*хохочет*). Нет, ты скажи, сазан с рогами, а?

(*Надежда, смеясь, вырывается из его рук.*)

А л е к с а н д р (*входит, немного выпивший*). Здесь смеются? Поражен! Bonjour, рара! ¹ Сестренка, ручку!

И в а н (*любуясь сыном*). Ты посмотри, какой бравый молодец!

Н а д е ж д а (*становясь рядом с братом*). Мы — недурная пара, папа?

И в а н (*растроганно*). Да, ребята, да! Только вы двое утешаете меня — здоровые, веселые, простые...

Н а д е ж д а (*брату*). Знаешь, отец, наверное, получит место исправника.

И в а н (*подмигивая, как о решенном деле*). На время... как ступеньку, с которой я шагну куда-то повыше, повыше!..

А л е к с а н д р. Факт, Надя?

Н а д е ж д а. Прокурор обещал мужу.

А л е к с а н д р. Ей-богу, этот Лещ — наш добрый гений!

И в а н. Сазан? Он молодец-рыба!

А л е к с а н д р. Ты, папа, возьми меня в помощники себе.

И в а н. А что ты думаешь? Здоровенная идея!

¹ Здравствуй, папа! (*Франц.*)

А л е к с а н д р. Вдвоем мы устроим там рай земной. Маленький этакий городишко, бабенки, купчишки, и над ними боги и цари — père et fils! ¹ Идиллия в прозе!

Н а д е ж д а (*качая головой*). Представляю, что вы там наделаете!

А л е к с а н д р. Ба! Разве мы хуже других!

Л е щ (*идет*). Могу принять участие в вашей беседе?

А л е к с а н д р. Вот — гений дома!

И в а н (*пожимая руку Лещу*). Надежда сказала мне...

Л е щ (*недоволен*). Ну, разумеется! Она всегда на месте преступления за полчаса до убийства.

Н а д е ж д а (*изриво*). Пашка!

А л е к с а н д р. Как вы весело острите!

Л е щ (*Ивану*). Вам надо съездить к товарищу прокурора Лепелетье, поблагодарить его за дело о рассылном.

И в а н (*радостно*). Уже? Мой друг, спасибо вам, спасибо!

Н а д е ж д а. Папа, красивая фамилия — Лепелетье?

И в а н (*смотрит на нее*). Лепелетье? Конечно... (*Вдруг догадался о чем-то, смеется*.) Ле... Лепелетье? Ну да...

Л е щ (*сухо*). Не понимаю причины смеха!

Н а д е ж д а. Не плакать же от радости!

И в а н (*сдерживаясь*). Я... я рад, дружище! Всё идет прекрасно, и я — рад!

Л е щ. Вам, разумеется, надо быть готовым произвести затрату некоторой суммы... Имейте в виду — при поступлении на службу нужно будет рублей семьсот, лучше — тысячу...

И в а н (*становясь серьезным*). Ого! Мм... это трудно...

А л е к с а н д р. И двести мне...

В е р а (*заглядывая в дверь*). Надежда, поди сюда...

Н а д е ж д а. Что тебе нужно?

В е р а. Тебя...

¹ отец и сын! (*Франц.*).

Надежда. Ну, подожди... Я занята!

Иван. Надя, пойди поговори с нею о Ковалеве! Девчонка не понимает смысла дела...

Надежда. Иду. Приятно будет кутнуть на ее свадьбе!

Ле щ (*настойчиво*). Итак — о деньгах!

Иван (*вздыхая*). Где их достать?

Александр. Почему не заложить этот дом?

Иван. Но ведь это дом брата!

Ле щ. Разве для дяди Якова не существует родственных отношений? Сколько я знаю — он не эгоист, и к тому же дни его жизни, как говорится, сочтены...

Александр. Логично!

Иван. А потом — мы возвратим ему деньги! Ведь я наверняка получаю место?

Ле щ. Разумеется. У вас — имя, хорошее прошлое по службе. Все эти... недоразумения ваши — уже заглаживаются... Но, примите во внимание, нужно держаться твердо! Времена анархии проходят, правительство чувствует себя в силе восстановить должный порядок — оно требует от своих агентов крепкой руки...

Александр (*солидно*). Да, наконец они опомнились там, в Петербурге!

Иван. Держаться твердо? Это я могу! Но вот что, дорогой мой, — посоветуйте, что мне делать?

Ле щ. Достать поскорее денег.

Иван. Гм! Это так, я знаю. А вот ко мне сегодня явится Соколова, мать того...

Ле щ (*строго*). Зачем?

Иван. Она, видите ли, хочет, чтобы я заявил, что ошибся... что я не уверен, кто стрелял...

Александр (*усмехаясь*). Едва ли это будет остроумно!

Ле щ. Что же вы хотите сделать?

Иван. Да я... гм... я не решил еще! Я вот думаю — удобно ли мне теперь, в виду назначения на службу, путаться с этой историей, а? Исправник — и вдруг... заявляет: я ошибся! Не произвело бы это дурного впечатления?

Ле щ (*уверенно*). Разумеется, произведет!

Александр. Папа, помни о жандармах!

Л е щ. Нет, уж вы сентиментальности бросьте... это ниже действительности. В какое положение вы поставите жандармов? Сообразите-ка!

И в а н (*колеблется*). Н-да... Полковник — прекрасный человек...

А л е к с а н д р. И твой партнер в винт...

И в а н. Но — чёрт их знает — этот ли стрелял?

Л е щ. Ведь кто-то стрелял же! А все эти стрелки — друзья между собой. Вообще я нахожу этот разговор излишним. Главное же, если вы хотите не упустить момент, — достаньте денег. Предупреждаю, что Ковалев тоже точит зубы на это место.

И в а н (*сквозь зубы*). Ковалев? Скотина этакая...

А л е к с а н д р. Требуется быть твердым, папа!

И в а н. Какую сцену закатит мне Софья, если я... Проклятый мальчишка! Уж лучше бы он ранил меня...

Л е щ (*живая головой*). Легкая рана была бы полезна для вас! Это очень подвигает человека вперед по службе.

И в а н (*кисло улыбаясь*). Если не свалит его в могилу!

А л е к с а н д р (*глядя на часы*). Однако, папа, ты бы шел к дяде!

И в а н (*Лещу*). А что, Павел Дмитриевич, вы не поможете мне в этом?

Л е щ. Считаю долгом.

А л е к с а н д р. А я жду и верю в успех! (*Ходит, насвистывая, потом, задумавшись, стоит у буфета. Входят Надежда и Вера, обнявшись; они сначала не видят его.*)

Н а д е ж д а (*уговаривая*). Ты просто глупа...

В е р а (*досадливо*). А ты врешь!

Н а д е ж д а. Не будь грубой, дура! Я желаю тебе добра...

В е р а. Ты говоришь гадости! Ты сама не веришь в это...

Н а д е ж д а (*отталкивая ее*). Я говорю гадости?

В е р а. Я не хочу иметь любовников!

Н а д е ж д а (*презрительно*). Скажите, пожалуйста! Вот дрянь!

В е р а. Разве ты изменяешь своему мужу?

А л е к с а н д р. А ну-ка, отвечай, Надя?

В е р а. Ты знаешь, Надя говорит, что муж — всё равно кто, — он только для того, чтобы иметь любовников!

Н а д е ж д а. Не верь ей, она ничего не поняла!

А л е к с а н д р. Я ведь слышу: она говорит, точно переводит с французского. Верка, ты должна слушать сестру!..

В е р а. Не хочу! *(Быстро убегает.)*

Н а д е ж д а. Удивительно своенравная девчонка!

А л е к с а н д р. Славенький чертенок!

Н а д е ж д а. Глупа... упряма...

А л е к с а н д р. Принесет ей Ковалев коробку кофе, безделушку — и всё пойдет, как по маслу! Скажи, деньги под залог этого дома дает твой муж?

Н а д е ж д а. Не знаю. Мне хотелось бы иметь этот дом; для всей семьи он тесен, но нам было бы удобно. Муж скоро будет врачебным инспектором, и свой дом — это очень хорошо для престижа.

А л е к с а н д р. После смерти дяди всё будет наше.

Н а д е ж д а. Конечно. Но нас много. Имея закладную, мы с Павлом оставим дом за собой...

А л е к с а н д р. Ловко! Ты умеешь устраиваться.

Н а д е ж д а. Это всё Павел.

А л е к с а н д р *(обнимая ее)*. Не скромничай! Нравишься ты мне!

Н а д е ж д а. Так нравлюсь, что тебе хочется попросить у меня денег?

А л е к с а н д р *(усмехаясь)*. До того, что я готов взять у тебя все деньги!

Н а д е ж д а. Это уже почти страсть! Идем ко мне, я хочу показать тебе одну вещь...

А л е к с а н д р *(идя за нею)*. А подарить мне ничего не хочешь?

Н а д е ж д а. У женщин не просят подарков.

А л е к с а н д р *(смеясь)*. Это предрассудок!

(Уходят. В дверь заглядывает Вера, возбужденная, машет рукой.)

В е р а *(шёпотом)*. Идите скорее!

(Входит Яковлев.)

Якорев (*недовольный*). Что такое?

Вера (*тихо*). Вас видел кто-нибудь?

Якорев (*понижая голос*). Прислуга. А что?

Вера (*оглядываясь*). В этом доме негде спрятаться... Вот глупый дом! Как жаль, что теперь не лето, — вы могли бы выпрыгнуть в окно!

Якорев (*изумлен*). В окно? Зачем?

Вера. Так нужно. Слушайте, решено выдать меня замуж за Ковалева...

Якорев (*разочарованно*). Н-ну? Эх... Поздравляю...

Вера. Вы должны спасти меня!..

Якорев. Спасти? Какое тут спасение!

Вера (*быстро, требовательно*). Вы — героический характер, вы должны! Я уже составила план... Вы меня спрячете где-нибудь, потом придете сюда и скажете им горячую речь... скажете, что они не имеют права распоряжаться судьбою девушки и что вы не позволите насилловать ее сердца. Вы не любите меня, но готовы отдать жизнь за мою свободу. Вы скажете им всё, что нужно, уж там догадаетесь — что! Они тогда заплачут, а вы будете моим другом на всю жизнь, поняли?

Якорев (*улыбаясь*). Они меня — в шею!

Вера. Якорев, не притворяйтесь грубым!

Якорев (*соображая*). Ковалев без приданого не возьмет...

Вера. Они дают ему за меня пять тысяч.

Якорев. Пя-ять тысяч? Однако! Верно?

Вера. Это не имеет значения!

Якорев. Пять-то тысяч не имеют значения?

Вера. Какое вам дело до них?

Якорев (*соображая*). Мне? Д-да... Ковалев не уступит вас!

Вера. Кому?

Якорев. Никому. Пять тысяч не пустяк!

Вера. Я не понимаю, что вы говорите. Вы согласны с моим планом?

Якорев (*думая вслух*). Я? Что же... Я еще молод... ошибусь — успею поправиться...

Вера. Скорее же!

Я к о р е в (*решительно*). Рискую, Вера Ивановна!
В е р а. Я знаю вас лучше, чем вы сами, — видите?
Я к о р е в. Действуем! Что я проиграю? Жутко,
а — заманчиво! Вера Ивановна, поцелуйте для хра-
брости!

В е р а. Вот вам моя рука.

Я к о р е в. Рука! Что рука? Вы уж как следует!
(*Быстро обняв ее, целует в губы.*)

В е р а (*вырываясь*). Ай... какой вы! От вас пахнет
помадой!

Я к о р е в (*смеясь*). Это не помада, а бриллиантин
на усах.

В е р а (*толкая его к двери*). Идите, я провожу вас
черным ходом, чтобы никто не видел. Вот если бы лето
было, вы бы выпрыгнули из окна в сад...

Я к о р е в (*за дверью*). Зачем же прыгать, я не
понимаю?

(*Входит Соколова. Прошла на середину комнаты, оста-
новилась, смотрит вокруг. Вбегают Петр, смущенно
кланяется, хватая стул.*)

П е т р. Вы к папе? Пожалуйста, садитесь... я по-
зову его!

(*Бежит. Соколова не садится, ходит. Из комнаты
Якова появляются Иван и Александр, позднее Петр.*)

И в а н (*старается держаться внушительно, руку
подать не решился*). Мое почтение, сударыня! Дети
мои... Александр, Петр... Вы... э... ничего не имеете
против их присутствия?

С о к о л о в а. Это вам надо решить.

И в а н (*не сразу*). Петр, уйди, да... Очень нервный
мальчик, сударыня, впечатлительная натура... что-с?

(*Петр быстро уходит. Соколова молча смотрит на
Ивана.*)

П е т р (*за дверями кричит*). Мама, мама, иди сюда...

И в а н (*тихо, не сдержав досады*). А... мальчишка!
Шумит! Саша, скажи ему — не надо... (*Откашливаясь.*)
Мне известны, сударыня, мотивы вашего визита... Моя
жена сообщила мне вашу просьбу...

С о к о л о в а *(спокойно, холодно)*. Я не прошу, а предлагаю вам исправить вашу ошибку...

И в а н *(озадачен ее тоном)*. Да-с... конечно! То есть... Ну, да это всё равно! Но — почему ошибка? Странно! Чем вы докажете, что я ошибаюсь?

С о к о л о в а. Я не буду доказывать.

И в а н. Вы и не можете!

С о к о л о в а *(строго)*. Значит, вы утверждаете, что именно мой сын стрелял?

И в а н *(волнуясь)*. У него заметная фигура...

С о к о л о в а. Вы видели его однажды только — это было на другой день после покушения, у жандармов. Вы отрицаете это?

И в а н *(с пафосом)*. Сударыня! Не оскорбляйте старика, подозревая его...

С о к о л о в а. Я спрашиваю: вы утверждаете, что стрелял тот юноша, которого вам показали жандармы?

И в а н *(бодрясь)*. Уверен ли? Но если я узнал его...

С о к о л о в а. У вас нет мужества сознаться в своей ошибке?

И в а н *(возбуждая себя, кричит)*. Вы не имеете права говорить со мной в этом тоне, милостивая государыня. Ваш сын революционер, у него нашли...

С о к о л о в а. Вы не отвечаете на вопрос — мой сын стрелял или нет?

И в а н *(продолжая кричать)*. Оставьте меня в покое! Мне дела нет до вашего сына, я тоже имею детей!.. Я повторяю: ваш сын — революционер!

С о к о л о в а *(идя)*. Это не оправдывает вас.

И в а н *(следуя за нею)*. Позвольте! Что вы хотите делать? Что вы сказали?

С о к о л о в а *(за дверью)*. Я сказала: это не оправдывает вас!

И в а н *(остановясь, негромко)*. Перед кем? *(Стоит, держит себя за усы, туго глядя в дверь. Входит Софья, за нею Яков, его ведет под руку Петр; потом вбегают Вера и являются на шум Александр с Надеждой.)*

С о ф ь я. Она уже ушла?

И в а н *(устало)*. Это какой-то дьявол! Она меня замучила!

С о ф ь я. Ты отказал ей?

И в а н (*мягко*). Послушай, Соня...

С о ф ь я (*сильно*). Ты обещал признать свою ошибку, ты обещал мне это, Иван!

И в а н (*успокаиваясь*). Да... подожди! Я не могу теперь... мое положение изменилось...

С о ф ь я (*в ужасе*). Это принесет нам несчастье! Это принесет горе нам!..

П е т р (*пораженный*). Папа, что ты говоришь? Папа, разве можно так!

И в а н. Пошел прочь! Яков, ты спокойный и разумный человек...

В е р а. Петька, успокойся...

И в а н (*брату*). Помогите мне успокоить ее, объяснить ей...

Я к о в (*слабым голосом*). Иван, нужно воротить эту женщину!

С о ф ь я. Петя, иди! Беги — зови ее...

И в а н (*с отчаянием*). Что вы делаете? Вы губите меня!

Я к о в. Нет... мы... ты подумай...

С о ф ь я. Ради детей, Иван, ради твоей старости!.. Бога ради! Нужно сознаться — иначе это погубит нас...

И в а н (*мечется*). Я окончательно разбит, меня замучили! Надежда, что мне делать? Саша, говори! Скажи им...

Н а д е ж д а (*берет отца за руку*). Спокойнее, папа!

(С другой стороны к нему подходит Вера, она ничего не понимает, смотрит на всех поочередно испуганными глазами, вертится.)

А л е к с а н д р. Послушайте, мама...

Я к о в. Иван, тут не о чем говорить...

А л е к с а н д р. Вы не знаете положения дела...

Н а д е ж д а (*Александру*). Короче говори, а то она придет, эта...

С о ф ь я (*с тоской*). Надя...

А л е к с а н д р. Отцу обещано место исправника; если он заявит, что ошибся с этим выстрелом, место может ускользнуть от него. Нужно избежать дурного впечатления и потому...

Яков (*брезгливо*). Довольно! Ты говоришь скверно...

Александр (*обиженно*). Тише, дядя, тише...

Надежда (*солидно*). Он говорит в интересах семьи!

Вера (*растерянно*). Мама, кто придет? Кого ждут?

Софья. Молчи...

Иван. Саша, но если я не удовлетворю эту даму, Яков тогда откажет...

Александр (*смущенно*). Эх... я позабыл об этом! Вот чертовщина!

Надежда (*горячо*). Я дам денег! Муж даст! (*Отцу.*) Вы не смеете рисковать, вы не должны — у вас есть обязанности...

Александр. Браво, Надя!

Петр (*вбегая*). Она уже уехала, я не догнал...

Иван (*облегченно*). Ну, слава богу!

(*Яков, опустив голову, сидит на стуле, около него убитая страхом Софья; рядом с нею Петр, задыхающийся; в углу Любовь, спокойной зрительницей. У стола Александр и Надежда. Иван сел. Вера, стоя сзади, ласково гладит его плечо и смотрит на всех круглыми глазами.*)

Надежда (*негромко и недовольно*). Я, кажется, поторопилась выскочить...

Иван (*устало*). Вера, дай мне вина. Спасибо, Надя! Вот у меня даже ноги дрожат... Но теперь — конечно...

Софья (*бормочет*). Не конечно, нет!

Иван (*раздражаясь*). Ну, ты — молчи! Ты меня всадила бы в историю, как я вижу...

Надежда (*упрекая*). Да, мама! Вы ужасно... непрактичны, ужасно!

(*Федосья вошла, остановилась у буфета и, качая головой, что-то бормочет.*)

Софья. Яков, что же это?

Иван. Ну, будет! Я весь дрожу!

Любовь (*Якову*). Уйдем отсюда!

Яков (*напрягая силы*). Мне стыдно назвать тебя братом, Иван. Мне страшно за твою судьбу, за детей... я боюсь, что они назовут тебя...

Надежда (*громко*). Вы не уполномочены говорить от нашего имени!

Иван (*встает*). Что ты, брат? Разве я поступил так плохо? Что ты? Ты ошибаешься!

Любовь (*Якову*). Иди! Нет слов, которые разбудили бы совесть этих людей, их мертвую совесть...

Александр (*гримасничая*).

А Кассандра, обняв Александра,
Под чинарой сосет пеперменты...

(*Петр протянул руки к отцу, желая что-то сказать, и тихо опускается на пол в обмороке.*)

Иван (*тревожно*). Что с тобой? Что с ним?

Любовь (*спокойно*). Вы убьете и этого мальчика...

Софья (*в страхе*). Да! Иван, да! И его — тоже...

Надежда (*отцу*). Это простой обморок, папа! Он бежал, ему нельзя бегать. Уйдите отсюда, вам нужно успокоиться!

Александр (*берет его под руку*). Идем, отдохни!

Федосья. Вот — задавили ребенка...

Иван. Подожди... Что он?

Яков. Уйди... прошу тебя!

Иван. Конечно — дом твой, и ты имеешь право гнать меня... Но дети мои, я тоже имею право...

Надежда. Ах, да иди же!

Александр. Ну, нервы же у всех здесь!

Федосья. Экая склока... экие несуразные...

(*Иван, Надежда и Александр уходят.*)

Иван (*уходя*). Бедный мальчик... Его гоняют за какими-то там...

Яков. Вот, Соня, видишь? Ребенок и подлец...

Софья (*поднимая Петра*). Не говорите ничего, ради бога! Помогите мне, Люба... Вера, помогите же...

Федосья. На-ко вот... берегла всех пуще глаза...

Л ю б о в ь. Таких детей надо держать в больницах, а подлецов в тюрьмах...

В е р а (*кричит*). Не смей так говорить о папе! Он не ребенок и не подлец! А вот ты — злая кошка! Я к о в. Вера, голубушка моя...

В е р а (*горячо*). Ты, дядя, тоже злой! Ты всю жизнь ничего не делал, только деньги проживал, а папа — он командовал людьми, и это очень трудно и опасно: вот в него даже стреляли за это! Я знаю — вы говорите о нем дурно, — что он развратник и пьяница и всё, но вы его не любите, и это неправда, неправда! Развратники и пьяницы не могут управлять людьми, не могут, а папа — мог! Он управлял и еще будет, — значит, он умный и хороший человек! Никто не позволил бы управлять собою дурному человеку...

Ф е д о с ь я (*смеясь*). И эта кукует — глядите-ка!

П е т р (*поднимаясь на ноги*). Вера, наш отец — дурной человек...

В е р а (*с большой силой*). Ты — не понимаешь! Он — герой! Он рисковал жизнью, исполняя свой долг! А вы... что вы делаете? Какой долг исполняете? Вы все живете неизвестно зачем и завидуете отцу, потому что он имеет власть над людьми, а вы ничего не имеете, ничего...

Ф е д о с ь я. Детки мои, детки!.. Охо-хо...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Якова; он полулежит в кресле, ноги окутаны пледом. Федосья, с вязаньем в руках, сидит в глубине комнаты, на фоне ширм. Иван, возбужденный, ходит. В камине тлеют угли, на столе горит лампа. Говорят тихо. В соседней комнате у пианино стоит Любовь.

Иван. Это твое последнее слово?

Яков. Да.

Иван (*искренно*). Изумительно жестокий человек ты, Яков! Это ты испортил мне жену, она была мягка, податлива...

Яков. Пощади себя! Ты стоишь на позиции унизительной!

Федосья. Вот когда так говорят, дружно, тихонько, так и слушать приятно голоса-то человеческие...

Иван. Не учи, я старше тебя...

Яков. Я сказал, что не могу считать тебя порядочным человеком, а ты просишь у меня денег!

Иван (*почти искренно*). Да, ты меня оскорбил, а я прошу у тебя денег! Да, ты был любовником моей жены, а я вот ползаю перед тобой! Не думай, что мне это весело, не думай, что я не хотел бы отомстить тебе, — о-о!

Яков. Да не говори же ты пошлостей!

Иван (*с пафосом*). Но ты болен — это защищает тебя! А я — нормальный, здоровый человек, и я — отец! Ты не понимаешь душу отца, как русский не может понять душу жида... то есть — наоборот, конечно! Отец — это святая роль, Яков! Отец — начало жизни, так сказать... Сам бог носит великое имя отца! Отец должен жертвовать для своих детей всем — самолюбием, честью,

жизнью, и я — жертвую! Исполняя этот долг, я попираю мое самолюбие — иду в исправники... бывший полицеймейстер! Исполняя его, я слушаю оскорбления родного брата, и не я ли подставлял грудь мою пулям злодеев, исполняя великий долг мой!

Ф е д о с ь я. Этот уж закричал... не может потерпеть, у!.. Не глядела бы... *(Встает и уходит.)*

Я к о в. Забудь это... Пойми, несчастный человек, что ты погубил своих детей... Где Вера?

И в а н. Ее найдут! Она воротится, дрянь...

Я к о в. А Петя? Ты ему душу разбил!

И в а н. Это болезненный мальчик, ему нужно лечиться! Его нужно отвести от вас — вот главное! Вы мне испортили его!

Я к о в *(обессилев)*. Я не могу говорить... до твоей души ничего не доходит.

И в а н *(снова впадая в высокий стиль)*. Душа моя одета в панцирь правды, стрелы твоей злобы не коснутся ее, нет! Я — тверд в защите моих прав отца, хранителя устоев жизни! Иван Коломийцев непоколебим, если дело идет о его праве быть верным самому себе!

Л ю б о в ь *(входит)*. Прости, отец, я должна вмешаться и кончить эту беседу, тебе вредно волноваться. Иван Данилович, отец уже сказал вам, что он не даст денег, я прибавлю: он не мог бы дать, если бы даже и хотел. Деньги отданы госпоже Соколовой на залог за ее сына.

И в а н *(всплеснув руками)*. Какая злая ирония! Эх, Яков!

Л ю б о в ь *(с насмешкой)*. Если бы вы заявили о вашей ошибке, деньги попали бы к вам...

И в а н. А место исправника — Ковалеву? Вы напрасно выскочили, Любовь Яковлевна, вы еще молоды для того, чтобы понять всю сложность жизни и мою мученическую роль в ней!

Л ю б о в ь. Хорошо, но отцу — вредно...

И в а н. А мне полезно слушать ваши дерзости? У меня, должно быть, нет сил убедить тебя, брат! Что же я буду делать? Ты погубишь меня, Яков, если не дашь денег... и меня погубишь, и Софью, и детей...

Л ю б о в ь *(холодно)*. Дети ваши уже погибли...

И в а н. Молчите вы... птица! Яков, судьба моя и всей семьи моей зависит от тысячи двухсот рублей... пусть будет ровно тысяча!.. Ты мягкий, не глупый человек, Яков; сегодня решается вопрос о моем назначении — Лещ поехал дать этому делу решительный толчок... Как только меня назначат, мне сейчас же понадобятся деньги! Я уйду, оставляя тебя лицом к лицу с твоею совестью, брат мой! *(Подняв голову, уходит. Яков со страхом смотрит ему вслед, Любовь усмехается.)*

Я к о в *(тоже слабо усмехаясь)*. Кошмар какой-то, а не человек! Ты видишь — он ужасно нравится себе! В молодости он играл на любительской сцене, и — смотри, в нем еще не исчез актер на роли героев... *(Помолчав.)* Он заставит меня дать ему эти деньги!

Л ю б о в ь *(глухо)*. Я не могу себе представить человека вреднее, противнее, чем этот...

Я к о в *(беспокойно)*. Люба, дорогая моя, как ты резко... зачем?

Л ю б о в ь *(тихо и холодно)*. Скажи — что мне делать?

Я к о в *(не сразу)*. Я не умею ответить тебе... Всё это случилось так вдруг и раздавило меня. Я жил один, точно крот, с моей тоской и любовью к маме... Есть люди, которые обречены судьбою любить всю жизнь одну женщину... как есть люди, которые всю жизнь пишут одну книгу...

Л ю б о в ь. И напишут плохо...

Я к о в *(искренно и просто)*. Да! Желая скрыть свое ничтожество, они прячутся в ничтожный труд и обольщают себя сомнительным утешением: я весь в одном!

Л ю б о в ь *(задумчиво)*. Ты искренен... но это лишнее...

Я к о в *(тихо)*. Тебе не жаль меня?

Л ю б о в ь *(тихо двигаясь по комнате)*. Мне горько и обидно, что я ничего не могу делать! Я хотела бы вытащить отсюда Веру и Петра, но я не знаю — как? Не умею...

Я к о в. В тебе есть что-то страшно холодное!

Л ю б о в ь. Вероятно, злоба на свое бессилие...

(Помолчав.) Зачем ты отдал меня в эту яму пошлости и грязи?

Яков. Не спрашивай меня! Ты знаешь, Соня не хотела сознаться, что ты моя дочь...

Любовь *(усмехаясь)*. Однако вы, отцы и матери, ужасно легко и просто играете детьми.

Яков. Не будь жестокой...

Любовь *(холодно)*. Да... это бесполезно!

Софья *(входит, убитая)*. Я не нашла ее... ничего не узнала...

Яков. Какая ты бледная, страшная...

Софья *(думая о другом)*. Там Якорев пришел. Сегодня он почему-то груб и дерзок.

Любовь. Мне кажется, он должен знать что-нибудь в этой истории с Верой...

Софья. Что будет с нею? Это бог мстит мне за тебя, Любовь...

Любовь. Глупости, мама! Какое дело богу, природе, солнцу — до нас? Мы лежим на дороге людей, как обломки какого-то старого, тяжелого здания, может быть — тюрьмы... мы валяемся в пыли разрушения и мешаем людям идти... нас задевают ногами, мы бессмысленно испытываем боль... иногда, запнувшись за нас, кто-нибудь падает, ломая себе кости...

Яков *(тихо)*. Не говори так безнадежно!

Софья *(стонет)*. Где она может быть, Вера?

Яков. Надежда тоже ищет?

Софья. И Александр и зять... Какой скандал!

Любовь. Это хуже, чем скандал, мама!

Софья. Я знаю, знаю... Я ведь говорила: нас постигнет несчастье...

(Шумно идет Иван, он тащит за руку Якорева. Околоточный смотрит исподлобья, но спокоен.)

Иван *(с яростью)*. Поздравьте — это мой новый зять! Каков мерзавец, а?

Якорев. Вы не ругайтесь!

Иван. Да я тебе рожу разобью!

Софья. Вы... Вера у вас?!

Якорев. Я знаю, где она...

Иван *(грозно)*. Сейчас же подай ее сюда, прохвост!

Софья (*умоляя*). Отдайте ее... У вас ничего нет, ее ждет нищенская жизнь, она ведь ничего не умеет делать... вам нужно не такую жену...

Якорев (*опуская голову*). Но она уже... мы женились...

Софья (*падая на стул*). Да?

Иван (*хватая Якореву*). Ты лжешь! Ты не сказал мне этого... Она не могла, не смела...

Якорев. Не трогайте меня... дайте сказать...

Яков. Оставь, Иван!

Любовь. Горячиться поздно. (*Якореву*.) Вы — ее муж? Правда?

(*Якорев молча опускает голову.*)

Иван (*кричит*). Он лжет! С лица земли сотру...

Якорев. Дайте объясниться...

Яков. Пусть он расскажет...

Иван. Говори, собака!

Якорев. Если вам дорога ваша дочь, не обращайтесь со мною грубо...

Иван. Ты мне грозишь... Мне?

Якорев. Вера Ивановна сама предложила мне увезти ее...

Иван. Лжешь!

Якорев. А теперь послала сказать вам, что если уж случилось это — надо уступить ее желанию. Вы обещали дать за нею Ковалеву пять тысяч, — мы с вас возьмем четыре... А когда вы будете исправником, то возьмете меня к себе в уезд приставом...

Иван (*неопределенно*). Ах, бестия! Каково?

Софья. О боже мой!

Яков (*торопливо, заикаясь*). Надо уступить им! Это разумнее твоего плана, Иван, видишь? Я дам денег, и всё будет хорошо! Если они любят друг друга — не ломайте их любви! Нужно охранять любовь... это хрупкий цветок, редкий цветок... и только раз в жизни цветет он, только раз!

Любовь (*холодно*). Перестань! Тебе вредно... Пора брать ванну, идем!

Яков. Нет, подожди...

Л ю б о в ь (*помогая ему встать*). Пора! И тебе не следует вмешиваться в это дело — пойми, здесь бесполезно всё, а тем более твоя лирика... (*Уводит его через дверь в углу.*)

И в а н (*Якореву, удивленно*). Но как ты смел? Как ты решился?

Я к о р е в (*скромно*). Если мне выпадает хороший случай, я должен им воспользоваться...

И в а н. Случай! Софья, а? Наша дочь только случай для околоточного!

(*Софья неподвижно смотрит перед собою, пальцы ее рук дрожат и щиплют платье.*)

Я к о р е в (*философски*). Я начинаю околоточным, кто знает, чем я кончу?

И в а н. Острогом! Каторгой, скотина!

Я к о р е в. Иван Данилович, не кричите! Ведь я все-таки теперь родня вам... (*Видит Веру; она быстро и бесшумно идет к отцу.*) Вы! Зачем же вы...

И в а н (*рычит*). Позор мой... прочь!

В е р а. Папа!

И в а н. Убью!

С о ф ь я (*не вставая*). Вера... (*Протягивает к ней руки.*)

В е р а (*твердо*). Папа, я глупая девчонка, я получила за это жестокий урок. Не одна я виновата в том, что глупа...

И в а н. Ага, Софья! Вот, слышала? Она понимает, кто виноват!.. Продолжай, ну...

С о ф ь я (*тихо*). Вера, зачем ты сделала это?

В е р а. Якорев, вы уйдите... идите в гостиную!

Я к о р е в (*покорно идет*). Хорошо... Только я не понимаю — что вы делаете?

И в а н. Она командует! Да понимаешь ли ты, что опозорила меня?

В е р а. Папа, я согласна выйти замуж за Ковалева, слышишь?!

И в а н. Теперь? Да разве порядочный человек возьмет тебя теперь?

В е р а (*ласково, с горечью*). Но, папа, ведь Ковалев мерзавец, ты говорил!

И в а н. А ты — распутная!

С о ф ь я *(встает, с угрозой)*. Молчи!

И в а н. Так? Ну и делайте, что хотите!

В е р а. Ты, папа, тоже будешь делать, что я хочу!

И в а н *(прислушиваясь)*. Я?

В е р а. Ты сегодня же пригласишь Ковалева, всё остальное — мое дело!

И в а н *(подозрительно)*. А где приданое? Где ты возьмешь пять тысяч, а?

В е р а. Это не нужно...

И в а н. Не нужно? Гм...

В е р а. Ковалев богат. Ему нужна я, а не деньги... Денег он сам наворует...

И в а н *(искренно, с ужасом)*. Как говорит эта девочка!

С о ф ь я. Оставь нас на минуту...

И в а н *(идет, рад уйти)*. Да, я уйду... Я готов бежать от вас на край света, безумные люди! *(Уходит.)*

В е р а *(смотрит на мать и говорит растерянно, грустно)*. Вот, мама, что со мной случилось... *(Софья молча обнимает ее.)*

С о ф ь я. Дитя мое! Неужели ты его любишь?

В е р а *(усмехаясь)*. Это такой маленький, жалкий трусишка.

С о ф ь я. Но как же ты могла?..

В е р а *(пожимая плечами)*. Так... Дурной сон! Я думала — всё это выйдет иначе. Разве нет честных мужчин, мама? *(Вздвигнув, она тихо плачет, смотрит на свое отражение в зеркале и говорит сквозь слезы.)* Бедная Верка, нос у тебя красный, лицо жалкое, и вся ты — как побитая собачонка... Мама, иди и пошли мне моего героя! Героя, мама! И не говори мне ничего, прошу тебя. Потому что ты ведь тоже виновата не меньше меня в этой истории, да, мама... И за эти три дня я уже наговорила сама себе таких вещей, что никто мне не скажет ни хуже, ни больше... Я вдруг стала маленькой старушкой, сердце у меня задохнулось... Это на всю жизнь, мама! Ведь сердце умирает сразу, с первого удара! *(Смотрит на мать и говорит беззлобно, но жестко.)* Я буду холодная и злая, как Любовь... Ах, господи, я тоже буду с радостью мучить людей, только попадись

мне кто-нибудь! Такая дрянь эти люди, мама, такая жалкая дрянь! Иди, зови его!

(Софья уходит, Вера остается одна, схватывается руками за голову и несколько секунд смотрит в пространство широко открытыми глазами, губы у нее шевелятся. Слышит шаги Якорева, оправляет волосы, лицо ее становится спокойным, деловито.)

Я к о р е в *(укоризненно)*. Что же это вы делаете? Начали вполне серьезно и — вдруг — явились сюда! Вы должны были, как условлено, сидеть и ждать, когда я добьюсь согласия на брак, и я уже почти добился... а теперь — я даже не понимаю...

В е р а *(спокойно)*. Я раздумала. Решила выйти за Ковалева.

Я к о р е в *(не сразу, зло)*. Правда?

В е р а. Да.

Я к о р е в. Ну, это вам не удастся!

В е р а *(сдерживая задор)*. Почему?

Я к о р е в. Я не позволю!

В е р а *(задорно)*. О! Неужели? Серьезно?

Я к о р е в. Как нельзя более... Только попробуйте!

В е р а. И — что же?

Я к о р е в. Немедленно ославлю на весь город. Вы понимаете? Не то что Ковалев — лакей из трактира не возьмет вас! Я шутить с собой не позволю... я не женщина...

В е р а *(улыбаясь)*. Вы меня так испугали, что я когда-нибудь умру...

Я к о р е в *(возмущен)*. Вы не шутите! Какое безобразие! Сама же затеяла всю историю, а потом...

В е р а *(спокойно)*. А когда увидела, что вы мелкий трус, воришка и взяточник...

Я к о р е в *(яростно)*. За эти слова я тебя заставлю много плакать...

В е р а *(строго)*. Молчать, хам!

Я к о р е в *(вздрыгнув, вытянулся и изумленно осматриваясь, как будто искал, где спрятано начальство, затем с угрозой)*. Хорошо!

В е р а *(подходя к нему)*. Послушай, околоточный: той девушки, которая ночевала у тебя две ночи и одну

из них — против воли своей — с тобой, — этой девушки больше нет.

Я к о р е в (*предчувствуя что-то опасное для себя, бормочет*). Конечно...

В е р а. Ты поймешь это не сейчас. Глупая девчонка умерла, и родилась женщина, которой нечего бояться, некого жалеть. Ты хочешь опозорить меня, но ведь ты уже лишил меня стыда, и позор мне не страшен. Что такое позор? Это когда будут говорить, что я жила с тобой? (*Смеется сухим смехом.*) Пусть скажут. Я сама это знаю! Ну, что же? Теперь вот я буду жить с Ковалевым, по закону, но не желая этого, как не хотела жить с тобой... не всё ли мне равно? Ты хочешь этому помешать? Ты, сделав меня бесстыдной, думаешь испугать меня? Чем же? Тем, что расскажешь об этом людям. А какое мне дело до людей? Ты, такой ничтожный, ничего не можешь сделать... Не всякий подлец вреден, иной только жалок... Ступай вон!

Я к о р е в (*слушает ее сначала со злой усмешкой, но слова ее звучат всё тише и крепче, они пугают его, наконец он говорит, смущенно пожимая плечами*). Вы, однако... вы забыли, что первая начали дело...

В е р а (*спокойно*). Ступай вон, я говорю!

Я к о р е в (*огорченно*). Если бы я знал, что вы такая...

В е р а. То... что?

Я к о р е в (*соображая*). Не связывался бы... Вы, в сущности, обманули меня... Повредить мне для вас легко, я это понимаю. Отец и брат — оба в полиции... да если еще муж... конечно, меня загрызут... Я готов дать вам честное слово...

В е р а (*кричит*). Уйди прочь!

(*Он быстро уходит. Софья бежит, Вера бросается встречу ей.*)

С о ф ь я (*испуганно*). Что ты кричишь? Он был груб с тобой?

В е р а (*задыхаясь от возбуждения*). Он вел себя, как рыцарь, мама! Я сказала ему: дорогой мой, я тебя люблю...

С о ф ь я. Ты говорила — не любишь...

В е р а. Подожди, мама!.. На пути нашем к счастью, сказала я, неодолимые препятствия... Я всё уничтожу или умру, ответил подлец... то есть — герой, мама! Мы говорили долго, красиво, и оба плакали от восторга друг перед другом, две чистые, две пылкие души...

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные...

и обманули одну маленькую девочку... Но, говоря о любви, мама, он употребляет слишком много вводных предложений... это всегда противно, и я сказала ему: уйди прочь!

С о ф ь я. Родная моя, дитя мое...

В е р а. Нет, я закричала, потому что мне сделалось больно, нестерпимо больно! Моя милая мама, как это всё случилось? Ведь я шутила, играла, — скажи мне, разве нельзя шутить, нельзя верить в хорошее?

С о ф ь я. Что я тебе скажу?

В е р а (*помолчав, серьезно*). Я никогда не решусь иметь детей, это страшно!.. Я тоже не понимаю, ничего не понимаю и не могла бы сказать им ничего...

(*В столовой голоса Надежды и Александра.*)

В е р а. Брат и сестра идут... спрячь меня! Они меня тоже искали? Не пускай их ко мне... не нужно!

(*Софья уводит ее через дверь в углу.*)

В е р а (*на ходу*). Мама, ты тоже верила в хорошее, когда была девушкой?

С о ф ь я. Тоже...

В е р а. А может быть, все герои — лгуны?..

(*В столовой раздаются голоса.*)

А л е к с а н д р. Я надаю ей пощечин!

Н а д е ж д а. Ах, дура, дура...

И в а н. Но каково это отцу!

Н а д е ж д а (*заглядывая в комнату Якова*). Здесь нет ее.

И в а н. Удар за ударом падает на мою голову!

А л е к с а н д р. Надо скорее выдать ее за Ковалева!

Н а д е ж д а. Ну конечно...

И в а н. Да, если он ее возьмет!
Н а д е ж д а. Не беспокойся, возьмет!

(Голоса стихают, видимо, перешли в гостиную. Идет Петр, бледный, на лице пьяная улыбка, садится в кресло, закрывает глаза. Из маленькой двери выходит Софья; она наливают в стакан воды из графина на столике у кровати Якова.)

П е т р. Опять кто-нибудь плачет?
С о ф ь я. Ты пришел? Где ты был?

П е т р. Кто это плачет?

С о ф ь я. Вера...

П е т р. А, она вернулась...

С о ф ь я *(подходя к нему)*. Да.

П е т р *(усмехаясь)*. Отсюда не уйдешь... не-ет!
И попробовать не стоит...

С о ф ь я *(тихо)*. Петя, ты вышел?

П е т р. Чуть-чуть, мама! Совсем немножко...

С о ф ь я. Зачем? Ведь это для тебя самоубийство!

П е т р. Самоубийство — глупость! Ужасно дрянно, когда люди моих лет стреляются.

С о ф ь я. Господи! Как страшно ты говоришь!
И — где ты был?

П е т р *(усмехаясь)*. У Кирилла Александровича. Но я больше не пойду к нему и вообще в ту сторону. Там — строго! Там от человека требуют такую массу разных вещей: понимания жизни, уважения к людям и прочее, а я... как пустой чемодан. Меня по ошибке взяли в дорогу, забыв наполнить необходимыми для путешествия вещами...

С о ф ь я. Тебя там и напоили?

П е т р. Боже сохрани! Там пьют чай с философией и всякими другими премудростями, но... даже варенья не дают! Нет, я зашел в трактир. Вот это хорошо!

С о ф ь я. Иди к себе и ляг...

П е т р *(задумчиво)*. И лежать... А вместе с тобой лежит такая холодная, тяжелая тоска... Какие средства ты знаешь против тоски?

С о ф ь я. Я ничего не знаю. Я боюсь говорить. Если бы все мы лгали — это было бы лучше...

Петр. Молчать — лгать, говорить — лгать... Ну, иди, отирай слезы... Неси воду... Это — Вере?

Софья (*идет*). Да... Я позабыла...

(*В двери сталкивается с Любовью и Яковом.*)

Любовь (*Якову*). Теперь — легче?

Яков (*хрипло*). Да... немного...

Любовь. Очевидно, что ванны вредны тебе...

Яков. Пожалуй, так... Но Лещ этот...

Любовь. Я приглашу другого доктора...

Яков. Неудобно... Лещ обидится...

Петр (*вставая*). Извиняюсь... я занял ваш трон!

Яков (*усмехаясь*). Сиди, сиди. Я лягу на постель... мне и сидеть трудно!

Петр (*Любови*). Ты видела Веру?

Любовь (*устраивая Якова*). Пришла?

Яков. Ну, что? Как она?

Петр. Я не видел.

Любовь (*Петру*). Побудь здесь, я пойду к пей... (*Уходит.*)

Яков. Нестерпимо жалко бедную девочку...

Петр. Разве человеку легче, если ты польешь укусу на рану его?

Яков (*удивленно*). Ты точно Люба...

Петр. Люба? Она всегда видит больше других и оттого такая злая... О, вот идут люди разума...

Яков (*с гримасой*). Они станут кричать здесь, эх...

Надежда (*входит*). Вы куда это спрятали Веру?

Александр. Как глупо!

Петр. Она с мамой...

Надежда (*присматриваясь*). Ты что такой трепаный? (*Уходит в маленькую дверь.*)

Александр. Как вы чувствуете себя, mon oncle?

Яков. Неважно... неважно...

Александр. Сердце? Hélas...¹ Закурим...

Яков. Я бы попросил тебя...

Александр. Ah, pardon! При сердце табак вреден, а также вино, женщины и всё остальное!

Петр. Какой он остроумный, дядя!

¹ Увы... (*Франц.*).

Яков (*грустно*). Да...

Александр. А ты зачем здесь?

Петр. Дядя, один гимназист — ужасный комик — однажды сказал:

Чтобы не повредить покою своему,
Не спрашивай людей — зачем и почему...

Александр. Му-му-му — какие-то телячьи стихи!

Надежда (*выскакивает, возмущенная*). Любовь просто обезумела от злости!

Александр (*закуривая*). Что еще?

Надежда. Дядя, вы имеете на нее влияние, вы должны укротить ее, она развращает Веру...

Яков (*волнуясь*). Развращает? Люба...

Надежда. Что за идеи у нее!

Яков (*Александру*). Я вас просил не курить здесь.

Александр. О, pardon!

Яков (*слабо*). Я не могу спорить, Надя, — мне худо... Но говорить так о Любе... прошу... не надо...

Надежда. Она внушает Верке мерзости!

Иван (*идет*). Гм... а Леща всё нет...

(*Маленькая дверь с шумом растворяется, выскакивает Вера, за нею идут Софья и Любовь.*)

Вера (*горячо, с тоскою*). Вы обе — и ты и мама — ошибаетесь! Папа, ты честный, хороший человек!

Иван (*торжественно*). Несчастливая! Тебе ли сомневаться в этом?

Петр (*грустно усмехаясь*). Эх, Верка...

Вера. Папа, не говори так... с жестами! Пусть я дурная, пусть грязная, но ведь я — дочь тебе, я кровь твоя!

Иван. О да, к несчастию...

Петр. Какой прекрасный комик пропадает!

Вера. Папа, скажи мне, отвечай!

Яков (*его не слышат*). Уйдите... здесь не место...

Иван (*отталкивая Веру*). Ты не имеешь права спрашивать меня!

Вера. Не имею?

Иван (*идя к Петру*). Ты что сказал?

Александр (*удерживая его*). Стой, отец, я надеру ему уши.

Софья (*спокойно*). Не смей!

Петр (*выступая из-за ее плеча*). Хочешь драться, полицейский?

Иван. Вот! Вот, Надя...

Вера (*с отчаянием*). Папа, я тебя прошу...

Петр (*бледный, трясется*). Отец, она имеет право требовать у тебя ответа, она не знает — кто ты? Мы оба спрашиваем, — впрочем, я не буду, но ей, чтобы жить, нужно знать — честный ли человек ее отец?

Иван (*поражен*). Что? Что?

Надежда. Петька, замолчи!

Софья (*тихо, внушительно*). Пусть они говорят!

Петр. Я думаю, отец, что нечестные люди, больные — вообще нехорошие люди — не имеют права родить детей...

Александр (*усмехаясь*). Вот осел! Разве это делается по праву?

Петр (*пьянея от возбуждения*). Отец, я так думаю! Разве дети для того, чтобы стыдиться своих отцов? Разве они для того, чтобы оправдывать и защищать всё, что сделано их родителями? Мы хотим знать, что вы делаете, мы должны понимать это, на нас ложатся ваши ошибки!

Иван. Что он говорит? Продолжай, дрянь...

Петр. Ты дал мне жизнь, ты воспитал меня — почему же я дрянь? Я твоя кровь, отец!

Вера (*жалобно*). Петя, молчи!

Яков (*тихо*). Люба! Скажи им, что я не могу...

(Любовь не слышит его.)

Петр. Отец, ты честный человек?

Вера (*требует*). Мама, проси его, чтобы он ответил, проси!

Иван (*растерянно*). Послушай, скверное животное...

Петр. Вот, Вера, слушай!

Иван (*впадая в обычный, фальшивый тон пафоса*). Слушай и ты, развратная девчонка...

Софья. Молчи, Иван, не губи себя до конца!
(Вдруг опускается на колени.) Простите меня!

Надежда. Что за комедия? Мама, стыдитесь!

Иван. Ф-фу, чёрт возьми!..

Софья. Я могу только это. Простите меня, дети, за то, что я родила вас, — вот что я могу сказать...

Любовь (бросаясь к ней). Встань, мама, это бесполезно!

Софья (мужу). Проси у них прощения, это всё хорошее, что мы можем сделать...

Иван. Ты... ты понимаешь, что ты делаешь? (Бежит из комнаты и орет.) Вы меня хотите с ума свести!

Надежда (матери). Вы убиваете уважение к себе!

Петр (грустно). Мама, вот это и есть — трагический балаган!

Вера (горячо). Она — искренно!

Петр. Не всё ли равно?

Яков (тихо). Люба... Соня... (Он делает попытку встать, опрокидывается, хрипит, и рот у него открывается, точно для крика.)

Софья. Я виновата перед вами, перед всеми, перед каждым! Что с вами будет?

Петр (увидел лицо дяди, вздрогнул, подошел к нему и, посмотрев, торжественно говорит). Дядя Яков — умер...

(Все на момент оцепенели, молчат, потом медленно, осторожно подходят к мертвому.)

Любовь (тихо). Только так можно уйти из этого дома... Одна дорога...

Петр. Другая — смерть души...

Софья (подавленно). Это мы его убили...

Вера (смотрит на всех). Почему я не боюсь?..

Надежда (уходит). А мужа дома нет... ах, боже мой!

Иван (в столовой). Ага-а! Теперь я буду говорить иначе! Да, теперь...

Любовь. Скажите им, чтобы не кричали...

(Никто не идет.)

И в а н (при входе встречает Надежду). Эй, вы! Я назначен... что? (Входит в комнату Якова.) Умер... (Вытягиваясь на посах, смотрит в лицо брата через головы Софьи и детей.) Умер... Как же это? Надо доктора! Позовите Леща, он пришел...

Л е щ (входит). Почему же нет радости, так естественной в этом случае?

Н а д е ж д а (тихо). Шш! Дядя умер...

Л е щ. Н-но? (Подходит, берет руку Якова.) Н-да... Этого, разумеется, нужно было ждать каждый час... но всё же смерть никогда не является в пору... гм...

(Все молчат, как будто ждут чего-то. Александр вошел, поняв, что случилось, и лицо у него стало довольное. Иван тревожно оглядывается, переминаясь с ноги на ногу, покашливает тихонько, на минуту закрыл глаза и начинает говорить сначала мягко, почти искренно, потом снова впадает в фальшивый, папыщевый тон.)

И в а н. Дети, друзья мои! Здесь, окружая дорогое нам тело умершего, пред лицом вечной тайны, которая скрыла от нас навсегда — навсегда... э-э... и принимая во внимание всепримиряющее значение ее... я говорю о смерти, отбросим наши распри, ссоры, обнимемся, родные, и всё забудем! Мы — жертвы этого ужасного времени, дух его всё отравляет, всё разрушает... Нам пужно всё забыть и помнить только, что семья — оплот, да...

(Петр осторожно и бесшумно закрывает ширмами постель дяди и печально смотрит на отца.)

Ф е д о с ь я (идет и бормочет). Скончался, тихий...

И в а н. Семья — вот наша крепость, наша защита от всех врагов...

С о ф ь я (тихо). Перестань...

(Иван надулся, готовый крикнуть, но оглянул всех и, гордо подняв голову, уходит, громко топая ногами. За ним выходят Лещ, Надежда, Александр. Остальные окружают мертвеца. Вера сжалась в комочек и беззвучно плачет. Петр слепыми глазами смотрит на мать.)

Любовь смотрит сурово и неподвижно. Софья блуждающими глазами осматривает детей, как бы молча спрашивая их.)

Федосья (*за ширмами*). Царица небесная, прими раба твоего жалкого...

Петр (*глухо*). Если бы я веровал в бога — ушел бы в монастырь...

Софья. Господи! Великий господи! Такая страшная жизнь и смерть в конце ее... за что?

Любовь (*как в бреду*). Жизнь и смерть — две подруги верные, две сестры родные, мама.

Софья. Я не знаю... ничего не знаю...

Петр. В чем я виноват? И Вера? Все мы?

Любовь. Смерть покорно служит делу жизни... Слабое, ненужное — гибнет...

Федосья (*бормочет*).

З а н а в е с

ЧУДАКИ

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Константи́н М а с т а к о в .

Е л е н а .

В у к о л П о т е х и н .

Н и к о л а й П о т е х и н .

О л ь г а .

М е д в е д е в а .

З и н а .

В а с я Т у р и ц ы ц .

С а м о к в а с о в .

С а ш а .

Т а н с ь я .

ЗАМЕТКА ДЛЯ АРТИСТОВ

М а с т а к о в — в каждый данный момент искренен. Увлекается, говорит очень просто, без пафоса, без аффектации и смотрит неотрывно в лицо собеседника. Раздраженный — беспомощен и слегка комичен. Красивые жесты, гибкое тело. Кокетлив, но — бессознательно. Слушая речи людей, склоняет голову набок и смотрит на них одним глазом, как птица.

В у к о л П о т е х и н — как будто потерял нечто, но не хочет, чтобы люди заметили это. Его балагурство — пазоёливо; под желанием сменить людей скрыто старческое равнодушие к ним. Чувствует себя одиноким и при удобном случае мстит за это окружающим его. Но когда его слушают — доволен вниманием людей, молодеет, становится проще, симпатичнее.

Н и к о л а и П о т е х и н — тяжел, груб, к людям относится безучастно, любит подавлять их, рисуясь своей угрюмостью. Считает себя глубокой натурой. Вульгарен. От избытка самолюбия он неспособен любить; его отношение к Елене складывается из чувственного увлечения и зависти к Мастакову. В последней сцене искренен, как побитый.

С а м о к в а с о в — добрый, бесхарактерный человек, падел сам себе, ищет, кто бы взял его в руки. Ни на минуту не забывает своего прошлого, и ему неловко среди людей, которых он впервые видит близко и неясно понимает. Доктор Потехин внушает ему антипатию, близкую к физическому отвращению. Держится, как военный, часто слишком подчеркивая это.

В а с я — прищуривает глаза, в надежде казаться умнее и острее.

Е л е н а — беззаветно и честно любит мужа, убеждена, что в ее позиции нельзя себя вести иначе. Знает также, что в этой игре она рано или поздно окажется проигравшей всё. Ее сдержанность — внешняя, а внутри она всё время жарко горит. Очень пластична, одета просто и изящно.

О л ь г а — ей за тридцать лет. Авантюристка, которая торопится найти что-нибудь прочное. Слишком много испытала для того, чтобы верить людям и огорчаться неудачами. Теряется перед Еленой, потому что не понимает ее способа самозащиты. Торопливость мешает ей быть более стойкой, разгадать тактику Елены. Отнюдь не вульгарна. Эффектнее Елены и, конечно, опытнее ее.

З н а — человек, который не смеет быть самим собой. Очень мила и красива.

С а ш а — строгое, даже несколько суровое лицо человека, видевшего много горя и пужды.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дача в сосновой роще; сквозь редкие стволы видно стену дома, два окна, затянутые марлей, двор и невысокую террасу. На первом плане стол, устроенный вокруг ствола большой сосны, кресло-качалка, плетеные стулья. Висит гамак. Поздний вечер, лунный свет. Когда поднимают занавес — среди деревьев видно серую фигуру доктора *Потехина*; он в шляпе, широком пальто. Прислушивается, глядя в сторону дачи, и, пожимая плечами, уходит не спеша налево. Через несколько секунд на террасу выходят *Мастаков* и *Ольга*, идут наискось и направо.

Мастаков (*вполголоса, весело целуя руку Ольги*).
Какая добрая, милая...

Ольга (*оглядываясь*). Ш-ш! Кто-то ходит...

Мастаков. Никого нет. Николай в городе, Елена у Медведевых... Дома только землемер, но он ищет противоречий, и всё ему чуждо, кроме них. (*Целует щеку Ольги*.) Вот ты увидишь — я напишу пресмешной рассказ о нем...

Ольга. Ну — я иду... Не провожай...

Мастаков. Подожди! Посиди со мной. Мне хочется рассказать тебе...

Ольга (*пытливо*). Нас могут заметить, ты не боишься?

Мастаков. Мне хорошо, легко с тобой... Не хочется, чтобы ты уходила...

Ольга. Ага-а! Ты сколько времени не замечал, что я тебя люблю? Теперь я тоже начну бегать от тебя...

Мастаков. Господи, как всё это просто, легко и красиво...

Ольга (*освобождая руку*). Ну, до свиданья... до завтра!

М а с т а к о в. Нет, подожди... дай мне сказать...
О л ь г а. Тише! Что ты кричишь?

(Они прошли направо, их не видно. Из-за угла дома смотрит вслед им горничная Саша. Мастаков возвращается, улыбаясь, мягко жестикулируя. Слева идет Потехин, нагнув шляпу на брови, держа руки за спиной.)

П о т е х и н *(подозрительно)*. Кого это ты провожал?

М а с т а к о в *(подумав, с улыбкой)*. Не знаю.

П о т е х и н. И целовал?

М а с т а к о в *(смущен, смеясь)*. Целовал! Друг мой — разве об этом спрашивают?

П о т е х и н *(настойчиво)*. Мне показалось...

М а с т а к о в *(быстро)*. Тебе часто кажется странное! Ты только сейчас из города? Что там нового?

П о т е х и н. Ничего, конечно.

М а с т а к о в. А в газетах?

П о т е х и н. Есть две статьи о тебе...

М а с т а к о в. Хвалят?

П о т е х и н *(с улыбкой)*. Н-ну... не очень... Больше ругают, пожалуй...

М а с т а к о в *(сидясь в гамак)*. Значит — можно не читать.

П о т е х и н *(скудно)*. Ты читаешь только похвалы?

М а с т а к о в. Если ругают — неприятно читать, а хвалят — вредно. Похвалы внушают эдакие *(вертит пальцами над головой)* вредные идеи. Когда меня впервые назвали талантливым, так я, брат, такой безобразный галстух купил себе, что жена *(вздохнув)* осмеяла меня беспощадно.

П о т е х и н. Она где?

М а с т а к о в *(оглядываясь)*. Пошла к Медведевым. Жениху Зины плохо...

П о т е х и н. Умрет он.

М а с т а к о в. Вероятно. И ты умрешь, со временем.

П о т е х и н *(думая о чем-то другом)*. Ну, мы с тобой не скоро. А он — скоро. Молодому неприятно умирать.

М а с т а к о в *(с легкой досадой)*. Кажется, я уже слышал однажды этот афоризм.

П о т е х и н *(так же)*. Особенно неприятно умирать... оставляя невесту...

М а с т а к о в. Ты это испытал? Ух, скучный ты... странный ты человек! Юноша знает, что ему не жить, но — ведь он не стонет, не жалуется, он умеет скрыть свою тоску... И это благородное уменье, эта прекрасная сдержанность как будто раздражают тебя... и других! Вы ходите вокруг него и ворчите — умирает, умрет...

П о т е х и н (*усмехнулся*). Ты — слеп! Или, по обыкновению, сочиняешь.

М а с т а к о в. Право, если бы этот Вася умер со смехом, с радостью, ты, пожалуй, возненавидел бы его!

П о т е х и н (*ворчит*). Что за чепуха...

М а с т а к о в (*настойчиво*). Уж наверное ты сказал бы, что он сошел с ума...

П о т е х и н (*небрежно*). Зина когда была здесь?

М а с т а к о в (*устало*). Часов в пять... около этого.

П о т е х и н (*глядя в землю*). Елена Николаевна пошла с нею?

М а с т а к о в. Да.

П о т е х и н. И не возвращалась?

М а с т а к о в. Нет.

П о т е х и н. Так! Гм! Значит, ты... (*Тихо.*) Константин, мы с тобой старые товарищи...

М а с т а к о в (*отмахнувшись*). Иди, отдохни, старый товарищ. Ты устал. Береги себя. Твоя культурная деятельность...

П о т е х и н (*угрюмо*). Не дури!

М а с т а к о в. Иди, иди. Знаю я тебя! Ты хочешь говорить о задачах литературы, о сострадании...

П о т е х и н. Слушай, это серьезно... Оставим литературу.

М а с т а к о в. Всё прочее — неинтересно. Вот твой отец...

(*Вукол Потехин в короткой куртке, шляпе и высоких сапогах стоит на террасе и, подняв голову, смотрит в небо.*)

М а с т а к о в. Куда это вы собрались? На луну?

В у к о л. Перепелов ловить. (*Идет к ним.*)

М а с т а к о в. Что за деятельная натура! Преклоняюсь пред вами, землемер. Как это ловят перепелов?

В у к о л. Перепелов ловят сетью, во ржи, а человек — на противоречиях.

М а с т а к о в. Bravo! Вы владеете афоризмом превосходно. Николай, учись! И книга в кармане?

(Доктор раскуривает сигару, зажигает спички, стараясь незаметно осветить лицо Мастакова, пристально наблюдает за ним. Раскурив, уходит направо в роццу; плечи приподняты, голова наклонена.)

В у к о л. И книга. На рассвете выкупаюсь, лягу на росистую траву и — часок почитаю, — хорошо, а?

М а с т а к о в. Чудесно! Особенно для вашего ревматизма.

В у к о л. Будут петь птицы, выполняя закон природы *(хлопая по книге ладонью)*, а человек будет рассказывать мне утешительные сказки про святую Русь, а? *(Мастаков смеется, болтая ногами.)* О бессребрениках инженерах, о святом квартальном, о нигилистах, великих простотою души своей, о святых попах, благородных дворянах и — о женщинах, о мудрых женщинах! Как приятно читать эти сказочки в наше-то темное, безнадежное время, а?

М а с т а к о в *(с интересом)*. Нравится он вам, автор?

В у к о л. Великий сочинитель! Сердце у него иссохло от тоски и отчаяния, но — он утешает ближнего! Читаю и ласково улыбаюсь ему: ах, милый! *(Подмигивая.)* Знаю я, что всё это — выдумка и утешительного ничего нет, но — приятен душе человек, который, видя всюду зверей, скотов и паразитов, сказал себе: давай-ка я напишу им образы примерно хороших людей...

М а с т а к о в *(серьезно, задумчиво)*. Да? Вот как вы? Это — интересно...

В у к о л. Разорвал душу свою на тонкие нити и сплел из них утешительную ложь... *(Подмигивая, усмехается.)* Думал ободрить меня, русского человека... Меня? Промахнулся, бедняга!

М а с т а к о в. Промахнулся? Почему?

В у к о л *(подняв руку, точно клянется)*. Не верю!

М а с т а к о в. Ах вы, старый нигилист!

В у к о л. Не верю! Храм сей, скверно построенный и полуразрушенный, Русью именуемый, — невозможно

обновить стеной живописью. Распишем стены, замажем грязь и роковые трещины... что же выиграем? Грязь — она выступит, она уничтожит милые картинки... и снова пред нами гниль и всякое разрушение.

М а с т а к о в (серьезно смотрит на него, склонив голову, точно птица). Так...

В у к о л. Не верю! Но — умиляюсь, когда человек говорит против очевидности, в добрых целях утешить и ободрить ближнего. Ведь в конце концов мы живем не по логике, а как бог на душу положит. Вот и вы тоже, как он, противоречите действительности...

М а с т а к о в. Я?

В у к о л (подмигивая). Ну да, вы! Ведь тоже — выдумываете праведных-то людей, нет их на Руси вживе, а?
(Саша сходит с террасы, стоит у деревьев. Лицо у нее печальное, она смотрит на Мастакова с упреком.)

М а с т а к о в (спрыгнув на землю). Это — неверно. Вы запираете жизнь в клетку какого-то обобщения, думая, что так она будет понятнее вам... И это — неверно! *(Увлекаясь.)* Ничего нельзя выдумать, и — не надо выдумывать...

В у к о л (смеясь). Нельзя? Не надо?

М а с т а к о в. Я верю, что победит светлое, радостное — человеческое... Я ищу вокруг себя этих явлений... Жизнь — щедрa, она мне их дает!

В у к о л. Дает? Грошики, копеечки, а?

М а с т а к о в (горячо). Мне нравится указывать людям на светлое, доброе в жизни, в человеке... Я говорю: в жизни есть прекрасное, оно растет, — давайте любовно поможем росту человеческого, нашего! Человеческое — наше, нами создано... да!

В у к о л. Не поверят вам... Русский не любит верить, верa — обязывает. Русский любит подчиняться обстоятельствам, — он лентяй. Мы любим сказать: ничего не поделаешь, против рожна не попрешь... Мы живем шесть месяцев в году... а остальные полгода мечтаем на печке о хороших днях... о будущем, которого не будет для нас...

М а с т а к о в (снова влезая в гамак, заметил Сашу). Вы что, Саша?

С а ш а (*вздвинув*). Барыня приказали предложить вам чаю...

М а с т а к о в (*тревожно*). Она пришла?

С а ш а. Нет. Она сказала, уходя, чтобы в девять часов я предложила вам чай.

М а с т а к о в. Пессимист, чаю хотите? Принесите сюда два стакана, Саша. И — хлеба.

В у к о л. Как супруга-то заботится о вас!

М а с т а к о в (*тихо*). Да-а...

В у к о л. Превосходнейшая женщина!

М а с т а к о в (*оглядываясь*). Возьмите меня перепелов ловить!

В у к о л. Вот это хорошо! Идемте-ка!

М а с т а к о в. Кажется, Самоквасов интересный человек?

В у к о л. Мы все интересные люди... (*Саша принесла поднос с чаем.*) Мы все для вас должны быть интересны.

М а с т а к о в (*простирая руки над головой Вукола*). Заклинаю вас — будьте!

В у к о л (*усмехнулся, пьет чай*). Да, Самоквасов... заблудился он... Офицер, командовал ротой, необходимо было помочь сестре, — пошел служить в полицию... В 905 году бросил эту службу, говорит, противно стало. А теперь вот жалеет, что бросил...

М а с т а к о в (*с интересом*). Жалеет?

В у к о л. Видимо. Очень много говорит о своей глупости... Идет он.

С а м о к в а с о в (*в тужурке военного покроя, офицерской фуражке, высоких сапогах. На плече перепелиная сеть, в руках клетка в холщовом чехле. Раскланялся с Мастаковым*). Добрый вечер! Отличное время выбрали мы с тобой, землемер! Газеты читал?

В у к о л. Я же не люблю их.

С а м о к в а с о в. Победы. И я не люблю, а отравляюсь ими ежедневно...

В у к о л. Ну, тебя немцы беспокоят, а меня — никто! В немцев я не верю, в японцев тоже...

М а с т а к о в (*очень любезно*). Вы хотите чаю? Саша!

(*Саша молча уходит в дом.*)

С а м о к в а с о в. Благодарю! Вы тоже международной политикой не интересуетесь?

М а с т а к о в (*улыбаясь*). Я? Нет. О ней пишут сквернейшим языком.

В у к о л. И всегда — прозой. (*Мастакову, указывая на Самоквасова.*) Он очень боится немцев, японцев и, кажется, женщин. Ты ведь и женщин боишься, Мирон, а?

С а м о к в а с о в. Я не боюсь, а... мне думается, что шутить не время... Нам, русским, пора бы посмотреть серьезно на наше положение в Европе... (*Несколько возбуждаясь.*) Никогда еще Россия не стояла в такой безнадежной, в такой опасной позиции... И мне странно слышать, что вы, литератор, вы, так сказать, духовная охрана страны... (*Мастаков, улыбаясь, смотрит, склонив голову набок, в лицо ему, — это смущает и несколько раздражает Самоквасова.*) Вы должны знать все беды, грозящие родине вашей...

М а с т а к о в (*улыбаясь Вуколу*). Вот еще долг мой — видите?

С а м о к в а с о в (*горячо*). Можно ли шутить, когда из нас снова хотят сделать заслон против монголов? Европа прикрывается нами с востока, а когда мы окончательно истощим силы в борьбе с желтой расой, Германия отнимет у нас Польшу, Прибалтийский край, выйдет через Балканы в Эгейское море...

В у к о л. Захватит Марс, Венеру, Полярную звезду...

С а м о к в а с о в. Если бы ты следил...

В у к о л. Привык ты следить и командовать! Раньше — управлял движением извозчиков, а теперь — на государства посягаешь... брось!

С а м о к в а с о в. Чудак, ты пойми...

В у к о л. Брось политику и — купи гитару. Играй на гитаре. Это очень меланхолично и не нарушает тишины. Приятно будет видеть, как этакий бравый, усатый молодчина, сидя под окном, в час заката наигрывает чувствительно на грустном инструменте...

М а с т а к о в. Bravo, землемер! Это очень мило!

С а м о к в а с о в (*грустно*). Эх, господа...

В у к о л. И по щеке, на длинный седой ус, тихо сползает тяжелая слеза одиночества...

(*Мастаков смеется.*)

С а м о к в а с о в. Когда мы будем серьезными людьми?

В у к о л. А вот когда начнем перепелов ловить.

М а с т а к о в (*Самоквасову*). Вы знаете, что я с вами иду?

С а м о к в а с о в. Приятно знать. А все-таки, господа, немцы требуют нашего внимания...

М а с т а к о в. Да? А вы знаете, что европейцы упрекают нас в злоупотреблении серьезными разговорами?

В у к о л. Дамы идут...

С а м о к в а с о в. Это вас, литераторов, упрекают...

(Слева выходят Елена и Зина. Самоквасов кланяется, не протягивая руки.)

З и н а. Не бойтесь... давайте вашу лапу... я незлопамятна.

В у к о л. К тому же вы ссорились не в последний раз.

З и н а. Конечно.

С а м о к в а с о в (*смущен*). Я — рад! Сердечно рад...

(Елена тихо подходит к мужу, он, виновато улыбаясь, как бы невольно протягивает ей руку.)

М а с т а к о в. Как ты долго!

Е л е н а. Скучал?

М а с т а к о в. Вот эти двое обижают меня политической, философией, астрономией и всяческой мудростью... *(Видит в руке у нее связку ключей на кольце и перчатку, нахмурился.)* Что это у тебя... чье это?

Е л е н а (*внешне безразлично*). Вероятно — Ольги Владимировны. Я подняла на дороге, попало под ноги мне... Она была?

М а с т а к о в. Да. Она была. Землемер, мы скоро пойдем?

В у к о л (*смотрит на часы*). Через... через полчаса.

М а с т а к о в (*уходя*). Пойду оденусь.

С а м о к в а с о в (*Зине*). Мне это простительно... я иногда не понимаю значения слов... Вот, например, часто встречается слово — фикция. Что такое?

Зина (*устало*). Фикция? Это вы.

Самоковасов. Нет, серьезно.

Зина. Серьезно. Вы.

Самоковасов. Но... как же я... если женский род?

Зина (*смеется*). Ах... Лена, послушай...

Самоковасов (*вспыхнув*). Да... я понимаю, что когда мужчина за сорок ставит детские вопросы... это смешно образованной девушке... в двадцать лет. (*Быстро отходит в сторону.*)

Елена (*задумчиво позванивая ключами*). Что такое? (*Тихо.*) Он, кажется, снова рассердился?

Вукол. Барышня назвала его фикцией. Его!

Зина (*улыбаясь*). Разве это обидно?

Елена (*Вуколу, мягко*). Надо ли, чтобы он чувствовал себя чужим среди нас?

Вукол. Ба! Мы с ним друзья почти. Вы уж очень... тонко!

Елена (*улыбаясь*). А вы не слишком ли просто относитесь к нему?

Вукол. Это — не я! Это вон кто дразнит его всегда.

(*Елена не спеша идет к Самоковасову.*)

Вукол. Вот, я получил выговор из-за вас. (*Зина молчит.*) Что, как ваш больной?

Зина (*сердито*). Ведь вам неинтересно это?

Вукол. Почему?

Зина. Потому, что вы человек холодный, черствый.

Вукол (*удивленно*). Вот тебе раз!

Зина (*несколько сконфужена своей выходкой*). Вам скучно жить, и вы...

Вукол. Милое мое дитя! В мои годы всем живется невесело, но это в порядке вещей, а вот что вам в двадцать лет скучно...

Зина. Мне не скучно, а у меня устали нервы!

Вукол. Тоже непохвально.

Зина (*раздражаясь*). Вы не понимаете... Убить так много сил и два года времени на борьбу за свободу человека, измучить мать, и... и вот он изломан, полумертв... Испытали ли вы это в двадцать лет?.. (*Потехки идет.*) Испытали?

Вукол. Гм...

Зина (*доктору*). Ну, что?

Потехин. Спит. Температура упала... Это кто там ходит?

Зина. Елена и Самоквасов.

Потехин (*безразлично*). А батька, по обыкновению, злил вас?

Зина. Я, кажется, была невежлива с ним.

Вукол (*успокоительно*). Э, не беспокойтесь этим... нервы у меня не очень чуткие. (*Отходя.*) Мирон, пора идти!

Потехин (*тихо*). Отец иногда бывает тяжел для собеседника.

Зина. Мне кажется, что все люди играют роли. Он — мизантроп.

Потехин (*прислушиваясь к голосу Елены*). Фамилия у него веселая — Потехин, а человек он — скучный.

Самоквасов. Такой жизни я не понимаю!

Потехин (*усмехаясь*). Однако в старину прозвища не зря давали.

Елена. Немножко доброго внимания друг к другу, и всё станет понятным.

Мастаков (*идет*). Ну, что же? Перепела или философия? (*Жене.*) Иду! Ты не беспокойся!

Елена (*удивлена*). О чем?

Самоквасов. Ну-с, пошли!

Мастаков (*неловко*). Как — о чем? Обо мне, конечно! (*Целует руку.*) До свиданья!

Елена. До рассвета?

Мастаков. Да.

(Все трое идут направо. Елена, словно смущенная лаской мужа, тихо опускает руку, глядя на нее со странной улыбкой. Потехин, дымя сигарой, следит за игрой ее лица. Задумчиво покачиваясь на стуле, Зина тихонько напевает что-то печальное. Издали долетает смех Мастакова.)

Потехин. Славная ночь. Тепло как...

Елена. Да. Хорошо.

Потехин (*глухо*). Я третью ночь сплю на воздухе... на террасе под окном...

Елена. Комары не кусают?

Потехин. Нет. *(Вздохнул, оглянулся.)*

(Саша мелькает среди деревьев, всё время следя за Еленой. Ее не замечают.)

Зина *(не вставая)*. Пойду домой. Лень идти. А — надобно...

Елена. Хочешь, мы с доктором проводим тебя?

Зина *(позевывая)*. Если вы хотите... не трудно вам...

Потехин *(живо, неловко)*. Что вы! Приятно... мне, конечно...

Зина. Вот неожиданный взрыв любезности!

Потехин. Какая же тут любезность? Просто спать не хочется.

Зина *(кланяясь)*. Да? Извините мне ошибку...

Елена *(улыбаясь)*. Бедный доктор, он даже покраснел. А знаете, этот Самоквасов интересный человек... Ему среди нас неловко...

Потехин. У него есть что-то общее с моим отцом.

Зина *(насмешливо)*. Скучают оба. Ничего не делают и скучают. От скуки думают о сложных вопросах...

Елена. Мы все, Зина, скучные немножко. И все от скуки думаем.

Потехин. На даче — отдыхают... Отдых сам по себе невеселое занятие.

(Они ушли. Саша убирает посуду со стола, взяла в руки ключи, перчатку, с отвращением швырнула их на стол, побежала вслед за Еленой и кричит.)

Саша. Елена Николаевна! На минуту... воротитесь... *(Скрывается за деревьями и вскоре выходит вместе с Еленой, говоря ей торопливо, со слезами и обидой в голосе.)* Простите меня... я вас люблю, но я лучше уйду... мне тяжело...

Елена *(стараясь скрыть тревогу)*. Что такое? Говорите прямо, Саша... вас обидел кто-то?

Саша. Ах, нет... я не знаю, как это сказать... Вы научили меня смотреть на Константина Лукича так хорошо... и вот... я боюсь сказать...

Е л е н а. Меня боитесь?

С а ш а (*подбежав к столу, схватила ключи и бросила их к ногам Елены*). Видите? Это она... это ее ключи... она забыла их здесь...

Е л е н а (*глухо*). Нет. Неправда. Это я принесла их. Я нашла на дороге...

С а ш а (*подавленная, тихо*). Всё равно. Она была здесь... они целовались... Мне стыдно сказать, что я видела... они...

Е л е н а (*прислонясь к дереву, выпрямилась и говорит тихо, с гневом и гордостью*). Ступайте прочь! Между мною и моим мужем вы, девчонка... как вы смеете? Ложь!

С а ш а (*умоляя*). Это не ложь... вы же знаете! Ведь вы знаете!..

Е л е н а. Я ничего не хочу знать... Идите!

С а ш а (*опустясь на стул, плачет*). Господи боже мой... Господи!

Е л е н а (*несколько секунд смотрит на нее, подходит и кладет руку на голову ей*). Простите меня, Саша... это я от стыда... от слабости... Я знаю, простите... Мне ударило в голову, и я немного обезумела... Это глупо — гордость перед вами...

С а ш а. Что это, господи? Зачем он? Разве она лучше вас? Такой хороший человек...

Е л е н а. Будем молчать об этом... что тут скажешь, что? Как нехорошо, что я обидела вас...

С а ш а. Ах, вы никого не обидели! Вас обидели!

Е л е н а. Мне трудно верить... не хотелось убедиться...

С а ш а. Ведь не могла я не сказать вам...

Е л е н а. Да, милая девочка...

С а ш а (*тоскуя*). Зачем он это сделал?

Е л е н а. Не будем говорить об этом... Я несколько... растерялась...

С а ш а. Вы — видели! Отчего вы не помешали им?..

Е л е н а. Я? Оставим это, Саша... Не могу говорить... Дайте мне воды... и шаль.

(Саша быстро ушла. Елена ходит, как слепая, и говорит тихонько.)

Е л е н а. Ты ведь ждала этого... что же? Ты знала, да...

(Слышен тихий свист — она выпрямилась и сурово смотрит встречу звука. Из-за деревьев выходит Мастаков; быстро подходя к жене, он говорит ласково и радостно.)

М а с т а к о в. Гуляешь? Одна? Чудесно! Давай посидим, я немножко устал. *(Елена делает движение в сторону от него, он не замечает.)* Я убежал от них, не могу. Один всюду видит злые козни Германии, другой — изнемогает от желания сказать что-то значительное, оригинальное... оба они — маньяки, и — чёрт их поberi! *(Взял за руку и ведет жену к скамье, не замечая ее слабых сопротивлений.)* Шел полем и думал о тебе...

Е л е н а *(тихо)*. Обо мне? Да?

М а с т а к о в. О том, какая ты хорошая.

Е л е н а. Послушай, не надо...

М а с т а к о в. Почему? Нет, надо! Иногда мне хочется осыпать тебя всеми нежными словами, какие знаю...

Е л е н а *(заглядывая в лицо ему, со страхом)*. Зачем ты говоришь это?

М а с т а к о в. Мне так хочется, и ты не мешай!

Е л е н а *(тревожно)*. Ты хочешь сказать что-то? Да? Подожди... прошу тебя! Или нет — лучше скажи... говори скорее!

М а с т а к о в *(играя ее пальцами)*. Конечно, я буду говорить. Я тебя люблю, видишь ли, такой хорошей, спокойной любовью... как мать, люблю я тебя иногда, хотя ты одних лет со мной... Это — странно? Это — правда, Лена!

Е л е н а *(готовая к удару)*. Да... ну, что же?

М а с т а к о в. Сядь, а я лягу и положу голову па колени тебе...

Е л е н а *(бессильно опускаясь на скамью)*. Подожди... я помогу тебе сказать...

М а с т а к о в. Ничего, не беспокойся, мне хорошо. Кто это топает?

(Саша изумленно останавливается со стаканом воды в руках.)

Е л е н а. Саша... Дайте, пожалуйста... идите!

М а с т а к о в. Превосходная девушка эта Саша! Изыщная, уменькая и точно фарфоровая. Ты прекрасно сделала, поставив ее близко к себе... У неё так быстро растёт сознание своего достоинства — а это драгоценно! Мне хочется говорить ласковые слова всему миру, я чувствую себя страшно богатым... Ты капаешь на лицо мне, Елена, точно слезы падают...

Е л е н а. Извини...

М а с т а к о в. Да, так я шел и думал о тебе, вдруг — сложился недурной рассказ. (*Смеется радостно.*) Слушай: живет старуха, она — умная, она видит, что все кругом ее — рабы. Но — у нее есть вера в лучшее... смутная вера... и есть у нее комические черты. Ее муж — тоже раб. Дочь — молчаливая, религиозная, углубленная в себя. В селе является человек с возмущенной душой, какой-то бродяга, бездомный батрак, но — яркий, точно огонь. Он нравится старухе, она видит, что он — не раб, не просто озорник, нет, он — тоскует о чем-то... и она говорит дочери — смотри, к нам пришел хороший человек. (*Мастаков вскочил, сел и смотрит перед собой, жестикулируя; говорит, как в бреду.*) Такая прямая старуха, темное лицо, высохшая грудь, тонкие губы и немножко зеленые глаза — видишь, какая! Ей кажется, что дети ее дочери и этого человека будут настоящими людьми, смелыми и гордыми... Она предлагает бродяге жениться на ее дочери. Ее муж против, конечно, и этот человек тоже не хочет связывать свою свободу, — не хочет, а девушка задела его душу. Тогда старуха — помолясь богу — пойми это! — разрешает ему и дочери жить не венчаясь. Это я сумею рассказать... да! Ночью она стоит на коленях, умоляя бога возложить на нее грех дочери: «Господи! да не унижится образ твой и подобие твое да не будет оскорблено в человеке»... не этими словами, Лена, но — эта мысль! Любит бога и не может без скорби и гнева видеть, как в человеке попирается божественное... это — я знаю! Эти чувства я знаю! Да... Потом — проступок дочери становится известен отцу — он хочет бить девушку... «Не смей! — говорит старуха, — здесь я, мать, виновата! Я, мать,

не хочу, чтобы дочь моя — моя плоть — рождала людей ничтожных... Я — мать!..» Это хорошо, Лена?

Е л е н а *(тихо)*. Да, хорошо.

М а с т а к о в. И — возможно?

Е л е н а *(тихо, убежденно)*. Нужно, чтобы это было возможно в жизни.

М а с т а к о в. Мать! О ней мало говорят, Лена... позорно мало! Матери Гёте — не поняты. А ведь каждая женщина — мать — почти символ... Я буду много писать о матерях... Ты знаешь, что в твоём отношении ко мне есть материнское? Я это иногда чувствую удивительно ясно и сильно... Иногда ты бываешь слишком серьёзна... это немножко скучно... знаешь ли! Ты мало смеёшься, Лена. Но зато с тобой так спокойно, просто... ах, спасибо, Лена! Тверда и непоколебима земля, по которой ты ходишь...

Е л е н а *(задыхаясь от радости и горя)*. Слушай... ради бога! Ради твоей души — говори мне всегда всю правду... всегда всю правду! Ложь — это такая пошлость... так не идет к тебе!

М а с т а к о в. Правда? Иногда она такая дрянь... точно летучая мышь, — кружится, кружится над твоей головой, серенькая, противная... Зачем они нужны, эти маленькие правды, чему они служат? Никогда я не понимал их назначения... Ну, вот — моя старуха, — это ложь, скажут мне, уж я знаю, что скажут. Таких старух нет, будут кричать. Но, Лена, сегодня — нет, а завтра — будут... Ты веришь — будут?

Е л е н а. Да. Помоги им быть, и — они будут! Не о той правде я говорила... Может быть, иногда ты не хочешь сказать мне чего-то, жалея меня... Ради красоты, которую ты так любишь, — не жалея меня! Это унижительно...

М а с т а к о в *(задушевно)*. Я тебя не жалею... нет! *(Снова ложится на колени ее.)* Милая моя Лена, сегодня я удивительно близок тебе...

Е л е н а *(тревожно)*. Сегодня? Почему именно сегодня — скажи!

М а с т а к о в *(закрыв глаза)*. Не знаю... Не скажу... хотя, может быть, догадываюсь... Как славно, живо бьется твое сердце...

Е л е н а. Хочешь, я помогу тебе? Скажу за тебя?

М а с т а к о в (*сквозь дрему*). Подожди... мне хочется молчать... Как это хорошо... тишина... и бьется хорошее, преданное мне сердце... Думая о тебе... я всегда нахожу что-то новое... новую тему... мысль... удивительно, Лена...

(*Он задремал. Саша идет с белою шалью в руках.*)

С а ш а (*громко*). Простите — я забыла...

Е л е н а (*шёпотом*). Ш-ш... Спит!..

(*Саша, видя его позу, опустила голову.*)

Е л е н а (*нахмутив брови*). Прикройте ему ноги... тихонько... (*Улыбаясь неволью.*) Смотрите, какое лицо... милое...

(*Саша медленно идет прочь. Елена тихонько покачивает на коленях голову мужа. Потехин выходит с левой стороны, увидел людей на скамье, присмотрелся и, выпрямившись, угрюмо идет к дому, шаркая ногами.*)

Е л е н а (*беспокойно*). Тише...

(*Потехин круто обернулся, точно крикнуть хочет, и, махнув рукой, быстро уходит прочь.*)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер. Заходит солнце. У стола под сосной — Е л е н а, перед нею пьалы. З и н а. В а с я — в кресле, окутанный пледом. М а с т а к о в — с рукописью в руках. Прислонясь к дереву, стоит доктор П о т е х и н, он курит. За Еленой — С а ш а, в руках у нее шитье, она точно прячется, согнулась, иногда смотрит через плечо Елены на Мастакова. Как всегда, лицо у нее печальное, взгляд укоризненный.

М а с т а к о в (*похлопывая рукописью по столу, взволнованный, смотрит на всех по очереди с улыбкой*). Ну — судите!

В а с я. Я, как осужденный, говорю последним. Это мое право.

З и н а (*с гримасой*). Ой-ой! Как ты весело шутишь! (*Мастакову*.) Мне очень нравится. Особенно — дочь!

С а ш а (*тихонько*). А мне — старуха!

М а с т а к о в (*рад*). Конечно, вы сами — старая ведьма! (*Доктору*.) Остался — ты! (*Наклонив голову*.) Руби, злодей!

П о т е х и н (*неохотно*). Ты знаешь, я плохой ценитель искусств.

М а с т а к о в. Судя по началу — попадет мне!

П о т е х и н. Сказки меня не волнуют.

Е л е н а (*тихо*). Почему же — сказки?

М а с т а к о в. Лена — ты молчи, тебе нельзя говорить... Ну, Николай, терзай меня...

П о т е х и н. Не торопи! Я, твой читатель, не торопил тебя писать.

З и н а. Господи, какой мрачный тон!

В а с я. Доктор намерен отнестись к делу серьезно... (*Мастакову*.) Очевидно, вы опасно болсете... Чем он болен, уважаемый доктор?

Потехин *(усмехаясь)*. Слабое зрение.

Вася. Угрожает слепота?

Зина. Подожди!

Потехин. Знаешь что, Константин, — отец, пожалуйста, прав, когда он говорит о вас, литераторах! *(Внезапно с горечью, почти со злобой.)* Обманываете вы читателей, да, да! Вы не хлеб насущный даете нам, а сладкие пряники...

Вася. Вы, кажется, сердитесь, доктор?

Потехин *(сильно)*. Желая возбудить надежды, вы приводите к тяжелым разочарованиям... Однажды вы уже изобразили народ, ожидающий пророков правды и добра... пророки поверили вам и пошли, и были преданы, были убиты!.. Но вы еще раз сделали это снова, обманули тех, кто верил вам... вместо могучего народа, о котором вы пели, нас встретил старый, темный зверь...

Зина *(возмущена)*. Доктор, вы на границе пошлости!..

Вася *(удерживая ее)*. Подожди... терпение...

Потехин *(несколько опомнился, провел рукою по лицу)*. Не беспокойтесь... и не грубите! Я ведь предупредил — это не мое мнение... это мнение отца.

Вася. Однако вы с такой силой излагаете чужие мнения... интересно бы слышать ваши!

Потехин *(угрюмо)*. У меня нет своих мнений... я не хочу скрывать этого, как теперь делают многие. Я не умею выдумывать наскоро... Мне надоели комедии с переодеваниями нигилистов в фанатиков и фанатиков в нигилистов.

Вася. Как англичанин анекдота — вы не настолько богаты, чтобы шить свое платье у плохого портного?.. Похвально!

Зина *(Елене)*. Беседа принимает несколько истерический характер.

(Елена останавливает ее взглядом.)

Мастаков *(подавлен)*. Первый раз вижу тебя таким... Что с тобой?

Потехин. Надоело мне всё! Не хочу никакой лжи... никаких утешений и обманов! Не хочу и того, что

так весело и беззаботно возвещаешь ты, Константин... не верю в эту твою сказку о матери...

С а ш а *(пугливо)*. Ой, господи... как это можно!

В а с я *(насмешливо)*. Это вы от себя уже говорите?

П о т е х и н *(тяжело)*. Да, это говорю я, Николай Потехин! *(Он вдруг взглянул на Елену: согнувшись над пьльцами, она спокойно вышивает. Ему точно ушибло голову, он приподнял плечи и — пошел прочь, говоря.)*

Если грубо вышло... извините... я ведь этого не хотел.

В а с я *(усмехаясь)*. Увы... Разваливается колосс на глиняных ногах... эх, родина моя!

Е л е н а *(взглянув на него, потом на мужа)*. Знаете, чье мнение здесь ценнее всего? Сашино!

С а ш а *(прячется)*. Ну, что это...

Е л е н а. Она выросла в той среде, о которой сейчас рассказано нам...

В а с я *(Зине, негромко)*. Рассказ из быта готтентотов может оценить только готтентот.

З и н а *(протяжно)*. Не надо-о!

В а с я. Шатобриан посылал рукопись Аталы индейцам, и только когда они сказали ему: всё верно! — решился напечатать книгу.

М а с т а к о в *(ласково и мягко)*. Разве я лгу? Я? Никогда!

Е л е н а. Нужно ли объяснять?

М а с т а к о в. Мне просто до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего, красивого, не верят в завтрашний день... Я ведь вижу грязь, пошлость, жестокость, вижу глупость людей, — всё это не нужно мне! Это возбуждает у меня отвращение... но — я же не сатирик! Есть еще что-то — робкие побегии нового, истинно человеческого, красивого, — это мне дорого, близко... Имею я право указать людям на то, что люблю, во что верю? Разве это ложь?

В а с я *(улыбаясь, поучительно)*. Ну да, это обычная ваша мысль... вы часто говорите об этом. Но — вы забываете, что есть нечто неотразимое... пред ним всё наше человеческое, и доброе и злое, — ничтожно, осуждено на гибель.

М а с т а к о в. Боже мой... надоели мне эти слова!

В а с я *(иронически)*. Надоели? Не более того?

М а с т а к о в. Вам известен обычай омыwać тело покойника? Давайте омоемся от пошлости и лени при жизни! Пусть всё человечество в свой последний час предстанет гибели чистым и прекрасным... пусть оно погибнет с мужественной простотой, с улыбкой!

В а с я. О романтизм! Не всё ли мне равно — как умереть?

М а с т а к о в (*уныло*). Да? Всё равно вам?

Е л е н а (*спокойно*). Разве не лучше умереть красиво?

В а с я. Я не романтик. Нет.

З и н а (*почти с отчаянием*). Да оставьте вы этот похоронный разговор! Только что слышали такой задушевный рассказ... право, стыдно перед автором!

В а с я. Писателей не стыдят. Писатель должен быть мужествен... особенно когда он проповедует... веселый стоицизм! (*Смеется.*) Каково словцо?

(*Самоквасов идет с букетом цветов; видит Васю, остановился, хмурится, дергает себя за ус.*)

Е л е н а (*живо*). Добро пожаловать!

С а м о к в а с о в. Мое почтение... (*Делит букет, цветы падают на землю.*) Позвольте предложить вам... и вам... (*Сконфузился.*) Становлюсь стар и неловок...

(*Мастаков встал, отошел в сторону и, глядя в небо, тихо посвистывает. Вася тоже встал и уходит прочь.*

Самоквасов, видя это, еще более теряется.)

Е л е н а. Саша, поставьте в воду, пожалуйста.

З и н а (*идет вслед за Васей*). Спасибо вам! Чудесные цветы. (*Васе.*) Тебе нравятся ирисы?

В а с я (*тихо*). Мне нравится отставной полицейский. Он влюбился в тебя — ты понимаешь?

З и н а. Василий! Зачем ты это говоришь?

В а с я. Он наверное сделает тебе предложение...

З и н а. Перестань!

В а с я. И когда я умру... ты выйдешь за него замуж...

(*Они уходят. Елена всё время что-то говорит Самоквасову с доброй улыбкой, оживленно.*)

С а м о к в а с о в. Да... но, видите ли...

Е л е н а (*громче*). Вы преувеличиваете! Люди гораздо более глупы, некультурны, чем злы...

С а м о к в а с о в. Я все-таки прожил сорок лет, и обидно, когда люди, еще не жившие, третируют тебя...

М е д в е д е в а (*идет*). Добрый вечер! А где же мой?

Е л е н а (*оглядываясь*). Тут где-то.

М е д в е д е в а (*сидясь*). Пора бы домой! Ему запрещено гулять после заката, а он нарочно ходит.

С а м о к в а с о в (*крякнув*). Гм... Почему же нарочно?

М е д в е д е в а. Да уж так... вижу я эту игру! (*Грозит пальцем.*) Я простая женщина, я всё вижу...

М а с т а к о в (*подходя к ней*). А вы не сердитесь... Ведь вы добрейшая душа!

М е д в е д е в а. Не могу, батюшка! Мать я, и у меня погибает дочь... да! Вы — милый человек, хороший вы человек, ну а материнское — вам неизвестно и непонятно. Мук моих вы не знаете, слез не видите, думушки мои бесконечные неизвестны вам... Сына потеряла, теперь — дочь теряю... каково это?

(*Самоквасов мрачно нахмурился и отходит прочь.*)

М а с т а к о в. Дочь теряете? Почему же?

М е д в е д е в а (*грубовато*). Да что вы — не видите, как она измоталась, устала, изнервилась вся? Ночами — не спит, плачет... А он ей — всё о смерти, всё о том, что вот он, молодой, умирает, а она будет жить...

М а с т а к о в (*удивленно*). Он? А я думал — оп... не так...

М е д в е д е в а. Разве такая она была? Спокойная, крепкая, веселая! Бывало — целый день смеется, поет...

М а с т а к о в. Мне казалось, что у него очень развито чувство человеческого достоинства и он... не станет...

М е д в е д е в а. Не станет! Как же! Эдакий-то самолюб да стеснялся бы! Он же первое лицо на свете... Ведь из его речей выходит, что когда он помрет — и мир весь помереть должен, и солнце погаснет... вишь какой лакомый! Да еще целует ее иной раз, о господи! Вдруг заразит, а? Ведь это что же? За что?

С а м о к в а с о в (*рычит*). Это... я вам скажу... это уж я не знаю...

М е д в е д е в а. Ну, батюшка, тоже и все вы, мужчинки, хороши...

Е л е н а (*предостерегая*). Не слишком ли жестко говорите вы? (*Указывает глазами на Самоквасова.*)

М е д в е д е в а (*изменяя тон*). Да. Забылась, пожалуй. Мать! Не за себя ожесточаюсь — за дочь... Мне что себя жалеть? А дитя свое я обязана хранить... и больно мне видеть, как отравляют душу ее смертной тоской... да!

С а м о к в а с о в (*Мастакову*). Вот положение, а? Вот — как тут, что вы скажете? (*Взволнованно отходит прочь.*)

М а с т а к о в (*пегромко*). Не смеет умирающий тащить в свою могилу живого...

С а м о к в а с о в. А вот видите — тащит! Ненавижу я этого Васю. Иронический он человек, но — ничтожный!

М е д в е д е в а. Водички бы мне, что ли...

С а ш а (*из-за деревьев*). Сейчас!

М е д в е д е в а. Сердце горит. О, господи... милосердный господь наш!.. Сохрани и помилуй юность... одари ее радостями от щедрот твоих!

(*Все замолчали, поникли. Саша приносит воду.*)

(*С террасы, позевывая, идет Вукол Потехин.*)

В у к о л (*подходя*). Я спал — одиннадцать часов подряд! Лег — в восемь, встал в семь. (*Оглядывает всех.*) Я думал, вы чай пьете. (*Медведевой.*) Почему, премудрая, у вас такое свирепое лицо?

М е д в е д е в а (*встает*). Да так... Пришла к чужим людям, нажаловалась, наскрипела... Простите... пойду домой.

Е л е н а. Посидите с нами!

В у к о л. Эге, да все вы чего-то... не в духе как бы?

М е д в е д е в а (*покорно*). Нет, пойду... Зина одна там...

В у к о л. А жених где же? (*Ему не отвечают. Самоквасов смотрит на него сердито.*) Ничего не понимаю! Заспался. (*Самоквасову.*) Тебе, Мирон, я чувствую, хочется пива выпить холодного.

С а м о к в а с о в. Мне? *(Решительно.)* Да, идем... мне очень хочется... вообще... *(Быстро уходит.)*

В у к о л *(идя за ним).* Стой! Куда ты?

Е л е н а *(Медведевой).* Посидите с нами, а?

М е д в е д е в а. Точит он ее там... Нет, я пойду! Вы простите... может, нехорошо говорила я...

Е л е н а. Не мы будем осуждать вас за это.

М е д в е д е в а. Ой, родная вы моя, тяжело бабой быть! Вы еще не знаете этого, у вас вон дитя взрослое *(кивает на Мастакова),* а вот, погодите, когда народится много, да начнутся их юные годы...

(Ушли. Мастаков, посвистывая, смотрит на часы. Возвращается Елена.)

М а с т а к о в. Какая симпатичная старуха-то, а?

Е л е н а. Очень. Русская.

М а с т а к о в *(оглянувшись, тихо).* Лена, как ты думаешь, могла бы она, из любви к дочери, к юной жизни, — совершить преступление? Возможно ведь, а?

Е л е н а *(улыбаясь).* Думаю — возможно.

М а с т а к о в *(горячо).* Великолепно! Ах, Лена, как это великолепно! Нет ничего лучше возможностей, и нет им границ!

Е л е н а. Я не думаю, чтобы именно она могла — пойми! Но — бывало, что матери делали преступления ради счастья детей, — ты это знаешь!

М а с т а к о в *(задумчиво).* Но... мне хотелось бы, чтоб и она могла... например — дать яду этому Васе. Она такая славная! Вот тема, а? Только матери умеют думать о будущем — ведь это они родят его в детях своих... *(Задумался.)* Что такое? Да, мне надо идти...

(Елена взглянула в лицо ему и идет к дому. Он хмуро смотрит вслед ей.)

М а с т а к о в *(вполголоса, неохотно).* Ты не хочешь спросить, куда я иду?

Е л е н а *(не оборачиваясь).* Нет. Зачем? Ты сам сказал бы, если это нужно знать мне.

М а с т а к о в. Я? Сказал бы?.. Подожди минутки две.

Е л е н а *(возвращаясь).* Ни больше ни меньше?

М а с т а к о в (*уныло*). Знаешь — я разорву этот рассказ... а? Он — плох.

Е л е н а (*с оттенком строгости*). Почему плох?

М а с т а к о в. Да вот... скажут — фантазия, выдумка... неправда, скажут! Зачем я читал им? Какие тяжелые люди!.. Николай чем-то заряжен...

Е л е н а (*подошла близко к нему, говорит сдержанно, с большой силой*). Что тебе мнение этих людей? Это люди, не добитые судьбой, они осуждены на гибель своей духовной нищетой, своим неверием, — что тебе до них? Изучай их, и пусть они будут для тебя темным фоном, на котором ярче вспыхнет огонь твоей души, блеск твоей фантазии! Ты должен знать, что они тебя не услышат, не поймут — никогда, как мертвые не слышат ничего живого. И не жди их похвал, они похвалят только того, кто затратит свое сердце на жалость к ним... Любить их нельзя!

М а с т а к о в (*обняв ее, заглядывает в глаза ей*). Когда, Лена, ты говоришь так... ты, добрая и нежная... мне даже немного боязно... Откуда у тебя эта... эта сила, Лена?

Е л е н а. Из той веры в будущее, которую ты внушил мне.

М а с т а к о в (*радостно*). Я? Это правда? Значит — я могу передать другим мою веру?

Е л е н а. О да!

М а с т а к о в. Это меня... радует! (*Оглядывается и — тихо.*) Знаешь — иногда мне кажется, что вся Россия — страна недобитых людей... вся!

Е л е н а (*тревожно, с укором*). Что ты говоришь? Стыдись! Это — не твое!

М а с т а к о в (*снова смотрит в глаза ей*). Да-а... ты — веруешь! Без колебаний!.. И я тоже могу так... Но — не всегда... Порой я живу в плену этих впечатлений и пока не одолею их — теряю себя, не вижу, где я, что отличает меня от этих людей. (*Обнял ее за плечи и тихо идет.*) Они входят в душу мне, точно в пустую комнату, сорят там какими-то увядшими словами и маленькими мыслями, тяжелыми, точно камни... Я начинаю чувствовать осень в груди и — ничего, никого не люблю. Осень — это красиво, ярко, да...

Елена. Но это — не твое!

Мастаков (*оглядываясь*). Нет, не мое, Лена... Знаешь — мы плохо устроились, дешево, но — плохо! Живем, точно на улице... Глухо, никто не приезжает к нам... уже больше двух недель я не видел ни одного литератора... (*За деревьями появляется доктор.*) Только ты одна... ты, моя умница...

(*Саша идет.*)

Елена (*нерешительно*). Хочешь — уедем?

Мастаков. Куда? И где у нас деньги?

Саша. Вам записка.

Мастаков (*смущен, ворчит*). О, злая фея!

Саша (*уходя, тихо*). Я — не злая.

Мастаков (*вертит в руках конверт. Елена не смотрит на него. Он — грустно*). Да... Лена... вот...

Елена (*поспешно, точно не желая слушать мужа*), Это вы, доктор?

Потехин (*выходя*). Я. Не помешал?

Елена. О нет! Чему же?

Мастаков (*колически*). Чему ты можешь помешать, почтенный друг? (*Сует конверт в карман и роняет его на землю. Потехин видит это, надвигается вперед, желая, чтобы Мастаков отступил перед ним.*)

Потехин. Я, собственно, очень угнетен.

Мастаков. Судя по лицу — ты не преувеличиваешь.

Потехин. Давеча я тут говорил... Всё это можно было сказать иным тоном, конечно. Мне будет тяжело, если ты подумаешь... что я враждебно настроен против тебя как личности...

Елена (*усмехаясь*). Полноте, доктор! Может ли он...

Мастаков. Прошу не мешать оратору!

Потехин. Да. Так вот. Я, собственно говоря, всё сказал. Ты, пожалуйста, не думай...

Мастаков. Не могу. Я всегда думаю. Профессиональная привычка, друг мой.

Потехин (*угрюмо*). Очень рад, что ты шутишь.

Мастаков (*отступая и кланяясь*). Лорд! Я вижу радость вашу и наслаждаюсь ею.

Потехин (*наступив ногой на конверт, улыбается*). Чудак ты все-таки!

Мастаков. Да, все-таки... (*Задумался, отирает платком лицо.*) Все-таки... странное слово, а? Лена... я пойду... Хочешь со мной?

Елена (*твердо*). Нет.

Мастаков. Почему?

Елена. Мне нужно сходить к Медведевым.

Мастаков (*опустив глаза*). Может быть, я зайду к Ольге Владимировне... хочешь?

Елена. Нет.

Мастаков (*кашлянул*). Ну, твоя воля!

(Идет не торопясь, точно ожидая, что его остановят. Елена смотрит вслед ему. Потехин поднял конверт, взглянул, и лицо его расплылось в широкую улыбку.)

Елена (*взглянув на него*). Чему это вы рады?

Потехин (*взмахивая рукой*). А вот... (*Не решился сказать.*) Сейчас придут отец, Медведева, Самоквасов — будем играть в карты.

Елена (*уходя*). А...

Потехин. Послушайте...

Елена. Что?

Потехин. Вы часто встречали людей, которые не лгут?

Елена. Нет, не часто. (*Присматривается к его руке.*)

Потехин. А как вы думаете — Константин...

Елена (*сухо*). Простите, что это за письмо у вас?

Потехин (*протягивая ей конверт*). Я поднял здесь... это ему адресовано...

Елена (*взяла письмо*). Да? Вы при нем подняли?

Потехин (*смущен*). Да... то есть... нет... он ушел уже...

Елена. Почерк, кажется, Ольги Владимировны. (*Зовет.*) Саша! Едва ли это что-нибудь важное...

Потехин (*угрюмо*). Не знаю... Как я могу знать? Прочитайте...

(Саша идет.)

Е л е н а (*ласково*). Саша, голубчик, догоните мужа и отдайте ему это... он потерял, забыв прочитать.

(*Саша бежит. Елена уходит, не взглянув на доктора.*)

П о т е х и н (*грозит вслед ей пальцем и шепчет*). Дура... Подожди ты! Благородные комедии, а-а? Подожди, заплачешь!

(*Идут Вукол и Самоквасов, оба выпивши.*)

В у к о л. Если ты мечтаешь поймать хорошего перепела...

С а м о к в а с о в (*добродушно*). Это ты перепёл...

В у к о л. Нет, слушай... Для этого нужна превосходнейшая самка... а у тебя она — безголосая дрянь. Это противоречит...

С а м о к в а с о в. У тебя всё всему противоречит.

В у к о л. Это, брат, и забавно! Это и любопытно! Ты подумай — люди мучились, стараясь спрятать все углы, скрыть все шероховатости... Вдруг родился Вукол Потехин, посмотрел и говорит...

С а м о к в а с о в. Ерунду...

В у к о л. Нет! Посмотрел, всё обнажил, всё раскрыл и говорит — это обман! Это — нас унижающий обман!

П о т е х и н (*резко*). Я не буду играть в карты.

С а м о к в а с о в. Почему же?

П о т е х и н. Голова разболелась.

(*Уходит. Вукол и Самоквасов молча смотрят друг на друга.*)

С а м о к в а с о в (*обижен*). Как хочешь, а — это не деликатно! Сам же пригласил... сейчас придет Медведева... ты пойдешь, скажи ему, что это нехорошо!

В у к о л (*неохотно идет*). Он упрям.

С а м о к в а с о в. Он вообще... плохой партнер!

В у к о л (*ворчит*). Голова болит... в тридцать лет...

(*Самоквасов снял фуражку, отдувается, оттирает платком лицо. Идет Саша.*)

С а м о к в а с о в. Куда вы, ласточка?

С а ш а. К Медведевым.

С а м о к в а с о в. Скажите старой барыне, что партия не состоится... Да вот они идут! *(Оправляется, молодецкато идет навстречу.)* А знаете, Матрена Ивановна...

М е д в е д е в а *(слушая, что шепчет ей Саша, идет с дом)*. Сейчас, батюшка... подождите!

С а м о к в а с о в *(Зине)*. Почему такая озабоченность? Что-нибудь случилось?

З и н а *(скучно)*. Какое у вас смешное лицо!

С а м о к в а с о в. С-смешное-с? Мне кажется... у всех мужчин за сорок лет смешные лица... да-с!

З и н а. Да? Я не знала этого... Вы не обижайтесь!

С а м о к в а с о в. Эх... как вы говорите со мной!

З и н а. Как?

С а м о к в а с о в. Сверху... с некоторой недостижимой высоты... А я... а я, когда ваша мама рассказывала о том, как этот Турицын мучает вас...

З и н а *(изумлена)*. Что такое? Мама... вам?

С а м о к в а с о в *(испугался, обижен, рубит с плеча)*. Отравляет вас, прекрасную, смертной тоской...

З и н а *(возмущена)*. Как вы... смеете... кто вам позволил? Вы просто дикарь... или — полуумный!.. *(Присматривается к нему и говорит мягче.)* Что с вами? Зачем вы это сказали?

С а м о к в а с о в *(тяжело отодвигаясь, бормочет)*. Простите... Конечно — я не имею права... темная личность... и так далее...

З и н а *(негромко)*. Не потому... а это жестоко... это гадко — говорить так о больном...

С а м о к в а с о в. Ваша мама говорила... Позвольте мне объяснить... Я — не злой, я не гадкий человек, я просто — русский человек, несчастный человек! Не знаю меры добра и зла... ничего не знаю... разбросал лучшие силы души и — вот, никуда не гожусь... Дурацкая жизнь! Очень стыдно, поверьте слову! Вот — познакомился с вашим кругом... жизнь чистая, серьезная... добрые намерения и бескорыстный интерес к людям... Это новое для меня, человеческое... освежает душу... И — вдруг вижу, что вы приносите себя в жертву...

З и н а *(строго)*. Я не позволяю вам говорить так!

С а м о к в а с о в. Выслушайте меня, ради создателя!
Я видел множество бесполезных жертв...

З и н а *(более мягко)*. Поймите меня — не могу я,
не буду слушать, если вы... Что вы хотите сказать?

С а м о к в а с о в. Уйдемте отсюда... дайте мне несколько добрых минут! *(Зина согласно кивает головой, она очень заинтересована и слушает его с большим вниманием.)* Я — вдвое старше вас, знаю жизнь и хочу сказать вам — цените себя дороже! У нас так мало честных, здоровых людей... людей хорошей крови...

В у к о л *(выходя на террасу)*. Мирон!.. Полицейский!..

С а м о к в а с о в *(уходя)*. Сейчас, подожди...

В у к о л *(ворчит)*. Ну... теперь этот сбежал! Чёрт вас побори!

О л ь г а *(выходит справа, очень возбуждена, старается скрыть это)*. На кого это вы рычите?

В у к о л *(изрииво)*. Прекрасная соседка — я не видел вас лет шестьдесят и...

О л ь г а. И? Не вышло комплимента!

В у к о л. Вы не дали кончить. Рычу, потому что озабочен не хуже любого министра — партии не могу составить.

О л ь г а. В преферанс? Вы превосходно шутите — оригинально, тонко... Ваши д́бма?

В у к о л. Кто именно? Сын?

О л ь г а. И другие.

В у к о л. Не знаю. Сын дома. Голова у него болит... это молодежь! Все другие, кажется, в разброде.

О л ь г а. И писатель?

В у к о л. Этот всегда в разброде!

О л ь г а. Bravo! Вы растете, серьезно! Станóвитесь всё остроумнее. *(Она видит Мастакова в левой стороне за деревьями, Вукол не замечает его.)* Попросите, пожалуйста, доктора... пусть он даст мне... книгу, которую взял у меня... пожалуйста!

В у к о л *(уходя)*. Готов служить... всегда готсв.

(Ольга знаками зовет к себе Мастакова. На террасу выходят Елена и Медведева, им не видно Ольги за углом и деревьями.)

Медведева. Как подумаешь о наших, бабьих делах — сердце замирает!

Елена (*видит мужа, не может скрыть радость*). Ты уже... воротился?

Мастаков (*медленно проходя мимо*). Да... то ссть — нет еще... Я похожу.

Елена. Хочешь чаю?

Мастаков. Нет.

Ольга (*шепчет*). Почему ты так долго? И такой скучный — почему?

Мастаков (*беспокойно*). Идемте...

Ольга. На вы? Что это значит?

Мастаков. Мне трудно... я несколько устал.

Ольга. Да? Только?

(*Уходят.*)

Потехин (*выходит на террасу, видит Елену, Ольгу и Мастакова, уходящих вправо, и громко торжественно говорит*). Какую книгу спрашиваете вы, Ольга Владимировна? Я не брал у вас книг. Может быть, это ты брал, Константин? (*Взглянул в сторону Елены и ушел, спрятав голову в плечи.*)

Елена (*судорожно опавляя платок на груди*). Какой неприятный голос... у доктора!

Медведева. Ох, не люблю я этих семинаристов! Грубияны, зазнайки...

Елена (*с преувеличенным интересом*). Разве он семинарист?

Медведева. Он ведь у дяди воспитывался, у попа. Землемер-то смолоду в ссылке был, далеко где-то, в Сибири...

Елена (*прислушиваясь*). Вот как? (*Остановилась*). Вам не кажется...

Медведева. Что?

Елена (*прижимаясь к ней*). Смеются? Кто-то смеется...

Медведева (*не сразу*). Нет, не слышу будто. Кому бы тут смеяться? Только Ольга Владимировна и умест...

Елена. Да?

М е д в е д е в а. Приятная женщина, право! Злая как будто, а — приятная...

Е л е н а. Чем же приятная?

М е д в е д е в а. Да вот — веселая. Легкая. Даже наш жених, когда она придет, зубы свои зеленые оскаливает. Пытался было грусть на нее нагнать — знаете ли, говорит, что все мы, люди, на смерть осуждены? А она — ни за что, говорит, не помру раньше срока...

Е л е н а. Она... не очень легкомысленна?

М е д в е д е в а. Есть это в ней. Да ведь тяжелые-то мысли, серьезные-то, не всякой бабе по сердцу. А так она ничего, умная. Своего не упустит... И мужчине цену знает!

(Зина устало выходит с левой стороны, бросается в кресло, смотрит на мать и Елену, криво улыбаясь.)

М е д в е д е в а *(тревожно)*. Что ты? Что ты какая, бог с тобой?

З и н а. Устала...

М е д в е д е в а. Ох, убьет он тебя!..

З и н а. Не он, мама! И вы... совершенно напрасно кричите о нем при чужих людях! Лена, поздравь меня, я победила сердце Самоквасова.

Е л е н а *(искренно)*. Ой... несчастный!

М е д в е д е в а. Ну, уж я скажу — даже этот и то лучше... хоть здоровый!

З и н а. И — деньги есть, мама! Ты подумай! Не знаю, Лена, кто более несчастен, он или я. Как он удивительно говорил... Стоял на коленях... предлагая деньги, чтобы отправить Васю на юг. С доктором, сестрой милосердия... И плакал, точно ребенок...

М е д в е д е в а *(ворчит)*. Они все мальчишки, когда любят. Знакомо! Ты что же ему сказала?

З и н а *(мечется)*. Мама! Можно ли спрашивать?

(Тяжелое молчание.)

Е л е н а *(задумчиво)*. Он очень несчастный человек... однажды он рассказал мне свою жизнь... даже страшно было слушать! Добрый — а делал ужасные вещи... жил, точно во сне. Иногда — просыпался, ненавидел себя и — снова делал гадости. О женщинах говорит

так задушевно, с уважением, а — жил с ними, как зверь... Странные люди... безвольные, бесформенные... когда же они исчезнут?

М е д в е д е в а. Вот, Лена, и ты говоришь, как я! Душат они!

З и н а (*тоскуя*). Дорогие мои, милые мои — что же мне делать? (*Со страхом, понижая голос до шёпота.*) Ведь я не люблю Васю... разлюбила я его...

М е д в е д е в а (*благодарно*). Слава тебе, господи!

З и н а. Молчи, мама! Это — плохо... ты не понимаешь!

Е л е н а (*сухо*). Это понятно.

З и н а. Мне его жалко... нестерпимо жалко! Но я — не могу... эти холодные, липкие руки... запах... мне трудно дышать, слышать его голос... его мертвые, злые слова... Лена — это ужасно: жалеть и — не любить, это бесчестно... оскорбительно!.. Он говорит... и точно это не он уже... говорит злые пошлости... Он ненавидит всех, кто остается жить... Что он говорит иногда, боже мой! И это тот, кого я любила! (*Плачет.*) Я уже не могу... Я вздрагиваю, когда он касается меня рукой... мне противно!

М е д в е д е в а. Дочка моя... и мне его жалко... да тебе-то, тебе-то жить надобно!

З и н а. Ах, боже мой, боже мой... как хорошо было любить... как хорошо, когда любишь!..

Е л е н а (*наклоняется к ней, сдерживая рыдания*). Да... когда любишь... когда мы любим — нас нет...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Дом подвинут ближе к зрителю. Серый, облачный вечер. На террасе, в плетеном с высокой спинкой кресле, сидит, читая книгу, В у к о л П о т е х и н. Ноги его — на сиденье другого кресла. Сквозь окно, закрытое марлей, видно доктора — он ходит по комнате и курит.

В у к о л (*подняв голову, шевелит губами, зевает*).
Николай!

П о т е х и н. А?

В у к о л. Что такое фатализм?

П о т е х и н (*скучно*). Фатализм... ну — фатум... рок...

В у к о л. Что ты мне слова говоришь? Слова я сам знаю все... ты — понятие обнажи!

П о т е х и н. Отстань, пожалуйста! Что чудишь? Скучно!

В у к о л. Это, брат, не чудачество, а старость. (*Помолчав.*) Тебе нравится Савонарола, а?

П о т е х и н. Кто?

В у к о л. Савонарола!

П о т е х и н. Нет. Не нравится.

В у к о л (*вдумчиво*). Почему?

П о т е х и н. Да... чёрт его знает!

В у к о л (*удовлетворен*). И мне не нравится. Впрочем — я мало читал о нем. А ты?

П о т е х и н. Ничего не читал.

В у к о л. Да... Вообще ты мало читаешь. Непохвально... (*Повертывая книгу в руках.*) Странная вещь — книга... Беспокойная вещь. Вот — Шиллер. В юности я его любил. А теперь взял... вспомнил твою мать. Мы вместе с нею читали «Песнь о колоколе»... она тогда

была еще невестой моей. Мы были красные с нею, думали о судьбах человечества... и — кричали. Ты тоже, лет пять тому назад, кричал на всех... и на меня кричал. *(Удовлетворенно.)* А вот теперь — молчишь. Выдохся, выкричался, брат! Почему так быстро, а? *(Потехин выходит из комнаты со шляпой в руках.)* Ты куда?

Потехин. К больному. К Турицыну.

Вукол. И я с тобой. А то — скучно мне одному...
Полицейский мой что-то увял...

Потехин. Он идет сюда.

Вукол. А-а... Ну, тогда я останусь. *(Потехин недоверчиво смотрит на отца и возвращается в комнату. Вукол, усмехаясь, смотрит вслед ему.)* Так! Конечно... понятно... Что, полиция? Какие козни затеяны немцами против нас?

Самоквасов *(отмахнулся)*. Э, бог с ними!

Вукол. Кончено с Германией? Быстро! Кого ж ты теперь ругать будешь? До 905 года ругал правительство — бросил, потом революционеров стал ругать — бросил, немцев начал поносить — и это кончено! Кого ж теперь, чем жить будешь?

Самоквасов *(уныло)*. Сам себя ругать буду...

Вукол. Безобидное дело — не утомляет. Просто — и не обязывает ни к чему.

Самоквасов. Осёл я, кажется...

Вукол. Уже начинаешь? *(Поучительно.)* Заметь, однако, что ослы оклеветаны, — это очень неглупое и полезное животное, осёл...

Самоквасов *(заглядывая в окно)*. Рассказал бы я тебе историю...

Вукол. Расскажи... Садись-ка!

Самоквасов *(тихо)*. Пойдем куда-нибудь.

Вукол. Можно. Хотя мне будет сопутствовать ревматизм... точит он меня!

Самоквасов *(на ходу)*. А меня стыд... И тоска.

Вукол *(прихрамывая)*. Тоска? Это наша историческая подруга, а стыд — ты, брат, выдумал. Фантазия! Когда же мы стыдились? Сказано — «стыд не дым, глаза не ест» — и все верят этому.

(Идет Елена, на голове цветной шелковый шарф, в руках зонт. Молча кланяется.)

В у к о л. Привет! Что с вами? Нездоровится?

Е л е н а. Почему? Нет, я здорова.

В у к о л. А личико — бледное, и глазки эдакие...

Е л е н а (*оправляясь, улыбнулась*). Вам кажется...

В у к о л. Рад, что ошибся. Приятные ошибки столь же редки, как веселые люди.

С а м о к в а с о в. Ну и болтаешь ты сегодня!

В у к о л. Ревматизм понуждает к философии... это, брат, неодолимо! Здоровому человеку философствовать нет причин...

П о т е х и н (*вышел из комнаты, догоняет Елену*). На минутку... пожалуйста! (*Елена молча, вопросительно смотрит на него*.) Мне необходимо... я буду краток... два вопроса... Войдите ко мне, прошу вас!

Е л е н а. У вас так тяжело пахнет сигарами.

П о т е х и н. Сигарами? Хорошо... всё равно...

Е л е н а. Чем вы так взволнованы?

П о т е х и н (*тихо*). Я? Послушайте... ведь вам известно?..

Е л е н а (*сухо*). Да, известно.

П о т е х и н. Что он изменил вам...

Е л е н а. Я сказала — известно!

П о т е х и н. Вы — спокойны? Что же вы думаете делать? Неужели это не оскорбляет вас? Вас — гордую? (*Задыхается*.)

Е л е н а (*с легкой усмешкой*). Вот сколько вопросов! Я не хочу знать — почему вы спрашиваете... но я вам отвечу... может быть, это успокоит вас. Я отвечу вам еще потому, что вы, в свое время, относились к мужу дружески.

П о т е х и н. Я и сейчас...

Е л е н а. Оставьте... Вы знаете, что я его люблю.

П о т е х и н. Не понимаю... не могу понять...

Е л е н а (*мягко*). Это — ваша печаль. Так вот, я его люблю... Вы не забывайте об этом!

П о т е х и н (*грубовато*). А он вас топчет в грязь... с первой же красивой и доступной...

Е л е н а (*бледнея, строго*). Мой муж не полюбит дурную женщину.

П о т е х и н. О, чёрт возьми! Вы сумасшедшая, что ли?

Е л е н а. Если вы позволите себе продолжать в этом тоне...

П о т е х и н. Нет... я молчу! Но — объясните же мне! Я человек... я вас люблю, я имею право просить...

Е л е н а. Я говорила уже вам: работа мужа важнее и ценнее моего счастья женщины, моей любви и жизни моей. Не улыбайтесь. Вы сами высоко ставили его... еще не так давно... когда — извините, я скажу прямо, — когда вы не увлекались мною и вообще были более цельным человеком.

П о т е х и н. Это я разбился о ваше каменное сердце...

Е л е н а. Ох... какие жестокие фразы! Вот что — на эту тему я говорю в последний раз с вами... я просила бы вас понять меня! Я теряю Константина... может быть... но я знаю себе цену, чувствую себя человеком, нужным ему... нужным просто как человек! *(Тепло и убедительно.)* Я люблю весь строй его дум и чувств... его живую душу люблю... Когда он говорит о презрении к страданиям, о силе человека и красоте жизни, я — люблюсь им и готова молиться: господи, благослови путь мужа радости и победы! Я знаю жизнь больше, чем вы, и горя видела больше... но я научилась презирать горе, понимаю его ничтожность...

П о т е х и н. Слова... его слова! Не верю... чужие слова.

Е л е н а. Его слова — не чужие мне... Я знаю, как привычно горе и любимо нами, — да, любимо, потому что делает нас значительнее в своих глазах... *(С тревогой.)* И когда мне кажется, что к нему подходит, его хочет коснуться горе, — я боюсь! Он — хрупкий... он неустойчив...

П о т е х и н *(возмущенно)*. Всё это — фантазии! Выдумали вы человека и стали рабыней его. Вы создали идола, хозяина вашей души... Вам просто скучно с ним, он глупее вас... Вы создаете для себя, для развлечения — роль жертвы!

Е л е н а *(снисходительно)*. Я повторю вам ваши слова о нем — три года тому назад вы сказали: «Когда я вижу, слушаю его — я молодею, всему верю, жизнь кажется мне легкой и простой». Вы говорили это?

Потехин. Ошибался... как вы теперь...

Елена. А однажды вы предупреждали меня: «Дорогой друг, старайтесь как можно меньше стеснять его свободу, он до могилы останется юношей!» Вот ваш совет... совет друга и честного человека. Где этот человек?

Потехин. Вы его смертельно ранили и теперь добиваете.

Елена (*усмехаясь*). Откуда у вас такие слова? (*Задумчиво.*) Мало мы понимаем друг друга. Сейчас, говоря с вами, я, мне кажется, говорю женщинам... может быть, хочу немножко оправдать себя перед ними... хочу сказать им, что в моем поведении я не чувствую ничего, унижающего человека... хотя это трудно для женщины... Что ж? Да — трудно! И еще мне хочется сказать, как надо беречь и любить хорошего, честного мужчину...

Потехин (*бешено*). Который смеется над вами!..

Елена. Нет. Этого он не сделает никогда.

Потехин. Он сделал!

Елена. Физическая измена... это не насмешка еще... Это можно объяснить десятком причин... И можно изменить, не теряя уважения.

Потехин. Слушайте... вы не человек! Вы мозг... отвлеченная мысль... без плоти, без сердца...

Елена. Вам следует сказать еще, что во мне нет зверя... красивого, благородного зверя... и прочее, что принято говорить для того, чтобы опьяненная словами женщина давала вам больше страсти... (*Выпрямляется и говорит с большой силой, тихо.*) А представьте... что всё это есть во мне — и зверь и страсть.

Потехин. Не дразните меня... за что же? И за чем вы ломаете себя?

Елена. Разве я не ясно сказала?

Потехин. Что ваши слова! Всё это поза, роли!

Елена. Думайте как вам угодно. Пусть я рисуюсь, пусть играю... (*Точно пьянея.*) Проиграю я — выиграет жизнь через его радость.

Потехин. Будь он проклят... и вся эта дурацкая жизнь!

Е л е н а. Ужасно режут ухо эти ваши странные тирады и проклятия!.. Где вы их берете? Давайте кончим, мне пора идти...

П о т е х и н. Всё это — ужасно! В этом нет женщины!

Е л е н а. Вот видите! Давайте же кончим, я вас прошу. Всё сказано. Вы больше не будете говорить со мной о муже моем и о вашей любви... Не будете, да? *(Улыбаясь.)* Разве я годна для романа? Такая рассудочная...

П о т е х и н. Ну... а если б... я хочу понять вас! Если б ваш ребенок не умер?

Е л е н а. Я думала бы так же. Дети без меня ведь только мешали бы ему... он, конечно, отдал бы их мне...

П о т е х и н. Нет! Не верю я вам! Вы хотели скрыть ваше унижение, ваше отчаяние, и — ничего вы не скрыли... Вам — трудно!

Е л е н а. Разве я говорила, что легко?

Т а и с ь я *(прислуга Медведевых, бежит и еще издали зовет)*. Доктор... скореечка, батюшка!..

П о т е х и н *(отталкивая кресло)*. О, чёрт... Что там?

Т а и с ь я. Вдруг плохо сделалось... кровь горлом...

Е л е н а *(устало)*. Идите же!..

(Потехин молча уходит.)

Т а и с ь я *(идя за ним)*. Шляпочку-то забыли надеть...

(Елена опускается в кресло и точно спряталась за спинку другого. Саша идет по террасе с газетами и письмами в руках, видит Елену, испуганно остановилась.)

С а ш а. Вы не ушли? Вам нехорошо?

Е л е н а *(не вставая)*. Это почта? Мне — ничего?

С а ш а. Только доктору. *(Положила почту на подоконник. Робко.)* Может быть, вы пойдете к себе?

Е л е н а. Нет. Здесь хорошо.

С а ш а. Елена Николаевна... я боюсь! Что же с вами будет?

Е л е н а. Не беспокойтесь, Саша, ничего... Уста-
ла... не хватает сил у меня... Господи — помощи! Не
хватает сил...

С а ш а *(прислушалась)*. Ой... идут... идет она...

Е л е н а *(привстала и снова бессильно опустилась
в кресло, точно в обмороке)*. Уйдите, Саша... прошу
вас... я приду...

*(Слышен негромкий, обиженный голос Ольги. Она и
Мастаков идут с правой стороны.)*

О л ь г а. И это говорит мужчина... влюбленный
мужчина! Стыдитесь!

М а с т а к о в. Но — как же так... сразу?

О л ь г а. А чего ждать? Пусть все знают, что ты
меня любишь... Разве я не имею права гордиться этим?

М а с т а к о в. При чем тут все? Странно!

*(Он растерян, в нем есть что-то слегка комическое.
Жестикулирует нервно, растрепан и неловок. Ольга —
возбуждена, в голосе ее звучат досада и тревога.)*

О л ь г а. Я не люблю тайн!

М а с т а к о в. Дай мне подумать!

О л ь г а. О чем?

М а с т а к о в. Я, право, не знаю... не представ-
ляю... как это я скажу ей!

О л ь г а *(возмущена)*. Послушайте — что же это
такое? Вы говорили, что любите меня? Это была
шутка? Да?

М а с т а к о в *(уныло)*. Какая же шутка, когда
вот... Я совершенно не думал, что это так сложно всё...
Что ж? Я пойду... скажу ей! Скажу в двух словах, а
там уж... Вы, если можно, не уходите... я скоро вер-
нусь...

О л ь г а. Хорошо... я буду в роще.

*(Мастаков, решительным жестом поправив шляпу,
идет на террасу. Елена встала встречу ему. Она
спокойна.)*

М а с т а к о в *(остановился, снял шляпу и, разма-
хивая ею, не глядя в лицо жены, говорит)*. Вот, Лена...
я пришел сказать... хотя — совершенно не подготов-

лен... и — вообще... ты, пожалуйста, не сердись... пойми...

Е л е н а *(подходя к ступеням террасы, зовет Ольгу)*.
Послушайте...

(Ольга остановилась.)

М а с т а к о в *(испуган)*. Она — не виновата, честное слово!

Е л е н а *(сдержанно)*. Ты — перестань! Оставь нас... Предложи Ольге Владимировне сказать мне всё, что она находит нужным, а сам — уйди...

О л ь г а *(медленно подвигается к террасе. Смущена, но храбрится. Смотрит на Елену удивленно и подозрительно)*. О чем же говорить? Вы, кажется, поняли... значит, всё ясно...

М а с т а к о в. Видишь ли, Лена... это случилось неожиданно... *(Он умоляюще складывает руки и просит.)* Не надо обижать друг друга, а? И не надо драм! Вы обе такие...

(Не договорив, он махнул рукой и ушел в комнаты. Елена на верхней ступени террасы, Ольга на земле, держится за перила. Молчание.)

О л ь г а *(улыбаясь)*. Ну-с... вы молчите? Могу идти?

Е л е н а *(мягко)*. Зачем торжествующие улыбки? Мы обе — женщины, не забудьте это. Сегодня я стою перед вами в смешном положении... Уверены ли вы, что завтра, через неделю...

О л ь г а. Не пугайте... это излишне! Понятно, что вы злитесь, презираете меня...

Е л е н а. Я? Нет! Почему бы?

О л ь г а. О, я знаю, вам известно, что это не первый мой роман...

Е л е н а *(удивлена, не поняла)*. Зачем говорить об этом?

О л ь г а *(воодушевляясь)*. Вы должны знать, что на меня смотрели более жестко, с большим торжеством, чем я на вас. Беру маленький реванш! Не скрою — мне приятно, что вас, такую умницу, оценили дешевле меня. *(На секунду задумалась, странно улыбаясь.)* Видите, какова жизнь? Не думайте, что я чувствую

себя виноватой перед вами... Право, неясно понимаю — зачем я говорю всё это... Вы меня, кажется, задели немного...

Е л е н а *(быстро)*. Я не хотела этого! Чем же?

О л ь г а *(пытливо)*. О, я не в дурном смысле... Мы обе женщины — сказали вы... Это вышло у вас... очень уместно... я едва не сказала — ловко! Мне можно идти, я думаю?

Е л е н а *(спускаясь к ней)*. Уж если вы заговорили так...

О л ь г а *(подозрительно)*. Как — так?

Е л е н а. Так просто.

О л ь г а. А! К чему же мудрствовать? Всё ясно.

Е л е н а. Вы думаете?

О л ь г а. Конечно!

Е л е н а *(твердо)*. Вы считаете отношение Константина к вам серьезным, глубоким, да?

О л ь г а *(иронически)*. О, какой вопрос! А зачем вам знать, что я думаю?

Е л е н а *(тихо, ласково)*. Согласитесь, что его жизнь не безразлична для меня.

О л ь г а *(слегка смущена)*. Ах, вот что... его жизнь! Это занимает вас? Но — об этом вы спросите его... он должен знать, насколько серьезно...

Е л е н а. Он — не знает.

О л ь г а *(подозрительно смотрит на нее)*. Позвольте не поверить вам... и спросить вас — чего вы хотите от меня?

Е л е н а. Представьте, что с вами говорит его мать или старшая сестра...

О л ь г а *(с улыбкой)*. Представить вас его старшей сестрой... это было бы возможно... но — вы были его женой... и человеку, который обижен, — нельзя верить!

Е л е н а *(сухо)*. Я говорю в ваших интересах...

О л ь г а. Весьма благодарна... Вам не кажется, что это комично?

Е л е н а. Нет, не кажется. Я хотела предупредить вас... он плохо знает себя, он живет — играя...

О л ь г а *(скрывая тревогу)*. Я тоже люблю так жить...

Е л е н а. Ненавидит всё тяжелое, неприятное, но когда оно близко к нему — теряется...

О л ь г а. Что же... следует отсюда?

Е л е н а. Подумайте.

О л ь г а *(нервно смеется)*. Я, вероятно, очень грубо ответила бы всякой другой женщине... *(С намерением задеть.)* Но вас — мне жалко! *(Ждет ответа.)* Вы хотите запугать меня... Я удивляюсь, почему вы не говорите ничего о таланте Константина Лукича, о его обязанностях пред обществом, служении искусству и так далее...

Е л е н а *(спокойно)*. Я не нашла нужным говорить об этом... уж если вы становитесь рядом с ним — значит, вы уверены, что сумеете поддержать в его душе ту светлую силу, которая увлекла вас. Вы убеждены, конечно, и в том, что с вами ему будет во всех отношениях лучше, чем со мной...

О л ь г а *(волнуясь)*. Я совсем не хочу брать на себя задач надзирательницы за ним, я не синий чулок! Вы рисуете его ребенком? О, la, la! Знаю я этих ребят!.. *(Всё более сбиваясь с тона.)* Вот, вы смотрите на меня так, точно я вытащила у вас кошелек из кармана... Я кажусь вам вульгарной... конечно! *(Ждет ответа.)* Вы сделали со мной что-то дурное... вы запутали меня в чужих мне мыслях... Чего вы хотите? Разве я виновата в том, что случилось? *(Мастаков является в дверях.)* Я не встречала людей таких, как он... не могла представить, что есть человек, который так необходим для меня...

Е л е н а. А вы — для него?

О л ь г а *(почти кричит)*. Это не ваше дело! Вы не смеее допрашивать меня!

Е л е н а *(вспыхнула, холодно)*. Я не нуждаюсь более в этом...

(Ольга бешено смотрит на нее, хочет что-то сказать.)

Е л е н а *(жестко)*. Вам нехорошо?

(Ольга, закрыв лицо руками, быстро идет прочь. Елена провожает ее глазами — лицо у нее суровое. Оборотась — видит мужа, он бледен, удивленно и боязливо следит за нею.)

Е л е н а (*твердо, почти грубо*). Если бы она была хуже или лучше, она была бы сильнее меня...

М а с т а к о в. Чёрт побери, Елена... чёрт побери... какая ты! Кто ты такая?

Е л е н а (*проходя мимо него*). Женщина, которая любит! (*Ушла в комнаты. Он проводил ее глазами, потирает лоб, быстро сходит с террасы и тотчас снова избегает назад.*)

М а с т а к о в (*бормочет*). Нет... сначала необходимо... Елена!

(*Елена выходит.*)

М а с т а к о в. Подожди... куда ты?

Е л е н а. К Медведевым.

М а с т а к о в. Слушай... я, честное слово...

Е л е н а (*вспыхнув*). Ты, мальчишка, оставь меня!

М а с т а к о в (*хватаясь за голову*). Вот! Начинается трагедия... Послушай, успокойся немного...

Е л е н а (*с тоской*). Это — дико... это — пошло! Ты, такой ясный и чистый, ты мог увлечься... Она тебя отравит, погубит...

М а с т а к о в (*с отчаянием*). О, чёрт... да разве я знал, что это так серьезно?..

Е л е н а (*спокойнее*). Для таких людей, как ты, женщины — ступени, по которым вы идете куда-то выше... но она — ниже меня, пойми это! И не она для тебя, ты — нужен для нее! Вот чего я не допущу! Чтоб ты — ты! — служил развлечением... нет!

М а с т а к о в. Ах, ты рассуждаешь... но какой же чёрт...

Е л е н а. Да, я рассуждаю!.. И — за двоих: за себя, чтобы не мешать тебе, и за тебя, потому что ты живешь не думая...

М а с т а к о в. Во всем всегда вес и мера!.. Это невыносимо!

Е л е н а. Но ведь ты не взвешиваешь, не измеряешь, а это необходимо среди живых людей, которые чувствуют боль и причиняют ее друг другу. Я должна рассуждать и взвешивать, чтобы оградить тебя от всего ненужного, от всего, что может нарушить строй твоей души... Ты думаешь, это легко мне? Не это ли сушит

мою душу? Не это ли убивает во мне смех и радость? И вдруг я вижу... это может убить! Я поняла бы тебя, если б ты увлекся Сашей... это такой чистый, светлый, освежающий душу человек...

М а с т а к о в (*ворчит*). Саша... ну что за фантазия!.. Елена, человек пуждается в свободе... а я — человек...

Е л е н а. Предположи на минуту, что и я тоже человек...

М а с т а к о в. Ты иногда — точно старый монах, а я — твой послушник... впрочем, может быть, это неверно, я ведь не знаю, как живут монахи... Честное слово — всё это гораздо сложнее, чем я думал, и совсем не весело! Я не люблю драм... а тут — и ты и она — обе недовольны...

Е л е н а (*не сдержав улыбки*). Какой ты смешной мальчишка! Подумай — что ты говоришь? Разве можно играть людьми?

М а с т а к о в. Право же, Елена, у меня в груди нет места для всех этих серьезностей и... длинных монологов... (*Воодушевляясь*.) Я ужасно рад, что живу и что вот — вокруг меня гудит, волнуется Россия, такая милая, славная страна... Мелькают эти смешные, страшно близкие душе, русские человечьи рожи... дети какие-то особенные растут — ты замечаешь? И — русские матери... и эти старые чудаки, такие трогательные в своей ненужности... Душа полна хорошей, необидной жалостью к ним. Страшно приятно жить, Лена, честное слово! Догорают огни, но уже вспыхнули другие... Хочется писать стихи, поэмы, хочется говорить светлые, душевные слова... и подмигивать людям глазом — «ничего, братья, живем!» И когда думаешь, говоришь об этом — тот, кто сидит рядом с тобой, незаметно делается так близок тебе, дорог и мил, что решительно всё равно, кто он и как одет — мужчиной или женщиной...

В у к о л (*идет прихрамывая*). Эй, господа!..

Е л е н а (*вздвигнув*). Подожди... Что там? Плохо?

В у к о л. Идите... Все растерялись... плачут...

М а с т а к о в. Вот видишь, Лена... (*Она быстро уходит*.) Мне тоже надо идти туда?

Е л е н а *(издали)*. Нет... не надо!

В у к о л. Ну, как же нет? Конечно, идите...

М а с т а к о в. Но зачем же?

В у к о л. Гм... знакомый умирает... долг вежливости, что ли... Потом — вы писатель, вам всё надо видеть... это ваш долг.

М а с т а к о в *(вздохнув)*. Ну... пойдете...

В у к о л *(на ходу)*. Да, вот и еще одним человеком меньше! Люди — уходят, а противоречия — остаются... Вот, напишите-ка аллегорию на эту тему!

М а с т а к о в *(ворчит)*. Очень нужно! Терпеть не могу аллегорий...

(Ушли.)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь. Палисадник перед дачей Медведевых. Акация и сирень скрывают маленький, в два окна, домик, с крыльцом из стеклянных рам. Окно с правой стороны крыльца завешено простыней или скатертью. Сквозь открытые двери на ступени крыльца падает полоса света — в прихожей горит лампа. На ступенях — С а м о к в а с о в и З и н а, доктор ходит мимо них и курит.

Из дома доносится возня — двигают мебель, стучит посуда.

З и н а (*негромко*). Сегодня утром он говорил, что ему лучше...

П о т е х и н (*угрюмо*). Все фтизики так говорят перед концом.

С а м о к в а с о в (*убедительно*). У меня сестра — чудеснейшая женщина! — всю жизнь ухлопала на это... положим, ее муж болел другой болезнью... но всё равно ведь! Девять лет она ухаживала за ним... вы подумайте, — всю молодость, всю силу женщины отдать капризам больного! Ужас! В тридцать лет она была полуседа... овдовела — на руках пятилетний мальчик, невыносимо нервный, слабенький...

П о т е х и н (*подходит*). И вы тоже караете слабых?

С а м о к в а с о в. Нисколько...

П о т е х и н. Уж вам-то не к лицу!

С а м о к в а с о в (*задет*). Но, позвольте! (*Потехин идет прочь. На крыльцо вышел Вукол.*) Я ничего не говорил...

П о т е х и н (*издали*). Опоздали вы с этими теориями... они уже не в моде...

С а м о к в а с о в (*Зине*). Что с ним? Чего он злится?

Зина (*встает, идет в дом*). Не знаю. Устал, я думаю...

Вукол. Обижает тебя потомок мой? (*Садится рядом, охая*.) Ноет у меня ножка... Вот, Мирон, судьба очистила тебе дорогу...

Самоквасов (*болезненно*). Брось это... что ты!

Вукол (*тихо*). Ты думаешь, она в глубине души не рада? Хе! Я, брат, знаю женщин...

Самоквасов. Полно, Вукол! Ничего мы с тобой не знаем. (*Подумав*.) У меня, например, никогда не было желанья — понимаешь? — упорного, страстного желанья что-либо знать. А оказывается, это необходимо...

Вукол. Гм... это ты о чем говоришь?

Самоквасов. А о том, что вот мне сорок два года, и я не понимаю человека, который моложе меня, не понимаю его мысли и жизнь... Слов даже не понимаю! И это — в сорок лет! Хороша страна, где все чужды друг другу... Представь себе европейца...

Вукол (*позевывая*). Чепуха! Европейцев ты не знаешь... Ты их в кутузку сажал? Нет. И не надо говорить об европейцах, думая о женщинах...

Потехин (*подходит*). Нет ли спичек, отец?

Вукол (*дает*). Возврати. А то ты возьмешь коробку и — пропал! А я с больной ногой хожу, ищу — где спички?

Потехин. Если у тебя ревматизм — иди и ляг в постель. Это лучше, чем сидеть ночью на воздухе. (*Уходит, забыв отдать спички*.)

Вукол (*толкнув Самоквасова*). Видишь? Женись скорее. В семьдесят лет у тебя будет сын доктор, культурный человек... Очень удобно! Отберет у тебя спички, а ты... да-а... (*Помолчав*.) Заметь, какой странный язык у нас: мы говорим — сидеть на воздухе. Какие легкие люди, подумаешь! Или — пройти курс университета. (*Кивая головой в сторону, куда ушел сын*.) Вот — он прошел, насквозь прошел... и это не особенно задело его...

Самоквасов (*неохотно*). Какой ты...

Вукол. Болтун?

Самоквасов. Нет... как это? Мизантроп...

В у к о л *(с некоторой гордостью)*. Я, брат, не мизантроп, а — скептик... Мало у нас скептиков. Это признак, что мы недостаточно умны...

С а м о к в а с о в *(усмехаясь)*. Ты вот говоришь, а я не понимаю — зачем?

(Елена и Зина выходят, Самоквасов встал, давая им дорогу.)

Е л е н а. Господа, пожалуйста, помогите Константину перенести сундуки...

С а м о к в а с о в. Иду! Ты бы сидел, скептик.

В у к о л *(идя за ним)*. Сыро... Потомок прав.

Е л е н а *(лаская Зину)*. Ляг иди, может, уснешь.

З и н а. Нет, не хочу... я боюсь, что усну.

Е л е н а. Боишься?

З и н а. Мне — стыдно. Я не чувствую горя, утраты... я так странно, стыдно спокойна! Развязалась петля... я могу не лгать, не насиловать себя... мне не надо казаться нежной и любящей... Это хорошо и — нехорошо...

Е л е н а *(улыбаясь)*. Вот — слышал бы тебя Константин...

З и н а. Нет, не говори ему! Я не хочу, чтобы он считал меня бесчувственной... я так уважаю его!

П о т е х и н *(подходя)*. Вам необходимо свидетельство о смерти, я сейчас напишу. *(Проходит в дом.)*

З и н а. Как он это сказал!.. Когда он подходит близко ко мне, я ощущаю прикосновение какой-то тяжести... Лена, я не кажусь тебе бессердечной?

Е л е н а. Перестань об этом. Тебе двадцать лет.

М а с т а к о в *(в дверях)*. Елена, иди сюда! *(Когда она подошла, он возмущенно шепчет.)* Слушай, какого чёрта Николай рычит на меня? Стоит под носом и сверкает белками... Что ему нужно?

Е л е н а *(уходя)*. Я сейчас, Зина.

М а с т а к о в *(идя за нею)*. Возмутительно!

(Зина утомленно потянулась, наклонила к лицу ветку дерева, обоняет ее запах. Вздрогнула, взглянув на занавешенное окно, пугливо отряхивает руки.)

С а м о к в а с о в (*с шалью в руке*). Возьмите-ка, сыро!

З и н а. Спасибо! Какой вы заботливый!

С а м о к в а с о в (*расцветая*). Ну... это не я... это ваша мама велела мне. Хорошая у вас мама!

З и н а (*живая головой*). Да.

С а м о к в а с о в (*волнуясь*). Вообще женщины — самое лучшее... Особенно теперь, когда наш брат... несколько раскис. Знаете, мне можно поверить, — я женщин видел! Я очень плохо, очень грубо жил... немного могу вспомнить без стыда за себя... и, если было что хорошее, чистое в моей жизни, — это были вы... женщины... Готов молиться: да сохранит их господь бог, ибо нет у него среди русского племени ничего лучше женщин!

П о т е х и н (*выходя*). Ого! Вот как?

С а м о к в а с о в (*оборачиваясь к нему*). Ах... это вы! Конечно — не согласны? Желаете спорить?

П о т е х и н. Не время и не место.

С а м о к в а с о в (*горячо*). Ироническим возгласам — место, а правдивому свидетельству — не место? Почему-с?

П о т е х и н (*проходя мимо него*). Вы, точно влюбленный, вспыхиваете... что с вами, а?

С а м о к в а с о в. Ничего особенного, благодарю вас! Вы как себя чувствуете? Вот, Зиночка, посмотрите: вчера он призывал народ — вперед, на бой с судьбой, а сегодня, извольте видеть, — разочарованному чужды все обольщенья прежних дней!

З и н а. Не надо сердиться!

С а м о к в а с о в. Но ведь это же... это обман... это — игра людьми...

П о т е х и н (*раскуривая сигару*). Чего вы так волнуетесь? Попросите, и — вам снова дадут место в полиции... (*Отходит.*)

З и н а (*болезненно*). Ой, доктор... что это вы!

С а м о к в а с о в (*задыхаясь*). Вот... культурный человек... а? Благородно, а?

З и н а. Он... может быть, он нездоров?

С а м о к в а с о в. Да-с... паралич души у него... Нет, извините... мы все — злые, грубые... и ничего не

любим... ни друг друга, ни себя самих, ни родину...
У нас в жилах течет дурная, холопья кровь... мы еще
не пережили крепостного права... мы — изнутри рабы...

В у к о л (*выходит — Зине*). Вас мать зовет. Ты
что, Мирон?

С а м о к в а с о в (*показывая кулак*). Сын твой...

В у к о л. Ага!

С а м о к в а с о в. Когда-нибудь я его...

В у к о л (*глядя в темноту*). Никто не любит моего
потомка.

С а м о к в а с о в. А он? Он кого любит? Умеет
он любить?

В у к о л. Не знаю. Не спрашивал.

С а м о к в а с о в. Спроси... да!

*(Потехин подходит. Самоквасов, фыркнув, ушел
в комнаты.)*

В у к о л. Ты что обижаешь людей?

П о т е х и н. Давай походим, отец.

В у к о л. Нога не позволяет ходить.

П о т е х и н. Ах, да... Вот что — я уезжаю... С по-
ездом в пять пятнадцать. (*Внимает бумажник.*)
Вот деньги. Потом еще пришло... если будут.

В у к о л. Значит, надолго... А служба?

П о т е х и н. Брошу.

В у к о л. Ты, может, на Кавказ собрался?

П о т е х и н. Почему на Кавказ?

В у к о л. Бывало, люди в твоём положении на
Кавказ ездили.

П о т е х и н. Не понимаю.

В у к о л. Влюбился?

П о т е х и н (*хмуро поглядел в лицо отца и усмех-
нулся*). Н-ну?

В у к о л. Безнадёжно?

П о т е х и н. Далее!

В у к о л (*принимая деньги*). Ты лучше в Сибирь
поезжай.

П о т е х и н. Зачем?

В у к о л. Наживешь денег. Когда люди против-
ны — необходимо иметь много денег.

Потехин. Скажи тут всем этим, что я получил телеграмму... спешно вызвали в город к больному.

Вукол. А зачем лгать?

Потехин. Верно. К чёрту! Прощай.

Вукол. Давай обнимемся...

Потехин *(обнимая)*. Прощай! Трудно жить, старик.

Вукол. Не удался ты у меня!

Потехин. И ты тоже не очень удался.

Вукол. Ну, всего доброго! Стреляться не думаешь?

Потехин *(усмехаясь)*. До этого не дошло еще.

Вукол. То-то! Ты — в брюнеток влюбляйся, у них больше темперамента, и они быстрее решают...

Потехин. Брось! Не балагурь.

Вукол. Я — серьезно. Я это наблюдал. Женись на еврейке — самое спокойное дело. Они — плодовые, хозяйство любят... Пойдут у тебя дети, и завертится тихонько эдакое колесо...

Потехин *(усмехаясь)*. Всё сказал?

Вукол *(отпуская его руку)*. Не плохо говорю! Прощай...

(Потехин уходит. Старик садится на ступени, качая головой, и что-то шепчет вслед сыну. Выходит Медведева, усталая.)

Медведева. Закусить хотите? Там самовар готов. Спать никто не ложится. Где доктор-то? Устал он...

Вукол. Да, устал. Рановато несколько, а вот — устал...

Медведева. Ну, вы всегда двоясмысленно говорите.

Вукол. Уехал он. Просил кланяться всем. В Сибирь уехал.

Медведева. Вы что, батюшка, бредите?

Вукол *(махнув рукой)*. На Кавказ.

Медведева. Еще куда?

Вукол. Не знаю.

Медведева *(вздыхнув)*. Эх вы, чудаки! Поглядишь на вас — так станет жалко всех! Туда же, шутки шутят, будто им весело... притворяются умными

да будто гордыми... совестясь друг пред другом слабостей своих... А вам бы просто сойтись друженько, да поговорить, да поплакать над собой, не стыдись... Нечего роли-то играть... публика-то разошлась уж... одни вы остались... одни!

В у к о л. Я в спектакле не принимал участия... я сам — публика.

М е д в е д е в а. Каждый поодиночке тоскует смертно, стыдится всяко... а на людях — пыжится, серьезное лицо делает... куда уж! А вы — поближе друг ко другу, поближе...

В у к о л. Премудрая — довольно! Это меня не касается. А вот что, добрая баба-яга... ведь сын-то у меня в самом деле исчез...

М е д в е д е в а *(равнодушно)*. Куда?

В у к о л. Может быть — в Африку, может — ко всем чертям...

М е д в е д е в а *(недоверчиво)*. Фокусничаете вы с ним, батюшка... Идите-ка чай пить. *(Идет с ним в дом — встречу им Мастаков и Зина.)* Слышали — доктор-то? Уехал!

М а с т а к о в. И прекрасно! Нужды в нем ни у кого нет. *(Зине.)* Мы походим немножко, да?

З и н а. Пожалуйста. Очень душно, и голова кружится.

М а с т а к о в *(не зная, о чем говорить)*. Может, вам нужно принять каких-нибудь капель?

З и н а *(улыбаясь)*. Каких же?

М а с т а к о в. Не знаю. *(Вздохнул.)* Елена никогда не принимает лекарств. А вот Ольга Владимировна пьет какие-то капли. Иногда от нее пахнет чем-то оглушающим... вроде эфира. И духи у нее... убийственно крепкие...

З и н а *(с интересом)*. Вам нравится она?

М а с т а к о в. Она? Гм... Д-да... как сказать? Не всегда, я думаю... *(С оживлением — но искусственно.)* Эх, какая хорошая ночь! Так бы и запел!

З и н а *(с упреком)*. Что вы? Здесь?

М а с т а к о в. Это действительно... глупо сказал я... Да я и не умею петь... *(Стараясь попасть в тон.)* Конечно... люди рождаются и умирают... днем и ночью...

Зина (*невольно улыбнулась*). Вы так сказали... точно упрекаете их за это.

Мастаков (*смущен*). Да? Вот видите... чётр возьми! (*Просто.*) Это, должно быть, потому, Зина, что я не знаю... как следует говорить, когда в доме покойник... Я столько прочитал ужасов о смерти, все они так плохо написаны, что у меня нет уважения, нет интереса к этой теме... О смерти сказано больше, чем следовало... она стала похожа на актрису, которую пережвалили. Очень однообразная актриса, но — кричат — ах, она гениальна! (*Увлекаясь, он берет Зину под руку.*) Конечно, однажды надо будет умереть... в один прекрасный день. Но, милая девушка, до того дня я проживу тысячи прекрасных дней... тысячи — вы понимаете? И каждый день — новые лица, новые движения души, новые цветы и солнце. (*Серьезно.*) Знаете ли вы, что солнце каждый день новое? Вы читали что-нибудь о Хорсе, боге солнца, и дочерях его хорсалках, иначе — русалках? Вы любите мифологию?

Зина. Я ее не знаю.

Мастаков. О, это надо знать! Это изумительно красиво... и, как всё детское,— просто, мудро, невыразимо трогательно. Вам это необходимо знать, вы сами такая русалочка... Я иногда смотрю на вас и думаю — как счастлив будет человек, которого вы полюбите... Представляю себя на его месте... это ужасно хорошо и полно самых капризных неожиданностей...

Зина (*смущенно*). Послушайте... уместно ли... (*В палисадник входит Ольга с букетом цветов в руках. Она одета в темное, стоит за кустами и слушает.*)

Мастаков (*увлечен*). Если бы вы знали — какая это счастливая особенность представлять себя чем хочешь! Королем, трубочистом, паяцем! Живешь десятками жизней, чувствуешь все радости и печали мужчин и женщин... скучные, тяжелые думы стариков и милую, радужную путаницу детской души...

Зина. Это удивительно интересно...

Мастаков. Недалеко отсюда лежит камень-валун... такой старый, серьезный камень, весь в морщинах... Я знаю, что он был когда-то вершиной горы

и звезды были ближе к нему, чем теперь, — он это помнит, и ему скучно... Понимаете? Об этом камне я мог бы рассказать в четырех строках... только четыре строгие строки! Видите? Так живешь... Вдруг — полюбишь вас и думаешь о вас целый день... носишь ваш образ в сердце своем, и вы поете мне такие славные, чудные песни...

Зина (*отнимая у него руку*). Что вы говорите? Разве можно говорить со мной об этом... сегодня?

Мастаков (*удивлен*). Нельзя? (*Она быстро идет прочь от него.*) Но... когда же можно... странная девушка!

Ольга (*выходит, иронически*). Вы — поторопились!

Мастаков (*тревожно*). Ты — снова... Послушай — Елена тоже здесь!

Ольга. Вот почему вы не приходите ко мне! Это и есть та работа, которой вы так заняты?

Мастаков (*тревожно, тихо*). Если вы встретитесь — я не знаю, что буду делать...

Ольга (*стараясь сохранить спокойствие*). Не знаете? Да?

Мастаков. Честное слово...

Ольга. Честное слово и — вы?

Мастаков. Когда люди смотрят друг на друга свирепыми глазами — мне стыдно, я... я чувствую себя совершенно лишним...

Ольга. Вы отдадите себе отчет?..

Мастаков. Ах, отчет! Конечно... я всегда делаю глупости!

Ольга. Не притворяйтесь!

Мастаков. Ш-ш! Зачем же кричать?

Ольга. Что это такое? Ваш способ обратить в шутку отношение ко мне, да? Вы плохо, вы пошло придумали!

Мастаков. Ах, зачем ты говоришь этим тоном? Что я тебе сделал? Ведь ты — не девушка... и я не могу жениться на тебе немедленно... это смешно! Ей-богу — это смешно!

Ольга (*тише*). Не смейте издеваться надо мной! Я требую объяснений! Я не знаю... это, наконец, жесто-

ко... это — грязно! Послушайте, проповедник добра и красоты, или как вас там зовут...

(Из дома выходит Елена.)

М а с т а к о в *(раздражаясь)*. Я же объясняю вам русским языком...

О л ь г а *(видит Елену)*. А, милостивый государь, теперь я вам сделаю небольшой скандал... вам все-таки будет пеловко...

М а с т а к о в. Что же это будет! Чего вы хотите?

О л ь г а *(бросив цветы)*. Елена Николаевна... позвольте вам напомнить ваши слова... мы обе женщины...

Е л е н а *(кутаясь в платок, тихо говорит, подходя ближе)*. Пожалуйста, уйдемте отсюда.

О л ь г а. Но вы — умнее меня... вы устроили как-то так, что... я, кажется, с ума схожу!

Е л е н а. Константин, ты плохо выбрал место...

М а с т а к о в *(почти грубо)*. Я ничего не выбирал! И ничего не понимаю! Что требуют от меня? Чтобы я немедленно венчался? «Исаия ликуй»? Еще раз — «ликуй Исаия»?

О л ь г а. Что за пошлая шутка! Послушайте, он сейчас объяснялся в любви Зине...

М а с т а к о в *(удивлен)*. Я?

О л ь г а. Он носит ее образ в сердце своем... говорил он ей...

М а с т а к о в. Послушайте! Что за глупость?

О л ь г а *(мечется, взбешена)*. Это не глупость, это носит другое имя! Авантюризм, распущенность... Мне — стыдно, сознаюсь — я никогда не бывала в таком смешном, дурацком, унижительном положении... о да, сознаюсь!

М а с т а к о в *(смотрит на них обеих по очереди)*. Довольно! Говорите что вам угодно, делайте что хотите, а я — я уеду! Я не позволю тащить меня на веревке даже и в рай... Ничего дурного я не сделал, и никто не страдает, это я страдаю!

О л ь г а *(Елене)*. Какова наглость?

Е л е н а *(спокойно)*. Не надо сильных слов... они ничего не объясняют.

М а с т а к о в. Вам угодно, против всякой очевидности, считать меня виновным в проступке, который... в котором и вы принимали участие, как я помню... Позвольте! Я осужден? Очень рад! Я уезжаю, Елена... я иду уложить чемоданы... вы уж доконайте меня в моем отсутствии!

О л ь г а. Что за дикая выходка! Неужели это нормальный человек? Или очень ловкий? Не понимаю!

М а с т а к о в *(горячится)*. Перестаньте болтать! Я уезжаю! Я не могу так жить — у всех на меня какие-то вассальные права... и — при чем тут Зина? Ты же сама, Елена, просила меня развлечь эту вдовую девицу! *(Спокойнее и проще.)* Если я действительно виноват — я извиняюсь... совершенно искренно, да! Но я скажу, что правда, великая правда сказана о женщинах словами... я забыл эти слова... вы заставите всё забыть! *(Он быстро уходит из палисадника. Ольга растерянно смотрит вслед ему. Елена сумрачно задумалась.)*

О л ь г а *(тихо)*. Он действительно уедет?

Е л е н а. Не думаю.

(Пауза.)

О л ь г а *(подавленно)*. Вот мы снова друг против друга... Вы действительно поставили меня в смешное положение... ведь это вы, да?

Е л е н а *(тихо)*. Нет, не я...

О л ь г а. Гм... Мне надо уходить... *(Елена молчит.)* Послушайте, вы так много говорили о женской солидарности и высоких идеях... но — как же вы можете прощать ему это... эти выходки... распущенность эту?

Е л е н а. Прошлый раз я, должно быть, говорила недостаточно ясно и виню себя за это теперь...

О л ь г а *(издеваясь)*. Слышали бы вы, как он говорил Зине о своей любви!

Е л е н а. Завтра он может повторить это другой девушке или вам...

О л ь г а *(зло)*. О нет! Я-то уж не позволю издеваться над собой!

Е л е н а. Я сказала вам — он как во сне живет и верит в свои сны...

О л ь г а. Лечите его! Посадите в больницу! Привяжите на цепь!

Е л е н а. Не надо быть грубой! Вы любите его рассказы?

О л ь г а. Теперь они будут напоминать мне... только мое унижение! Вы счастливы слышать это? *(Елена молча взглянула на нее.)* Станный вы человек... трудно вам поверить! *(Задумчиво.)* Я считала его таким чистым, честным...

Е л е н а. Он таков и есть...

О л ь г а *(усмехаясь)*. Таков? Но — как же это? Неужели вы не чувствуете оскорбления... впрочем, это не мое дело!

Е л е н а. Не будем говорить обо мне... Если он или я сделали вам больно — я готова просить у вас извинения за него и за себя...

О л ь г а *(поражена, не верит)*. Вы, женщина, просите у меня прощения, у меня... которая... Я вам не могу верить, не могу! Это — христианское смирение, что ли? Великодушие? Что это?

Е л е н а. Я — женщина, но — рассудочный человек...

О л ь г а. Не верю... вы говорите необычно... Он вас свел с ума, этот... паяц! Иногда мне кажется, что вы — человек искренний... и, честное слово, в эти минуты — мне больно за вас!.. *(Задумываясь.)* Должно быть, потому больно, что мы, женщины, действительно близки друг другу... Но я тоже сойду с ума, если буду продолжать такой фантастический разговор! Прощайте. *(Идет, но тотчас возвращается и говорит серьезно, просто.)* послушайте, мне захотелось сказать вам... кажется — это необходимо сказать, но — почему?.. Я не понимаю! Легкое сумасшествие... Во всяком случае — я далека от раскаяния... Видите ли, я кокетничала с ним... я очень хотела того, что называется победой над мужчиной... Не знаю, зачем нужно было мне это... может быть, хотелось встать рядом с вами и выше вас... уж очень раздражало меня это ваше величие, ваше спокойствие... то, что вы сами называете рассудочностью... Вероятно, это какой-то новый род бабьей хитрости... прием, незнакомый мне! *(Говорит как бы*

сама с собой.) Он долго не замечал моих атак... Вы знаете, конечно, к чему это приводит нас, женщин? Он всё рассказывал мне какие-то сказки... об индусах, березах, о Калевале, русских мужиках... Удивительно он говорит иногда! Точно не человек... Ну, я, кажется, увлеклась им серьезно... и, желая поскорее выиграть партию, вот — проиграла! *(Она растерялась, ей мучительно неловко, и она хочет скрыть это бойким тоном, небрежными словами.)* Я поняла это... очень скоро... и особенно ясно — после разговора с вами... Вы гораздо убедительнее говорите тоном и глазами... а ваши слова... они мне не всегда понятны... эти ваши странные слова... *(Усмехнулась.)* Вы моложе меня, но у вас уже отцветает душа... знаете это? Я не хочу сделать вам больно... но — честное слово! — вы иногда вызываете досадное чувство! Разве можно так относиться к мужчине? Это даже смешно, наконец... Нет, каков этот фантазер! Точно угорь... он ловок, знаете! Да, да... он неглуп... И, кажется, недурной актер. В нем есть какая-то незнакомая мне гибкая, но крепкая пружина... он довольно хитрый. Иногда он бывает невыносимо комичен... мне думается — это его способ самозащиты... да? *(Очнулась.)* Что? Я слишком разболталась!

Е л е н а *(тихо)*. Спасибо вам.

О л ь г а *(комически и зло)*. За что жё? Тогда уж... руку, товарищ! Надеюсь, что однажды и вы будете так же побиты, как вот я! *(С жарким любопытством спрашивает.)* Трудно жить с таким скользким дьяволом? Но — должно быть интересно? До безумия, да?

Е л е н а *(как бы ослабев на секунду, отвечает так же горячо)*. О, да...

О л ь г а *(отшатнулась)*. А-а... Вот какая вы?.. Ну, тогда... он — глуп, конечно!.. Прощайте! Вы удивительно запутанная женщина!.. Я тоже... сглупила... Ну, я уеду! Вам хочется, чтобы я уехала?

Е л е н а *(усмехаясь, смотрит на нее)*. Что может изменить ваш отъезд?

О л ь г а. Ого!.. Ну, все-таки... спокойнее!

Е л е н а *(с гордостью, не без боли)*. Он останется всю жизнь таким... он не изменится никогда!

О л ь г а *(долго смотрит в лицо ей)*. Нет... я вас

не понимаю... не могу понять!.. (Медленно уходит. Елена устало садится на скамью в тени. С крыльца выглядывает Медведева, нерешительно идет, садится рядом с нею и гладит волосы ее.)

Е л е н а (тихо). Тяжело это... вы слышали?

М е д в е д е в а. Ничего... пройдет. Говорила она очень уж громко. Вукол уши наострил, заулыбался всеми улыбками, старый леший. Я уж разговор затеяла, чтобы помешать ему подслушивать, а Самоквасов догадался, помог мне. Деликатный человек... Зина, слава богу, уснула. Спит на диване, одетая... (толкнув Елену), а Самоквасов-то комаров отгоняет от нее... а? Эх, люди, люди! Милые вы мои люди!.. (Задумалась.) Это она цветы принесла? Лилии, гвоздики... хорошие цветы! Бросила на землю... зачем это? (Поднимая.) Тоже, видно, не очень счастлива бабеночка, хоть и бойкая. Бесприютная, видно... и голодна душой-то... вот те и богатство! Не кормит оно душу... Очень горячилась она... слышно было... Куда ей против тебя, Лена! Глупенькая она... Лст, чай, на восемь, на десять старше... а тоже... Чу! Идет кто-то... Твой идет... гляди-ка!..

М а с т а к о в (шляпа на затылке, растрепан, мрачен, палец на левой руке обмотан платком. Показывает его жене и угрюмо сообщает). Вот, Елена, я прищемил палец...

Е л е н а. Покажи... сядь...

М а с т а к о в (убежденно). Саша — злая, сонная дура! Неприятнейшая личность! Ничего не понимает... В ней есть что-то кошачье... Мы разругались.

М е д в е д е в а (встала, улыбаясь). У меня примочка есть... вот я принесу ее.

Е л е н а. Пожалуйста!

М а с т а к о в. Осторожнее, Лена... я не камень.

Е л е н а. Что ты там делал?

М а с т а к о в. Что? Укладывался... чемоданы и всё... Я же не могу жить там, где со всех сторон мне кричат в уши — ты мой, наш!

Е л е н а (хмуро). Не притворяйся, пожалуйста, я тебе ничего подобного не говорила.

М а с т а к о в. Всё равно! У тебя тоже инстинкты рабовладелицы... *(Помолчав.)* Я уже всё с моего стола уложил в чемодан... только туда пролился одеколон, и надо было снова всё вынуть. *(Насвистывает.)* Чернила тоже пролились... на диван. А Саша опрокинула рыжую вазу... Она, конечно, обвиняет меня! Я рад, что ваза разбилась, мне не нравятся рыжие вещи... и люди. *(Искоса смотрит на жену.)* Тебе — ничего, что я уезжаю? Это тебя не беспокоит? *(Елена молчит.)* Я не могу работать, когда вокруг меня чёрт знает что творится! Все — мрачно улыбаются... Николай убийственно рычит: «Твоя жена — святая!» Это ты — святая... да! Он — филин, этот доктор... и я ведь знаю, что он влюбился в тебя... нечего! Отсюда всё и произошло... *(Благородно.)* Я вовсе не хочу никому мешать, и ты не услышишь от меня никаких упреков...

Е л е н а *(тихо)*. Пожалуйста, не выдумывай глупостей!..

М а с т а к о в *(не сразу)*. Вы поругались... ты и она?

Е л е н а. Она уезжает.

М а с т а к о в *(живо)*. Честное слово?

Е л е н а. Да.

М а с т а к о в *(облегченно)*. Это — хорошо! Это — очень хорошо, Лена, право! Пусть она поедет куда-нибудь... да, да! Она — очень хорошая женщина... и сердце у нее доброе... но — она нестерпимо деспотична!

Е л е н а *(тихо, с горечью)*. Неужели тебе не стыдно так говорить о человеке, которого ты оскорбил?.. Ведь ты обидел ее, понятно это тебе?

М а с т а к о в *(пристально смотрит на Елену)*. Ее? Ты говоришь — ее обидел я? *(Помолчав, тепло и просто.)* Слушай, Лена... мне очень стыдно перед тобой... я ведь знаю, что виноват! Я не умею себя вести — вот в чем дело... Мне некогда думать о тебе да и о себе тоже... У меня в груди — большая дорога, и по ней непрерывно проходят маленькие мыслишки, пестрые человечки, толкаются, шумят, живут... и я забываю про тебя... Это нехорошо, да... но я, право, не могу иначе, не умею!.. Вот, какое у тебя лицо! Ты, конечно, сердисься... осуждаешь меня и... вообще...

Е л е н а *(просто)*. Разве я жалуясь? Обвиняю тебя? Я только хотела бы просить — относись осторожнее к людям, чужим тебе... Не помогай несчастным и слабым быть злыми, они не станут ни сильнее, ни счастливее от этого.

М а с т а к о в. Видишь ли... если она уезжает — я останусь лучше, а? Я не хочу встретиться с нею в пути!

Е л е н а *(неволью улыбаясь)*. Разве один путь?

М а с т а к о в *(обиженно)*. Ты хочешь, чтобы я уехал? Вот, Лена, наши желания всегда расходятся — видишь?

Е л е н а *(берет его за руку)*. Не надо так говорить... это неискренно, и ты — немного паясничает... да! Выслушай меня внимательно и поверь, что я никогда более не повторю тебе того, что скажу сейчас! Я не хочу мешать тебе ни в чем, что может увеличить красоту твоей души... Клянусь богом — это правда!

М а с т а к о в *(серьезно)*. Я — верю! Я верю тебе всегда... Понимаю, что сделал тебе больно, но... это вышло нечаянно — иногда очень трудно понять, где кончается человек и начата женщина!.. Елена — это случилось, и бесполезно об этом говорить — словами не излечишь боль в сердце... я знаю!

Е л е н а *(тревожно, горячо)*. Пойми — я боюсь... я — боюсь, когда к тебе подходит, тебя касается будничное и пошлое...

М а с т а к о в *(смеясь, тихонько целует ее руки)*. О, не бойся, я — хитрый! Очень трудно жить не притворяясь... Часто я играю роль блаженного и дурачка, который не понимает своих поступков, — это очень помогает мне отталкивать от себя разные пошлости и мелочи... Иногда я бываю смешон... помимо моей воли — я знаю это! Знаю... И когда замечаю, что смешон, то пользуюсь этим тоже в целях защиты... да, это нехорошо? Может быть... может быть... но — это охраняет от пустяков... *(Задумался на секунду.)* Жизнь — интереснее, честнее людей... Удивительно прекрасна эта наша человеческая жизнь, и — хорошо быть каплей росы, в которой на рассвете отражен луч солнца! Мне кажется, Лена, друг мой, хороший мой друг, что все

люди, все, вокруг нас с тобой, — живут вторые, третьи жизни, они рождаются стариками, и жить им — лень! Стариками они рождаются, а я — родился впервые, ребенком, я счастлив тем, что молод... и — безгранично люблю всё это... всё живое! (*Медведева с аптечной склянкой в руке вышла на крыльцо, посмотрела на них и, улыбнувшись, бесшумно ушла.*) Я рад, что живу, пьян от радости жить, и мне хочется рассказывать всем, впервые рожденным, о счастье моем... Ты понимаешь меня, Лена?

Е л е н а. Да.

М а с т а к о в. Не прощай мне, но — забудь... хорошо?

Е л е н а. Да!

З а н а в е с

ВСТРЕЧА

ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Князь Свирь-Мокшанский — человек неопределенного возраста, лысоватый, хилый.
- Бубенгоф — солиден, держится завоевателем.
- Мокей Зобнин — лет пятидесяти, вертляв, боек и мечтателен.
- Иван Кичкин — стар, тучен и нездоров.
- Петр Типунов — сладкогласен и миролюбив.
- Костя Зряхов — юноша пухлый, говорит пренебрежительно, с неожиданными оттяжками.
- Евстпгвейка — личность растрепанная, с безумными глазами.
- Татьяна Зобнина — дама вдовая, дородная, двигается неохотно.
- Марья Викторовна — девица бойкая и живая.
- Нетрезвый пассажир.
- Старуха с прощением.
- Начальник станции.
- Быков — сторож.
- Жандарм.
- Телеграфист.

Помещение для пассажиров I и II класса на маленькой станции в пяти верстах от заштатного города Верхнего Мямлина. Одна дверь прямо против зрителя, другая — в левом углу. За этой дверью — уборная. Суетится З о б н и н, распаковывая кульки, Татьяна и К о с т я расставляют на столе бутылки и закуски.

З о б н и н (*озабоченно*). Стало быть — помни, Татьян: как только я его введу — сейчас ты встречу ему с подносом...

Т а т ь я н а. Слышала уж! Только — долго я не сдержу: тут боле пуда...

З о б н и н. Удержишь! Должна удержать, коли тебе браслета обещана! А ты, Кость, валяй поздравление, да поскладней как, позычнее, он, поди-ка, глуховат.

К о с т я (*пренебрежительно*). Ладно, скажем! Видал я их брата... Это ваши понятия такие, что коли князь, так уж обязательно — глух али еще чем страшен.

З о б н и н (*мечтательно*). Эх, кабы удалось! Ловко бы... н-да-а! Кичкина-то обошел я... он там дома готовится, а я... (*Беспокойно*.) Ты гляди, Татьян, — сначала можжевеловой ему, да рюмку-то побольше которая...

К о с т я (*с горечью*). Эх, культурность! Можжевеловой... князю-то! (*Сплевывает сквозь зубы на пол, сокрушенно качая головой*.)

З о б н и н (*задумчиво*). Что ж, — купоросного масла поднести ему, что ли? (*Уверенно*.) Ничего!

Можжевеловая — она сразу непривычного человека ушибет! Какого ты сословия ни будь, она, брат, всякое упрямство размножит...

Т а т ь я н а (*вздыхая*). Всё, чтобы размножить...

З о б н и н. Дуреха! Надо нам, чтобы человек мягок был и ласков с нами, али не надо? Ты — молчи! Ты старайся красивее быть...

К о с т я (*ворчит*). Тут бургонского али шампанского требуется.

З о б н и н (*раздражаясь*). Отстань, подь в болото! Послушала я тебя, угостил намедни следователя бургонским этим...

К о с т я (*возмущен*). Да кагор это был, говорю я вам, а вовсе не бургонское! Простое церковное вино!

З о б н и н (*кричит*). Врешь! Оконфузил ты меня! Откуда в церковном таракану быть?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (*в дверях*). Действуете?

З о б н и н. Готовимся. Сколько до поезда?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Еще... час тридцать семь. А у жены моей зубы разболелись.

Т а т ь я н а. Вы их — парным молоком...

К о с т я (*скорбно*). Вот! О господи... парное молоко!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. С молока меня, извините, тошнит. (*Мечтательно.*) Нет, против зубов следует употреблять что-нибудь крепкое...

К о с т я (*уверенно*). Обязательно! Нагретый коньяк, а то — ром.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (*улыбаясь*). Коньяк... да-а!

З о б н и н (*хмуро*). Где его достанешь? Мы вот своими средствами... (*Вздохнув, начальник станции притворил дверь.*) Понимаю я, чего тебе надобно! Погоди, брат, — всё, что останется, твое будет...

Т а т ь я н а (*Косте*). Вы мне на хвост наступили...

К о с т я (*галантно*). Пardon! Распространяетесь очень!

З о б н и н (*мечтает*). Да-а... кабы удалось! Ты, Татьяна, будь развязней. Ты — вдова, а он — старичок, человек для тебя безвредный... И ты, Костя, тоже...

К о с т я. Ну вот, не видал я князей! Их в Москве

на каждой улице по трое живет... Но откуда вам известно, что он глух и старичок, — это уж я не понимаю!

З о б н и н (*вдумчиво*). Да ведь как же? Первое дело — князь...

К о с т я. Вы меня не учите, пожалуйста! У меня — свои взгляды...

Т а т ь я н а (*Косте*). Жили вы в Москве две недели, а всё знаете... и сколько князей, и какие трактиры... даже удивительно!

З о б н и н. Разговор у тебя ленивый... вроде как у беременной женщины... право! Ты перемени это!

К о с т я. О господи! Да не понимаю я, что ли? (*Плюет сквозь зубы.*) Человек думает, как лучше, а вы ему голову грызете... Дайте мне мысли мои обгаризовать!

З о б н и н (*оглядываясь*). Ну, ну... валяй! Подмести надо. Иди-ка спроси веник у сторожа.

К о с т я (*уходя, ворчит*). Веник! Не веник, а половую щетку употребляют.

Т а т ь я н а (*отряхая юбку*). Уй, как я измазалась...

З о б н и н (*задумчиво*). Вот... двадцать пять годов ему, а умишко детский. Да и все тут, ежели пристально поглядеть... н-да! Вот бы удалось мне Кичкина обойти... молебен бы... О господи, помоги рабу твоему Мокею! Молись, Татьяна... тут и твоя судьба кружится!

К о с т я (*вбежал и — радостно*). Смотрите-ко, дядя Мокей!

(В дверь, оттирая Костю и тяжело дыша, влезает Кичкин; за ним — Марья и Типунов, с кульками в руках. Зобнин, смущенно посмеиваясь, качает головой сверху вниз; Кичкин смотрит на него и громко сопит. Костя, едва сдерживая смех, делает Типунову какие-то знаки; тот схватил бороду в руку и, закрыв ею рот, подмигивает Косте. Марья, оскалив зубы, смотрит на Татьяну, Татьяна злобно отряхает юбку.)

К и ч к и н (*Зобнину, хрипло*). Упредил?

З о б н и н (*хихикая*). Пронюхал?

К о с т я (Марье). Бон жур-с!¹

Т а т ь я н а (шипит). Ты зачем с ней говоришь?

М а р ь я. Теперь вовсе не жур, а суар!..² Что, взяли, а?

К и ч к и н. Эх, Мокей, Мокей...

З о б н и н (вздыхнув). Вот как, брат, Иван Иваныч... случилось!

К и ч к и н. Ну и жулик ты, а?

З о б н и н. Да и ты тоже... шельма! Как это ты... догадался?

К и ч к и н. Не дурак я!

(В дверь смотрит, улыбаясь, начальник станции. Зобнин, укоризненно качая головой, грозит ему пальцем.)

Т и п у н о в (быстро). Вот что, купцы, — разговорцам тут не место, разговорцы — за дверь! Уж коли так сошлось...

К и ч к и н (грустно садится). Что уж тут...

З о б н и н. Н-да... Костянтин — соображай...

Т и п у н о в. Теперь сообща надобно...

К о с т я. Обязательно!

(Марья вертится по комнате, смотрит в зеркало и всячески мешает Татьяне.)

Т а т ь я н а. Что вы толкаетесь?

М а р ь я. Ах, пардон!

К и ч к и н. Эх, кабы не одышка у меня... я бы тебе, Мокей! (Показывает кулак.) Прохвост...

З о б н и н (миролюбиво). Али руганью добьешься чего? Я бы и сам не хуже тебя обругался... да ведь какой толк?

К о с т я (мрачно). Надобно, дядя, обгарнизовать-ся...

Т и п у н о в. Гарнизоны это называется или как... ну — следует скорее!

(Костя шепчет что-то Марье, она смеется.)

Т а т ь я н а (Зобнину). Братец, — Константин, глядите-ка, шепчется!

¹ Добрый день! (Франц.).

² вечер!.. (Франц.).

К о с т я *(возмущенно плюнул)*. Ф-фу! Ну и... правы же!

З о б н и н. Цыцте! *(Вздохнув)*. Как же, Иван Иванов?

Т и п у н о в. Очень просто! *(Пишет пальцем в воздухе)*. Лесопромышленная компания Зобнина и Кичкина — боле ничего!

К и ч к и н. Почему я сзаду? Не желаю...

(Костя, тихонько переругиваясь с Татьяной, делает ей рожу. Марья хихикает, Татьяна почти плачет.)

З о б н и н. Не спорь уж! Мне всё равно — пусть на вывеске ты впереди стоишь.

К и ч к и н. И в купчей...

З о б н и н. Ну и в купчей! На!

К и ч к и н. Во всех бумагах чтобы я впереди стоял!

З о б н и н. Во всех! Изволь!

Т и п у н о в *(воодушевленно)*. Вы того не забывайте — какое это дело! Золото! Не токмо на обоих хватит — потомствам даже до седьмого колена останется! Ведь это же какая краюха? Целая местность... весь уезд! Тут ли спорить? Тут ли жадовать? Руби! Пили! Вези! Огребай деньги! Народишко изголодался, мужику цена — грош...

З о б н и н *(вздрагивая)*. Н-да... это дело... оно-о!

К и ч к и н *(мычит)*. О господи!

Т и п у н о в *(Кичкину)*. Ну, кум, думай!

З о б н и н. Иван Иванов, — решайся!

К и ч к и н *(унуло)*. Что же? Я — тово...

З о б н и н *(горестно)*. Судьба нам такая — чтобы вместе!

К и ч к и н *(унуло)*. Н-да... не наша воля, видно!

Т и п у н о в *(весело)*. Давайте лапы, эхма! Господи благослови... на счастье! Сообща... в соединении сил... задувай-давай! Такие эти... как их, Костя?.. гарнизоны двинем...

К о с т я. Гарнизации, если правильно говорить!

З о б н и н. Значит — надо выпить, что ли?

Т и п у н о в. Теперь — обсоюзились... Ну-ка, Татьяна Антоновна, в знак будущего!

К и ч к и н *(держит руку Зобнина и встряхивает, точно пробуя, нельзя ли оторвать)*. А я было тово...

З о б н и н. Да и я тоже, брат...

К и ч к и н. Судьба нам, значит, вместе-то...

З о б н и н. Против судьбы все мы — дети малые! Тебя начальник известил о приезде?

К и ч к и н. Он.

З о б н и н. Вот, Костянтин, зубы-то! Давеча бы дать ему...

К о с т я. Чай, он не теперь известил!

З о б н и н. Дать бы да и спросить: извещал али нет? Ну — благословясь, выпьем, братья!

Т и п у н о в. И — разговорцы под лавку! Надо на-счет встречи обдумать...

З о б н и н. У нас — обдуманно.

К и ч к и н. И у нас!

З о б н и н. Первое — чару ему с дороги!

К и ч к и н. Покрепше!

Т и п у н о в. Чтобы сразу обмяк!

З о б н и н. Можжевеловой ему...

К и ч к и н. У нас — чайная есть. На чаю настоена...

Т и п у н о в. Смешать можно!

Т а т ь я н а. А как задохнется он с этого?

З о б н и н. Эко! Пьем же мы, а вот не задохлись!

Т и п у н о в. Выдержит! После — поздравить его ласковенько, с возвратом на родное пепелище...

К о с т я *(ловит пальцами гриб на тарелке)*, Он и подумает, что это насмешка!

З о б н и н. Отчего — насмешка?

К о с т я. Сожгли мужики усадьбу-то или нет?

К и ч к и н. Ну, конечно, об этом не надо напоми-
нать!

З о б н и н. Ай да Костя! Тонко взял!

К о с т я. Чай, я не дикарь!

К и ч к и н *(Типуну)*. Вот, Петруха, мастером ты считаешься в речах, а придумал плохо!

Т и п у н о в. Ничего!

З о б н и н. Стало быть, тебе, Костя, и говорить
речь!

К о с т я *(разбираясь в закусках одной и той же ви-
лкой)*, Мне всё равно...

К и ч к и н. Первый — кум скажет. Затем и взят.

З о б н и н. И Костя для этого!

К и ч к и н. Нет уж,— первое слово чтобы от нас шло!

Т и п у н о в. Мы — оба вместе скажем...

К и ч к и н (*тяжело*). Нет, уж ты первый... ты старше!

З о б н и н. Говори первый, Типунов! А Костя на загладку пойдет... Решили?

К и ч к и н (*подозрительно*). Уступчив ты больно...

З о б н и н. А ты — боязлив не в меру!

К и ч к и н. У меня — одышка... Да детей пятеро.

З о б н и н. После того — женихов пустим против его...

Т и п у н о в (*с улыбкой*). Для головокружения, значит!

К и ч к и н. Вот я племянницу взял...

З о б н и н. У меня, брат, сестренка... тоже очень достойна внимания...

К и ч к и н. Она у тебя бессловесная... не годится...

Т а т ь я н а. Здравствуйте! Это я понимаю как обиду...

Т и п у н о в. Никакой обиды! Ну только, как Маша по-французскому может...

М а р ь я. Пожалуйста... я могу уйти... у меня интересов нет...

К и ч к и н. Я те уйду!

Т и п у н о в. Теперь — вопросец: где он остановится, у кого?

К о с т я. У нас приготовлено ему.

К и ч к и н. У нас тоже... не суйся!

З о б н и н. Погодите! Остановится он — это мне известно — у себя в усадьбе: ведь флигель-то цел!

К и ч к и н. А ты у себя на что приготовил?

З о б н и н. А ты?

К и ч к и н. Я! Мало ли что... Мой-от отец у них, у князей, бурмистром ходил.

К о с т я (*Марье*). Каковы люди?

Т а т ь я н а. Очень хороши, и напрасно ты к ней подлизываешься... (*Марье*.) И вовсе князю не интересен ваш язык этот!

М а р ь я. А что же ему интересно?

Т а т ь я н а. Да уж не язык, извините!

М а р ь я. А что же? Пожалуйста, скажите!

Т а т ь я н а. Да уж...

З о б н и н. Цыц, Татьяна!

К о с т я (*горестно*). Вот какие картины культурных нравов...

М а р ь я. Вуй! Кэль сэ трист! ¹

(*Типунов смотрит на нее с недоумением и отходит прочь, шевеля губами. Костя наливает себе какой-то зеленой жидкости и пьет.*)

Т а т ь я н а (*тихо*). Слова! Сама, чай, выдумала...

Б ы к о в (*входит*). Мокей Антоныч!

З о б н и н. Ась?

Б ы к о в. Евстигнейка просится до вас.

Т и п у н о в. Это — с машинкой своей...

К и ч к и н. До него ли? Гони!

З о б н и н. А может, допустить его? Вот, мол, ваше сиятельство, есть у нас изобретающий человек...

К о с т я (*иронически*). Очень это интересно столичному жителю!

Т и п у н о в. А если для смеха выпустить его?

К о с т я. Тогда бы лучше лесникову собаку взять — она смешнее!

З о б н и н (*испуган*). Это... это ты зачем же все бутылки почал?

К и ч к и н (*в стороне — Марье*). Ты, гляди, не уступай ей, слышь? Держись вперед... ближе к нему...

М а р ь я. Знаю уж!

К и ч к и н. То-то...

К о с т я (*жует*). Для возбуждения мозга — надо мне или нет? Странно!

Б ы к о в. Стало быть — Евстигнейку гнать?

Т и п у н о в. Гони, дружок, гони его!

Б ы к о в. Там еще старуха...

К и ч к и н. Какая?

Б ы к о в. С прошением, что ли то...

З о б н и н (*тревожно*). На кого прошение?

¹ Да! Как это грустно! (*Искаж. франц.*).

К и ч к и н *(радостно)*. На тебя, поди-ка!

З о б н и н. Ну господи же! Даже взопреешь от этого! Гони ты всех, Быков!

К о с т я. Хоть на час какой спрячьте вы куда-нибудь всю эту дикость... стариков, слесарей, старух...
(Кичкин осторожно подвигается к двери, Зобнин следит за ним, беспокойно потряхивая головой.)

З о б н и н. Стало быть, Марья Викторовна, вы его займете...

Т и п у н о в. Ты, крестница, так и знай: мы тебя всегда для приема знатных лиц будем употреблять...

Т а т ь я н а. А меня на что выволокли?

З о б н и н. А ты... ты в глаза ему гляди!

Т а т ь я н а. Собака я, что ли?

(Кичкин вышел; Зобнин, стоя у двери, следит за ним в щель, потом уходит.)

Т и п у н о в *(ласково)*. Вы его улыбочками, улыбочками! Да пошире эдак, поласковой — вот вам и должность.

Т а т ь я н а *(сдается)*. Он и примет меня за дуру.

К о с т я *(успокоительно)*. Молчать будете — не примет.

Т а т ь я н а *(ядовито)*. Глядите, однако, в Семилужном у градского головы жена эдак-то принимала, принимала гостей да однажды негритенка и родила...

М а р ь я *(возмущенно)*. Фи, как вам не стыдно! И вовсе не негритенка, а просто пестренький он родился...

Т а т ь я н а. Не всё равно?

М а р ь я. И одна ножка — короче! Вы даже и не видали негритят...

Т и п у н о в *(беспокойно)*. Это куда же воеводы ушли? Поругаются они... Костя — идем-ка...

К о с т я *(икнул)*. Ох... ну, жизнь! *(Уходят.)*

М а р ь я *(озабоченно шепчет)*. Ву зэт тре земабль. Жэм боку льом дезарм. Же сюи тре контан...¹

¹ Вы очень любезны. Я очень люблю военных. Я очень довольна... *(Искаж. франц.)*.

Т а т ь я н а. Нисколько это вам не поможет.

М а р ь я. Почему же? Объясните, силь ву плэ¹, пожалуйте!

Т а т ь я н а. Женат он.

М а р ь я. Какие глупые пошлости! И почему вы знаете, что женат?

Т а т ь я н а. Нечего предо мной форсить! Вы сами иностранные-то слова выдумываете! А вот у кого колечко ваше с рубинчиком — это я знаю! Да-с!

М а р ь я. И я знаю. Ну-с?

Т а т ь я н а. И больше ничего-с!

М а р ь я. И — глупо-с!

Т а т ь я н а. Как же ты смеешь? Ведь я тебя старше!

М а р ь я. А вы про колечко смеее?

Т а т ь я н а. Так я же тебе и еще скажу...

М а р ь я. А вы кого «пишечкой» зовете?

Т а т ь я н а *(села)*. Я? Ой!..

М а р ь я. Ага! А вы кому пишете — «сладкий мой Колик»?

Т а т ь я н а *(поражена)*. Ай... Ах он... мерза-авец...

М а р ь я. Что? Вот и прикусите язычок!

Т а т ь я н а. Неужто... он рассказывает? Неужто сам он?

М а р ь я. Не он, так — вы!

Т а т ь я н а *(растерянно)*. Ой, как же это? Разве я рассказала бы? Что вы! Кому мне рассказывать?

М а р ь я. Ну, уж я не знаю!

Т а т ь я н а. Да, может, вы... врете?

М а р ь я. Вы не писали?

Т а т ь я н а *(тихо)*. А может, вы... сами догадались?

(Марья хохочет. В дверь беспорядочно втискиваются мужчины: Кичкин, подняв руку с прошением вверх; Зобнин, стараясь поймать бумагу; Тупунов и Костя тоже хотят этого и — мешают друг другу. За ними испуганная, оробевшая старуха и — тарачит глаза Евстигнейка.)

¹ пожалуйте *(франц.)*.

К и ч к и н *(задыхаясь)*. Нет, читай вслух!

З о б н и н *(тревожно)*. Чудак... да я же прочитаю!

Т и п у н о в. Погоди, Костя...

С т а р у х а *(поет)*. Ой, голубчики, разорвете вы...

З о б н и н. Костя — прочитай...

К и ч к и н. Кум — бери...

З о б н и н *(отчаянно)*. Тарасьевна, дура! На кого прошение?

К и ч к и н *(рычит)*. Ага-а? На кого-о?

С т а р у х а. По случаю... пропажи, батюшка... зятек-от мой...

Т и п у н о в. Костя — да ты... давай вместе прочитаем!

К и ч к и н. Кум — держи!

З о б н и н. Чёрт тебя принес, старая лошадь...

К о с т я. Да будет вам! Что такое?

С т а р у х а. Батюшки — не порвите!

(Все тесно окружили чтецов. Евстигнейка осторожно пробирается вдоль стены и — никем не замеченный — исчезает в уборной.)

Т и п у н о в *(читает)*. «Его сиятельству, светлейшему...»

К о с т я. «Покровителю сирых...» это не надо! «Имею честь известить...»

З о б н и н. Да вы один который-нибудь...

Т и п у н о в *(читает)*. «Зять мой, Кирилл Вараксин, вот уже четыре года находится в безвестном отлучении от жены, дочери моей...»

К о с т я *(успокоительно)*. Это пустяки какие-то.

Т и п у н о в *(читает)*. «И жизни своей, может быть, решил...» Это не касается Мокей Антоныча!

К и ч к и н *(разочарованно, не веря)*. До конца — не касается? Верно?

Т и п у н о в. До конца! Тут — о пропаже зятя.

К и ч к и н *(ворчит)*. А может, Мокей прикосновенен к этой пропаже?

З о б н и н *(радостно)*. Что же ты, старушка, а? Как же ты это?

С т а р у х а. Да ведь, батюшка ты мой, дочка

теперь не то вдова, не то — замужня... как это понимать?

К и ч к и н (*Типунову*). А я думал — на него прошение, на Мокея! Обрадовался было...

Т и п у н о в (*тихо, утешительно*). А ты — погоди! Ты — потерпи!

З о б н и н (*старухе*). На тебе гривенничек и — иди с богом! Иди спокойно!

С т а р у х а. Может — он разрешил бы ей?

З о б н и н. Теперь — мне некогда! Потом — я те разрешу... иди себе...

С т а р у х а. Уж ты ей-то разреши...

З о б н и н. И ей разрешу... Вино и елей... Ух! Ну, Иван Иванов, подозрительный ты человек!

К и ч к и н. Да ведь ты вон как... забегаешь!

З о б н и н. А ты — давай будем верить друг другу, право! Пусть кто другой ямы нам копает... Ты — простодушней будь! Жизни тебе не больно много осталось...

К и ч к и н. Это — верно! Выпьем давай, что ли? Леший...

К о с т я (*Марье*). Ф-фу! Я даже вспотел!

М а р ь я. Же сюи осси тре фатигэ... пардон!¹ Я тоже устала... волнуясь до костей!

К о с т я. У нас с вами, можно сказать, первые роли...

(*Вонзает вилку поочередно в гриб, сардину и селедку.*)

З о б н и н. Экой ты, братец мой, варвар! Всё расковырял, разварзал! Татьяна, ты чего глядишь?

Т а т ь я н а. Не понимаю даже, зачем меня привезли!

З о б н и н (*угрожая*). Забудь-ка! Я те дома напомним!

К и ч к и н. Всё перебуторено на тарелках-то! Кум, надо бы и нашу провизию выложить.

Т и п у н о в. Хватит с него!

Т а т ь я н а. Что же, ваше-то лучше нашего?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (*в двери*). Сейчас даю звонок к поезду, — как у вас дела?

(*Общая суета. Костя залпом пьет три рюмки.*)

¹ Я тоже очень устала... извините! (*Франц.*)

З о б н и н. Татьяна — бери поднос! Оправься!
Губы-то подбери... Ишь, развесила, словно флаги!

К и ч к и н. Марья — готовься! Кум, гляди! Гос-
поди благослови...

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. А... позвольте!
Вдруг я выговор получу за устройство этого буфета?

З о б н и н. Друг — не скучай! Всё получишь, как
договорено!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Насорили... бумаж-
ки, солома... плевки! Эх, господа!

К о с т я (*критически*). Действительно — хламу
много! Любит русский человек сделать что-нибудь
неприличное.

М а р ь я. Ах, это святая правда!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (*кричит*). Быков!
Подмети классную!

З о б н и н (*берет Кичкина за руку*). Ну, идем
благословясь!

Т а т ь я н а (*миролюбиво Марье*). Очень это верно
насчет неприличия! Ехала я в губернию намеренно —
так господин какой-то, который надо мною поместился,
носок мне на голову спустил...

М а р ь я (*подвигаясь к выходу*). Скажите, какое
безобразие!

Т а т ь я н а. Я говорю: «Что это вы делаете?» А он:
«Ведь голову я вам не прошиб», говорит...

М а р ь я. Бесстыдник!

Т а т ь я н а. И носок-то с дыркой был...

М а р ь я (*с гримасой*). Фи, гадость...

Т а т ь я н а. С дыркой! Неженатый, видно, пасса-
жир-то...

(*Ушли. Входит Быков со щеткой, притворил дверь и
осторожно подходит к столу. Улыбаясь, качает голо-
вой, потом, взяв бутылку, пьет из горлышка — у него
занялось дыхание и выкатились глаза.*)

Б ы к о в. Ух... (*Пьет из другой бутылки и снова
ошеломлен.*) Нн-у...

(*Дверь из уборной приотворяется, выглядывает Евстиг-
нейка. Быков, закрыв глаза, широко улыбается.*)

Евстигнейка (*хрипло*). Скажу!

Быков (*испугался и опрокинул рюмку с наливкой о тарелку с грибами*). Ты? Это ты как же, а?

Евстигнейка. Скажу!

Быков. Кто тебе разрешил тут, а?

Евстигнейка. Поднеси, а то — скажу!

Быков (*храбро*). Я те поднесу! Пошел вон!

Евстигнейка (*выходя*). Не гони! Всё равно — окошко разобью, а влезу! Я — решил на всё! Я такой случай не могу пропустить...

Быков (*смягчаясь*). Ах ты... когда это ты залез, а?

Евстигнейка. Поднеси, говорю! Мне для храбрости надобно...

Быков. А если я тебя... по шее? Или жандара призову?

Евстигнейка (*неуклонно*). Бил ты меня, и жандар — бил, это — без толку! Я своего достигну — окошко разобью! Как этот князь войдет, я сейчас башкой в окошко и на колени перед ним...

Быков. Ну характер у тебя, шельмы! (*Подает ему бутылку*.) На, да гляди — не много лакай...

(*Евстигнейка выпил, задохнулся и трет себе грудь и горло*.)

Быков (*гордо*). Что? Хватил? То-то! Это, брат, не для шуток сделано... Ну — теперь уходи!

Евстигнейка. Митрий — ты меня оставь тут!

Быков (*его уже тронуло*). Нельзя-а! Вдруг ты его испугаешь? Мне отвечать!

Евстигнейка. Не бойсь, я — тихо! Я, брат, не подведу!

Быков. Ах, господи! Ну, как быть? (*Решительно*.) Полбутылки — ставишь?

Евстигнейка. Бутылку!

Быков. Врешь?

Евстигнейка. Гром убей!

Быков. В воскресенье?

Евстигнейка. Как в аптеке!

Быков. Ну — сиди! Я, брат, тоже не без души живу! Я понимаю, — всякому хочется переменить жизнь... эх! (*Поезд подходит*.) О, пострели те горой... вот те... эх ты... (*Убежал, бросив щетку на пол*. Евсти-

гнейка быстро и ловко глотает вино из рюмок, приготовленных на подносе, потом, обожженный, прячется в уборную. Типунов открывает дверь, пятясь задом, входит Зобнин, на него наступает Бубенгоф, рядом с ним, растерянно улыбаясь, идет князь — он, видимо, удивлен и польщен встречей. Сзади на него наваливаются Кичкин, Костя, обе женщины, стараясь пройти вперед, толкают их. За ними следует пассажир навеселе, начальник станции, телеграфист, жандарм, старуха с прошением и какие-то мужики.)

З о б н и н (поет). Просим покорнейше... в радостях приезда... из глубины душ... Татьяна, что же ты?!

К о с т я (Зобнину). Позвольте, ведь я говорю!

Т а т ь я н а (у стола). Батюшки! Кто это вылакал? Машенька... наливайте скорей...

К и ч к и н (Бубенгофу). Врет он... жулик он...

Б у б е н г о ф (брезгливо). Што-о такой?

К н я з ь. Это очень... очень по-русски... Не ожидал, право... весьма тронут...

З о б н и н (в тихом восторге). Просим, ваше сиясь — хлеб-солью! (Шепчет в отчаянии.) Татьяна же, изверг! Зарезала! По стародавнему обычаю... от греков, ваше сиясь... (Запнулся через щетку, пошатнувшись, опустился на стул, сконфуженно поднял щетку.) Щеточку забыли... дьяволы...

К н я з ь. Вот оно, Бубенгоф, русское гостеприимство, видите? Так простодушно, по-детски...

Б у б е н г о ф (ворчит). Ню... Ню... они наступают сапогом на пальси ногам мне... И тут есть крепкий запах... (Татьяна и Марья встают перед князем с подносом; сзади них — Типунов и Костя; слева от этой группы — Кичкин стремится что-то рассказать Бубенгофу; справа — подпрыгивает Зобнин, в нетерпении потирая руки. Пассажир, сладко улыбаясь, ходит вокруг стола, в дверях — начальник станции и другие.)

К о с т я (слишком громко). В-ваше сиятельство...

К н я з ь (отодвигаясь). О...

З о б н и н (тихонько). Не ори, балда!

Т а т ь я н а (Марье). А говорили — глухой!

К и ч к и н (тревожно). Кум! Ты чего молчишь? Говори!

К о с т я. Мы все тут собрались, ваше сиятельство, простые русские люди этого края... и чувствуем честь посещения вашего палестины древней... где ваши знаменитые потомки...

Т и п у н о в *(шепчет)*. Что ты? Предки, предки...

К о с т я. И предки истощились в трудах среди невежественного народа, который ничего не понимает доброго и... любит дикое безобразие... и не снабжен никакой культурой, кроме древних дворянских родов... которые в трудах на пользу отечества от младенчества до гроба остаются всё такими же, тогда как другие...

(Постепенно запутываясь в словах, он говорит все тише. Евстигнейка приотворяет дверь, ожидая удобного момента, и, закрывая, хлопнул ею. Кичкин, услышав этот звук, оглянулся, поглядел на дверь и считает публику.)

П а с с а ж и р *(Типунову)*. Вы — буфетчик?

Т и п у н о в *(вежливо)*. Извините... нисколько!

П а с с а ж и р *(задумчиво)*. Странно!

К о с т я *(снова поднимая голос)*. И вот, мы, простые люди захолустья... предлагаем вашему сиятельству выпить за... за ваше драгоценное здоровье! Ура!

(Все кричат ура.)

К н я з ь. Очень благодарен! Это — неожиданно, я не думал, что мой род пользуется... но я знал, что простой русский человек это — чистая, детская душа...

К и ч к и н *(наблюдая за дверью)*. Простой-от? Мужик-от? Ну уж нет... Он — ого-о! Он...

Т и п у н о в. Верно, ваше сиятельство! Необыкновенно даже просты мы... до седых волос — дети ваши!

З о б н и н. Выкушайте, ваше сиясь... это местная, наша...

К н я з ь. Да? С наслаждением... *(Пьет сразу. Изумленно открыл рот и смотрит на всех, часто мигая глазами. Все смотрят на него, радостно улыбаясь. Бубенгоф взял рюмку, понюхал и — смотрит в потолок. Костя, утомленный речью, отошел к столу и там выпивает. Марья — около него, что-то говорит, гри-масничая.)*

П а с с а ж и р (*Татьяне*). Прекрасная буфетчица, позвольте и мне...

Т а т ь я н а. Вовсе я не буфетчица!

П а с с а ж и р (*берет рюмку*). Всё равно!

М а р ь я (*любезно*). Вы — в свите князя?

П а с с а ж и р. Я? Нет! Я просто люблю в дороге выпить...

К н я з ь (*слабо*). Это... из чего... сделано?

З о б н и н. Можжевельник! На чистом спирте настоена! Вы — грибок ее погладьте! Она требует сопровождения маринованным грибом-с!

К и ч к и н (*Типунову, тихо*). Кум! Там кто-то есть...

Т и п у н о в. А ты следи за делом-то! (*Быстро распаковывает кулек.*)

К н я з ь. Вот этим грибом?

З о б н и н. Самым этим!

К н я з ь (*взял гриб в рот и — жалобно*). Тоже... на спирте?

Т а т ь я н а. В уксусе отварены... пожалуйста, возьмите еще!

К н я з ь. Благодарю... довольно! Вот, Бубенгоф, попробуйте... это удивительно!

(Бубенгоф взял гриб в рот и ходит по комнате, глядя на всех со строгим удивлением. Вышел за дверь, тотчас воротился и внимательно рассматривает закуски.)

К н я з ь (*осторожно*). Вы... часто употребляете это?

З о б н и н. При досуге — позволяем себе...

Т а т ь я н а. По праздникам!

М а р ь я. Ах, ваше сиятельство, они ужасно много пьют... просто как лошади!

К н я з ь. Да?

К и ч к и н (*строго*). Ты знаешь сколько — много-то?

Т и п у н о в (*сует в руки Марье бутылку и рюмку*). Вот, ваше сиятельство, тоже замечательный напиток! На чае и березовых почках. Вам, который есть князь

русский, надобно знать все продукты места, и — позвольте еще раз за ваше светлое здоровье...

(Марья, улыбаясь, подает ему рюмку. Князь — беспомощно оглядывается, что-то говорит Бубенгофу, тот кивает головой. Все взяли рюмки.)

К н я з ь. Когда такие милые ручки... я не смею отказаться... хотя это крепко...

К о с т я. В крепости и сила, ваше сиятельство! Взять, примерно, Порт-Артур: сколько около него врага погибло... Ура!

(Кричат ура. Бубенгоф выпил раньше всех и мотает головой. Князь, поклонившись дамам, выпил, наклонил голову и отошел к окну. Все за ним наблюдают.)

Б у б е н г о ф *(убежденно)*. Этот напиток — есть очень опасна для жизнь...

П а с с а ж и р *(Татьяне)*. Превосходный буфет у вас, королева!

Т а т ь я н а. Кушайте, если вы с князем! Но только это не буфет...

П а с с а ж и р *(удручен)*. Нет? Странно... Что же это?

Т а т ь я н а. Прием! Разве вы не понимаете?..

П а с с а ж и р *(наливая водки)*. Чрезвычайно странно...

(Выпив, он смотрит на часы и — хохочет. Идет к двери, пошатываясь, исчезает за нею.)

М а р ь я *(Косте, указывая на князя)*. Ой, нехорошо ему...

З о б н и н *(робко)*. Ваше сиятельство...

К н я з ь *(живо обернулся)*. Нет, больше я не могу... Я вот... смотрю... какой широкий горизонт у вас...

З о б н и н *(находчиво)*. Стараемся, ваше сиясь!..

К н я з ь *(решительно)*. Бубенгоф... нам надо торопиться!

Б у б е н г о ф *(Кичкину)*. У вас имеет лёшад?

К и ч к и н. Лошади? Пять у меня их...

Б у б е н г о ф. Вы везет мой и этот князь?

К и ч к и н. Кум! Чего он говорит?

К н я з ь (*заметно оживился, Марья*). Вам не скучно здесь, а?

М а р ь я (*растерялась от неожиданности*). О, но! Же сюи...¹ очень довольна... жэм боку ля натюр...² тишину е ле флер...³ (*Окончательно смутилась, сделала реверанс. Костя укоризненно качает головой. Зобнин радостно шепчет что-то Косте, Татьяна — довольна, хихикает.*)

К и ч к и н (*мрачно*). Она в гимназии пять лет училась!

Б у б е н г о ф (*усмехаясь, говорит Типуну, постукивая себя по лбу пальцем*). У этот шеловек очень много нет мозги...

Т и п у н о в (*ласково*). Нам, господин, много-то мозгов и не требуется... мы от избытков своих всем с нищими делимся...

(*Евстигнейка все чаще приотворяет дверь уборной. Это заметила Татьяна; сначала смутилась, но потом, узнав Евстигнейку, устроила себе развлечение: как только он приоткроет дверь, она открывает рот, точно собирается крикнуть. Евстигнейка — испуганно прячется, Татьяна — хихикает.*)

К н я з ь (*смущенно Зобнину*). А как вы... как, например, у вас ископаемые богатства?

(*Все подозрительно смотрят друг на друга.*)

З о б н и н (*находчиво*). Да что ж, ваше сиятельство, копаемся, конечно, понемножку...

Т и п у н о в. Люди мы — заштатные, силы у нас — невеликие...

М а р ь я. Ах, это не то! Ископаемое — это что в земле лежит...

К и ч к и н (*сурово*). А ты — молчи! В земле! В земле-то покойники лежат! (*Решительно.*) Вот что, ваше сиятельство, давайте говорить попросту...

¹ О нет! Я... (*Франц.*)

² я очень люблю природу... (*Франц.*)

³ и цветы... (*Франц.*)

З о б н и н (*торопливо*). Вот, ваше сиятельство, я, стало быть, желаю...

К и ч к и н. И я...

Т и п у н о в. Мы имеем к вам дельце...

К н я з ь (*теряется*). Очень рад... очень! Бубенгоф,— что же лошади?

Б у б е н г о ф (*пожимая плечами*). Здесь нет лошади... это совсем другой звери... Я — не понимаю никому...

К и ч к и н. Кум! Говори, чёрт, подробно!

З о б н и н (*князю, ласково*). Лошадки вам у меня готовы, и помещение — готово, пожалуйста!

К и ч к и н (*свирепо*). Как это?

К н я з ь. Благодарю вас...

К о с т я (*отталкивая Кичкина*). Пожалуйста, ваше сиятельство! У нас всё готово!

К и ч к и н (*орет*). Угарно у него! У него в третьем году теща от угара умерла, коли он ее подушкой не задушил...

К о с т я (*плюет*). Ну, прорвало! Эх вы, дикари...

К н я з ь (*испуганно, Марье*). Mademoiselle... объясните мне...

М а р ь я. Ах, авек плэзир...¹

К и ч к и н (*кричит*). Они — темные люди...

З о б н и н (*Типунову*). Уйми ты его...

Т и п у н о в. Вот я сейчас...

К о с т я (*князю*). Видите, среди каких лиц проходят молодые дни юности! (*Берет его под руку.*) Пожалуйста на лошадей...

К и ч к и н (*хватая Костю*). Кум! Гляди...

Т и п у н о в. Позвольте, не спешите! Ваше сиятельство! Позвольте вам объяснить причину ожесточения...

К н я з ь (*жалобно*). Я — очень хочу понять! Пожалуйста! И, если можно... мне пора ехать...

Т и п у н о в. Вот наша речь: мы трое, здешние люди торгового сословия, желаем снять ваш лес,— вот мы: все здесь — Мокей Зобнин, Иван Кичкин и я, Петр Типунов...

¹ с удовольствием... (*Франц.*).

Бубенгоф (*изумлен*). Што-о такой?

Зобнин (*тихо*). Трое? Ай да Петруха, а! Костя, а?

Кичкин (*бормочет*). Господи Исусе! Кум... и ты? Ах, собака!

Типунов. Мы весь лес ваш можем взять... мы весь его... мы бы, знаете...

Кичкин. Ну пес! Эх, люди...

Костя (*Бубенгофу*). Вот — видите...

Бубенгоф (*красный, надутый*). Не хочу... не вижу! (*Отходит в угол, сердито фыркая.*)

Князь (*увещевая*). Послушайте, господа... Бубенгоф, что же вы? Объясните вы им, я совершенно потерялся... Послушайте, господа! Но лес, весь мой лес — запродан мной...

Кичкин. К-как же?.. Кому же?..

Зобнин. Запродан?

Типунов. Верно это, господин немец?

Бубенгоф (*хлопая себя по боку*). О, это — здесь! Лес? Нет — лес! Это — мой... который купил лес, это я! Всю его купил! Фертиг!¹ Понимайт?

(Все убито смотрят на него и на князя. Молчание.)

Марья (*тихо Косте*). Ой, какие все вдруг глухие стали...

Костя (*ворчит*). Вот те и обгарнизовали промышленность туземного края!

Типунов. Э... из-за чего же мы старались?

Бубенгоф. Нью... кончилось? Кто имеет лёшади? (*Зобнину.*) Ви это?

Зобнин (*уныло*). А я на чем домой поеду?

Кичкин. Вот, Мокей... а?

Типунов. Да-а... как же это? Ничего не слышать было...

(Все трое сошлись и совещаются о чем-то. Князь тихо разговаривает с Марьей. Костя старается подслушать. Татьяна увлечена игрой с Евстигнеем.)

¹ Готово! (*Нем.*).

П а с с а ж и р (*входит, очень обрадован, Бубенгофу*). Вы... мейн герр¹, что ли? Шпрехен зи дейч?²

Б у б е н г о ф (*гордо*). Jawohl! Natürlich!³

П а с с а ж и р (*тыкая его пальцем в живот*). Пруссия! Уважаю! А поезд мой — ушел! Хотел я записать об этом в жалобную книгу, да у жены начальника станции зубы болят... жалко его!

Б у б е н г о ф. Што ви хотит от мене?

П а с с а ж и р (*удивленно*). Второй раз, брат, не попадаю я в поезд! А ехать мне еще верст триста... каково, а?

Б у б е н г о ф. Но што ви желайт?..

П а с с а ж и р. Выпить желаю... Идем нах буфет! (*Бубенгоф идет охотно*.) Да познакомь меня с этим... князь он, что ли?..

Б у б е н г о ф (*наливая водки*). О нет...

П а с с а ж и р. От... почему? (*Пьет*.)

Т а т ь я н а (*смеется*). Ой, господи...

П а с с а ж и р. Прекрасная буфетчица — отпочему вы смеетесь?

Т а т ь я н а. Да нет же такого слова!

П а с с а ж и р. Отпочему нет? Выпьемте, дорогая, за здоровье моей тетки, ей-богу... Умирает она... а я еду к ней... я — наследник! Ура!

Т а т ь я н а. Ну какой же вы смешной...

(Дверь из уборной широко распянулась — вылетел Евстигнейка, упал перед князем на колени. Князь отскочил, Марья взвизгнула, Татьяна хохочет. Бубенгоф схватил Евстигнея за плечи, все остальные удивлены, охвачены любопытством, ожидают скандала. Пассажир садится рядом с Татьяной, приветливо улыбаясь ей, и тоже начинает смеяться пьяным смехом.)

Б у б е н г о ф. Што такой, эй...

Е в с т и г н е й к а (*бьется*). Подь к чёрту, рыжий! Ваше сиятельство, дозвольте отечеству пользу принести! Семь годов работал, разорился...

¹ господин (*нем.*).

² Говорите ли вы по-немецки? (*Нем.*).

³ Ну конечно! Разумеется! (*Нем.*).

Князь. Что с вами? Кто вы?

Евстигнейка. Тутошний слесарь... все знают... всеми осмеян... Для пользы родины, ей-богу! Даром отдам, только бы работала она...

Князь. Кто-о? *(Ко всем.)* Господа — что это? Что за человек?

Костя *(передернув плечами)*. Просто — машину выдумал!

Пассажир *(засыпает)*. Сосед... разбудите меня... около Раздельной...

Евстигнейка. Ваше сиятельство! Перепетум соорил я...

Бубенгоф. Што он говорит?

Типунов. Не знаю! Это немцы всё знают, а мы... куда нам!

Евстигнейка *(со слезами)*. Перепетум, барин, ей-богу! Вся надежда на вас... последняя!.. А то — пропал я! Очень уж просто: вроде станка она, в каком лошадей куют...

Князь. Что ему нужно?

Кичкин *(угрюмо)*. Вот и догадайся...

Евстигнейка *(воодушевленно)*. А в середине — колесо с ковшами, вроде мельничного. Ежели теперь наверху станка поставить человека, чтобы он в ковши эти гири али бульжники бросал, — колесо вертится, ей-богу! Без останову будет вертеться, весь век, только тяжести давай ему...

Бубенгоф *(догадался)*. О, это перпетуум... ф-фа! *(Хочет.)* Перпетуум!

Князь *(расстроен)*. Нет, я не могу... я — извиняюсь... Я пойду просить... тут должны быть лошади!

Бубенгоф *(Кичкину)*. Где ваши лёшади?

Кичкин *(усмехаясь)*. А тебе на что? Ты конокрад али кто?

Бубенгоф. Нужно ехать!

Типунов *(вежливо)*. С богом! Мы середь дороги вашей не стоим!

Бубенгоф *(Зобнину)*. Лёшади?

Зобнин. Костя, чего он ко мне лезет?

Князь *(ко всем)*. Господа... вы, кажется, обиделись... но лес запродан давно уже... Слушайте, Бубен-

гоф... надо спросить начальника станции... он устроит лошадей... *(Идет к двери, прикрываясь Бубенгофом, и бормочет.)* Я очень благодарен за честь... ваше простодушие... До свиданья...

М а р ь я *(Татьяне)*. Фи, какой невежа! *(Татьяна спрашивает ее о чем-то.)*

Е в с т и г н е й к а *(вставая на ноги)*. Что же, понял он али нет?

Т и п у н о в. Поймут они, дожидайся!

З о б н и н. Больно нужны мы им!

Е в с т и г н е й к а *(бросаясь к двери)*. Эх, пойдду я...

К о с т я *(хватая его)*. К-куда?

Е в с т и г н е й к а. Он не понял... пусти!

К о с т я. Хошь — поднесу?

Е в с т и г н е й к а *(отчаянно)*. Давай... для храбрости! Пропало мое дело! *(Костя поит его из всех бутылок по очереди.)*

З о б н и н. Что, брат, Иван Иванович?

К и ч к и н. Н-да-а! Ведь вот, глядите-ка: человек эдакой обходительный, ласковый... а продать — успел!

Т и п у н о в. Продавать они наострились!

З о б н и н. Пропали все наши труды... *(Выглядывая за дверь.)* Старуха его сцапала-таки...

К и ч к и н. Мастера они продавать...

(Все, грустно вздыхая, молчат. Костя занят с Евстигнеем, в углу храпит пассажир.)

М а р ь я *(вполголоса)*. Я даже думаю, что он не понимает французского языка...

Т а т ь я н а. Видит — дама стоит пред ним с подносом, руки у нее дрожат, и — хоть бы спасибо сказал...

М а р ь я. Очень невежлив с женщинами...

Т а т ь я н а. Другой бы... *(Шепчет.)*

М а р ь я. Конечно!

Т и п у н о в. Эх, братья! Выпьем, что ли?

З о б н и н. Не домой же везти всю эту провизию... Татьяна, наливай-ка!

Т а т ь я н а *(Зобнину)*. А он вовсе не глухой...

К и ч к и н. Какое нам от этого удовольствие?

Т и п у н о в (*указывая на пассажира*). Вот еще горемыка...

З о б н и н. Он чего тут?

Т и п у н о в. От поезда остался!

(*Все пьют.*)

К о с т я. Разбудить надо этого...

Е в с т и г г н е й к а (*пьяный*). Уши ему тереть надо... дайте я его сейчас...

З о б н и н. Он и так воспрянет... Костя, поднеси ему к носу рюмку!

К о с т я (*поднося*). Путешествующий! Москва близко!

Т и п у н о в (*толкнул Костю под локоть*). Эко!

(*Костя облил пассажира вином — все хохочут.*)

К и ч к и н (*добродушно*). Вот, Мокей, спорили мы с тобой, спорили...

З о б н и н (*так же*). А ничего и не вышло... Прямо сказать — зря мешали друг другу!

К и ч к и н. Уж больно ты ловок!

З о б н и н. А ты — жаден! И отчего ты так жаден?

К и ч к и н. Али заметно?

З о б н и н. Страсть! Прямо — зверь... А куда тебе? Помрешь скоро...

К и ч к и н. Это верно! Жить мне мало осталось... Так это я, по привычке...

З о б н и н. Ну, давай еще хватим!

К и ч к и н. Да и тебе хочется помешать... уж больно ты ловок... забегаешь больно...

(*В углу занимают с пассажиром.*)

Т и п у н о в (*озабоченно*). Нет ли табаку нюхального где? Табаку бы ему в нос насыпать...

К о с т я. Стой!.. Проснулся...

П а с с а ж и р (*испуганно*). Какая... какая станция?

Т и п у н о в. Та же!

(*Дамы смеются. Костя делает страшное лицо, наклоняясь к пассажиру.*)

П а с с а ж и р. Позволь... опять вы? Какая стан...

(Все хохочут.)

Т а т ь я н а. Ой, умру... ах!

М а р ь я *(смеясь)*. Что это, право... точно маленькие...

З о б н и н. Костянтин! Зови начальника и всех желающих... одним нам не допить всё это... эвона сколько тут! Эхма, братья, не везет нам, не за нас судьба...

З а н а в е с

ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА

(МАТЬ)

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В а с с а П е т р о в н а Ж е л е з н о в а .

А н н а
С е м е н } ее дети.
П а в е л }

Н а т а л ь я — жена Семена.

Л ю д м и л а — жена Павла.

П р о х о р Ж е л е з н о в .

М и х а й л о В а с и л ь е в — управляющий.

Д у н е ч к а — дальняя родственница Железновых.

Л и п а
А п и с ь я } горничные.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Раннее утро зимнего дня. Большая комната — спальня и рабочий кабинет Вассы Железновой. Тесно. В углу, за ширмами — кровать, налево — стол, заваленный бумагами, вместо пресспапье положены изразцы. Около стола — высокая конторка, за нею, под окном — кушетка. Лампы с зелеными абажурами. В правом углу — изразцовая лежанка, около нее — нестгораемый шкаф и дверь в молельную. К ширмам пришпилены булавами бумаги; когда мимо них проходят — они шевелятся. В задней стене — широкие двери в столовую; виден стол, над ним люстра. На столе горит свеча. Дунечка собирает посуду для чая. Липа вносит кипящий самовар.

Дунечка (*тихо*). Воротилась?

Липа. Нет.

Дунечка. Ой! Что же теперь будет?

Липа. А я знаю?.. (*Идет в комнату хозяйки и осматривает ее.*)

(*Из двери молельной выходит Васса, поправляя очки и волосы на висках. Смотрит на настенные часы над столом.*)

Васса. Почему опоздала? Четверть восьмого, видишь?

Липа. Под утро Захару Ивановичу опять худо было.

Васса (*проходя к столу*). Дешеш нет?

Липа. Нет.

Васса. Все встали?

Липа. Павел Захарович и не ложились еще...

Васса. Нездоров?

Липа. Людмила Михайловна дома не ночевали.

В а с с а (*негромко*). Берегись, Олимпиада!.. Я тебе... покажу!

Л и п а (*испуганно*). За что же?

В а с с а. А вот за то, что неприятное мне... со вкусом ты говоришь...

Л и п а. Васса Петровна! Да ведь я это...

В а с с а. Ступай, зови всех к чаю. Дуня, дай мне сюда мою чашку. Олимпиада, стой! Ежели Людмила спит еще, не буди ее, — поняла? Она сегодня ночевала у отца. Пошли его ко мне...

Д у н я (*вносит чай*). Здравствуй, Вассушка...

В а с с а. Здорова будь.

Д у н я. Ой, Вассонька, как Захарушке-то плохо было...

В а с с а. Ничего не говорил?

Д у н я. Где уж! Только глазыньками моргает.

В а с с а. Ты там послушай, что будут про Людмилку болтать. Иди к столу.

(Дуня ушла. Васса, положив руки на стол, нахмурилась, подняла очки на лоб, шевелит губами.)

М и х а и л (*входя*). Доброе утро-с...

В а с с а. Где дочь-то? Родитель... эх!

М и х а и л. Ничего не могу сделать... свыше сил...

В а с с а. Погубили парня...

М и х а и л. И ее...

В а с с а. Она у тебя ночевала... Понял?

М и х а и л. Понимаю-с.

В а с с а. За косы бы ее... *(Усмехнулась.)* Захар как?

М и х а и л. Плохо-с...

В а с с а (*тихо*). Не мог бумагу подписать?

М и х а и л. Нет.

В а с с а. Поп согласен?

М и х а и л. Триста просит.

В а с с а. Чёрт с ним, пусть пользуется. А другие?

М и х а и л. Всё в порядке.

В а с с а (*вздыхнув*). Кончится это всё — подумаем, как быть с детьми...

М и х а и л. Необходимое дело-с! Беда может быть...

не могу...

ВАССА.

Стань при смерти, а ты - в город? Как что выдумаша? Умница!

ПАВЕЛЬ.

Ну, что же мне думать?!

(Вспомнил на минутку, плачет. В столовой - Наталья подходит к окерою, и слушает ржу!)

ВАССА.

Вспомни!

НАТАЛЬЯ.

И у батеньки дежурил до трех часов. [Вислужившись, попутливо! Кто это плачет?]

ВАССА.

Павелъ, - постыдись! Служка!

НАТАЛЬЯ [идетъ къ кабинету].

Что ты это? Думаша, дайте воды!

ВАССА.

О, Господи!... Дура вопроительно смотрит на нее! Ну, что тебя плавно? Води воды... Нет, Павелъ, спрячься-бы с тобой куданибудь...

ПАВЕЛЬ.

Да, я вижу... даже не за меня стыдно, вы меня стыдитесь... Наталья, не гляди на меня... оступил... ничего мне не надо.

НАТАЛЬЯ.

Ты мужчина, тебе не хорошо плакать.

ПАВЕЛЬ.

На трон... Ты брезгуешь мной... - каргоок! И... у меня жена гудеть...

Наталья.

Или къ себѣ..

Павелъ.

Куда - къ себѣ?

«ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА».

Машинописная страница с правкой М. Горького.

В а с с а (*задумчиво*). Не едет Анна, не едет! И де-
пеши нет... Дуня, чаю! Кто пришел?

П а в е л (*в столовой*). Я.

В а с с а. Что прячешься? Поздоровался бы с ма-
терью-то...

П а в е л (*входя*). Извольте — с добрым утром! Тес-
тوشка... ага! Где же ваша дочь?

М и х а и л (*угрюмо*). Вас спрошу об этом, — вам
ее дал церкви закон...

В а с с а. Иди, Михайло Васильич...

П а в е л (*бросается к матери*). Мамонька, — мне
стыдно, мне — нестерпимо... помоги как-нибудь, ведь
ты меня любишь, я знаю... мама!

В а с с а. Ну полно, полно... погоди...

П а в е л. Чего мне ждать? Сил моих нет.

В а с с а. Говорила я — не пара она тебе! Же-
нился бы на тихонькой...

П а в е л. На уроде? Сам я урод — и жену мне
уродку? Кривобокую? Хромую?

В а с с а (*гасит свечу*). Перестань!.. Над слезами
да жалобами смеются теперь... перестань!

П а в е л. Господи! Железнова жена — гулящая!
Мамаша, неужто вас не терзает... не стыдно вам?

В а с с а. Сказала — перестань! Ну? Иди, пей чай...
(*Идет в столовую.*) Ты что свет не гасишь, ворона
монастырская?

П а в е л. Мамаша, дайте денег, я в город поеду...
не могу я тут... не могу...

В а с с а. Отец в опасности, а ты — в город? Еще
что выдумашь? Умница!..

П а в е л. Ну, что же мне делать?!

(*Бросился на кушетку, злобно плачет. В столовой —
Наталья подходит к свекрови, целует руку. Васса
смотрит на Павла через очки.*)

В а с с а. Проспала?

Н а т а л ь я. Я у батюшки дежурила до трех часов.
(*Прислушавшись, испуганно.*) Кто это плачет?

В а с с а. Павел — постыдись! Кликуча!..

Н а т а л ь я (*идет в кабинет*). Что ты это? Ду-
няша, дайте воды!

В а с с а. О господи!.. *(Дуня вопросительно смотрит на нее.)* Ну, что тебе сказано? Воды подай... Эх, Павел, спрятала бы я тебя куда-нибудь...

П а в е л. Да, я знаю... вам не за меня стыдно, вы меня стыдитесь...

Н а т а л ь я. Ты мужчина, тебе нехорошо плакать.

П а в е л. Не тронь... ты брезгуешь мной... у меня жена гуляет...

(Михаил входит в столовую, дергает себя за усы, провожая зятя угрюмым взглядом.)

В а с с а. Ты что?

М и х а и л *(направляясь в ее комнату)*. Пожалуйста сюда.

В а с с а. Ну? Дуня, выдь вон!

М и х а и л. Людмила уехала с дядей...

В а с с а *(хватаясь за стену)*. Куда?

М и х а и л. На хутор...

В а с с а. Ох... Я уж думала — далеко... совсем! Испугал ты меня... Павел — знает?

М и х а и л. Узнает... Страшно мне... И дочь — погибла... и дело, которому всю жизнь служил, — разрушается.

В а с с а *(с досадой)*. Ты бы не охал... я не охаю вот... Так, стало быть, Прохор...

М и х а и л. Он — всем враг!

В а с с а. Не каркай, говорю! Дело разрушается... Это еще — посмотрим!

М и х а и л *(с яростью)*. Его добрым считают... совесть, дескать... Знаю я эти штуки — совесть да доброту! Видел-с... Они в деле — как песок в машине... И всё это — одна игра, никому не нужна доброта, никому! Дай мне столько, сколько я стою, больше ничего... Ласки да шутки оставьте себе, да-с! Это — когда человеку нечем внимания заслужить, он в совесть играет! А кругом все от его игры плачут... и никакое дело не может правильно идти... Вредоносный человек он...

В а с с а *(очнувшись)*. Что ты с ним сделаешь?

М и х а и л. Что-с? Эх...

В а с с а. Ну! Говори.

М и х а и л *(не вдруг)*. Погожу-с... Вам бы сходить к хозяину-то...

В а с с а. И вправду... А депеши от Анны всё нет... нет!

М и х а и л. Что вы так надеетесь на нее?

В а с с а *(идет)*. Ты ее не знаешь... молчи!

М и х а и л *(идя за нею)*. Тяжело...

В а с с а. Легко жить — просто. Только от легкой-то жизни глупеют скоро, слышала я...

(Ушли. Бесшумно является Дуня, села за стол, крестится и шепчет.)

Д у н я. Господи — сохрани, помилуй рабов твоих на всех путях... Господи!

Л и п а *(вбегает)*. Где хозяйка? Приехала!

Д у н я. Анна?

Л и п а. Людмила! С дядей ночь-то гуляла — ай-ай! Вот так дела!

С е м е н *(идет)*. Какие дела, а?

Л и п а *(убегая)*. Так-с...

С е м е н. Квак-с! Дура! Ну-ка, Дуня, налей мне.

Д у н я. С добрым утром, Сенечка.

С е м е н. Ну, и тебя тоже. Как отец?

Д у н я. Ой, плох...

С е м е н. Гм... мучается долго. *(Зевнул.)* Все уже напились?

Д у н я *(вполголоса)*. Павлуша не дотронулся, — жenuшка-то у него не ночевала дома...

С е м е н *(приятно удивленный)*. Да ну-у?

Д у н я *(захлебываясь)*. Да, да! С Прохором, слышь, Зах...

С е м е н. Да нет? Ах дядя, чёрт кудрявый, а? Добился-таки! Молодец, а-ах ты!

Д у н я. Добился, видно! Сраму-то...

С е м е н. Вот рожа у Павла будет!

П р о х о р *(входит, ворча)*. Я те уши оборву, погоди...

С е м е н. Кому?

П р о х о р. Уроду. Скотина! Опять мне на голу-бятню кота пустил..., Риголета кособокая... Даже ноги дрожат... со зла...

Семен (*ухмыляясь*). А чего ты такой красноглазый да измятый? В одеже спал?

Прохор (*оглядывая себя*). Я? Спал? Экой лепший... надо переодеться.

Семен. Следует.

Прохор. Хавронья — чаю! Ах, Пашка, кикимора... Скобаря удушил кот да двух чернопегих...

Семен. И за что бы ему на тебя сердиться?

Прохор. Ну, ну! А ты знай край, да не падай! Дурак он! Женщине в актрисы надо идти али вообще куда-нибудь... Какая она жена ему?

Липа (*входит*). Прохор Иванович...

Прохор. Ну?

Липа. Управляющий спрашивает...

Прохор. Я твой управляющий... и больше никаких! И нечего тебе тут плутать, Плутонша... брысь!

Семен (*Липе*). Чего ему надо?

Липа (*робко*). Спрашивает, можно ли видеть.

Прохор. Меня? Нельзя. Я — невидим... Скажи ему, что он болван и жулик...

Семен (*смеется*). Разве жулики бывают болванами?

Прохор. У нас, брат, и жулики не больно умны.

Семен. Люблю я, когда вы сердитесь... смешно очень!

Прохор. Вот — благодарствую! Государственный ум у тебя, брат, право!

Людмила (*входит, в капоте*). Здравствуйте...

(*Дуня молча кланяется, Семен, ухмыляясь, шаркает ногами, Прохор крутит усы и крякает.*)

Людмила. Молока мне. Вы чего, Семен, расцвели?

Семен. Видя вас — ликует вся природа... вот как!

Прохор. И животные.

Семен (*фыркая*). Это я — животный?

Прохор. Коли говоришь — вся природа, стало быть, и скоты все...

Семен (*хохочет*). Ой, ей-богу... вот ловко!

Л ю д м и л а (*Дуне*). Видите — родитель у него при смерти, а он — зубы скалит. (*Семен немедленно стал серьезен.*) Вы, Дуняша, поучили бы его приличиям, как, бывало, меня учили...

Д у н я. Я-с...

С е м е н (*тоном оправдания*). Родитель — седьмой месяц хворает.

П р о х о р. Человек — вообще решительный, а умереть — не решается...

Д у н я (*невольню*). О господи...

П р о х о р. Что?

Д у н я. Я так...

П р о х о р. Как?

Л ю д м и л а (*Дуне*). Вы идите куда вам надобно. Дядя Прохор — безнравственный, и вам, девушке, неприлично с ним сидеть. (*Дуня уходит.*) Не люблю шпионок. (*Прохору.*) Послушайте, испанец!

С е м е н. Похож!

П р о х о р. А ты видел испанцев? Тесто!

С е м е н. И видел. В цирке один плясал.

Л ю д м и л а. Я пойду спать, в четыре встану, а вы будьте готовы — идет?

С е м е н. Кататься?

Л ю д м и л а. На тройке.

П р о х о р. Хочешь с нами? Бери жену, и едем...

С е м е н (*чешется, грустно*). Не поедет она. Да и Павел тут...

Л ю д м и л а. Что — Павел?

С е м е н. Не того... неловко...

Л ю д м и л а. Вам неловко? Почему?

(*Семен усмехается смущенно, Прохор смотрит на него, безнадежно качая головой.*)

В а с с а (*входит*). Семен, ступай в контору.

П р о х о р (*вслед племяннику*). Да не очень умно распоряжайся, не так, как в прошлый раз.

В а с с а (*Людмиле*). Ты меня видела?

Л ю д м и л а. Нет.

В а с с а. Что ж не здороваешься?

Л ю д м и л а (*ласково*). Ой, простите! Забыла...

П р о х о р (*встал*). Здравия желаю...

В а с с а (*уклоняясь от поцелуя невестки, спокойно, строго*). Ты что делаешь, Людмила?

Л ю д м и л а (*не сразу*). Не знаю... честное слово, мама! Не знаю... (*Быстро ушла.*)

П р о х о р. Бум!

В а с с а (*мягко, миролюбиво*). Прохор Иваныч, вот вы человек неглупый, не злой...

П р о х о р. Главное — неглупый! Вот-с...

В а с с а. Вы понимаете, надо быть, что поступки ваши конфузят весь дом и дело старинное в постыдном виде выставляют пред людьми...

П р о х о р. Слышал эти речи не однажды от брата Захара и всегда говорил ему, что учить меня — поздно-с...

В а с с а (*тише*). Неужто не жалко вам молодую женщину, девочку почти, — ведь ей — жить...

П р о х о р. Извините! В молодых женщинах и девочках я понимаю значительно больше вас... равно как и многих женщин почтенного возраста насквозь вижу...

В а с с а (*медленно*). Павел — племянник вам...

П р о х о р. Сделайте любезность — скажите ему, что если он голубей моих кошками травить будет — уши оборву-с!

В а с с а (*не сразу*). Значит — вы враг семье?

П р о х о р. Это вы — оставьте! Семья! Братец покойный не без вашего наущения по миру меня пустил было — не забыли вы об этом? Семья-с? Благодарствую! Тридцать тысяч слизали моих, — будет! Хе!

В а с с а (*тихо*). Воевать, значит, желаете?

П р о х о р. Чего-с? Как это? С кем?

В а с с а. С племянниками, разумею...

П р о х о р. Оставьте увертюры ваши, всё равно — не вывернетесь! Никаких войн! Закон существует, Васса Петровна, эдакое римское право: мое суть мое! Отыдет Захар в селения горние, мы с вами мирно разделимся, и — никаких увертюр! Желаю здравствовать... (*Ушел. Васса смотрит вслед, странно наклоняясь, точно хочет прыгнуть на него. Входит Наталья, садится за стол, наливает себе чаю.*)

В а с с а (*глухо*). Что Павел?

Н а т а л ь я. Успокоился немножко... (*Молчание. Васса ходит по столовой.*) Жалко его...

В а с с а. Что?

Н а т а л ь я. Жалко, говорю, его...

В а с с а (*не сразу, тихо*). Мне вот арестантов жалко... некоторые совсем безвинно в тюрьме сидят, и дела никакого нет им... а на воле привыкли работать. Тех жаль, кому работать хочется, а — нечего...

Н а т а л ь я. Иные живут хуже арестантов...

В а с с а (*задумчиво*). Меня вот никто не жалел. Как Захар банкротиться затеял — была я Павлом беременна, на шестом месяце... Тюрьмой, судом дело пахло — мы о ту пору под заклад тайно деньги давали... чужого добра полны сундуки, всё надо было спрятать, укрыть. Я говорю — Захарушко, погоди! Дай мне ребенка-то родить! А он как зыкнет... да! Так и возилась я в страхе-трепете месяца два...

Н а т а л ь я. Вот, может, оттого и родился Павел-то кривобокий...

В а с с а. Это он после... лет пять было ему, когда заметила я, что криво растет... Да... То ли еще было!

Н а т а л ь я. Вы с тем служащим, которого намедни прогнали, разговаривали?

В а с с а. Чего с ним говорить? Негоден, ну — иди себе!

Н а т а л ь я. А про жизнь говорили?

В а с с а. Чью жизнь?

Н а т а л ь я. Про всю... про всех?

В а с с а (*не понимает*). Невдомек мне — о чем ты это?

Н а т а л ь я (*поучительно*). Он вот говорил, что всякое дело — грех...

В а с с а (*удивлена*). Экой дурак!

Н а т а л ь я (*задорно*). Почему это? Вы всех ругаете...

В а с с а (*усмехаясь*). Значит, дело — грех? Работа — грех? До чего доходят... чтобы лень свою оправдать... Помнится — был эдакой странник, это еще до тебя... Сидит в кухне и проповеди говорит, вот так же — дескать, все дела рук человеческих — грех один. А я и говорю: «Ты, милый, положи хлеб-то, не тронь его,

не ешь, он руками сделан. Не грехи-ка, друг, да уходи вон...» Так и прогнала.

Н а т а л ь я (ворчит). А может, правда-то его...

В а с с а (не слушая, звонит). Мудрят всё. Захар не мудрил, да из простых мужиков вот куда дошел.

Н а т а л ь я (встает). И помирает.

В а с с а. Ну что ж? Пожил!

Н а т а л ь я. Вы жаловались на него...

В а с с а. Это баба жаловалась. Распутник он был всю жизнь... от распутства и помирает... А кроме этого, ему цены нет... нет похвалы достойной.

(Входит Луна.)

Н а т а л ь я (уходя). Вы всегда то одно, то другое говорите...

В а с с а (тихо). Дура... *(Луне.)* Кто вчера вечером у Прохора был?

Л и п а. Евгений Мироныч какой-то...

В а с с а. Адвокат из города... О чем говорили? Не знаешь?

Л и п а. Не слыхала.

В а с с а. Почему?

Л и п а. Заперлись они...

В а с с а. А через отдушину в печи? Забыла?

Л и п а. Тихо они очень...

В а с с а. Смотри ты, еретица!

Л и п а. Васса Петровна! Да я ли...

В а с с а. Помни, кто ты есть!

Л и п а. В монастырь бы я...

В а с с а. Монастырь? *(Задумалась.)* Я те дам монастырь! *(Мягче.)* О тебе заботятся... Вытри рожу, ну? Отпусти тебя, — ты пропадешь! Позови Михаила... Ты что, Павел?

П а в е л (в двери). Так.

В а с с а. Всегда — так. А что такое — так?

П а в е л. Ничего...

В а с с а (смотрит на сына с недоумением). Господи Иисусе... откуда это идет? Какие-то всё никудышники... бездельники...

П а в е л. Что же мне делать? Места я себе не нажужу... сердце умирает...

В а с с а. Коли не умеешь с бабой справиться, — терпи... до поры....

П а в е л. До какой? Эх, мамаша, жестокий вы человек...

В а с с а. Я-то? Так!

П а в е л. Сыном своим вы готовы землю копать, как лопатой, лишь бы денег добыть...

В а с с а (*тихо*). Шел бы ты, Павел, в монахи!

П а в е л (*изумленно*). Я? Зачем?

В а с с а. А куда тебе деваться?

П а в е л (*пугливо*). Мамаша... вы — серьезно?

В а с с а. Ну да...

П а в е л (*обозлился*). Нет уж... это вам не удастся! Ишь вы... а-а? Нет-с...

В а с с а. Ты с кем говоришь?

П а в е л. С вами!

В а с с а (*негромко*). Вон!

П а в е л (*уходя*). Не боюсь... ишь вы!

(*Васса проходит в кабинет, садится за стол, разбирает бумаги, поднося их к лицу, руки у нее трясутся.*)

В а с с а (*бормочет*). Для чего всё? Для кого? (*Бросила бумаги, сняла очки и сидит неподвижно, суровая, тоскливо глядя перед собой.*)

М и х а и л (*входит, злой*). Вы меня звали?

В а с с а. Что это ты как говоришь?

М и х а и л. Как?

В а с с а. Больно сердито. Погоди, сударь мой, я еще хозяйка здесь...

М и х а и л (*уныло*). Ничего нельзя сообразить. Задергали меня... Семен Захарыч смеются только...

В а с с а. Ну, ладно! Ты знаешь, что у Прохора адвокат был?

М и х а и л. Знаю!.. Эта Липа ваша...

В а с с а. Да... не сумела.

М и х а и л. Пугнуть бы ее...

В а с с а. Как будто разучилась она бояться-то...

М и х а и л. Не может этого быть! Детоубийство — не шуточка-с!

В а с с а. Опасно тоже... Ребенок-то Семенов был...

М и х а и л. Недоказуемо! Клейма фирмы на дитё не положено. Просто — ребенок! И — мать налицо, а его — нет...

В а с с а. Ты бы поговорил с ней... построже!

М и х а и л. Можно-с...

В а с с а. Поговори-ка. Мужчине — сподручнее. Пугни да приласкай... Ну, с Прохором беседовала я...

М и х а и л. Что же?

В а с с а. Говорит — разорю...

М и х а и л. Может-с!..

В а с с а (*опуская глаза*). Да... вот какие дни пришли!

М и х а и л (*тихо*). Требуют серьезных мер...

В а с с а (*не глядя на него*). Что ты думаешь?

М и х а и л. У меня одна падежка — сердце его слабое... Этакие в одночасье помирают...

В а с с а. Пустяки! Он нас с тобой переживет.

М и х а и л. Дело божие-с. Лекарства он принимает всё чаще, — я это по счетам аптеки знаю. Фершал Яков говорит — опасные это лекарства...

В а с с а. Лекарство, а — опасное! Врет Яков спьяна...

М и х а и л. Два их... Одно — против сердца, а другое — неловко сказать... для крепости в обхождении с дамами...

В а с с а (*усмехаясь*). Старый чёрт!..

М и х а и л. Яков опасался — микстуры, говорит, одна другой противоречат, во зло употреблять их нельзя-де. Если увеличить порцию...

В а с с а. Пьяный болтает, а ты — слушаешь... Так поговори с Олимпиадой-то...

М и х а и л. Обязательно. Ежели бы они скончались теперь...

В а с с а (*усмехаясь*). Ты, батюшка, словно травить его собираешься... Опомнись!

М и х а и л. Господи помилуй! Что вы? И в мыслях не было-с...

В а с с а. Будь осторожнее... в словах-то...

М и х а и л. Ф-фу... испугали вы меня...

В а с с а. Бояться — нечего...

М и х а и л. Даже — обидно-с...

В а с с а. Обиды тут нет. Мне не расчет обижать тебя. Я только тогда спокойн вижу, когда с тобой говорю...

М и х а и л. Вы не забудьте, что всю жизнь я вам служил... за совесть... И даже дочь... единую мою... которая после вас...

В а с с а. Ну, ну, полно... полно, дружок... Мы еще, слава богу, жить можем, погоди! А за Людочку — меня не вини! Я ее люблю... я против была...

М и х а и л *(вдруг с глухой яростью)*. Он! Знаю-с... Он! У всякого жулика свой расчет... Я его расчет верно понял! Девуцу любовницей сделать — побоялся, выдал ее замуж за племянника... знаю-с!

В а с с а *(тихо)*. Ты не откладывай надолго с Олимпиадой-то...

М и х а и л. Будьте покойны... клятву дал себе-с!

В а с с а. Сам-от поспокойней будь...

М и х а и л. Когда я горячился?

В а с с а. Ну, иди... иди! Насчет духовной-то, смотри...

(Михаил почтительно поклонился, поцеловал ее руку, она ответила поцелуем в лоб и дважды погладила голову его. Он ушел, выпрямившись, как солдат; проводив его взглядом, Васса снова садится за стол, невнятно бормочет, разбирая бумаги. Осторожно входит Анна, смотрит на мать, сначала — насмешливо, но скоро лицо ее становится ласковым и грустным.)

А н н а. Мама...

В а с с а *(обернувшись)*. Анна... Анюта...

А н н а. Одна, как и раньше, бывало... седенькая мамочка... Здравствуй!

В а с с а. Слава богу... как это ты хорошо вошла! Что же депешу-то? А я всё депешу ждала...

А н н а. А не меня? Как отец?

В а с с а *(заглядывая в столовую)*. Плох... Видел тебя кто-нибудь?

А н н а. Юноша какой-то, открыл дверь и убежал... даже не спросил, кто я...

В а с с а. Митька из конторы... разиня! Ну, вот хорошо! Стой-ка, я дверь-то притворю... поговорим

одни... чтобы сразу знала ты... Ах, офицерша!.. Ишь, какая стала! Ах ты, военная... *(Затворила дверь; взволнованная, берет дочь за руку, садится на кушетку.)*
Ну, Анна...

А н н а *(тихо)*. Значит, отец...

В а с с а. Не встанет... *(Сразу впадая в деловой тон.)*
Беда идет на нас, Анна! Дядя хочет свои деньги вынуть из дела... а кто ему деньги нажил? Чьей работой они выросли? Захаровой да моей! Что он делал, Прохор-то? За бабами гонялся, театры заводил... Куда ему деньги? Один...

А н н а *(хмурясь)*. Подождите...

В а с с а. Ты — слушай! Семен — у жены в руках, а она — блаженненькая какая-то... и тоже выделиться уговаривает его. Павел — несчастный человечешко... жена у него, — ты ее знаешь, он на Людмиле женился... не пара она ему и будто гулять начала! Не верю в это я... брезглива она! Ничего понять не могу, Анна!.. Затем тебя и выписала, — ты со свежего воздуха, ты, может, увидишь, что делать... чтобы хоть греха поменьше вышло...

А н н а *(внимательно)*. Вот как... да? Разоряемся?

В а с с а. Рушится всё дело! Тридцать лет работы — всё дымом, дымом! Годы были — тяжелые, убытки — большие... Работников — нет, а наследников — много... А наследники — плохи! Для чего трудились мы с отцом? Кому работали? Кто грехи наши оправдает? Строили — года, падает — днями... обидно... Непереносно!

А н н а. Завещание отец подписал?

В а с с а *(осеклась, не сразу)*. Духовную? Не... не знаю...

А н н а *(недоверчиво)*. Не знаете? Вы?

В а с с а. Наверно — написал... Ты подумай, какое дело падает!

А н н а. Да...

В а с с а. Вот! Ты поговори с братьями-то... мне они не верят, сыновья мои! Думают, что я всё в свои руки хочу схватить. А тебе — должны поверить, Аннушка! Ты человек — без интереса, ты — выделена из наследства... прогнана отцом...

А н н а (*встала*). Выделена? Дали мне — бросили, как нищей, десять тысяч и — всё?

В а с с а (*усмехнулась*). Расписка твоя есть... расписка в том, что ты всю свою часть получила.

А н н а (*ласково*). Что ж такое расписка? Вы мне ее подарите, мамаша!

В а с с а (*как бы шутя*). За какие услуги, сударыня моя?

А н н а (*задумчиво*). Услуги? А вот, дайте всё по-настоящему...

В а с с а (*следит за ней*). Ну, ну, понимай! Как живешь?

А н н а (*неохотно*). Так себе.

В а с с а. Что твой-то?

А н н а. Подполковника получил после летних маневров. Батальон дали ему...

В а с с а. А — пьет?

А н н а. Офицер, да не пил бы! Болен. Скоро, пожалуйста, вдовой буду...

В а с с а (*с улыбкой, тихо*). Прошла любовь-то, а?

(*Анна молча усмехнулась.*)

В а с с а. То-то! А как тогда кипела! Говорила я тебе...

А н н а. Ну, это мы оставим, мамаша!

В а с с а (*разглядывая ее*). Решительно говоришь... И сидишь смело — нога на ногу... да вот и табак куришь!

А н н а. Курю.

(*В столовой — Павел. Тихо подходит к двери, слышит голоса и прижимает ухо к двери.*)

В а с с а. Не пристало бы даме-то...

А н н а. Ко мне — идет.

В а с с а. А одета благородно.

А н н а. Умеем.

В а с с а. Внучата как живут?

А н н а (*гордо*). Дети у меня здоровые, веселые...

В а с с а. Первый-то помер ведь...

А н н а. Да... Тот был больной... слабенький...

В а с с а (*усмехаясь*). Так! Первый — больной... а потом, слава богу, здоровенькие пошли... от больного-то мужа...

А н н а (*покраснела, взглянула на мать и тихонько смеется*). Умная вы, мамаша...

В а с с а (*довольна*). Ну, надо братьев позвать...

А н н а. Знали они, что я приеду?

В а с с а (*идет к двери*). На что им знать это... (*Отворила дверь — Павел отскочил, но не успел убежать, запнувшись о стул. Мать смотрит на него, он сконфуженно трет себе колени.*)

П а в е л (*тихо*). Всё равно... не слышно ничего...

В а с с а. Не слышно? Эко горе!

П а в е л (*зло*). Свой я или нет? Мне сказали — дама приехала с чемоданами...

В а с с а. Ты бы постучал в дверь-то, а я бы отворила тебе...

А н н а (*выходя*). Здравствуй, Павел!

П а в е л (*матери*). Ну, не догадался я! Здравствуй, Анюта!

В а с с а. Вот, спроси его, почто он подглядывает за матерью? (*Идет в столовую.*)

П а в е л. Ну да... Уж и подглядываю!

А н н а (*улыбаясь*). Рад меня видеть?

П а в е л. Конечно. А то у нас — как в сумасшедшем доме.

А н н а (*тихо, заглядывая в столовую*). Мать всё такая же?

П а в е л. Хуже стала. Хочет всё в свои руки забрать.

А н н а. Да ведь и так всё в ее руках...

П а в е л. Не будет этого, когда папаша умрет! Шабаш! Мы уже не маленькие — мне двадцать четыре, а Семен на три старше...

А н н а. Дружно живете?

П а в е л. Разно. Он — дураковат, Семен-то...

А н н а. А жёпы?

П а в е л. У него жена — хитрая... Толстая, а — хитрая! Красивая ты стала! И одета особенно... хорошо! А у нас, как в больнице, все ходят — платья черные да полосатые...

А н н а (*обняв его, ходит*). Ты на Люде женился?

П а в е л. Ну да. И делать у нас ничего нельзя. Я вот начал старинные иконы покупать у староверов, за рекой, — мать загрызла: богу, говорит, не молишься, а денег тратишь много! Не понимает, что тут десять рублей на рубль можно взять... Выгоднее всего — старинными вещами торговать... В городе один торговец купил шесть тарелок за девять рублей, а продал — за триста двадцать... вот как! А мы тут... кирпич, изразцы, дрова, торф... Дьявол идет!.. У-у!

П р о х о р (*входя*). Ба-а! Сколь шикарная дама, однако! (*Расстопыряв руки, разглядывает племянницу, искусно прищелкивая языком.*) Bravo! Ну, поцелуй...

А н н а. А вы, дядя, не смущайте.

П р о х о р. Тебя-то? Гм... с такими глазками не смущаются... врете-с!

А н н а. А вот — Семен! Ух, какой толстый!

С е м е н (*рад*). Анюта! Вот хорошо... Господи! Как я рад, ей-богу... ну — ах ты! Сколько время не видались?

А п н а. Ты с женой-то познакомь!

С е м е н. Обязательно! Наташа, вот она — Анюта! Помнишь, я тебе говорил, колошматила меня всё?..

П р о х о р. Мало!

А н н а (*Наталье*). Мне приятно видеть вас... будемте друзьями...

Н а т а л ь я. Хорошо-с...

П р о х о р. Бум!

С е м е н. Она у меня — тихая! Староверка, в корчаге крестили...

П р о х о р. В огромной корчаге!

А н н а (*Павлу*). А Людмила где?

П а в е л (*захваченный врасплох*). Не знаю. (*Семен фыркнул, все замолчали на секунду.*) Спит она.

С е м е н. Ты ведь ее знаешь!

А н н а. Она красивая была...

П р о х о р. Ого! Ты на нее теперь взгляни! Зверь!

С е м е н. Похвалил!

П а в е л. Это он назло мне. Они все смеются надо мной...

Н а т а л ь я. Ну, полно, что ты!

П а в е л. Они меня со свету сживают, Анна!

А н н а. Ой, как страшно! *(Обняла Павла за плечи и отводит его в угол, что-то говоря; он ворчит и машет руками.)*

П р о х о р *(Семену)*. Хороша сестра-то?

С е м е н. Да-а...

Н а т а л ь я. Только глаза очень блестят...

С е м е н. На мать похожа...

П р о х о р. Фигура-то! Грандама...

С е м е н. Ой, какая разбойница была!.. Колошматила она меня...

Н а т а л ь я. Нехорошо, что Людмила не идет, неуважительно к Анне Захаровне...

М и х а и л *(входит)*. Анна Захаровна, позвольте поздравить с возвратом под свой кров...

Н а т а л ь я *(негромко)*. Свой... это как же?

М и х а и л. Чему безмерно рад-с...

А н н а. Вы не постарели, дядя Миша... молодец! Рада видеть вас...

М и х а и л. И я! Душевно...

С е м е н *(Наталье)*. Нравится она тебе?

Н а т а л ь я. Ничего... Пестрая только очень...

С е м е н. Она же в один цвет одета! Ю!

Н а т а л ь я. Да я вижу. Это я — так...

П р о х о р. Это — куриная слепота...

Л ю д м и л а *(входит заспанная, растрепанная, но красивая. Бросается к Анне)*. Нюта...

А н н а *(обнимая ее)*. Людочка...

Л ю д м и л а. Нюта... ой, как хорошо...

А н н а. Какая ты стала...

Л ю д м и л а. Точно солнышко ты...

П а в е л. Нытье началось...

В а с с а *(в дверях)*. Анна!.. Иди к отцу-то...

П р о х о р. Что — плохо ему?

П а в е л. Погодите еще радоваться-то...

П р о х о р. Я тебя спрашиваю, дуга?

(Павел, забежав за стол, показывает дяде язык.)

Л ю д м и л а (хоочет сквозь слезы). Смотри, папа!

П р о х о р (идя к Павлу). Пашка, уши надеру!

П а в е л. Троньте...

М и х а и л (дочери). Ты — уйди...

С е м е н (оживленно). Дядя — загородите стулом дорогу-то ему! Павел — под стол катай, эх ты!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер. В столовой полутьма. Перед камином — Людмила.
Анна, с папирсой, задумчиво ходит по комнате.

Анна. Жалко, что ты не писала мне...

Людмила. Ну... я и адреса твоего не знаю.

Анна. Если б хотела...

Людмила. Следят за мной: муж, отец... И о чем писать, что тебе интересно?..

Анна. О себе... обо всех...

Людмила. Ничего не понимаю я. За два года — поглупела, обозлилась...

Анна. Зачем ты вышла замуж за Павла?

Людмила. Надо было.

Анна. Да?

Людмила. Да.

Анна. Как это ты? Такая осторожная...

Людмила. Время было такое... особенное. Везде — бунты, забастовки эти... точно уборка перед праздником... да... И всё уборка да уборка... а праздника — нет. Подвернулся один... красавец... мальчик почти... Рябой был, а красив.

Анна. Где он?

Людмила. Пропал. Не знаю — где.

Анна. Павел знает?

Людмила. Нет. Никто не знает... кроме дяди.

Анна. Как же...

Людмила. Так уж. Дядя Прохор научил... Хороший был тот... рябенкий-то... удивительно ласковый и добрый...

Анна. А что за человек дядя Прохор?

Людмила. Так... купец веселый... Тоже ласковый... Приласкает, а потом — отдавай назад... с про-

центами. (*Другим тоном.*) Ну, бог с ним! Не хочу плохо говорить о нем, — он все-таки сделал мне однажды доброе, сделал! А мы ведь не нищие и должны добро помнить, так, Анна?

А н н а (*равнодушно*). Не знаю.

Л ю д м и л а (*улыбаясь*). Близкий мне человек один — мать твоя... И не говорю я с нею никогда почти, и она меня не спрашивает ни о чем, — разве пожурит порой за Павла... А сердцем я знаю, что только она меня жалеет и любит... Не будь ее, — ух, что бы я сделала!

А н н а (*пахмурясь*). Вот как!

Л ю д м и л а (*весело*). Вот придет весна — начнем мы с нею в саду работать... Ой, Анна, хорошо это как — помогать земле в цветы рядиться! На самом восходе солнышка постучит она ко мне, мамаша-то: «Эй, — скажет, сердито так, — вставай-ка!» И пойдем обе молча, почти на весь день, вплоть до вечера... Не узнала бы ты сад, кабы лето теперь! Вот разросся, вот украсился! Прошлой весной одних цветочных семян больше чем на сотню рублей купили! Сливы какие, яблони, вишенье! Прививки училась делать я, к мужикам на село хожу прививать — садовница совсем! Книжку мне мать купила о садоводстве — учись, говорит, это честное дело! Мужики, видя наши-то успехи в саду и огороде, жен присылают по семена, прививочку попросить... Мужики меня уважают! Хорошо жить весной, летом, осенью... а зима — трудна и мне и ей... Тесно как-то нам в доме... Не говорим ничего, а обе знаем, что думаем... Ты что скучная какая стала?

А н н а. Не знаю... Такая ты красивая, молодая...

Л ю д м и л а. А вот, как начнем работать весной — погляди, какая буду я! Ах, сад наш! Войдешь в него утром, когда он росой окроплен и горит на солнце, — точно в церковь вошла! Голова кружится, сердце замирает, петь начнешь — точно пьяная! Перестану, а мамаша кричит — пой! И над кустами где-нибудь лицо ее вижу — ласковое, доброе, материно лицо!

А н н а (*тихо, точно не веря*). Ласковое? Доброе?

Л ю д м и л а. Ну да! А что? Помнишь, как мы с тобой в саду этом играли?

П а в е л (*входит*). О чем сплетничаете?.. (*Зажигает свечи в люстре.*)

Л ю д м и л а. Зачем это?

П а в е л. Тобой любоваться хочу!

Л ю д м и л а. Погаси...

П а в е л. Не погашу!

Л ю д м и л а. Урод!

П а в е л. Вот, Анна, с каким дьяволом связали меня... на всю жизнь.

Л ю д м и л а. Врешь! Ты сам на коленках ползал передо мной, как нищий...

А н н а. Перестаньте!

Л ю д м и л а. Ты понимаешь — он ничего не может сделать со мной... так дразнит меня разными пакостями. Подарили мне кота сибирского — отравил...

П а в е л. Он меня царапал... Вовсе я не травил его... он сам объелся...

Л ю д м и л а (*вскочила*). Молчи, обезьяна! Видеть не могу... (*Быстро уходит.*)

П а в е л (*тихо*). Убежала... ага! Видеть не можешь?

А н н а. Что же ты думаешь делать, Павел?

П а в е л (*усмехаясь*). Ничего. Мне — нехорошо, пусть и она терпит! (*Вдруг искренно и горячо.*) Анюта, помоги мне, Христа ради! Я тебе подарю что хочешь... денег, если надо, денег дам, когда папаша умрет! Господи — я всё отдам... всё!

А н н а (*задумалась*). Что я могу сделать?

П а в е л (*тихо, жалобно*). Ты по любви вышла замуж, — научи ее любить меня... научи ее! Я ее так люблю — меры нет! Спит она, а я стою на коленках у кровати: «Люда, Людочка, никто тебя не полюбит, как я! — так и шепчу ей всю ночь до утра... — У всех что-нибудь есть, а я уродливый, мне больше не для чего жить, как для тебя», — говорю я ей, а она — спит... Анна, помоги мне!

А н н а (*торопливо*). Успокойся, кто-то идет...

П а в е л. Что мне? Пусть все идут... все знают!

Н а т а л ь я (*входит*). Папа, матушка зовет... (*Подозрительно смотрит на низ.*) Скорее, она сердится.

Павел (*уходя*). Она всегда сердится.

Наталья (*следуя за ним*). Ты там мальчишку побил конторского...

Павел. Ну так что? Их надо бить...

Анна (*Паталье*). Наташа, подождите минутку.

Наталья (*возвращаясь*). Хорошо.

Анна. Ф-фу... точно он избил меня!..

Наталья. На супругу жаловался?

Анна. Вы с ним, кажется, хорошо живете?

Наталья. Я — со всеми одинаково.

Анна. Не скучно это?

Наталья. Почему же?

Анна. Да вы такая молоденькая... развлечений здесь нет...

Наталья. А — муж?

Анна (*улыбаясь*). Этого довольно?

Наталья (*поучительно*). Он очень старается, чтобы не скучно было... и смешит, и всё. К тому же время теперь вовсе не такое, чтобы смеяться хотелось...

Анна (*заинтересована*). Да-а?

Наталья (*убежденно*). Конечно! Теперь уж невозможно жить, как раньше... надо переезжать в город... и всё должно быть иначе...

Анна (*серьезно*). Как же?

Наталья. Не могу еще объяснить... Я очень много думаю об этом, а — не знаю... Только — надобно жить в укрепленных городах, где много полиции и войско есть... (*Воодушевляясь*.) После этих страшных годов тихие люди переводятся, сестрица Анна. Все начали думать и тайно друг с другом говорить... И ходят разные люди... у нас тут заходил один, так он уговаривал всех, что всякое дело — грешно и делать ничего не надо! Я очень испугалась тогда... Вы подумайте, что это может быть, если опять никто не будет работать?

Анна. Какая вы, однако...

Наталья. У меня ребенок больной, и по ночам я мало сплю, а всё думаю о разных разностях. Но я еще молоденькая, и меня не слушают, когда я говорю... а вот вы, спасибо вам, слушаете... Это мне очень приятно...

Прохор (*входит, сердитый*). Где Васса?

А н н а. Не знаю.

Н а т а л ь я. На завод ушла.

П р о х о р. Чертовка...

А н н а. Откуда вы такой?

П р о х о р. Грязен? С голубятни. Ефиопы — три месяца прошу лестницу поправить — не хотят! Это — нарочно, Анна, так ты и знай! И если я в погреб слечу, шею сверну, — это будет подстроено, да! Это будет Пашкина хиромантия!..

А н н а. Ой, дядя, ну что вы говорите?

П р о х о р. Знаю что... Ты — не знаешь, а я... Прошлый раз сажу на голубятне, а кто-то тихонько открыл творило погреба, лестницу подвинул на самый край и дверь со двора захлопнул. Темно! Пол — сырой на погребе... едва-едва не слетел я. Это как понять? Чьи сии дела уголовные, а?

Н а т а л ь я (*Анне*). Если Пашу дразнить — он может великий грех сделать, я внушала Людмилочке это...

П р о х о р. Вот — видишь? И Валаамова ослица так же глаголет...

Н а т а л ь я. Вы совсем напрасно сравниваете меня с ослицей...

П р о х о р. Ну, ну! Ты вспомни, кто ее устами говорил...

Н а т а л ь я. Мне это всё равно... я купеческая дочь...

А н н а. Вы, Наташа, напрасно укрепляете враждебные мысли дяди...

Н а т а л ь я. Страшные мысли нельзя скрывать. Вы сами знаете, что несчастные люди очень злые всегда...

П р о х о р (*весело*). Каково? Экая голубица со змеиным умом, а?

Н а т а л ь я (*обижена, уходит*). Ум очень простой... извините! Это самый человеческий ум...

А н н а. Ой, дядя... зачем вы с ней так?

П р о х о р. Ничего, съест! Не люблю эту темненькую душу в темном платье! (*Смеясь*.) Знаешь, слышал я однажды, как она о будущей жизни мечтала с мужем. (*Передразнивая манеру Натальи*.) «И вот, Сеня, лежж

я в лиловом капоте бархатном, а под ним одна кружевная рубашка... или сажу на эдаком кельк-шозе»...

А н н а (*улыбаясь*). Шез-лонг, должно быть...

П р о х о р. Ну — всё равно! (*Снова передразнивая Наталью.*) «И приходят с визитом разные лица: тут и полицмейстер, и судьи, и градской голова — весь город!.. И все тебе завидуют, глядя на меня, — ай да Железнов! Вот так жена у него, да-а! А я — эдак ножкой двину, а то плечико покажу — пускай их еще больше зубами-то скрипят...» (*Хочет.*) Хороша иллюстрация, а? Сенька, дурак, ржет...

А н н а (*серьезно*). Странная женщина... Не понимаю я ее! Такая... как бы немудрая...

П р о х о р. Чёрт лучше знает, какая она... Иной раз она, брат, так ворочает глазищами своими... Ах, и надоели они мне!..

А н н а. Что ж вы живете с ними?

П р о х о р. Бум! Сказала тоже! Завязли тут все деньги мои, по милости Захара... Вот выдерну их, и — прощайте, единокровные мои жулики!..

А н н а. Куда же вы?

П р о х о р. В Москву, в столицу! (*Наклоняясь к ней, таинственно.*) У меня, брат, есть — некоторый плод любви несчастной... ха-ароший, Анна, зреет плод!

А н н а. Вот как?

П р о х о р. Бум! Студент уже... превосходнейшая рожа!

А н н а. И — мать?

П р о х о р (*не сразу*). Скончалась... жаль! (*Снова веселее.*) Зовет он меня неожиданным отцом — веселый, чёрт! И — ничего не просит, а? Видела эдаких? Не нашей крови, нет... Пьет, чёрт, несколько... Театрал, всех актрис знает... Учится на мифологическом...

А н н а. Филологическом.

П р о х о р (*убежденно*). Нет, я верно сказал — есть мифология наука... Он, брат, мне рассказал подробно, и даже я сам читал про греческую войну, про Одиссея... Вот, брат, шельма была Одиссей! Врал — замечательно! Будто вплоть до ада снисходил, понимаешь? И будто в аду — ничего не страшно, а только — скука большая... Петр, этот, мой-то, тоже врать здоров!

В а с с а *(входит)*. Мир беседе. На кого это Наталья обозлилась?

А н н а. Она? Как же она злится?

В а с с а. Стоит середь зала и кисти у платка обрывает... белая вся, даже досиня... *(Прохору.)* Там вас голубятник спрашивает.

П р о х о р *(рассаживая)*. Подождет...

А н н а *(глазами и осторожными жестами просит, чтобы мать ушла. Васса недоверчиво смотрит на нее)*. Семен воротился из города?

В а с с а. Не знаю... и мне он нужен бы... пойду, погляжу... *(Уходит.)*

П р о х о р. Давай в карты играть, а? Позовем Людмилу, Наталью...

А н н а. Ну что ж, давайте... Так, значит, уходите вы из дела?

П р о х о р. Обязательно. Стар становлюсь... и вообще — какое это дело? Боязно чего-то, видишь ли! Бывало — идешь по селу — барином себя чувствуешь... а теперь хоть и по-прежнему низко кланяются люди, но это они для того, чтобы злые глаза свои спрятать... Какая это жизнь? Вот это, брат, и есть греческая Илиада — все друг друга по башке норовят ловчее стукнуть... К тому же и делец я был всегда не ахти какой... а теперь к чему мне оно, дело?

С е м е н *(входит)*. Кто меня звал?

А н н а. Мамаша.

С е м е н. А она говорит — ты! Стало быть, никому я не нужен? Ну, это хорошо!

П р о х о р. Бум! Пойду за Людмилой. Семен, в карты хочешь?

С е м е н. Можно. Ай, братцы, славно в городе! Твердо всё — дома каменные... светло, чисто... И люди другие — разговор широкий... про всё знают... Дума там, политика разная... случаи интересные...

П р о х о р *(уходя)*. Барыньки красивые...

С е м е н. Пошел... бабник!

А н н а. Ты серьезно думаешь, что он с Людмилой... шалит?

С е м е н *(с удовольствием)*. Шалит? Ишь ты... а я ждал, как ты это скажешь! Назвала ловко... Вот он,

город... всему учит! Да, он, дядя, конечно, шалит... да еще как... Я сам слышал, как он ее учил однажды... У меня глаза на лоб со стыда полезли...

А н н а. Чему — учил?

С е м е н. Ну, это нельзя сказать, совестно.

А н н а. Чай, я замужем!

С е м е н. Всё равно... да я и не понял толком-то... насчет детей... как надо, чтобы дети не родились... Ну его! Баловник... дело его не утешает...

А н н а. А тебя?

С е м е н. Меня-то? Видишь — радости в изразцах да кирпичках немного... к тому же народ стал угрюмый... стражники да строгости... пьянство да драки... скушно это! Помрет папаша, — в городе буду жить... Совсем иным сам себя видишь, когда вокруг все люди одинаковы...

А н н а. Ну, а кто же дело вести будет?

С е м е н. Дело-то? Его — сократить... Торф невыгодно работать... а остальное — мать да Михайло... пускай они копаются... А в городе — открою я магазин золотых вещей... н-да! На главной улице, на Дворянской... И вывеска: ювелирный магазин Семена Железнова — ювелирный! И слово такое мягонькое — ю! Над магазином — квартира будет... Фисгармонию куплю, буду играть на ней... ю!

Л ю д м и л а *(бежит)*. Анна, иди, уйми их...

С е м е н *(испуганно)*. Кого? Кто?

Л ю д м и л а. Дядя Прохор Павла бьет...

С е м е н. Вот... пожалуйте! Вот те и ю! Анна, что же ты, иди!

А н н а. Куда я пойду? Ударят еще! Иди ты сам!

С е м е н *(идет)*. Я... ну что я! Полицейский какой...

Л ю д м и л а. Господи — что же это? Какая это жизнь?

А н н а. Ничего, Люда...

Л ю д м и л а. Хоть бы уж дядя убил Павла... так жалко его... так он противен!

А н н а. Из-за чего они?

Л ю д м и л а. Павел сказал, что не пустит меня в карты играть, а мне это смешно стало... Он меня толкнул и заорал, а дядя за волосы его...

А н н а *(спокойно)*. Мужичьё...

Л ю д м и л а. Противно...

А н н а. Так ли бы тебе жить!

Л ю д м и л а. Дорого стоит счастье, хоть и маленькое... *(Задумчиво.)* А все-таки вспомнишь о нем — и легче... Ах, Анюта, как хорошо, когда мужчина от радости плачет пред тобою, — такой он милый тогда... такой дорогой... знаешь это?

А н н а *(обняла ее)*. Да-а... я знаю...

Л ю д м и л а. Чувствуешь себя в такую минуту богатейшей королевой — да ведь? И так уж ничего не жалко тебе, так не жалко — хоть смерть примешь...

В а с с а *(идет)*. Что за шум у вас?

Л ю д м и л а *(бросаясь к ней)*. Ах, мама, сделайте что-нибудь!..

В а с с а. Ну, что еще натворила?

Л ю д м и л а. Ничего! Они там, Павел с дядей, по-дрались...

В а с с а. Опять! Просила я тебя, Людка...

Л ю д м и л а. Не могу! Вы всё знаете... вы понимаете ведь — не могу быть ласковой! Вы сами говорили — мужчину не обманешь...

В а с с а. Ну иди, ступай... уговори их... дураки оба...

Л ю д м и л а *(идет)*. Что я пойду?

А н н а. Это у вас часто?

В а с с а *(села у камина)*. Третий год... Иной раз так за сердце схватит... всех бы... взяла да и... Жалко мне Павла! Ой, Анна, жалко...

А н н а. Людмиле тоже не сладко.

В а с с а. Ей? Она — не сдаст...

А н н а. Что у нее с дядей Прохором?

В а с с а. Не Прохор он, а прохвост! Узнал девичий секрет один... ну и пользуется... да! Пользуется, пес!

А н н а *(тихонько)*. Вот что, когда вы ляжете, я приду к вам.

В а с с а *(насторожилась)*. А что? Зачем?

А н н а. Надо поговорить. Они тут исповедовались.

В а с с а. Прохор?

А н н а. И он. Вы знаете, что у него сын есть?

В а с с а. Не один, поди-ка! Ну?

А н н а. Одного — усыновить хочет.

В а с с а (*поднимаясь*). Врешь? Пугаешь?

А н н а. Так говорит.

В а с с а. Ну вот... и — конец! Зачем работали? Чем гордились? Нет, нельзя... это — нельзя!

А н н а. Семен в город переезжать хочет...

В а с с а. Так... Ну?

А н н а. И Павел тоже!..

В а с с а (*грубо*). Молчи! Я ему найду место!..
(*Тише.*) А сама я куда? Куда меня, а?

(*Идут возбужденные — Прохор, Семен и Наталья.*)

С е м е н. Наташа! Да перестань...

П р о х о р. Уймите мне эту дуру!

Н а т а л ь я. Кроме меня, кто здесь правду скажет?

С е м е н. Наташа, ты вспомни — ю! Ну, какое тебе дело? Плюнь!

В а с с а. Что у вас такое?

П р о х о р. Невестушка ваша изволили взбесить — пожалуйте!

Н а т а л ь я (*Прохору*). Вы Пашу в дикого человека сами обратили...

П р о х о р. Семен, чёртова башка!

А н н а. Дядя, вы здесь самый умный...

П р о х о р. Я? Меня давно с ума свели... Ты знаешь — он, шельма, ножиком на меня замахнулся, а?

(*Вошла Людмила, села в углу и оттуда неподвижно смотрит на всех.*)

Н а т а л ь я. Вы во всем виноватый...

В а с с а. Семен! Есть у тебя власть над женой?

С е м е н. Будет вам, мамаша! Всё власть да власть, а и командовать некем...

Н а т а л ь я. Нет, уж я скажу всё! Вы Людмилу испортили...

П р о х о р. Дура ты! Да она — до замужества...
(*Заметил Людмилу.*) Нет, каково, Анна?

Л ю д м и л а. Расскажите — что же я сделала до замужества-то?

В а с с а (*строго, тихо*). Людка! Молчи... что ты?
Пр о х о р. Идите вы все в болото!
Л ю д м и л а. Замахнулись, так бейте!
Пр о х о р (*уходя*). Подождите же! Я вам на-
ступлю на языки!
Л ю д м и л а. Струсил... эх!
В а с с а. Я тебе говорю — молчи!
Л ю д м и л а. Всё равно, мама! Теперь Павел уз-
нает... всё узнает!
С е м е н (*жене*). Идем! Тут другое начинается...
Л ю д м и л а. Вот Наталья, она уж не промолчит!
Н а т а л ь я (*уходя*). А ты что думаешь? Я правде
не изменница...
С е м е н. Ты помни — ю! И больше ничего!
Л ю д м и л а. Ой! Кожу бы всю оставила, только
вырваться... только вырваться!
В а с с а. Вот, Анна... видишь? Никто ничем не
связан... никто! Схватить и — бежать!
Л ю д м и л а. Мне хватать нечего... мне не надо
ничего! Жизнь оставьте, жизнь...
П а в е л (*идет, лоб у него завязан*). Мамаша, —
денег мне.
В а с с а. Еще один...
Л ю д м и л а (*полуплача, полусмеясь*). Ах, хорош!
Господи...
П а в е л (*тихо*). Мать вы мне? Анна, — скажи ей...
отпустите меня...
В а с с а (*странно*). Я тебе скоро найду место,
Павел.
А н н а. Мой совет — отпустите его! Дядя бог знает
на что способен...
П а в е л. Не боюсь я его!
А н н а. Вот он прибил Павла...
П а в е л. Врет!..
А н п а. Паша — человек слабый... но и слабый,
рассердись, может...
В а с с а (*пристально глядя на нее*). Перестань!
Л ю д м и л а. Что ты, Анюта, словно подсказы-
ваешь...
В а с с а. Людмила, уйди! Павел, ты тоже иди...
Я приду к вам! (*Они оба уходят, Васса прошлась по*

комнате, остановилась против дочери.) Ты что это задумала?

А н н а *(простодушно)*. Я? Что?

В а с с а. Не притворяйся! Понимаю. *(Снова ходит.)* Павел — сын мне, забыла?

А н н а *(смущена)*. Не понимаю я...

В а с с а. Врешь. Проста очень ты. Ты думаешь, коли брат дядю изведет...

А н н а. Что вы, мамаша! Ф-фу!

В а с с а. ...тебе выигрыш?

А н н а. Да я и...

В а с с а *(угрюмо)*. Не больно ты умна... нет! Кто там еще?..

М и х а и л. Вечер добрый!

В а с с а. Ну, что?

М и х а и л. Нехорошо... Дышит тяжело очень.

В а с с а. Прибрал бы господь скорее!.. Пятая неделя пошла, как он задыхается. Глаза-то ясные... видно, всё понимает... Отмучился бы...

М и х а и л. Немного осталось, как видится.

В а с с а *(идет)*. Ты подожди меня тут...

А н н а. Плохо у вас живут, Михаил Васильевич!

М и х а и л. Хуже невозможно-с! Всё спуталось... всё!

А н н а. Чем же это кончится?

М и х а и л. Не вижу-с...

А н н а. Трудно мамаше... А дядя Прохор не хочет помочь, видно...

М и х а и л *(подавленно)*. Он? Помочь?

А н н а. Почему вы так удивились?

М и х а и л *(насмешливо)*. Так-с...

А н н а. Нет, все-таки?..

М и х а и л. Удивление мое просто! Захар Иванович, батюшка ваш, бывало говорили, что русский человек частенько глупость свою за совесть принимает по ошибке... *(Липа входит.)* Тебе чего?

Л и п а. Анна Захаровна, вас дядюшка просит к себе.

А н н а. Зачем, не знаешь?

Л и п а. С сердцем у них нехорошо.

А н н а *(вопросительно, Михаилу)*. Что?

М и х а и л *(успокоительно)*. Это с ним бывает.

Л и п а. Удушье...

М и х а и л *(глядя на Липу)*. Удушье... Олимпиада вот знает... *(Анна быстро уходит, он знаком останавливает Липу.)* Ну?

Л и п а. Что-с?

М и х а и л. Не знаешь?

Л и п а. Не согласна.

М и х а и л. Отчего?

Л и п а. Не могу. Боюсь.

М и х а и л. Грешно?

Л и п а. А нет? Чай, человек это.

М и х а и л. Так. Сына удушить — не грешно, а чужого — грешно? Ребенок — не человек?

Л и п а *(злобно)*. Ребенок! Напомнили-таки! Я его из жалости...

М и х а и л *(мягче)*. Смотри, дуреха! Прохор твой грех знает...

Л и п а. И вы знаете... значит, и вас — травить?

М и х а и л. Ты что орешь? Нарочно? Гляди, голубушка! Я тоже могу невзначай... *(Подходит к ней вплоть.)* А ты не ломайся, будет уж! Иди-ка! Вот сейчас какой случай хороший, ну? Слей из обоих пузырьков побольше и — дай ему! Ведь не яд, лекарство, пойми! И — с богом, куда хочешь! Помни: не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься... Иди-ка, иди! Али тебе не дорога свобода? Будешь жить на своей воле, а? Награду получишь не малую... Ты — молодая, тебе жить надобно... Не согреша, не проживешь, Липа... не проживешь!.. Многие... пробовали и — не могли... *(Липа уходит, уступая его напору; он возвращается, ворча.)* Притворяется тоже... дрянь! Ломака... туда же!

П а в е л *(заглядывает)*. Мать где?

М и х а и л. К Захару Ивановичу пошли.

П а в е л. А ты с кем говоришь?

М и х а и л. Сам с собой...

П а в е л. Нашел компаньона... тоже!.. Смотри — он тебя обжулит!

М и х а и л. Спасибо, что предупредили! Принимаю это как награду за службу мою вам.

П а в е л. Как хочешь прими... хоть как милостину.
(Исчезает. Михаил грозит кулаком вслед Павлу, ходит, заложив руки за спину и щелкая пальцами. Идут Васса, Семен и Наталья.)

В а с с а (Михаилу, угрюмо). Кончается, кажись, радетель наш...

М и х а и л (опустив голову). А у Прохора Ивановича опять припадок...

В а с с а (детям). Ну, вы чего ходите тут?

С е м е н. Да ведь и вы тоже ходите...

В а с с а. Говори! Пошли за отцом Егором... Ну, а ты что, Наталья?

С е м е н (уходя). Наташа — ю!..

В а с с а. Что такое? Что он сказал?

Н а т а л ь я. Так... Не знаю...

В а с с а. Не знаешь... Иди-ка к себе.

Н а т а л ь я. Там — боязно.

В а с с а. Чего?

Н а т а л ь я. Боязно... Слышно, как хрипит...

В а с с а. А ты иди, иди! Бояться нечего... все смерти обречены... Я старше тебя, да не боюсь вот...
(Наталья тихо уходит, кутаясь в шаль.) Испугалась... хлеб есть не боишься... Припадок у Прохора, говоришь?

М и х а и л (тихо). Да-с... (Вздвинул.) Чу? Вот...

А н н а (вбегает, испуганно шепчет). Слушайте — Липа отравила дядю...

В а с с а. Помер?

А н н а. Не знаю... нет...

М и х а и л (мечется). Вот... теперь полицию... надо полицию...

В а с с а. Стой! Куда? Анна — не суетись...

А н н а. Она там кричит...

В а с с а. Михайло — сюда ее...

А н н а. Доктора надо...

В а с с а (строго, негромко). Подожди, говорю!
(Вбегает Липа, бросилась к Анне.) Что сделала, еретица?

Л и п а (бросаясь к ней). Ой, сделала... Это он, вот он всё...

В а с с а. Молчать! Первый раз ты лекарство даешь ему, а? Не знаешь, сколько надо?

Л и п а. Отпустите меня, бога ради!

В а с с а. Ты знаешь, что за такие ошибки в тюрьме сидят? Как ты могла ошибиться, а?

Л и п а *(не понимая ничего)*. Что будет? Ой, что мне будет?

М и х а и л. А, д-дура! Позвольте, я ей...

В а с с а *(толкая Липу в свой кабинет)*. Цыц! Сиди! *(Анне)*. Ну, а ты что, ну? Чего дрожишь, ну? Случилась ошибка, не то лекарство девушка дала... это бывает! Разве не бывает? Хозяин дома при смерти, суета, девушка одна, с ног сбилась...

А н н а *(тихонько)*. Я понимаю...

В а с с а. Нечего тебе понимать! Твое дело — сторона, да! Иди к нему, помоги там...

Н а т а л ь я *(бежит)*. Идите скорее — дядя Прохор...

А н н а *(невольно)*. Умер?

Н а т а л ь я *(отшатнувшись)*. Ой, сестрица, что вы?

В а с с а *(глядя на Наталью)*. Что ты в самом деле, Анна? С чего бы это ему помереть? У него за эту зиму два припадка было — а жив остался!

Н а т а л ь я. Ох, испугалась я... Господи! Сполз он с кровати... дергается, икает...

В а с с а. Икает! Эка страсть, глядите-ка! Я вот после обеда иной раз тоже икаю, а кто этого боится? Идите-ка к нему...

Н а т а л ь я. Идемте, сестрица!

(Анна, со страхом оглядываясь на мать, уходит за Натальей. Васса идет в кабинет, подошла к оцепеневшей Липе, толкает ее.)

В а с с а. Очнись, дьявол!.. Жив он, слышишь? Жив! Чтоб те рбзорвало, сгинь!

М и х а и л *(Олимпиаде)*. Ошибочка эта дорого встанет...

В а с с а. Оставь ее!

Л и п а *(падая на колени)*. Васса Петровна... это я нарочно сделала... Он научил меня, вот он! Родная моя, пожалейте...

В а с с а. Ступай, ступай в свою горницу! Слышала?

Л и п а (*вставая*). Я не виновата... Господи... (*Пошатываясь, она уходит. Васса и Михаил смотрят друга на друга. Михаил виновато опускает голову.*)

В а с с а. Дурак!

М и х а и л. Значит — неверно...

В а с с а. И фершал твой — дурак!

М и х а и л. Неправильно что-то, я говорю...

В а с с а. Да и я тоже... положились... Ну, что ж теперь делать будем? Иди сюда! Поговорим начисто. (*Идет в свой кабинет.*) Первое — Липка: гляди за ней! Чтобы не звонила! Понял?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Столовая. Двери закрыты. У камина В а с с а, одетая в траур.
А н н а ходит и курит. С е м е н сидит за столом.

С е м е н *(зевая)*. Чай бы пить, что ли? Пора уж.

В а с с а. Сорока минут еще не дошло.

С е м е н. Ну их, сорок минут! Жизнь — чья? Моя жизнь! Хочу — сорок минут похерю, хочу — целый час вычеркну. А то — месяц... *(Кладет ноги на стул.)*

В а с с а. Эх тебя, батюшка, корчит.

С е м е н. Да скучно же! Жена — нездорова... в карты играть — нельзя... Кровь застывает, ей-богу!..

В а с с а. Сорока дён не прошло со смерти отца, а ты — на-ко! В карты бы...

С е м е н. Сорок дён, сорок минут... извольте радоваться! Наталья тут еще...

В а с с а. Нервы... Что за нервы? Мне сорок восемь лет...

С е м е н. Опять — сорок!..

В а с с а. А никогда они у меня не болели...

А н н а *(бросив окурок в камин)*. Нервы и у меня не в порядке... Домище — огромный, гулкий... шорохи какие-то...

В а с с а. Крысы. Да Прохоровы голуби.

А н н а. Скрип по ночам...

В а с с а. Значит — сухой дом-от...

А н н а. Тени шевелятся.

В а с с а. А это не иначе как Липа ходит... это уж она...

С е м е н. Ну вас, мамаша, не вспоминайте ее...

В а с с а *(задумчиво)*. Ходит и ходит...

А н н а. Вы ведь не верите, что самоубийцы ходят.

В а с с а. Не знаю. Почему мне знать?

С е м е н. Вот завели волынку! Мамаша только в целковый верит...

В а с с а (*безобидно*). Болван ты, Семенушка! Для кого мы с отцом целковые-то копили? Для детей будто. А они — и не стоят целкового-то... Ты вот внука здорового не мог мне родить... молчал бы, нѣхотень.

С е м е н (*грубо*). Это вы врете!

А н н а. Сень!

С е м е н. У меня был здоровый ребенок...

В а с с а. От горничной.

С е м е н. Ну так что? Был же? А что горничная, так вы сами меня с нею свели.

В а с с а. И ребенок родился мертвенький. Вот, Анна...

С е м е н (*вскочил*). Вовсе не мертвый он родился, а она его сама — она всё Наталье рассказала, нечего врать! Вы запугали ее чем-то... и всю жизнь ее ребенком этим пугали... с того она и удавилась... да!

В а с с а (*спокойно*). Вот, Анна, слушай...

А н н а (*возмущенно*). Как ты можешь говорить... такие пакости, Семен? Это — ужас...

В а с с а. А ты — слушай! Ты — тоже мать, тебе это годится...

С е м е н. Напрасно, Анна Захаровна, подлизывашься ты к матери... не оправдаются расчеты твои, нет! (*Уходит, сильно хлопнув дверью.*)

В а с с а (*усмехаясь*). Ишь как!

А н н а. Ах, мама! Я только теперь понимаю, как вам трудно должно быть...

В а с с а. Ничего. Я — не обидчива... А ты понимай, тебе это нужно...

А н н а. Иногда мне даже... боязно за вас...

В а с с а. Не бойся... Зачем?

А н н а. И не всё я понимаю...

В а с с а. Ну, всего-то, чай, и никто не поймет. Вот в моей головушке разные думы роятся... гудут, как осы, а — нет им ответа, нет разрешения!.. (*Пауза.*) Думала ты, отчего все мужики такие, как будто не от матерей родились, а отцы одни им начало? Да... и ты об этом подумаешь, погоди... Вот я, его, дураково, здо-

ровье оберегаючи, любовницу ему в доме разрешила, а он — этим же грехом моим немалым — мне же в зенки тычет... А здоровье-то все-таки потерял, подлец... на селе где-то схватил чего не надо...

А н н а (*тихонько*). Неужели правда, что ребенок...

В а с с а. Ну, а если правда? Ну-ка? Что надо было сделать?

А н н а. Н-не знаю... я не понимаю — зачем?

В а с с а. Вот и ты осудила меня! А когда до самой доведется, — так же сделаешь, Анна. Допустишь разве, чтобы чужая плоть-кровь твоим трудом жила?

А н н а. Это — далеко. Не хочу об этом думать.

В а с с а. Подумаешь, милая... обо всем подумаешь!

А н н а. Мама! А дядя написал к сыну своему два письма...

В а с с а (*встрепенулась*). О чем? Послал?

А н н а. Зовет его сюда...

В а с с а. К нам? Его? Верно?

А н н а (*доставая письма*). Вот они, письма...

В а с с а. У тебя?.. Ага-а! Не посланы... погоди!.. Что же, куда ты их?

А н н а. Я думаю, их нельзя посылать...

В а с с а. Так, друг мой! Нельзя! Ни-ни! Ты — умница! Вот видишь: вот — баба! Не-ет, не псы дом хранят, мы его храним. (*Подошла к дочери, положила руки на плечи ей.*) Продай!

А н н а. Что вы, мама!

В а с с а. Сто за оба — хочешь? Сто!

А н н а. Возьмите... даже обидно, право...

В а с с а. Не обидно, Анна! Я знаю, что обидно — глупость обидна. Ты — мать, помни... для детей — ничего не стыдно, — вот что помни! И — не грешно! Так и знай — не грешно!

А н н а. Какая вы... удивительная!

В а с с а (*спрятала письма*). Матери — все удивительные! Великие грешницы, а — и мученицы великие! Страшен будет им господень суд... а людям — не покаюсь! Через нас все люди живут — помни! Богородице, матушке моей, всё скажу — она поймет! Она грешных нас жалеет... Не она ли говорила архангелу:

«Попроси, помоли сына милого, да велит и мне он помучиться во аду со великими грешники» — вот она!

А н н а *(улыбаясь ласково)*. Я приехала — считала себя умнее вас... лучше... право!

В а с с а. Ничего, считай! Я вижу... так и надо! Ошибешься — укажу... Ничего, дочь!

А н н а. Ну, хорошо... подождите! Как же письма? Он выздоровеет — другие напишет и сам пошлет. А то — заказными велит мне отправить — где же квитанции?

В а с с а. Их в конторе много, стареньких. Михайло устроит — и город и фамилию перепишет, и штемпеля положит... Ничего, это делалось! Это — пустое! Когда отец в городе любовницу завел, мы это дельвали! Ты погляди, через кого другого не послал бы Прохор.

А н н а. Конечно... я буду!

В а с с а. За Людкой — смотри! Она — дитя.

А н н а. В ссоре они. Да она мне всё передает.

В а с с а. Гляди! Если Прохоровы деньги у нас останутся — тут и твоих детей деньги...

А н н а *(опуская глаза)*. Не надо, мама, об этом...

В а с с а. А ты не финти! Я — в очках, я всё вижу...

А н н а. Вы всегда так... прямо очень.

В а с с а. Ну да! И ты со мной так же...

А н н а. Я вас сегодня точно первый день вижу...

В а с с а. Слушай, я тебе мать! И твоим детям — мать... погоди! Кто-то идет... *(Дверь тихо отворяется — Наталья, слабая, бледная, входит.)* Ты что бродишь, курица?

Н а т а л ь я. Сказали — чай пить... а еще и не накрыто.

В а с с а. Ну, накрывай... Людмила где?

Н а т а л ь я. Дядя позвал.

В а с с а. Так!.. Ну... *(Делает Анне знаки глазами, указывая ей на дверь, та не понимает.)* Ты, Анна, поди спроси Прохора-то, — может, он с нами чай пить будет?

А н н а *(уходя)*. Хорошо.

В а с с а *(следя за Натальей)*. Лучше тебе?

Н а т а л ь я. Не спится всё... и сердце тоскует... Ко мне опять клямзинского приказчика жена пришла...

В а с с а. Напрасно трудится.

Н а т а л ь я. Плачет.

В а с с а. И это напрасно. Слезами — портянку и ту не вымоешь...

(Дунечка входит, молча кланяется, Наталья перестает собирать посуду, уступая ей. Васса ходит по комнате, подняв очки на лоб.)

Н а т а л ь я *(настойчиво)*. Вы бы простили его... в память покойника!..

В а с с а. Покойники в деле не участвуют. И тебе бы в дела не мешаться...

Н а т а л ь я *(сердито)*. Чай, жалко мне людей-то!

В а с с а. Ежели они работать не хотят — жалеть их нет пользы! Небойсь, когда тебе нянька ленивая попала — ты ее без жалости прогнала?

Н а т а л ь я. Тут — ребенок... мое дитя!

В а с с а. Везде — дети! У меня — тоже ребята... и работники им нужны хорошие. А ежели я обставляю их пьяницами да лентяями, — какая же я мать им? *(Анисья, новая горничная, вносит самовар.)* Эй, косолапая, на пол плещешь!

А н и с ь я *(Дунечке)*. Ключи от кладовой дайте.

Д у н е ч к а *(тихо)*. Иди, иди! Я сама...

(Обе уходят.)

В а с с а. Хороша девица... здоровая, ловкая... хороша! *(Входит Павел; он немного выпивши, садится за стол.)* Ты бы, барин, ноги-то вытирал, — гляди, как наследил!

П а в е л. Ну, так что? И наследил...

В а с с а. Так! Хорошо!

А н н а *(кричит в дверь)*. Мамаша!

В а с с а. Иду... Что там? *(Уходит.)*

Н а т а л ь я *(потянув носом)*. Вином пахнет...

П а в е л. Пахнет.

Н а т а л ь я *(помолчав)*. Людмила-то...

П а в е л. Да. Ну?..

Н а т а л ь я. Помирилась с дядей...

П а в е л. Знаю.

Н а т а л ь я. Ой, Паша, жалко мне тебя...

П а в е л. Ты всех жалеешь... а что толку?

Н а т а л ь я. Похожи мы с тобой...

П а в е л. И ты кривобокая? Не знал!

Н а т а л ь я. Судьбой похожи. Оба — умные...

П а в е л. Ты — умная? И про то не знал...

(Дунечка хотела войти, но, услышав разговор, спряталась.)

Н а т а л ь я. Не шути! Матушка меня душой считает, к дому я не допущена, хозяину — жена, а живу, как прислуга... слова моего — не слушают...

П а в е л. А мне наплевать!

Н а т а л ь я. Как же? Ведь и ты тоже — нет тебе никакой воли...

П а в е л *(пьянея в тепле)*. Теперь — конечно! Теперь — я скоро покажу себя... Поеду в город... в Москву поеду... везде! Чёрт вас возьми! Дом, и землю, и всё... Не хочу! Не хочу я... довольно!

С е м е н *(идет, увидел Дунечку, подкрался к ней, схватил за плечи и орет)*. А-а, ты шпионить!

Н а т а л ь я. Это мать ее научила!

Д у н е ч к а. Что вы, батюшки? Где же я...

С е м е н. Ты чего делала за дверью?

П а в е л. Дай ей по шее... ну! Старая гримза...

Д у н е ч к а. Я — просто... говорите вы... не помешать бы, думаю... Разве я смею понимать речи ваши?..

П а в е л. Нет, меня не обманешь!

С е м е н. Его не обманешь! Он сам подслушивать мастер!

(Идет Прохор, Анна и Людмила поддерживают его под руки.)

П р о х о р. Тру! Почему скандал?

Н а т а л ь я. Подслушивала вот...

Л ю д м и л а. Пустите ее, Семен! Вот уж любят мучить людей!

Н а т а л ь я. А ты — не любишь?

П р о х о р. Шш... Без драки!

С е м е н. Надо наказание придумать ей!

П а в е л. Прищепи ей нос в двери... вот она и не будет...

Л ю д м и л а. Тьфу! Гадость!

Семен. Нет, пусть она масла из лампадки выпьет...

Павел. Ну, это хоть...

Анна (*строго*). Оставь ее, Семен! Довольно! Идите, Дуня.

(*Дунечка уходит.*)

Наталья (*Павлу*). Вот и еще командирша явилась...

Павел. Это — ненадолго! Всё ненадолго!

Семен. Ты, Анна, что, в самом деле?

Прохор. Опомнися... Тюря!

Павел. А я сегодня ночью двух кошек на голубятню пушу.

Анна. Павел! Не смей раздражать дядю!

Павел. Ты кто такая здесь?

Анна. Старшая сестра...

Прохор. Оставь! Я ему пушу...

Семен. Ты, Анна, напрасно...

Наталья. Вы, сестрица, отрезанный ломоть...

Павел. Пусть ее... ненадолго! Всё — ненадолго!

Семен. Ты свое получила, и — шабаш!

(*В дверях Васса и Михаил.*)

Прохор (*Людмиле*). И что только будет здесь через недельку эдак? Ух!

Людмила. Ничего не будет.

Павел (*Прохору*). Будет, что я вас — попрошу... ко всем чертям! Вот что будет!

Прохор. Щенок! Я сам...

Анна. Дядя! Перестаньте! Павел, если ты будешь сердить дядю, он может...

Прохор. Не говори ему про это! Он нарочно будет!

Анна (*Павлу*). Это... вредно ему! Он может умереть от припадка, сказал доктор.

Прохор. Ну вот! Ну — зачем ты? Ах...

Людмила. Напрасно, Анюта...

Прохор. Нарочно начнут...

Анна. Вы — не волнуйтесь...

Наталья. Что же это как вы говорите про нас? Что Паша — злодей? Как вы можете?

Прохор (*Анне*). Ты гляди — как говорит, а? Хозяйка, а?

Васса (*входя*). Торопится...

(*Все притихли.*)

Михаил (*Прохору*). Доброго здоровья!

Прохор. А, Бисмарк... насморк... ревматизм! Здравствуй, здравствуй!

(*Семен смеется. Павел всё время следит за дядей.*)

Васса (*сидясь*). Это ты, Семен, распорядился, чтобы клямзинского приказчика принять?

Семен. Я. Он хороший парень. А что пьет...

Васса. Это ничего! Да?.. Жена за него просила?

Семен. Наташа тут ни при чем.

Васса. Я — о приказчиковой жене.

Людмила. Проговорился, Сеня!

Павел. А ты — молчи!

Наталья (*Людмиле*). Нисколько! Я просила Сеню... да!

Прохор (*качая головой*). Трудные дни настигли тебя, Васса! Даже жалко смотреть...

Васса (*спокойно*). Спасибо. Себя-то пожалей, не забудь.

Прохор (*злорадно*). Туго тебе придется, ой-ой! Ну и народ пошел! Говорят — русский человек мягкий, добрый...

Наталья. Где же здесь злые? Мы вовсе не злые...

Людмила (*Анне*). Как ты думаешь — не злые?

Анна. Не знаю...

Людмила. По-моему, они правду сказали — пет здесь злых...

Прохор. Н-ну, положим!..

Людмила (*горячась*). Нет. Здесь — несчастные всё... и потому несчастные, что не могут ничего любить...

Павел. Врешь ты! Я люблю... я!

Семен (*жене, подмигивая*). Ю!

Людмила. И никто не знает, что — хорошо...

Прохор. Верно! Этого — не знают!

Васса (*угрюмо*). Ну, а что же хорошо, умница?

М и х а и л (*опасливо поглядывая на дочь*). Мм-да? Ты — того...

Л ю д м и л а. Сад ваш хорош, мамаша! С малых лет я его люблю и теперь, когда гуляю в нем, вас люблю за то, что вы украсили землю...

В а с с а (*гордо, Анне*). Слышишь? Баба-то?..

Л ю д м и л а. Иногда — боязно с вами...

М и х а и л. Людмила, ты...

В а с с а. Оставь ее...

Л ю д м и л а. Не бойся, папа! Взгляну я на сад, вспомню, как вы в нем, согнувши спину, копаетесь около яблонь да ягод и цветов... Знаете вы, мама, что хорошо! Вы — знаете, а кроме вас — никто не знает хорошего...

П р о х о р. Ну, положим...

С е м е н. Наталья — ю!

Л ю д м и л а. Да и не узнает. Никогда! Всё хорошее мимо их, другой улицей пройдет, всё...

Н а т а л ь я. Какая пророчица!

П р о х о р. Чего-то ей хочется?

С е м е н (*ворчит*). Она да Анна, обе к матери подлаживаются... Просить чего собираются, что ли?

В а с с а. Ты бы хоть про себя, а не вслух думал, дитятко!

Н а т а л ь я. Ему бояться некого...

С е м е н. Ю!

В а с с а. Что это у тебя за глупое слово?

С е м е н. Ю? Так уж — ю!

В а с с а. Ой, Семен, Семен!

П р о х о р. Люда — поговори еще!

Л ю д м и л а. Не хочется.

В а с с а. И не надо. Благослови тебя господь хорошими детьми, Людмила.

Л ю д м и л а (*кивая на мужа*). От него? Как от него могут быть хорошие дети!

Н а т а л ь я (*тянет*). Н-ну-у...

М и х а и л. Эх... язычок!

П а в е л (*хватая чашку*). Убью! (*Мать толкнула его под локоть — чашка выпала из его рук.*) Вы что? За нее? Хорошо... дайте мне мою часть, деньги мои! Подайте, и будь вы...

В а с с а *(толкнув его)*. Цыц!

П а в е л *(захлебываясь словами)*. Ненавижу всех... подожду! Кто вы мне? *(Почти рыдая)*. Мать... Ты разве мать? Дядя? Жена? Брат?.. Что вы для меня?

В а с с а *(угрюмо)*. А ты для всех?

П а в е л. Как собаки зайца, травите вы меня — за что? Дайте мне мое, и я уйду... уйду!

В а с с а. Что же здесь — твое?

Н а т а л ь я. Как? Его и Сенино — всё!

А н н а. Вы молчите, Наташа!

Н а т а л ь я. Отчего же?

В а с с а. Мокрица — молчи, сказано тебе!

Н а т а л ь я *(плачет)*. Сеня! За что же меня...

А н н а. Фу, какой ужас...

Л ю д м и л а. Это ты с непривычки...

М и х а и л *(дочери)*. Не путайся, прошу тебя!

П р о х о р *(Анне)*. Меня бы прочь отсюда... не могу!

Н а т а л ь я. Что мы — маленькие? Всякий хочет жить, как ему нравится...

П р о х о р. Анна, нехорошо мне, кричат...

А н н а *(торопливо уходя в комнату матери)*. Сейчас, дядя... мама!

(Васса идет на ее зов.)

С е м е н. Вы, мамаша, действительно...

П р о х о р. Людмила... Ну-ка, помоги мне...

В а с с а *(кричит)*. Людмила, поди сюда...

А н н а *(бежит через столовую)*. Сию минуту, дядя... Видишь, Павел, вот — опять нехорошо дяде...

П а в е л *(орет)*. Я здесь хозяин... я, кособокий! Пусть он издохнет... и все вы!

П р о х о р *(побагровел, привстает со стула и шипит)*. В-в-в-ах... так? Михайло, уведи меня... убьет он!..

П а в е л *(прыгая перед ним)*. И убью... ух! Как дам...

(Общая суматоха. Наталья хочет увести Прохора. Михаил усаживает его на стул. Семен схватил брата за руку и кричит.)

Н а т а л ь я. Паша... оставь...

М и х а и л. Позвольте-с... успокойтесь!..

С е м е н. Пашка — брось! Дядя — уходите! Мамаша! Дерутся они!

П а в е л. Я тебя давно... ты меня... раз! *(Толкнул дядю в грудь — Прохор выпрямился и ударил его ногой. Павел, охнув, присел на пол, а Прохор грузно свалился на стул. Вбегает Анна с лекарством в руках, выбежали из кабинета Васса и Людмила, — Васса бросается к сыну, он вертится на полу, держа ногу в руках. Анна — наклонилась над дядей. Семен — около жены. Михаил, взяв дочь за руку, что-то шепчет ей, лицо у него умоляющее.)*

С е м е н *(жене)*. Уйдем скорее...

В а с с а *(Павлу)*. Чем он тебя?

А н н а. Я говорила, Павел...

Н а т а л ь я. Подожди...

П а в е л. Отойди, мать...

А н н а. Дайте воды...

М и х а и л. Поняла, да?

Л ю д м и л а *(отцу)*. Пусти... После скажешь...

В а с с а *(вставая)*. Горячей воды?

Л ю д м и л а. Да, да... на сердце...

М и х а и л. Это надо сделать там, у него...

Л ю д м и л а. Да нет же!..

А н н а. Верно! Берите его... Семен, помоги!..

Н а т а л ь я *(зорко следит за всеми)*. Не тронь, Сеня!.. Боюсь я, ой!.. Они нарочно Павла натравили... Куда ты?

(Михаил, Анна, Семен — уносят Прохора.)

В а с с а. Ты что шипишь?

Н а т а л ь я. Разве я змея?

В а с с а. Ты что сказала?

Н а т а л ь я. Позвольте, мамаша!

В а с с а. Что позволить? Ну?

Н а т а л ь я. Мы не прислуги... мы теперь — хозяева!

В а с с а *(тихо)*. Вон!

(Семен воротился, Павел встал с пола, волочит ногу, идет к матери, держась за стулья.)

Н а т а л ь я. Не кричите! Сеня — она кричит...
С е м е н *(стараясь говорить внушительно)*. Нет, мамаша, довольно! Мне — двадцать семь лет, ему — двадцать четыре... против этого не поспоришь! *(Мать приподняла очки на лоб и в упор смотрит на сына.)* Что вы смотрите? Тут как ни смотрите — закон совершеннолетия... сыновья — наследники... стало быть... спора нет!..

В а с с а *(спокойно, Павлу)*. Иди взгляни, что с дядей...

П а в е л. Не хочу... Не пойду...

С е м е н. Да... Уж теперь — как мы желаем!

В а с с а *(вздыхнув)*. Дураком ты родился, Семен!

С е м е н *(вспылил)*. Обидные ваши слова — оставьте! Я — дурак, а по закону — хозяин! И вы, пожалуйста... ста...

А н н а *(бежит)*. Мамаша... дядя, кажется, помер...

(Молчание. Павел сел на стул, спрятав голову за спинку. Семен, одеревенев, мигает глазами. Наталья прижалась к нему, вздрагивая. Опустив руки и наклоня голову, Васса обернулась в передний угол комнаты, беззвучно шевеля губами. Анна, перебирая на груди пальцами, смотрит на нее. Испуг на лице Натальи постепенно сменяется радостью.)

С е м е н *(шепчет)*. Вот те раз!

Н а т а л ь я *(тоже шёпотом)*. Теперь — ты пойми!
Всё наше делается!

А н н а *(им обоим)*. Шш... тише!..

В а с с а *(тихо)*. Ну, Павел, вот, достиг ты конца...

П а в е л. Я... не виноват... я — выпивши...

С е м е н. Эх, Пашка! Что, брат?

(Васса и Анна уходят, но Анна остановилась за дверью.)

Н а т а л ь я *(ласково)*. Паша! Скажи правду — они тебя не подучили дядю-то ударить?

П а в е л *(устало)*. Пошла ты... ерунда!

С е м е н *(жене)*. Что ты сочиняешь тут?

А н н а (*входит*). Видишь, Павел, что ты наделал? Предупреждала я тебя — не тронь, да?

Н а т а л ь я (*подозрительно*). Да-а... как будто подстрекнули вы его, так вышло...

П а в е л. Я не виноват...

Н а т а л ь я. Бог рассудит — кто виноват... он знает!

(*Идут: Михаил — рука у него обмотана носовым платком, Людмила и Васса. Людмила прошла в угол, села там и тихо плачет.*)

В а с с а (*торжественно*). Скончался...

Н а т а л ь я (*мужу, шёпотом*). Гляди — рука...

С е м е н (*вздвогнув, громко*). Где? Чья рука?

В а с с а (*Паталье*). Ты — о чем?

Н а т а л ь я. Я? Я сказала ему, Семёну, что рука у Михаила Васильевича...

М и х а и л (*почти не скрывая насмешки*). Рука-с? Повредил несколько, задел за ручку двери, когда усопшего несли. А что-с? Мне не больно, если это вас интересует... совсем не больно... А впрочем — благодарю покорно за внимание!

В а с с а. Ну — помолчите все! Людмила — перестань! Павел, как же теперь? Что будем делать? (*Голос у нее дрогнул. Помолчала, шевеля губами.*) Ты знаешь — семья наша не дружная, сор из избы будет вынесен, и пойдут темные слухи про нас...

П а в е л. Оставьте меня...

В а с с а (*глуше*). Может, и полиция вмешается... тут — деньги! У дяди в нашем деле до ста тысяч с лишком...

С е м е н (*жене, шепчет*). Ого! Вот так — ю!

В а с с а. Известно, что они их взять хотел... Видишь, как всё запутано... Тебя предупреждали — не тронь, убьешь... а ты — нарочно... Чувствуешь свой грех?

П а в е л (*бормочет*). Будет! Не тяните душу... (*Сообразив опасность, испугался, вскочил, смотрит на всех.*) Вы... вы, родные мои... вы — не говорите! Я не хочу... Что же делать, мама? Сеня?

В а с с а. Мы, конечно, будем стоять за тебя — пред людьми... А пред богом как ты оправдаешься?

И вот я советую тебе, если дело это грешное кончится хорошо для тебя, — иди в монастырь...

(Все удивлены. Людмила, как слепая, идет к свекрови и улыбается.)

Н а т а л ь я *(мужу)*. Ой... это хорошо! Понимаешь?

П а в е л *(растерянно)*. Я — не хочу! Что вы? Семен, я не хочу!

В а с с а *(тверже)*. Я дам за тебя хороший вклад, будешь ты жить там спокойно, безобидно, привыкнешь богу молиться и помолишься за нас...

П а в е л *(тоскливо)*. Людмила... рада! Людмила — пожалей! Гляди, как со мной... *(Поражен лицом жены.)* Как рада... лицо-то! Мамаша — спасибо! Женили вы меня!

В а с с а. Ты сам хотел.

М и х а и л *(тяжело)*. Да-с, вы сами!

В а с с а. Помнишь — зарезаться грозил?

Н а т а л ь я. Как же! И я помню это...

В а с с а *(грозно)*. Ты — молчать! *(Мягко, но непреклонно.)* Так вот, Павел, дай обет, что идешь в монахи... Так лучше для тебя и для всех... Никто там тебя не осмеет, не осудит за то, что ты... некрасив собой. И я буду знать, что сын мой — в спокойном месте, в почете живет. Так-то. Ну, подумай... до завтра, а завтра — скажи согласие твое.

П а в е л *(жене)*. Погибели моей улыбаешься? Не забуду я этого!

Л ю д м и л а. Нет, Павел, я — свободе своей... *(Стоя около Вассы, далеко от мужа, она, не сходя с места, опускается на колени.)* Человек же ты! Есть в тебе хоть капля доброго? Отпусти меня, Павел! Отпусти, Христа ради! Помяну тебя добром, всегда... Клятву даю — думать буду о тебе с лаской в сердце... одна я, может, буду так думать о тебе! Одна, кроме матери твоей! А с тобой — не могу! Прикоснуться мне к тебе — больно... особенно после сегодня... Павел!

(Все молчат. Васса сидит, опустив голову, Анна что-то шепчет ей на ухо.)

Л ю д м и л а. Паша!.. Голубчик — отпусти же!

П а в е л (*вздвигнув*). Не надо... не говори так! Ну... Всё равно... Развод, что ли, там... что ж? Всё равно, видно...

(*Людмила встала, подошла к нему и, не затрагиваясь до него, поцеловала в лоб.*)

П а в е л (*отшатнулся*). Что ты... как мертвого! Зачем ты? Дьявол... Мать, я не пойду в монастырь, ну тебя... Пусть меня судят... Полиция и всё... врете вы! Деньги мои чтобы забрать, ага! Дай мне мои деньги, я уеду... на край земли от вас... никогда вы не услышите обо мне, никогда! Может — богат буду, а вы — нищие, — и придете ко мне по милостину... прогнать вас велю и в окошко смотреть буду, как вас гонят... Дай мои деньги... Конечно!

В а с с а (*спокойно*). Денег я тебе не дам.

Н а т а л ь я (*беспокойно*). Как? Этого — нельзя...

П а в е л. Нет, дашь!

С е м е н (*тихо, ласково*). Тут — закон!.. Наследство, мамаша!

В а с с а (*вздвигнув*). Наследства вы — лишены. Всё отказано мне по духовной...

М и х а и л. Совершенно верно-с...

Н а т а л ь я (*мужу, убито*). Подделали!

В а с с а (*глядя на нее*). В полную и нераздельную собственность.

М и х а и л (*деловито*). Чему свидетелями были: отец Егор, Антип Степанов Мухоедов, известный вам, а также помещик Рыжев...

С е м е н (*убито*). Мамаша... За что же нас так? Вы покажите бумагу-то... где она, бумага?

М и х а и л (*доставая бумагу*). Подлинная — у нотариуса, копии, числом две — вот они! Для вас... и для вас...

П а в е л (*отталкивая бумагу*). Не надо. Всё равно... Не верил я в свободу свою... вот — и не вышло ничего... (*Задумался.*) Ничего и не будет...

(*Наталья плачет, закрыв лицо руками.*)

В а с с а (*тихо*). Что же, Павел?

П а в е л (*оглядываясь*). Загнали в угол... Ладно... монахи не в аду, на земле живут... ну, хорошо!..

М и х а и л (*успокоительно*). И еще как живут...

П а в е л (*усмехаясь*). Прощай, Людмила... да, ты уж простилась... Ну, из милости — поцелуй еще?

Л ю д м и л а (*подходя к нему*). Только ты меня не трогай руками...

П а в е л. Не надо... Иди прочь! Дьяволы... (*Бежит вон.*)

В а с с а (*Михаилу*). Гляди за ним!.. Скорей...

М и х а и л (*уходя*). Заявление о смерти Прохора Ивановича разрешите сделать?

В а с с а. Давно пора! Чего ты думал?

С е м е н (*уныло*). Значит, мамаша...

В а с с а (*отмахиваясь от него*). Ты — иди, иди! Ну, тебе ли без матери жить? Да еще с такой дурехой...

Н а т а л ь я (*неохотно кланяясь в пояс*). Простите, мамаша, коли я что...

В а с с а. Ну, ну, пошла, иди! Есть мне охота сердиться на тебя...

(*Семен и Наталья ушли бесшумно, подавленные. Васса встала и — пошатнулась.*)

А н н а (*поддержав ее*). Что вы? Что с вами?

В а с с а (*хрипит*). Воды... холодной... сердце загорелось...

(*Людмила бежит вон.*)

А н н а. Измучились вы...

В а с с а (*несколько оправилась*). Устала... Трудно...

А н н а. Как это вы сразу — насчет монастыря... Просто — чудо!

В а с с а. Сразу! Годы я думала — куда его ткнуть, сотни ночей не спала... Чудес — нет для нас... нет их! Сами должны всё...

Л ю д м и л а (*вбегает*). Натэ скорее... (*Васса пьет воду.*) Господи, в доме покойник, горе... а я — ничего не чувствую!.. Мамаша, какая вы для меня волшебная!

В а с с а (*тихо*). Рада?

Л ю д м и л а. С начала буду жить...

В а с с а. Со мной живи. Найди хорошего человека,— замуж выдам. Ты — найдешь... Детей народи, а я их внуками сосчитаю... я тебя — люблю... И ты, Анна, переезжай ко мне, детей вези. Не удались сыновья... внуками жить буду... *(Прислушивается.)* Сад-то и не пропадет... Забегают в нем детишки ваши... ласковые зверики... Чу? Что это? А?

А н н а. Ничего не слышно, мама!

В а с с а. Ничего? Мне послышалось... Дочки мои... много зла на мне, много греха... хоть и против никудышных людей, а все-таки... жаль их, когда одолеешь... Вы меня — любите... немножко! Много и не прошу — немножко хоть! Человек ведь я... Сына вот... сына своего... *(Вскочила, тревожно.)* Кричит, а? Кричит?

Л ю д м и л а. Да нет же! Что вы?

А н н а *(ласково)*. Тихо всё... Успокойтесь...

В а с с а *(устало)*. Чудится мне... *(Помолчав.)*
Не знаять мне покоя... не знаять... никогда!

(Анна и Людмила, переглянувшись, наклонились к ней — она, сияя очки, смотрит на них, угрюмо усмехаясь.)

З а н а в е с

ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Яковлев — часовых дел мастер, одноглазый.
Полина — жена его.
Наташа — дочь от первой жены.
Клавдия — племянница.
Дуня — соседка, подруга Клавдин.
Бобова — торговка старыми вещами.
Ефимов — муж Клавдии, агент по распространению швейных машин.
Кемской — судебный следователь.
Глинкин — его письмоводитель.
Стогов.
Лузгин.
Иванов — полицейский.
-

Большая комната — приемная барского дома: ее увеличили за счет другой комнаты, выломав стену. В левом углу, где был вход с улицы, устроено небольшое помещение для магазина часов. Правее — лестница в два марша, — она ведет в антресоли, где живут Кемской и Наташа. Под лестницей — дверь в помещение Яковлевых, направо, в углу — дверь к Ефимовым, ближе к рампе — дверь в кухню. В левой, скошенной вглубь стене — окно во двор. Рядом с окном — старый буфет. У правой стены — диван, но на него садятся осторожно. Всё — старое, ветхое. Эта комната служит гостиной, столовой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельем, в окне сломана рама, стекла выбиты, на подоконнике — горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Яковлев, человек лет 60-ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате — Полина разбирает платье, белье; ей лет под 30, одета в темное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется — строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза — видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызет сухари. По лестнице с антресолей сходит Клавдия.

Клавдия. Наташа, ты бы помогла!

Наташа. Подожди, сейчас. И когда они успели написать столько!

Клавдия. О пожаре?

Наташа. Да. Удивляюсь.

Клавдия. После удивисься. Лучше помощи-ка. (Полине.) Это куда?

Полина. Это — к Наташе, пожалуйста.

Наташа (через газету). Ну, чего вы торопитесь? Всю ночь не спали, устали...

Клавдия (уходя вверх). Ты что же, за всех собралась отдохнуть?

Наташа (осматривая комнату). «Как хорошо, что это бывает не каждый день, — подумала курица, когда повар начал резать ей горло».

Яковлев (из двери магазина). Полина, ты не видала, где часы из витрины, мраморные?

Полина. У вас в руках видела.

Наташа (*читает*). «Всё яростнее разливалась огненная река, превращая труды рук людских в прах». Люблю, когда еров много...

Яковлев (*входя*). Красноречие несчастью не подобает, тут нужно бы рыдая говорить, а они, пустобрехи... Полина, а где ящик с гвоздями?

Полина. Не знаю.

Яковлев. Мало ты знаешь...

Наташа. Ну, где теперь найти этот ящик!

Яковлев (*вынул часы, смотрит*). Тут сейчас человек должен прийти... (*Замаялся, сморщил лицо.*)

Наташа. Человек? Возможно ли это, отец? К нам придет человек!

Яковлев. А, ну тебя! Всё шуточки... (*Идет в магазин.*) Смотри — актрисой будешь...

Наташа. «Аббат исчез, оставив маркизу в недоумении». (*Взяв кусок хлеба, блюдо и ложку, развязывает банку с вареньем, ест. Полина, стоя на коленях, смотрит перед собою, шевеля губами.*)

Клавдия (*с верха*). Наташа, ты опять насыплешь крошек в банку, а отец...

Наташа. Прoberет мачеху. Так и надо. Многоуважаемая мать моя — вы соизволите рассердиться когда-нибудь?

Полина (*очнувшись*). Мне пора обед готовить.

Наташа. Обед — это тривиально. Обеда не будет, а будет чай с различными вкусными добавлениями, об этом позабочусь я.

Полина. А если отец?..

Наташа. «Здесь приказываю только я, — величественно произнесла маркиза».

Полина (*уходя с охапкой одежды*). Ну, как хочешь.

Клавдия. Она как будто всё больше дичеет, а ты с ней...

Наташа. Ах, оставь! Еще и ты будешь меня моралью набивать!

Клавдия. Чего ты взвилась?

Наташа. Надоело! Ходит какая-то бутылка постного масла... от нее — тоска, Чертей не удивишь

кротостью. Молодая женщина, недурна, а не умеет себя поставить...

К л а в д и я. Как это — поставить?

Н а т а ш а. Так. Тоже и ты, труженица, вышла замуж за привидение какое-то...

К л а в д и я *(усмехаясь)*. Если мне нравится...

Н а т а ш а. Ну, миленькая, вижу я, кто тебе нравится!

(Полина входит торопливо, потерявшаяся, широко раскрыв глаза; за нею, в дверях, Стогов, мужчина лет за 40, стрижен ежиком, виски седые, бритый, без усов, одет солидно. Говорит, держится спокойно, уверенно, с оттенком пренебрежения.)

К л а в д и я. Что вы, Поля?

П о л и н а *(бормочет)*. Вот,— Наташа... я не знаю...

Н а т а ш а *(прищурясь)*. Что такое?

П о л и н а. Вот этот господин... я сейчас спрошу...
(Идет в магазин, спотыкаясь, как слепая.)

С т о г о в *(вежливо)*. С кем я могу говорить относительно найма квартиры?

Н а т а ш а. Какой квартиры? Мы — не сдаем...

С т о г о в. Мне сказали, что у часовщика Яковлева сдается флигель.

Н а т а ш а. Не слыхала, хотя прихожусь часовщику дочерью...

С т о г о в *(кланяясь)*. Очень приятно узнать. Однако...

Н а т а ш а. Вы — погорелец?

С т о г о в. Нельзя ли видеть самого господина Яковлева?

Н а т а ш а. Можно. Он — существо видимое. Вы — приезжий?

(Полина стоит у двери в магазин, наклоня голову, как бы не смея войти туда.)

К л а в д и я. Пройдите в магазин — он там...

С т о г о в. Благодарю вас.

(Полина, уступив ему дорогу, отошла в сторону, встала, опираясь плечом о стену.)

Н а т а ш а. Вежлив. Похож на американского героя.

К л а в д и я. Как ты можешь так говорить с незнакомым?

Н а т а ш а. Ты, мачеха, чего испугалась, а?

П о л и н а (*согнувшись над узлом*). Я? Почему? Голова кружится...

Н а т а ш а. Нет, все-таки?

П о л и н а (*словно припоминая*). Я развешиваю во дворе платье — вдруг он идет... Я не испугалась...

Н а т а ш а. Ох, мачеха, ты скоро сама себя бояться станешь... Ну, ладно: «Оставим это для потомства, — сказала графиня, выбросив за окно изношенную туфлю». Впрочем — такой графини не было. Мачеха, иди, ставь самовар!

К л а в д и я (*задумчиво, глядя на Полину*). Не рано ли?

Н а т а ш а. Не смущай меня возражениями! Я буду мыть посуду и вообще — трудиться.

Я к о в л е в (*из магазина*). Наташа, не видала ключ от флигеля?

Н а т а ш а. Нет.

(*Стогов в двери магазина. Клавдия и Наташа не видят его.*)

К л а в д и я (*мечтательно*). Знаешь, Ната, я всё думаю о фальшивомонетчиках...

Н а т а ш а. Да? И что же?

К л а в д и я. Вот бы познакомиться с человеком, который делает золотые...

Н а т а ш а. Прекрасная мечта!

К л а в д и я. Или хоть с таким, который сбывает их...

Н а т а ш а. Превосходная идея!..

К л а в д и я (*вздыхнув, с досадой*). Ты всё насмеяешься. Удивительно, до чего ты несерьезна! И как это можно: всегда, надо всем шутить?

Н а т а ш а (*серьезно*). А видите ли: один грешник, просидев в аду 1913 лет, сказал соседу: «Здесь вовсе не так жарко, как мне говорили».

К л а в д и я. Терпеть не могу твои шуточки...

(Из магазина выходят Яковлев и Стогов.)

Я к о в л е в. Полина — ключ от флигеля! Где Полина?

(Полина из кухни быстро бежит по лестнице в антресоли. Наташа бесцеремонно разглядывает Стогова. Она тоже спокойно разглядывает всех. Клавдия всё время входит и уходит, унося вещи.)

Я к о в л е в. Очень интересно объяснили вы намерения ваши. И верное, должно быть, дело — теперь многие изобретают...

С т о г о в. Мы весьма отстали в технике против иностранцев.

Я к о в л е в. Зато в доброте души — мы впереди всех народов.

С т о г о в *(усмехаясь едва заметно)*. Говорят, что так...

Д у н я *(вбегает, — это девица лет 25-ти, жеманится, приглядываясь к Стогову, картавит)*. П'едставьте, всё еще летят иск'ы. Я вынесла на те'асу батистовое платье и вд'уг оно заго'елось, — вот какая ды'а. Я п'обежала сказать вам...

Я к о в л е в *(внушительно)*. Искры летят оттого, что люди роются на пожарище.

Д у н я *(удивилась)*. Да?

Я к о в л е в. А вы думали — отчего?

Д у н я. П'едставьте, я вовсе не думала об этом!

Н а т а ш а *(уронила на пол блюдо)*. Ах, несчастная!

Я к о в л е в. Хозяйка, эх...

П о л и н а *(с верха)*. Нет ключа.

Я к о в л е в. Как же это?..

К л а в д и я. Идемте, я отопру без ключа!

Я к о в л е в *(Стогову)*. Пожалуйста. Хаос у нас. *(Ведет его к двери в кухню. Навстречу — Ефимов, в руках его по тяжелой связке книг, он держит их, как ведра с водою.)*

Д у н я. Ах, какой ужас был ночью, какое раззоре-ние!

Н а т а ш а. Забыла, Дуня, пужно сказать — 'азвое-ние...

Д у н я. Ах, оставь! Что тебе? Ты любишь осмивать всех, а мне нравится картавить.

Е ф и м о в (*опустил книги на пол, отирает пот с лица*). Для Натальи Ивановны стеснять людей — первое удовольствие.

Н а т а ш а. «Философия составляла любимый предмет Агафьи».

Д у н я. Это что еще за Агафья?

Н а т а ш а. Старушка одна у Льва Толстого, в «Анне Карениной».

Е ф и м о в. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства.

Н а т а ш а. Агафьюшка, это не Толстой, а Левин.

Е ф и м о в. Всё равно. У серьезного писателя и герои не говорят глупостей.

Д у н я. Наташа, — кто этот господин?

Н а т а ш а (*отломилла ручку чашки*). Еще одно несчастье!

П о л и н а (*как во сне спускается с лестницы, испуганно остановилась*). Какое несчастье?

Н а т а ш а (*показывая ей чашку*). Как трудно трудиться, Поля!

Е ф и м о в (*толкая ногой связку книг*). Вот, — за швейную машину энциклопедическим словарем заплатили. И то — слава богу, — могли ничего не заплатить, а машина-то уже в ссудной кассе заложена. Да... В других странах невозможно подобное... извращение фактов, а у нас... (*Огорченно махнул рукою, взял книги, идет к себе.*)

Н а т а ш а. Ты этого бритого не встречала раньше?

П о л и н а (*беспокойно*). Где же? Куда я хожу? Только в церковь...

Д у н я (*идет за Ефимовым*). Интересного мужчину и в церкви заметишь.

П о л и н а (*ходит по комнате, дотрагиваясь до разных вещей*). Ничего я не замечала. Всё это напрасно...

Н а т а ш а. Что ты ворчишь?

Б о б о в а (*входит с узлом на руке. Женщина за сорок, говорит певуче, крепкая, бойкая*). Здравствуй-

те, дорогие, на долгие года! Страхи-то, ужасты, пожара-рище-то каков! Я, подобно мыше летучей, всюю ноченьку металась, не знай как! Третий разок посещает господь городок наш огненной бедой, и раз от разу всё погибельней. Растут, видно, грехи-то наши, возрастают... Не помочь ли вам в уборке-то, устали, поди-ко?

(Полина, разбирая вещи, часто поглядывает в окно на двор, прислушивается.)

Н а т а ш а. Вот именно — помоги! Умираю от усталости...

Б о б о в а. Женишка твоего видела сейчас.

Н а т а ш а *(равнодушно).* Где?

Б о б о в а. Сюда идет с Кемским.

(Наташа, составив на поднос чайную посуду, несет ее в кухню.)

Б о б о в а *(Полине).* Нет, как ведь господь милостиво оградил вас, — всего на два дома до вашего иссяк огонь...

П о л и н а *(глухо).* Сгореть бы и этому...

Б о б о в а. Ну, зачем же? Нас не стены держат, а глупость да робость наша. Однако неудобный домок, неудобный! Что это Наташа не уговорит крестного отца совсем подарить ей рухлядь эту? А то — живете вы под барским капризом: сегодня — любезны, а завтра — пошли прочь! А Наташе-то продать бы дом этот, а я бы покупателя нашла.

(Глинкин входит из магазина. Красивый молодой человек 22—25 лет. Лицо нахальное. Немного выпивши или с похмелья. В кожаной куртке, охотничьих сапогах, в картузе с дворянской кокардой. В руках — портфель.)

Б о б о в а. Дворянину — почтение! Что это, какой кожаный сегодня?

Г л и н к и н. Не твое дело. Где Яковлев?

Б о б о в а. Уж очень ты строго спрашиваешь!

Г л и н к и н *(Полине).* Вы что же не здороваетесь со мной?

П о л и н а. А вы со мной?

Г л и н к и н. Пардон. Я спросил: где Яковлев?

Б о б о в а. А ты кого спросил?

Г л и н к и н. Не всё равно — кого?

Б о б о в а (*Полине*). Это куда?

П о л и н а. Дайте мне, это наверх. (*Идет.*)

Г л и н к и н (*ворчит ей вслед*). Копченая селедка. Как живешь, Бобиха?

Б о б о в а. А как привыкла: хиханьки да хаханьки, доходишки — махоньки, живу — не тужу, всем служу, а тебе — погожу. Когда должишки-то отдашь мне?

Г л и н к и н (*ходит вокруг стола*). Успеешь. (*Сует пальцы в карман жилета, предполагая найти там часы. Часов нет. Он косится на карман, на пальцы, щелкает ими. Напевает из Фауста.*) «На земле весь род людской...»

Б о б о в а (*улыбаясь, следя за ним*). Забыл, что часики-то у меня в закладе.

Г л и н к и н. Я гадостей не люблю помнить.

Б о б о в а. Свадьба-то у вас — когда?

Г л и н к и н. Это не твое дело. Семья — священный оазис в пустыне жизни, и никто не смеет вторгаться в недра брака. Да. Для вас, вот таких, брак — любительский спектакль, а для меня это парадное представление на сцене императорского театра. Поняла? Нет, конечно. (*Осматривает стены, насвистывая.*)

Н а т а ш а (*вышла, приседает*). Виконт!

Г л и н к и н. Здравствуйте. А где ваш отец?

Н а т а ш а. Пошел сдавать какому-то господину квартиру во флигеле. Ну-с?

Г л и н к и н. Странно. Разве во флигеле можно жить? Куда это вы?

Н а т а ш а. За провизией к обеду.

Г л и н к и н. Полезное путешествие. Водки купить не забудьте.

Н а т а ш а. Виконт — я знаю ваши вкусы...

С т о г о в (*входит*). Человек должен иметь хозяина...

Я к о в л е в (*идя за ним, весело*). И надо всеми — господь! Приятно слышать такие речи в наше время всяческого буйства. Очень приятно... Теперь позвольте вас познакомить с моими: дочь — Наталья.

С т о г о в (*кланяется, не подавая руки*). Петр Васильевич Стогов.

(*Наташа комически важно приседает.*)

Г л и н к и н (*тоже важно*). Тихон Степанов Глинкин, юрист.

Н а т а ш а. Из пятого класса реального училища.

Г л и н к и н (*окинув ее сердитым взглядом*). Личный секретарь судебного следователя Кемского.

(*Стогов серьезно кланяется, но в глазах усмешка.*)

Н а т а ш а. То есть — писарь.

Я к о в л е в. А эта — торгует старинными вещами.

Б о б о в а. Продаю, покупаю, распрекрасную невесту сосватать могу.

С т о г о в. Выгодно старинными вещами торговать?

Г л и н к и н. Ерунда. Обман. Она сама выдумывает эти вещи...

Б о б о в а. Вещь, сударь мой, нельзя выдумать, ее надо сделать. И без обману нельзя. Все любят обмануты быть, лишь бы хорошо обманули.

Я к о в л е в. А вот — жена...

(*Полина прячет руки за спину, отступив.*)

С т о г о в (*кланяется ей*). Так вы позвольте мне смерить там, — нет ли у вас рулетки или аршина?

Я к о в л е в. Полина...

П о л и н а (*села на стул*). Нет.

Я к о в л е в. Как — нет?

Н а т а ш а. Аршин у меня в комнате. (*Полина не двигается.*)

Я к о в л е в. Ты слышишь?

Н а т а ш а (*идет*). Я принесу...

Я к о в л е в (*жене*). Ты — что?

П о л и н а (*тихо*). Устала...

Я к о в л е в. Ну... все устали!..

Н а т а ш а (*подавая аршин*). Извольте.

С т о г о в (*кланяясь*). Благодарю.

Я к о в л е в. Может — помочь вам, а?

С т о г о в. Нет, не беспокойтесь, я сам... (*Ушел.*)

Яковлев. Ну — похоже, что хороший постоялец, видимо, со средствами. Вот я забочусь обо всех, как лучше, покойнее, а вы...

Наташа. «Аббат, мы это слышали». *(Идет в магазин.)*

Яковлев *(жене)*. А ты чего сидишь вороной? Убирай дом скорее.

(Полина встает.)

Глинкин *(иронически)*. Ха-арошенькое обращение с женщиной!

Яковлев. Вы, Тихон... эх, грешить не люблю!

(Уходит в магазин, сердито ворча.)

Глинкин *(осматривая стены)*. Ни одного зеркала — нельзя даже понять, существуешь ты или нет? *(Идет навстр.)*

Бобова *(когда Глинкин скрылся)*. Экой бездельник, экой прохвост, а? А ты, Палагея Петровна, нехороша сегодня, — что это ты?

Полина *(идет в кухню)*. Где же Клавдия?..

Бобова. А она за нафталином побежала. *(Подходит к окну, делает знаки, оглядывается.)* Тсс... тсс...

Стогов *(в окне)*. Ну, что?

Бобова. Ладно ли дело-то?

Стогов. Квартирку снял. Что это за дурак, зять этот?

Бобова *(складывая пальцы в кулак)*. Так, щенок, он у меня в горсти.

Стогов. Никого нет?

Бобова. Позвать ее, что ли?

Стогов *(скрываясь)*. Да, скорее.

(Бобова идет в кухню, по дороге заглянув в магазин, Стогов является из двери со двора, почти в ту же минуту из кухни вышла Полина, смотрит на него со страхом, он усмехается.)

Полина *(тихо, испуганно)*. Зачем вы пришли? Зачем?

С то г о в (*говорит тихо, с легкой усмешкой, трудно понять — серьезно или шутя*). Я вчера, на улице, и тогда, в церкви, сказал, что не отстану, найду, — вот и нашел.

П о л и н а. Прошу вас — уходите!

С то г о в (*усмехаясь*). Не надо притворяться, Поля!

П о л и н а. Что вам нужно от меня? Кто вы для меня?

С то г о в (*всё так же, с усмешкой*). Судьба, хозяин твой, влюбленный человек...

П о л и н а. Я вас не знаю, я не хочу...

С то г о в. Я — твоя судьба, ты — моя. (*Подходит ближе к ней, говорит негромко.*) Оказалось, что у меня есть что-то похожее на совесть, Поля.

П о л и н а. Нет!

С то г о в. Есть что-то... Может быть, это — от бессонницы, может быть — от скуки. Одним словом — ты мне нужна, и я пришел за тобой...

П о л и н а. Нет! Не смеешь... не можешь ты! Ты! Из-за тебя я сидела в тюрьме, меня судили, позорили... из-за тебя!

С то г о в. Но ведь тебя оправдали.

П о л и н а. Молчи!

С то г о в. О том, что всем известно? Зачем же? Я знаю, что ребенок родился мертвым, проклятая бабка сказала мне. Но — она не вовремя умерла, а я, как тебе известно... Впрочем, я не оправдываюсь.

П о л и н а. Зачем ты пришел? Зачем?

С то г о в. Я сказал — за тобой.

П о л и н а. У меня — муж. Он пожалел меня тогда же — на суде...

С то г о в. Иной раз пожалеть выгодно.

П о л и н а. Третий год я живу...

С то г о в. Живешь? Разве?

П о л и н а. Не смей!

С то г о в. Ну, перестань!

П о л и н а. Христом богом прошу — уйди!.. Не могу я, — ничего не могу...

С то г о в (*хмурясь, спокойно*). Чему быть, того не миновать...

П о л и н а (*прислонясь к двери*). Кто ты такой?

С то г о в (*серьезно*). Полина, я смотрел, как ты молилась в церкви, не один раз смотрел. В твои годы так молятся, когда хотят согрешить, но — боятся. Я, знаешь, даже испугался за тебя. Пойми — это верно! Испугался.

П о л и н а. Врешь! Ты врешь... Ну, если ты добрый человек — уйди же! Я прошу.

С то г о в (*усмехаясь*). Грешница ты — в мыслях, и — я ведь знаю — очень любишь грех, очень ждешь его.

П о л и н а. Нет. Неправда! Не хочу!

С то г о в. Брось — меня не обманешь. (*Почти с восхищением.*) Ты очень сильная женщина, Поля, ты — настоящая. Как ты согнула себя, ты, такая гордая, а? Я не узнаю тебя... Удивительно это! Но то, что ты считаешь грехом — не грех, а — обязанность, это — твой долг. Пойми. Раньше ты ведь знала, что это твой долг и радость твоя, знала! Это в тебе не могли убить, не притворяйся. (*Громко и деловито.*) Так вот, хозяйка: сейчас же я пришлю плотника. (*Шепчет ей.*) Отвечай мне, ну!

П о л и н а. Хорошо. Да. Прощайте.

(*Из двери магазина идет Кемской, человек лет 60-ти, весь неприбранный, одичавший, с неподвижной гримасой на лице. Одет в парусиновый балахон-пыльник, на голове — выцветшая судейская фуражка, в руках — пара уток.*)

К е м с к о й. Кто такое, а?

С то г о в. Постоялец. Снял флигель.

К е м с к о й. А... Семейный?

С то г о в. Одинок.

К е м с к о й. Почему?

С то г о в. Холостому удобней.

К е м с к о й. Гм... Может быть. Полина — Тихон здесь?

П о л и н а (*очнувшись*). Да.

К е м с к о й. Бросил меня, ушел. Я говорю: возьми Наташе уток, а он — ушел! Вот утки, Наташе. Да. (*Сел к столу. К Стогову.*) Вы — квартиру сняли? Гм... Чем занимаетесь?

С то г о в *(не спеша, двигаясь к двери магазина)*.
Изобретаю новый сплав.

К е м с к о й. Сплав леса?

С то г о в. Металлов.

К е м с к о й. Не понимаю!

С то г о в. До свидания. *(Ушел.)*

К е м с к о й. Полина, — как это он тут?

П о л и н а *(тихо)*. Не знаю, не знаю...

К е м с к о й *(сердится)*. Что это ходят тут всё, эти, разные... Тут — Наташа, и вдруг... Какой-то слесарь... Наташа испугалась пожара?

П о л и н а. Не дитя она.

К е м с к о й. Приготовь ей уток, жарь... Помоги мне снять это.

Б о б о в а *(идет из кухни)*. Я помогу, ты уж иди, стряпай, Палагея Петровна.

К е м с к о й. Ага, лиса, ты здесь, а?

Б о б о в а. Несчастье всех в одну кучу кладет, миротворец ты наш.

К е м с к о й. Погорела, а?

Б о б о в а. Нет, господь миловал.

К е м с к о й. Какое же у тебя несчастье? Не понимаю. Ты сама несчастье. *(Доволен словом, смеется.)* Вот именно, — ты сама — несчастье, а?

Б о б о в а. Ну, что это вы говорите, добрячок такой! Я ко всем с добром, а вы меня — колом. А обещающие-то свое не исполнили?

К е м с к о й. Какое?

Б о б о в а. Подсвечники-то обещали продать мне.

К е м с к о й *(отмахиваясь)*. Пошла, пошла! Подсвечники! Это — канделябры, да. Это — редкость...

Б о б о в а. И часики каминные обещали...

К е м с к о й *(строго)*. Иди прочь!

(Бобова отошла в угол, тихо роется там, разбирая вещи. Ее почти не видно.)

Я к о в л е в *(входит)*. Здравствуйте...

К е м с к о й. Здравствуй, да... Вот что, брат-кум, тут-а... эти у тебя, постояльцы всё какие-то. Это, брат, мне не нравится...

Яковлев *(разводя руками)*. Как же быть? Ведь и мне без людей лучше, да бедность понуждает...

Кемской. Подожди. Я дал дом Наташе, а ты устраиваешь тут постоянный двор какой-то. Нахлебники, постояльцы, — это я плохо понимаю. Все-таки это — мой дом! Да. Я прихожу, — вдруг — какой-то человек... Потом — этот Ефимов... Надо, брат, быть деликатным.

Яковлев *(волнуясь)*. Однако же войдите в положение! Улица — глухая, не торговая, магазин работает плохо. На старом месте, на юру, — было лучше, а здесь — я потерял, — кто сюда пойдет?

Кемской. Ну, это — я не знаю. Я сделал, что мог: пристроил тебе лавочку, испортил фасад дома и так далее... Но — постоянный двор я осуждаю. Ефимов и всё это — мне не нравится. Я, брат, старик...

Яковлев *(глухо, нервно шевеля пальцами)*. Я тоже не молоденький.

Кемской. Ну да! Я пойду к себе, скажи, чтобы мне дали мыться.

Яковлев *(глядя в дверь магазина)*. Иванов идет.

Кемской *(с лестницы)*. К письмоводителю.

Яковлев *(грозит вслед ему кулаком, Бобовой)*. Слышала, а? Каково?

Бобова. Что уж тут! Эхе-хе...

Яковлев *(идя в кухню)*. Да, вот и живи... Иди, носи ему воду-то...

Бобова. Ладно, сейчас.

Иванов *(околоточный, веселый, бойкий фронт)*. Эй, Бобиха, погоди!

Бобова *(у двери кухни, подмигивая на лестницу)*. Шш...

Иванов. А что?

Бобова. Кемской.

Иванов. Ты что тут делаешь?

Бобова. Помогаю в уборке.

Иванов. Куда это нахлебник твой выехал?

Бобова. А — дай бог память...

Иванов. В Сморгонь?

Бобова. Что ты, милый, такого места и нет на земле!

Иванов. Ну, я лучше тебя знаю, что есть и чего нет! А скоро я тебя поймаю, милая дама!

Бобова. Ах, гонитель ты мой, Нерон жестокой, — и за что ты меня поймаешь?

Иванов. А — за шиворот. Не держи воров, не скупай краденого.

Бобова. Да я всё покупаю, слона приведут, так я и слона.

Иванов. Ладно. Точи зубы-то. Слушай, — на-ко вот, пересунь. *(Подает ей записку.)* Понимаешь, кому?

Бобова. Ну, Клавдии...

Иванов. Шш! Не Клавдии, а Дуне.

Бобова. Уж и в эту сторону метнуло?..

Иванов. Если ты мне это дело наладишь...

Кемской *(с верха)*. Что же воды?

Бобова *(бежит)*. Сейчас, родимый.

Иванов. Найди мне письмоводителя. *(Подошел к окну, вынул из кармана письмо, улыбаясь, читает. Из двери на него смотрит Ефимов. Из комнаты Наташи вышел Глинкин, увидав околоточного — сморщился, хочет уйти обратно. Иванов, обернувшись, прячет письмо.)* Примите два пакета.

Глинкин *(подошел, взял пакеты, взвесил на руке)*. Это что?

Иванов. Не знаю. Мое дело — сдать, ваше — принять да расписаться.

Глинкин. Прошу не указывать мне моих обязанностей.

Иванов. Ах, извините!

Глинкин. Да-с. *(Расписываясь в книге.)* Можете идти.

Иванов. Благодарю за разрешение.

Глинкин. Что-с?

Иванов. Скоро и вам лично повесточку вручу.

Глинкин. Опять? За что?

Иванов. Буйство в общественном месте.

Глинкин. Это — не буйство, а протест против засилия инородцев!

Иванов *(даже удивился)*. Это — Кознов, Иван Лукич — инородец?

Глинкин. Я лучше вас знаю, кто — кто!

И в а н о в. Проницательный вы человек!

Е ф и м о в (*выходит. Рука подвязана*). Н-ну, я ду- мал, обед готов, а тут еще — Содом и Гоморра...

И в а н о в. Что это?

Е ф и м о в. Порезал.

И в а н о в (*Ефимову*). Вечером — в «Порт-Артуре».

Е ф и м о в (*показывая руку*). Какой же я игрок?

И в а н о в. До свидания, благороднейший госпо- дин Глинкин. (*Ефимову*.) Ну, до вечера, скучный гос- подин.

Е ф и м о в (*вздыхая*). Трудно быть веселым, имея фамилию — Ефимов.

И в а н о в. А я вот Иванов, однако — не скучаю. Нисколько даже.

(*Глинкин пожимает плечами.*)

Н а т а ш а (*с покупками, в дверях магазина*). Здравствуйте, Пинкертон!

И в а н о в (*щелкая каблуками*). Позвольте помочь?

Н а т а ш а. Не трудитесь. У нас домашних кавалеров в избытке заквашено. Вы с чем?

И в а н о в. С бумагами. А сейчас — к соседу ва- шему. До свидания!

Г л и н к и н. Удивляюсь, как вы можете фамиль- ярничать с этим...

Н а т а ш а. Ах, в моих жилах течет рыжая, пле- бейская кровь. Крестный здесь? (*Идет наверх.*) Ска- жите Поле, что можно накрывать стол.

Г л и н к и н. Ефимов, ступайте, скажите.

Е ф и м о в (*обиженно*). Вы, сударь мой, тише командуйте! Я человек неожиданный, никто не знает, на что я способен.

Г л и н к и н. Я не командую... Скучно, чёрт возь- ми! Вот и пожар был, а скучно...

Е ф и м о в (*миролюбиво и уныло*). Вам жаловать- ся не на что. У вас все-таки фамилия оригинальная: Глинкин. Глинку напоминает, оперу «Жизнь за царя». А вот если Ефимов, так уж это безнадежно...

Г л и н к и н (*с достоинством*). Глинкин — это руссофизм, — понимаете? Моя фамилия — де Глинкэн, мой дед был француз, дворянин. А Глинкин — это

переделка на русский лад, руссофизм... то есть руссизм...

Ефимов (*вздыхнув*). Хотя бы и так — все-таки хорошо. Но — уж если Ефимов, так что же? Вы можете представить себе — монумент Ефимову? Если поставить такой монумент на площади — так по ней никто ходить не будет...

Глинкин. Возможно — не будут! Фигура у вас...

Ефимов. Тут не в фигуре суть. Многие люди не обладали фигурой, а монументы им все-таки поставлены.

Глинкин. Впрочем, я не совсем понимаю вашу идею...

Ефимов (*задумчиво*). Идея — простая. Все великие люди носили соответственные фамилии: Аристотель, Эмиль Зола, Степан Разин. А если сказать: великий человек — Ефимов — никто этому не поверит...

Бобова (*идет из кухни*). Наташа пришла?

Глинкин (*живая на пакеты*). Видишь...

Ефимов. Бобиха, — жену мою не видала?

Бобова (*ставит стулья к столу*). А вон, поглядите, на дворе-то.... То есть до чего благочестивец наш, боголиз кривой, Палагею засел — даже глядеть обидно!

Ефимов (*у окна*). С кем это она там?

Бобова. Только и твердит: я тебя с земли поднял, я тебя из грязи вынул!

Глинкин. Это мне не интересно...

Бобова. Эка важность — поднял! Эдакую-то бабочку да не поднять! Всяк бы поднял да снова положил, дело — дешевое, а удовольствие большое, — да!

(Ефимов быстро идет в кухню.)

Глинкин (*Бобовой, тихо*). Ревнив, чёрт!

Бобова. Без ревности — любовь, как без соли — хлеб.

Глинкин (*идя за Ефимовым*). Бобиха, скажи, чтоб скорее собирали обедать!

Бобова (*про себя*). Поспеешь, дроздова голова.

Полина (*с тарелками*). Господи, как тут всё нехорошо...

Бобова. Кому прибрать? У вас все — баре.

Полина (*развертывая пакеты*). Ты в судьбу веришь?

Бобова. А как же?

Полина. И в бога веришь?

Бобова. И в бога. Что это ты, матушка, спрашиваешь как?

Полина. А кто сильнее: судьба или бог?

Бобова. Ну, уж этого я не знаю... Уж чего не знаю — так не знаю... Этого, поди-ка, и боголюбивый муженек твой не знает, одноглазый чёрт! Ох, Поля, Поля, тяжела твоя доля...

Полина. Значит — заслужила такую.

Бобова. А ты — полно! Согрешив на грош, на рубль каешься.... Ой, ой, утки-то, утки... (*Бежит в кухню, в двери сталкивается с Яковлевым.*)

Яковлев. Что ты, — слепая?

Бобова. Ох, прости...

Яковлев. Демоны... (*Идет в магазин.*)

Полина. Подожди минуту.

Яковлев. Чего такое?

Полина. Напрасно ты сдал флигель.

Яковлев (*приостановясь*). Это — твое дело?

Полина (*твердо*). Мое!

Яковлев (*удивлен*). Чего?

Полина. Это человек нехороший.

Яковлев. А тебе какое дело, а?

Полина (*волнуясь*). Ты — добрый... ты поймешь, ведь я — молчу! Я всегда молчу! Ведь уж если я говорю — значит...

Яковлев (*строго*). Значит, — я с тобой должен серьезно поговорить! Я и поговорю! (*Быстро идет в магазин.*)

Полина (*оглядывается вокруг, почти с ужасом, шепчет*). Ах... ну, хорошо... ну — всё равно...

Клавдия (*вбегает со двора, встревожена*). Поля, милая! Мой-то накрыл было меня с Ивановым, — слушай-ка, сходи к Дуне — пусть она скажет, что я с ней говорила через забор, — сбегай, милая... Что ты какая? Дурно, что ли, — что ты?..

Полина (*как в бреду*). Клавя, ну — скажи правду: ведь меня можно пожалеть, выслушать? Ведь

я всё молчу, я уже третий год молчу, вся живу, спрятавшись в сердце своем, — вся в своем сердце...

К л а в д и я *(беспокойно)*. Поля, что ты говоришь? Нездоровится тебе?

П о л и н а *(тихо, горячо)*. Подожди, — ну, хорошо: если даже я грешница, если я тяжело согрешила...

К л а в д и я. Э, что вспомнила...

П о л и н а. Нет, подожди! За грех мой — меня паугали, меня мучили, — господи, как мучили... А в чем я грешна? Разве несчастье — грех? Ведь я же не собака, ведь меня нельзя звать, как собаку, — свистнул кто-то, и я должна бежать к нему, если он свистнул мне, — ведь я же человек, я...

К л а в д и я *(оглядываясь)*. Ах, да послала бы ты к чёрту своего кривого! Что мне делать? Сейчас придет мой, — Полинька, сбегай к Дуне-то! Скорей...

П о л и н а. Зачем?

К л а в д и я. Ах, боже мой, ты ничего не можешь понять...

П о л и н а. Не могу.

Е ф и м о в *(идет из магазина, тягуче говорит)*. А вы, сударыня, опять начали беседы ваши сквозь забор?

К л а в д и я. А тебе опять мерещится?

Е ф и м о в. Ты с кем говорила?

П о л и н а *(прибирая на столе, машинально говорит)*. С Дуней говорила она...

Е ф и м о в *(смотрит на нее)*. Я спрошу Дуню!

К л а в д и я. Спроси.

(Полина вдруг тихонько засмеялась.)

Е ф и м о в. Это над чем же вы?

П о л и н а *(почти со слезами, тоскливо)*. Над собой, право — над собой.

Е ф и м о в. Что же такое смешное в себе нашли вы? Не вижу я ничего веселого!

К л а в д и я. При тебе и с горя засмеешься.

Б о б о в а *(зовет из кухни)*. Поля, Клава...

(Обе ушли. Глинькин сносит с верха зеркало в позолоченной старой раме, ставит на пол у лестницы.)

Ефимов *(рассматривая себя, вздыхает)*. Дрянь зеркало.

Глинкин *(поправляя галстук)*. Для местного населения вполне годится.

Ефимов. Дрянь. Человеку надо видеть себя в сиянии всех качеств, а тут — пятно.

Глинкин. Ты и есть пятно. Клякса на странице истории культуры.

Ефимов *(отходя)*. Любишь ты критические слова. А по-моему, — критик — просто человек дурного характера.

Глинкин *(идет в магазин)*. Много ты понимаешь.

Ефимов. А кто же повесит зеркало? *(Ворчит.)* История... На кой чёрт она мне, история? Дурак...

(Ефимов, нахмурясь грозно, смотрит вслед ему, потом берет со стола ножницы и наносит ими колющие удары в воздух. В двери магазина стоит Лузгин, чисто и скромно одетый человек лет за сорок, в котелке, сдвинутом на затылок, с портфелем под мышкой. Стоит, склонив голову на плечо, и смотрит на Ефимова с улыбкой.)

У него лицо и взгляд человека ненормального.)

Ефимов *(нанося удары, бормочет)*. А — вот... и вот!.. И напишут в газетах, а ты не прочитаешь...

Лузгин *(шагнув в комнату)*. Гимнастика? *(Делает правой рукой, с котелком в ней, нелепейшее движение.)* Здравствуйте! Часовых дел мастер?

Ефимов *(сердито)*. Нет еще.

Лузгин. Я хотел бы часы починить.

Ефимов. Чините.

Лузгин. То есть отдать их починить.

Ефимов. Отдайте.

Лузгин. А — кому?

Ефимов. Хоть трубочисту, мне всё равно...

(Лузгин идет к нему, тихонько посмеиваясь и немного подпрыгивая. Он так забавен, что Ефимов, сначала отступавший от него, остановился, ухмыляясь. Лузгин смеется громче, бросает портфель на стол. Ефимов тоже начинает смеяться.)

Ефимов *(сквозь смех)*. Да вы — кто такой?
Лузгин *(так же, взвизгивая)*. Человек... Смешно?
(Оба хохочут.)

Ефимов. Ой, чёрт... Чем... чем... вы занимаетесь?
(Наташа на лестнице.)

Лузгин. Ищу наследников к выморочному имуществу...

Ефимов *(серьезнее)*. Чье имущество?

Лузгин *(подмигивая)*. Нельзя сказать. Я скажу, а вы — вот вы — и закричите: я — наследник! И толкнете меня на ложный путь...

(Наташа сходит с лестницы, вопросительно осматривает Лузгина, он почтительно и низко кланяется ей.)

Ефимов *(улыбаясь)*. Желает часы починить: где отец?

Наташа. Не знаю. *(Лузгину.)* О каком это наследстве говорите вы?

Лузгин *(ласково)*. Интересно? Бо-ольшое наследство! Владелец — помер, а наследники — неизвестны! Второй год ищу.

Наташа. И что же? Они здесь, в нашем городе?

Лузгин. Как будто... как если бы...

Наташа. Вдруг это — я, а?

Лузгин *(кланяясь)*. Был бы рад... был бы очень рад!..

Наташа. Так что же? Сделайте меня наследницей, а? Вы садитесь... Сделайте — ведь вам всё равно, да?

Лузгин. Решительно всё равно! *(Садится, пошеиваясь.)*

Ефимов *(смеясь)*. Чёрт знает что! Чудак вы...

(Клавдия входит из кухни, торопливо накрывает стол, поглядывая на Лузгина. Яковлев — тоже из кухни.)

Ефимов. Что ж вы уходите, не запирая магазин?

Яковлев. А какой дурак зайдет в него?

Лузгин *(вставая)*. Вот я зашел.

Яковлев *(смущен)*. Извините... Живем в таком глухом углу. Вы?..

Лузгин. Я бы часы починить хотел...

Яковлев. Можно. Пожалуйста в магазин.

Наташа. А потом — расскажите мне о наследстве — хорошо? Большое наследство, да?

Лузгин. Невыносимо большое! *(Идет за Яковлевым, оглядываясь, подмигивая Наташе. Она, Ефимов и Клавдия смотрят вслед ему.)*

Клавдия. Что это такое? Какое наследство?

Наташа. Странно... Зови крестного обедать.

Ефимов *(озабоченно)*. Наследники могут быть... если действительно существует имущество...

Клавдия *(взбегая по лестнице)*. Неприятный какой...

(Полина из кухни, затем с верха спускается Кемской, за ним Клавдия и Глипкин.)

Наташа. Чувствую, что наследница — это я. Можете поздравлять...

Ефимов. Гм... Ведь и я... человек... *(Вспомнил Лузгина, смеется.)*

Лузгин *(выбегает из магазина, схватив Ефимова под руку, тащит его к авансцене)*. А не заходил к вам такой... похожий на меня? Нет?

Ефимов *(усмехаясь)*. Нет.

Лузгин. Нет?

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Вечер. В комнате скучно прибрано: она приняла нежилой, уютный вид. Из открытой двери магазина слышно торопливое разнозвучное тиканье часов. Шум, — запирают дверь с улицы. Выходит из магазина — Стогов, с папиросой в зубах, Яковлев, в руке ключи, — взволнован, суетлив, оглядывается, говорит негромко.

Яковлев. Никого. Никого нет. Жена с племянницей в церковь пошли, дочь с крестным — гулять. *(Стогов бесшумно ходит, молчит. Яковлев, вопросительно, тревожно.)* Так — как же, а?

Стогов *(небрежно)*. Решайте.

Яковлев. Опасное дело...

Стогов *(так же)*. Опасное.

Яковлев. А работа — отличная!

Стогов. Отличная работа.

Яковлев. Дайте еще раз взгляну.

(Стогов, не останавливаясь, бросил на стол золотую монету.)

Яковлев *(разглядывает монету в луну, руки трясутся)*. Вот оно — желтенькое... Имя ему — золо-то. Три удара — слово. Добро и зло в нем... и счастье... а? Всё зависит от того, как взять? Ведь если подумать...

Стогов. Жизнь — коротка, думать не стоит.

Яковлев *(мечтает)*. Кума моего, Кемского, я бы — в шею... Зятя нареченного, навязанного им, — в шею...

Стогов *(усмехаясь)*. Дочь обеспечите.

Яковлев. С деньгами много добра можно сделать.

С т о г о в. Граммофон купить можно. Автомобиль...
(*Позевывает.*)

Я к о в л е в. Я бы дрозда певчего купил, тут один парикмахер дрозда продает. (*Вздыхнул.*) Замечательный дрозд — два года люблюсь им. Сказочная птица! (*Положил монету на стол.*) Да... но людей обманывать — грех.

С т о г о в (*равнодушно*). Дело — ваше. Я предложил, а уговаривать не стану.

Я к о в л е в. Грех...

С т о г о в. Все люди грешат, только вы хотите быть праведником. Скучно будет вам, одиноко будет.

Я к о в л е в (*спова взял монету, взвешивает ее на ладони. Пристально смотрит на Стогова*). Н-да... Шутите вы... Непонятно вы шутите. И как это вы сразу начали говорить со мной о таком деле?

С т о г о в (*остановился, спокойно*). Да ведь когда-нибудь, с кем-нибудь надо же было мне начать этот разговор. Вот я вижу, — человек вы — бедный, живется вам трудно, — ну и начал...

Я к о в л е в. И — не боитесь?

С т о г о в. Чего же?

Я к о в л е в (*тихо*). А вдруг я полиции объявлю?

С т о г о в. Вы? Зачем же?

Я к о в л е в. Фабрикантов этого товара здесь давно ищут.

С т о г о в. Да? (*Подошел вплоть к Яковлеву*). Что же вы скажете полиции? Свидетелей беседе нашей — нет. А золото, может быть, настоящее.

Я к о в л е в (*подскочил на стуле*). То есть... как? Как же это — настоящее? Позвольте — зачем же тогда?.. Удивляюсь я...

С т о г о в. Удивляться — занятие пустое...

Я к о в л е в. Но если монета настоящая, тогда, значит?..

С т о г о в. Что же тогда?

Я к о в л е в (*сел*). Вы — вроде дьявола!

С т о г о в (*вздыхнув, усмехался*). Э, нет, куда мне...

Я к о в л е в. А... а вы — не агент полиции?

С т о г о в (*отходя от него*). С вами говорить бесполезно. (*Идет к дочери в кухню.*)

Яковлев (*тревожно*). Подождите, постоит... О господи!.. Послушайте,— ведь мне хочется правду знать! Как же дело делать, не зная правды? Правда — нужна?

(*Стогов смотрит на него вопросительно, молчит.*)

Яковлев (*жалобно*). И... и потом: ведь если б господь не допускал греха, так люди не грешили бы? Не грешили бы, а?

Стогов (*грубовато*). Этого я не знаю. А знаю вот что: вы Кирова помните?

Яковлев (*испуган*). Я? Позвольте! Какого? Кто это?

Стогов. Лицо известное. Музей в Нижнем Новгороде обворовал, старинные монеты — помните? Он у Бобовой на квартире жил,— забыли? А Бобова краденое принимает, это вы должны знать, вы же сами подделываете для нее старинные вещи.

Яковлев (*растерялся, испуган, усмехается, потирает руки*). О-о... да, вот как? Значит, вы действительно?.. Ага! Зачем же эта игра со мной? Вы бы прямо сказали... если Киров — приятель вам? Приятель. Или вы?.. Вы агент? Зачем игра эта?

Стогов (*закуривая новую папиросу*). Надо испытать человека... Дело серьезное.

Яковлев. Ну что ж? Значит я — в руках у вас?

Стогов. И любопытно видеть, как человек, прижатый в угол, извивается, изгибается...

Яковлев. Я согрешил один раз...

Стогов. Мне всё равно — один или одиннадцать. (*Он сел к столу и, незаметно для себя, засунул локтем монету под кружок из клеенки, на котором стоит лампа.*)

Яковлев. Я на грех шел для других, для дочери... На худое ради хорошего... Господь тоже добр... Он меня не накажет.

Стогов. За что же наказывать вас, если вы грешите ради других?

Яковлев. Шутите вы!

Стогов. Нет. Я шутить не умею. (*Идет к двери в кухню.*)

Яковлев (за ним). Позвольте... как же мы решились? Кто же вы будете? Ведь нельзя же так... поговорили — а конца нет...

(Ушли. С лестницы идет Глинкин, — в руках бумаги. Подошел к столу, бросил бумаги, вынул папиросу. Бормочет: Хамство... Хамы. Не глядя, ищет на столе спичек, нащупал монету, взял ее, делает такой жест, как бы вставил монокль в глаз, развалился на стуле, вытянув ноги, осматривает монету. Странно... Гм... Очень странно... Прячет монету в карман. Слова вынул, улыбаясь, разглядывает: Замечательно! Из двери в кухню: Лузгин и Ефимов. Глинкин, как бы поправляя папиросу, торопливо сунул монету в рот.)

Лузгин (как бы поддразнивая). А дети-то, дети — тоже Ефимовы будут, — Ефимовы...

Ефимов (решительно). Детей — не надо!

Лузгин. У-у-у — не надо?

Ефимов. Если все мои предки ничем в жизни не отличились, не могли себя поставить заметно и меня сделали, так сказать, невидимым, то я, человек рассуждающий, протестую против своей пустой природы и, не желая распространять ее далее, обязан не родить детей.

Глинкин. Вы точно прошение читаете!

Лузгин. Так-так-так... Не родить?

Глинкин. Да, незначительные люди — лишние.

Ефимов. И вообще человек — вещь ненужная!

Лузгин (серьезно). А кому же наследство? А? Наследство-то кому?

Ефимов (озабоченно смотрит на него). Не верится в наследство. Что же — наследники — находятся?

Лузгин. Ищу. День и ночь всё ищу, всё думаю.

Глинкин. Не забудьте, что мои предки были англичане, Гленквэн. Возможно, что один из них переселился в Америку и там...

Ефимов (искоса взглянув на Глинкина). Врете вы! Англичане — французы — не верю...

Глинкин. Не смеете не верить! (Лузгину.) Наследство — в деньгах или в земле?

Лузгин. В земле, в земле! И — в деньгах, да, да! И в деньгах. Шш! Молчок! Наследство — вот! *(Смеется, сделав руками широкий круг.)*

Ефимов. Неубедительно.

Глинкин. Сыграем в преферанс?

Ефимов. Четвертого нет.

Глинкин. С болваном.

Ефимов. Кемской прогонит.

Глинкин. В кухне.

Ефимов. Это можно.

(Пока они говорят, Лузгин, осматривая комнату, увидал в зеркале свое отражение. Это испугало его, он отскочил, прижав портфель свой ко груди. Но, встретившись в отражение, тихонько засмеялся, погрозил ему пальцем.)

Глинкин *(Лузгину)*. В преферанс — хотите?

Лузгин. Я? Хочу.

Глинкин. Только четвертого нет.

Лузгин *(показывая в зеркало)*. А — вот! Вот он!

Глинкин. Ну, это не остроумно.

Лузгин *(Глинкину)*. Вы — честный?

Глинкин *(гордо)*. Что за вопрос!

Лузгин *(тише)*. Тут не был эдакий... похожий на меня, а?

Глинкин. Не видал. Да разве есть такой?

Лузгин *(подмигивая)*. Есть — один...

Глинкин *(усмехаясь)*. Трудно быть похожим на вас!

Лузгин. Очень! Очень трудно! Но он — умест. Он — может!

Ефимов. Кто?

Лузгин. Есть такой.

Ефимов *(серьезно смотрит в зеркало, потом на Лузгина)*. Продолжая разговор, скажу: каждая икринка хочет быть рыбой...

Лузгин *(внимательно)*. Икринка — рыбой? Верно!

Ефимов. И даже не просто рыбой, а — щукой.

Лузгин *(восторженно)*. Верно! От этого и всё такое... *(Разбалтывает руками воздух.)*

Г л и н к и п (*пренебрежительно*). Это — чепуха — и всем известно.

Л у з г и н (*толкнув его локтем*). Чепуха? А зачем необыкновенный галстучек носите? А? Галстучек-то — зачем? (*Отошел к окну. Дуня и Клавдия вбегают. Клавдия, увидав мужа, сделала гримасу, шепчет на ухо подруге. Ефимов, надув щеки, смотрит на жену. Лузгин, оглядываясь, идет в кухню. Глинкин — за ним, но остановился.*)

Д у н я. Здравствуйте, господа! Вп'очем, я всех видела, кроме искателя наследников. Нашли?

(*Лузгин тихонько смеется.*)

Е ф и м о в (*жене*). Весело было в церкви?

Г л и н к и н. Сколько тысяч метров показывали?

К л а в д и я. Ну да, была в кинематографе! Ну, что еще скажешь?

Е ф и м о в. Ты ко всеобщей пошла...

Д у н я. А я ее утащила с собой...

(*Лузгин озабоченно разглядывает всех, считает на пальцах.*)

Г л и н к и н. Ну, идемте играть! Дуняша — в преферанс хотите?

Д у н я. Очень. Мне в картах — везет.

(*Все идут в кухню. Клавдия, взяв с буфета самовар, — за ними. Из кухни идет Полина.*)

К л а в д и я. Откуда? Всеобщая давно кончилась.

П о л и н а. Гуляла.

К л а в д и я. Ты? Это новость!

П о л и н а. Муж дома?

К л а в д и я. Во флигеле у постояльца. (*Ушла. Полина, медленно перейдя комнату, остановилась у окна около буфета. Ее не видно с лестницы. Клавдия вошла, вынимает из буфета чайную посуду.*)

П о л и н а. Ты сердита?

К л а в д и я. Муж... Укус проклятый. Ох, как вы все надоели мне! Ходят, как ограбленные... На тебя тошно смотреть.

Полина. Мне, Клава, плохо, тяжело мне, грустно...

Клавдия. Всем не весело, а — веселятся!

Полина. Ты думаешь, не улыбнулась бы я? Если б было чему!

Клавдия. Кому, а — не чему.

Полина. Ах, как улыбнулась бы! Всей душой... Господи!

Клавдия (*передразнивает*). Господи! Ну и улыбнись какому-нибудь веселому мужчине.

Полина. Кроме этого — ничего нет для нас?

Клавдия. Кроме — чего? Конечно — нет ничего, кроме мужчины.

Полина. В прятки играть, дрожать от страха?

Клавдия (*гневно*). И — подрожи! В прятки! Скажите, какая праведная! У меня, матушка, муж двуглазый, да — играю, а тебе — с кривым...

(*Шаташа и Кемской идут по лестнице, они не видят Полину за буфетом.*)

Кемской. Чай — скоро?

Клавдия. Сейчас будет.

Кемской. Почему не в саду?

Клавдия. Можно и в саду. (*Ушла в кухню. Оттуда возгласы: «Черви», «Пики», «Две черви», «Трефы».*)

Кемской (*морщится*). Трактир. Не хватает только балалайки и канарейки. Это ужасно. Вообще — ужасно! Мачеха твоя — ни ума, ни души — ничего! Раньше таких женщин не было. Например — твоя мать, — о!.. Ты очень похожа на нее.

Шаташа. Да, маркиз, вы говорили мне это 516 раз — и я знаю, что моя мать была женщиной, очень похожей на меня. О других ее достоинствах, вы, маркиз, ничего не говорите...

Кемской. Она была тоже остроумна.

Шаташа. Понимаю: еще раз похожа на меня. А вот зачем вы хотите выдать меня замуж за Глинкина — не понимаю!

Кемской (*недовольно*). Я же объяснил: будешь дворянкой.

Н а т а ш а. Это очень украсит меня? Я всё еще не нахожу вкуса в дворянстве. Это — всё?

К е м с к о й. Ну, знаешь... надо выходить замуж!.. *(Раздражается.)* Здесь пахнет этим... швейными машинами, постояльцами, глупостью...

Н а т а ш а. Шш... Не буяньте. Идите в сад, кормить комаров. Идите, я вам плед принесу. *(Бежит наверх. Кемской идет в кухню. Полина, стоя у окна, оцупывает с цветка увядшие листья. Наташа сбегает с лестницы, неся плед. Заметила Полину, обняла.)*

Н а т а ш а. Ты меня любишь?

П о л и н а *(прижимаясь к ней)*. Да. Очень.

Н а т а ш а. Почему?

П о л и н а. Об этом не спрашивают.

Н а т а ш а. Я обо всем спрашиваю. Ты меня любишь потому, что здесь больше некого любить, — пока. И за то, что ты любишь меня пока, до завтра, мне хочется обидеть тебя.

П о л и н а *(гладит ее голову)*. Что с тобой?

Н а т а ш а. Ты... плохо действуешь на меня! Ты заставляешь думать о тебе, а я и о себе думать не умею. Тебе никто не нравится, это потому, что ты сама себе не нравишься. Эх ты... *(Отошла, остановилась.)* Впрочем, я себе тоже не нравлюсь. Я сегодня печальна, как гитара... мне плакать хочется. Не всегда весело жить шутя, — вот до чего меня довели, до каких мыслей. Веселюсь, веселюсь, а, может быть, я, как все, тоже не веселая? А?

П о л и н а. Трудно ты говоришь — не понимаю...

Н а т а ш а *(другим тоном)*. Тебе нравится этот... Стогов?

П о л и н а *(резко)*. Нет.

(Клавдия входит, взяла посуду, ушла, сердито взглянув на Полину.)

Н а т а ш а *(удивилась, подозрительно)*. Что это, как ты?..

П о л и н а *(тише)*. Нет.

Н а т а ш а *(пытливо заглядывая в лицо ее)*. Меня он интригует. Он похож на американского актера... в нем есть что-то, эдакое! *(Щелкает пальцами.)* Я хочу по-

флиртовать с ним. *(Обняла Полину.)* Так — не нравится?

П о л и н а *(тревожно)*. Нет, Ната, — право, нет! И не надо флиртовать, не надо, чтоб он тебе нравился!

Н а т а ш а. Почему?

П о л и н а *(горячее)*. Не надо — поверь!

Н а т а ш а. Почему так загадочно? Поля, у меня два глаза. *(Показывает пальцами.)* Два! И оба видят, что этот не милостивый государь — твой старый знакомый. Так, да?

П о л и н а *(испугалась)*. Нет! Ты ошибаешься. Нет!

Н а т а ш а. А ты — врешь! *(Тихо, пылливо.)* Это — он? Да? Тот, твой первый?

П о л и н а *(отступая от нее)*. Не надо спрашивать — не теперь...

(Лузгин вошел из кухни, беззвучно смеется, разглядывая золотую монету.)

Н а т а ш а. Почему не теперь?

П о л и н а. Шш...

Н а т а ш а *(замечив Лузгина)*. Отнеси плед крестному — он в саду. *(Лузгину.)* Вы что же, прячетесь от меня, а? Заинтриговали каким-то наследством и — прячетесь...

Л у з г и н *(играя монетой пред ее глазами, пошмеивается, затем лицо его странно изменяется, он отступает и поет визгливо из «Демона»)*. «И будешь ты царицей мир-ра-а...»

Н а т а ш а *(смеясь)*. Это — смешно, однако этим не проживешь! Нет, вы мне скажите: наследница я или нет?

(Ефимов мрачно смотрит на них из двери кухни.)

Л у з г и н. Вы — ангел!

Н а т а ш а. 23-х лет. Ну-с?

Л у з г и н. Вы — замечательная! И похожи...

Н а т а ш а. Нет, не похожа. Довольно! Ни на кого не похожа!

Л у з г и н *(поет)*. «И будешь ты царицей...»

Е ф и м о в. Позвольте! А где доказательства?

Н а т а ш а. Какие?

Ефимов. Может быть, наследник — это я?

Наташа (*взяв Лузгина под руку*). Идемте в сад, там вы мне расскажете о наследстве...

(*Лузгин идет подпрыгивая, обернулся, подмигнул Ефимову, тот смотрит вслед им, стоя неподвижно.*)

Глинкин (*входит навстречу Наташе. Неодобрительно осмотрел ее. Ефимову*). Обыграл меня этот клоун! Чёрт знает что... (*Ходит.*)

Ефимов (*присел к столу*). Н-да. И меня обыграл. Генрику Ибсену при жизни его памятник поставили. А что такое — Ибсен? Написал драму «Нора» и этим всех женщин с ума свел, от мужей стали бегать.

Глинкин (*остановясь у стола, поднимает лампу, смотрит*). Вы истории человечества не знаете: жены всегда от мужей бегали.

Яковлев (*входит, потирая руки, за ним, тенью, Полина*). Что ж вы чай пить не идете? Там этот Лузгин с Кемским... смешно слушать... оба сумасшедшие. (*Вынул часы, смотрит. Глинкин и Ефимов уходят, переглядываясь. Яковлев, ухмыляясь, мурлыкая, шарит рукой по столу, ворчит*). Соврал. (*Грозит кулаком по направлению к окну.*) Погоди, я тебя...

Полина (*подходит*). Мне с тобой поговорить надо...

Яковлев (*вздвинул*). Что ты за мной ходишь, как собака?

Полина. Мне нужно поговорить.

Яковлев (*снова глядя на часы*). Три минуты.

Полина (*горько*). Больше нельзя?

Яковлев (*смотрит на нее, хмурясь*). Некогда мне. Ухожу. (*Сел. Она стоит.*)

Полина. Ты мне муж.

Яковлев. Ну?

Полина. Ты отвечаешь за меня...

Яковлев (*обеспокоен*). Что такое? Перед кем?

Полина. Перед богом, перед людьми.

Яковлев (*спокойнее*). Перед богом — это да... А люди... а — полиция... (*Слова встревожен.*) Ты что сделала? С Бобовой что-нибудь? Я же тебе, дура, говорил: вещей у нее не покупай!

Полина (*вздохнув*). Ничего не сделала я. Но... человек этот во флигеле...

Яковлев (*привстал, ударил ладонью по столу*). Молчать! Ты и подходить к нему не смей, — слышала? Вы обе, ты и Наташка, в два голоса... Это — человек нужный мне. Ты его — не видишь! Нет его для тебя — поняла? Слова сказать с ним не смей! Нет его! (*Встает, схватил жену за плечи, трясет.*) Понимаешь?

Полина (*легко оттолкнув его*). Слушай, я тебе в ноги поклонюсь — помоги! Я — пряталась, я жила, сама себя не видя... как в тюрьме жила в темноте души моей! Я — боюсь. Я — не могу... не могу видеть его!

Яковлев (*изумлен ее возбуждением*). Стой... подожди! Что такое? Ах, чёрт тебя возьми! Влюбилась, проклятая? Сразу, в десять дней?

Полина (*очень сильно*). Не влюбилась я. Не хочу ничего. Только скажи ему — ушел бы он. Не мутит бы души моей! Я — убить могу...

Яковлев (*испуган*). Кого? Меня?

Полина. Себя. Его. Пойми же: он — первое горе мое...

Яковлев. Первое... что? Ага-а? (*Между ним и женой — стол. Яковлев наклонился, упираясь руками в край стола. Руки дрожат, слышно, как звенит стекло абажура.*) Он был... это он — любовник твой? Ах ты... Вот как? Вот почему он... (*Растерялся, не находит, что сказать. Ревность старика борется в нем с жадностью к деньгам. Нашел.*) Ты — ненавидеть его должна, не-на-ви-деть, поняла? Не прикасайся к нему и — ненавидь! Ведь он тебя обманул, да? Говори!

Полина. Я — ненавижу... но — боюсь...

Яковлев. Стой! Он — кто? Сыщик, да? Вор?

Полина. Я — не знаю. Он был кассиром на вокзале.

Яковлев (*успокаиваясь*). Значит — вор! Ловили? Судили?

Полина. Я не знаю, не знаю!

Яковлев. Конечно — вор! Да... вот как?

Полина. Ты — один у меня, — помоги!

Яковлев. Он к тебе не пойдет, коли ты его не поманишь! Ах ты, дьявол тихий... обмануть хочешь

меня? Дескать, — я говорила, предупреждала, да? Ну, нет, со мной в эту игру не сыграешь, нет! (*Яростно.*) Ты помнишь — кто ты? Помнишь, откуда я тебя взял? Я тебя со скамьи подсудимых взял, собака!

Полина (*почти с ужасом*). Что ты? Ты — защитить меня должен! Тебе бог дал меня...

Яковлев. Не тронь бога, свинья! Бог — не дурак, это — я дурак, я!

Полина. Что ты делаешь? Я тебе душу хотела открыть, а ты меня в могилу гонишь...

Яковлев. Плюю в душу тебе!

Наташа (*входит*). Портсигар крестный не оставил тут? (*Ей не отвечают.*) Сегодня ты, отец, ругаешь ее молча? (*Идет на лестницу. Полина тоже делает шаг в сторону.*)

Яковлев. Стой! Куда?

Полина. Я не могу.

Яковлев. Не криви морду! Смотри, чтобы никто ничего не замечал! (*Не знает, что сказать.*) Близко большой беды ходишь... Поняла? (*Замахнулся на нее.*)

Полина (*отступив*). Прости тебя бог, а я — не сумею... не смогу!

Яковлев (*шипит, грозя кулаком*). Молчи!

Наташа (*идет с лестницы, играя портсигаром*). Шептать начали?

Яковлев. Ты иди, иди!

Наташа. «Вздрогнув от ужаса, девушка исчезла, как тень».

Яковлев (*выхватив часы, смотрит на них, говоря угрюмо и зло*). Ты меня не перехитришь, ты свой грех на меня не сложишь! Сама носи его, сама! У тебя должна быть своя совесть, свой разум...

Полина. Совесть у меня есть. Разума — нет.

Яковлев. Я еще поговорю с тобой!

Полина (*тихо*). Не надо.

Яковлев. Я — знаю, что надо и как надо! (*Уходит.*)

Полина (*идет к окну, слепо, шаркая ногами, качаясь. Подошла — отскочила*). Ох...

Стогов (*в окне*). Испугал? (*Влезает в комнату.*)

Полина *(отступая от него)*. Сторговался? Купил меня?

Стогов. Не говоря о том, что муж твой — мерзавец, он еще и дурак. *(Отдывается, нахмурился.)* Орет, шипит, а я — под окном. И тут же этот Лузгин кружится, Ефимов послушать хочет. Почему это к вам присосался Лузгин?

Полина *(негромко)*. Ненавижу я тебя, ненавижу!

Стогов. На здоровье. Рад буду, если от этого тебе легче будет. Полина, хочешь, я мужа твоего в тюрьму спрячу?

(Полина молчит, неподвижно глядя на него.)

Стогов *(сел на стул, боком к окну)*. Предупреждаю: если не я, так другой засадит его. Лузгин — на пример. Он — кажется — сыщик.

Полина. А ты кто?

(Стогов пожал плечами, закуривает.)

Полина. А ведь ты был хороший человек! Был?

Стогов. Едва ли... Вернее — не был.

Полина. Был! Я — знаю.

Стогов. Тебе, конечно, приятнее думать, что ты любила хорошего человека.

Полина *(с робкой надеждой)*. В тебе еще и теперь что-то есть.

Стогов. Ничего нет.

Полина. Зачем ты говоришь так? Зачем?

Стогов. Не затем, чтобы покаяться пред тобою. Это — не нужно ни тебе, ни мне.

Полина. Что тебе нужно? Что? Зачем ты пришел?

Стогов. По глупости. Ну, слушай, дело вот в чем: я думал, что ты с Яковлевым живешь хорошо, дружно. Но вот смотрю я на вас вторую неделю и вижу, что ошибся. Мне тебя жалко.

Полина. Не верю.

Стогов. Это — дело твое, не верь. Но ты можешь снова попасть в тюрьму. Ты знаешь, что Яковлев с воорами в дружбе, краденое скупает? Он и Бобова.

(Полина села, молчит, опустив голову.)

С т о г о в. Замуж он тебя взял не потому, что пожалел, а потому, что надеялся встретить в тебе удобного ему человека. Поняла?

П о л и н а. Ты сказал, что у тебя совесть есть. Помнишь? Вот здесь ты сказал это.

С т о г о в. Ошибся. *(Встал, ходит.)*

П о л и н а. Взгляни на меня...

С т о г о в *(не глядя)*. Так — как же: хочешь, чтоб я посадил мужа в тюрьму?

П о л и н а *(усмехаясь)*. А я — с тобой, да? Этого не будет!

С т о г о в. Я и не жду этого.

(Пауза.)

П о л и н а *(следит за ним, спрашивает тихо)*. Не ждешь? Почему? Что ж тебе нужно?

С т о г о в *(присев на ступени лестницы)*. Да вот... не хочу, чтоб ты снова в тюрьму попала.

П о л и н а *(тихо)*. Всё это — ложь! Всё, всё — неправда, фальшь. Я спрашиваю, что тебе нужно, — что?

С т о г о в. Тихе...

Н а т а ш а *(ведет Кемского, окутанного пледом)*. Вы капризничаете, маркиз.

К е м с к о й. Нет, это невозможно! Всегда кто-то есть! Суются под ноги. Этот Ефимов! Какой-то Лузгин... полоумный враль. Кто это на лестнице? Вы, квартирант? На лестницах только кошки сидят...

Н а т а ш а *(Стогову)*. Не уходите. Я сейчас приду. Мне вас нужно.

С т о г о в. Слушаю.

П о л и н а. Я ничего, никого не боюсь. Мне — всё равно. *(Пауза.)* Слышишь?

С т о г о в. Слышу.

Е ф и м о в *(входит)*. Почему темно?

С т о г о в. Должно быть, потому, что огня нет.

Е ф и м о в. Зажечь надо!

П о л и н а. Не надо.

Е ф и м о в *(сел у окна, освещен луною)*. Идиот этот, Иванов, ухаживает за Дуней Поповой. В саду сидят. Он ей патоку за шиворот заливает. Говорит: «Трудно быть красивым мужчиной». Каково? Идиот. *(Ему не отве-*

чают.) А может быть он за Дуней ухаживает для отвода глаз... чьих-нибудь? А? Полина Петровна, — для отвода глаз?

П о л и н а *(тихо)*. Да. Может быть. Наверное.

Е ф и м о в *(вздыхая)*. Глинкин Лузгину золотой проиграл. Откуда у него золотой?

С т о г о в. Пять рублей?

Е ф и м о в. Пять. А что?

С т о г о в. Пять рублей — не много...

Е ф и м о в. Положим... А все-таки — откуда? Лузгин — рад.

Н а т а ш а *(сбегая по лестнице)*. Агафья, уйди, ты мне мешаешь!

Е ф и м о в. Что-о такое? Что за грубость?

Н а т а ш а. Пожалуйста — уйди. А то я... *(Зажигает лампу.)*

Е ф и м о в. Чёрт знает что... *(Уходит.)*

(Наташа закрывает за ним дверь в кухню, затем окно, затворила дверь в магазин, оглядывается. Стогов следит за нею с усмешкой, с любопытством. Полина встала, хочет уйти.)

Н а т а ш а. Нет, мачеха, останься. Сиди. Сядьте п вы, Ипполит... Как? Не помню.

С т о г о в *(стоит)*. И не надо помнить.

Н а т а ш а. Загадочно сказано. Вы вообще загадочный человек, а я этого терпеть не могу. И мне нужно знать — кто вы такой?

С т о г о в *(усмехаясь)*. Замечательно; кроме меня самого — это все хотят знать. Ну, зачем вам? Вам-то зачем?

Н а т а ш а. Нет, бросьте эти штучки! Кто вы? Чем занимаетесь?

С т о г о в. Представьте, что — сыщик, агент полиции.

П о л и н а. Не верь!

Н а т а ш а. Не верю. Вы, сударь, лжете!

С т о г о в. Разве?

Н а т а ш а. Да. Вы занимаетесь сбытом фальшивых денег. Золотых. Так? И вы хотите погубить... отца и всех нас. Да?

П о л и н а. Неправда. Нет, Наташа, это неправда!
Нет же!

Н а т а ш а *(резко)*. Это он — из-за тебя, мачеха?
Ведь он — тот, твой? Говори!

П о л и н а. Да. Это — он! Но — он не из-за меня,
нет! Я — ничего не понимаю... Не хочу ничего слышать,
видеть... я уйду...

Н а т а ш а *(строго)*. Нельзя. Сиди.

С т о г о в. Пусть уйдет, это лучше.

Н а т а ш а. Почему?

С т о г о в. Увидите. Иди, Полина.

*(Полина медленно уходит к себе в комнату. Оба молча
смотрят вслед ей, потом — друг на друга.)*

Н а т а ш а. Почему вы ее удалили?

С т о г о в. Достаточно с нее.

Н а т а ш а. Чего достаточно?

С т о г о в *(не ответив, вынул кошелек из кармана,
достал пять золотых монет, положил на стол)*. Вот,
смотрите, четыре настоящих, одна фальшивая. Найдите
— которая?

Н а т а ш а. Не хочу.

С т о г о в. А вы попробуйте!

Н а т а ш а. Все — фальшивые.

С т о г о в. Совершенно серьезно говорю — одна!

Н а т а ш а *(подозрительно разглядывая его)*. Не по-
нимаю, зачем всё это нужно. Я спросила вас... Вы еще
не ответили. *(Рассматривает монеты, хмурится, взве-
шивая их на ладони. Ее боевое настроение постепенно
падает, уступая место волнующему любопытству. Она
несколько досаждает на себя, чувствуя, что уже потеряла
взятый ею тон.)*

С т о г о в *(потирая лоб)*. Не найдете. Я сам сразу
не могу найти. Это очень искусная работа. Делают
здесь в городе или около.

Н а т а ш а *(бросила монеты на стол)*. Все фальши-
вые или все настоящие. Я не знаю.

С т о г о в. Вот видите. Иногда думаешь, что на-
стоящих — вовсе нет. То есть — фальшивых нет. Но —
эта признана фальшивой. Чтоб отличить ее, я поставил
знак иглой. Вот...

Н а т а ш а (*взяв монету*). Ну, и что же? К чему всё это?

С т о г о в. Их было две — таких. Одну я потерял. Она оказалась в руках вашего жениха, а он — проиграл ее Лузгину. Это Лузгин сказал вам, что я — фальшивомонетчик? Да?

Н а т а ш а (*вздыхнув*). У вас — лицо честного человека.

С т о г о в. Ошибочное впечатление. Ложное.

Н а т а ш а. Или вы — хороший актер.

С т о г о в. Не торопитесь понимать. Если актер — то плохой. Я сказал вам правду — я сыщик. Ловлю фальшивомонетчиков на фальшивую монету. Могу, разумеется, сделать много неприятностей и невинному человеку. Если захочу. Могу жадного спровоцировать. Вашего... Яковлева легко погубить, он — жаден и глуп. Вы, конечно, знаете, что не он — отец ваш, а — Кемской? Об этом все говорят. Так?

Н а т а ш а (*кивнув головой*). Но все-таки к чему вы говорите это мне?

С т о г о в. Вы — умная.

Н а т а ш а (*смотрит на него с любопытством и страхом, как на воплощенную тень злодея с экрана кинематографа*). Ну, хорошо, умная... и что же?

С т о г о в. Вот попробуйте-ка, помогите мне... Я несколько... запутался. Яковлев — вполне достоин того, что он заслужил. Но — Полина? Да и вы. Будет скандал. Лузгин, кажется, тоже сыщик... если он не сумасшедший. Сыщик или вор. Это всегда близко одно к другому.

Н а т а ш а (*тихо*). Всегда? Нет!..

С т о г о в. Не торопитесь жалеть.

Н а т а ш а. Его поиски наследников...

С т о г о в. Средство войти в дом, в душу.

Н а т а ш а. Вы ошибаетесь, я думаю! Вы не ошибаетесь?

С т о г о в. Едва ли. Я достаточно ошибался.

Н а т а ш а (*возмущилась, стучит кулаком по столу*). Я не понимаю... Вы... всё это неестественно! Всё, что вы говорите, кажется неправдой...

С т о г о в. Верный признак, что я говорю правду. (*Указывает на монету.*) Не нашли фальшивую-то.

С людьми — так же: настоящего человека отличить от фальшивых можно, только поставив на него свой знак. Но это — портит его.

Н а т а ш а. Вы — о Полине? Что вы хотите делать с нею?

С т о г о в. Ничего. Хотел, но не хочу. (*Пауза. Подумал.*) Конечно, я не хочу, чтобы она попала в грязную историю с ворами. Тут, видите ли, случилось так... Я людей не люблю, они мне сделали много зла. Встретил я ее и... не знаю, так ли это, но вспыхнуло нечто. Может быть, только желание поглумиться, поозорничать. Она — тяжелый человек. А может быть, совесть. Жалость. Или, как у вас к наследству Лузгина, — любопытство.

Н а т а ш а (*волнуясь*). Всё — не так! Не то говорите вы! Я — не маленькая, я вижу. Вы — вовсе не плохой человек.

С т о г о в. Повторяю — не торопитесь.

Н а т а ш а (*встала*). Но что же мы будем делать?

С т о г о в. Мы? Вы — и я? (*Усмежается.*)

Н а т а ш а. Ну да! Что?

С т о г о в. За себя скажу — не понимаю, что можно сделать для Полины. Спрятать бы ее в какое-то спокойное место на время. Но где такое место? Да и — вообще... (*Махнул рукой.*) Вот я оставлю здесь одну монету. Ваш жених придет?

Н а т а ш а. Да. Должен принести бумаги. А что?

С т о г о в. Хотите знать, что будет с золотым? Следите за ним. А я — ухожу.

Н а т а ш а (*возмущенно*). Куда? Мы ведь ничего еще не решили! И зачем вам Глинкин? Не понимаю...

С т о г о в (*резко*). Больше я не могу говорить... с вами.

Н а т а ш а. Почему?

С т о г о в (*уходит*). Не могу... не умею...

Н а т а ш а. Боже мой... Зачем всё это? Я думала — вы из тех, которые тайно учат... чему-нибудь... что-то знают настоящее...

С т о г о в. Нет, я не из тех. Я — ничего не знаю. И ненавижу тех, которые всё знают, всё осудили. (*Ушел.*)

Н а т а ш а. Какая же это жизнь? Какая жизнь?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Через час. Из угла, из своей комнаты, вышла П о л и н а, погасила на столе огонь лампы, комната освещается луною через окно, верхняя часть лестницы — светом из открытой двери Наташиной комнаты. Полина подошла к двери магазина, отступила.

П о л и н а. Кто это? Клавдия — ты?

Н а т а ш а *(выходит, кутаясь шалью)*. Это — я.

П о л и н а. Что ты — в темноте?

Н а т а ш а. Сижу, смотрю на улицу, там светло, луна. *(Положила руки на плечи мачехи, шаль упала на пол.)* Слушай, этот... Стогов — кто он все-таки?

П о л и н а *(вздыхнув)*. Был хороший человек, а теперь — негодяй...

Н а т а ш а. Негодяй?

П о л и н а. Сама видишь. Я — не виню его, все — так!

Н а т а ш а. Негодяй, потому что разлюбил тебя?

П о л и н а *(не сразу)*. Почему ты говоришь — разлюбил? Ведь вот он нашел меня, явился...

(Молча смотрят друг на друга. Полина снимает со своих плеч руки Наташи, кажется, что она хочет обнять себя ее руками, но затем отталкивает их. Идут рядом к окну, не глядя друг на друга.)

Н а т а ш а. Завтра — воскресенье...

П о л и н а. Да. А — что?

Н а т а ш а. Так. Дни бегут, точно испуганные собаки.

(Стоят у окна.)

К л а в д и я *(осторожно выглянула из двери своей)*

комнаты. Под мышкой — узел, в руке — чемодан. Скрылась. Затем выходит без вещей). Чем любуетесь?

Н а т а ш а. Луной.

К л а в д и я. А я иду к Дуне, ночевать. Она — одна. Тетка ее уехала дачу продавать. (Молчание.) Муженьком моим не пахнет? Не видали его?

Н а т а ш а. Нет.

К л а в д и я. Значит — в трактире. Ну, прощайте! Иду. (Ушла в свою комнату.)

П о л и н а. Я тоже уйду, Наташа. Я — спать.

Н а т а ш а. Усни. (Нахмурясь, смотрит вслед ей. Идет к двери магазина, подняла с пола шаль, набросила ее на себя, скрылась в магазине.)

Д у н я (из двери кухни, осторожно стучит в дверь Клавдии, та — на пороге, шепчутся). Ты мне вещи в окно подай, а я их — через забор.

К л а в д и я. Он — ждет?

Д у н я. Ну да! Скорее. (Взяла из рук Клавдии узел, ушла. Наташа выглядывает из магазина.)

К е м с к о й (спускается с лестницы, в халате, на голове — шелковая черная шапочка). Наташа! Глинкин! Кто-нибудь есть тут? Никого, когда нужно. Темнота. Экономия. Всегда были люди, но никогда они не были так отвратительны. (Кричит в окно.) Наташа! (Идет в кухню.)

Б о б о в а (нарядно одетая, из кухни). Не спишь — ходишь? Эх, старость!

К е м с к о й. Никого нет...

Б о б о в а. Ночь всех в сад выманила. Идем, провою. У меня, батюшка, дельце к тебе. Блудливые языки говорят про меня...

(Ушли. Клавдия вышла из своей двери с вещами, но тотчас бросилась назад. Ефимов и Глинкин с портфелем, выпивший. Ефимов тоже нетрезв.)

Г л и н к и н. Не заметил нас, старый чёрт. Вот — жизнь! За двадцать пять рублей работаю до поздней ночи, а?

Е ф и м о в (мрачно). Все живем плохо. У меня, брат, тоже... кошки в душе. Да. Правильно говорят: любовь — мученье...

Г л и н к и н. Это — когда глупо говорят. Любовь — дело государственное. *(Сел к столу. Поднимает кружок под лампой, быстро опустил. Улыбается. Вынул из кармана стекло, вставил в глаз.)* Удивительно.

Е ф и м о в. Ничего удивительного нет. Ерунда всё. И — не всякий понимает, что ему надо. Людям надо приказывать: вот чего желайте, а иного — не смей! Если б я был... *(Смотрит на стенные часы.)* Где этот чёрт — Лузгин? Хотел прийти... *(Свистит.)*

Г л и н к и н *(блаженно улыбаясь, напевает).* «Наша жизнь — полна чудес...»

Е ф и м о в. Теперь моноклей не носят.

Г л и н к и н. Что-с?

Е ф и м о в. Не носят моноклей теперь.

Г л и н к и н. Предоставь мне знать эти вещи, а?

Е ф и м о в. Не носят. И это — не монокль, а стекло от дамских часов, я вижу. Дешево форсишь.

Г л и н к и н. Ты глуп!

Е ф и м о в *(встал).* Не очень. Нет, я не очень глуп. *(Идет к себе.)* Клавдия!

Г л и н к и н *(взял со стола монету. Поцеловал).* Милая...

Н а т а ш а *(подошла к нему сзади).* Положи на место.

Г л и н к и н *(испугался, вскочил, выхватил стекло из глаза. Смеясь, обнял Наташу за талию).* Наталия — и так далее. Это — ты делаешь, да? Это — очень мило. Дай щечку...

Н а т а ш а *(оттолкнув его).* Положи монету на место.

Г л и н к и н. Но — почему? *(Сердится.)* Ты всё — капризничаешь, душа моя! Это может надоесть мне.

Н а т а ш а. Пошел прочь!

Г л и н к и н. Позволь — что такое?

Н а т а ш а. Пошел прочь, идиот!

Г л и н к и н *(оробел).* Но — что ж тут такого? Ты положила — я взял. В чем же дело? Наконец, я не могу допустить, чтобы ты кричала на меня... Мое достоинство... Я скажу Кемскому, что ты невозможна...

Н а т а ш а *(отходя от него).* Ничтожество ты...

Г л и н к и н *(идя за нею).* Ты забываешь, что я — дворянин, и в наше время, когда мы единственно...

Н а т а ш а. Уйди! Я тебя ударю... *(Бежит вверх по лестнице.)*

Г л и н к и н *(растерянно)*. Послушай... Что ж это? Чего ты хочешь?

(Кемской и Бобова идут.)

К е м с к о й *(брезгливо отмахиваясь)*. Ну, довольно, не надо! Я сказал: заплачу тебе. Не надо это — сплетни и всё...

Б о б о в а. Как — не надо? Надо, милый! И заплатить мне по векселю надо, и знать, что в доме делается, надо тебе. Ты — верь мне. От кого, кроме меня, непорочную ласку увидишь ты? Я тебя знаю, я тебя помню, каков ты сокол был. Двадцать-то годков спустя... Помнишь, как ты со мной на пароходе знакомство свел? Какова была я...

К е м с к о й *(оглядываясь)*. Ф-ффу, какая ты!.. Тут люди везде, а ты...

Б о б о в а. Ну, не буду, не буду... Ну, молчу! А ведь сердечко-то твое, старенькое, последние дни-ночи доживая, оно ведь не умолкнет, оно не онемееет...

К е м с к о й. Нет, это... чёрт знает что! Это же необходимо кончить... необходимо!

Б о б о в а. То-то вот! Необходимое, брат, не обойдешь, нет! Бога — не обойдешь, правды — не обойдешь! Всё, всех людей обойти можно, а правду — обойди-ка? Она — не обходима, да, да, милый! Обойди ее, попробуй, и заплутаешься...

К е м с к о й *(замечив Глинкина, который зажигает лампу)*. Ну что? Что стоишь? Стоит и... слушает!

Г л и н к и н *(вынимая бумаги из портфеля)*. Вот, протоколы допроса и ваше заключение по делу Красных.

К е м с к о й. Ну, что же? Надо подписать! Перо! *(Садится к столу. Глинкин дает ему перо. Подписывая бумаги.)* Завтра отнесешь прокурору. Вероятно, ошибки, ошибки у тебя. Ты, брат, небрежен, да! Найди Наташу...

(Бобова ушла в комнату Ефимовых.)

Г л и н к и н. Она — у себя...

К е м с к о й. Позови.

Г л и в к и н. Я с ней поссорился. Я хочу сказать вам, что она...

К е м с к о й *(с досадой)*. Знаю, знаю! С такими де-вushками — не ссорятся, если ведут себя умно... Иди... Поссорился... Ты, братец, не глупи...

(Полина в белом платье выходит из своей комнаты, оглядывается.)

К е м с к о й. Это — вы? Куда это вы?

П о л и п а. В гости.

К е м с к о й. Так поздно? Гм... Я нахожу, что ва-ше... Ваш пример вреден для Наташи. Все эти постояль-цы... этот бритый... Бобова говорит, знаете, что он и вы...

П о л и н а. Прощайте.

Я к о в л е в *(в двери кухни)*. Куда?

П о л и н а. К знакомой.

Я к о в л е в *(оглядывая ее)*. Какая — знакомая? У тебя нет знакомых.

П о л и н а. Есть. Одна.

Я к о в л е в. Врешь! И — нарядилась? Ты... *(Схва-тил ее за плечи, она его отталкивает.)*

К е м с к о й *(подошел)*. Послушай, Яковлев, это — невозможно. Ты сам виноват, ты стар, она — молода. Ты поселил тут... разных... Наташа тоже молода и неопытна...

Я к о в л е в. Позвольте...

К е м с к о й. Нет, подожди, я говорю, я! Я хотел семейно и тихо всё это... Это — мой дом. Я стар, мне нужен покой. Ты должен считаться с этим, а ты... Тут Наташа...

Я к о в л е в. Наташа — кто?

К е м с к о й. То есть — как это — кто?

Я к о в л е в. Она — дочь моя? Моя дочь?

К е м с к о й. И... и что же?

Я к о в л е в. А — вот это самое! Моя?

(Полина стоит у окна, смотрит на них.)

К е м с к о й. Ты, кажется, выпил?

Я к о в л е в. Выпил? Да! Яду выпил!

К е м с к о й. Послушай, что же это? Ты — добрый человек, и я — добрый. И вот, у нас нехорошо.

Я к о в л е в. Что — нехорошо?

К е м с к о й. Ты не можешь прилично устроить семью. И всем с тобой скучно, тяжело...

Я к о в л е в. А если я вас, барин, к чертям, пошлю, к самым отдаленным, а?

К е м с к о й (*выпрямился, смотрит грозно, — а беспомощен и жалок*). Свиныя, ты, братец...

(*Наташа на лестнице, Гликин — сзади ее, ступеней на пять выше, очень растерянный.*)

Я к о в л е в (*яростно*). Свиныя, а вам — братец? Как же это, а? Хэ-хэ! Как же-с?

К е м с к о й (*падая на стул*). Ты... я не знаю что!..

Н а т а ш а (*Яковлеву*). Вы не смеете так грубо говорить с моим отцом...

Я к о в л е в (*отшатнулся*). Что? С кем?..

Н а т а ш а. Вы знаете, что он — мой отец...

К е м с к о й (*вскочил, кричит*). Наташа — зачем? О, боже мой! Это я должен был сказать — я! Я ждал момента... Это надо было сказать торжественно. Я готовился ко дню твоего рождения. А не в такую минуту, когда скандал, чужие люди кругом... и — вообще. Нужно шампанское! И подарок тебе...

Я к о в л е в (*презрительно*). Старый дурак.

Н а т а ш а. Не смейте, вы!..

К е м с к о й. Ты слышишь, Ната? Вот что ты сделала!

(*Яковлев стоит у буфета и смеется рыдающим звуком. Полина тихо подвигается к нему. Бобова, Ефимов, Клавдия — смотрят из двери. Гликин у лестницы, взбивает волосы: у него вид человека, готового совершить подвиг.*)

Н а т а ш а (*глядя голову отца*). Как это грустно всё, как нехорошо...

К е м с к о й (*с отчаянием*). Но ты сама виновата, что нехорошо! Я так обдумал всё... так внушительно... Сказать должен был я! Тогда всё было бы иначе. Был бы праздник.

Н а т а ш а. Молчите, отец.

К е м с к о й. Я двадцать лет думал о том, как это будет.

Н а т а ш а. Вы слишком долго думали.

К е м с к о й. И вот, ты, дочь моя, отняла у меня лучший день жизни! Это — ужасно! Это... совершенно непоправимо...

Н а т а ш а. Весь город знает о том, что я — ваша дочь.

Я к о в л е в *(орет)*. Да! Весь! И я знал! Знал! Всегда! Ха-ха-ха!

(Неожиданный крик его испугал всех. Молчание, слышен шёпот.)

Б о б о в а *(шепчет громко)*. О господи... Жалость какая...

Н а т а ш а *(ей)*. Ты — иди вон! И чтобы носа твоего не видела я здесь...

Б о б о в а. За что?

Я к о в л е в. Позвольте! Я здесь — кто?

Н а т а ш а. Вон!

Б о б о в а. Ладно. Иду. *(Кемскому.)* О векселе-то не забудьте, барин. А вы, Наталья, — уж не знаю, как вас величать по батюшке... Вы моих уточек ели, да! Это не папаша стрелял, а я покупала, на мои бедные деньги, да-с! Не из лесу утки, а — с базара. *(Идет в кухню.)* Прощай, Полина Петровна! Сожрут они тебя, как уточек моих сожрали...

К е м с к о й *(держит дочь за руку)*. Какой ужас... Ты не знаешь, как всё это больно мне. Вычеркнут лучший день моей жизни...

Н а т а ш а *(поднимая его)*. Идемте.

П о л и н а *(дотрагиваясь до плеча Яковлева)*. Послушай...

Я к о в л е в *(отскочив от нее)*. Ты! Прочь! Змея! Кто ты мне? Все — прочь! Теперь — я сам...

П о л и н а *(кланяясь)*. Прощайте, добрые люди... хорошие люди... *(Идет.)*

Я к о в л е в. Куда?

(Полина остановилась, смотрит на него.)

Яковлев. К любовнику? Уйди... Ползи, змея!

(Полина идет, остановилась у окна. Все ушли. Глинкин — в комнату Ефимовых, Полина идет назад, тихо и как-то неумело смеется.)

Яковлев *(изумлен, отступает за стол)*. Это — что еще?

Полина *(горестно, с иронией)*. Спаситель мой... Ведь ты — мой спаситель, да?

Яковлев *(смотрит на нее опасно, бормочет)*. Ну? А — что же?

Полина. Ты спас меня от гибели?

Яковлев. И — спас! Куда бы ты без меня? На улицу? В проститутки?

Полина. Да, конечно! А ты, добрый, пожалел меня, взял к себе, всё забыл, всё простил мне и меня заставил забыть всё, любил меня, нежил...

Яковлев *(не понимает ее, готов расстрогаться)*. Да, я к тебе — всей душой, а ты...

Полина *(очень спокойно)*. Будь ты проклят, гадина! — вот мое прощальное слово! Будь проклят! *(Идет.)*

Яковлев *(пораженно смотрит вслед ей, задыхаясь от злости, от испуга, подошел к буфету, налил из графина рюмку водки, выпил, налил еще, тоже выпил. Закрыв глаза, откручивает пуговицу пиджака. Сел. Бормочет)*. Мне никого не надо... Освободил меня господь от вас, дьяволы. *(Морщится. Снимает с глаз слезы пальцем, рассматривает их, отирает палец о колено.)* Никого у меня нет. И не признает меня господь за своего человека... не признает! *(Поднес палец к огню лампы, рассматривает слезу на конце пальца. Вытер слезу о волосы. Встал, подошел к окну, кричит.)* Палашка! Пелагея! Полина!.. *(Высунулся в окно, опрокинул горшок с цветком, папугуется его.)* К чёрту! Всё — к чёрту! *(Подошел к шкафу. Пьет водку. Идет к себе в угол. Клавдия из своей комнаты, за нею Глинкин. Клавдия взволнована, не находит себе места.)*

Глинкин *(озабоченно)*. Все-таки я хочу объясниться.

К л а в д и я (*нетерпеливо*). Оставь! Наталья — не жена тебе. Заносчива, капризна, театром бредит, а театр из моды вышел. Да и какое приданое дает за нею Кемской? Дом этот? Дом этот — дешевле гроба...

Г л и н к и н (*раздумчиво*). Конечно, — Дуня Попова, это — идея.

К л а в д и я. Дело — а не идея! Дуня — богатая. Глупая. (*Стоит у двери в свою комнату, прислушивается.*) А эти — всё о наследстве болтают, Лузгин — темный мужчина, хитрый... (*Ломая руки, смотрит на настенные часы.*)

Г л и н к и н. Я знаю, почему ты хочешь женить меня на Поповой, — за ней ухаживает Иванов, а у тебя с ним роман.

К л а в д и я (*презрительно*). Догадался! Роман крутить и с женатым можно. Еще — интереснее.

Г л и н к и н (*охорашиваясь перед зеркалом*). Я жежнюсь, а Иванов рога будет наставлять мне.

К л а в д и я. Он — тебе, а ты — ему. Не всё равно, кто рога поставит, Иванов или другой...

Г л и н к и н (*вздыхнув*). Все-таки ты для себя стараешься...

К л а в д и я (*вынув из кармана деньги, считает*). Я — не монахиня. Это монахини не для себя живут, да и то... (*Задумалась, закрыла глаза.*) Как замечательно в кинематографе было! До слез хорошо! Какое он сделал изумительное лицо, узнав, что жена изменяет ему! Какая страшная печаль была в его глазах! И губы — дрожат, дрожат... ах!.. (*Глубоко вздохнула, стоит, заломив руки за шею, мечтательно улыбаясь.*) Великий талант нужен для того, чтоб люди поняли без слов, как ты страдаешь...

Г л и н к и н (*с досадой*). Это — вздор... Страдать — просто...

К л а в д и я (*горячо*). Ну уж нет! Бездарный артист, как бы ни страдал, а плакать не заставит. Удивительно это — кинематограф! До него — настоящего искусства и не было.

Г л и н к и н. А — романы? Забыла?

К л а в д и я. Роман — неделю сосешь, а тут —

полтора часа и — гство, сыта по горло. *(Пауза.)* Где это — женщины наши? Разогнали всех старики...

Г л и н к и н. Женщины должны быть дома, это — домашние животные.

К л а в д и я *(презрительно).* Попутил! Эх ты... *(Подошла к двери, прислушивается.)*

Н а т а ш а *(сбегая один марш лестницы).* Клавдия, принеси льду с погреба, — скорей... *(Исчезает.)*

К л а в д и я. Что еще там? *(Уходит в кухню.)*

(Глинкин подошел к столу, приподнял лампу — смотрит нахмуясь, щупает скатерть рукою. Ефимов, сияющий, полупьяный, ведет за руку Лузгина, тот, прижимая ко груди толстый портфель, тоже улыбается, подпрыгивает.)

Е ф и м о в *(восторженно).* Уговорил! Сейчас он объявит наследников... всё скажет!

Л у з г и н *(возбужденно).* Всё, всё скажу!

Г л и н к и н *(скептически).* По-моему — у вас обоих неладно тут. *(Указывает на свою голову.)*

Е ф и м о в. Это — и у тебя. Этим не хвастаются.

Л у з г и н. Где она?

Г л и н к и н. Кто?

(Лузгин, подмигнув ему, смеется.)

Г л и н к и н *(тревожно).* Наталья, да? Разве — она? Слушайте, вы, чёрт...

К л а в д и я *(с тарелкой в руках).* Вы бы не шумели, кажется, Кемской захворал.

Е ф и м о в *(с любопытством).* Умирает?

Г л и н к и н *(суется, взволнован).* Клавдия, зови Наташу, должно быть, это она — наследница!

Е ф и м о в *(потирая руки).* Н-неизвестно!

(Клавдия заинтригованно смотрит на Лузгина, который, сидя у стола, вынимает из портфеля пачки газетных объявлений, афиши и бормочет что-то.)

К л а в д и я *(бежит вверх).* Ой, интересно как!

(Стогов вошел из кухни, встал у окна за буфетом, нахмуясь, наблюдает за Лузгиным.)

Г л и н к и н (*Лузгину*). Это — зачем вам?

Л у з г и н. Мне? Мне не нужно.

Г л и н к и н. Это объявления?

Е ф и м о в (*оттолкнув его*). Не мешай!

(*Клавдия сбегает с верха, за нею медленно идет Наташа. Стогов, выступив из-за буфета, подходит к ней, отводит ее к окну.*)

С т о г о в (*озабоченно*). Будьте осторожны! Он или с ума сошел, или разыгрывает какую-то скверную комедию.

Н а т а ш а (*сухо*). Сейчас узнаем... (*Идет к Лузгину.*) Ну что ж, нашли наследников?

Л у з г и н (*вскочив*). Да! Да! Нашел! (*Судорожно шарит в карманах.*)

Н а т а ш а. Кто ж это? Кто они?

Л у з г и н (*бормочет*). Вы! Все! Сейчас...

Е ф и м о в. Как же — все?

Л у з г и н (*нашел в кармане золотую монету, высоко поднял руку, показывает ее всем, кричит*). Вот — оно! Наследство... Видите? Вот!

Г л и н к и н (*привстав на носки, смотрит на монету, потом на всех, испуган*). Позвольте... это что же? Это — он выиграл у меня! То есть, это, может быть, другая...

С т о г о в. Вы ее... нашли, да?

Н а т а ш а (*отвернулась от Глинка, Стогову*). Я не понимаю...

С т о г о в. Это... странная игра!

Л у з г и н (*ухмыляясь, смотрит на ладонь свою, бормочет*). Тут — на всё хватит... на всех! (*Сжал руку в кулак, трясет им, кричит*). Сына родного можно... как Авраам Исаака... убить можно... Христа продали на серебро, а это — золото... Зо-ло-то! Вот вам! (*Наташе*.) Тебе — первой! Бери! (*Поет*.) «И будешь ты царицей мир-ра-а»...

(*Наташа отступает от него.*)

Л у з г и н (*кричит*). Сына родного — ради тебя...

С то г о в (*подошел к Лузгину*). Дайте взглянуть...

Лу з г и н. Нет, не тебе...

С то г о в (*легко разжал его кулак, взглянул на монету, — Наташе, усмехаясь*). Фальшивая. Он хорошо сошел с ума.

Лу з г и н (*бьет его кулаком по плечу*). Отдай! Я не сошел с ума...

С то г о в (*отдал монету*). Слушайте, — вам нездоровится?

Лу з г и н. Ты сам, — вы все сошли с ума!

С то г о в. Это — наследство, да? Всё — тут?

Лу з г и н. Не тебе! Пошел прочь! Выгнать его!

Я к о в л е в (*полуодетый, расстрепанный, пьян*). Что же — будет мне покой, а?

Н а т а ш а (*Лузгину*). Послушайте... Вам нужно...

Лу з г и н. Мне ничего не нужно! Всё — ваше! Где мой сын? Муж твой — где? Где — совесть? (*Хочет броситься на Наташу, Стогов схватил его.*)

С то г о в. Пошлите за доктором...

Я к о в л е в (*кричит*). Вон — все!

Лу з г и н (*борется со Стоговым, вырвался, бежит, увидел себя в зеркале, остановился, громко шепчет, указывая на свое отражение*). Вот, вот он... Держите его... ловите... Он меня всю жизнь... держите...

С то г о в (*снова схватил его, несет на диван*). Доктора надо... Дайте полотенцев... Надо связать его...

(*Наташа бросилась к буфету, выкидывает полотенца. Клавдия подбирает их, бросает Стогову, Ефимов тихо объясняет происшедшее Яковлеву. Глинка старается помочь Стогову вязать Лузгина, но тот уже лежит спокойно.*)

Я к о в л е в (*подошел к дивану, бессмысленно смотрит, спрашивает*). Кто здесь распоряжается? Чёрт распоряжается, а? Чёрт?

И в а н о в (*вошел очень возбужденный, идет солдатским шагом к Яковлеву*). Послушайте... я пришел... должен сказать вам... (*Смотрит в бессмысленное одноглазое лицо, махнул рукой.*)

Я к о в л е в (*смеется*). Еще — погоди! Еще — кто-кого!

Н а т а ш а *(подбежала к Иванову)*. Что случилось?.. Ну, скорей... Полина?

И в а н о в *(развел руками)*. Бросилась под товарный поезд.

Н а т а ш а. Нет!

С т о г о в. На... насмерть?

(Клавдия плачет. Глинкин сидит на диване в ногах Лузгина, открыв рот.)

Я к о в л е в *(подходя к Иванову, указывает на Стогова)*. Ар-рестуй его... Я отвечаю!

Н а т а ш а. Господи! Что же это?

(Иванов шёпотом говорит что-то Клавдии. Ефимов, сидя у стола, смотрит на всех непонимающим взглядом. Все молчат несколько секунд. Стогов идет к двери в кухню.)

Н а т а ш а *(схватила его за руку)*. Стойте! Куда — вы?

(Стогов остановился. Лузгин приподнялся, сел. Глинкин отскочил от него.)

Л у з г и н *(глядя на свои, связанные полотенцем, руки, потом на всех, спрашивает)*. А того — мерзавца — поймали? Врага моего — поймали? Зачем вы мне связали руки, мне?

И в а н о в *(Наташе)*. Он сошел с ума?

(Наташа развязывает руки Лузгина. Стогов — рядом с нею, напряженно следит за Лузгиным.)

Л у з г и н *(размахивая руками, посмеиваясь)*. Ага, поняли? Вот... *(Роется в кармане, вынул медную монету, протягивает Наташе.)* Извольте — тут всё!

Г л и н к и н *(Ефимову)*. Кажется — пяточок?

Л у з г и н. Весь мир — да! Весь мирище, — звезды, ордена, моря и пароходы, и весь базар! *(Поет.)* «И будешь ты царицей ми-ра-а»...

(Наташа вопросительно смотрит на Стогова.)

С т о г о в *(не веря, саркастически)*. Вы, Лузгин, слишком умно сошли с ума, вы плохо притворяетесь...

Лузгин (*смотрит на него очень пристально, несколько секунд молчит. И все ожидающе молчат. Лузгин легонько оттолкнул Стогова*). Нет, это не ты... не тот! Уйди! (*Снова сует монету Наташе*.) Что же, бери, ну? Съела сына моего? На... Тут всё! (*Зажав монету в кулак, высоко взмахивает руку*.) Весь мир — тебе! Я — не Лермонтов, не Демон, не шучу — нет... (*Кричит всё громче*.) Нет! Нет!

Ефимов. А ведь, пожалуй, это я его свел с ума...

Лузгин (*указывая на зеркало*). Тут был человек... он давно ходит за мной, он изуродовал всю мою жизнь. (*Повышая голос*.) Сына оторвал от меня... Женщину. Был фальшив, как бес. Притворялся, что знает несокрушимые законы. Он — правду оболгал... Он оболгал всю правду!

З а н а в е с

ЗЫКОВЫ

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зыков Антипа Иванов — лесопромышленник.
Софья — сестра его, вдова.
Михаил — сын.
Целовапьева Анна Марковна — мещанка.
Павла — дочь ее.
Муратов — лесничий.
Хеверн — компаньон Зыкова.
Шохин.
Тараканов.
Степка — девчонка-подросток.
Палагся.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

У Целованьевых. В скучной комнате небогатого мещанского дома посредине приготовлен стол для чая, у стены между дверью в кухню и в комнату Анны Марковны другой стол с вином и закусками. Направо у стены маленькая фисгармония, на ней рамки с photographиями, засушенные цветы в двух вазах; на стене много открыток и акварель: П а в л а в костюме монастырской клирошанки. Два окна на улицу, в палисадник. Ц е л о в а н ь е в а, чистенькая, гладкая женщина за 40,— у чайного стола; она заметно взволнована, часто смотрит в окна, прислушивается, неужно передвигает чашки. С о ф ь я задумчиво ходит по комнате, в зубах — погасшая папироса.

Ц е л о в а н ь е в а *(вздыхая)*. Загулялись...

С о ф ь я *(взглянув на часы в браслете)*. Да...

Ц е л о в а н ь е в а. А что же это вы, Софья Ивановна, замуж не выходите?

С о ф ь я. Человека нет по душе. Найдется — выйду.

Ц е л о в а н ь е в а. В глухом нашем месте — мало интересных мужчин...

С о ф ь я. Интересные-то нашлись бы! Серьезного человека трудно встретить...

Ц е л о в а н ь е в а. У вас у самой, извините, характер серьезный, вроде бы — мужской; вам бы взять мужчину тихого...

С о ф ь я *(нехотя)*. А на что он, тихий? Мышей ловить?

(Целованьева смущенно улыбается, видно, что ей неловко с этой женщиной, она не знает, о чем беседовать с нею.)

С о ф ь я *(хмурясь, спрятав руки за спину, исподлобья смотрит на нее)*. Кто это, скажите, пустил про Пашу слух... что она — блаженненькая?

Целованьева (*торопливо, негромко, оглядываясь*). А это всё покойник-муж... ну, и я тоже поддерживала, чтобы не очень интересовались люди. Пашенька всегда была прямая такая, что думает, то и говорит, — кому это может нравиться? Ну, вот... а он, муж-то, подозрение имел, что Паша не его дочь...

Софья. Разве?

Целованьева. Как же! Это ведь всем известно; он, бывало, выпивши, везде кричит... Ревновал он меня к одному... сектант был тут...

Софья. Отец Шохина?

Целованьева. Вот и вы знаете.

Софья. Без связи с вашим именем. Просто знаю — был сектант, человек гонимый.

Целованьева (*вздыхая*). Ну, уж где, чать, без связи! (*Тихонько.*) Гонимый... (*Быстро взглянув на Софью.*) Он, покойник...

Софья. Шохин?

Целованьева. Муженек мой... Он, бывало, глядит-глядит на нее да вдруг и зарычит: «Не моя дочь! Я — человек подлый, ты, — это я, — баба глупая, — не моя это дочь!»

Софья. Кривлялся немножко?

Целованьева. Бог его знает...

Софья. Бил вас?

Целованьева. Уж конечно! Да я — что? А за Пашу очень боязно было. Ведь это я кое-как обошла его, в монастырь-то спрятала ее, Пашу... Ведь у меня, кроме ее, никаких надежд...

Палагея (*в двери из кухни*). Идут!

Целованьева. Ой, что ты, бес, пугаешь! Недруги, что ли, идут? Чего тебе?

Палагея. Нести самовар?

Целованьева. Скажут, когда надо. Ступай!

Михаил (*чуть-чуть выпивши, разморен жарой, на безбородом лице усталая улыбка*). Ты что, баба, заткнула дверь? Убери свои окрестности. (*Ущипнул ее — Палагея ахнула. Михаил смеется всхлипывающим смехом; Целованьева обиженно поджала губы; Софья около фисгармонии, нахмурясь, смотрит на племянника.*)

У франкоязычных. По этому поводу
 хотелось бы сказать, что если
 на ее французском языке и не
 у меня сердца вперёд и назад и
 кинуть. Если впрочем, тогда кто
 и вонючий и зловонный. Не знаю
~~иногда у меня, особенно~~
 припаривать, какой процесс и от
 адофидии, выходящие в боты в
 боты в боты, то я думаю, что
 ртуть и диалект экзотичны: Пав
 ив. Ах, клянутся мои ослепшие
 дождики. Она была по уму, а
 божественно. Прелесть, прелесть
 и прелесть. У той же
 кто-то ~~иногда~~ ~~иногда~~ ~~иногда~~ ~~иногда~~
 кто-то, но убогий. Кого-то из них
 ртуть.

на зомби, боты
 боты, боты, боты, боты
 боты, боты, боты, боты
 боты, боты, боты, боты
 боты.

Ученый, боты. Зомби...

Сарг. В. боты, боты, боты, боты, боты, боты...

Ученый. - А почему же вы, Сарг, боты и боты, боты, боты, боты?

С Сарг. - Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

У Сарг. - Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

С Сарг. - Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

У Сарг. - Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

Сарг. В. - Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

Сарг. Сарг. - Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

Ученый - Сарг. - Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?
 Почему же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

зачем же вы же боты, боты, боты, боты, боты, боты?

«ЗЫКОВЫ».

Начало пьесы. Автограф.

М и х а и л (*идя к столу*). Жарко, нареченная мамаша!

Ц е л о в а н ь е в а (*бормочет*). Ну — где же еще... какая же мамаша? (*Громко.*) Палагея у нас придурковата...

М и х а и л. Кто?

Ц е л о в а н ь е в а. Женщина эта.

М и х а и л. Ага! Только она, одна? Это я запомню. (*Идет к столу с закусками, Софья пробует фисгармонию в базах.*)

Ц е л о в а н ь е в а (*беспокойно*). Зачем же запоминать?

С о ф ь я. Он — шутит, Анна Марковна.

Ц е л о в а н ь е в а. Ох, плохо я понимаю шутки...

П а л а г е я (*из кухни*). Мужик верхом приехал...

С о ф ь я. Это — Шохин. Анна Марковна — это ко мне...

Ш о х и н (*в двери*). Шохин пришел.

С о ф ь я (*строго*). Я бы вышла к тебе, Яков!

Ш о х и н (*кланяясь*). Ничего! Доброго здоровья.

Ц е л о в а н ь е в а (*отходит к окну*). Вы не стесняйтесь...

С о ф ь я (*Шохину*). Ну, что?

Ш о х и н. Велел сказать, что напишет письмо.

С о ф ь я. Больше ничего?

Ш о х и н. Ничего.

С о ф ь я. Спасибо. (*Записывает что-то в книжечку на поясе; Михаил, подмигивая на Анну Марковну, наливает Шохину стакан водки; тот, украдкой, выпивает, морщится.*)

М и х а и л. Отчего ты, Яков, всегда такой угрюмый?

Ш о х и н. Жалованья мало получаю. Софья Ивановна, у меня к тебе слово есть.

С о ф ь я. Что такое?

Ш о х и н (*подходя*). Лесничий этот вчера говорил машинисту нашему, что-де всех нас, за наше хозяйство, под суд сажать надо, дескать, от нас реки мелеют и вся земля портится...

С о ф ь я. Ну, — иди...

М и х а и л. Иди, раб!

Ц е л о в а н ь е в а. Это он про лесничего говорил?

С о ф ь я. Да.

Ц е л о в а н ь е в а. Строгий господин. Со всеми — ссорится, со всеми — судится, а сам всегда выпимши и, кроме карт, никаких удовольствий не признает. Холостой, должность хорошая — женился бы! Не любят теперь семейной жизни.

М и х а и л. Как — не любят? А — я? Вот я жежюсь...

Ц е л о в а н ь е в а. Вы, конечно... Вам — папаша велел. *(Невольно вырвавшееся слово — смутило ее, она невинно бормочет что-то и быстро идет в кухню.)*

С о ф ь я *(Михаилу)*. Ты ведешь себя совершенно неприлично!

М и х а и л. Ну? Не буду больше. Тебе нравится невеста?

С о ф ь я. Девушка красивая, простая... доверчивая. А тебе?

М и х а и л. Мне даже немножко жалко ее, — какой я ей муж?

С о ф ь я. Это ты — серьезно?

М и х а и л. Не знаю. Кажется — серьезно.

С о ф ь я. Вот и хорошо! Может быть, она заставит тебя подумать о себе самом, — пора!

М и х а и л. Да я ни о чем кроме и не думаю...

С о ф ь я. Дуришь ты много, играешь...

М и х а и л. Это свойственно человеку. Вон и невеста моя играет на простоту, доброту...

С о ф ь я *(пристально смотрит на него)*. Что ты говоришь? Она действительно доверчива...

М и х а и л. И кошка будто бы доверчива, а попробуй, обмани кошку!

С о ф ь я. При чем здесь — обманы?

М и х а и л. Знаешь что? Пусть бы лучше отец женился на ней, а меня — в отставку!

С о ф ь я. Какая чушь!

М и х а и л *(с усмешкой)*. Всё равно — сейчас не женится — после отобьет. Она — доверчива...

С о ф ь я. Перестань! Что за гадости лезут в голову тебе! *(Взволнованно отходит прочь.)*

М и х а и л (*тихонько смеется, наливая вина в рюмку, и декламирует*).

Я хотел поймать в воде
Отражение цветка,—
Но зеленый ил один
Подняла моя рука...

С о ф ь я. Это — что значит?

М и х а и л. Ничего не значит. Шутка.

С о ф ь я. Ой, Миша, смотри, жизнь серьезна!

(*Из прихожей входит Антипа Зыков, мужчина лет под пятьдесят, в бороде с проседью, кудрявый, черные брови, с висков — лысоват; Павла — в голубом платье, очень простом, без талии, как ряса, на голове и плечах — голубой газовый шарф.*)

П а в л а. Я всегда говорю правду...

А н т и п а. Ну? Поглядим.

П а в л а. Увидите. А где же мама?

Ц е л о в а н ь е в а (*из кухни*). Иду, иду...

(*Антипа идет к столу с закусками; Павла, улыбаясь, к Софье.*)

С о ф ь я. Устали?

П а в л а. Жарко! Пить хочу.

С о ф ь я. Вы сами платье шили?

П а в л а. Сама. А что?

С о ф ь я. Идет к вам.

П а в л а. Я люблю, чтоб всё было свободно...

А н т и п а (*сыну*). Гляди, лишнее пьешь, сконфузишься...

М и х а и л (*дурашливо*). Жених должен показать себя со всех сторон...

(*Антипа, взяв его за плечо, что-то строго говорит ему, Михаил усмехается.*)

С о ф ь я (*Павле, вдруг, негромко*). Который красивее?

П а в л а. Старший...

А н т и п а (*резко*). Цыц!

Софья (*тихо*). Антипа, что с тобою?

(*Павла жметя к ней.*)

Антипа (*смущенно*). Ты извини, Павла Николаевна, это для тебя же лучше...

Павла. Что?

Антипа. А — вот... этот сударь... (*Мычит.*)

Целованьева (*с блюдом в руках, на блюде — кулебяка*). Пожалуйте закусить, прошу вас...

Павла (*Антипе*). Надо быть добрым, а то я буду бояться вас...

Антипа (*ласково усмехаясь*). Ты всё про свое, про добро... Эх, дитё ты мое... (*Говорит ей что-то, понизив голос.*)

Михаил (*хотя и выпивший, чувствует себя лишним, бродит по комнате, усмехаясь, на ходу говорит тетке*). Тесно, как в курятнике...

Целованьева (*волнуясь, следит за всеми, подходит к Софье*). Пожалуйте к столу-то! Зовите, а то меня не слушает никто...

Софья (*задумчиво*). Нравится мне ваша дочь...

Целованьева. О? Дай-то господи! Посмотрели бы вы за ней, поучили ее...

Софья. Да, конечно. Наше, бабье дело везде — общее...

Павла (*удивленно*). А как же люди?

Антипа. Что — люди?

Павла. Что ж они подумают?

Антипа (*с жаром*). Да мне — пес с ними! Пускай, что хотят, то и думают. Люди! Чем я обязан им? Горем да обидами. Вот она, рука, которой я жизнь свою возводил, — это моя рука! Что мне люди? (*Выпил водки, вытер рот салфеткой.*) Вот ты моя будущая... дочь, скажем; ты всё говоришь — ласково надо, добром надо! Четвертый раз я тебя вижу, а речи твои всё одинаковы. Это — оттого, что жила ты в монастыре, в чистоте... А поживи-ка на людях — другое заговоришь, душа! Иной раз так бывает — взглянешь на город, и до смерти хочется запалить его со всех концов...

Павла. Тогда и я сгорю...

Антипа. Ну, тебя я... ты не сгоришь!

Целованьева. Вы что, Михаил Антипович, не выпьете, не закусите?

Михаил. Папаша не велит...

Антипа. Что-о?

Михаил. И невеста не угощает.

Павла (*краснея, кланяется*). Пожалуйста, я люблю...

Михаил. И себе...

Павла. Не люблю я...

Михаил. А я — очень люблю водку...

Павла. Говорят — вредно это...

Михаил. Врут! Не верьте. Ваше здоровье!

Антипа. Слабоваты здоровьем люди становятся, Анна Марковна, а?

Целованьева. Отчего же? Пашенька у меня...

Антипа. Я — не про нее, конечно. А вот хоша бы мой: много ли выпил, а и глаза мутные и рожа оглупела.

Софья. Ты бы вслушался в то, что говоришь.

Целованьева (*смятенно*). Сынок ваш молодой...

Антипа (*сестре*). Я — правду говорю! Анна Марковна знает, как раньше пили, у нее благоверный неделями качал... (*Целованьевой*.) А что молодой — это еще не велико дело, это — проходящее мимо, молодость...

(Настроение — напряженное, все ждут чего-то, присматриваются друг к другу. Софья настороженно следит за братом и Павлой; Михаил курит, тупо, пьяными глазами глядя на отца; Павла пугливо оглядывается. Антипа — у стола с закусками, Павла сняла чайник с самовара, мать ее суетится около стола.)

Целованьева (*шепчет*). Ой, Пашенька, жутко мне...

Софья (*брату*). Не много ли пьешь?

Антипа (*угрюмо*). Ну, не знаком я тебе...

Софья. Все-таки — следи за собой...

Антипа. Не мешай! Знаю, что делаю.

Софья. Знаешь ли? (*Смотрят в лицо друг друга*.) Ты что затеял?

Антипа. Разве он ей пара? Его — не исправим, а ее — погубим зря...

Софья (*отступая*). Послушай, неужели ты решишься?..

Антипа. Стой, не подсказывай! Хуже будет...

Михаил (*усмехаясь*). Сговор, а — не весело! Все шепчутся...

Антипа (*встрепенулся*). Это всё твоя тетка серьезничает... Эх, жаль, народу мало!

Павла. Вот и сказалась нужда в людях...

Антипа. Поддела! Упряма ты в мыслях твоих, Павла Николавна... Что ж! Это так и надо женщине: держись за одно супротив всего...

Павла. А мужчине...

Антипа. Мужчина? Он — сам по себе. Он — дикой. Его схватит за сердце — так он тут, как медведь, — прямо на рогатину... куда хочешь, да! Ему жизнь дешевле, видно...

Целованьева. Пожалуйте чайку-то...

Антипа. Теперь бы холодненького чего...

Михаил. Шампанского советую...

Антипа. Первый совет слышу твой умный! Иди, найди...

Михаил. Могу... (*Идет в кухню покачиваясь, зовёт.*) Женщина! Красавица...

Антипа (*подмигивая Павле*). Видишь? А я — втрое боле его выпил. И таков я во всем — больше людей.

Павла. А чего вы боитесь?

Антипа (*удивлен*). Я — боюсь? Как это — боюсь?

(*Софья оживленно, тихоенько говорит с Целованьевой, но вслушивается в слова брата.*)

Павла (*заметив это, весело говорит*). Вы зачем же конфузите моего жениха?..

Антипа. Чем я его конфужу? Он мне — сын... я помню...

Павла (*тише*). Что вы на меня так смотрите?

Антипа. Под одной крышей будем жить, — узнать хочу — с кем? Вот ты говорила — в монастыре

хорошо, тихо... У нас тоже будто монастырь... Развейной раз Софья буянит...

Павла. А ведь вы — добрый...

Антипа (*хмурясь*). Ну... не знаю! Со стороны, конечно, виднее. Ты всё о своем... занимает это меня! Нет, я, пожалуй, добротой не похвастаюсь. (*Вспыхнул.*) Может, и было и есть в душе доброе, хорошее, да куда ж его девать? Его надо к месту, а нет в жизни места для добра. Некуда тебе сунуть хороший твой кусок души, понимаешь ты — некуда! Нищему что хошь дай — всё пропьет! Нет, Павла, не люблю я людей... У меня дома один хороший человек — Тараканов, бывший помощник исправника...

Софья. Спасибо!

Антипа. Ты? Ты — молчи! Ты — чужая... ты — другая... Бог тебя знает, кто ты, сестра! Разве ты — добрая? Мы ведь про доброту говорим, а ты не добрая, не злая...

Софья. Хорошо ты меня рекомендуешь!..

Антипа. Не плохо, Софья! Вот Анна Марковна, — она меня моложе почти на два десятка, а в тяжелый час я к ней, как к матери, хожу.

Софья. Что это ты... разговорился? Странно...

Антипа. Стало быть — так надо! Да. Тараканов... его за доброту со службы прогнали — это верно! Он умный, знающий, а — не способный ни к чему. На него только смотреть хорошо... как на забавную вещь. В старину — его бы шутком домашним сделали...

Софья (*улыбаясь*). Выдумал! Почему — шутком?

Антипа. Так мне видится. А ты — ты уж не нашего, Зыковых, гнезда, ты шесть лет за дворянином замужем была, в тебе барская кровинка есть...

Софья. Перестал бы ты, Антипа...

Антипа. Нет, погоди! Ты — умница и всякому делу хозяйка: так ведь ты — женщина, птица вольная, снялась да и полетела. А я — остался один! И мужчина не всегда знает, чем он завтра будет, а женщина твоего характера и подавно — это уж так!

Целованьева. А Михайло Антипыч?

Антипа (*угрюмо*). Сын? Что ж... Хорошего про него я мало знаю, коли правду говорить, а мы — чест-

ное дело затеваем, — тут — вся правда нужна. Мало Михаил хорошего накопил... вот — стишки складывает, на гитаре играет... Училище реальное — не окончил, не хватило уменя... А уменье — это терпенье... Положим — терпеньем и я не похвастаюсь...

Павла (*взволнованно*). Что же вы про меня думаете, говоря так о сыне вашем, моем женихе?

Антипа (*негромко, как бы про себя*). Правильно спросила...

Целованьева (*беспокойно*). Милые мои, послушайте меня, мать...

Софья (*строго*). Ты обдумал то, что делаешь?

Антипа (*встал на ноги, внушительен*). Размышлять — не умею! Пускай кто хочет размышляет, а я — знаю, чего хочу... Павла Николавна, встань, выдь со мною на минуточку...

(Встали все три женщины; Павла, как во сне, улыбаясь, идет в комнату рядом с кухней, Антипа, тяжело и угрюмо, за нею. Дверь не затворили, слышен возглас Антипы: «Садись... погоди, соберусь с мыслями!»)

Целованьева (*опускаясь на стул*). Господи! Чего он хочет? Софья Ивановна, что же это?

Софья (*взволнованно ходит*). Ваша дочь — очень умная девушка... если я верно понимаю... (*Закуривает, ищет глазами, куда бросить спичку.*)

Целованьева. Ведь это он сам хочет...

Софья. Позвольте...

Антипа (*в комнате*). Какой он тебе муж? Годами ты ему ровесница, душою — старше. Иди за меня! Он меня старше, он — дряблый! Это я тебя буду молодо любить, я! В ризы одену, в парчу! Трудно я жил, Павла, не так, как надо... Дай мне иначе пожить, порадоваться чему-нибудь хорошему, прислониться душою к доброму — ну?

Софья (*волнуясь*). Слышите? Хорошо говорит! Зрелые люди любят крепко...

Целованьева. Ничего я не понимаю... Богородица всемилостивая — на тебя вся надежда моя:

пожалей дитя мое, пощади от горя; мною всё горе испытано, и за нее, за дочь, испытано!..

С о ф ь я. Вы — успокойтесь! Я — тоже поражена... Хотя это в его характере... Что же теперь сделаешь? И ваша дочь, видимо, не против...

Ц е л о в а н ь е в а. Не знаю вас, никого! Приехали сватать сына, племянника, — вдруг — что такое стало? *(Идет в комнату, где дочь и Антипа.)* Я желаю слушать, я — мать... я не могу...

А н т и п а. Ты мне на дороге богом поставлена... Анна Марковна — слушай!

(Закрыли дверь, Софья, кусая губы, ходит по комнате; в окне лицо Муратова, насмешливое, под глазами — отеки, острая бородка, лысоватый.)

С о ф ь я *(сама с собою)*. Ах, боже мой...

М у р а т о в. Приветствую!

С о ф ь я. Ой... что это вы?

М у р а т о в. А что? Мне ваш Личарда, Шохин, сказал, что вы здесь, и я счел долгом засвидетельствовать...

С о ф ь я. Через окно?..

М у р а т о в. Ба! У нас нравы простые, как вы знаете...

С о ф ь я. Вы всё опрощаетесь?

М у р а т о в. Ирония? Да, всё опрощаюсь. А вы — сватаете?

С о ф ь я. Уже — известно?

М у р а т о в. Конечно! Известно, что и невеста не вполне при своих мозгах...

С о ф ь я. Вы, разумеется, слышали о моем якобы романе с вами?

М у р а т о в. Слышал. Люди предупреждают события...

С о ф ь я. Вы не опровергали этот слух?

М у р а т о в. Зачем? Я горжусь им...

С о ф ь я. А вы не сами пустили его?..

М у р а т о в. Вот что называется — воткнуть вопрос иглой в око... Но, когда со мною говорят в этом тоне, я становлюсь нахалом...

С о ф ь я. Я все-таки попрошу вас уйти из-под окна.

М у р а т о в. Ну что ж? Ухожу. В воскресенье можно к вам?

С о ф ь я. Пожалуйста. Но можно и не приезжать.

М у р а т о в. Я лучше приеду! Почтительно кланяюсь. Всяких удач и успехов... всяких!

С о ф ь я. Не забудьте моей просьбы о копиях описи...

М у р а т о в. Я ничего не забываю...

М и х а и л (*входит*). Нельзя достать шампанского в этом чёртовом углу. Кого вижу!

М у р а т о в. Ты что же путешествуешь одиноко, жених?

М и х а и л (*делает ему рукой прощальный жест*). Вечером увидимся.

М у р а т о в. Надеюсь! За тобой — мальчишник!..

М и х а и л. Конечно... (*Муратов исчез.*) А где же все?

С о ф ь я (*пристально смотрит на него*). Там, в той комнате...

М и х а и л. Меня — исключают? Да, что ли? Я ведь слышал отцово красноречие...

С о ф ь я (*почти с презрением*). Ты, кажется, везде будешь лишним...

М и х а и л. Я тебе говорил, что так будет лучше... Но — зачем было тревожить смиренного мальчика? Вот те и мальчишник! Тетя Соня — тебе скучно?

С о ф ь я. С вами? О, да! С вами — больше чем скучно... с вами — ужасно!..

(*Входят Павла и Антипа, Анна Марковна в слезах.*)

А н т и п а (*торжественно*). Вот, сестра Софья... видишь ты... Решили мы, что... (*Схватывается рукой за сердце.*)

П а в л а. Софья Ивановна — поймите меня, простите...

С о ф ь я (*обнимает ее*). Не знаю, что сказать вам... Не понимаю вас...

А н т и п а. Михайло... ты, того... не обижайся! Ты — молод, невест — много...

М и х а и л. Я очень рад... Честное слово! Павла

Николаевна — я сказал, что очень рад, — вы не сердитесь! Я ведь знаю — не пара я вам!

Антипа. Ну вот, Анна Марковна, видишь, я говорил...

Павла (*Михаилу*). Мы будем дружно жить...

Михаил (*кланяясь*). О, конечно... (*Тихонько, пьяно смеется.*)

Антипа. Анна Марковна — будь спокойна! От моей вины — богом тебе клянусь — дочь твоя ни одной слезы не прольет...

Целованьева (*опускаясь перед ним на колени*). У тебя мать была, любила тебя... добрый человек — вспомни свою мать! Матери твоей ради — пожалей дочь мою!

(*Антипа, Павла — поднимают ее; Софья отвернулась к стене, отирает глаза платком; Михаил — взволнован и пьет рюмку за рюжкой.*)

Павла. Мамочка, полно, всё будет хорошо!

Антипа. Ну — я тебе слово дам, какое хочешь... Все зарюки беру на себя — встань! Двадцать пять тысяч кладу в банк на ее имя — ну, ладно!

Софья. Довольно, господа! Миша, належь чего-нибудь! Анна Марковна, я с вами в матерях, хоть и молода для такого бородатого сына. (*Антипе.*) Ты что трясешься, точно тебя под суд отдали?

Целованьева. Милая моя... (*Обняла дочь и плачет беззвучно.*)

Антипа. Мне — сесть да помолчать хочется, как делают перед дальним путем...

Софья. Вот что: здесь душно! Павля, ведите всех в сад...

Павла (*Антипе, матери, беря их за руки*). Идемте...

Михаил. А — выпить хотели?

Софья. Потом, оставь! Эх, ты... дитятко! (*Обняла его за плечи, гладит голову.*) Ну, что?

Михаил. Ничего, тетя Соня... Право же — мне всё равно!..

Софья. Идем в сад...

Михаил. Не пойду...

С о ф ь я. Почему?

М и х а и л. Не хочу...

С о ф ь я (*заглядывая в глаза ему, тихо*). Значит — не всё равно, а?

М и х а и л (*усмехаясь*). Неловко как-то — за отца. Такой он красивый мужик, такой — литой, цельный... Ему ли пряники есть?..

С о ф ь я (*уходя, с улыбкой*). Что делать? Человеку всегда хочется немножко счастья... немножко!..

М и х а и л (*подошел к столу, наливает вина, бормочет*). Зачем же — немножко? Немножко — скучно...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В саду у Зыковых. Слева — широкая терраса барского дома, против нее, под липой, за столом П а в л а вышивает что-то, М и х а и л с гитарой, Т а р а к а н о в — длиннобородый старик, одетый в парусину, очень страшный, смешной. В глубине сада, у конца террасы Ц е л о в а н ь е в а варит варенье, около нее девочка-подросток — С т е п к а.

Т а р а к а н о в. Это всё оттого, что образовалось смятение понятий и никто не знает точно — где его место...

П а в л а (*задумчиво повторяет*). Смятение понятий.

Т а р а к а н о в. Именно.

М и х а и л (*перебирая струны*). Вы бы, Матвей Ильич, рассказали что-нибудь из жизни и без философии...

Т а р а к а н о в. Без философии — ничего нет, ибо во всем скрыт свой смысл, и его надобно знать.

М и х а и л. Зачем?

Т а р а к а н о в. Как это — зачем?

М и х а и л. А если я не хочу ничего знать?

Т а р а к а н о в. Этого нельзя.

М и х а и л. А я — не хочу...

Т а р а к а н о в. Каприз юности.

П а в л а. Вы не спорьте, вы говорите просто...

Т а р а к а н о в. Тебе скажут — посторонись, а ты не поймешь...

М и х а и л. Ну?

Т а р а к а н о в. Ну, и сшибут с дороги.

М и х а и л. Посторониться, Матвей Ильич, я всегда сумею, я — брезглив...

Павла (*мельком взглянув на него*). Не надо сердиться... В сердцах всего чаще ошибаются...

Тараканов. Не понимаю — что значит брезглив?

Целованьева. Перестаньте вы тоску-то сеять! Павля, хочешь пенек?

Павла. Нет, спасибо! Ты лучше вели сделать мне блинчики к ужину...

Михаил. Почему же только вам? Я тоже люблю блинчики, может быть...

Павла (*вздыхая*). Пьющие — сладкого не любят.

Михаил. Это называется афоризм.

Павла. Что?

Михаил. То, что вы сказали.

Павла. Почему — афоризм?

Михаил. Чёрт его знает...

Тараканов. Странный ты человек, Миша...

Михаил. Все люди — странные, и понять ничего в них нельзя. Вы тоже странный, вам надо бы служить, взятки брать, а вы — философствуете.

Тараканов. Мне взятки брать не к чему, я человек одинокий.

Павла. А я слышала — сын у вас есть?

Тараканов. Я от него отрезся...

Павла. Совсем? За что?

Тараканов. Окончательно. За то, что он Россию не любит...

Павла (*вздохнув*). Не понимаю...

Михаил. Матвей Ильич сам ничего не понимает.

Целованьева. Со стариками-то как нынче говорят!..

Михаил. Старики сами сознаются, что живут в смятении понятий. Значит — подождите учить!

Целованьева. Разве я учу? Бог с тобою!.. (*Идет на террасу. Степка, оглянувшись, насыпает в карман себе сахар.*)

Павла. Да не обижайтесь вы друг на друга! Зачем?

Тараканов. Для развлечения больше.

Михаил. Вот именно...

Павла. Миша, сыграйте вашу песенку про девушку...

Михаил. Не хочется...

Павла. Ну, пожалуйста...

Михаил (*взглянув на нее*). Родителей надо слушаться. (*Настраивает гитару, Тараканов набивает трубку, раскуривает.*)

Михаил (*говорит речитативом, аккомпанируя тихонько на гитаре*).

Полею девушка тихо идет.

Я не знаю — кто она?

Не ее ли мое сердце ждет,

Грустью околдовано?

Тараканов. Что же это за девушка?

Павла (*с досадой*). Не мешайте! Это — мечта.

Тараканов (*вздыхая*). Вообще, значит, девушка. Понимаю. Но в этом случае — надобно жениться...

Павла. Ах, да не мешайте же!

(*Во время чтения на террасе явился Муратов, в костюме для верховой езды, с хлыстом в руках. Слушая Михаила, он иронически морщится.*)

Муратов (*сходя в сад*). Какая поэтическая картина: варенье варят, сладкие стихи читают... Добрый день, Павла Николаевна, вы всё хорошеете! Отставной проповедник правды и добра — приветствую! Здравствуй, Миша...

(*Его встречают молча, он садится рядом с Павлой; она жметесь, отодвигаясь от него. Тараканов, молча поздоровавшись, уходит в глубь сада, угрюмо оглядываясь на лесничего.*)

Муратов. Прошел насквозь весь дом — пусто!

Павла. Тетя Соня дома...

Муратов. Потом услышал тихий звон гитары...

Чьи это стихи, — твои, Миша?

Михаил. Мои... А — что?

Муратов. Плоховато. Впрочем, для домашнего употребления, вероятно, и это годится.

Павла. Позвать тетю?

Михаил *(усмехась)*. Сиди, я позову...

Павла. Лучше я...

Муратов. Почему же — лучше?

Павла. Не знаю. Ну, пускай Миша...

(Михаил идет, оставив гитару; Муратов взял ее, наклонил голову к Павле.)

Муратов. Хорошо быть военным писарем, — это очень смелые люди — они прекрасно ухаживают за барышнями и дамами. Как вы находите?

Павла. Я не знаю, не видала.

Муратов. Писаря — и парикмахеры тоже — очень любят играть на гитарах.

Павла. Да?..

Муратов. Вы — плохая Ева, у вас мало любопытства... Вас не интересует, почему я стал так часто бывать здесь, а?

Павла *(смущенно)*. Нет... не интересует...

Муратов. Очень сожалею. Хотелось бы, чтобы вы подумали об этом...

Павла. Вы — старый знакомый тети Сони...

Муратов. Знакомый я старый, но душа у меня молодая, и ее влечет к молодому, как вас, например, к Мише, очень глупому парню...

Павла *(волнуясь)*. Он — вовсе не глухой...

Муратов. Я его знаю лучше, чем вы... Он же постоянно пьянствует со мною...

Павла. И меня вовсе не влечет...

Муратов *(тихо напевает)*. «Старый муж, грозный муж...»

Павла *(встала)*. Это — неправда!

Муратов. Что — неправда?

Павла. Всё! Всё, что вы говорите! И я не хочу с вами... Вы нарочно меня...

Муратов. Что — нарочно?

Павла. Я не знаю, как сказать. Вы надо мной смеетесь... *(Быстро идет прочь.)*

Муратов *(вынимая портсигар, следит за нею, вздыхает)*. Дурочка... *(Тихонько бьет кончиком хлыста по струнам гитары. Из-за угла террасы выглянула*

Целованьева и — спряталась. Из дома выходит Софья, остановилась на верхней ступени, глубоко вздохнула.)

Софья. День-то какой прекрасный...

Муратов *(вставая встречу ей)*. Жарко и пыльно... Здравствуйте?

Софья. Вы чем Павлу расстроили?

Муратов. Я?

Софья. Ну, ну, не играйте, не поверю ведь...

Муратов. Она меня очень забавляет.

(Анна Марковна у жаровни. Степка около нее.)

Муратов. Что — скоро идиллия превратится в драму?

Софья *(строго)*. Не говорите пустяков! Вы привезли, наконец, бумаги?

Муратов. Нет. Мой писмоводитель такой лентяй!

Софья. Ну, и вы тоже трудолюбием не отличаетесь.

Муратов. Я — принципиально ленюсь. С какой стати я буду трудиться для диких людей, которые неспособны оценить значение моего труда?

Софья. Это вы говорили не однажды...

Муратов. Значит — я говорю это серьезно.

Софья. А не ради оригинальности?

Муратов. Я живу среди людей бесчестных, ленивых, некультурных... и не хочу, нахожу бесполезным делать для них что-либо... Это — понятно, надеюсь?

Софья. Понятно, но — не лестно для вас...

(Анна Марковна, взяв Степку за ухо, ведет ее куда-то.)

Муратов. Да? Что ж делать! Кстати, этот ваш Хеверн...

Софья. Не станем говорить о нем...

Муратов. Почему?

Софья. Я не хочу...

Муратов. Чтоб я говорил о нем?

Софья. Да.

Муратов. Вот как? Гм! А я отчасти затем и явился, чтобы сообщить вам об этом господине...

Софья (*спокойно*). Этого господина зовут Густав Егорович, и я его очень уважаю...

Муратов. А если окажется, что он — жулик?

Софья (*встала, твердо и гневно*). Вам что угодно?

Муратов (*немножко испугался*). Позвольте...

Софья. Я только что сказала вам, как я отношусь к этому человеку...

Муратов. Но — ведь можете же вы ошибаться!

Софья. За ошибки мои я расплачусь сама. И я чувствую людей не хуже, чем вы...

Муратов. Моего отношения к вам вы, однако, не чувствуете.

Софья. Это — неправда! (*Усмехнулась.*) Вы, я знаю, не верите мне, не уважаете меня...

Муратов (*вздохнув*). О! Как вы ошибаетесь...

Софья. Да не — о!.. и — не ошибаюсь. Я для вас — купчиха, бывшая замужем за помещиком, испорченная и утомленная им. Женщина богатая, хитрая, в мыслях грешная, но — трусливая. И — глупая; ведь это в расчете на глупость вы рисуетесь предо мною цинизмом?.. Да?

Муратов. Я не циник, а скептик, как все неглупые люди...

Софья. Я хорошо помню ваши первые атаки, тогда еще, при жизни мужа... (*Вздыхнула.*) Знали бы вы, как я тогда нуждалась в участии, в честном отношении ко мне...

Муратов. Я относился к вам честно, как умею...

Софья. Ну, вы плохо умеете! И вы тогда нравились мне: вот, думала я, хороший, умный человек...

Муратов. Я тогда был глупее, чем теперь...

Софья. Я вам не уступила, и на время это заглогло ваше самолюбие, ваше упрямство.

Муратов. Не упрямство, а — страсть!

Софья. Ах, полноте! Вы и страсть...

Муратов. Мы, кажется, ругаемся?..

Софья. Да, я горячусь, извините...

Муратов (*кланяясь*). Ничего! Я готов слушать и дальше. Какой-то такой разговор должен был быть между нами...

Софья. Да? И мне тоже кажется.

М у р а т о в (*оглянувшись*). Так продолжайте.
С о ф ь я (*смотрит на него*). Однажды я едва не поверила в ваше чувство...

М у р а т о в. Когда?

С о ф ь я. Это всё равно для вас. (*Встает, ходит.*)

М у р а т о в (*помолчав*). А хотел бы я знать — что вы обо мне думаете?

С о ф ь я. Нехорошо я о вас думаю.

М у р а т о в. Ну — начистоту! И если попадете в сердце...

С о ф ь я. То — что будет?

М у р а т о в. Как сказать? Что-то будет...

С о ф ь я (*подумав*). Знаете, ведь вы вашим якобы роковым чувством ко мне пользуетесь, чтоб прикрыть вашу лень, оправдать вашу плохонькую жизнь...

М у р а т о в. Для начала — недурно.

С о ф ь я. Вы очень нечестный человек...

М у р а т о в (*привстал, усмехаясь*). Позвольте однако...

С о ф ь я (*подходит близко к нему*). Нечестный. Честный человек не может всем пользоваться, ничего не платя, ничем не отвечая за то, что берет...

М у р а т о в. Не помню, что я взял у вас...

С о ф ь я. Говорят — вы строгий законник, а я думаю, что вы преследуете людей только потому, что не любите их, скучно вам с ними, и вы мелко и злобно мстите им за то, что вам скучно... Властью, данной вам, вы пользуетесь, как пьяница или как мой покойный муж, больной человек... Плохо я говорить умею, всё какие-то не свои слова на языке. Но — я очень чувствую всё и — скажу по душе: жалко мне вас...

М у р а т о в. Не благодарю...

С о ф ь я. Ужасно вы живете...

М у р а т о в. Да?

С о ф ь я. Никого и ничего не любя...

М у р а т о в. Да, я не люблю людей...

С о ф ь я. И дело ваше вы не любите.

М у р а т о в. И дело не люблю. Охранять леса? Нет, это меня не забавляет. Далее!

С о ф ь я. А ведь вы этому учились — охранять леса.

М у р а т о в. Именно этому.

Софья. Как же так?

Муратов. Ошибся. Что ж, это обычная ошибка русского! Русский человек стремится прежде всего уйти из своей родной среды, а — куда, каким путем — это всё равно! С тем нас возьмите. Вы всё сказали, что хотелось?

Софья. Да.

Муратов. Какой же вывод?

Софья. Сделайте вывод сами.

Муратов. Может, вы надеетесь, что я, после сей философической беседы, застрелюсь? Нет, я не застрелюсь. Таких, как я, — тысячи, и жизнь — наше поле, сударыня! Таких, как вы, — единицы, десятки; вы совершенно лишние люди в жизни сей. И девать вам себя — некуда. Раньше вы в революцию ходили, но революция никому больше не нужна, и — сделайте-ка отсюда вывод!

Софья (*усмехаясь*). Я, кажется, попала-таки в сердце вам.

Муратов. В сердце? Нет!

Софья. Но — мы кончили?

Муратов (*глядя на нее исподлобья*). Вы — умнее, чем я думал. Удивляюсь, как вы можете терпеть всё это... эту пошлость вокруг вас... (*Вздыхнув.*) Все-таки есть у меня к вам нечто в душе...

Софья. Совершенно ненужное ни вам, ни мне...

Муратов. Простенько вы смотрите на людей, сударыня; очень уж несложно!

Софья (*пылко*). Ах, оставьте вы эту сложность, постыдитесь ее, наконец! Ведь вы за нею скрываете только ложь и разврат.

Муратов. Вы сердитесь? Ухожу. Я люблю сам сердиться, но когда другой — особенно женщина — отдает себя наслаждению злостью, это мне не нравится... (*Не торопясь, идет в дом, на ступенях террасы остановился.*) А я не считаю, что мы поссорились, — можно?

Софья (*негромко*). Как хотите...

Муратов. Не считаю. До свидания, более приятного для меня.

(Софья, оставшись одна, ходит, пожимает плечами, усмехаясь.)

Степка *(выглядывает)*. Софья Иванна, меня бабушка за уши оттрепала...

Софья *(не глядя на нее)*. А ты что сделала?..

Степка. Сахарку немножко взяла...

Софья. Надо было попросить.

Степка. Так ведь не дала бы она...

Софья. А ты у меня спроси.

Степка. А тебя не было!

Софья. А ты бы подождала меня...

Степка. Разве что так! Дура я...

Софья *(глядя ее волосы)*. Конечно — дурочка...

Степка. А когда я умной-то буду?

Софья. Подожди, будешь... Ступай, посмотри, кто приехал.

Степка *(убегая)*. Гляди — немец твой...

Софья *(усмехается, заглядывает за угол террасы)*. Анна Марковна, вы что прячетесь?

Целованьева. Беседовали вы тут... У меня вон варенье-то прикипело. Девчонку эту напрасно вы ласкаете, она сахар ворует...

Павла *(с террасы)*. Тетя Соня — там приехали!

Софья. Знаю, иду... Ты что грустная?

Павла. Миша рассказывал про училище...

Целованьева. Охо-хо...

Софья. Нужно приготовить холодного чего-нибудь, наверное, спросят. *(Ушла в дом.)*

Целованьева. Ох, Павленька, напрасно мы домишко свой продали!

Павла. Пустяки, мамочка...

Целованьева. Свой угол — никогда не пустяки!.. *(Понизив голос.)* Софья-то тут лесничего отшивала, ай, какая смелая женщина! Видно, решила за немца выйти...

Павла *(задумчиво)*. Она — хорошая...

Целованьева. Все хороши, да — не наши!

Павла. И умная она...

Целованьева. Ну, уж это довольно глупо, ежели женщина всегда умна. Ты бы вот не часто с Михаилом-то...

Павла. Мамаша, оставьте это! Как вы можете

напомянуть?.. Фу, как скучно с вами! Вы стали злая. На кого злитесь? Удивительно, право...

Целованьева. Ну, ну... На себя обернись... Погляди, какая сама-то стала... *(Скрылась за угол.)*

(Павла раздраженно толкает гитару. С террасы сходит Шохин, в руках пакеты.)

Павла. Вам кого?

Шохин. Никого. Сахар принес.

Павла. Вы — Шохин?

Шохин. Шохин. Старшой объездчик.

Павла *(тихо)*. Это вы убили человека?..

Шохин *(не сразу)*. Я-с.

Павла. Господи! Ах вы, несчастный...

Шохин *(тихо)*. Меня оправдали.

Павла. Разве это не всё равно? Ведь вы сами-то себя не оправдаете... Как это вы...

Шохин *(сердито)*. Топором... обухом...

Павла. Ой, я не про то...

Шохин. Ну... Куда это положить? *(Кладет пакеты на стол и вдруг говорит поспешно, резко.)* Они в седьмом году — чего делали? Приедут — лес рубят чужой...

Павла. А вы — били их?

Шохин. На то нанят...

Павла. Ах, боже мой! Разве можно из-за этого убивать!..

Шохин. И за меньше убивали...

Павла *(смотрит на него и жалобно, ребячьим голосом зовет)*. Mamочка!

Шохин *(тихо и обиженно)*. Вы — напрасно это... Я ведь ничего...

(В доме шум, он оглядывается, скрывается быстро. Выходит Антипа, усталый, пыльный.)

Антипа *(оглядывая сад)*. Это кто убежал?

Павла. Шохин...

Антипа. Чего он?

Павла. Я не знаю.

Антипа. А Михайло где?

Павла. У себя, должно быть...

Антипа *(сошел, обнял ее за плечи)*. Почему грустная, а?

Павла. Шохин этот...

Антипа. Ну?

Павла. Он ведь человека убил...

Антипа *(хмуро)*. Как же... убил, дурак! Я адвокат ему нанимал, отсудили. Теперь он — собачка верная моя... А если хочешь — могу прогнать...

Павла. Ой, не надо! Тогда он меня...

Антипа. А ты — полно-ка!

Павла. Ну, другого кого... Не надо!

Антипа. Эх ты... Гляжу я на тебя... большие слова в душе ворочаются, а сказать — не умею... Кабы ты поняла! Без слов...

Павла *(робко)*. Я — пойму, подождите...

Антипа. Жду. *(Вздохнул.)* Только — гляди: времени у меня мало. Я человек короткой жизни. И люблю, чтобы всё сразу открывалось мне...

Павла. Вон про вас говорят, что переменялись вы...

Антипа *(хмуро)*. Я? Как это — переменялся? Отчего?

Павла. Не знаю отчего...

Антипа. Кто говорит-то?

Павла. Люди.

Антипа. Лю-уди! *(Свистнул.)*

Павла. Дела забросили...

Антипа *(усмехаясь)*. Мои дела; хочу — брошу, хочу — нет... *(Присматривается к ней, обнял за плечи.)* Удивительно слышать это от тебя, — ребенок ты, а туда же — дела!

Павла *(негромко, оглянувшись)*. А еще говорят, что всё хозяйство забирает в свои руки тетя Соня...

Антипа *(вспыхнув, сердито)*. Ну, если я узнаю, кто это говорит, — башку сверну! Да. И ты этих пакостей не повторяй — это я тебе приказываю! Слышишь? Меня с сестрой никому не поссорить — дудки! *(Оттолкнул ее тихонько.)* Скажи, пожалуйста, — куда метят!..

Павла *(обиженно и медленно отходит прочь)*. Вот уж вы и рассердились... А еще просите — говори со мной обо всем, что думаешь...

Антипа (*порывисто схватил ее за плечо*). По-годи,— ты и говори, всё говори! Не обижайся,— это я так,— досадно мне! А ты — говори! Только — свое говори, а не людское... Людское — это от злости больше, от зависти. Несчастливы люди, малосильны, оттого завистливы и слабы...

Павла. Миша и слаб, а — не злой и не завистник.

Антипа (*отшатнулся от нее*). Что такое? Зачем ты про него?

Павла. Затем, что неверно вы говорите о людях.

Антипа. Неверно? Потому что — сын... да вот как вышло...

Павла (*беспокойно*). Вы, пожалуйста, не думайте...

Антипа (*пристально смотрит на нее, торопливо*). Про что не думать?

Павла (*смущенно*). Про то, о чем в четверг говорили... Нисколько он мне не интересен...

Антипа (*снова обняв ее, смотрит в глаза*). Я — не про это, ей-богу! Я тебе верю... Сказала — ну и конечно! Спасибо. Люблю я тебя, Павла... так, что даже задыхаюсь от этого, от силы... Идем к пруду... идем, я те поцелую там...

Павла (*тихо*). Ну, что это, днем — нехорошо...

Антипа (*уводя ее*). Хорошо будет! Иди, милая... иди, вечера моего заря ясная.

(Ушли. На террасу выходит Хеверн, прищурился и смотрит вслед им. Степка приносит серебряное ведро со льдом и бутылками в нем.)

Софья (*выходит*). Ну-с, продолжайте...

Хеверн. Вы сегодня очень весело настроены, и это меня стесняет...

Софья. Да-а? Вам больше нравятся унылые женщины?

Хеверн. О, вы знаете, кто мне нравится...

Софья (*с улыбкой*). Будь вы богаче, я говорила бы с вами серьезнее — не обижайтесь!

Хеверн (*чуть поморщился*). Это очень драгоценная ваша черта — сказать всегда прямо. Но — я буду богаче! Я уже есть богаче! Я хорошо понимаю, что нигде не нужно так быть богату, как в России, где только

деньги дают независимость и почтение. И я знаю, что в сорок лет я буду иметь сто тысяч, — мне тридцать четыре года.

Софья. Слишком много арифметики вводите вы в жизнь.

Хеверн. А! Это — необходимость. Нужно уметь считать, хотя бы для того, чтоб в пятьдесят лет не жениться на двадцатилетней девушке. Это никогда не составит семьи и может очень вредить делу.

Софья *(холодно)*. Вы думаете?

Хеверн. О, я уверен! Поздние браки в России всегда неудачное дело. Когда человек торопится домой — дело теряет. От этой торопливости могут пострадать интересы третьих лиц.

Софья. Мои, например...

Хеверн. И ваши. А также — мои...

(Вышел Михаил, молча поздоровался с Хеверном, налил стакан вина, сел на верхней ступени, рассматривает вино на свет. Хеверн смотрит на него сверху вниз, Софья курит и следит за ним.)

Хеверн. Утром ловили окуней, Миша?

Михаил. Ловил.

Хеверн. И — что же?

Михаил. поймал.

Хеверн. Много?

Михаил. Одного.

Хеверн. Большой?

Михаил. Около фунта...

Хеверн. Очень плохо! Ничто не берет так много время, как ловля рыб. *(Софье.)* Вчера я разговаривал с вашим предводителем дворян — это очень странное лицо!

Софья. Да? Почему же?

Хеверн. Очень! Бывал в Европе, интересуется искусством, посетил музеи — и ни однажды не был в рейхстаге! Он не понимает, что социализм — явление историческое, и смеется над тем, что нужно изучать. Один голый инстинкт собственника-индивидуалиста не может победить социализм, — чтоб успешно бороться, нужно знать врага, — так!

Софья (*задумчиво*). Я — тоже не интересуюсь социализмом.

Хеверн. О, для женщины это необязательно! Да, странный человек предводитель... Он так... с яростью говорил о честных заслугах дворян перед Россией — очень красиво! Но если ему предложить две с половиной тысячи рублей, — он без усилия покривит себе душу...

Софья (*смеясь*). Почему именно две с половиной?

Хеверн. Так, для примера...

Софья. Вы предлагали?

Хеверн (*строго*). Н-но, зачем! (*Михаилу.*) Вы живете дружелюбно с Павлой Николаевной, да?

Михаил. Она очень хороший человек — честный и добрый...

Хеверн. Да? Это приятно. Но — многие русские, мне кажется, добры только по слабости характера?

Михаил. Не знаю... Вам — виднее.

(Из сада идут Антипа, Павла, порознь, оба притихшие, подавленные. Все молчат, видя их.)

Антипа (*ворчливо, угрюмо*). Когда сердце не горит, а тлеет только — это, брат, еще не жизнь... Ты погоди рассуждать...

Павла (*устало*). То вы говорите, что я глупая, то — не рассуждай...

Антипа (*с досадой*). Эх, да ты пойми — о разном говорю!.. (*Увидел сына, выпрямился, строго спрашивает.*) Ведомость готова?

Михаил. Нет еще.

Антипа. Отчего? Ведь я сказал...

Михаил. Счета Чернораменной дачи не доставили мне...

Антипа. Как не доставили? Врешь!

Софья. Счета у меня, не кричи! Их нужно проверить...

Антипа (*входя на террасу*). Ну, ты всегда заступаешься... где не надо! Проверить... что ж он сам — не может?

(Софья что-то строго шепчет ему, он мычит.)

Хеверн (*Павле*). Как поживаете?

Павла. Благодарю вас, хорошо...

Хеверн. Я очень рад.

Павла. Это вы — серьезно?

Хеверн. Что именно?

Павла. Вас серьезно радует, когда людям хорошо?

Хеверн (*удивлен*). О, конечно! Как же иначе? Несомненно. Когда всем хорошо вокруг меня — я выигрываю...

Павла. Как это просто и верно...

Хеверн. О, я очень люблю всё простое, оно именно — верно!

Антипа (*Хеверну*). Идем план-то смотреть...

Хеверн. Пожалуйста...

Антипа. Иди-ка ты с нами, Михаил! Софья, купили мы лес-то у предводителя — знаешь?

Софья. Нет, не знаю...

Антипа (*Хеверну*). Ты что ж, не сказал компаньонке-то?

Хеверн (*хмурясь*). Я был уверен...

Софья (*брату*). Сколько?

Антипа. Двадцать три...

Софья. Ты не хотел давать больше восемнадцати?

Антипа. Не хотел, а пришлось дать.

Софья. Почему же?

Антипа. Конкурент явился новый. После расскажу. Идемте... Михайло — иди!

(Уходят. Хеверн идет сзади. Софья, задумчиво покуривая, наблюдает за ним. Павла, прислонясь к перилам, стоит, опустя голову.)

Софья. Ты что грустишь?

Павла. Устала.

Софья. О чем беседовали?

Павла. Да... всё о том же... Он всё говорит, как любит меня... Я же знаю ведь это! А он — всё говорит, говорит...

Софья. Поди ко мне. Эх ты... птица!

Павла. Нет, право, ну — люблю, люблю... нельзя же всё об этом только!

Софья (*грустно*). Дитя мое, это очень худо, если нельзя говорить только об этом...

Павла. Да и все мужчины... Как он странно смотрит на тебя!

Софья. Кто?

Павла. Густав Егорович.

Софья. А! Он на всё так же смотрит. Хозяин.

Павла. Нравится он тебе?

Софья. Ничего, мужчина крепкий. С ним хорошо по железным дорогам ездить — нигде не опоздаешь...

Павла. Не понимаю. Это ты шутишь?

Софья. Многого ты, дружок, не понимаешь...

Павла (*грустно*). Да. Всё не так, как я думала...

Софья. Скажи ты мне — зачем ты вышла замуж за брата?

Павла. Я думала — иначе будет. Видишь ли — я очень боюсь всего... Всё чего-то жду. До двенадцати лет — отец пугал, потом — пять лет — в монастыре. Там тоже все в страхе живут; сначала боялись, что ограбят, — в тревожный год казаки стояли у нас и каждую ночь свистели все. Пьяные, песни поют. Монахинь — не уважали, и всё было нехорошо как-то. Все грешат против устава, злые все и друг друга боятся. Бога — тоже боятся, а не любят. Я и подумала: нужно мне встать под сильную руку — не проживу я одна как хочется...

Софья (*задумчиво*). Ты думала — Антипа сильный?

Павла. Он сам сказал. Мише — ничего не нужно, он чужой всем. А прежде сватались всё какие-то жадные...

Софья (*лаская ее*). А я подумала о тебе плохо, Павла... Сначала, помнишь?

Павла. Да. Нет, я плохого не люблю, я боюсь его. Ты очень строго, бывало, смотрела на меня, и я от этого плакала в уголках... Хотелось подойти к тебе, сказать: я — не плохая, не жадная, — а смелости не хватило...

Софья. Ах, девочка, девочка, господь с тобою... Трудно тебе будет...

Павла. Мне уж стало трудно! Тут — Шохин ходит. Убил человека и — ничего, ходит!

С о ф ь я. Ты его оставь, не бойся! Он — не злодей, а несчастный...

П а в л а. А я думала пожить тихо, чтобы все вокруг были добрые, улыбались бы и верили, что ты никому зла не хочешь...

С о ф ь я. В это — не поверят, нет...

П а в л а. Отчего же, отчего?

С о ф ь я (*встала, ходит*). Не поверят... Ты очень хорошо сказала: чтобы все улыбались...

П а в л а. Как перед праздником: уже всё сделано, убрались, устали и с тихой радостью ждут светлого дня.

С о ф ь я. До праздника — далеко, дружок! И сделано для праздника — мало...

П а в л а. Ах, господи! Тетя Соня — научи меня!

С о ф ь я. Чему?

П а в л а. Как лучше жить с людьми...

С о ф ь я. Сама не знаю... не знаю! Жизнь проходит в пустяках, в тумане...

П а в л а. Чего тебе хочется?

С о ф ь я. Мне? (*Остановилась, говорит негромко, с большой силой.*) Мне хочется нагрешить, набуянить, нарушить все законы, всё спутать, а потом, как взойдешь высоко над людьми, — броситься под ноги им: милые люди, родные мои люди! не владыка я вам, а низкая грешница, ниже всех, и — нет вам владык, и не нужно вам владык...

П а в л а (*испуганно, тихо*). Зачем это? Что ты?

С о ф ь я. Чтобы освободить людей от страха друг пред другом... Некого бояться! А все — напуганы, подавлены, живут в страхе — ты сама видишь это! Никто не смеет сказать до конца свое слово...

(*Антипа стоит в дверях, прислушиваясь.*)

П а в л а. Это... я не понимаю! Ведь так — погубишь себя?..

С о ф ь я. Людей ради — бог погиб, говорил отец Шохина.

А н т и п а. О чем толкуете?

П а в л а. Ой!

Антипа (*подходя к ней, обиженно*). Чего же испугалась? Не виновата — не бойся. Про что говорили?..

Павла. Так — разное...

Антипа (*сестре, грубовато*). Говорить надо меньше...

(*Софья ходит, не глядя на него, скрывая волнение.*)

Павла (*ласково*). Кричать меньше надо... вы вот всё кричите, это не нужно...

Антипа (*мягко*). Я — не со зла, а... просто такой голос грубый. Надо бы чайку попить, а, хозяйка? Подди-ка, снаряди... Здесь накрыть вели. И — закуску... Иди, милая! (*Павла уходит; проводив ее глазами, он говорит сестре обиженным тоном.*) Портишь ты мне ее... (*Софья молча прошла мимо. Он повторяет настойчиво.*) Портишь ты мне жену-то, говорю!

Софья (*вдруг, резко*). Молчи!

Антипа (*отшатнувшись*). Постой... что ты?

Софья. Ну — хорошо тебе — спокойно, сладко — с молодой?

Антипа (*опускается в кресло, тихо*). Она — жаловалась?

Софья (*успокаиваясь*). Нет. Поверь мне — нет! Извини меня, я дурно настроена... тяжело на душе у меня... извини!

Антипа (*тихо*). Испугался я. Господи помилуй! Я, брат, так люблю ее... сказать не могу!

Софья (*снова ходит*). Счастья это не дает ни тебе, ни ей...

Антипа. Ну... ты погоди еще! (*Молчание.*) Соня?

Софья. Что?

Антипа. А... как она с Михаилом — ничего?

Софья (*останавливаясь пред ним*). Ты это брось — слышишь? Не внушай этой мысли ни себе, ни кому! Хеверн где?

Антипа (*махая рукой*). Там... в планы залез. Ну его... надоел!

Софья. Ты для него становишься слишком выгодным компаньоном...

Антипа (*настораживаясь*). Как это?

Софья. Так. Не разевай рта.

Антипа (*ухмыляясь*). Во-он что! А я думал, у тебя с ним...

Софья. Не о том думаешь...

Антипа (*вздыхнув*). Трудно тебя понять, Соня!

Софья. При Павле на Мишу орать не надо — понимаешь?

Антипа. Ну, ну... Досаден парень... беда как! Что живет, чего ради?

Софья. О себе подумай...

Антипа (*задумчиво*). Павлу я не обижу...

Софья. Над матерью ее не смейся...

Антипа. Не люблю бабу эту...

Софья (*прислоняясь к перилам*). Устала...

Антипа (*вскочил, подходит к ней*). Что ты? Воды дать?..

Софья (*прислоняясь к нему*). Нехорошо...

Антипа. Отчего? Ах ты, господи!.. Соня — в чем дело-то?

Софья. Подожди... О, боже мой...

Антипа (*обнял ее*). Эх ты, головушка! Пойдем, ляг, отдохни... (*Уводит ее. Из сада выходит Тараканов; на террасе — Михаил, остановился у стола, наливает вина, пьет.*)

Тараканов. Уехал немец-то?

Михаил. Он — швед... Или — грек.

Тараканов. Это всё равно — чужой. Уехал?

Михаил. Останется ужинать...

Тараканов. Гм... Удивительно!

Михаил. Что?

Тараканов. Неужто никто не слышит, что от него жуликом пахнет?

Михаил. Ну-у... У вас все жулики!

Тараканов. Не все, а — девять, десятый — дурак... Где Софья Ивановна? Она всё видит...

Михаил. Не знаю я... не знаю! (*Садится на ступени, закуривает. Тараканов, жестикулируя, что-то бормочет, уходит. Из дома выходит Павла, улыбаясь, останавливается сзади Михаила и концом шарфа щекочет ему шею.*)

М и х а и л *(не оборачиваясь, грубовато)*. Смотрите, отец увидит — шум будет...

П а в л а *(с гримасой)*. Уж и пошутить нельзя... Я — молодая, мне скучно...

М и х а и л. Всем скучно...

П а в л а. Есть же где-нибудь веселая жизнь!

М и х а и л. Поищите...

П а в л а. Пойдемте в сад...

М и х а и л. Мне — в контору нужно. Докурю и пойду зарабатывать хлеб мой, в поте лица...

П а в л а *(сходя по ступеням)*. Ну, я одна... Вот пойду так и буду идти неделю, месяц — прощайте!.. Вам будет жалко меня?

М и х а и л. Мне давно вас жалко...

П а в л а. Это — неправда... Не верю я... *(Идет. Обернулась, грозит ему пальцем.)* Неправда!

(Михаил угрюмо смотрит вслед ей, гасит папиросу, встает,— сзади его отец.)

А н т и п а. Куда?

М и х а и л. В контору...

А н т и п а. Про какую это неправду говорила она?..

М и х а и л. Не знаю... не понял я...

А н т и п а. Не понял? *(Смотрит на сына змуро, видимо, хочет что-то сказать — отмахнулся от него.)* Иди! *(Опустив голову, медленно идет за Павлой, из-за угла выглядывает Анна Марковна, грозит ему кулаком.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Просторный кабинет, большой письменный стол, направо — камин, налево — две двери: одна маленькая — в спальню Софьи, другая — во внутренние комнаты. В задней стене два окна и дверь на террасу. Софья с бумагами в руках стоит у стола; Муратов, собравшийся уходить, бьет себя по ноге измятой шляпой. Осенний серый день смотрит в окна, за стеклами качаются голые сучья.

Софья (*задумчиво*). Еще один вопрос...

Муратов (*наклоняя голову*). Хоть десять!

Софья. Скажите мне просто и прямо, что побудило вас собрать эти бумаги?

Муратов. Мое чувство...

Софья. Оставим чувства в покое...

Муратов. Ну — что же я скажу тогда? (*Пожал плечами, усмехается.*) Уж очень вы строги со мною — терпенья нет! Я даже и не назвал — какое чувство...

Софья. Ревность, что ли?

Муратов. Представьте — нет!

Софья. Желание причинить мне неприятность, да?

Муратов. Тоже — нет. Боюсь, что не сумею объяснить вам так, чтоб это не рассердило вас и чтоб вы поняли. (*Подумав.*) Не поймете, наверное; я сам плохо понимаю, в чем тут дело...

Софья. А все-таки?

Муратов (*вздыхнув*). Есть между нами некий спор, — есть, как вы думаете? (*Она молча кивает головой, присматриваясь к нему.*) Ну так вот эти бумаги — доказательство, что прав — я, а вы ошибаетесь.

Софья (*вздыхнув*). Уклончиво.

Муратов. Позвольте откланяться...

Софья (*оглядывая его*). Прощайте. Отчего вы так легко одеты? Ветер, может пойти дождь...

Муратов (*тихонько смеется*). О, не беспокойтесь!

Софья. Почему вы смеетесь?

Муратов. Есть причина... есть, уважаемая женщина! Я — ушел.

Софья. Извините — не провожаю. Вы зайдете в контору? Пожалуйста, пошлите ко мне Тараканова... (*Бросив бумаги на стол, вытирает руки платком, потом крепко прижала пальцы ко глазам. В дверь из сада входит Антипа, нездоровый, встрепанный, в толстом пиджаке, без жилета, ворот рубахи расстегнут, на ногах валяные туфли.*)

Софья (*вспыльчиво*). Надо спрашивать — можно ли войти!

Антипа (*равнодушно*). Ну, вот еще... новости!.. Что я — чужой, что ли?

Софья. Что тебе нужно?

Антипа. Ничего. (*Осматривает комнату.*)

Софья (*присматриваясь к нему, мягче*). Ты что шляешься растрепой таким?

Антипа (*сидя в кресло у камина*). Умру — нарядишь.

Софья. Н-но, здравствуйте!

Антипа. Не люблю я старых этих барских домов. Не дома, гроба! И запах даже особый, свой. Напрасно я к тебе переехал. Чужой стал я всему...

Софья. Перестань, пожалуйста... Не время мне слушать этот вздор. (*Входит Тараканов, она протягивает ему толстую папку со стола.*) Матвей Ильич, отберите, пожалуйста, все счета и документы по Чернораменской даче и по Усеку. Здесь и сейчас... (*Садится к столу, пишет. Тараканов пристроился за столиком у камина, надел очки; Антипа смотрит на него, улыбаясь.*)

Антипа. Что в газетах пишут?

Тараканов (*мрачно*). Китай ополчается...

Антипа. Противу кого?

Тараканов. Против нас. По наущению немца.

Антипа. Не любишь ты немцев!

Тараканов. Нисколько не люблю.

Антипа. За что?

Т а р а к а н о в. Они нас умнее.

А н т и п а. Умных надо уважать.

Т а р а к а н о в. Я уважаю. Только не люблю.

А н т и п а. Чудак ты, брат...

Т а р а к а н о в. У нас все, кто поумнее, чудак...

А н т и п а. Это, пожалуй, верно! *(Подумав.)*

Хоша — ты вот и не больно умен, а тоже чудак.

Т а р а к а н о в. Это неверно.

А н т и п а. Сказывай! А зачем мундир снял, службу бросил?

Т а р а к а н о в. Объяснял я это.

А н т и п а. Объяснял, да не объяснил.

Т а р а к а н о в. Отойти, сказано, ото зла и сотворишь благо...

А н т и п а *(ударив ладонью по ручке кресла)*. Дудки! Ничего не сотворишь, отойдя ото зла, ничего, таракан! Нет, ты иди в самое во зло, в сердце ему бей, вали его наземь, топчи, уничтожь, а не поддавайся ему, не давай одолеть тебя — вот как надо! Верно говорю, Софья?

С о ф ь я. Верно. Не мешай мне...

Т а р а к а н о в. Это — просто один крик, слова, барабанная дробь. Погоди, навалится на тебя злое — сам побежишь прочь...

А н т и п а. Я? Нет, я не из таких. Я, брат, знаю: жизнь наша — кулачный бой! Я — не убогу.

Т а р а к а н о в. Поглядим.

С т е п к а *(из двери налево)*. Антип Иванович, мужики пришли.

А н т и п а. Какие?

С т е п к а. Каменские...

А н т и п а. Вот я им задам, прохвостам!

С о ф ь я. Подожди, они не виноваты! Я знаю — это Хеверн приказал им...

А н т и п а. Ну? Верно?

С о ф ь я. Верно, верно...

А н т и п а *(уходя)*. Бестолковая немчура...

Т а р а к а н о в. Потолковее нас...

С т е п к а. Софья Ивановна, дай мне книжку...

С о ф ь я. Спроси у Миши.

С т е п к а. Он меня прогнал. Он молодой хозяйке в ухо поет...

Софья. Это что такое?

Степка. Сидят на диване рядышком, а он ей песню поет.

Софья. Ну — иди, иди! И не болтай пустяков.

Степка. Я — только тебе! *(Ушла.)*

Тараканов *(ворчит)*. Молодая хозяйка... Какая она хозяйка?

Софья. Вы давно знаете Муратова?

Тараканов. Я? Лет десять.

Софья. А как вы о нем думаете?

Тараканов *(глядя на нее через очки)*. Раньше — давно — думал хорошо. Затебал он тут весьма много полезного по своей части, по лесной, новые насаждения и всё такое. Хворост крестьянам давал, много очистил леса, осушил. Потом — вдруг, словно ударился обо что, — ослеп и озлился. Теперь — очень неприятное лицо. Люди у нас — соломенные; вспыхнет, сгорит, дыму — не мало, а — ни света, ни тепла.

Софья *(внимательно слушает, облокотясь на стол)*. А что в нем неприятно вам?

Тараканов. Мне? Да то же, что и всем... Не любит он никого, злит всех, ссорит... Сплетник... ну, и по женской части нечистошлотен... А — умный ведь...

Павла *(входит)*. Можно к тебе?

Софья. Конечно!

Павла. Холодно везде...

Софья. Вели затопить камин.

Тараканов *(подавая пачку бумаг)*. Извольте-ка... Могу идти?

Софья. Благодарю вас. Пошлите, по дороге, Степу. И — Мишу...

Павла. Почему ты такая нарядная?

Софья. Гостя жду.

Павла. А Миша опять стихи сочинил.

Софья. Хорошо?

Павла. Да. Про сосны.

Софья. Он выпивши?

Павла *(вздохнув)*. С утра.

Целованьева *(в двери)*. Конечно — мальчик должен пить мертвую.

Софья. Почему же должен?

Целованьева. А — обидели!

Софья. Мало ли обиженных!

Целованьева. Все и пьют. А вы думаете — отчего пьют? И отец твой от обиды пил: он был умный, а никто за ним этого не признавал. Он и стал ум свой озорством доказывать, вот — как лесничий! Его, конечно, судить, а он того пуще озорует. Много ли человеку надо? Душа чело­вечья — детская, душа недотрога... Зачем, бишь, я пришла? Да, Софья Ивановна, вы Степке желтую ленту подарили?

Софья. Подарила, а что?

Целованьева. Ну, тогда — ничего. А то она запутала в мочало свое ленту и пялится на кухне перед зеркалом...

Павла. Бросьте это, мамочка!

Целованьева. Да мне что? Свое добро береги, а чужое — вдвое...

(Стенка входит.)

Целованьева. Вот она, красавица...

Стенка. Звали меня?

Целованьева *(уходя)*. Конечно, звали. Какая без тебя жизнь!

Софья. Затопи камин, Степа...

Стенка *(убегая)*. Ух, не любит меня бабушка... страсть сердитая!..

Софья. Славная девчоночка...

Павла. Одна она в доме веселая. Только дерзкая очень.

Софья *(подходя к ней)*. Скажи-ка ты Антипе, чтоб он тебя в Москву свозил...

Павла. Зачем?

Софья. Посмотришь, как живет столичный город.

Павла *(равнодушно)*. Хорошо, я скажу.

Софья *(положив руку на голову ей)*. Тебе этого не хочется?

(Из внутренних комнат вошел Михаил, посмотрел на них и опустил тихо в кресло. Почти не видный за портьерой, сидит и дремлет.)

Павла. Ехать? Нет. Мне — уснуть хочется на год, на три... а проснусь — и чтобы всё было другое...

Софья. Это — ребячество, Павла! Надо учиться самой строить свою жизнь. Нельзя ждать, что другие сделают необходимое тебе.

Павла. Не сердись на меня, пожалуйста!

Софья. Ты — молодой человек, сердце у тебя доброе, людей тебе жалко, — да?

Павла. Я знаю, что ты хочешь сказать. Право же, Миша мне вовсе не нравится, просто я люблю, когда он говорит.

Софья *(удивленно отклонилась)*. Я не про это! Но, уж если ты сама начала, так я скажу — ты плохо ведешь себя с ним! Он — не ребенок, и это может кончиться худо для тебя.

Павла. Ах, мне так скучно! Что же мне делать? Он такой занятый...

Софья. Уезжай с Антипой, а я без вас устрою Михаила.

Павла. А может, лучше с мамашей?

Софья. Тебе тяжело с мужем?

(Павла молча жметя к ней.)

Софья *(поднимая голову ее, смотрит в глаза)*. Милая, я это понимаю... Я говорила тебе, что у меня муж тоже был...

Степка *(вбегает)*. Софья Ивановна — немец приехал, нарядный — ужаси!

Софья. Вот... *(Провела рукой по лицу.)* Ну, Павля, ты оставь меня...

Павла *(вскакивая)*. Ах, господи... как я желаю тебе...

Софья. Спасибо, милая!.. Скажи, Степа, что я прошу его... *(Оставшись одна, прикрыла книгой бумаги на столе, оправляет волосы перед зеркалом, увидела в кресле Михаила.)* Миша! Ты — давно здесь?

Михаил. Давно...

Софья. Слышал, что мы говорили?..

Михаил. Слышал что-то... Немец приехал. Монашка что-то сочиняла...

Софья. Сочиняла?

М и х а и л. Ну, конечно. Она же всегда сочиняет... Она всё еще живет в куклы играя. И я для нее — кукла, и отец, и ты... Она на всю жизнь такой будет.

С о ф ь я. Знаешь — это, пожалуй, верно!

М и х а и л. Зачем ты меня звала?

С о ф ь я. Теперь не нужно уже. Иди, пожалуйста... Я потом позову тебя.

М и х а и л (*вставая*). Пошел. Выходи-ка ты замуж за этого немца и гони всех нас к чертям в болото... всех, вместе с романтическим папашей и его второй молодостью...

С о ф ь я. Ах, да иди же!

М и х а и л. Ш-ш! Тебе нужно быть в полном обладании всеми чувствами... Здравствуйте, цивилизация и культура!

Х е в е р н (*одетый очень парадно, бриллиант в галстухе и на пальце левой руки. Молча здоровается с Михаилом, целует руку Софьи, идет за нею к столу*). Вы, вероятно, догадываетесь, почему я просил вас принять меня сегодня...

С о ф ь я (*сидясь*). Кажется — догадываюсь...

Х е в е р н. Это очень приятно мне...

С о ф ь я. Да?

Х е в е р н. Это устраняет лишние объяснения. Можно курить?

С о ф ь я. Как всегда. (*Пододвинула ему пепельницу, спички.*)

Х е в е р н. Я несколько волнуюсь...

С о ф ь я. Дать воды?

Х е в е р н. О, нет! Это волнение естественно...

С о ф ь я. У вас очень внушительный вид сегодня...

Х е в е р н. Если б и мысли мои внушили вам доверие ко мне...

С о ф ь я. А вот — познакомьте меня с ними.

Х е в е р н. Такова и есть цель моего визита! (*Раскуривает сигару.*) Вы знаете, что я очень уважаю ваши идеи, они вполне отвечают моим задачам.

С о ф ь я. Весьма лестно слышать это.

Х е в е р н (*кланяясь*). Да. Я говорю искренно. Вы, конечно, не откажете мне в знании России и русских людей — я умею видеть много и хорошо! Я восемнад-

цать лет среди русских, я изучил их, и мой вывод есть такой: Россия страдает прежде всего недостатком здоровых людей, умеющих ставить себе ясные цели. Вы — согласны?

С о ф ь я. Далее.

Х е в е р н. Да. У вас очень редки люди, уверенные в себе, в своих силах. У вас очень много метафизики — мало математики...

С о ф ь я. Вы говорили это не раз...

Х е в е р н. Я так думаю! Теперь — вы: вы женщина с умом и характером.

С о ф ь я. Благодарю вас...

Х е в е р н. Это — правда! Я даже думаю о вас аллегорически: Софья Ивановна — это новая, здоровая душою Россия, которая в условиях, достойных ее, может делать всякое дело, может делать очень много культурной работы.

С о ф ь я. Вы меня захвалите...

Х е в е р н. Это всё совершенно серьезно! И потому союз со мной, который я вам предлагаю, имеет очень глубокий смысл. Это — более чем просто брак, да! Моя энергия и ваша — о! — это будет колоссально! Когда два сильных лица понимают свои задачи, это очень... важно, особенно для России, в те дни, когда она должна, наконец, бросив всякие эти... мечтания, взяться за простое дело жизни, поставить себя на крепкую ногу... Ваш брат увлечен семейной жизнью, он стал плохо работать, как я имел честь не однажды указать вам, заботясь о ваших интересах...

С о ф ь я. Вы впервые объясняетесь в любви?

Х е в е р н (*несколько смущен*). Позвольте — теперь вопрос не этот! О чувствах я говорил вам — четыре раза.

С о ф ь я. Четыре? Так ли?

Х е в е р н. Так. Я — помню! Первый раз — в саду предводителя дворян, на именинах его, когда был дождь и вы промочили ноги. Второй — здесь, на берегу пруда, на скамье. Вы тогда смутили меня, сказав шутливо о лягушках, что они тоже квакают — про любовь...

С о ф ь я. Третий и четвертый я помню.

Х е в е р н. Это, конечно, верно, о лягушках, но —

извините — это была несвоевременная шутка! Когда сердце человека жадно хочет...

Софья. Давайте прекратим эту беседу, Густав Егорович...

Хеверн *(удивлен)*. Почему?

Софья. Нужно ли объяснять?

Хеверн *(встал, обиженно)*. О, конечно, нужно объяснить, когда кто-нибудь не понимает... Я сочту себя оскорбленным, если вы откажете...

Софья. Вот как? Хорошо! *(Встала, ходит.)* Вы предлагаете мне спасти Россию вместе с вами...

Хеверн. Это — утрировано!

Софья. Ну, вы предлагаете что-то в этом роде. Я — не считаю себя способной к делу столь трудному. Это — первое. Второе: вас я тоже не могу признать достойным этой роли...

Хеверн. Позвольте — какой роли?

Софья. Ну, скажем, роли культурного работника.

Хеверн *(с улыбкой)*. О! Почему?

Софья. Потому что вы мелкий хищник.

Хеверн *(изумлен больше, чем обижен)*. Позвольте! Это уже... это я не ожидал! И это — я не понимаю...

Софья. Я говорю обдуманно. На столе у меня лежат документы, уличающие вас в целом ряде поступков нечестных...

Хеверн *(сел, грубо)*. Таких документов не может быть!

Софья *(стоит за столом; спокойно, веско)*. У меня копия вашего договора с буяновскими мужиками. Мне известна ваша сделка с предводителем...

Хеверн *(пожимая плечами)*. Это — коммерция...

Софья *(тише, с усилием)*. Вы убеждали Тараканова составить фальшивую опись...

Хеверн. Тараканов — психически больной...

Софья. А Шохин, которого вы пытались подкупить, — тоже больной?

Хеверн. Всё это искажено...

Софья. Вы всё бесцеремонней и глубже залезаете в карман моего брата — по вашему, эта деятельность необходима в России?

Хеве р н *(отирая лицо платком)*. Вы можете выслушать мои объяснения?

Софья *(ходит, усмехаясь)*. Ну, сударь мой, какие же тут объяснения могут быть? Всё ясно!

Хеве р н *(аккуратно гасит сигару)*. Значит, вы меня считаете человеком нечестным и недостойным вашей руки?

Софья *(остановилась, удивленная, потом смеется)*. Ну, знаете, вы очень наивный человек!

Хеве р н *(улыбаясь, разводит руками)*. Если я и допустил... что-нибудь излишнее, то это потому, что я был уверен в вашем доброжелательном отношении ко мне...

Софья. Не понимаю...

Хеве р н. Мне казалось, что вы считаете меня своим другом, мое дело — вашим!

Софья. Ах, вот что! Ну, вы ошиблись...

Хеве р н. Ошибки нужно извинять. Я думал, что, видя, как ваш брат ведет дела, вы меня не только не осудите, по моя предусмотрительность...

Софья *(подходит к нему; тихо, но твердо)*. Ступайте вон!

(Хеве р н, вспыхнув, делает движение к ней, она схватила что-то со стола; несколько секунд они стоят друг против друга молча.)

Хеве р н *(отступая)*. Вы — очень грубая женщина! Вы — смешная, да! *(Быстро идет к двери, надев шляпу еще в комнате. Софья, присев на край стола, одной рукой прикрыла глаза, другой — крепко трет колени.)*

Степ ка *(в двери, смотрит на нее, вздыхает)*. Печку-то затопить?..

Софья *(глухо)*. Не нужно... Впрочем — затопи...

Степ ка. Шохин к тебе просится...

Софья. Ах, пусть подождет...

Степ ка. Ему в лес ехать надо...

Софья. Отстань! Ну, зови... Скорее!

(Степ ка убежала, в двери столкнулась с Антипой.)

Антип а. Эк тебя беси носят!.. Соня — что такое? Немец в зале наскочил, зеленый весь, шипит, не попрощался...

С о ф ь я (*грубовато*). Он тебя за этот год обобрал тысяч на десять...

А н т и п а. Ну-у? Молодец, не зевает... Эхма, люди!.. А Павла говорит — надо быть добрым; люди, говорит, соскучились по сердечному доверию к ним. Павла-то где — не знаешь?

С о ф ь я. Ты бы поехал куда-нибудь...

А н т и п а. Вот еще... зачем?

С о ф ь я (*прячет в стол бумагу*). Обленился ты, Антипа... Смотреть на тебя неприятно... Оставь-ка ты меня... что ты целый день бродишь?

А н т и п а (*уходя, грубо*). Место себе ищу...

(Софья ходит по комнате, оправляя волосы. Степка с пучком лучины, в двери — Шохин; Софья смотрит на него и молчит.)

Ш о х и н. Шохин пришел.

С о ф ь я. Да. Ну, что, Яков? Скорее!

Ш о х и н. Рассчитай меня. Отпусти...

С о ф ь я. Хорошо... Постой — почему это?

Ш о х и н. Так. Есть причина.

С о ф ь я. Ну что ж... Очень жаль...

Ш о х и н. И мне жаль.

С о ф ь я. Обидел кто-нибудь?

Ш о х и н. Нет...

С т е п к а. Врет он, его святенькая обижает, монахинька эта, святоша...

Ш о х и н. Прогони Степку...

С т е п к а. Сама уйду... (*Убежала.*)

Ш о х и н. Причина та, что не могу я при молодой хозяйке, боюсь ее...

С о ф ь я. Что такое?

Ш о х и н. Жмет она меня... всё глядит эдак жалостно... ну, — я не хочу! Конечно, человек я виноватый... однако — не каждый день судить меня, это уж не суд, а мука будет!.. Вошла она в дом и вроде как песку насыпала в машину нашу... Нехорошо с ней. Вон и ты извелась...

С о ф ь я (*смотрит на него, не слушая, тихо говорит*). А глаза такие славные, мягкие...

Ш о х и в. У нее? Ты глазам не верь — делу верь!
А дела от нее не будет хорошего...

Софья. Это я не про нее сказала...

Ш о х и в. Эти, которые тихие, они близко подползают — метко жалят. Змея — тиха.

Софья. Ну, ладно, оставь...

Ш о х и в. Немцу — тоже не верь. Чужой человек и бесстыдный... А насчет этого... усопшего, насчет жены, детей... его...

Софья. Ладно, не беспокойся... Куда же ты пойдешь?..

Ш о х и в. В город. А там — не знаю...

Софья. Жалко мне тебя...

Ш о х и в. И мне тебя. Одна ты тут... Хозяин-то без вина пьян. Дай тебе бог во всем удачи!.. Прощай, Софья Ивановна!

Софья. Прощай... *(Подает ему руку, он взял и держит, глядя на нее исподлобья.)* Может, переделаешь?

Ш о х и в. Нет. Я лучше вернусь, когда она помрет.

Софья. Кто-о? Зачем ей умирать?

Ш о х и в. А жить зачем? И жить ей тоже незачем... Прощай... *(Уходит, пятясь задом.)*

Софья *(смотрит вслед ему, трет глаза руками и бормочет)*. Кошмар какой-то! *(Видит в зеркале, что Павла, проходя с Михаилом мимо двери, играючи прижалась к его плечу; тихо, испуганно зовет: «Павла!» Они входят рядом, Михаил смущенно улыбается.)*

М и х а и л. А, огонь! Это — славно!

П а в л а. Ты что какая хмурая?.. *(Обнимает ее.)*
Ты послушай-ка, что Миша сочинил...

Софья *(заглядывая в лицо ей)*. Дитя мое, еще недавно, сегодня я говорила тебе...

М и х а и л. Ой, серьезный разговор!..

Софья. Я тебя попрошу уйти...

М и х а и л *(сидясь на пол к огню)*. Нет, не уйду...

Софья *(устало)*. Вы, кажется, с ума свести меня хотите... право!

Ц е л о в а н ь е в а *(входит)*. А я вас ищу везде... Вы бы не прятались, а то хозяин сегодня совсем не в уме... орет на всех...

Софья. Анна Марковна, мне нужно поговорить с ними один на один.

Целованьева *(обиженно)*. Хорошо, матушка, я уйду... Хотя и мать...

Михаил. Тетя Соня, право же, не о чем говорить... ничего нового нет! Ты, в самом деле, послушай-ка вот, что я сочинил...

Павла *(смотрит на Софью, прищурив глаза, покачиваясь на ногах)*. Я тоже не хочу говорить ни о чем...

Софья *(осматривает всех, идет к столу)*. Ну, хорошо... Давайте посидим молча, успокоимся...

Павла. Миша, да читай же...

Михаил. Готов, маменька...

Павла. Опять? Я же просила не называть меня так!

Михаил. Это — законный титул.

Софья *(нетерпеливо)*. Читай, Михаил...

Михаил *(усмехаясь)*. Сейчас... дай припомнить...

Павла. А я — помню...

Целованьева *(из двери громко шепчет)*. Отец идет — перестаньте!

Софья. Анна Марковна, зачем вы...

Целованьева. Опять не угодила...

(Павла жметя к Софье; Михаил, сидя на полу, змурится, отодвигаясь в тень.)

Антипа *(входит, угрюмо смотрит на всех, опустив руки, шевеля пальцами)*. Отчего же перестать надобно? Ну — собрались все в одну комнату... стихи, разговор... что ж такое? Ничего ведь нет такого... *(Внезапно, с тоской.)* Да не бойтесь вы меня, чёрт вас возьми, ведь такой же я человек, как все!..

Софья. Тихе, Антипа...

Антипа. Молчи! Что ты всё останавливаешь меня? Что все бегут меня? Зверь я, что ли? Ну? Это когда человек один оставлен — он звереет, конечно...

Михаил. Папаша!

Антипа. Ну?

Михаил. Прибавьте жалованья Шохину, Якову!

Антипа (*медленно*). Это — что такое? Насмешка?
Михаил. Ей-богу — нет! Просто — он веселее
будет!

Антипа. Это что, Софья?

Софья. Так, дурит Миша! Шохин уходит от нас.

Антипа. Уходит? Куда?

Софья. Не знаю...

Павла. Вот — хорошо... Боюсь я его...

Антипа. Ты — всего боишься... И — напрасно...
(*Задумался.*) Так — уходит Яков? Дела... Что это он?

Михаил. Я не знал этого...

Антипа. А что ты знаешь? Отец — лесом торгует,
а сын — стишки стряпает. Довольно смешно...

Михаил. Начинается...

(*Все молчат. Павла что-то шепчет Софье.*)

Антипа. При людях будто не шепчутся...

Софья (*с тоской*). Делали бы вы что-нибудь!
Ели бы хоть, пили!.. Анна Марковна — устройте вы
чай, что ли...

Целованьева. Чай пить рано еще...

Софья. Миша, нужно проверить счет Хеверна...

Михаил. Сейчас?..

Софья. Да!

Михаил. Это ты выдумала, чтобы разогнать
всех. Заняла самую лучшую комнату в доме и не лю-
бишь, когда у тебя сидят...

Софья. Фу, какой вздор...

Михаил. Не вздор...

Антипа (*Павле*). Ты что молчишь?..

Целованьева. Вот извольте! Пошепталась —
нельзя, молчит — нельзя...

Антипа. Баба — цыц!

Целованьева. Ой, батюшки... Пашенька!

Антипа. Что ты всё мутишь тут, а?

Софья. Антипа, опомнись!

Антипа. Молчи, сестра! Я всё вижу, ты слепая...

Павла (*негромко, очень твердо*). Антипа Иванович,
я прошу вас не кричать на мамашу!..

Антипа. Не рассыплется она от моего крика.

Павла (*пододвигаясь к нему*). Вы — нехороший, злой человек! Я вас не люблю... я — боюсь вас!

Антипа. Павла, Павла, господь с тобой...

Софья. Подожди! Слушай, Павла...

Павла. Нет, вы меня послушайте... Я люблю Мишу...

Михаил. Н-ну!.. (*Прячется еще дальше в тень.*)
Не верь ей, отец, это она выдумала от скуки...

(*Антипа сел в кресло, молча смотрит на жену, страшен.*)

Павла (*вздрагивая*). Ну, да... ну, господи же!.. Убейте меня за это... всё равно! Я знаю, — Миша меня не любит... я знаю... что же? А я — люблю его... он лучше всех... Ну — убейте меня!

Целованьева. Пашенька — зачем ты говоришь?..

Софья. Анна Марковна, я прошу вас уйти!..

Антипа. Эх, Павла... уйди! Уйди скорее. Сестра... уведи ее... Скорее!..

(*Софья молча обнимает Павлу, ведет ее вон; за ними, тенью, бесшумно, Целованьева. Михаил прижался за камин, на полу.*)

Антипа (*сидит окаменевший, быком смотрит в пол, бормочет*). Вот как... Вот, брат, как... старик... да... (*Возится в кресле, растянул ворот рубахи, взял линейку со стола, сломал ее, швырнул в камин. Книгу взял, взглянул на нее, бросил на пол. Нашел маленький револьвер, усмехнулся и, прищурив глаз, смотрит в дуло. Лицо его становится спокойнее, серьезней, положил руку с револьвером на колено и, схватившись другой рукой за бороду, замер, закрыл глаза. Михаил испуганно, тихонько идет к нему, схватил револьвер, но не успел вырвать.*)

Антипа (*вскочив на ноги*). Ты?

Михаил. Слушай, отец...

Антипа. Уйди... прочь!

Михаил (*отошел к двери*). Я не виноват. Мне ничего не надо. Ты — слышал, она сама сказала... Не верь ей...

Антипа. Всё едино... всё едино...

М и х а и л. Я эти мысли знаю...

А н т и п а. Какие?

М и х а и л (*указывая на оружие*). Вот эти...

А н т и п а (*швырнул револьвер на пол, к двери*). Дурак... Ты думаешь, я из-за тебя решусь... Эх, пьяница!.. Иди вон!

М и х а и л. Не думай обо мне плохо. Я знаю — я человек бесполезный, больной, мне стыдно пред тобою, пред всеми... Честно говорю тебе — ничего я не ищу у мачехи...

А н т и п а (*ревет, рычит*). Отойди, убью ведь! Забуду, что ты сын мне... (*Вдруг бросился, схватил сына за горло, встряхивает.*) Вот какие мысли в башке твоей поганой...

М и х а и л. Это — не мои, твои мысли...

А н т и п а. Что-о?

М и х а и л. Я тебя старше душою... Я не повинен ни в чем...

А н т и п а. Ты у меня сердце вынул...

С о ф ь я (*вбегает*). Пусти! Ну? Миша — беги!

(*Михаил выбежал, поднял револьвер.*)

А н т и п а (*слепо ткнулся к сестре, обнял*). Софья... скорее, матушка! Гони всех... Ее — спрячь... Мишка — пусть едет, уезжает! Софья — около меня великий грех ходит... Делай что-нибудь!.. Сердце мое... не дышит...

(*Софья, усадив его в кресло, запирает двери.*)

А н т и п а. Убило меня...

(*Выстрел в доме. Антипа вскочил, смотрит на пол, не может ничего сказать.*)

С о ф ь я (*взглянув на стол, бросается к дверям, на ходу*). Он взял со стола револьвер!..

А н т и п а (*шатаясь*). Это — Михайло... сын...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната. В кресле, у камина, Антипа, точно пьяный. Сзади его тихо шагает Муратов, курит, задумчив.

Антипа. Что доктор-то говорит?

Муратов. Я же не знаю, — ведь мы сейчас только приехали...

Антипа. Сейчас? Да...

Муратов (*опасливо взглянув на него*). Он, вероятно, еще не успел осмотреть...

Антипа. Меня Софья вытурила оттуда. (*Помолчал.*) А ты зачем приехал?

Муратов. Я же говорю: доктор у меня сидел, прискакал Шохин...

Антипа. Шохин? Он тоже вот человека убил.

Муратов. Я и поехал с доктором... Может быть, окажусь полезен...

Антипа. Ты?

Муратов. Ну да...

Антипа. А — Шохин где?

Муратов. В город послали, за лекарствами...

Антипа. Так. Всё можно объяснить...

Муратов. Тут и объяснять нечего...

Антипа. Ну — нечего! (*Усмехнулся.*) А что, барин, не любишь ты меня?

Муратов (*на секунду остановясь*). Пожалуй, теперь не время о любви говорить...

Антипа (*повторяет медленно*). О любви говорить не время... Слова-то какие... А я вот не боюсь сказать, что никого не люблю. Софью только... очень уважаю... (*Помолчал.*) А сказать — люблю... это очень опасно... Доктор-то — пьяный?

М у р а т о в. Не сильно... Как всегда...

А н т и п а. А не повредит он Михайле?

М у р а т о в. Н-но... вы же знаете, что он хороший доктор...

А н т и п а. Да. Он и человек хороший. Только вот испортил ты его... Всех ты тут повредил... Михаила тоже... вредное ты лицо... Стой! *(Испуганно приподнимается с кресла.)*

С о ф ь я *(входит торопливо, рукава засучены)*. Ну, рана — не опасна... слышишь, Антипа?

А н т и п а. Верно? Не опасна?

С о ф ь я. Конечно — верно...

А н т и п а *(опускаясь в кресло)*. Спасибо тебе...

С о ф ь я *(прошла в свою комнату, на ходу сказав Муратову)*. Не пускайте его никуда...

М у р а т о в *(кивнув головой, обращается к Антипе)*. Вот, видите...

А н т и п а. Она тебе что шепнула?

С о ф ь я *(выходит со свертком в руках)*. Я сказала, чтоб ты не выходил пока отсюда...

А н т и п а. Чего ж ты ему говоришь, а не мне?..

С о ф ь я *(уходя)*. А, пустяки...

М у р а т о в. Выздоровеет Миша...

А н т и п а. А я — до смерти заболел.

М у р а т о в. Э, всё пройдет...

А н т и п а. Когда поправлюсь. Ты мне ничего не говори, не надо. Утешенья мне не добыть... *(Молчит. Муратов остановился, искоса смотрит на него.)* Ты вот учился, законы знаешь... Скажи, отчего это: я человек здоровый, до дела — жадный... от большого здоровья, может, и плохо мне... а вот сын у меня — слабый, ни к чему не привязан — это отчего, ну? Какой тут закон?

М у р а т о в *(неохотно, неуверенно)*. Что ж... одно поколение работает... а другое устает... то есть рождается уставшим...

А н т и п а. Не понимаю...

М у р а т о в. Должно быть, на детях сказывается усталость отцов, в соках переданная...

А н т и п а. Поколение... слова всё какие-то... намекающие...

М у р а т о в. Какие же тут намеки...

Антипа. Да вот — одни работают, другие от безделья поколевают... Нехорошо выходит...

Муратов. Вы смолоду-то много пили?

Антипа. Я? Нет. Отец — пил. Жена выпивала... она из пьяной семьи... Скушно ей было со мной... я ведь дома-то почти и не жил... От нее всегда мятой, а то сухим чаем пахло... это она винный дух заедала... Михайлу — Софья испортила, он у нее жил... приучила его книги читать... стишки сочинять... Маятник, говорит, как медная секира, срубает головы минут — смешно: минуты с головами. Вроде муравьев, что ли? А может, и нет тут ничего смешного... *(Закрыв глаза, будто задремал. Софья, в двери, делает знаки Муратову; он, взглянув на Антипу, подходит к ней.)*

Софья. Миша хочет видеть его; я увела оттуда Павлу, но она может прийти, идите к ней, задержите ее; не нужно, чтоб она встретилась сейчас с Антипой, — понимаете?

Муратов. Конечно! Но на какие пустяки тратите вы себя — это ужас!

Софья. Ну, идите...

Муратов. Подумайте, однако, вам ли...

Софья *(сухо)*. Вы — идете?

(Муратов, поклонясь, ушел. Софья следит за ним, глядя в зеркало.)

Антипа *(чуть подняв голову)*. Зачем он тебе?

Софья. Он мне не нужен.

Антипа. То-то! Лучше нищими жить али в разбой пойти, чем с эдакими вот...

Софья *(подходя к нему)*. Слушай-ко...

Антипа. Соня? Как же так? Отец работал, я работал, накопил добра на тысячу человек, а девать его — некуда. Для чего всё? Михайло — мертвая душа... Ты — бездетна...

Софья. Время ли теперь говорить об этом!..

Антипа. На-ко вот! А лесничий сказал: время ли про любовь говорить...

Софья. Нашел с кем о любви беседовать, чужак! *(Положила руку на плечо его, он взял и рассматривает ее пальцы.)*

Антипа. Рука-то маленькая, а — твердая... Тебе бы не сестрой, женой моей быть, эх...

Софья *(отняв руку)*. Вот что — Миша хочет видеть тебя...

Антипа *(отшатнулся, привстал)*. Это — сам он захотел али ты внушила?

Софья. Сам...

Антипа. Ей-богу?

Софья. Ну, вот еще, божиться я буду...

Антипа *(встал)*. Тяжело мне будет видеть его.

Софья. Идем!

Антипа. Мне всегда было тяжело смотреть на него. А в чем я виноват перед ним, а? Он — устал, а я — не устал. Эта — там?

Софья. Нет. Она ни в чем не виновата.

Антипа. Знаю. Они все, эдакие-то, ни в чем не виноваты. Это мы виноваты во всем, такие вот. Соня, что она... кто она, Павла эта?

Софья. Поздно спрашиваешь... Просто она — молодая девушка... живет во сне своей юности...

Антипа. Нашел я счастье... отдых...

Софья. Счастье стоит не дешево...

Антипа. Маленькое-то!

Софья. Оно всегда маленьким кажется, пока его в руках держишь, выпусти — узнаешь, как велико и дорого... *(Торопливо.)* Это не про твой случай...

Антипа. Ладно уж... Я думал — дети будут...

Софья. Это ты теперь выдумал...

Антипа. Нет, думал, ждал... Женщина без детей — какая это радость?..

(Софья хотела что-то сказать, но, махнув рукою, отвернулась.)

Антипа. Ты что?

Софья. Я — жду. Идешь?

Антипа. Иду. Соня, отчего бабам всегда тошно со мной было, скушно? И любит будто, а души не открывает, — отчего?

Софья. Перестань ныть!

Антипа. Разве я — ною? Я был красивый...

С о ф ь я. Ты был для женщин всегда половинкой человека.

А н т и п а. Врешь...

С о ф ь я. Подумай, увидишь, что правда...

А н т и п а (*смотрит на стенные часы*). А что я буду говорить Михаилу-то?

С о ф ь я. Найди...

А н т и п а. Маятник, как секира... Мне ведь не жалко его. Мне только за себя стыдно... себя жалко — зря изломался.

(Софья задумалась, молчит.)

А н т и п а. Ну что ж? Идем...

С о ф ь я (*решительно*). Нет, не ходи, не надо!

А н т и п а. А как же?..

С о ф ь я. Я скажу, что нездоров ты... задремал...

А н т и п а. А то — я пойду...

С о ф ь я (*строго*). Я сказала — не надо!

А н т и п а. Тогда я — через часок зайду... пусть уляжется в душе... У меня, Соня, все мысли — пьяные, все — одичали... Игра у меня в душе — страшная...

С о ф ь я. Говоришь ты много! (*Уходит спешно.*)

А н т и п а (*прошелся по комнате, подошел к столу, перебирает на нем бумаги, бормочет, протянув руку к двери*). Ты, брат, тоже не всё понимаешь... нет! (*Читает какой-то лист, бросил его, нахмурился, снова взял и читает ворча.*) Так... постой? (*Усмехается.*) Э-э... ах, Соня! Вот оно что...

(Шохин осторожно входит с пакетами в руках, видя хозяйина — делает движение назад.)

А н т и п а. Это кто?

Ш о х и н. Шохин пришел. С лекарством.

(Оба несколько секунд молча смотрят друг на друга.)

А н т и п а. Вот, Яков, и я человека убил...

Ш о х и н. Тут — того и гляди...

А н т и п а. Да еще сына... а?

Ш о х и н (*угрюмо*). Теснота. Не видать — кто чей...

А н т и п а. Ты, слышь, уходишь?..

Ш о х и н. Я — не из обиды...

Антипа. Вот — идем вместе...

Шохин. Куда?

Антипа. А ты куда собрался?

Шохин. Не знаю еще.

Антипа. Ну, и я с тобой...

Шохин. Коли вправду, так я подожду. Дела-то — на Софью Ивановну?

Антипа. А что? Она — справится...

Шохин. Конечно.

Антипа. По богомольям пойдем...

Шохин. Молельщик я плохой...

Антипа. За тебя — отец старался...

Шохин. Видно — так. Куда это девать?

Антипа. Лекарство? Неси туда...

Шохин. Боюсь, будто...

Антипа. А бывало, ничего не боялся.

Шохин. Всё — до разу.

Антипа. Трудно, Яков, с людьми жить...

Шохин. Людей-то и не видно, всё — судьбы да подсудимые.

Антипа. Значит — решили, идем?

Шохин. Что же? Коли вы вправду — я ничем не связан...

Степка *(вбегает)*. Ты чего тут? Лошадь, давай скорей лекарства-то... *(Увидала хозяина — охнула и исчезла.)*

Антипа. Видал? Вот какой я страшный.

Шохин. Глупая она. Однако — хорошая...

Антипа. А хороших пугать — надо ли?

Шохин *(уходя)*. На что их пугать!

(Оставшись один, Антипа несколько секунд смотрит на портрет над столом Софьи, потом прикручивает огонь лампы и снова прибавляет.)

Павла *(вбежала)*. Софья Ивановна... *(Увидав Антипу — подалась назад, стоит, наклоня голову.)*

Антипа *(медленно подошел к ней, коснувшись ладонью лба, откинул голову ее, смотрит в глаза)*. Ну? Что?

Павла *(тихо)*. Бейте...

Антипа. Ах ты, змея кроткая...

Павла. Не мучьте вы меня, бейте...

Антипа. За что бить? *(Поднимает кулак.)*

Павла. Скорее — господи!

Антипа. За что бить?

Павла. Не знаю я... За то, что молода... за то, что ошиблась, — думала — вы не такой... за то, что не люблю вас... *(Закрывает лицо руками.)*

Антипа *(схватил кисти рук ее, открыл лицо и, не выпуская ее, хрипит)*. Уйди... иди прочь!.. Что ты со мной сделала? Что?

Павла *(опускаясь на пол)*. Ничего я не сделала...

Антипа *(выпустил руки ее, она упала, он медленно приподнимает ногу, как будто собираясь ударить Павлу, но — присел на пол и, положив голову ее на колено себе, гладит голову Павлы, шепчет)*. Дитё мое — не бойся... Я — не трону — очнись! Дитё мое милое...

Софья *(за дверью)*. Перестаньте говорить вздор...

Муратов. Но — что же будет с вами?!

Софья *(вошла, бросается к брату)*. Что ты сделал?

Муратов *(испуганно попятился)*. Чёрт возьми...

Антипа. Тише...

Софья *(ощупывая Павлу)*. Обморок?

Антипа. Не знаю...

Муратов. Сейчас я доктора позову...

Софья. Скорее, он во флигеле у Тараканова...

Павла *(очнулась, оглядывается, Антипе)*. Уйдите... Соня — уведи меня...

Антипа. Ладно. *(Отошел в тень к двери на террасу, стоит спиной ко всем.)*

Софья. Что такое случилось?..

Павла. Он меня хотел прибить...

Софья *(брату)*. Ты — уйди, пожалуйста...

Антипа. Не хочу!

Павла *(стоит, держась за Софью)*. Антипа Иванович, вы знаете, я хотела любить вас...

Антипа. Не говори про это...

Павла. Я хотела, чтоб вы были добрее...

Антипа. Н-да...

П а в л а. Но вам никого не жалко, вы никого не любите. За что вы не любите сына? Зачем вы ревнуете его ко мне и гоните его? Он — больной, несчастливый — виноват он в этом?

А н т и п а. А я — виноват, что здоровее его? Виноват, что никудышных людей — не жалко мне? Я — дело люблю, я люблю работу! На чьих костях жизнь строена, чьим потом-кровью земля полита? Не такие люди этому служили, как он да ты! Может он мой труд на себя принять?

С о ф ь я. Довольно...

А н т и п а. От моей да отцовой работы сотни людей сыты живут, в гору пошли. А он — что? Я — грех сделал, так ведь я же и дело делаю, я! Вас, добрых, послушать — всякое дело перед кем-то грех... Неверно это! Отец мой говаривал: коли бедность не убить — греха не избыть, вот это — верно!

П а в л а. Про вас везде нехорошо говорят...

А н т и п а. Ну так что? Говори! Из зависти говорят, богатый я! И все должны быть богаты, все должны в силе быть — чтобы друг другу не служить, не кланяться... Будут люди жить независимо, без зависти — хороши будут; не достигнут до этого — пропадут в низости своей... Это — Софьины слова, верные слова!

(Софья внимательно смотрит на брата.)

П а в л а. А — Миша?

А н т и п а. Что ж я тут сделаю? Ничего не могу я... Не вижу вины моей пред ним! *(Тише.)* Может, вот перед тобой виновен... ну, увидел, понравилась... захотелось порадоваться с тобой, отдохнуть... али я отдыха не заслужил?

П а в л а. Господи! Неужели нельзя жить в тихом мире, любя друг друга, всех любя?

(Софья задумчиво отходит от нее.)

П а в л а. Ведь надо же иначе жить!

А н т и п а *(угрюмо)*. Начни... начинай...

П а в л а. Милые мои, — ведь нельзя так... нельзя жить, не любя никого, никого не жалея... Дорогие мои люди, — неужели все — враги друг другу?.. *(Молча-*

ние.) Боже мой, боже!.. Есть же что-нибудь неоспоримое... есть же правда где-нибудь!

Антипа. Не приготовили ее для тебя...

Павла. Ведь надо же думать о правде, надо искать ее...

Софья (*негромко*). Правду — не выдумаешь, ее надо выработать. Работать нужно, Паша, а не искать... Ничего не найдешь, — ничего не потеряно...

Антипа (*угрюмо*). Покой души потерян...

Софья. Покой — не правда...

Павла (*тоскливо*). Не понимаю я вас... ничего не понимаю...

(*Целованьева вводит Михаила, он идет довольно бодро, держась одной рукой за плечо Анны Марковны, улыбается, примирительно протянув другую руку вперед.*)

Софья (*тревожно подхватывая его*). Зачем ты встал? Как вы позволили?

Целованьева. Просится он...

Павла. Ах, господи! Что вы делаете, мамаша?

Целованьева. Ведите, говорит, меня, хочу отца видеть...

Михаил. Ничего, тетя Соня...

Целованьева. Он, говорит, сам-то не придет.

Павла. Но разве вы не понимаете...

Целованьева. Ты много поняла! Кричи больше на мать-то...

Михаил. Пойдите... не шумите... Это всё я виноват...

(*Софья усадила его в кресло.*)

Антипа (*подходит, быком глядя на сына, глухо говорит*). Это напрасно ты... я бы пришел, погодя... Я и хотел идти... да вот тут... говорили мы...

Михаил. Слушай, отец...

Софья. Тебе вредно говорить...

Михаил. Молчать — вреднее...

Антипа. Больно поранился?

Михаил. Ты меня прости...

Антипа. Эх, брат... Ладно! Чего там? Неизвестно, кто виноват...

М и х а и л. Я знаю кто...

П а в л а. Кто же? Кто?

Ц е л о в а н ь е в а. Уж, конечно, люди беззащитные...

С о ф ь я. Вы, Анна Марковна, напрасно...

Ц е л о в а н ь е в а. Нет уж, матушка, вы меня не троньте!..

А н т и п а. Стряпуха божья! Помолчи, Христа ради, а то я те...

С о ф ь я. Антипа — перестань!

А н т и п а *(отдуваясь)*. Ф-фу... Вот ржавчина!

М и х а и л. Подожди, отец, не волнуйся... Ведь всё это — не страшно, больше — смешно...

А н т и п а. Ты — скажешь! Смешно... Эх, Михайло... Нехорошо всё... нехорошо!..

М и х а и л. Не тронь себя...

(В дверях — Муратов делает знаки Софье, она подходит к нему, нервно разговаривают.)

С о ф ь я. Неужели?

М у р а т о в. Да. Всё, говорит, вздор и пустяки, это они с жиру бесятся. И — уехал!

С о ф ь я. Как же быть? Пожалуйста, пошлите вслед за ним Шохина, верхом...

(Муратов, сморщив лицо, уходит.)

А н т и п а *(сыну)*. Ну, что смеешься?..

М и х а и л. Хочется сказать тебе, отец, что-то хорошее, от души...

А н т и п а *(смущен)*. Вот еще... Зачем? Ты — помалкивай... отдыхай...

М и х а и л. Видишь ли — ведь я понимаю тебя... я даже тихонько, издали как-то — нередко любовался тобою... любоваться, это уж значит — любить...

А н т и п а *(удивлен, не верит)*. Софья, — чу? Вон что говорит...

П а в л а *(Софье)*. Ведь ему вредно говорить!

(Софья останавливает ее жестом.)

М и х а и л. Ты — топор в руке божьей... в чьей-то великой, строящей руке... И ты и тетя Соня. Она еще

тебя острее... А я вот и все такие, как я, — ржавчина... Я хочу сказать, отец, — я много думал над этим, — бесполезных людей нет, есть только люди вредные... Ты — не казни себя...

Антипа (*тронут, наклонился, поцеловал сына в лоб; выпрямился*). Ну, господь с тобой... Спасибо, брат! Это мне — хорошо... Помогли тебе бог за то, что сказал так... Отец... отец, брат Михайло, это тоже ведь не просто — мясо, это — живой человек с душою, он тоже — любит! Ведь нельзя не любить-то! Нельзя — все радости в любви...

Павла (*тихонько плачет*). Господи... не понимаю я...

Антипа (*ей, торжествуя*). Видишь? (*Сыну*.) Ведь я тебя — как знаю? Когда ты еще языком не владал — я уж боялся за тебя, сын... я думал про тебя: вот будет человек самый близкий мне, вот это он и возьмет на себя и труды и грехи мои, возьмет, оправдает всю мою жизнь...

Михаил (*очень взволнован*). Нечем взять... Мне пужно — тетя Соня...

(*С ним — обморок. Софья бросается к нему, Павла испуганно отскочила, Антипа опустился на колени, Целованьева около дочери, в дверях — Муратов.*)

Павла (*громким шёпотом*). Скончался!

Софья. Перестань.

Целованьева. Доконали...

Антипа. Что с ним, а? Софья? Где доктор-то?

Софья. Доктор уехал... Дайте воды...

Павла (*мечется*). Вот... ну разве нельзя было прийти к нему? Ах, жестокие!..

Муратов (*негромко*). Вы бы не шумели!

Павла (*сердито*). Ах, оставьте... Что вам нужно? Не люблю я вас...

Муратов (*кланяясь*). Это меня почти не огорчает...

Михаил (*очнулся*). Положите меня...

Софья (*брату, Муратову*). Берите его!

Михаил. Ничего, я могу...

(*Отец и Муратов ведут его.*)

Михаил (*усмехаясь*). Вот в каком я почете...

Павла (*останавливая Софью*). Что мне делать, что? Скажи...

Софья. Подожди, нужно к Мише...

Павла. Я тоже, кажется, умру, — скажи, что же, куда же я?

Софья. Подумай сама... Антипе ты — не жена, Михаилу — не сестра...

Целованьева. Говорила я тебе — не надо было продавать свой-то угол!..

Павла. Оставь, мама!..

Целованьева. Куда теперь спрячешься?..

Софья. Ты, Павла, много говоришь о любви, но — любить не умеешь еще. Когда любят — всё ясно: куда идти, что делать... всё делается само собою, и никого ни о чем не надо спрашивать...

Целованьева. Вот, вот!.. Без спроса живи... да! Очень хорошо учат тебя...

Софья. В солнечный день не спрашивают — отчего светло? А в твоей душе, видно, не взошло еще солнце-то...

Целованьева. Не слушай, Павла, речи эти, ой, не слушай!

Софья. А вы, Анна Марковна, много вреда принесите дочери вашей...

Целованьева. Еще бы те! Кто больше матери вреден? Нет, матушка, уж вы позвольте...

Софья (*уходя*). Я знаю, что с вами бесполезно говорить об этом, — простите, сорвалось...

Целованьева. Иди, беги к любовнику-то скорее!..

Павла. Это — неправда! У нее нет любовника.

Целованьева (*спокойно*). Нет, так будет...

Павла (*ходит по комнате*). Не взошло солнце...

Целованьева. А ты — верь ей! Не про солнце надо думать, а про себя — как самой прожить тихо и с удовольствием... Все хотят жить с удовольствиями. Разбойника этого надобно тебе оставить, и барыня эта не подруга тебе — она тоже воровой породы. А мы — люди тихие. Деньги у тебя есть свои — двадцать пять тысяч... И еще найдутся... Со своими деньгами можно

жить как хочешь: свой целковый -- родного брата дороже... Мне в этом доме — тоже не привольно, а мне пора отдохнуть — сорок три года мне!.. Кто я тут?

П а в л а. Не про то вы говорите, не то! Зачем я вышла из монастыря?

Ц е л о в а н ь е в а. Со своим капиталцем и в монастыре барыней проживешь. И я бы с тобой... Нет подружки вернее родной матери... она всё понимает, всё прикроет...

П а в л а. Стойте... идет кто-то...

Ц е л о в а н ь е в а. Уйти бы нам, а? Гляди, полиция скоро приедет.

П а в л а. Зачем?

Ц е л о в а н ь е в а. А как же? Я послала...

(Муратов входит.)

П а в л а. Ну, что он?

М у р а т о в. Устал, дремлет...

П а в л а. Он ведь не умрет?..

М у р а т о в. Со временем непременно умрет...

П а в л а. Когда? Не сейчас?

М у р а т о в. Точно не знаю когда...

Ц е л о в а н ь е в а. Вы бы, батюшка, не издевались над простодушным нашим...

П а в л а. Оставьте, мама! Ведь рана не опасная?

М у р а т о в. Револьвериншко — слабый, пуля маленькая, скользнула по ребру и вышла в бок — это безопасно...

П а в л а. Ах, слава богу, слава богу!.. Василий Павлович, кажется, я сказала вам давеча дерзко...

М у р а т о в. О, не беспокойтесь! Я знаю христианские ваши чувства...

П а в л а. Я даже и не помню, что сказала...

М у р а т о в. Пустяки... уверяю вас...

Ц е л о в а н ь е в а. Встрепана ты очень, Паша...

П а в л а *(взглянув в зеркало)*. Ой, ужас! Что ж вы раньше-то не сказали?

Ц е л о в а н ь е в а. Время не было...

П а в л а. Вы — извините, я уйду...

М у р а т о в. О, пожалуйста...

П а в л а. Так что — Миша скоро встанет?

М у р а т о в. Не знаю... Доктор сказал, что организм его очень истощен пьянством и распутством...

П а в л а. Ой, как вы...

Ц е л о в а н ь е в а. А ты иди-ка, иди! Не тебя это касается...

(Муратов садится в кресло у стола, согнувшись, схватил голову руками, имеет вид человека, которому очень тяжело. Входит Софья, при виде Муратова ее усталое лицо становится суровым. Он поднял голову, медленно выпрямился.)

С о ф ь я. Вы, вероятно, устали?

М у р а т о в. А вы?

С о ф ь я. Да, немножко...

М у р а т о в. Нужно отдохнуть. Я сейчас уйду. Но — прежде позвольте мне поставить один вопрос?

С о ф ь я *(не сразу)*. Ставьте.

М у р а т о в. Я хочу подать прошение о переводе во Владыкинское лесничество — вы знаете, там лесничий застрелился...

С о ф ь я. Да, знаю...

М у р а т о в. Но если б я остался здесь — мог ли бы я рассчитывать...

С о ф ь я *(ударив чел-то по столу, решительно)*. Нет!

М у р а т о в. Позвольте, вы не дослушали! Я хотел спросить — могу ли я рассчитывать, что ваше отношение ко мне изменится?..

С о ф ь я. Я поняла вопрос.

М у р а т о в *(встал, усмехаясь)*. Шохин убил человека, но, право, вы относитесь к нему милостивее, чем ко мне.

С о ф ь я *(не сразу)*. Может быть... вероятно... Что такое — Шохин? Он — честный зверь, он думал, что это его долг — убивать людей, которые крадут добро его хозяина. Но — он понял, что сделал, и всю жизнь не простит себе этого, теперь он относится к людям иначе...

М у р а т о в. Вы — ошибаетесь... как всегда...

С о ф ь я. В вашем лесничестве за семь лет ваши Шохины убили и изувечили несколько десятков человек...

М у р а т о в. Ну, не так много...

С о ф ь я. А сколько посажено в тюрьмы, сколько разорено семей из-за вязанки хвороста! Вы это считали?

М у р а т о в. Нет, конечно. И какое вам дело до этой статистики? Сударыня — всё это романтизм! Как бы вы приказали поступать с ворами?

С о ф ь я. Не знаю, но — не так! Ведь вот у нас — не воруют...

М у р а т о в. Н-но! Это — не факт, а только видимость, как говорит доктор, тоже романтик.

С о ф ь я. Нам нужно кончить этот разговор, — он возникает с каждой встречей...

М у р а т о в. Вы совершенно напрасно спорите со мною...

С о ф ь я *(встала)*. Послушайте, Василий Павлович: да, вы для меня хуже Шохина, хуже любого пьяного мужика — мужика можно сделать человеком, — вы — что-то безнадежное... Мне не очень легко сказать вам это...

М у р а т о в. Не идет к вам романтизм, хозяйка!..

С о ф ь я. Нелегко видеть вас таким, каков вы есть. Умный, образованный человек без любви к людям, без желания работать, — это меня отталкивает. Я видела, как вы гасли, как вы быстро теряли себя, развращали других.

М у р а т о в. Пять минут назад я слышал, как Анна Марковна мудро сказала: все хотят жить с удовольствиями! Это очень верно. Что стóят все эти якобы развращенные мною люди вместе с вашим племянником? Я раздавлю их, кто-то другой, или они сами медленно передавят друг друга — не всё ли равно?

С о ф ь я. Быть Мефистофелем в уездном городе — это очень легко, вы бы попробовали быть честным человеком!

М у р а т о в. Недурно сказано! Но что значит — честный человек?

С о ф ь я. Нам не о чем говорить.

М у р а т о в. То есть — вы не можете ответить. Ужасно одиноки вы... одиноки и бессильны!

С о ф ь я. Это неправда! Есть где-то люди, которые

чувствуют жизнь так же, как я. Ведь ничего нельзя выдумать, можно только принять в душу свою то, что есть в жизни. В моей душе — есть светлое, значит — оно есть и вне моей души; в моей душе есть вера в возможность иной жизни — значит, она есть в людях, эта благая вера! Я многого не понимаю, я плохо образованна, но я чувствую: жизнь — благо, и люди — хороши... А вы всегда лжете на людей... и даже — на себя...

М у р а т о в. Я всегда говорю правду...

С о ф ь я. Это правда ленивых, самолюбивых, обиженных, что-то злое, гнилое. Это — издыхающая правда!

М у р а т о в. До сего дня она считалась бессмертной.

С о ф ь я. Нет, — живет и растет другая... Есть другая Русь, не та, от лица которой вы говорите! Мы — чужие люди... Не попутчица я вам, и — мы кончили, надеюсь?

М у р а т о в *(взял с камина шляпу)*. Увы, но я уверен, что по пути к этой другой правде вы сломите себе шею, — pardon!¹ Бросьте-ка вы все эти фантазии и примите мою руку — руку человека интересного — э?

(Софья молчит, смотрит на него.)

М у р а т о в *(отступая к двери)*. Подумайте! Мы поехали бы в Европу, в Париж — это гораздо забавнее города Мямлина. Вы — молодая, красивая, в Европе очень умеют ценить красивых женщин — сколько наслаждений ждет вас! Я же — не ревнив, ваши маленькие шалости будут даже приятны мне... Мы бы прекрасно сожгли жизнь, э?

С о ф ь я *(вздвигнув, тихо, с отвращением)*. Ступайте...

М у р а т о в. Это меня огорчает...

А н т и п а *(сзади его, в дверях)*. Ну-ка, посторонись...

М у р а т о в. Н-ну-с? Прощайте...

¹ извините! *(Франц.)*.

Антипа. Прощай! *(Сестре.)* Уснул Михайло-то... Хорошо мы с ним поговорили... *(Присматривается к ней, обернулся к двери.)* Опять этот, бес зеленый, напелл чего-нибудь? На что ты его привечаешь?..

Софья. Давно... лет шесть тому назад, человек этот нравился мне...

Антипа. Молода была... Уйти мне, что ли?

Софья. Подожди... Как хочешь...

Антипа *(помолчав)*. Может, Михайло-то теперь меньше пить будет... а, Соня?

Софья. Что?

Антипа. Ну, ладно! Думай свое, я пойду...

Софья. Что ты спросил?

Антипа. Миша-то, мол, может, меньше пить станет...

Софья. Не думаю. Едва ли. Ты — не трогай его, оставь его мне...

Антипа. Я готов всё тебе оставить... А как же... с этой?

Софья. Отпусти ее...

Антипа *(тихо)*. Куда это?

Софья. Куда хочет...

(Антипа сел, молчит.)

Софья *(подошла к нему)*. Что ты придумаешь иначе?

Антипа *(угрюмо)*. Не в нашем это быту — с женами разводиться!

Софья. Какая она жена тебе? Ведь только мучиться будешь с ней...

Антипа. Нет, это не годится... Лучше я сам уйду. Брошу всё на тебя и уйду куда глаза глядят... Не для чего теперь жить мне... Эх, горько, что ты бездетна!

Софья *(отошла, сурово)*. Кто меня за умирающего замуж выдал?

Антипа. Ну — я! Ладно уж. Зато — богатая ты, первая в уезде. Сильнее всех дворянишек... А дети... они не только от мужей бывают...

Софья. Милостив ты, да — поздно!

Антипа. Эх, Соня, Соня...

Софья. Что — эх? Никуда ты не уйдешь, вздор это!

Антипа (*задумчиво*). Стыдно стало мне. Не так всё... не то! Греха — не боюсь; печаль — не люблю я... А меня — печаль одолевает, с ней — не жить, не работать...

Софья. Мне — не легче твоего, и печаль моя горше твоей, а я — не прячусь... Знал бы ты, как мучительно потерять уважение к человеку, как от этого сердце болит... Знал бы ты, как я искала хороших людей, как верила — найду! Не нашла... Поищу еще... да...

Антипа. Несчастливы мы с тобой, Софья. Враги всё около нас.

Софья. Кабы — умные! Умный враг — всегда хороший учитель...

Антипа. Чему — учитель?

Софья. Сопротивлению. Вот — муж мой враг был мне, — а я его уважаю... многому он научил меня!.. (*Подойшла к брату, положила руку на голову его.*) Ну, довольно! Остались мы с тобой одни, и будем жить — одни. А может, придут хорошие люди, поучат, помогут! Ведь есть же хорошие люди?..

Антипа (*задумчиво*). Коли себя хорошим не покажешь — не найдешь хорошего. Это — твои же слова...

Софья. Вот и покажи! Ты — встряхнись. Вспомни: когда ты уступал, кому? Надо ли горю уступать? Не надо уступать!

Антипа (*встал, расправил плечи, смотрит на сестру, усмехаясь*). Просто всё у тебя, Софья, откуда это у тебя, господь с тобой? Давай-ка, обнимемся, единая ты моя... спасибо тебе!

(*Обнялись, Антипа смахивает слезы.*)

Антипа. Ну, давай жить, давай спорить! Эх, начну же я теперь делами ворочать — земля поколеблется...

Софья. Вот это — больше на тебя похоже! Те-

перь ты — уйди... Мне надобно побыть одной... иди, милый! Мы с тобой — друзья, это хорошо!

Антипа. Не говори — зареву...

Шохин (*в двери*). Исправник приехал с понятиями.

Антипа (*сердито*). Что? Зачем?

Софья. Кто звал?

Шохин. Анна Марковна Василья послала...

Антипа. Ну, я же ее...

Софья. Стой, я сама устрою всё! Не вмешивайся в это — не ходи туда...

Антипа (*порываясь*). Нет, я ее — в окошко выкину, с дочкой вместе...

(Шохин широко улыбается.)

Софья. Шохин, не пускайте его. Слышишь? Сиди спокойно...

Антипа (*мечется по комнате*). Полицию позвали... на-ко вот, а? Ты чего рожу растянул?

Шохин. Ничего...

Антипа. То-то! Думаешь, я и вправду пойду с тобой? Нет, уж пускай другие отступят, а я останусь на своем месте... Полицией пугают!.. *(Остановился против Шохина.)* И тебе идти некуда — брось это! За тобой — грех пред людьми, на людях и оправдай его...

Шохин. Да ведь теперь я тоже останусь... Теперь, чай, не мне уходить...

Антипа. Ну вот... Шататься — стыдно! Вон — хозяйка-то наша, Софья-то Ивановна, как себя держит... а ведь — женщина!

Павла (*вбегает*). Антипа Иванович, там пришли...

Антипа (*жестом останавливая ее*). Знаю! Полиция там... Ты — иди, с богом! Тебе бояться нечего, это твоя же мать позвала полицию. Ты — иди себе!.. Уходи...

Павла (*с тревогой*). Куда?

Антипа (*отвернулся*). Это — твое дело... Прощай...

Павла. Куда же?..

Антипа. Мать — укажет... Прощай...

(Павла медленно уходит, Шохин уступает ей дорогу; наклонив голову, Антипа идет к двери на террасу, остановился там, прислонясь лбом к стеклу. Шохин тяжело вздохнул.)

Антипа *(не оборачиваясь, глухо)*. Прощай!

З а н а в е с

СТАРИК

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М а с т а к о в .

П а в е л — пасынок его.

Т а т ь я н а — падчерица.

С о ф ь я М а р к о в н а .

Х а р и т о в .

Я к о в — его племянник.

З а х а р о в н а .

С т е п а н ы ч .

К а м е н щ и к .

С т а р и к .

Д е в и ц а .

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кирпичная стена трехэтажного дома, окруженная лесами; перед ней — группа деревьев с поломанными ветвями, бревна, доски, бочки, как всегда на постройке. Под деревьями — скамья со спинкой. Налево — забор сада, в нем калитка, дальше — сторожка, у двери тоже скамья. Направо — деревья, кустарник. Воскресенье, летний полдень. Около постройки толпятся каменщики, перед ними стоит М а с т а к о в, крепкий мужчина, темноволосый, с проседью в бороде и усах. У калитки — Х а р и т о н о в, рыжий суетливый человечек; Я к о в, его племянник, — щеголь; П а в е л, неуклюжий парень, угрюмый; Т а т ь я н а, одетая очень модно и крикливо; З а х а р о в н а; С т е п а н ы ч.

Х а р и т о н о в *(кричит каменщикам)*. Тише, стадо!

М а с т а к о в *(укоризненно взглянув на него)*. По-годи, кум! Ну, вот, ребята, одно дело мы, слава богу, кончили, с понедельника другое начнем. Работали вы споро, честно; надо, чтобы я вам спасибо сказал; вот я и говорю: спасибо, братцы!

Х а р и т о н о в *(Павлу)*. Вяло говорит, невесело! Эх, я бы сказал!

М а с т а к о в. Обиды не было вам от меня?

К а м е н щ и к и. Нету... И мы благодарствуем... Не было...

М а с т а к о в. Так. А я еще скажу вам, что трудились вы не только для меня — для себя тоже. В училище этом будут учиться ваши дети, ваши внуки. Люди умирают, а дела их остаются для будущих людей...

Х а р и т о н о в *(Якову)*. Это его полковница на-строила, ее мысли!..

Яков. Понимаю...

Таня. Не мешайте!..

Мастаков. Ежели справедливо говорить — работа всегда дороже денег. Я сам из простых вышел, знаю цену всякой работе... *(Он говорит всё более неуверенно, подыскивая слова, останавливаясь.)*

Харитонов. Кончил бы — разве они пойдут!

Мастаков. Вот — построили мы техническое училище... Дай бог, чтобы ваши дети жили умнее, счастливее нас! Что там ни говори, а счастливый человек больше несчастного достоин помощи божией.

Харитонов. Это всё полковница!

Таня. Не мешайте, пожалуйста.

Захаровна. О господи, батюшко!

Мастаков. А теперь, ребята, идите обедать. Выпейте за успех дела, и — поздравляю вас с благополучным окончанием.

Каменщики *(хором, оживленно)*. Покорно благодарим, Иван Васильевич! Тебе спасибо! Айда, ребята! Стой, погоди... Спасибо, хозяин!

Мастаков. Кроме того, полагается вам по трешнице на брата, в благодарность.

Каменщики *(еще более весело)*. Эх ты... Благодарим!.. Ну, айда! Да — погоди! Спасибо!

Старый каменщик. Стойте, тише! И я тебе слово скажу, Иван Васильев. Хорошо ты придумал это — обед. Другой бы дал на чайшко по целковому, да и — ступай, стадо, куда те надо. А ты всё иначе делаешь, по-новому, однако — хорошо! Обыкновенно по-новому-то нехорошо выходит, а у тебя — ничего! На такого хозяина и работать приятно. Кабы все эдак-то поступали, — меньше бы досады было. А народ праздники любит. Ну, стало быть, мы тоже очень довольны и благодарим, кланяемся. Кланяйся, ребята. *(Низко кланяется, каменщики бормочут: «Спасибо! Дай тебе господи удачу! Очень благодарны!» Какой-то молодой чахоточный парень встал — явно в насмешку — на колени и поклонился в землю.)*

Таня *(улыбаясь)*. Вот глупый!

Харитонов. Экой подлец!

М а с т а к о в. Нехорошо шутишь, паренек! Ну, идите с богом... Никита Семенов, коли чего не хватит — у Захаровны спроси.

К а м е н щ и к. Ладно, не беспокойся!

(Рабочие идут на постройку. За ними — Харитонов, Павел, Яков, Захаровна. Таня, поставив ногу на скамью, связывает туфлю.)

Х а р и т о н о в *(молодежи)*. Идем поглядим, как они жрать будут.

М а с т а к о в *(каменщику)*. Тебя я особо благодарю.

К а м е н щ и к. Ну-ну, ладно...

М а с т а к о в. Ты что ухмыляешься?

К а м е н щ и к. Приятно глядеть на тебя. Множество людей видел я, а на тебя глядеть приятно...

М а с т а к о в. Ну, будь здоров!

К а м е н щ и к. Всё ты строишься, стараешься... Талан у тебя есть... Только — спешить ты очень, гляди — устанешь скоро. Всей земли не застроить нам.

М а с т а к о в. Однако наказано, чтобы таланта в землю не зарывать...

К а м е н щ и к. Кем наказано?

М а с т а к о в. В Евангелии, Христом.

К а м е н щ и к. Христом? Ну, тогда конечно... А все-таки кто не спешит, тот меньше грешит, а кто торопится, за тем бес охотится. До свиданья. Значит — с понедельника начинаем?

М а с т а к о в. Да.

К а м е н щ и к. Час добрый! *(Идет к постройке. Мастаков устало оглядывается.)*

Т а н я *(подходя к нему)*. Идем пирог есть!

М а с т а к о в. Ты что ж тут одна?

Т а н я. Они пошли смотреть, как мужики есть будут, — это неинтересно.

М а с т а к о в *(тихо)*. Всё ты у меня одна да одна! Нехорошо.

Т а н я. Да, скучно. Славно ты сказал им! И старик этот — славный.

М а с т а к о в. Болтун несколько, а умный. Знающий...

Т а н я. Я не люблю мужиков, но некоторые мне нравятся.

М а с т а к о в. За что их не любить? Я — тоже мужик.

(За деревьями — Павел.)

Т а н я. Ты — купец. Какой же ты мужик?

М а с т а к о в. У нас все одинаковы, все мужики, только разно одеты да речь разная. Людей надо не по словам, не по одежде различать, а по работе. Кто умеет работать, тому и честь... А вот ты у меня лентяйка — это почему?

Т а н я. Не знаю. Разве я лентяйка?

М а с т а к о в *(задумчиво)*. Мужик я — самый настоящий, по нутру мужик...

Т а н я. Почему я лентяйка?

М а с т а к о в. Себя спроси. Тебе Яков нравится?

Т а н я. Иногда — нравится, иногда — нет.

М а с т а к о в. Гмм... Надо бы, чтобы всегда нравился. Вот он тебя замуж просит: как ты ответишь?

Т а н я. Я уж ответила — пусть подождет.

М а с т а к о в. Чего?

Т а н я. Так... Не знаю. Может быть... Почему Софья Марковна не приехала?

М а с т а к о в. Она сказала, что запоздает к молбну. Тебе на что ее?

Т а н я. Она ужасно хорошая.

(Павел исчез. Идет Захаровна.)

М а с т а к о в. Подруг у тебя нет, вот что, Танёк.

Т а н я. Почему ты грустный сегодня?

М а с т а к о в. Грустный? Нет, я ничего.

З а х а р о в н а. Обедать пора!

М а с т а к о в. Пора, так зови. На-ко вот денег, это чаевые каменщикам, Никите отдай. Идем, Таня.

С т е п а н ы ч *(около сторожки с ружьем в руках, напевает)*.

Сидит Ваня — между прочим —

В распроклятой растюрье...

З а х а р о в н а. Ты что это среди бела дня с ружьем?

Степаныч. Боюсь — украдут. Тут всё темный какой-то шляется, про хозяина выпрашивает, кто он, откуда...

Захаровна. А чего ему надо?

Степаныч. Не сказывает. Наверно — сыщик воровской, ворами подослан.

Захаровна. Ты с им зря-то не болтай!

Степаныч. Зачем? Я уж хозяину доложил про него.

Захаровна. Зови Харитоновых обедать.

Степаныч. Сами идут — вот они...

Харитонов *(Павлу и Якову)*. Учитесь, как надо дела крутить.

Захаровна. Обедать пожалуйста, Яким Лукнич!

Харитонов. Жалую. Вокруг его дела хоро- водом ходят, а у меня — то забастовка, то кредит на дыбы...

Яков. Ему полковница помогает!

Харитонов. Глупости! В делах баба — не помощница.

Павел. Обирает она его. Он ей на Пасху серебра подарил на семьсот рублей да на именины браслет с яхонтом.

Харитонов. А ты всё считаешь?.. Ишь ты...

Степаныч *(подмигивая вслед им)*. Вынянчила ты волчонка.

Захаровна. И у родной матери не всегда дитя свято...

Степаныч. Бойкая ты у нас старушка, веселая.

Захаровна. Я свои печали давно оплакала. Где ни поселюсь — веселюсь.

Павел *(из калитки)*. Степка, вотчим где-то там счета оставил, ступай — найди!

Захаровна. Экой ты грубый! Какой он тебе Степка?

Павел. Убирайся к чёрту, нянька!

Захаровна. У, дурачок... *(Ушла в сад. Павел присел на скамью, закурил, прислушивается, глядя на кусты. Голос Софьи Марковны.)*

Софья Марковна *(за сценой)*. Не распрягай, я скоро! *(Выходит из кустов, раздвигая их зонтиком. Ей за 30, одета просто, но кокетливо.)* Вы мне, кажется, кулак показывали, да? Или — нос?

Павел *(смущен)*. Вовсе я ничего не показывал!

Софья Марковна. Серьезно?

Павел. Я глядел из-под руки — кто едет?

Софья Марковна. Честное слово?

Павел. Я же говорю, — что вы врете на меня?

Софья Марковна. Неужели вам не понятно, что я шучу!

(Павел молчит.)

Софья Марковна. Много у вас гостей?

Павел. Харитоновы одни.

Софья Марковна. А вы что делаете здесь?

Павел. Ничего.

Софья Марковна *(берет его под руку)*.

Мало...

Павел. Вы со мной, точно с собачкой играете.

Софья Марковна. Неужели? Ах, бедный...

Ну, идите!

Степаныч *(с бумагами)*. Вот, нашел! Здравствуйте, барыня.

Софья Марковна. Здравствуйте, барин!

(Уходит, уводя Павла. Степаныч садится на скамью, улыбаясь смотрит ей вслед. Из-за створки — Каменщик.)

Степаныч. Куда?

Каменщик. Шумят ребята...

Степаныч. Такое дело!

Каменщик. А мне — нездоровится. Старость грызет.

Степаныч. Гмм... Да...

Каменщик. Хороший купец Иван Васильев. Мягко, а — ничего... Хорош. Дейтель! Он откуда родом?

Степаныч *(усмехаясь)*. Чудное дело! Да что — земля, что ли, такая тайная есть, откуда хорошие люди

приезжают? А своих хороших — нет у нас? Право, ей-богу...

К а м е н щ и к. Земли такой нет.

С т е п а н ы ч. То-то и оно. Тут один, какой-то, тоже всё выспрашивает — откуда хозяин да как разбогател?

К а м е н щ и к. Богатеют от ума. Дурак богат не будет. Зачем он спрашивает?

С т е п а н ы ч. А ты — зачем?

К а м е н щ и к. Я? Из любопытства.

С т е п а н ы ч. Вот и он тоже.

К а м е н щ и к. Это — тоже глупость наша, любопытство-то.

С т е п а н ы ч. Тебе лучше знать.

К а м е н щ и к. Глупость... Это кто идет?

С т е п а н ы ч. Хозяин с полковницей.

К а м е н щ и к. Я пойду в сторожку к тебе, а то — хороши гости — из дому, а воевода — издали! *(Ушел. Степаныч за ним. Из калитки сада идут Мастаков и Софья Марковна. Мастаков взволнован.)*

С о ф ь я М а р к о в н а. А не напрасно вы ушли из-за стола?

М а с т а к о в. Ничего, Яким — свой человек. А вы сказали, что торопитесь. Присядемте на минутку!

С о ф ь я М а р к о в н а *(улыбаясь)*. Сидя — не торопятся. Работа у вас медленно идет.

М а с т а к о в. Яким кирпич задержал: описали у него кирпич за долги. Софья Марковна!..

С о ф ь я М а р к о в н а. Что скажете? Вы сегодня — не нравитесь мне... И говорите как-то невразумительно и вообще...

М а с т а к о в. Есть причина... Такое дело, что не знаю, как сказать...

С о ф ь я М а р к о в н а. Сразу говорите. Ну-с! *(Присела на скамью, Мастаков стоит, всё более волнуясь.)*

М а с т а к о в. Вот уже больше десяти лет живу я вашим разумом — денежно вы мне помогали и душевно много сделали для меня...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы — сядьте. *(Смотрит, улыбаясь, на часы, потом на него.)* В чем дело?

М а с т а к о в. Видите ли... Не могу сказать! Трудно...

С о ф ь я М а р к о в н а (*оглядывая его, серьезно*). Вы меня удивляете! Вы — такой спокойный, уверенный в себе человек...

М а с т а к о в. Это — видимость. Я — человек несчастный... (*Возмущенно.*) Даже — смешно! Почему я — несчастлив? Я — честный человек, люблю работать, я не жаден...

С о ф ь я М а р к о в н а. Послушайте, что такое? Что с вами? О чем вы?

М а с т а к о в. Я так... предан вам, привык к вам, что ежели... Годы я жил бирюком, в страхе пред людьми, вы отличили меня, сделали значительным человеком...

С о ф ь я М а р к о в н а. Всё это лишнее говорите вы.

М а с т а к о в. Я вас так уважаю...

С о ф ь я М а р к о в н а. Прекрасно, спасибо! Но — что же вы хотите от меня?

М а с т а к о в (*бросился на колени перед ней*). Милости вашей прошу... помощи прошу...

С о ф ь я М а р к о в н а (*вскочила, оглядывается*). Да вы с ума сошли! Встаньте, живо! Вы бы еще на базарной площади вздумали объясняться в любви! Юноша какой...

М а с т а к о в (*вставая*). Послушайте... Я знаю — вы не судья людям, вы — добрая к ним...

С о ф ь я М а р к о в н а. Довольно! Я ведь не девушка, мне за тридцать. Я понимаю, что нравлюсь вам. Человек я прямой и даже, пожалуй, грубоватый. Я знаю, что меня считают вашей любовницей, и даже пасынок ваш... Но — хорошо! Об этом я не могу говорить сегодня, вы очень плохо выбрали время для такой беседы.

М а с т а к о в (*робко, глухо*). Софья Марковна, я хотел...

С о ф ь я М а р к о в н а. Сегодня в семь я еду в деревню, а когда вернусь — мы поговорим. Поймите меня — я ничего не обещаю вам... слишком хорошо известно мне, как жизнь обманывает людей. Я вернусь дня через три...

М а с т а к о в. Не уезжайте, пожалуйста, я вас прошу! У меня вся жизнь качается, всё качается.

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну, это, извините меня, глупости! А вы за это время подумайте, что говорят обо мне в городе — о моих грехах, — хорошо?

М а с т а к о в. Что мне ваши грехи? У меня...

С о ф ь я М а р к о в н а. Тише! Кто-то идет. Стряхните пыль с колен!

М а с т а к о в (*бормочет*). О господи!

Х а р и т о н о в (*выпивший*). Полковница, — лапочку!

С о ф ь я М а р к о в н а. Да ведь вы только что здоровались со мной!

Х а р и т о н о в. Это ничего не значит! Вас всегда приятно видеть, как пятисотенный кредитный билет. Кум, ты чего угрюм?

М а с т а к о в (*живая на стройку*). Запаздываем!

Х а р и т о н о в. Брось! Всё будет вовремя и хорошо. У тебя, брат, всегда хорошо будет, ты — счастливый! Полковница, помогите мне, между прочим, уломать его! Иван Васильев — отдавай падчерицу за Якова, а? И себе развяжешь руки несколько, и мне бы польза была.

М а с т а к о в. Не время об этом...

Х а р и т о н о в. Девицу замуж выдать всегда время. Кроме постов, разумею. Полковница, дело дешевое — расходимся на двадцати тысячах — срам!

С о ф ь я М а р к о в н а. Торгуйтесь...

Х а р и т о н о в. Я — готов, а он ни бэ, ни мэ, ни кукареку... Что значит двадцать тысяч в наши распутные дни? Горшок сметаны, не более того. А между прочим, Яков у меня действительный жених. Литой! Как племенной бычок! Тигр, а не жених!

М а с т а к о в (*угрюмо*). Ограбишь ты его.

Х а р и т о н о в. Это — дело будущее... В экономическом вопросе — ни родства, ни дружбы не соблюдается.

М а с т а к о в (*сердась*). Велика больно ярость твоя на деньги.

Х а р и т о н о в. Ярость? Ну, понял же ты меня, ай-яй!

Софья Марковна. Да вы сами-то себя — понимаете?

Харитонов. Насквозь. Ярость! а?

Софья Марковна. Мы пойдем посмотреть постройку?

Мастаков. Да.

Харитонов. И я с вами. Ярость! Я на Пасхе девять тысяч проиграл в железку — глазом не моргнул, а вы, а — ты...

Мастаков. Выпил ты, Яким...

Харитонов. Выпил! Потому что жизнь моя — юрунда. Человек я неказистый, женщины меня иначе, как за деньги, не любят, жить мне скушно, вот я и пью, играю...

Мастаков. Доиграешься...

Харитонов. Торной дорогой всяк пройдет, а я люблю — по жердочке, над омутом, чтобы подо мной гнулось да качалось, чтобы каждую минуту думать: устоишь, Яким, али сверзишься? Вот оно, в чем удовольствие жизни!

Софья Марковна. Вы сегодня в ударе, хорошо говорите.

Харитонов. Я бы лучше заговорил, ежели бы меня хорошая женщина любила. Эх, полковница, красоты вам отпущено — на все двенадцать лихорадок, ей-богу! Вот бы вам полюбить меня, эх, как бы я...

Мастаков *(вдруг, грубо)*. Да перестань ты, паяц!

Софья Марковна. Что с вами? Опомнитесь!

Харитонов *(испугался)*. О! Что такое?..

Мастаков. А зачем он поганым языком...

(Софья Марковна берет его за руку.)

Мастаков. Прости, Яким... Я — думал, а ты тут...

Харитонов. Думал? Ну, думай... Чёрт, как фыркнул! Полковница, вы не боитесь его? А я иной раз боюсь, между прочим...

(Ушли на стройку. Из калитки вслед им смотрит Павел; в саду — голос Захаровны. Таня идет.)

Т а н я (*Павлу*). Пусти!
П а в е л. Не толкай, невежа.
Т а н я. За кем подглядывал?
П а в е л. Не твое дело. Я не подглядывал.
Т а н я. Фу, какой злой! Почему ты всегда злишься?
П а в е л. Потому...
Т а н я. Сам не знаешь почему!
З а х а р о в н а (*ворчит*). Жалуешься — голова болит, а сама ходишь по жаре.
Т а н я. Отстань! Софья Марковна уехала, Павел?
П а в е л. Не знаю.
Т а н я. Я забыла ей сказать...
З а х а р о в н а. Не забывала бы! Куда пошла?
Т а м — мусор, ногу свихнешь. Баловница! Жених скушает, а она...
Т а н я. Я тебе сказала — нет у меня жениха!
З а х а р о в н а. Ну и врешь!
Т а н я. Нет!
З а х а р о в н а. Да ты что кричишь? Жених — не бородавка, коли нет его — хвастать нечем.
Т а н я. Ты зачем меня дразнишь?
З а х а р о в н а. Сегодня праздник. А ты меня — зачем?
П а в е л. Вот дурехи!
Т а н я. Молчи, умник! Захаровна, сходи, посмотри — уехала она?
З а х а р о в н а. Так и сказала бы! Самой-то лень идти...
Т а н я. Ах, господи! Да ведь ты же не велела!
З а х а р о в н а. А ты меня не слушай, из уважения к старости моей...
Т а н я. Ты — ужасная!
С т е п а н ы ч (*идет, крича*). Захаровна, — чаевые давай!
З а х а р о в н а. На, на, не ори! Танюша, ты бы вот сама и рóздала на чай каменщикам — им приятно будет из твоих ручек.
Т а н я (*уходя*). Вот еще выдумала...
З а х а р о в н а (*идет за ней*). Эх ты, непонятливая...
Я к о в (*из сада*). Куда они?

П а в е л. Деньги на чай раздавать.

Я к о в. Много?

П а в е л. Не знаю. Больше ста.

Я к о в. Вот бы мне кто-нибудь сотняжку на чай дал!

П а в е л. Иди в лакеи — дадут!

Я к о в (*закуривая*). Ляпнул! У меня знакомый есть — студент, — в смешных журналах стихи пишет, московский жулик, так он сказал:

Служи народу — ты не бариш!

Служи ему и — примечай:

Народ особо благодарен,

Когда ему дают на чай...

Вот как шутят! А ты — точно палкой по голове!

П а в е л. Кому он это сказал?

Я к о в. Вообще, всем. Кури!

П а в е л. Не хочу. Не люблю я шуток.

Я к о в. Я шуток не любишь, а — Машуток любишь?

П а в е л (*смеется*). Экий ты... чёрт!

Я к о в. То-то. Едем сегодня к нашим барышням?

П а в е л. Неохота. (*Вдруг нахмурясь*.) Как же ты — собираешься жениться на моей сестре, а сам зовешь меня к девушкам?

Я к о в (*удивленно*). Чего? Да что я — первый раз зову тебя к ним? А в воскресенье где ты был?.. Это ты со зла святым притворяешься? Чудачина!

П а в е л (*угрюмо*). Вотчим хочет сплавить меня в коммерческое училище.

Я к о в. И хорошо! Будешь жить один, сам себе хозяин...

П а в е л. А он без меня женится на этой...

Я к о в. Он и при тебе женится... Чем ты можешь помешать ему? Ты — брось это, чёрт с ним! Пускай женится на ком хочет. Только бы выделил тебя...

П а в е л. Да-а... как же, выделит он!

Я к о в. Идем в поле, погуляем. Таню захватим...

П а в е л. Пойдем... (*Идут к постройке*.) Ты бы с ней почаще говорил о полковнице-то...

Я к о в. Я говорю, не беспокойся.

П а в е л. Поссорить бы их...

Яков. Уж очень Татьяна Петровна доверчива к ней...

Павел. Глупа еще. Мякиш...

Захаровна *(встречу им)*. Поплыли селезни! А дядю твоего, Яков Савельч, так развезло на жаре-то — лыка не вяжет, а слова такие говорит, что кирпичам стыдно. Вы бы Таню-то увели от него. *(Ушла в сад. Павел и Яков скрылись за деревьями. Через минуту в кустах является Мастаков, смотрит на постройку, отирая лоб платком. Угрюм и подавлен. Остановился, бормочет громко.)*

Мастаков. Не догадалась... не поняла! *(Постояв, решительно подходит к скамье и, вынув из кармана бумажник, пишет на колене записку. Кричит.)* Степаныч, эй!

Степаныч *(из-за сторожки)*. Здесь...

Мастаков. Запряги Красотку и поезжай в город, к Софье Марковне. Если догонишь ее в дороге...

Степаныч. Не догнать...

Мастаков. Домой поезжай к ней, а дома нет — на вокзал, она с семичасовым в деревню едет. Обязательно найди! Живее собирайся!

Степаныч. А кто же тут?..

Мастаков. Иди! Никита поглядит за ребятами, я скажу...

Степаныч. Не подожгли бы...

Мастаков. Иди, говорю!

(Степаныч спешно уходит.)

Мастаков *(покачиваясь на скамье, бормочет)*. Ну — отрезано...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же, в тот же день. Часов пять вечера. За постройкой, в поле, гармоника наигрывает: «Последний понешний денечек». Каменщик Н и к и т а сидит на скамье у сторожки, подремывает. Из кустов идут П а в е л, Я к о в, Т а н я с букетом полевых цветов в руках.

Я к о в (*подмигивая на Никиту*). Хотите, я его испугаю?

П а в е л. Он не спит.

Т а н я. Не надо!

Я к о в. Смешно будет! (*Идет к Никите, пристально и строго разглядывая его.*)

К а м е н щ и к (*встает*). Ты что, сударь?

Я к о в. А ведь я тебя знаю!

К а м е н щ и к (*улыбаясь*). Меня тут все знают.

Я к о в. Я тебя да-авно знаю!..

К а м е н щ и к. И я тебя.

Я к о в. Ты — кто такой?

К а м е н щ и к (*всё улыбаясь*). Как же это — знаешь, а спрашиваешь?

Я к о в (*строго*). Я с тобой не шучу! Я, брат, про тебя такое знаю...

К а м е н щ и к (*серьезно*). Чего про меня знать? Про меня нечего знать.

Я к о в (*понижая голос*). Ты в третьем году, в марте, что делал? Помнишь?

К а м е н щ и к (*напряженно*). В марте? Третьего года?

Я к о в. Ага! Вспоминаешь?

К а м е н щ и к. Погоди...

Я к о в. Ты где тогда был? Ну-ка, скажи!

К а м е н щ и к *(смущенно)*. Стой!.. Дай бог памяти... В больнице я лежал будто...

Я к о в. Будто? Ну, а — по совести скажи!

К а м е н щ и к *(испуганно)*. Постой-ка, ты — что, брат? А?

Я к о в. Нет, ты вспомни! Ты что тогда сделал?

К а м е н щ и к. Да что ты, господь с тобой! *(Снял картуз.)* Мне вспоминать нечего... Что такое? Я, слава богу, не вор, не...

(Таня смотрит на старика, улыбаясь, Павел смеется; взглянув на них, Никита надел картуз и сердито отмахивается.)

К а м е н щ и к. Поди ты к богу! Я думал, взаправду что-нибудь. Экой безобразник! Я втрое старше тебя... *(Гневно ушел в сторожку.)*

Я к о в *(торжествуя)*. Видали?

П а в е л. Ловко!

Т а н я. Странно! Чего он испугался?

Я к о в *(с гордостью, оживленно)*. Я могу испугать кого хотите! Любому человеку уставлюсь в глаза и начну: «А что я про вас знаю, что слышал!» Конечно, я ни черта не знаю, но человек обязательно испугается — ведь у каждого есть что-нибудь, что он скрывает, ну, а я веду себя так, будто мне все тайны известны! Понимаете?

П а в е л. И дураки же люди...

Я к о в. Особенно с барышнями удается это. Я люблю барышню в полчаса могу до слез довести.

Т а н я. Это — гадость! Вам не стыдно?

Я к о в. Господи, да ведь я шучу! Чего же стыдиться?

Т а н я. Нет, это очень стыдно — издеваться над девушками.

Я к о в. А вы как издеваетесь над нами? Ага! И вообще — ведь вам понравилось, когда старик испугался?

Т а н я. Вовсе нет!

Я к о в. А зачем улыбались?

Т а н я. Я не улыбалась.

П а в е л. Не спорь — понравилось. Это он ловко сделал. Вы здесь будете? Я пойду рубашку сменить, вспотел.

Я к о в. Сядемте, а?

Т а н я. Не хочу.

Я к о в. Не сердитесь на меня! Послушайте: лягушку, животное болотное, склизкое, тиская — получаем ощущение отвращения!

Т а н я (*удивленно*). Что такое, как?

Я к о в (*повторив*). Это называется — бонмо!

Т а н я (*смеясь*). Фи, какая гадость! И еще — бонмо! Это вы сами выдумали?

Я к о в. Сам.

Т а н я. Неправда!

Я к о в. Честное слово! Смешно ведь?

Т а н я. Нисколько.

Я к о в. А вы смеялись! Какая вы капризная — ужас!

(*Несколько секунд сидят молча.*)

Я к о в (*уныло*). А один актер сказал: «Лучше иметь небольшой ум, чем большой чирей». Нравится вам?

Т а н я (*улыбаясь*). Вы удивительно глупый!

Я к о в (*весело*). Лишь бы удивить вас, а чем — всё равно! Нет, какая же вы капризница! Вот уж, наверное, приказчики в магазинах не любят вас!

Т а н я (*обиженно*). Я вовсе не желаю, чтобы меня любили приказчики.

Я к о в. Почему же? Среди них такие ловкачи и красавцы есть...

Т а н я. Ах, оставьте, пожалуйста!

Я к о в. Ох-фу! Замучили вы меня!

Т а н я (*вставая*). Идемте чай пить... мученик!

Я к о в. Идите... Я сейчас приду. (*Показывает кулак вслед ей, потом высунул язык.*)

Т а н я (*обернувшись*). Я устала очень...

Я к о в (*вскочив*). Как... жаль! (*Бормочет.*) Погоди, милая, ладно!

(*В саду голос Мастакова: «Лег бы ты, уснул!»*)

Х а р и т о н о в (*в калитке*). Спать не хочу, я говорить хочу.

М а с т а к о в. Ну, о чем говорить?

Х а р и т о н о в. А вот сядем на любимое твое место... Не жаль тебе было рощу вырубать?

М а с т а к о в. Жаль.

Х а р и т о н о в. То-то! Вон сколько от нее осталось — в зубах поковырять нечем. Садись! Слушай — что ты сегодня какой — нехороший, пеласковый, а?

М а с т а к о в. Ну, полно...

Х а р и т о н о в. Думаешь — если я выпил, так ослеп? Выпивши, я всё насквозь вижу, между прочим... Всё ты суешься из угла в угол, оглядываешься, а?

М а с т а к о в. Ну, что там... Так это... Думается о разном. Я вот строиться люблю — строение украшает землю. Земля у нас — бедная...

Х а р и т о н о в. Неправда! Ба-агатая земля! Грабят ее, грабят, а ограбить никто не может!

М а с т а к о в. И люди непрочные...

Х а р и т о н о в. И купец грабит, и чиновник, и всяк живой человек, а — Россия живет, слава те, господи! И будет жива во веки веков... Нет, почему ты октябрем ходишь, хоть шубу при тебе надевай, а? Полковница требуется? Что ж, дама она такая, что каждому желанна... Венчаешься?

М а с т а к о в (*угрюмо*). Не пара мы...

Х а р и т о н о в. Отчего? Ведь она — по мужу важна, а сама, говорят, из простых... Певица, что ли, какая-то... И вообще, — хороша Аннинька, а прошлое — дрянненько!

М а с т а к о в (*строго*). Прошлое не должно касаться нас.

Х а р и т о н о в. Ну, ежели оно в костях...

М а с т а к о в. Как это — в костях?

Х а р и т о н о в. В душе, что ли... Наше прошлое — не деготь на воротах, его не выскоблишь... нет, брат!

М а с т а к о в (*вставая*). Да... Это верно, пожалуй. Ты извини, кум, я пойду... мне надо подумать об одном деле.

Х а р и т о н о в *(вслед ему)*. О падчерице подумай! Довольно уж канители, пора за дело. Эх ты, нерешительный...

(Никита выглядывает из сторожки.)

Х а р и т о н о в. Это кто там?

К а м е н щ и к. Я... *(Выходит.)* Я пожаловаться тебе хочу, Яким Лукич...

Х а р и т о н о в. Жалуйся. Ну?

К а м е н щ и к. Племяш твой — озорник...

Х а р и т о н о в. В молодости и курица озорует. Ну?

К а м е н щ и к. Давеча начал он мне угрожать...

Х а р и т о н о в. А ты — не бойся! Он угрожает, а ты — не бойся, только и всего. Понял?

(Из-за сторожки выходит странник — Старик, с котомкой на спине, с котелком и чайником у пояса. За ним — Девица, тоже с котомкой; у ней неподвижное лицо, большие мертвые глаза. Девица кланяется. Старик стоит неподвижно.)

Х а р и т о н о в. Здорово. Давно ждали...

К а м е н щ и к. Откуда?

С т а р и к. От Стефания.

Х а р и т о н о в. Дочь?

С т а р и к. Сестра по духу.

Х а р и т о н о в. Молода будто сестренка-то!

С т а р и к. Не все в один год родились.

Х а р и т о н о в. Верно.

Д е в и ц а *(Каменщику)*. Чего это строят?

К а м е н щ и к. Училище.

Х а р и т о н о в. Девица?

С т а р и к. Девица.

Д е в и ц а. А не завод это?

К а м е н щ и к. Завод — дальше, версты за три.

Х а р и т о н о в. А детей сколько имела?

С т а р и к. Был один, да тоже дурак...

К а м е н щ и к. А то — другой скоро начнем строить...

Х а р и т о н о в. Дурак? Гм... *(Встает, идет в сад, остановился.)* Ты что же подаяния не просишь?

Старик. В свой час — попрошу!

Харитонов. Гм... Пойду чайку попью...

Девница. А кто строит?

Каменщик. Мастаков, Иван Васильев.

Старик. Здешний?

Каменщик. Само собой.

Старик. И родился здесь?

Каменщик. А тебе на что знать?

Девница. Здешние-то, сказывают, добрые...

Каменщик. Всякие есть.

Старик. Давно он здесь живет?

Каменщик. Лет с двадцать. *(Спохватился, подозрительно оглядывает Старика.)* Да разве я тебе сказал, что он не здешний? Я этого не говорил!

Девница. Добрый человек, слышно...

Каменщик. Когда добер, а когда и нет. Пустых людей не любит.

Старик. Это каких — пустых?

Каменщик. А вот которых ветер по дорогам гоняет, туда-сюда.

Старик. Я тоже эдаких не люблю.

Девница. Идемте, братец!

Старик. Куда? Погоди, отдохнем. Торопиться мне некуда, меня никто не ждет...

Каменщик. А не похож ты на странника божьего.

Старик. Не похож? На кого же я похож?

Каменщик. Не знаю... Для странника — речь у тебя не та.

Старик. Всякая птица по-своему поет...

Каменщик. Не та речь... Коли вы за подаянием, идите во двор, вот сюда, кругом.

Старик. Дай отдохнуть! Али я тебе мешаю?

Каменщик. Не мешаешь, а торчать тут — не к чему. Закуришь, спичку бросишь...

Старик. Не курю.

(Никита ушел в сторожку.)

Старик *(оглянувшись, Девнице, негромко)*. Ты — гляди, Марина, примечай всё, слушай! А ежели почувешь что плохое для меня, сейчас беги в город, к Илье.

Дев и ца. Знаю. Слышала.

Стар и к. А он бы тотчас объявил — так и так, мол! Поняла?

Дев и ца. Ну-ну!

Стар и к. *(оглядываясь)*. Ишь, как застроились, псы! И небушка не видать. Всё от бога отгораживаются, собаки окаянные. В кирпич да в камень душевную гнущь свою прячут, безбожники.

Дев и ца. Загорчал... *(негромко)*. Гляди — идут! Бормотун...

(Идут Яков и Таня.)

Стар и к. Тихе, лошадь...

Яков. Ну, расскажите, пожалуйста...

Таня. Пойдите! Где же он? *(Кричит.)* Папаша!

Яков. Успеем, найдем! Расскажите!

Таня. Когда я рассказываю, мне делается скучно.

Яков. А слушать любите?

Таня. Интересное — люблю. Папаша!

Яков. Сплетни всегда интересны.

Таня. Да!

Яков. Иной раз так расскажут про человека, точно наизнанку вывернут его.

(Дев и ца кланяется им.)

Таня. Вот странники много знают...

Яков. Смотрите — какая деревянная! Сейчас я его испугаю.

Таня. Не стоит!

Яков. Увидите, как будет забавно. *(Присматриваясь к Стар и ку.)* Ба, кого я вижу!

(Стар и к смотрит на него молча и спокойно.)

Яков. Давно ли здесь?

Стар и к. Недавно.

Яков. А назад — в острог — скоро?

Стар и к. Вместе с тобой.

Яков. Как это — со мной?

Стар и к. Так. Ты когда в острог собираешься?

Яков. Мне там делать нечего!

Стар и к. Там дело найдут для тебя.

Яков *(смущен)*. Позволь — как ты смеешь...

Таня *(удерживая его за плечо)*. Оставьте его, он дерзкий.

Яков *(отходя от него)*. Небоязлив, бродяга.

Девица. Барышня, подайте странным людям Христа ради! Накормите, напоите бездомных, несчастных, без пути-дороги ходящих...

Таня. В кухню идите, вон туда... Где же папаша?

Яков. Придет!

Таня. Удивительно скучный день сегодня, хоть бы что-нибудь случилось!

Яков. Вы любите пожары?

Таня. Нет, я боюсь. Мне иногда так скучно бывает, что даже несчастья хочется.

Яков. Выходите замуж за меня!

Таня. Я серьезно говорю. Софья Марковна сказала: «Я не знаю, что такое скука». Как можно не знать этого? Даже собаки скучают. Вам нравится урюк?

Яков. Мне нравитесь вы!

Таня. Ах, перестаньте!

Яков. Ей-богу, я вас люблю! В самом деле — выходите за меня замуж, будет очень весело. Автомобиль купим.

Таня. Я ведь сказала — дайте подумать.

Яков. Уж очень вы долго думаете. Замуж выйти — не в винт играть, тут особенно долго думать незачем. Я человек не стесняющийся и веселый. Притом же — бедный. Значит, я вам буду верный друг. Честное слово! И будет вам всякая свобода от меня.

Таня. А на что мне свобода? Я и так без призора живу.

Яков. Теперь вы девица и стеснены в симпатиях ваших, потому что наш брат — жулик и девичья неопытность для нас — конфета! А будете дамой — оцепите свою свободу, — вон, как Софья Марковна живет! У нее роман за романом.

Таня *(грустно)*. Зато какие гадости рассказывают про нее!

Яков. Не всякий разговор на аппетит действует. Кроме того — Павел! Он — жадный, грубый, никого не любит...

Т а н я (*улыбаясь*). Ошибаетесь, он в Софью Марковну влюблен...

Я к о в. Да что вы? Павел?

Т а н я. Да, да! Я сама видела, как он перчатки ее целовал...

Я к о в. Ах, чёрт возьми!

Т а н я. Она забыла перчатки...

Я к о в. А он — целовать их? Вот дурачина! А — знаете — она обязательно пройдет в мачехи вам!

Т а н я. Это — хорошо!

Я к о в (*уныло*). Ну, разве можно так рассуждать?

Т а н я (*задумчиво*). Была бы около меня умная женщина, с ней можно и о костюмах посоветоваться и обо всем. При ней и дом перестроили бы, а то у нас тесно.

Х а р и т о н о в (*идет*). Эй, голуби! А где Иван Васильев?

Я к о в. Не нашли мы его.

Х а р и т о н о в. Там архитектор приехал.

Т а н я. Ах, надо идти... Он такой интересный!.. (*Поспешно уходит.*)

Х а р и т о н о в. Ну, что, балбес?

Я к о в (*уныло*). Ничего.

Х а р и т о н о в. Эх ты, балбес! Другой бы на твоём месте...

Я к о в (*с досадой*). Да что ж, насильно, что ли...

Х а р и т о н о в. А хотя бы насильно! Девушки смелость любят. Болван! У меня бы давно уж Исайя ликовал.

Я к о в. Попробуйте — женитесь на ней сами!

Х а р и т о н о в. Цыц! С кем говоришь? Вот как я вылечу в трубу да останешься ты нищим...

Я к о в. Тихе, вы... Тут кто-то ходит, наверно — Иван Васильич...

Х а р и т о н о в (*оглянувшись, вынул из кармана серебряный рубль, громко*). Видал — кружочек маленький, а на нем — вся жизнь! Это надо понять! Какой цветок краше, какой порох сильнее? К деньгам надо уважение иметь, а не швырять их зря... (*Прежним тоном.*) Ты что врешь, шарлатан? Никого нет...

Я к о в. Я шаги слышал за сторожкой.

Х а р и т о н о в. Шаги слышал! Ты мне сегодня это дело кончай... Иди, ходи за ней неотвязно!

Я к о в *(идет)*. Да если она глупа...

Х а р и т о н о в. Для тебя легче, дубина!

(Ушли. От постройки медленно идет Мастаков, подавлен, глядит в землю. Из-за сторожки — Старик, он усмехается, остановился, опираясь на палку обеими руками.)

С т а р и к *(негромко)*. Здорово, Гусев!

М а с т а к о в *(так же)*. Здравствуй, Антон.

С т а р и к. Я теперь не Антон, а — Питирим. Переделался, как ты. Ну, только я могу и Антоном жить, по-старому. Ты что же на меня не взглянешь?

М а с т а к о в. Видел я тебя.

С т а р и к. Где видел? Когда?

М а с т а к о в. В соборе, на паперти... а сейчас — со стройки... ты по дороге шел с женщиной...

С т а р и к. Значит — ждал ты меня?

М а с т а к о в *(молчит)*.

С т а р и к. Коли признал, значит — ждал!

М а с т а к о в *(угрюмо)*. Там, на паперти, по глазам я тебя узнал.

С т а р и к. Так... Ну, что же, — зови меня в гости!

М а с т а к о в *(устало)*. Вот что, Антон... ты — умный, ты понимаешь — что значит для меня... приход твой... Так ты говори сразу — чего тебе надо?

С т а р и к *(усмехаясь, потрянул головой)*. Разве эдак можно? Я в гости пришел к тебе, старому дружку... мы с тобой страдали вместе, а ты — чего мне надо?

М а с т а к о в. Я могу дать немало, ежели...

С т а р и к. Денег? А куда мне деньги? Я — старенький, помру скоро.

М а с т а к о в. Женщина эта с тобой...

С т а р и к. Девушка. Она — умная. Она мной крепко взнуздана...

М а с т а к о в. Знает про меня?

С т а р и к. А как ты думаешь?

М а с т а к о в *(хватая его за плечо)*. Не шути, чёрт!

Старик (ловко присел и вывернулся из-под руки).
Эй, эй! Ты не груби!..

(Из-за деревьев вышла Девуца.)

Старик. Ты меня не пугай, я все страхи видел
уж...

Мастаков. Чего тебе надо?

Старик. Поговорить с тобой желаю...

Мастаков. О чем?

Старик. Мало ли!

Мастаков (помолчав). Разошлись наши пути,
Антон...

Старик. Так ведь вот — опять сошлись!

Мастаков. Сказал бы прямо — чего хочешь?

Старик. Я немало хочу, гляди!

Мастаков. Ну?

Старик. Мне за все года страданья моего жало-
ваньишко получить надо...

Мастаков. Сколько?

Старик. Не сосчитал еще...

(Мастаков, спрятав руки за спину, смотрит на него
с ненавистью.)

Старик. Что глядишь?

Мастаков. Помню я твой характер.

Старик. Помнишь? Спасибо.

Мастаков (с тоской). Чего тебе надо, Антон?

Старик. Испугал я тебя? Жизнь-то наша, Гу-
сев, — какова? Ты тут строишься, топыришься во все
стороны, а я тихонько иду, иду, вот и пришел!

Мастаков. Что худого я сделал тебе? Не помню!

Старик. И я не помню этого.

Мастаков. Я тебя жалел тогда...

Старик (усмехаясь). И жалеть надо с умом.
Очень умеючи жалеть надо!.. А ты как думал?

Мастаков. Что же... Ты мне зла желаешь?

Старик (прислушиваясь). Я те после скажу,
чего желаю. Будто идет кто-то и по дороге едут — чу?
Слышишь? Я пройду на кухню, а вечером ты меня
спроси — ладно?

(Мастаков кивает головой, из сада Захаровна.)

Захаровна. Иван Васильич, батюшка, где же ты? Тебя ищут, ищут...

Мастаков (*угрюмо*). Проводи его на кухню, накорми, напои...

Захаровна. Время ли сегодня?..

Мастаков. Ну! Делай, как велят!

Захаровна. Там ждут тебя... (*Старику.*) Иди!

Старик. Строговат, хозяин-то...

Захаровна. А ты знай — помалкивай...

Старик. Ой, да и ты сердита! Давно не бита?

Захаровна (*обернувшись к нему*). Да ты что?

Мастаков (*грозит ей; оставшись один, в ужасе бормочет*). Да не может быть, не может быть... господи! (*Идет к постройке, встречу ему Софья Марковна, Взволована.*)

Софья Марковна. Что за чепуху вы мне написали? Это — невероятно! Это же сказка... Вы в своем уме? Вы — были на каторге? (*Хватает его за руку.*) Да говорите же!

Мастаков (*глядя в сторону*). Был. На четыре года осудили.

Софья Марковна. За что?

Мастаков. Два года пять месяцев был... потом — ушел... бежал...

Софья Марковна. Не смейте говорить так! Смотрите мне в глаза. За что вас судили? Фальшивые деньги, да?

Мастаков. Убийство...

Софья Марковна (*отталкивая его руку*). Вы — убийца? Невероятно! Как это случилось?

Мастаков. Не знаю.

Софья Марковна. Да придите же вы в себя! Когда так страшно — нельзя теряться, нельзя! Как это случилось, ну? Скорее...

Мастаков. Не знаю. Так я и на суде говорил — не знаю! Мне двадцать лет было тогда. Гулял я, рекрут был. Кто-то зарезал прасола... я был пьяный и не видел его, не помню, какой он. Умом я понимаю — виноват, а душой никогда вины не чувствовал. Никого не убивал. Сложилось так, что судить некого было — ну, осудили меня. Кровь нашли на мне...

Софья Марковна. Чью?

Мастаков. Не знаю. Рекрута дрались, и я тоже...

Софья Марковна. Ведь это правда? Да? О, боже мой, конечно — правда! Вы не могли... нет! Но — почему именно сегодня... почему вы раньше не сказали мне?

Мастаков (*убито*). Явился человек, с которым я на каторгу шел и жил там. Он давно тут искал меня, подсылал кого-то... Я его в четверг на соборной паперти видел, узнал...

Софья Марковна. Ах, надо было сказать мне!

Мастаков. Я сегодня утром пытался, да вы не догадались...

Софья Марковна. Сегодня? Так значит?.. Как я глупо вела себя... Ведь я думала... как глупо!

Мастаков. Я давно собирался рассказать вам всё... духа не хватало! Боязно. Нет у меня никого, кроме вас, а вы мне — и сестра и всё...

Софья Марковна. Чего хочет этот человек?

Мастаков. Не пойму. Погубит он меня.

Софья Марковна. Нельзя говорить так! Где он?

Мастаков. На кухне. Он — злой! Софья Марковна — помогите мне, на всю жизнь рабом буду вашим! Я — жить хочу!

Софья Марковна. Что же мы будем делать?

Мастаков. Я думал — сделаю всё, как она хочет, а потом скажу: «Вот я кто! На душе моей — нет греха! Вы научили меня доброму... до вас я смысла в жизни не видел...»

Софья Марковна. Перестаньте! Всё это не нужно сейчас.

Мастаков. Верите вы мне?

Софья Марковна. Глупо спрашивать! Вы когда будете говорить с ним?

Мастаков. Вечером.

Софья Марковна. Сделайте так, чтобы я слышала вашу беседу, я останусь здесь... И чтобы дети не знали ничего — понимаете?

М а с т а к о в *(усмехаясь)*. Павел узнает — обра-
дуется.

С о ф ь я М а р к о в н а. И главное — говорите с
ним спокойно.

М а с т а к о в. А вдруг он и вас запутает? Что
тогда будет?

С о ф ь я М а р к о в н а. Глупости! Идемте в дом!

М а с т а к о в. Софья Марковна!

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну, что? Возьмите же
себя в руки!

М а с т а к о в. Боюсь я...

С о ф ь я М а р к о в н а. Это вам не поможет!

М а с т а к о в. Вашего суда боюсь.

С о ф ь я М а р к о в н а. Но ведь вы не виноваты?
Да? Ведь это — несчастье?

М а с т а к о в. Да. Клятву даю! Вы знаете, каков
я, вы не можете верить... не можете...

*(Ушли. В кустах появилась Девица и тупо смотрит
вслед им, почесывая подбородок.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большая комната, посреди нее — письменный стол, три кресла. На столе горит лампа, затененная синим абажуром. В углу, за ширмами, видно изголовье кровати. В другом углу — изразцовая печь, около нее кушетка и дверь, прикрытая тяжелой драпировкой. Около двери — большой шкаф. Другая дверь — перед зрителем. М а с т а к о в — на кушетке, полулежит. В среднюю дверь стучат.

М а с т а к о в *(не вставая)*. Ну?

З а х а р о в н а. Проснулся.

М а с т а к о в. Зови.

З а х а р о в н а. Чаю просит.

М а с т а к о в. Пусть напьется, тогда приведешь.

З а х а р о в н а. Разве он скоро налакается?

М а с т а к о в. Иди.

З а х а р о в н а. Иван Васильич — ты его не привечай, недобрый это старик...

М а с т а к о в. Ладно. Иди.

З а х а р о в н а. Всё он выспрашивает про тебя — как долотом долбит.

М а с т а к о в. Выспрашивает?

З а х а р о в н а. И как ты живешь, и какие дела твои, и про Софью Марковну...

М а с т а к о в. И про нее?..

З а х а р о в н а. И про нее! И будто он всё знает, а выспрашивает только для виду... Так вот и долбит, как судья всё равно.

М а с т а к о в. Как судья?

З а х а р о в н а. Совсем как судья!

М а с т а к о в. Он знал меня, когда... я беден был. Вместе жили...

Захаровна. Мало ли кого в жизни знавали мы!

Мастаков *(ходит)*. Софья Марковна у Тани?

Захаровна. У нее.

Мастаков. Позови поди... Вежливо. Скажи — прошу на минуту. *(В дверь стучат, Захаровна хочет открыть, Мастаков, хватая ее за руку.)* Стой — кто это?

Захаровна. Ну, что ты, батюшко, кто, кроме своих?

Мастаков *(негромко, гневно)*. Я тебе говорю, дура...

Софья Марковна. Вам бы на себя надо крикнуть хорошенько...

Мастаков. Иди, Захаровна...

Захаровна. Сама знаю, что надо уйти... *(Выходит из комнаты.)*

Софья Марковна. Ну, что? Как вы?

Мастаков. Плохо. Тошно мне.

Софья Марковна. Очень жаль. Какой же вы мужчина, если так трусите?

Мастаков. Велика беда моя, не по силам...

Софья Марковна. Беда еще не ясна...

Мастаков *(задумчиво, угрюмо)*. Я знаю его. Он ведь... В самом деле, один — на горé, другой — в болоте...

Софья Марковна. Вот посмотрим, поговорим с ним, дадим ему что спросит, а потом я начну осторожно хлопотать. Найдем лучшего адвоката... За деньги всего можно добиться! Говорят — плохо это, но — если нет другой силы?

Мастаков. Не знаю, как я буду говорить с ним.

Софья Марковна. Ведь вы не чувствуете себя преступником? Чего же бояться?

Мастаков. Мало вы знаете людей.

Софья Марковна. А вот увидим. Где я буду?

Мастаков. Не надо бы этого!

Софья Марковна. Я сяду вот здесь, за шкафом... и прикроюсь драпировкой. *(Улыбается.)*

Думала ли я, что буду принимать участие в такой удивительной истории? Могла ли думать?

М а с т а к о в *(улыбаясь через силу)*. Забавно вам?

З а х а р о в н а *(входит, угрюмо)*. Не хочет он чаю. Звать?

М а с т а к о в. Зови...

С о ф ь я М а р к о в н а. Видите — она меня не заметила... Вы смотрите же, не горячитесь!

М а с т а к о в. А как и вы попадете со мной в капкан этот? Что тогда будет?

С о ф ь я М а р к о в н а. Молчите! *(Спряталась. Мастаков, вздохнув, смотрит в ее сторону. Она выгладывает из-за драпировки, улыбаясь.)*

М а с т а к о в *(с усмешкой)*. Забавно? Эх, Софья Марковна...

(Стучат в дверь. Захаровна, пропуская Старика и Девуцу, глухо ворчит. Старик крестится, глядя в угол, где кровать, потягивает воздух носом.)

М а с т а к о в *(кивая на Девуцу)*. А эту зачем привел?

С т а р и к. Она везде со мной, как глупость моя.

М а с т а к о в. Пусть уйдет, я при ней не стану говорить с тобой.

С т а р и к *(усаживаясь в кресло у стола, спокойно)*. Как это — не станешь? Станешь. Ты ее не опасайся, она, подобно земле, — немая; хоть бей ее, хоть топчи — не закричит. А ежели меня начнут бить — закричит!

М а с т а к о в *(исподлобья смотрит на Девуцу; она, любопытствуя, оглядывает комнату, щупает спинку кресла)*. Сядь!

С т а р и к. Садись, Марина, ничего. *(Подпрыгивает в кресле.)* Стулья-то какие мягкие у тебя, как перина. А — темно, темновато. Больше нет свету?

М а с т а к о в. Нет.

С т а р и к. Темно живешь. Хорошо, сытно, мягко, а — темно!

Д е в и ц а. Дух хороший какой, будто ребячьим потом пахнет...

С т а р и к. Сними колпак с лампы!

М а с т а к о в. Зачем?

Старик. Светлее будет. Это глупость — свет прикрывать. Ну, вот... А чем угостишь?

Мастаков. Водки хочешь?

Старик *(смеясь)*. Э, нет! Водочку я не стану пить, нет! Хитрый ты, Гусев...

Мастаков *(ударив ладонью по столу, резко)*. Ну, давай говорить!

Старик *(вздвигнув)*. Ты не стучи зря-то! Ишь, словно из пистолета выпалил... Эти окошки куда выходят? Марина, — взгляни!

Мастаков. Чего же тебе надо, Антон?

Старик *(следя за Девницей)*. На двор, что ли?

Девница. На двор. Черное крыльцо сбоку...

Мастаков. Чего ты хочешь?

Старик. А чего бы мне, старичку, хотеть?.. Не знаю.

Мастаков. Врешь! Говори сразу. Ну?

Старик. А ты не нукай, мы с тобой пеши идём.

Мастаков. Не издевайся, Антон, не серди меня...

Старик. А то — что будет?

Мастаков *(вставая)*. А то я...

Старик *(откачнувшись в кресле)*. Ну, ну...

Девница. Вы не кричите, купец, тут — люди везде у вас, это вам нехорошо. Вы отодвиньтесь.

Мастаков. Молчи, девка!

Старик. Молчи, Марина, ничего! Я его знаю, он хоть горяч, да отходчив... Он — добрый... мягкой...

Мастаков. Что тебе надо, Антон?

Старик. А я еще не надумал! Ты — потерпи, я исподволь придумаю...

Мастаков. Злой ты человек!

Старик. Мы все одного завода кони, только разной масти.

(Пауза.)

Старик *(начинает говорить негромко и жалобно, но — быстро переходит в тон насмешливый и властный)*. Вот, Митрий, сидим мы с тобой друг против друга, оба — грешники, только я — отстрадал за грехи мои смиренно, по закону, а ты — бежал стра-

данья-наказанья. Я — высох до костей, а ты — распух в богатстве, на мягких стульях сидя. И вот — встретились мы. Я тебя семь годов искал — была у меня вера, что жив-здоров и в добром порядке ты. Да...

М а с т а к о в. Говори скорее!

С т а р и к. Не торопись, обожжешься!.. Знаешь — как детишкам за столом говорят, когда щи горячие поданы? Не торопись — обожжешься! Так вот — искал я тебя. Любопытно мне было поглядеть на смелого человека, который через закон перешел. Христос за чужие грехи отстрадал, а ты за свой — не восхотел. Ты — смелый, однако!

М а с т а к о в. Я тому греху не причастен, я ошибкой осужден...

С т а р и к. Все мы так говорим пред земным судом, друг перед другом, это я знаю! Я сам так говорил, в свое время...

М а с т а к о в. Я жил доброй жизнью в эти годы...

С т а р и к. Ишь ты что! Нет, Гусев, это не годится! Эдак-то всякий бы наделал мерзостей земных да в добрую жизнь и спрятался! Это — не закон! А кто страдать будет, а? Сам Исус Христос страдал, древний закон нарушив. Закон был — око за око, а Христос повелел платить добром за зло.

М а с т а к о в. Я добра людям не мало сделал...

С т а р и к. Не видать этого. Люди живут, как жили, в нужде да бездолье, во тьме греховой... И всё будто хуже живут люди-то, — замечаешь, Гусев?

М а с т а к о в. Что же тебе надо от меня? Что?

Д е в и ц а. Вы не перебивайте его, не мешайте, он этого не любит...

М а с т а к о в. Антон!

С т а р и к. Зовут меня — Питирим. А чего мне надо — сам догадайся. Ведь я одинаковых костей с тобой, однако я восемь лет муки-мученской честно-смирненно отстрадал, а ты — отрекся закона...

М а с т а к о в. Что же, ты донести хочешь на меня? Чтобы схватили меня?.. Какой толк для тебя в этом, — какая выгода? Скажи!

С т а р и к. Я тебе не сказал, чего я хочу.

М а с т а к о в. Так говори, дьявол!

С т а р и к. Не лайся, я смолоду облаян! Ты у меня весь в горсти, как воробей. Мне ведь не страшно, что ты хорошей жизни достиг, любовницу себе завел барыню...

М а с т а к о в *(яростно)*. Цыц! Не смей! *(Бросается на него.)*

Д е в и ц а *(бежит к окну)*. Батюшки!

С т а р и к *(падая на пол, за стол)*. Бей стекла!

С о ф ь я М а р к о в н а *(выскачив из угла, отталкивает Девушку к столу, хватая Мастакова за руку)*. Уйдите! Вы, девушка, тоже — вон отсюда!

С т а р и к *(встал, испуганно озирается)*. Ишь ты, как подстроено, а... ах, жулики!

Д е в и ц а *(прижимаясь к нему)*. Что это, господи... а еще хорошие люди считаются...

М а с т а к о в *(мечется по комнате)*. Эх, Софья Марковна, не касайтесь вы этого дела, бога ради!

С о ф ь я М а р к о в н а. Идите отсюда! Девушка — вы тоже — вон!

С т а р и к. Она не пойдет!

Д е в и ц а. Я не пойду-с!

С о ф ь я М а р к о в н а. Иван Васильевич, выведите ее! А вы, старичок, сядьте, я хочу поговорить с вами.

С т а р и к *(угрюмо)*. Не желаю. Вы — кто такая? Не знаю я вас.

С о ф ь я М а р к о в н а. Познакомимся.

С т а р и к. Я тоже уйду.

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну-ну, без глупостей! Иван Васильевич, я вам сказала — уходите! Скажите вашей спутнице, чтобы она ушла...

С т а р и к *(помолчав)*. Выдь, Марина, за дверь... Недалеко, смотри! Только, госпожа, меня испугать нельзя.

С о ф ь я М а р к о в н а. О, я знаю! Я не хочу пугать вас. *(Заперев дверь за Мастаковым и Девушкой, села в кресло против Старика.)* Ну, в два слова: вам чего надо?

С т а р и к *(оправляясь)*. А — как вы думаете, барыня, чего?

Софья Марковна. Вы хотели помучить человека, да? Вас мучили, и вы хотите помучить — так?

(Старик молчит, оглядывая ее.)

Софья Марковна. Вам обидно, что бывший товарищ ваш нашел для себя на земле место и дело, а у вас — нет этого?

Старик *(усмехаясь)*. Ты всё время подслушивала?

Софья Марковна. Ну, вы достаточно жестоко помучили его — довольно!

Старик. Довольно? А может, мало еще? Я, может, года терпел кротко для того, чтоб часок один помучить человека...

Софья Марковна. Теперь вспомните все обиды, всё горе, испытанное вами, всю вашу тяжелую жизнь и — спросите себя: не пора ли отдохнуть, пожить спокойно, приятно?

Старик. Вот что-о! Ну, на это ты меня не поймашь, барынька, нет! Ты, барыня, должна знать это дело — большая сладость в том, чтоб человека помучить...

Софья Марковна. Послушайте, я понимаю, как глубока обида ваша, как вам хочется отомстить...

Старик. А я думал, у тебя другие слова есть — поумнее, потяжелее... Бойка ты, барынька, а, видать, не великого ума...

Софья Марковна. Ведь вы мстите не тому, кто виноват пред вами...

Старик. А если я так понимаю, что все виноваты друг пред другом? Тогда — как? Все виноваты, стало быть, все — и судьи и палачи один другому...

Софья Марковна. Это неверно, несправедливо!

Старик. А по-моему — справедливо. Справедливость у всякого — своя.

Софья Марковна. Но ведь вы несправедливо страдали, — вы?

Старик *(не сразу)*. Ну? Говори...

Софья Марковна. Зачем же, чувствуя и зная неправду страдания, увеличивать его для других?

Старик. Та-ак! Гусев твой согрешил, а хочет в рай? Это не для него — рай! Это для меня, для таких, как я, несчастных. Так полагается. Закон. А насчет Гусева: коли я — в горе, так ему — вдвое!

Софья Марковна. За что? Какой вы злой!

Старик. Ты, барынька, видно, замуж собираешься за него? За любовника не стала бы стараться эдак. Любовник — прохожий человек, сегодня — рыжий, завтра — черный. Эх вы, бабё! Утопить бы вас всех надо, да поганого болота нет.

(Софья Марковна молча ходит по комнате.)

Старик *(глядя на нее с усмешкой)*. Что же еще скажешь?

Софья Марковна. Иван Васильевич — хороший человек, он делает много полезного...

Старик. Училище строит? Так... Строить надо не училища, а странноприимные дома. Народ странствует — приткнуться ему негде. Вот оно...

Софья Марковна. Неужели вам будет приятно разбить чужую жизнь, чужое счастье?

Старик. Вот ты и выдохлась вся! И жалобишься. А ведь какой птицей взлетела, подумаешь! Счастливых я не люблю, счастливый — он гладкий, за него не ухватишься, выскользнет, как мыло. Нет, барынька, не одолеешь меня! Я не таков... Меня господь послал правды ради...

Софья Марковна. Что же надо сделать, чтобы смягчилась ваша душа, что? Скажите!

Старик *(усмехаясь)*. А вот — вели истопить баню... Баня-то есть?

Софья Марковна. Есть.

Старик. Пойдем помоемся, попаримся вместе...

Софья Марковна. Вы — мерзавец!

Старик. Может, я мягче стану после того. А что я мерзавец — говорили мне это. И это для меня хорошо, и с ним доживу.

Софья Марковна. Какой ужас... Какая злоба...

Старик. Не согласна в баню-то? Брось всё это, барыня: волка клюквой не накормишь. Давно обрыд-

ли, опротивели мне люди, а такие вот, чистенькие, — особо противны.

Софья Марковна *(почти кричит, задыхаясь)*. Послушайте — ведь есть же в душе у вас что-нибудь человеческое!

Старик. Обязательно есть. Ищи! Я даже весь — человеческий. Нет, не можешь ты найти, не найдешь. Чем тебе утихомирить меня? Никаких слов нет у тебя эдаких. Жить мне осталось немного, да и то стариком, без радостей. Молодое мое время я истратил в наказании, там осталась вся сила моя. Ты думаешь, для меня женщина не сладка была? А я — восемь лет не касался груди женской, всё на тебя работал да на голубчика твоего. Что мечешься, а? Жгется правда?

Софья Марковна. Вы не тому мстите, кто искадил вашу жизнь, не тому! О господи!

Старик. Мне виноватых искать некогда... да и не достигнешь до них, высоко они! А Гусев — он вот где у меня, как воробей зажат. Он своего сроку-страдания не дотерпел — почему? Я — дотерпел до конца. Судья ли я для него? Законный, непощадный судья. Вы меня замучили, а хотите мириться? Нет мира вам, и не будет! За каждую слезу мою я с вас по пуду золота не возьму... Выпусти меня отсюда... слышь! Будет... поговорили!

Софья Марковна. И ничего — ничего доброго не осталось в сердце у вас?

Старик. Будет, говорю, довольно! Ничего ты не добьешься. Для меня жизнь безжалостна была. *(Идет к двери, остановился.)* Нет, как ты взлетела, а? Я думал — ну, кончено! Эта сомнет меня... *(Смеется. В двери Мастаков и Девица.)* Устал я, Гусев, отдохнуть надо мне, иди, укажи где! В кухне у вас старушка больно зла — мешает мне...

Девица. Идите, братец, спанье приготовлено.

Старик. Хороша у тебя защита, Гусев, редко хороша! На суде не поможет, а — хороша! Что ж, барынька, когда он снова в Сибирь пойдет, и ты с ним, поселенкой? Не пойдет она за тобой, Гусев! В трудный час баба не друг... Эх вы, узники дьяволовы... глядеть на вас жаль! *(Ушел.)*

М а с т а к о в *(негромко)*. Уезжайте домой, Софья Марковна, а то...

С о ф ь я М а р к о в н а. Молчите! Какой ужасный человек... до чего довели! Я поеду в город, посоветуюсь... прокурор — мой хороший знакомый... Я завтра же вернусь. Нет, лучше вы приезжайте... прямо ко мне. Боже мой, боже мой, как он смотрит, какие глаза! Вы говорили с этой девицей?

М а с т а к о в. Да. Она — как машина.

С о ф ь я М а р к о в н а. Глупая?

М а с т а к о в. Мертвая какая-то... Ничего не будет, Софья Марковна, ничем не поможешь. Человеческий суд... злобно судит человек ближнего! Бывало — читаешь жития святых — приятнейшие книги — умиляешься: сколько было грешников во святых! Утешало это, думалось: вот и я как-нибудь покрою грех... прощен буду...

С о ф ь я М а р к о в н а. В чем — грех? Ведь вы же говорите...

М а с т а к о в *(усмехаясь)*. Да уж я теперь сам не знаю... Неповинен я, не убивал, не грабил... А вот он, этот...

С о ф ь я М а р к о в н а. За что его судили?

М а с т а к о в. За насилие над несовершеннолетней...

С о ф ь я М а р к о в н а *(вздвигнув)*. Вот как... Слушайте, приведите ко мне эту девицу!

М а с т а к о в. Не надо бы...

С о ф ь я М а р к о в н а. Приведите! Необходимо удержать его язык дня на два...

М а с т а к о в. В случае чего вы, пожалуйста, Таню к себе возьмите...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ах, перестаньте вы...

М а с т а к о в. Она беспомощная...

С о ф ь я М а р к о в н а. Идите за девицей.

М а с т а к о в *(идет)*. Лишнее... Противен я себе...

(Софья Марковна, оставшись одна, ходит по комнате, взволнована. Дверь около печи тихо отворяется, выглядывает Захаровна и шепчет.)

З а х а р о в н а. Софья Марковна! *(Ее шёпот не слышен Софье Марковне.)* Барыня, матушка...

Софья Марковна (*изумленно*). Как? Вы были там? Вы слышали?

Захаровна (*со слезами в голосе*). Я сразу, как пришел он, почувяла недоброе, на Ивана Васильича глядя. А вскоре слышу — говорит он девице своей: «Мы, говорит, с тобой большими кораблями поплывем отсюда...»

Софья Марковна. Он сказал это, да, — сказал?

Захаровна. Сказал! «Гляди, говорит, дура, здесь счастье твое!»

Софья Марковна. Вы не ошиблись — вы слышали это?

Захаровна. Ну да... Господи! Я боюсь его, тенью ползаю за ним, всё слышу...

Софья Марковна. А-а, вот как! Значит, это он только цену набивал? О, какой мерзавец!

Захаровна. Софья Марковна...

Софья Марковна. Приведите ко мне эту девицу!

Захаровна. С ней Иван Васильич на крыльце сидит...

Софья Марковна. Идите!

Захаровна. Ой, надо ли?

Софья Марковна. Что — надо ли?

Захаровна. Мешать им.

Софья Марковна. Не понимаю.

Захаровна. Может, он уговорит ее... (*тихо*).
Лучше бы старичка-то как-нибудь своим средством...

Софья Марковна. Что? Каким средством?

Захаровна. Я бы достала... У меня есть...

Софья Марковна (*изумленно*). Что такое? Какое средство?

Захаровна. От мышей...

Софья Марковна (*изумленно*). Мышьяк, да?.. Мышьяком?

(*Захаровна, утирая глаза, утвердительно кивает головой.*)

Софья Марковна (*в страхе, тихо*). Но — послушайте! Это невозможно... это...

Захаровна. Уж я сама сделаю...

Софья Марковна. Но это же преступление, убийство, грех!

Захаровна *(вздыхнув)*. Грех!

Софья Марковна. И вы, такая милая, решаетесь? Это — безумие!

Захаровна. А как иначе с ним? Ведь ограбит он, разорит всё гнездо... Не уступит он — знаю я таких! Они, праведники, — богу ябедники...

Софья Марковна. И вы думаете, что я соглашусь на такое? Или вы испытать меня хотели?

Захаровна. Полноте, матушка, как я могу пытать вас, что вы?

Софья Марковна. Но тогда... Неужели вы думаете, что Иван Васильевич способен отравить?

Захаровна. Я бы сама уж...

Софья Марковна *(испуганно)*. Господи, боже мой! Не понимаю ничего!

Захаровна. Вы — умница, ученая... неужто вы допустите, чтоб червяк этот...

Софья Марковна. Но поймите — это убийство!

Захаровна. А куда денутся дети, если это случится! Срам-то какой будет для Тани! И Павел — ведь он пропадет! Ведь им — жить надо!

Софья Марковна. Непостижимо! Слушайте... я вам запрещаю даже думать об этом! Повяли? А мышьяк — дайте мне сейчас же...

Захаровна. Не сумеете вы...

Софья Марковна. Идите вон! Вы сумасшедшая... Вы не смеете подозревать меня в этом!.. Вы из ума выжили, старуха!

(Захаровна стоит молча.)

Софья Марковна *(спокойнее)*. Вы всех погубите вашими фантазиями... Позовите девицу! Слышите?

(В дверь стучат. Мастаков вводит Девицу.)

Софья Марковна *(ему)*. Идите сюда! *(Отводит его в сторону, шёпотом.)* Смотрите за этой глу-

пой старухой — она предлагает отравить старика, у нее есть мышьяк — вы поняли?

М а с т а к о в. Н-ну! Час от часу не легче!

С о ф ь я М а р к о в н а. Уходите! Уведите ее...

М а с т а к о в (*уходя*). Идем, Захаровна...

С о ф ь я М а р к о в н а (*Девушке*). Садитесь.

Д е в и ц а. Ничего.

С о ф ь я М а р к о в н а. Садитесь, я вас прошу.

(*Девушка, улыбаясь, садится в кресло, ощупывает его.*)

С о ф ь я М а р к о в н а. Послушайте! Ваш... покровитель...

Д е в и ц а. Братец. Старец.

С о ф ь я М а р к о в н а. Он хочет погубить хозяина этого дома. Вы знаете это?

Д е в и ц а. Знаю. Как же...

С о ф ь я М а р к о в н а. А вы — тоже хотите этого?

Д е в и ц а. Мне — что? Это не мое дело. Мне здешний хозяин чужой человек...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вам не жалко его?

Д е в и ц а. Родных не жалеют, не то что...

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы — женщина?

Д е в и ц а. Девушка я. А что?

С о ф ь я М а р к о в н а. Вы — молодая, вам долго жить...

Д е в и ц а. Как бог даст.

С о ф ь я М а р к о в н а (*вскочив, ходит по комнате, в отчаянии шепчет*). Не умею... не могу! О, боже мой... Не могу!

Д е в и ц а (*с улыбкой*). Платьце-то на вас какое... И сапожки тоже...

С о ф ь я М а р к о в н а (*подошла к ней*). Я хочу просить вас — уговорите вы старика не делать зла человеку!

Д е в и ц а. Несговорчив он...

С о ф ь я М а р к о в н а. Какая вам польза разрушать чужую жизнь? Разве вы судья людям? Разве мы судьи друг другу?

Д е в и ц а. А — как же? Судим. Меня судили...

С о ф ь я М а р к о в н а (*упавшим голосом*). Да? За что?

Дев и ца. За ребеночка. Я в коровнике родила, а холода были в ту пору, он и задохся на морозе... Сказали — я сама удушила... засудили...

(Софья Марковна снова ходит по комнате.)

Дев и ца. Вы скорее говорите, что надо, а то старец не любит, когда я отхожу...

Софья Марковна *(подходя к ней)*. Я всё сказала вам... Мне нечего говорить. Я — не умею! Я прошу у вас помощи — уговорите старика не делать зла здесь! Я дам за это денег, сколько хотите!

Дев и ца *(недоверчиво)*. Мне?

Софья Марковна. Да, да, — вам!

Дев и ца. Отнимет он.

Софья Марковна. Уйдите от него!

Дев и ца. Куда? Он найдет. Он — упрямый. Нет, уж коли вы мне дадите деньги-то, тогда надо иначе что-нибудь делать...

Софья Марковна. Вы — женщина...

Дев и ца. Дев и ца я.

Софья Марковна. Вы должны пожалеть человека... Будьте же доброй...

Дев и ца. Ой, барыня, больно дорого нашей сестре доброта обходится! Была я разок добра — девятый год клянусь себя за это, дуру...

Софья Марковна. Мы все несчастны...

Дев и ца *(оглядывая ее)*. Ну, не все! Где же — все?.. *(Думает вслух.)* Конечно, если секрет ваш в моих руках, вы меня не обидите... Хоша... *(Пристально, с улыбкой смотрит на нее.)* Окормить можно...

Софья Марковна *(нетерпеливо)*. Кого?

Дев и ца. Всякого. Хоша — с деньгами можно далеко уйти... Я бы ушла. А он — пожил на свой пай, старец-то...

Софья Марковна. Он плохо обходится с вами?..

Дев и ца. Ну... разно...

Софья Марковна. Вы ему — чужая?

Дев и ца *(вздыхнув)*. Собака я ему. Пристала собака в дороге, идет. Нужна — ласкают, надоела —

бьют. Все добры по нужде, а по своей воле — звери. Хозяин-то — любезный ваш?

Софья Марковна. Нет. Он просто хороший человек.

Девница. Все хороши, когда просят. Ну что ж, надо мне идти!

Софья Марковна. Вы мне поможете, да?

Девница. Видно, надо помочь.

Софья Марковна. Я была уверена, что у вас доброе сердце!

Девница. Баба, ну, и сердце — бабье. Пойду... Надо со старушкой вашей потолковать...

Софья Марковна (*беспокойно*). Вы с ней... осторожно! Она — не совсем в своем уме...

Девница. В старости — все так. Она — хорошая старушка, однако. Барыня, что я попрошу вас!

Софья Марковна. Что такое? Пожалуйста!

Девница. Нет ли у вас платьишка, обносочка какого? И сапожки бы! Платьишко-то особо хорошо бы мне — вроде бы того, что на вас. Очень уж ловконькое.

Софья Марковна (*изумленно*). Да ведь вы... ведь вам... Хорошо, я найду для вас платье, не одно... И ботинки...

Девница. Во-от! Уж я так-то благодарна буду...

Таня (*входит*). Эта зачем здесь?

Софья Марковна. Подожди, Таня!

Девница. Дочь его?

Софья Марковна. Да.

Девница. А кудрявый — сын?

Таня. Что ей надо?

Софья Марковна. Молчи, Таня, прошу тебя!

Девница. Вот как — сын да дочь! Ой, барыня, не легко, чай, тебе! Видно, бабье сердце и у тебя, плохо выгоду понимает. (*Ушла.*)

Таня. Что такое? Что такое она говорит? Она гадала вам?

Софья Марковна. Да, да, гадала! Что с тобой? Ты взволнована?

Таня. Я не знаю что, я боюсь! Захаровна бормочет о каком-то несчастье...

Софья Марковна *(испуганно)*. О несчастье? Какое?

Таня. Ах, я не знаю... Она всегда дразнит меня, пугает... Здесь жить нельзя... Павел влюбился в вас...

Софья Марковна *(с досадой)*. Не говори чепухи!

Таня. Конечно! Оттого он и злится. Влюбленные всегда злятся. Он целует ваши перчатки... Вы бы надрали уши ему!

Софья Марковна. Ты подожди...

Таня. Я ничего не понимаю, сегодня такой день — ужасно! Это удивительно — я училась в гимназии и ничего не понимаю. Захаровна — неграмотная, а всё понимает! О каком несчастье говорит она?

Софья Марковна *(гневно)*. Она глупа, старуха! Я сейчас скажу ей это! *(Идет к двери.)*

Таня. Не уходите! Я хочу спросить... Убежала... Так не солидно... *(Перебирает вещи на столе, напевая.)*

Он прискачет на белом коне,

Стукнет шпагой в окно ко мне...

Павел. Где вотчим?

Таня. Не знаю. Паша, отчего у нас сегодня так беспокойно?

Павел. Дремать тебе мешают? Ведь ты не живешь, а дремлешь.

Таня. А что значит — жить? Целовать дамские перчатки?

Павел. Это кто целует перчатки?

Таня. Ты.

Павел. Дура!

Таня. Не смей ругаться!

Павел. Тебя бить надо!

Таня. Ступай вон!

Павел. Сама убирайся к чёрту!

Таня *(сквозь слезы)*. И уйду... Дрянь!

Павел. Клякса! *(Оставшись один, сердито ходит по комнате, закуривает. Вдруг — остановился, вслушиваясь, осторожно подвигается к окну.)*

Старик (за окном). Ласкам ихним — не верь.
Всяк милостив будет, коли его за горло взять.

(Павел, оглядываясь, растерянно улыбается, ерошит волосы, снова слушает.)

Старик. Я его знаю, он и молодой таков бывал...

Мастаков (входит, смотрит на Павла, идет к нему, тот не слышит шагов. Кладет Павлу руку на плечо). Ты что?

Павел (отскочив). Ничего... (Смотрит на отца со страхом и идет к двери. Мастаков, выглянув в окно, быстро оборачивается к нему, протягивая руку.)

Мастаков. Павел... Паша...

(Павел ушел, громко хлопнув дверь.)

Мастаков. Знает! Ну что ж?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лунная ночь, светло. Задний фасад старого дома. На ступенях черного крыльца сидят Захаровна и Таня, выше — Девница, она что-то жует. Налево — решетка сада, с калиткой в ней. Слева от крыльца — освещенное окно кухни, справа — окна компаты Мастакова, под ними — широкая скамья.

Таня. Ну?

Захаровна. Ась?

Таня. Рассказывай!

Захаровна. Задумалась я чегой-то... Вот, значит, любила я трёх...

Таня. Трех.

Захаровна. Ну, ладно, трёх. И так можно сказать, от этого не прибудет, не убавится. Мужа я тоже любила — очень жалела! Омману его с кем, и так-то ли жалко станет мужика — беда! Даже — плакала. Бывало, думаешь: «Ах ты, милый мой, ты мне веришь, ты меня любишь, а я тебя омманула, с другим поиграла...» и так-то ли залюбишь, заласкаешь его...

Таня. Разве это хорошо?

Захаровна. Погоди, сама узнаешь!

Таня. Все так делают?

Захаровна. Поди — все, которые побойчее. Я бойкая была.

Таня. А кто у тебя первый был?

Захаровна. Землемер, межевщик. Гладенький такой, как мышь. А у меня двое братьев было, строгие. Как он меня, девушку, испортил, повезли они его рыбу лучить да и утопили...

Т а н я (*задумчиво*). Как ты говоришь... не страшно...

З а х а р о в н а. Чего?

Т а н я. О страшном говоришь, а — не страшно.

З а х а р о в н а. Я не о страшном, а — про любовь.

Т а н я. Жалко тебе было его?

З а х а р о в н а. Кого?

Т а н я. Ах! Землемера, конечно...

З а х а р о в н а. Ревела. Молода еще была, жалостлива. Наше бабье дело жалостливое — назначено нам мужиков любить, ну и любим. Иной раз — не любовь, а казнь, ну — иначе нельзя! Одного — жалко, другого — боязно, третий — хорош удался, всех и любишь.

П а в е л (*в двери, сзади Девуцы*). Опять ты, старая ведьма, разговоры эти завела! А тебе, Татьяна, не стыдно? Ну — погодите! (*Исчезает.*)

З а х а р о в н а (*шутит*). Ой, напугал! Во всех углах он, как нечистый дух. Опять, говорит, про это! А — про что мне? Я — неученая, кроме своей жизни, ничего не знаю...

Т а н я. Меня стыдит, а у самого любовница в городе.

Д е в и ц а. Сами стыд творят, а нас судят за это.

З а х а р о в н а. Спит бродяжка твой?

Д е в и ц а. Лежит.

Т а н я (*Девуце*). Ты гадаешь?

Д е в и ц а. Это как? На картах?

Т а н я. Я не знаю — на картах, по руке...

Д е в и ц а. Что ты, барышня, это грех! Я ведь не цыганка!

Т а н я. А как же давеча Софье Марковне гадала?

Д е в и ц а. И не думала!

З а х а р о в н а (*тревожно*). Это они так — беседовали.

Т а н я. Неправда! Мне сама Софья Марковна сказала. Вы что-то скрываете от меня...

З а х а р о в н а. Ну, полно-ка, господь с тобой! Что от тебя, умненькой, скроешь? Ты сама обо всем догадаешься.

Старик (*вышел на крыльцо*). О чем беседа?

Захаровна. Бабы погудки, курицы да утки, как коров доить, как парней любить...

Старик. Стара ты будто для шуток этих!

Захаровна. Я смолоду шутливо живу.

Таня. Что он тут распоряжается? Удивительно!

Старик. И девицу не хитро учишь, слышал я речи твои поганые...

Захаровна. Девушка не цыган, зачем ей хитрость? Ей не лошадьми торговать...

Таня. Ты что тут распоряжаешься, скажи, пожалуйста?

Захаровна. Ты бы, строгий, рассказал нам чего-нибудь...

Старик. Я до сказок не охоч.

Захаровна. А ты — правду!

Старик. Правда — не забава! (*Сходит с крыльца, остановился, поглядел в небо, идет вдоль решетки сада.*)

Таня. Противный какой! Распоряжается, как дома...

Захаровна. Танюша, поди, милая, спать, а? Пора уж!

Таня. Не хочу!

Захаровна. Ну... принеси мне шаль, а то — холодно старухе! Сходи, Таня, пожалуй!

Таня. Ладно... лиса! (*Ушла.*)

Захаровна (*тихо Девице*). Ну — как же?

Девица. Уж больно много сулите вы...

Захаровна. Кто это — мы? Кроме меня, и знать ни душа не будет.

Девица. А — барыня? Она тоже просила об этом.

Захаровна (*испуганно*). Просила? Полно-ка!

Девица. Да уж так! Просила. Отрави, говорит, платье дам; башмаки, денег... Как же!

Захаровна (*беспокойно*). Ах ты, господи... Послушай, ведь в этом счастье твое... Ты слушай меня, старуху...

Павел (*выходит из кухни*). Не слушай ее, молодых слушай!

Девица. Молодым верить погодим.

Павел. Пойдем в сад со мной?

Девица. Боюсь я тебя.

Павел. Чем я страшнее других?

Девица. Кудряв больно!

Павел. Идем! Ну?

Девица. Что ж, можно...

Захаровна. О господи... И ничего не можешь, ничем не помешаешь...

Старик *(идет, заглядывая в сад)*. С кем это она?

Захаровна. С хозяйским сыном.

Старик. Мм... Лошадь! Чего не спишь?

Захаровна *(вставая)*. А ты?

(Старик, не ответив, присел на лавку под окнами. Захаровна, сердито посмотрев на него, ушла в кухню.)

Мастаков *(в окне)*. Антон!

Старик *(вздрыгнул, но не встал, не обернулся)*.
Чего?

Мастаков. Что же будет?

Старик *(не глядя на него)*. Сотряс я твою жизнь, Гусев, во прах сотряс, а?

Мастаков. Чему радуешься, подумай!

Старик. Ты — года гнездо каменное строил себе, а я — в один день всё твоё строение нарушил!.. Кто сильнее — ты, богач, аль я — бездомный бродяга, кто?

Мастаков. Чего тебе надо, чего? Неужели только казнить меня? За что?

Старик. А ты вот тресни меня по голове, сверху тебе ловко это...

Мастаков. Подумай — около меня до трех тысяч человек кормится...

Старик. И тебя не будет — прокормятся! Народ хозяина найдет!

Мастаков. Я — значительный человек...

Старик. Это — в людях. А перед богом — значителен?

Мастаков. О том богу судить, — не тебе.

Старик. И не тебе тоже.

Мастаков. Чего же ты хочешь?

Старик. Дай подумаю... потом скажу! Вон — приятель твой идет, пьяница этот...

Х а р и т о н о в *(заспанный, измятый, идет из сада, увидал издали Мастакова в окне)*. А я прилег вздремнуть в беседке да и — того. Вдруг слышу голоса... м-да... Открыл глаза, гляжу на часы, а — уж около полуночи! Стало быть, я здесь ночую...

(Мастаков исчез.)

Х а р и т о н о в. Вежливо! *(Присел на крыльцо, позевывая.)* Ну, что же, старче, ходишь, бога хвалишь, кур воруюшь?

С т а р и к. В похвале нашей бог не нуждается, ему покаяние нужно.

Х а р и т о н о в. Покаяние? Гм... А ежели мне не в чем каяться?

С т а р и к. Врешь!

Х а р и т о н о в *(рассердился)*. Ты что как говоришь, старый пес? Я с тобой вежливо, а ты...

С т а р и к *(встал и идет на крыльцо)*. Пусти... Ну!

Х а р и т о н о в *(неволью отодвигаясь)*. Постой, да ты чего это...

(Старик прошел мимо него, задев его полой.)

Х а р и т о н о в *(встряхиваясь)*. Ах ты, негодяй, а? *(Павел идет из сада оживленный, за ним — Девушка.)*

Х а р и т о н о в. Что это за старичишко дерзкий явился тут у вас?

П а в е л. Он вотчима давно знает...

Х а р и т о н о в. Ну, так что? И я его давно знаю!

П а в е л. Еще в молодости...

Х а р и т о н о в. В молодости? Ну?

П а в е л. Приятелями были...

Х а р и т о н о в *(задумчиво)*. Так... Мм... Это он сам сказал?

П а в е л. Она вот...

Х а р и т о н о в *(присматриваясь к Девушке)*. Она? А отчего это не спят все?

П а в е л. Яков спит.

Х а р и т о н о в. Где?

П а в е л. У меня.

Х а р и т о н о в *(помолчав)*. Квасу бы выпить или чаю.

П а в е л. В столовой самовар кипит.

Х а р и т о н о в. В полночь-то? Необыкновенно... гм... *(Встал, идет в кухню, манит Павла за собой. Павел неохотно следует за ним. Деввица стоит у крыльца, мечтательно улыбаясь. Из кухни выглянула Захаровна.)*

Д е в и ц а. Поди-ка сюда!

З а х а р о в н а. Что?

Д е в и ц а. Посиди со мной...

З а х а р о в н а. Спать пора!

Д е в и ц а. Ничего, посиди. *(Помолчав.)* Паренек-то этот...

З а х а р о в н а *(тревожно)*. А что?

Д е в и ц а. Хорош. Ласковый!

З а х а р о в н а. Он что тебе говорил?

Д е в и ц а. Так, разное...

З а х а р о в н а. А все-таки?

Д е в и ц а. Ну, сама знаешь — что девицам говорят.

З а х а р о в н а. О, господи Иисусе... Да ты... *(Сдержалась.)* Ты с ним много не болтай про вотчима-то...

Д е в и ц а. Больно мне нужно.

З а х а р о в н а. То-то!.. Он еще глуп...

Д е в и ц а *(вздыхнув)*. Молоденький...

П а в е л *(кричит из дома)*. Захаровна!

З а х а р о в н а. Иду... Эх, досадушка моя...

С т а р и к *(из окна)*. Марина!

Д е в и ц а. Чего?

С т а р и к. Ты тут?

Д е в и ц а. Ну да.

С т а р и к *(вышел на крыльцо, оглядывается)*. О чем с парнем говорила?

Д е в и ц а. Так.

С т а р и к. Чего он спрашивал?

Д е в и ц а. Имя спрашивал, сколько лет мне, откуда я... Слушай-ко...

С т а р и к. Ну, что?

Д е в и ц а. Брось-ка всё это...

С т а р и к *(настораживаясь)*. Бросить? Зачем?

Дев и ца. Возьми с них побольше да и ладно!
А то запутают они нас.

Ст а р и к *(помолчав)*. Тебе жалко их, что ли?

Дев и ца. И жалко. Они — смиренные. Живут — хорошо, всё есть... Три коровы, лошади, до полуста кур, гуси... Свиныи тоже...

Ст а р и к *(спокойно)*. Дура!

Дев и ца *(помолчав)*. Слушай-ко...

Ст а р и к. Еще что?

Дев и ца. У тебя сила на них, вот ты бы велел хозяйскому-то сыпу замуж меня взять... Я бы с ним жила, а ты — при нас. Я тебя не обижу...

Ст а р и к. И опять — дура!

Дев и ца. Что ты заладил — дура да дура! Гляди — сам не дурак ли? Чего храбриться? Вот они дадут тебе порошок выпить, и конец тебе!

Ст а р и к *(оживленно)*. А хотят дать?

Дев и ца. Это я к примеру сказала... Я не знаю, кто чего хочет. А извести человека — трудно ли?

Ст а р и к *(ухмыляясь)*. Больше ничего нет у них против меня. Нечем отбиться им, нечем! Тут — цепь, на цепи они! Звено за звеном! Грех — плодови... Ага-а?

Дев и ца. Бросить бы всё да взять с них рублей тыщу... А то — десять тысяч, а? Слушай-ко...

Ст а р и к *(весело)*. Значит — извести меня хотят они? Решили?

Дев и ца. Разве я это говорю? Я этого не сказала.

Ст а р и к. И не говори, не надо! Это — барынькина затея! Ишь ты, змея! Ох, вредная она... *(Строго.)* Ты у меня — гляди! Слова ихнего не забывай! Перемигнутся — и то запомни!

Дев и ца. Запутают нас они... Их — много. Старушка тут, — старушка тоже догадливая, она — умная...

Ст а р и к. Молчи, идут! Подь-ка сюда... *(Уводит ее за угол дома. На крыльцо выходят озабоченный Харитонов и Захаровна, растерянная.)*

Х а р и т о н о в. И здесь нет его.,, Куда ж это он скрылся, жулябия, а?

Захаровна. Не надо эдак... Бог даст, обойдется...

Харитонов. Что — обойдется?

Захаровна. А старичок этот...

Харитонов. Старичок? А — кому надо, чтоб он обошелся?

Захаровна. Всем надо, Яким Лукич...

Харитонов. Постой, постой! Мне, например, не надо, мне — чёрт его дер!

Захаровна. Ну, как же не надо! Ходит злой человек...

Харитонов. Злой? Слушай, старуха, что такое происходит у вас, а?

Захаровна. Не знаю я...

Харитонов. Врешь!

Захаровна. Не обижай меня, Яким Лукич, я — старая, глупая.

Харитонов. В старости и врут больше всего.

Захаровна. Поговорил бы ты с Иваном-то Васильичем по душам! Ты — мужчина...

Харитонов. Нет, ты мне скажи...

(Из-за угла идут Мастаков и Софья Марковна, одетая в дорогу.)

Харитонов. Это вы куда собрались, на ночь глядя?

Софья Марковна. Я еду домой, а Иван Васильевич провожает меня!

Мастаков. До экипажа только. Не убегу.

Харитонов *(громко)*. Кум...

Мастаков. Что?

Софья Марковна. Идемте! До свиданья, Яким Лукич...

Харитонов *(загораживая ей дорогу)*. Погодите, полковница! Вам известно, что я Ивану многим обязан и вообще — благодарен. Что случилось, а? Ведь я вижу...

Мастаков *(глухо, с усмешкой)*. А случилось, Яким...

Софья Марковна *(с досадой)*. Ах, боже мой! После скажете...

М а с т а к о в. После чего? Был у меня в молодости...

С о ф ь я М а р к о в н а. Несчастный случай...

М а с т а к о в. Был я в молодости осужден и сослан... на поселенье, а оттуда — бежал...

Х а р и т о н о в (*изумленно*). Ты? Шутишь! Шутит он?

М а с т а к о в. Настоящая моя фамилия Гусев, а зовут меня — Митрий...

Х а р и т о н о в. Да не может быть? Ну, брат, это... уж я не знаю что. Это такое... Как же ты... ловко!

М а с т а к о в. Старик этот знал меня в то время...

Х а р и т о н о в. Вот оно что! Ч-чёрт! Что же... теперь? Много просит старик, а?

М а с т а к о в. Ничего не просит. Донести он хочет на меня.

Х а р и т о н о в. Донести? Ого...

С о ф ь я М а р к о в н а. Аким Лукич, я убедительно прошу вас молчать об этом...

Х а р и т о н о в (*подавлен*). Господи — я не дурак...

С о ф ь я М а р к о в н а. Ведь вы не хотите поспориться со мной — да?

Х а р и т о н о в. Эх, полковница...

С о ф ь я М а р к о в н а (*значительно*). Итак — вы молчите. А я завтра же начну хлопотать по этому делу...

М а с т а к о в. О чем тут хлопотать!

Х а р и т о н о в. Н-ну, история... ф-фу...

М а с т а к о в. Скажи, Яким, — можно меня простить?

Х а р и т о н о в. Да ведь я... что же я...

М а с т а к о в. Ты веришь в невиновность мою?

Х а р и т о н о в. Если бы я решал!.. Я же ничего не знаю, не понимаю! И главное, не я тут решаю, а — множество людей. Газеты опять же... Газета любит шум... Газетчик сам человека зарежет, лишь бы написать про это... он на несчастье — зарабатывает. Опять же — ежели одному простить — все взвоют: а мы? Вот в чем дело!

Софья Марковна. Ну, довольно, Аким Лукич! (*Мастакову.*) Идемте!

Мастаков. Сейчас...

Харитонов. Вы не сердитесь, полковница. Разве я что-нибудь разрешаю? Я просто хочу сообразить. Все заорут: и нас простите... Тогда такая юрунда получится... Вы меня в город не возьмете?

Мастаков. Ты хотел остаться ночевать?

Харитонов. Могу и ночевать... что же? Где это Яков?.. Яша! (*Поспешно идет в кухню.*)

Софья Марковна. Зачем вы сказали ему, зачем? Ведь я убеждала вас!

Мастаков. Хочу в мыслях моих утвердиться. Вот — видели? Кум, приятель, а — как испугался, а? Да еще я ему про каторгу не сказал...

Софья Марковна. Он пустой человек. Если он... он не может сделать ничего дурного вам!

Мастаков. Потому, что у вас его векселя? Захочет — сделает! Бывший друг — злейший враг.

Софья Марковна. Ну, довольно! Завтра утром вы приедете в город, завтра же сделаем заявление прокурору...

Мастаков. Что мне прокурор? Мне — перед вами стыдно.

Софья Марковна. Оставьте это!

Мастаков. Вышло так, что я обманывал вас, самого близкого человека...

Софья Марковна (*сердито*). Довольно же! Надо больше верить в людей...

Мастаков. Я их знаю лучше вас.

Софья Марковна. Они добрее, чем вы думаете...

Мастаков. Все меряют жизнь своим горем, все к чужому глухи. Все живут обидами, и каждый ищет — кому отомстить за обиду свою. Нет, я пропал! Я спокойно говорю — пропал...

Софья Марковна. Дайте руку... На счастье! А мысли эти — прочь! Слушайте, если с вами случится что-нибудь нехорошее, я буду... мне будет очень больно. Я привыкла уважать вас — и люблю немножко. Мне дела нет до вашего прошлого — понимаете?

М а с т а к о в. Софья Марковна — поцелуйте меня, Христа ради!

С о ф ь я М а р к о в н а. Что за глупости? Зачем это — Христа ради?

М а с т а к о в. Господи... как бы любил я вас! Как бы жили мы...

(Обнялись крепко. Из кухонной двери на них смотрят Харитонов и Яков, очень испуганный.)

С о ф ь я М а р к о в н а. Ну — я еду! Держите себя в руках, милый! Завтра — увидимся. Помните о Захаровне, не спускайте глаз с нее — понимаете? Это — удивительный человек... Ну, проводите меня до лошадей. Милый мой — я понимаю, как вам трудно, но — надо уметь защищаться. Мы все учимся нападать и слишком плохо умеем защищаться. Вы — способный человек, вы можете много и хорошо работать...

(Ушли. Харитонов с Яковым тихо спускаются с крыльца.)

Я к о в. Значит, теперь — Павел хозяин?

Х а р и т о н о в. Иди, ищи лошадей! Надо скорей уехать...

Я к о в. А может, с Павлом я скорее сойду с насчет Татьяны?..

Х а р и т о н о в *(задумчиво)*. Н-да... Попробуй! Теперь, по случаю срама, приданого можно взять гораздо больше — понял? Нет — каков случай! Ф-фу! Вот дьявольское дело... И вдруг меня коснется что-нибудь, а? Ну, чего торчишь? Иди, ищи лошадей...

(Ходит по двору, закуривает, что-то говорит про себя. В окне кухни — Павел, осматривает двор.)

П а в е л. Яким Лукич...

Х а р и т о н о в *(негромко)*. Ну, что?

П а в е л. Странника нет на дворе?

Х а р и т о н о в. Нет.

П а в е л. И здесь нет. Куда же он пропал?

Х а р и т о н о в. Черти утащили. Подь-ка сюда...

П а в е л *(выходя на крыльцо)*. А полковница — уехала? Я думал, она ночевать останется...

Х а р и т о н о в. Слушай, Пашук... Гм... Конечно, пасынок вотчиму, как и сын отцу, — не воевода... но, однако, ежели дело касается экономического вопроса, тут — уж ни родства, ни дружбы не соблюдается!.. Это вроде игры в стуколку... Да, так вот — ты понимаешь, что в доме у вас неблагополучно?

П а в е л (*насторожился*). А что?

Х а р и т о н о в. Вообще — чувствуешь?

П а в е л (*подозрительно*). Вы о чем?

Х а р и т о н о в. Например — о старике этом, о страннике...

П а в е л. Ну, так что?

Х а р и т о н о в. А вот что: ты на моих глазах рос... и всё такое прочее... Значит — я имею к тебе чувства... заботит меня твоя судьба...

П а в е л (*усмехаясь*). Первый раз слышу!

Х а р и т о н о в. Первый? Н-да... Ну, когда-нибудь надо же начало положить!.. Я старше тебя, лет эдак на двадцать пять... я могу тебя поучить...

П а в е л. Поучите... что же...

Х а р и т о н о в. Ты не усмехайся... погоди! Я, может, такое скажу тебе, что у тебя ноги подогнутся...

П а в е л. Про вотчима?

Х а р и т о н о в. Видишь ли — все мы одного плетня колья... и, значит, должны друг друга поддерживать — так?

П а в е л. Ну, так!

Х а р и т о н о в (*прислушиваясь*). Стой... Татьяна идет... Ей эти дела не надо знать! Пойдем-ка в сад, поговорим...

(Из кухни идут Таня и Захаровна. Харитонов оглядывается на них.)

Х а р и т о н о в. Запоздал я, заспался, а у меня завтра в городе рано утром дела... (*Ушел.*)

З а х а р о в н а. Ну, куда ты? Спать пора!

Т а н я. Никто не спит — видишь? Нянька, скажи мне — что такое делается у нас?

З а х а р о в н а. Ничего не делается.

Т а н я. Неправда!

З а х а р о в н а. Ночь светлая, вот и не спит никто.

Т а н я. Неправда!

З а х а р о в н а. Как это — неправда? Сама видишь — никто не спит, и ты не спишь...

Т а н я. Ты думаешь — ты хитрая?

(Выстрел за садом.)

Т а н я. Ой, что это? Ты слышишь?.. Вот — я чувствовала...

З а х а р о в н а *(с досадой)*. Да что ты чувствовала? Степаныч воров пугает, а ты...

Т а н я. Воров? А чему Павел радуется? Это неплохо, если Павел веселый, — уж я знаю!

(Из-за угла дома поспешно идет Старик.)

С т а р и к. Кто это стреляет?

З а х а р о в н а. Сторож.

С т а р и к. Стрелять — нельзя!

З а х а р о в н а. У нас — можно, мы за городом живем...

Т а н я *(строго, но все-таки тревожно)*. И — это не твое дело, кто стреляет!

С т а р и к. Ты, девушка, моих дел не знаешь. А узнаешь — восплачешь!

З а х а р о в н а *(торопливо, примирительно)*. В постройке ночуют босяки, жулики разные — вот он и стреляет, чтоб они знали...

Т а н я. Ты как смеешь, старичишко...

С т е п а н ы ч *(бежит, задыхаясь)*. Эй, идите... Захаровна — скорее... Иван Васильич убился!

Т а н я *(кричит)*. Вот! Вот — видишь? *(Бежит в дом.)*

З а х а р о в н а *(за ней)*. Стой... Господи!..

С т е п а н ы ч. Захаровна — воды надо, полотенец...

С т а р и к *(бегая по двору)*. Марина — где ты?..

П а в е л *(бежит из сада)*. Нянька, скорее! Степаныч, запрягай, в город, за доктором...

С т а р и к *(убежал в кухню)*. Марина...

Х а р и т о н о в *(из сада)*. Как это он?

С т е п а н ы ч. Нечаянно. Взял у меня ружье —

что ты, говорит, не почистишь его, ржавое всё? Отошел несколько, а оно и выстрелило, да прямо в рот ему...

Х а р и т о н о в. В рот? Ох...

С т е п а н ы ч. Так всю голову и снесло, одна шея осталась, ей-богу...

П а в е л. Запрягай...

С т е п а н ы ч (*бессильно опускаясь на крыльцо*). Да чего ж тут — какой тут доктор!

Х а р и т о н о в. Павел — идем! Где Яков?

П а в е л. Я боюсь... Идем, Степаныч...

С т е п а н ы ч. Да чего же... куда же уж!.. Вот те и хозяин! А какой ведь был человек... сурьезный...

П а в е л. Попадет тебе за ружье!..

С т е п а н ы ч. Ну... чего уж... пускай!

(*Ушли. Из кухни выбегает Старик с палкой и котомкой в руках, за ним Девица, тоже с котомкой.*)

С т а р и к (*бормочет*). Ах, глупый, ах, хитрый...

Д е в и ц а. Я тебе говорила...

С т а р и к (*трясетя*). Надень котомку мне... Ах, еретик!

Д е в и ц а. Что теперь будет с нами?

С т а р и к. Уходить надо, избыют! В город надо. Там — не найдут. Живее, ты! Всё ли взяла?

Д е в и ц а. Чего брать-то? Говорила я — запутают они!

С т а р и к. Молчи! Струсил... испугался он...

Д е в и ц а. Не так нало было...

С т а р и к. Молчи, говорю!..

(*Захаровна и Таня с полотенцами, ведром воды.*)

З а х а р о в н а (*кричит*). Ну, что, старый пес, казнил человека?

Т а н я. Его задержать надо!

З а х а р о в н а. На что? Полно-ка!

(*Убежали.*)

Д е в и ц а (*со слезами*). Да возись ты скорее! Какая выгода нам? А взять бы с них...

Старик. Идем, Маринушка, идем!

Девушка. Зря вышло... Перемучил ты его, перемучил, вот...

Старик. Господь лучше нас знает, что вышло! (*Крестясь, идет в сад.*) Там дыра есть в заборе, мы с тобой в дыру.

Девушка. Догонят они нас...

Старик. Не до того им! Ну, идем с богом, скоренько... Ах, еретик, а? Покарал господь? Ага! (*Грозит палкой дому.*) Насорил вас господь на земле, окаянных, насорил червей. Сметет он вас в геенну рукой своею, сорьё... хлам червивый!

Девушка (*толкает его*). Иди-и уж! Тоже — праведник! Обманул меня...

Старик. Ты — погоди!.. Ты... не знаешь закона...

Девушка. Прежде чем божьи-то дела устраивать, свой бы устроил, старый пес...

Старик. Маринушка...

Девушка. Обманул ты меня... «Большими кораблями поплывем отсюда»... Вот — поплыли! Эх, ты-ы...

Старик (*бешено*). Молчи, девка!

Девушка. Чего орешь? Не боюсь я тебя теперь! Дурак старый.

Старик. Гляди, лошадь...

Девушка. Чем ты меня удержишь теперь? Иди уж, пес! Дура я... послушать бы мне добрых людей... Эх, дура!!!

Старик (*бормочет*). Господи, господи! Ты меня не осудишь... не осуди, боже мой! (*Ушел.*)

К о н е ц

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ АВТОРОМ.
НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ**

Разгневаюсь — и душа моя
Ощетинится серым волком.

Полонили меня вьюги зимние,
Лютые морозы оковали душу мою.

М а м ё л ф а.

Не ходи против солнышка,
Люби воду текучую

Ой, земля моя темная,
Ты сестра мне родимая

Ч е р н а в к а.

Воют злые вьюги,
Белые кипят снега...

А впадает Ердань-река
В море Мертвое.

М у ж и к и З а л е ш а н е.

Пошли на медведя мужики,
Иван взял рогатину,
Гришка сунул топор за пояс,
А Степан остро нож наточил.

Зашли мужики во посад,
Понемногу браги выпили:
Ванька с Гришкой — полтора ведра,
А Степан — ведро с четвертью.

Идут мужики в темен лес.
Леший видит, ухмыляется:
«То-то весело ребята идут!»
А Степан начал хвастаться:

«Кабы встретил я лешего,
Расщепил бы его надвое...»

«ПРАЗДНИК И ЯРМАРКА В ЗАВОДСКОМ ПОСЕЛКЕ»

Праздник и ярмарка в заводском поселке. Раннее, туманно утро. Над поселком, в глубине долины, тяжело и смутно рисуется завод; его темные корпуса и высокие трубы колеблются в облаках тумана и дыма, являясь и исчезая. В окнах завода еще горят желтые огни; в долину сверху льется глухой, усталый шум. Сонные торговцы открывают лавки, раскладывают товары на ларях. От завода идут рабочие. Всё — в тумане. Отдельные фразы торговцев сливаются в негромкий хор. Другой хор — рабочие, мужчины и женщины. Преобладающий тон — ворчливая жалоба на жизнь, плохо скрытое раздражение, тусклое и несмелое.

С л е п ы е — входят. Их — четверо и с ними юноша, вожак. Они садятся на землю, под деревом, и негромко поют песнь о своих скитаниях во тьме, покрывая ею негармоничный, сонный хаос звуков трудового утра.

Д е в у ш к а - р а б о т н и ц а, остановясь, слушает песню слепых и потом спрашивает юношу о слепых. Д и а л о г между ними на фоне песни слепцов.

М у ж ч и н а — возбужденный бессонной ночью, прислушиваясь к их словам, смотрит на юношу и печально говорит о роковой необходимости любви, о своих увлечениях, о женщине, которую он ищет годы и не может найти. В этой женщине должно быть всё, она поглощает все желания, всю жизнь.

Ю н о ш а — смеется над ним, д е в у ш к а — тоже, и потом они оба лукаво поют веселую, насмешливую п е с е н к у о человеке, который устал любить.

И всё время — то без слов, то в словах — продолжается бесконечно грустная п е с н я с л е п ы х, разнообразно откликался всем,

Появляются группы крестьян, составляя хор: говорят о делах, о погоде и о каком-то пророке, который ходит в окрестностях, возбуждая народ.

Хор торговцев, зазывающих в свои лавки.

Туман редет, вместе со светом является в звуках что-то тревожное.

Женщина — идет.

Юноша — говорит мужчине:

— Вот та, кого ты ждешь.

Мужчина — отвечает, что он часто встречал эту на своем пути, она так же чего-то ищет и не может найти и, видимо, страдает.

Женщина — говорит о непонятном ей стремлении спосм к иной жизни, но она не знает ни форм ее, ни пути к ней.

Дуэт — мужчины и женщины на тему общности страданий и горя, которое не связывает, но разъединяет.

Юноша и девушка — не верят и не понимают их печали, смеясь над ними, они поют песнь о радостях жизни.

Вступает первая пара; сливаются две песни: песнь отживших и начинающих жить.

Является монах, его окружают крестьяне, он проповедует терпение, покорность богу, отречение от мира, борьбу со страстями. У него лицо аскета и фанатика. Крестьяне слушают его гневные проклятия жизни молча и внимательно, порою тихо, как бы вздыхая, толпа их хором молится:

О, боже! Прости нам
Желания паши,
Даруй нам силу
Их побороть!

Женщина — стоя в стороне, смотрит на монаха и говорит девушке:

— Когда-то он меня любил.

Ее рассказ слушают вожак слепых, девушка и мужчина.

Монах — видит ее через головы толпы, он понижает свой голос; хор тихо поет:

Боже — прости нам
Греховные мысли,
Терпеньем и кротостью
Нас одари!

Ж е н щ и н а — продолжает:

И вот он угрюмою птицей
Летает над жизнью печальной
И гасит людские надежды
Широкими взмахами крылий.

Ю п о ш а:

Слова его — как едкий дым!

Д е в у ш к а — м у ж ч и н е:

Ступай и встань с монахом рядом.

О б а:

Отравленный печали ядом,
Наверно ты согласен с ним!

М у ж ч и н а:

Он жаждой мести окрылен,
А мне огонь ее неведом.
Зовет бежать от мира он,
Но не пойду за ним я следом!

Ж е н щ и н а:

Его любовь неокрыленная,
Что мне могла бы дать она?
И вот — средь мира я одна,
Моею грезой плененная!

Постепенно собираются празднично одетые рабочие,—
мужчины и женщины.

М о н а х — снова страстно проповедует: говорит о жен-
щинах, о том, что все они служат дьяволу.

Теперь, вместе со вздохами сокрушения, в толпе слышны
насмешки, иногда — свист.

Х о р — к у з н е ц о в насмехается над монахом:

Долой, монах! Долой, сова!
Не каркай, ворон, над нашим братом!

Х о р — к р е с т ь я н:

Он прав! Повсюду царит разврат.
Внимайте кротко словам забытым.
И бедный тоже грехом богат!

Х о р — р а б о ч и х:

Ступай и брось свои слова
В бесстыдные глаза богатым,
Неси твои упреки сытым,
Долой, проклятая сова! Долой!

Юноша, вожак слепых, насмшливо и гневно говорит, что все люди кажутся ему слепцами, которые не видят живой красоты и клеветуют на мир.

Девушка — вторит ему, мужчина и женщина возражают.

(Это место будет написано так, чтобы ария юноши переходила в своем течении в дуэт, трио и квартет.)

Состязания двух хоров — двух отношений к жизни. Крестьяне говорят о силе бога, старины, закона, рабочие — о тяготе, несправедливости жизни. Робкое сомнение и страх одних, резкое отрицание других.

Монах — подходит к женщине:

— Ты узнаешь меня?

И т. д.

〈СЦЕНА ДЛЯ ИМПРОВИЗАЦИИ〉

На рассвете в небольшую уютную комнату, устало отдуваясь, входит средних лет человек. Он — выпивши и перед тем, как войти, выдерживает борьбу с дверью, которая упрямо заворачивается перед ним, не желая впускать его.

Привычным, но неверным жестом человек, сняв измятую шляпу, хочет повесить ее на вешалку около двери — вешалка наклонилась, выпрямилась — шляпа упала на пол и, не торопясь, катится под стул, — человек, неодобрительно качая головой, смотрит на вешалку и, одной рукой стараясь снять пальто, другую повертывает кнопку освещения. Вспыхивает лампа и — двоится, а все вещи в комнате — дрогнули, как бы раздвинувшись или кланяясь хозяину.

Сняв пальто с одного плеча, человек, мигая, оглядывает комнату — перед ним уже четыре лампы, а на филенке двери в спальню насмешливо улыбается чье-то смутное лицо. На стене кружатся и прыгают серые пятна фотографий, большой портрет женщины невесело покачивает головой, портрет же лысого старика хмурится.

— Н-не надо, — отирая лицо рукою, бормочет человек и гасит огонь.

В сумраке комната становится меньше и теснее, вещи сдвинулись. Человек содрал с себя пальто и хочет повесить его, но вешалка, снова наклонясь, отстраняется, пальто падает на пол. Развязывая галстух, человек внимательно следит за ним, хочет взять стул за спинку, а стул, покачиваясь, отодвигается прочь. Тяжело вздохнув, человек снова пытается зажечь огонь, но, не найдя кнопки, долго вертит ручку двери и шарит по стене. Наконец на письменном столе вспыхнули две одинаковые лампы, все вещи и бумаги шевелятся, человек смотрит на них, то хмурясь, то широко раскрывая глаза, и идет к столу, а мебель суется ему под ноги и ковер дыбится, строя преграды. Огли-

дываясь, человек остановился, сорвал галстук, машет им па лампы и, с трудом слагая губы в трубочку, дует на огонь. Галстук выскользнул из руки и улетел на абажур лампы.

Покачываясь, человек внушительно говорит:

— Довольно... не хочу!..

И снова двигается вперед, вытянув руки, ловя что-то—на дороге ему становится кресло, все вещи качаются, точно смеясь, человек улыбается, бормоча:

— Потерял пространство... оригинально...

Нацелившись, схватил кресло за спинку и поворачивает его сиденьем к себе, но кресло упрямо обращается в другую сторону. Он хочет приподнять его вытянутыми руками, не может и с досадой пнул ногой, навалился грудью на спинку, смотрит на портрет лысого старика и густо, угрожающим голосом поет:

«Я н-не сержу-усь, хоть больно но... хоть больно но...»

Портрет сморщился, откинул голову и — чихает.

Человек удивленно открыл рот, потом осторожно, не сводя глаз с лица портрета, подвигается к столу, протягивает руку, чтобы взять лампу, одна из них немедленно исчезает, другая — не дается, ускользая из руки. А портрет снова чихает.

— Простуда! — успокоенно решил человек и опрокинул лампу, она погасла. Круглые стенные часы бьют пять раз — он одобрительно качает головой, а часы, превратясь в широкое лицо с черными в стрелку усами, безмолвно смеются.

— Не надо... глупо! — говорит человек, присаживаясь на край стола, и, расстегивая ворот рубашки, поет:

«Я н-не сержу-усь...»

Дама на портрете, достав платок, подносит его к глазам, опираясь руками о стол, человек встает — ему жутко, и он бормочет, всматриваясь:

— Лиза... не надо... пожалуйста — не плачь... это понятно... всё понятно, Лиза... один я — и так тошно!.. так нестерпимо тошно!.. люди, знаешь,— что можно сказать людям?.. что они могут сказать мне?.. Один я, и надо же как-нибудь... человеку нужен отдых...

Пока он говорит, фигура обнаженной женщины — снимок с какой-то статуи — оживает, становится в позу и — тихо движется, танцует, человек — смотрит на нее, сначала недоуменно поглаживая волосы на голове, потом с улыбкой и, наконец, на-

чинает тихо напевать в ритм танца, одной рукою держась за стол, другою — дирижируя. Его напев сбивается на темп марша:

«Бум, бум, трам-бум-бум!»

Оба кресла, стол, вешалка и все другие вещи в поле зрения пьяного начинают в такт качаться, на двери спальни одобрительно мигает большими глазами широкое лицо, а женщина на портрете, помахивая платком, улыбается.

Он, напевая всё тише, дирижируя медленнее, широко открытыми глазами оглядывает это жуткое и смешное движение и вдруг, взмахнув рукою, топнув ногой, резко кричит:

— Не надо! Довольно!

Всё остановилось, но — трясется, точно смеясь.

— Вот... довольно! — говорит он, подходит к двери в спальню, ковыряет пальцем сучья на филеске и стирает ладонью лицо на ней. Оборачивается, успокоенно обводит комнату строгими глазами — а все предметы наклоняются, точно опрокидываясь под его взглядом.

Простирая руки, он говорит умоляюще и убедительно:

— Не надо же! Я не хочу, чтобы двигались и... не надо!..

Вещи медленно кружатся, шатаются и вовлекают его в свое странное движение, сначала он, недоуменно сопя, следит за ними, а потом неверной походкой идет куда-то, натывается на кресло, тяжело валится в него и, простирая руки к портрету, полусмеясь, полуплача, бормочет:

— Потому что — одиночество, Лиза... я один тут, потому что... и всё чужое... всё — неверно и — нет пространства...

Оглядываясь в тяжелой полудремоте, одолевающей его, поет:

«Я и-не сержу-усь, хоть...»

Прервал песню, тихонько, пьяно смеется.

— Один я... как... не знаю что... ужасно — один!.. Ужасно!..

Портрет лысого человека одобрительно качает головой, а на двери спальни ухмыляется широкая рожа.

Махнув рукою, человек, опустя голову на грудь, сквозь сон говорит:

— Всё равно, отец... «я и-не сержу-усь... хоть больно поет...» всё равно!..

И — засыпает.

〈ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ〉

Петр Васильевич.

Васса Ивановна.

Чистяков.

Ртутнев.

Палашка.

Мохоедов.

Поздний вечер лета. В комнате сумрак. На полу — пятна лунного света. У окна, завешенного кисеею, П е т р В а с и л ь е в и ч, в белом костюме, с подзорной трубой в руках. Время от времени он смотрит в трубу и нетерпеливо хрюкает, шаркая по полу ногами в туфлях. Идет к двери и, отворив ее, негромко кричит: «Палашка!.. Палагея!..»

В а с с а (*из другой комнаты*). Сейчас я позову ее...

П е т р (*торопливо*). Не надо! Иди сюда... скорей!

В а с с а (*входя*). Что тебе?

П е т р. Тише! Гляди — в окно!

В а с с а (*оживленно*). Вышла? Дай-ка мне трубу-то...

П е т р (*доволен*). Когда он явится — скажи мне...

В а с с а (*смотрит в трубу*). Ишь ты, ишь! Цветок сорвала...

П е т р. Мохоедов, старый дурак! Говорил я ему, как надо обрубить сучья, а он чёрт его знает что сделал!

В а с с а. Да, беседку-то плохо видно... (*Опуская трубу.*) А они, наверное, в беседку забьются. (*Лукаво прищурив глаза, смеется тихонько и толкает мужа локтем.*)

П е т р (*смеясь*). Уж конечно! Ты, однако, тише, не услышала бы она...

В а с с а. Интересную квартиру сняли мы...

〈ЯКОВ БОГОМОЛОВ〉

⟨ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА⟩

Яков Сергеевич Богомолов.

Ольга Борисовна — его жена.

Никон Букеев — землевладелец, похож на актера, бритый, ленивый.

Нина Аркадьевна — вдова инженера.

Онкль¹ Жан.

Борис Ладыгин — молодой человек со средствами.

Верочка Трефилова — родственница Букеева.

Дуняша — горничная.

Стукачев — лакей.

¹ Дядя (*франц.* oncle).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Хутор Букеева. Большая комната — часть задней стены ее вся из стекол, выходит на террасу, тоже застекленную. В правой стене две двери в комнаты Якова и Ольги, в левой — комнаты Букеева. В правом углу — фонарь, он, обрезав террасу, выходит в сад. В нем стоят широкие тахты, низенькие столики для кофе и табака, — небрежная претензия на восточный стиль. На стенах большой комнаты много картин, этюдов, разные полочки, на них статуэтки, вазы, фарфор и тут образцы различных горных пород; всего много, но всё размещено безвкусно, неумело. Мебель разнообразна, немало дачной, плетеной. Комната служит столовой, — посреди ее большой овальный стол. В левом углу письменный стол.

Утро, только что взошло солнце. Сквозь стекла террасы видны рыжие холмы на горизонте, тополя и кипарисы в саду. На террасе сидит в плетеном кресле Верочка Трефилова, закутана в серую шаль. Она встает, смотрит сквозь стекла, приложив к ним лицо и ладони, уходит влево по террасе. Затем в двери террасы является Богомоллов, отпирает дверь, торкается в дверь столовой. Он одет элегантно, легко и красиво движется, у него остренькая борода, большие глаза задумчивы и насмешливы. Разговаривая, он всегда смотрит прямо в лицо собеседника. Но на всем, что он делает, есть налет какого-то комизма или чего-то детского. Из правой двери выходит Верочка, отпирает дверь.

Богомоллов. Спасибо. Уже встали или еще не ложились?

Верочка. Не ложилась.

Богомоллов. Бессонница? *(Снимая перчатки.)*

Верочка. Жалко было спать в такую ночь. Ольга Борисовна осталась в городе?

Богомоллов. Да, она с Букеевым и компанией.

Верочка. А вы — верхом, один?

Богомоллов. Один.

Верочка. Я видела вас в степи.

Богомоллов. Да?

Верочка. Я всю ночь сидела на террасе.

Богомоллов. Не холодно? После полуночи дул ветер. А что — нельзя сварить кофе?

Верочка. Я сейчас сварю. *(Быстро уходит.)*

Богомоллов. Позвольте, зачем же вы? Вероятно, Дуняша уже встала?

Верочка *(невидимая)*. Ничего.

Богомоллов *(смотрит вслед ей, насвистывая, озабоченно думает вслух)*. Очень милая девушка... Утром очень хорошо встретить такую... сама — точно утро. *(Ходит, разглядывая картины, напевает.)*

Доброе утро...

(Стукачев входит.)

Богомоллов. Стукачев? Что вы?

Стукачев *(кланяясь)*. Намерен комнаты убирать.

Богомоллов. Намерение, вполне достойное своей цели. Желаю успеха. Вы — женаты?

Стукачев. Не имею счастья, но вскорости хочу.

Богомоллов. Все, не имеющие счастья, жаждут такого. Я вам мешаю?

Стукачев. Помилуйте!

Богомоллов. Милую. *(Уходит на террасу.)* Вы стихов не пишете?

Стукачев *(ухмыляясь)*. Зачем же-с?

Богомоллов. Ясно, что не пишете, те, которые пишут, не спрашивают — зачем.

Стукачев. У нас повар был — он писал. Смеялись над ним.

Богомоллов. Смеялись?

Стукачев. Весьма. Даже до свирепости доводили его. А Никон Васильич однажды ударили его по затылку палкой...

Верочка (*вносит кофе*). Вы слышите — едут!
Богомоллов. Благодарю вас, милый человек...
Но — глаза у вас покраснели от бессонной ночи и лицо бледное...

Верочка. Умоюсь — пройдет. (*Уходит поспешно, по пути заглядывая в зеркало.*)

Стукачев (*осторожно*). Они плакали, вот отчего глаза у них... Я иду через кухню, а они стоят у окна и — плачут.

Богомоллов. Девушки часто плачут беспричинно.

Стукачев. Скука, главная вещь. Пойду встречу...

Богомоллов (*помешивая кофе, напевает*).

Сегодня и завтра...

(*На террасу шумно входят Ольга, Нина, Букеев, Ладыгин, дядя Жан.*)

Ладыгин (*Нине*). Мы, спортсмены, на всё смотрим с чисто физической точки зрения...

Букеев. Седьмой час, а уже начинается жара.

Ольга. Это вы воображаете.

Букеев. Не люблю юг...

Нина. А кого вы любите?

Дядя Жан. Не скажет. Но я знаю кого.

Букеев. Ты всё знаешь, кроме того, что должен знать.

Дядя Жан. Не сердись, Юпитер.

Ольга (*мужу*). Давно дома?

Богомоллов. Несколько приятных минут.

Ольга. Что ты делал?

Богомоллов. Здесь? Беседовал со Стукачевым — решительно умный человек. А теперь пью кофе. Хочешь?

Ольга. Молока. Никон Васильевич, скажите, чтоб дали холодного молока.

(*Букеев уходит в дверь направо.*)

Ладыгин. Холодное молоко — вчерашнее, Выпейте парного.

О л ь г а. Это противно. Стукачев, позовите Ду-
няшу ко мне. (*Идет в свою комнату.*)

Н и н а (*Богомолову*). Почему вы сбежали от нас,
ученый?

Б о г о м о л о в. Камо бегу от лица твоего?

Н и н а. Борис Петрович, ученый перешел со мной
на ты!

Л а д ы г и н. Поздравляю вас!

Д я д ы Ж а н. Это он по рассеянности, не больше.

Л а д ы г и н (*Жану*). Вы — купаться? Я то-
же...

Н и н а. Мы утомляем вас своим легкомыслием? да?

Б о г о м о л о в. Внимание дамы не может утом-
лять.

Л а д ы г и н. Ого! А если ей — за сорок?

Н и н а. Бухнул! Идите в море и не мешайте нам.
Я страшно люблю беседовать с Яковом Сергеевичем, ни
за что не поймешь, шутит он или серьезно говорит.

Д я д ы Ж а н. Как жизнь, она тоже...

Л а д ы г и н. Идемте, философия не удастся вам.

Н и н а. Знаете, — ваша супруга зверски кокетни-
чает с Букеевым.

Б о г о м о л о в. Да? Зверски?

Н и н а. О! Страшно!

Б о г о м о л о в. Это кому — Букееву страшно?

О л ь г а (*выходя*). Я очень извиняюсь, но мне
лень переодеваться, — ничего? Я напьюсь молока и
лягу спать... А ты?

Б о г о м о л о в. Пойду купаться.

О л ь г а. Ну, а что ж твоя вода?

Б о г о м о л о в. Вода будет, найду.

О л ь г а. Вот — смотрите: он только что убил три
года жизни на то, чтоб бороться с сыростью, — осушал
болота в Рязанской губернии, а теперь лет пять будет
разводить сырость здесь.

Б о г о м о л о в. Подожди, когда Букеев построит
курорт...

О л ь г а. Мне вовсе не интересно, что и где намерен
строить Букеев...

Н и н а. Однако вы с ним так кокетничаете, что у
него даже уши становятся синими.

О л ь г а. Уши у него, как у пуделя, без хрящей... точно блинчики. Но — кокетничать я люблю.

Н и н а. Яков Сергеич, это плохо — кокетничать?

Б о г о м о л о в. Это — хорошо или дурно, глядя по тому, насколько умело кокетничает женщина. Если она проявляет свое обаяние в формах изящных, если каждое слово, движение, взгляд дает мне, мужчине, ощущение таинственной силы ее пола — это прекрасно. В такие минуты весь напрягаешься, точно солдат на параде пред любимым вождем, чувствуешь себя готовым на подвиг...

Н и н а. Господи! Целая лекция...

О л ь г а. Вы думаете, он действительно может чувствовать что-нибудь подобное? О нет, он обо всем интересно говорит, но — чувствовать — это не его специальность.

Б о г о м о л о в. Хорошо она рекомендует меня?

Н и н а. Не верю! Слова рождаются чувствами. Продолжайте, Яков Сергеич, она может идти спать.

О л ь г а. Ты что же, водопроводчик, не предлагаешь мне кофе? Сам — пьет, а...

Б о г о м о л о в. Но ведь ты хочешь молока.

О л ь г а. Эгоист...

Б у к е е в (*вх<одя>*). Прислуга еще дрыхнет. Я там всех распек и Анну Васильевну тоже. Хозяин давно на ногах, мало того — ночь не спал...

Н и н а. В трудах великих...

Б у к е е в. А вы думаете, легко сделать жизнь приятной?

Н и н а. Ой, как печально сказано!

(Дуляша вносит молоко.)

Б о г о м о л о в. Никон Васильевич, мне сегодня нужно бы побеседовать с вами...

Б у к е е в. О делах? Успеем, время есть, мы с вами, батенька, много наделаем разного...

Б о г о м о л о в. Есть один сложный вопрос.

Б у к е е в (*махая рукою*). Их — сотни, сложных вопросов. Вы лучше с дядей Жаном поговорите, — если дело идет о земле и воде.

Б о г о м о л о в. Хорошо.

Н и н а (*Букееву*). Вы устали?

Б у к е е в. Да. Лет пятнадцать назад тому.

Н и н а. Что с вами?

Б у к е е в. Да вот — устал...

Н и н а. Отчего?

Б у к е е в (*идя на террасу, всматривается в даль*).

Не знаю.

О л ь г а (*мужу*). О чем мечтаешь?

Б о г о м о л о в. Так, ни о чем...

О л ь г а. Почему ты ушел от нас?..

Б о г о м о л о в. А меня этот заинтересовал... студент, — удивительный пессимист.

О л ь г а. Расскажи мне о нем.

Б о г о м о л о в. А спать когда будешь?

О л ь г а. Я не хочу спать.

Б о г о м о л о в (*барабая пальцами*). О студенте не много скажешь. Меня заинтересовало его невежество и удивительная самонадеянность.

О л ь г а. Ты найдешь здесь воду?

Б о г о м о л о в. Конечно.

О л ь г а. Скоро?

Б о г о м о л о в. Думаю — да!

О л ь г а. И всё здесь оживет, да?

Б о г о м о л о в. Разумеется. В этом цель моих работ.

О л ь г а. Будут парки, сады...

Б о г о м о л о в. Бесплодной почвы — нет, и Сахару можно сделать плодородной, если работать упорно, с любовью. Земля — как человек, требует внимания, любви. И чем бескорыстнее любовь, тем богаче дары ее. Ты посмотри: когда человек чувствует, что его любят, — как расцветает его душа в свете любви! Влюбленные и любящие всегда талантливы, яркие. Если ты полюбишь даже бездарного человека и он сумеет почувствовать твою любовь...

О л ь г а (*усмехаясь*). Не попробовать ли мне полюбить бездарного, а?

Б о г о м о л о в (*глядя ее плечо*). Ты уже однажды сделала это, полюбив меня.

О л ь г а (*вздохнув*). Ох, ты, к сожалению, не бездарен.

Богомоллов (*смеясь*). Как ты сказала это...
Ольга (*вздыхнув*). Ты наивен, как дитя, — но ты даровитый человек.

Богомоллов. И это тебя огорчает...

Ольга (*серьезно*). Может быть.

Богомоллов. Не понимаю...

Ольга. Очень жаль. Послушай, — ты видишь, что этот Букеев относится к тебе снисходительно?

Богомоллов. Вижу.

Ольга. Тебя это не шокирует?

Богомоллов. Да ко мне почти все так относятся... и ты и даже этот Ладыгин.

Ольга. Он бездарен, не правда ли? (*Улыбаясь, смотрит на мужа.*)

Богомоллов (*убежденно*). О да! Чрезмерно!

Верочка (*входит*). Здравствуйте!

Ольга. Здравствуйте, Верочка. Почему бледная такая?

Верочка. Пришел машинист с артезианского колодца, просит вас.

Богомоллов. Иду. Вероятно, бурильщики отказались работать, — ужасно кормят их! (*Вере.*) Вы не знаете, где дядя Жан?

Верочка. Пошел в оранжерею. (*Хочет идти.*)

Ольга. Почему вы такая усталая, бледная, Верочка?

Верочка. Не знаю.

Ольга. Посидите со мной, мне скучно.

Верочка. На террасе Никон Васильевич с Ниной Аркадьевной.

Ольга (*хмурясь*). Вам не хочется посидеть со мной?

Верочка. Нет, почему же? (*Присела.*)

Ольга. У вас такой вид, как будто вы влюбились в Ладыгина.

Верочка (*натянута усмехаясь*). Именно в Ладыгина?

Ольга. А в кого же еще можно влюбиться здесь?

Букеев (*идет с террасы*). Ольга Борисовна, как мы проведем сей день, его же сотвори господь? Возрадуемся и возвеселимся снова, да?

О л ь г а. Откуда вы знаете столько церковных слов?

Б у к е е в. А у меня служил в сторожах расстриженный дьякон, пьяница и лентяй, я очень любил беседовать с ним.

Н и н а. Около вас всегда удивительно забавные люди.

(Верочка встает, уходит. Ольга задумчиво смотрит вслед ей.)

Б у к е е в. Н-ну, где же они?

Н и н а. А дядя Жан?

Б у к е е в. Да, — он, конечно... *(Ольге.)* Вы знаете, — он был моим репетитором, готовил меня в политехники. Мне тогда было 22 года. О чем вы задумались?

О л ь г а. Я слушаю.

Б у к е е в. Но мы гораздо усерднее изучали кафешантаны, чем науки. Потом он поехал со мной за границу, и вот уже двадцать четыре года мы надоедаем друг другу. Он тоже лентяй.

Н и н а. Разве вы — лентяй?

Б у к е е в. Конечно. Я человек ленивый, жирный и лирический.

Н и н а. Вы клеветеете на себя.

Б у к е е в. Я люблю печаль. Но и печаль у меня тоже масляная какая-то, жирная.

О л ь г а *(оглядываясь)*. Какие у вас неинтересные картины!

Б у к е е в. Я ничего не понимаю в живописи.

О л ь г а. Зачем же покупаете это?

Б у к е е в. Пристают. Жан говорит: «Богатый человек должен поощрять искусство». Я и поощряю.

Н и н а. Расскажите еще что-нибудь про себя.

Б у к е е в. Да я же про себя и говорю. Больше ни о чем не умею...

(Жан на террасе с букетом цветов. Увидев Нину, прячет букет за спиной, исчезает и входит уже без букета.)

Н и н а. Нет, вы что-нибудь интимное...

Ж а н. Для интимных бесед природой предназначены вечера и ночи, утром же свободные люди наслаждаются природой, а трудолюбивые — трудом. Почему вы сидите здесь, а не на берегу, не в саду? Шли бы на воздух, там земля пахнет пряником, море шелковое, жаворонки поют «Коль славен...».

Н и н а. А где Ладыгин?

Ж а н. Лежит голый на песке и дремлет. Выкупался, проделал гимнастику...

Б у к е е в. Он просто живет.

Н и н а. Как и следует.

Ж а н. Совершенно верно.

О л ь г а. А кто вам мешает просто жить?

Б у к е е в. Не знаю. Вероятно — лень.

О л ь г а. Мне кажется, вы немножко кокетничаете.

Б у к е е в. В моем возрасте этим не занимаются.

Н и н а. Уж будто бы!

Ж а н. А где наш высокоученый?

О л ь г а. К нему там кто-то пришел жаловаться, что рабочих плохо кормят, они не хотят работать.

Б у к е е в (*сконфужен*). Не может быть. Жан, как же это, а? Второй раз...

Ж а н. Сию минуту распоряжусь, чтоб им нажарили котлет деволяй и прочего, соответственно.

Б у к е е в (*Ольге*). Вы так сказали... вас интересуют рабочие?

О л ь г а. Нисколько.

Н и н а. Но вы говорили так сердито.

О л ь г а. Разве? Извиняюсь. Мне спать хочется. (*Встала, идет к двери в свою комнату, остановилась и проходит в фонарь.*)

Н и н а (*тихо*). Капризная женщина. И не очень воспитанна.

(*Букеев молчит, исподлобья наблюдая за Ольгой.*)

Н и н а. Вы замечаете, что Ладыгин волнует ее?

Б у к е е в. Это неправда. (*Встал.*)

Н и н а. Она пошла посмотреть на него...

Б у к е е в. Пойдемте, погуляем.

Н и н а. О, с удовольствием.

(Уходят через террасу. Ольга в фонаре, курит и тихонько напевает. Входят Жан и Богомоллов.)

Жан. Дорогой мой, я тоже — идеалист, уверяю вас! Я понимаю всё это: рабочий вопрос, социальная справедливость и прочее... Конечно же, о господи! Мы наделали законов для наших знакомых, а сами обходим законы стороной, — чтобы не задевать их, знаете.

Богомоллов. Тем более, уж если вы понимаете это.

Жан. Да — понимаю же! Но — все-таки необходимо иногда приказывать людям. Или — так, или — до свидания!

Богомоллов. Приказывать я не умею, могу только советовать или убеждать.

Жан. Всего убедительнее — страхи. Государство держится страхами, — это факт! Вы рассуждаете, как социалист, как человек преждевременный. Жизнь — поверьте мне — очень запутанная штука, кто в этом виноват — неизвестно. В поисках виноватого хватают богатого, но ведь это — только потому, что он виднее.

Богомоллов. Забавно вы говорите.

Жан. А, боже мой! Я знаю жизнь, и она меня знает!

Богомоллов. И многое у вас очень метко...

Жан. Так вот, дорогой мой, вы не беспокойтесь, — всё устроится, всё будет по-хорошему... Мы, идеалисты, понимаем друг друга с двух слов. Сейчас я распоряжусь насчет улучшения харчей.

Богомоллов. К завтраму я составлю смету.

Жан. Да вы не торопитесь... *<Уходит.>*

(Богомоллов, допивая остывший кофе, жмурится, бормочет что-то.)

Ольга. Ты что говоришь?

Богомоллов *(заглядывая в фонарь)*. Я думал, здесь никого нет.

Ольга. Твоя привычка разговаривать с самим собой когда-нибудь поставит тебя в неловкое положение.

Б о г о м о л о в. Ты думаешь? Впрочем — возможно. Ты что не спишь?

О л ь г а. Мечтаю.

Б о г о м о л о в. О чем?

О л ь г а. О тебе.

Б о г о м о л о в. О? Разве?

О л ь г а. Удивительный у меня муж, чёрт возьми, думаю я... с восторгом. Я целую ночь где-то кутила и вообще веду себя веселой вдовой, а он — спокоен. Он так уверен в моей любви... Спасибо ему.

(Богомоллов, опершись на угол стола, задумчиво слушает, покручивая бородку.)

О л ь г а. Он упивался мечтами, она шампанским, и всё шло благополучно, — так начала бы я рассказ, если б умела писать.

Б о г о м о л о в. Попробуй.

О л ь г а *(выходит из фонаря, подходит к нему, кладет руку на плечо)*. А что бы ты сказал, если б я полюбила другого?

Б о г о м о л о в *(серьезно, вдумчиво)*. Что бы я сказал? Не знаю. Никогда не думал об этом.

О л ь г а. Подумай.

Б о г о м о л о в. Зачем же? Разве...

О л ь г а. Всё может быть.

Б о г о м о л о в. Ты шутишь, Оля?

О л ь г а. Да.

Б о г о м о л о в. Шутишь, я уверен. Хотя...

О л ь г а. Что — хотя?

Б о г о м о л о в. Не умею сказать.

О л ь г а. Если сказано — хотя, так значит, ты не очень уверен... Не очень! Ну... это хорошо. Спасибо. Поцелуй меня.

Б о г о м о л о в. За что же спасибо?

О л ь г а. Пойми. *(Уходит, смеясь.)*

Б о г о м о л о в *(вслед ей)*. Желая тебе хорошенько отдохнуть, а то у тебя, кажется, нервы не в порядке.

О л ь г а. О, конечно, нервы... *(Уходит.)*

(Дуняша и Верочка.)

Верочка. Ольга Борисовна легла спать? Вот ей цветы от Никона Васильевича. Подайте, Дуняша.

Богомоллов (*треть лоб*). Мне нужно о чем-то спросить вас... забыл!

Верочка. Жалею. (*Идет в угол к письменному столу.*)

Богомоллов (*за ней*). Да! О чем вы плакали утром?

Верочка. Я? Как вы знаете?

Богомоллов. Мне Стукачев сказал.

Верочка. Не всё ли вам равно?

Богомоллов. О, боже мой! Вот не ожидал, что вы так ответите.

Верочка. А чего вы ожидали?

Богомоллов. Не знаю... Меня это поразило. Такое прекрасное утро, всё так ярко, празднично, вы такая юная, красивая, так ласково встретили меня, и вдруг является лакей и говорит с улыбкой дурака: «А она плачет!» Ужасно нелепо.

Верочка (*ус<мехаясь>*). Никто, кроме вас, не заметил бы этой нелепости.

Богомоллов. А меня, представьте, целое утро угнетают эти ненужные слезы.

Верочка (*тронута*). Какой вы добрый, милый!

Богомоллов. Добрый? Нет, не думаю. Просто мне всегда хочется видеть людей спокойными, весело деятельными.

Верочка (*села, смотрит на него, облокотясь о стол*). Да, это я понимаю...

Богомоллов. Мне всегда хочется видеть всех счастливыми, а — главное — уверенными в себе. Это органическая потребность у меня. О чем же вы плакали?

Верочка. Глупые девичьи слезы.

Богомоллов. Вам полюбить хочется, да?

Верочка (*вспыхнув, шутливо*). Какой вопрос!

Богомоллов. Послушайте — любите! Не ждите с этим, это самое лучшее в жизни, поверьте мне. Только любя, мы живем. Вот — полюбите Ладыгина.

Верочка (*почти истерически смеется*). О господи... вы... удивительный! Вы такой чудак...

Б о г о м о л о в. Нет, серьезно! Вы не смущайтесь предрассудками, не думайте о последствиях, последствия любви всегда одни и те же — новый человек! Я говорю не о ребенке, а о людях, которые любят, ведь это чувство обновляет душу, делает людей иными, лучше, красивее... Вы понимаете...

В е р о ч к а *(вставая)*. Уйдите от меня! Оставьте Ладыгина для...

Б о г о м о л о в *(испуган)*. Почему?

В е р о ч к а *(быстро уходя на террасу)*. Извините... я не могу...

Б о г о м о л о в *(недоумеая)*. Почему?

Л а д ы г и н *(входит с террасы)*. Что это — завтрак еще не готов? А мне зверски есть хочется. Вы чего такой?

(Богомоллов, не отвечая, уходит.)

Л а д ы г и н *(ворчит)*. Невежа...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лунная ночь. В саду, под группой деревьев, стол, на нем большая чаша для крошона, бокалы. Плетеная мебель. В нишах кустарника удобные скамьи. У стола Б у к е е в и Ж а н, оба выпивши. Букеев возбужден, Жан настроен лирически.

Ж а н. Да-а, Ольга Борисовна — женщина, достойная героических усилий. Ты прекрасно выбрал, Никон!

Б у к е е в. Я — выбрал? Это чёрт выбирает для нас. Если б ты знал, как я хочу ее... эх!

Ж а н. Это, брат, видимо, последняя твоя женщина. Последняя женщина, как сороковой медведь для охотника, — опаснейшее приключение! Держись твердо!

Б у к е е в. Это не приключение, а — быть или не быть?

Ж а н. Я понимаю. Хотя я и скептик, но сердце у меня есть, и я, брат, умею чувствовать и дружбу и любовь.

Б у к е е в. Что же делать с этим дураком?

Ж а н. Не торопись. Придумаем.

Б у к е е в. Иногда мне убить хочется его.

Ж а н. Н-ну, зачем так грубо? Можно найти другой прием. Ты вот что пойми: красивая женщина или распутна или глупа, таков закон природы. Ольга Борисовна не глупа, значит, она должна быть...

Б у к е е в. Заврался ты...

Ж а н. Друг мой, я — скептик, я не могу иначе. Для скептиков, как известно, нет ничего святого. *(Стукачев несет кофе.)* Давай выпьем кофейку. Стукачев, притащи-ка еще финьяшампань — живо. И земляники. Это, знаешь, специально для дам. *(Смеясь.)* Мы

подольем сюда бутылочку, и — дамам будет весело, а когда дама весела...

Б у к е е в (*ухмыляется*) Ты — жулик.

Ж а н. Таковыми же создал господь и всех прочих людей. Я, брат, скептик, я знаю: все мы притворяшки. Один притворяется умным, другой честным и т. д. По натуре своей и тот не честен и этот не умен, но — привыкли играть роль и — ничего! — иногда играют довольно удачно. Да. Добро, честь и прочие марципаны — всё это, брат, — литература и хуже литературы, — это так называемые навязчивые представления.

Б у к е е в. Чёрт знает что ты говоришь, — ерунду какую-то.

Ж а н. Нисколько... Есть даже книга такая, «О навязчивых представлениях», ученый психиатр написал. Ты, брат, прочитай. Это, знаешь, вроде сумасшествия.

Б у к е е в. Не едут.

Ж а н. Приедут. Неминуемо.

Б у к е е в. Замечал ты в глазах у нее тревожное такое?

Ж а н. Как же! Я всё замечаю.

Б у к е е в. Тревога и печаль... Я люблю печаль, это самое человеческое настроение.

Ж а н. Ну, знаешь, быки и собаки тоже иногда очень печально смотрят в небеса...

Б у к е е в. Перестань. Отчего она печальна?

Ж а н. С таким болваном, как ее супруг... Тсс! Он и еще кто-то.

Б у к е е в. Вера.

Ж а н. Вера? Гм... Уйдем!

Б у к е е в. Зачем это?

Ж а н. Иди сюда... Послушаем, что он говорит... Ну, скорее...

Б у к е е в. Глупо...

Ж а н. Напоить бы его до чёртиков, а? (*Скрываются в кустах.*)

(*Богомоллов и Верочка.*)

Б о г о м о л л о в. Нигде я не видал таких бездельников, как здесь, и сам никогда не чувствовал себя таким

бездельником. Здесь никого нет? Огопь, вино... Сядемте? А где же люди?

Верочка. Ваша жена с Ладыгиным и Ниной Аркадьевной катаются на лодке.

Богомоллов. Знаете — я впервые на юге, и мне кажется, что люди здесь, точно ленивые, сытые пчелы, висят в воздухе, тихо кружатся над каким-то невидимым цветком.

Верочка. Невидимый цветок? Как хорошо сказали вы это!

Богомоллов. И сам я тоже повис в воздухе над ним.

Верочка. Но — что же это? Какой цветок?

Богомоллов. Может быть — любовь или мечта о чем-то недостижимом.

Верочка. Как странно, что вы романтик!

Богомоллов. Почему странно? Все люди романтики. У меня есть приятель, он называет себя реальным политиком и убежден, что через 25 лет — в России будет нечто вроде земного рая. Это тоже романтизм.

Верочка. Вы так много работаете — целые дни!

Богомоллов. Я люблю работать, работа повышает уважение к себе самому, и — знаете: земля должна быть огранена трудом людей, как драгоценный камень. Я думаю, что те, кто говорит о муках творчества, — неправы, надо говорить о радостях творчества.

Верочка. Ольга Борисовна так же думает?

Богомоллов. Ольга? *(Помолчав.)* Она из тех людей, для которых то, что они поняли, становится неинтересным.

Верочка. А — вы...

Богомоллов. Что?

Верочка. Нет, я не то хотела спросить.

Богомоллов *(смеясь)*. Вы хотели спросить — поняла ли она меня?

Верочка *(смущенно)*. Я не имею права... так не спрашивают...

Богомоллов. Почему же? Обо всем можно и должно спрашивать... *(Очень сердечно и просто.)* По-

слушайте, — вы к ней относитесь несправедливо, и это потому, что вы немножко увлекаетесь мной, — правда?

(Верочка смущена, молчит.)

Б о г о м о л о в. Правда?

В е р о ч к а. Не знаю... может быть...

Б о г о м о л о в. Милая девушка, — мной нельзя увлекаться, я совершенно не гожусь для романа, — уверяю вас!

В е р о ч к а. Не говорите так... грубо...

Б о г о м о л о в. Это не грубо.

В е р о ч к а. Неловко так...

〈Б о г о м о л о в〉. Жена говорит про меня, что я хладнокровный болтун, — это верно, вы знаете? У меня в мозгу неустанно во все стороны двигаются какие-то колесики. *(Показывает руками.)* И так, и так, и эдак. Я люблю думать обо всех людях, о судьбе каждого, мне хочется для всех чего-то хорошего... каждому по желанию его и — больше желания. Вероятно, я мог бы изменить жене, если б это понадобилось для кого-то другого, — если б я почувствовал, что могу дать счастье человеку.

В е р о ч к а. Вы сами — счастливы?

Б о г о м о л о в. Да. *(Подумав, решительно кивает головой.)* Да. Я очень люблю всё — всю жизнь. И людей, конечно. Люди кажутся мне детьми, даже когда у них седые бороды. В сущности, все они удивительно интересны. Неинтересных людей нет.

В е р о ч к а *(негромко, грубовато)*. Вы знаете, что здесь вас считают каким-то блаженным?

Б о г о м о л о в. Это — везде! Везде. Вы посмотрите, как относятся ко мне рабочие: я, очевидно, кажусь им ребенком. «Сергеич, говорят они, ты не беспокойся, мы тебя не обидим, — всё будет хорошо!» Они положительно боятся обидеть меня. Это — трогательно.

В е р о ч к а. Я знаю людей, которые не боятся этого.

Б о г о м о л о в. О, конечно, есть и такие. Мы все очень небрежно относимся друг ко другу. Мы совершенно не умеем любоваться человеком, а — что на земле

значительнее его, прекраснее, что более сложно и загадочно, чем он?

Верочка. Боже мой, боже!

Богомоллов. Что с вами?

Верочка. Ничего... Не обращайтесь внимания. *(Вдруг с неожиданной силой, страстно.)* Послушайте, вы — я не понимаю вас... Я восхищаюсь вашими словами, но — мне жалко вас до тоски, до отчаяния. Как можете вы — такой ясный, добрый и мягкий, — как вы можете быть слепым? Вы говорите, что человеком надо любоваться, — вы не смаете не видеть, как унижают вас...

Богомоллов *(усм<ехаясь>)*. Меня? Кто?

Верочка. Все! Жан — издевается над вами, мой дядя — ах, господи! — он же хочет отбить у вас Ольгу Борисовну, — неужели вы не видите этого?

Богомоллов. Чудак!

Верочка. Ольга Борисовна, — я нехорошо делаю, говоря это, — но ведь все видят ее отношения с Ладыгиным.

Богомоллов *(ласково)*. Довольно, Верочка. Есть вещи, которые не надо видеть, — вы понимаете? То, чего вы не видите, — не существует. Нас мучает то, что мы слишком пристально рассматриваем.

Верочка. Но — поймите! — вы не смаете, не имеете права позволять, чтоб вас унижали.

Богомоллов. А если я не чувствую унижения...

Верочка. Тогда вы действительно...

Богомоллов. Дурак?

Верочка. О господи... нет, это невозможно... это — кошмар... *(Вскочила, быстро идет прочь.)*

Богомоллов *(пожим<ает> плечами, бормочет)*. Психологическая девушка... *(Пьет крюшон, морщится.)* Яд... азотная кислота какая-то... *(Вытирает рот платком.)* Да...

Жан *(из кустов, рожа сияет, едва удержив<ается> от смеха)*. Яков Сергеевич, дорогой... *(Смеется.)* ... с кем вы беседуете?

Богомоллов. Сейчас здесь Вера Павловна была.

Жан. Слышал ее голос...

Богомоллов. Философствует девица, знаете.

Ж а н (*смеясь*). Это она... философствует?

Б о г о м о л о в. И я тоже, конечно...

Ж а н. Ах вы... дорогой мой! Давайте глотнем за идеализм...

Б о г о м о л о в. Я уже глотнул и, кажется, сжег себе пищевод...

Ж а н. Ну, я один! Сейчас наши приедут, лодка уже у берега.

Б о г о м о л о в. На море, вероятно, сыро.

Ж а н. Даже реки обладают этим недостатком, не говоря о болотах.

Б о г о м о л о в (*смеется*). Остроумны вы...

Ж а н. А Ладыгин неутомим, демонстрируя дамам свои мускулы.

Б о г о м о л о в. Человеку свойственно хвастаться лучшим, что есть у него.

Ж а н. Bravo!

Б у к е е в (*медленно идет*). Жан, — ужинать надо здесь, распорядись.

Ж а н. Могу.

Б у к е е в (*садясь*). Жарко.

Б о г о м о л о в. Да? А по-моему — прохладно.

Б у к е е в. Нет, жарко. Я замечаю — вы не очень любите общество дам?

Б о г о м о л о в. Да их здесь только две.

Б у к е е в (*тяжело смотрит*). А вам сколько надо?..

Б о г о м о л о в (*смеясь*). Самое большее — одну.

Б у к е е в. Нет, серьезно, — вас не интересуют женщины?

Б о г о м о л о в. Я — женат, как видите...

Б у к е е в. Да. А я вот часто думаю: что такое женщина?

Б о г о м о л о в (*неохотно*). Поскольку можно исчерпать понятие словами... (*Сразу увлекается.*) ...это стержень нашей жизни, ось бытия, вокруг женщины вращаются все солнца и звезды нашей поэзии, всё лучшее наше — для нее, от нее — все племена и народы, для нее посеяны на земле все цветы, ее ради созданы искусства, и ради ее пребудет вовеки всё прекрасное. Она несет с собой невидимый цветок, над которым кружится весь мир, жаждущий счастья.

Букеев (*вздыхнув*). Хорошо вы говорите, великий вы краснобай... Вот бы мне немножко этого дара.

Богомоллов. Для женщин?

Букеев (*кив<нув> головой*). Конечно.

Богомоллов. Почему вы не женились?

Букеев (*мах<нув> рукой*). Пробовал. На третий год — развелся.

Богомоллов. Она ушла?

Букеев. Выгнал. Хотите выпить?

Богомоллов. Нет. Спасибо.

Букеев (*вор<чливо>*). Благочестивый вы человек: не пьете, не курите. И в карты, наверное, не играете?

Богомоллов. Не играю.

Букеев. Скушно?

Богомоллов. Нет, ничего, живу.

Букеев. А я вот пью, курю, играю и вообще — развлекаюсь всячески, но — скушно мне.

Богомоллов. Попробуйте работать.

Букеев. Непривычен.

Богомоллов. Положение безвыходное.

Букеев (*в упор смотрит на Богомоллова*). Посмотрим. Может, и нет еще.

(*Смех и голоса Ладыгина, Ольги, Нины.*)

Богомоллов. Приехали. (*Идет встречу.*)

(*Букеев, тяжело поднимая руку, показывает ему кулак. Стукачев и Дуняша накрывают на стол.*)

Букеев. Шампанское похолоднее.

Стукачев. Слушаю.

Букеев (*вставая*). Болван ты, Стукачев.

Стукачев. Почему же-с?

Букеев. Не твое дело.

Стукачев. Обидно-с, ежели без дела ругаете!

Букеев. Мне нужно кого-нибудь обругать...

Стукачев. Дуняшу бы, она моложе меня...

Букеев. Ну, молчи... (*Уходит.*)

Стукачев. Пьян.

Дуняша. За что это меня ругать надо?

Стукачев. А меня за что?

Дуняша. Вы дольше моего служите здесь.

Стукачев. Тс...

〈Жан и Ольга входят.〉

Дядя Жан. Ну, вы, живее! Марш отсюда... Устали, благодатная? Присядьте, прошу.

〈Стукачев и Дуняша уходят.〉

Ольга. Мне надо переодеться...

Жан. Минуточку! Позвольте сказать десяток слов от души...

Ольга *(разглядывая его)*. Да? Что такое?

Жан. Послушайте, божественная! Я — романтик.

Ольга. Серьезно?

Жан. Вполне! Я... мне тягостно видеть страдания людей, а если мучается близкий человек, — я совершенно впадаю в отчаяние... И вот, будучи душевно предан Никону, я умоляю вас: обратите на него внимание, приласкайте ребенка! Он страдает с Тамбова...

Ольга. Откуда?

Жан. С Тамбова, с первого дня знакомства с вами...

Ольга. Вы много выпили?..

Жан. Обыкновенно... Позвольте — вы, кажется, это иронически спросили?

Ольга. Нет, серьезно...

Жан. Несравненная, будьте великодушны...

Богомоллов *(входит)*. Вот она где.

Ольга. Ты меня искал?

Богомоллов. Я не видел, как ты сошла на берег.

Жан *(улыбляясь)*. Как богиня!

Ольга. Слышал — как?

Богомоллов. Устала?

Ольга. Нет. Ты что делал?

Богомоллов. Закончил схему водоносного горизонта, потом гулял с Верочкой, беседовал.

Жан *(смеется)*. Извините, — смешное вспомнил!

(Ладыгин, Нина; Жан идет встречу им.)

Ладыгин. Скоро ужинать? Я голоден.

Нина. Это у вас хроническое.

Ладыгин. Я человек здоровый...

(Подходит Букеев, угрюмый.)

О л ь г а. О чем же вы беседовали?

Б о г о м о л о в. Знаешь, — она милая девушка.

О л ь г а. Да?

Б о г о м о л о в. Очень. Только — она нетактична, на мой взгляд... Например, она сказала, что надо мной здесь немножко издеваются, считают меня чудачком...

О л ь г а. Вот как?

Б о г о м о л о в. Да.

Л а д ы г и н. Позвольте, — мой брат, офицер гвардии, дрался на дуэли трижды...

Б о г о м о л о в. Я ей советовал влюбиться в Ладыгина, а она сказала, что он очень ухаживает за тобой.

О л ь г а. Вы и обо мне беседуете?

Б о г о м о л о в. Она обо всем говорит довольно решительно.

О л ь г а. А ты, по обыкновению, очень откровенно, да?

Б о г о м о л о в. Ты сердисься?

О л ь г а. Полно, — какие у меня причины сердиться! Ну, а еще о ком сплетничала она?

Л а д ы г и н *(Ольге)*. Посмотрите, до чего Букеев мрачен сегодня. Это даже нелюбезно. Ах, извиняюсь, я помешал вам?

Б о г о м о л о в. Нет, ничего...

Л а д ы г и н. Сейчас будем ужинать. Букеев пробирал за что-то Верочку — гудел, гудел над ней! В сущности, он очень скучный человек... Вы знаете — Нина Аркадьевна думает, что я трус. Я — оскорблен. Спортсмен не может быть трусом. У меня брат, гвардейский офицер... *(Заметив, что его не слушают.)* Я, кажется, лишний?

О л ь г а. Вы уже спрашивали об этом.

Л а д ы г и н. Да? Забыл. А хорошо здесь! Море, холмы, за холмами степь. Нужно бы еще лес — это идеально... Ужасно утомляет ожидание.

Б о г о м о л о в. А вы чего ждете?

Л а д ы г и н. Ужина. Я часа два работал веслами...

(Букеев подходит.)

Б о г о м о л о в *(жене)*. Между прочим, я сказал ей, что здесь люди, точно пчелы, кружатся над каким-то цветком, невидимым для них.

О л ь г а. Ты умеешь сказать...

Л а д ы г и н. А что это за цветок?

Б у к е е в *(угрюмо)*. Я слышал краем уха вашу беседу; мне показалось, что вы объясняетесь Вере в любви...

(Богомоллов смеется.)

Б у к е е в. У вас странная манера говорить со всеми обо всем.

О л ь г а. Это выговор тебе, — ты понимаешь?

Б у к е е в. Что вы, Ольга Борисовна! Просто я так... сказал... Ведь в самом деле для Якова Сергеевича как будто нет запретных вопросов. Он... удивительный. Веру этот разговор расстроил, ну... вот я и говорю. Она ведь очень нервная...

Л а д ы г и н. Заставьте ее делать гимнастику, плавать, и — всё пройдет!

Ж а н. Господа! Посмотрите, как красиво рыбаки развели костер на берегу, и — посмотрите! Великолепие.

(Все нехотя идут.)

Ж а н *(ударив живаят Букеева)*. Ника, я перекинулся с ней парочкой слов насчет тебя. Конечно, она и так и эдак и — ничего особенного не сказала, но — поверь моему опыту! Терпение, дружище!

Б у к е е в *(уходя, махая рукой)*. Ты пьян, брат!

Ж а н *(пожимая плечами)*. Я двадцать лет пьян... Странно!

Н и н а. Куда они пошли?

Ж а н. На берег.

Н и н а. Опять? Я так устала. Почему Никон Васильевич не в духе?

(Вера осматривает стол, накрытый для ужина.)

Ж а н. Всё ваша сестра виновата.

Н и н а *(оглядываясь)*. Неужели он серьезно увлекается ею? Это было бы ужасно.

Ж а н. Да, не очень весело. А вот вы рискуете проворонить кусок.

Н и н а. Фу, как грубо! Что с вами?

Ж а н. Я, Нина Аркадьевна, — циник! Уверю вас. И я — огорчен! Чёрт бы взял водопроводчика и супругу его, — вот что я говорю! Если случится...

Н и н а *(тревожно)*. Вы думаете, это у него серьёзно, да?

Ж а н. Последняя женщина, — вот что я думаю! А вы...

Н и н а. Пожалуйста, оставьте меня в покое! Что за тон у вас?

Ж а н. Я сказал — я циник, и — кончено!

Н и н а. Но — как же Ладыгин?

Ж а н. Уж не знаю как. Это меня не интересует... Нисколько!

Н и н а. Так откройте ему глаза.

Ж а н. Не угодно ли вам взять на себя это приятное дельце?

Н и н а. И возьму!

Ж а н. И возьмите!

Н и н а. Жанчик, вы знаете, как я отношусь к вам, — вы не должны допускать...

Ж а н. Эх, что там! Если б моя воля, я завтра же подстроил бы ей такую пакость, что — слоны ахнут!

Н и н а. Я говорю вам — вы не должны.

Ж а н. Оставьте. Знаю я, что должен и чего не должен. Воспитывать человека чуть не 30 лет, а тут вдруг является герцогиня из Чухломы... и — пожалуйте!

В е р о ч к а *(глядя к морю)*. Дядя Жан, ужин готов.

Ж а н. Прекрасно. Идемте, позовем их.

*(Верочка садится на скамью за кустами. Идут
Ольга и Ладыгин.)*

Л а д ы г и н. Я не понимаю этого.

О л ь г а. Чего вы не понимаете?

Л а д ы г и н. Я вас люблю, я страстно желаю вас, а вы капризничаете.

О л ь г а (смеясь). Вы называете это — каприз, п только.

Л а д ы г и н. Ну да, а — как же? Уверяю вас, что я вообще очень нравлюсь женщинам, они — меня любят, а тут — вдруг...

О л ь г а. А вы умеете любить, да?

Л а д ы г и н. Господи,— какой странный вопрос! Я не мальчишка, не старик.

О л ь г а (смеется). Вы очень просто понимаете любовь, удивительно просто!

Л а д ы г и н. Я же не... этот, не... как это?

О л ь г а. Не — кто?

Л а д ы г и н. Ну, вы знаете! Я забыл слово... имя.

О л ь г а. Робинзон Крузо?

Л а д ы г и н. Нет,— при чем тут Робинзон Крузо, если дело идет о женщине? Другое.

О л ь г а. Вильгельм Телль?

Л а д ы г и н. Это — сказка. Ну — всё равно!

О л ь г а. Гамлет? Ловелас?

Л а д ы г и н. Я — честный человек, а Ловелас, кажется, был негодяй.

О л ь г а. Кто же?

Л а д ы г и н. Вы смеетесь надо мной — за что? Зато, что я вас искренно люблю. Поверьте, я люблю вас не как других любил,— честное слово.

О л ь г а. Бросьте это. Ваша любовь — на две недели скучных будних дней — не более. В вашей любви не будет праздника...

Л а д ы г и н. Ну, уж извините! Вы не можете знать...

О л ь г а. Вы — почти дитя, хотя и красивый мужчина. Вы очень — извините! — сильное животное, но мало человек, очень мало!

Л а д ы г и н. Человек — прежде всего — физика...

(Делает попытку обнять ее.)

О л ь г а. Ну, это грубо, и я больше не стану говорить с вами. (Почти с тоской.) Как скучно здесь! Хоть бы кто-нибудь пел, хотя бы немножко музыки... Все живут, точно во сне...

Л а д ы г и н. Вот — идут все эти! Ольга Борисов-

на, дайте мне возможность поговорить с вами после ужина... Умоляю вас!

О л ь г а. Я подумаю.

Л а д ы г и н. Умоляю.

О л ь г а. Тише!

Б у к е е в (*пристально смотр<ит> на Ольгу*). Хорошо сейчас один рыбак сказал: «Ежели, говорит, всё от ума делать, так это тоже глупость будет!» Вы согласны?

О л ь г а. Не знаю, право.

Л а д ы г и н. Я — совершенно согласен. Не люблю умных людей.

Б у к е е в. Вам не холодно?

О л ь г а. Немножко...

Л а д ы г и н. У меня дядя математикой занимается и всё о теории вероятностей говорит, — нестерпимо скучно.

Б у к е е в. Даме холодно — скажите, чтоб ей принесли плед или шаль.

О л ь г а. Платок у меня в комнате, Дуняша знает.

(Ладыгин, недовольный, уходит, насвистывая.)

Б у к е е в. Надоел он вам?

О л ь г а. Почему?

(Букеев молча целует ей руку.)

О л ь г а. Что это значит?

Б у к е е в. Так. Это не обижает вас, надеюсь.

О л ь г а. Нет. Но — удивляет.

Б у к е е в. Не удивляйтесь. У меня душа наполнена чувством благодарности к вам.

О л ь г а. За что?

Б у к е е в. За то, что вы есть, вот такая неотразимо властная, такая красавица, за то, что я имею счастье знать вас. *(Торопливо и тяжело бормочет.)* Благодарю вас...

(Ольга смотрит на него.)

Б у к е е в (*усмехаясь*). Там, на берегу, вы стояли, задумчивая такая, в сторонке от всех, и уж не знаю почему — но очень тронуло меня это.

О л ь г а. Что именно?

Б у к е е в. Да вот — что в стороне от людей... вы стоите.

О л ь г а. Вы ошибаетесь, если думаете, что я избегаю людей. Особенно я люблю веселых людей.

Б у к е е в. Жаль, что я не умею быть веселым!

О л ь г а. Что же вам мешает?

Б у к е е в. Да так... не знаю что...

О л ь г а. Вы богатый, независимый человек.

Б у к е е в. Независимых людей нет, я думаю.

О л ь г а. Вот как? Почему?

Б у к е е в. Ну... например: если чего-нибудь хочешь, так уж зависишь от предмета своих желаний.

О л ь г а. Желайте возможного.

Б у к е е в. Всё кажется возможным, а полное счастье недостижимо.

О л ь г а. Удовлетворитесь неполным.

Б у к е е в. Обидно. Человек жаден.

(Ладыгин несет шаль, за ним Жан.)

Ж а н. Давно пора ужинать.

Л а д ы г и н. Да! Пора. Извольте.

О л ь г а. Спасибо.

Ж а н. Но все разбрелись, а Яков Сергеевич на ступеньках террасы рассказывает Верочке, Нине Аркадьевне <о> каких-то чудесах науки, — не рассказ, а мед и перец! Удивительный муж у вас, Ольга Борисовна! Его даже камни могут слушать.

Л а д ы г и н. Был такой проповедник, который тоже... «Аминь, — ему грянули камни в ответ».

Ж а н. Это было в хрестоматии.

Л а д ы г и н. Не знаю, может быть. Позвольте, хрестоматия — это сборник стихов, книга?

Ж а н. То — книга, а то — остров в Тихом океане.

Л а д ы г и н. Никогда не слыхал. Будемте ужинать, а?

Б у к е е в. Жан — зови! *(Предлагает) Ольге руку.* Позвольте?

О л ь г а. Спасибо.

Л а д ы г и н. «Аминь! — ему грянули камни в ответ». Это очень хорошо сказано. А вообще я не люблю стихов,— ужасно трудно читать их! Запяты не на месте, и слова переставлены нелепо... А вам, Ольга Борисовна, нравятся стихи?

О л ь г а. Хорошие — да. (*Вздохнув*.) Как хочется музыки послушать!

Б у к е е в. Можно послать в город, там есть старичок один.

О л ь г а. Нет, не беспокойте старичка. Ваша племянница — не играет?

Б у к е е в. Верочка? Не знаю... Она у меня недавно живет, еще года нет...

О л ь г а. Сирота?

Б у к е е в. Да. Сестра моя умерла, Вера осталась с вотчимом, а он такой авантюрист, гуляка...

Л а д ы г и н. Вот авантюристов я люблю, интересные люди!

Ж а н. Прошу за стол!

(*Идут Нина, Верочка, Богомоллов.*)

Б о г о м о л л о в. Каждый из нас чувствует себя творцом или рабом некоей «истины», и каждый стремится укрепить ее в жизни,— вбить свой гвоздь в мозг ближнего. Это глубоко отвратительное стремление...

Б у к е е в. Ваш супруг неутомим.

Л а д ы г и н. Какая-то думающая машина.

О л ь г а (*оглядываясь на него*). Вы очень откровенны.

Б у к е е в. Н-да...

Л а д ы г и н. Виноват! Это я нечаянно сказал...

О л ь г а. Яков!

Б о г о м о л л о в. Да?

О л ь г а. Сядь рядом со мной.

Б о г о м о л л о в. Прекрасно!

Ж а н. Усаживайтесь, синьоры!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия. Пасмурный вечер. Сквозь стекла террасы видно, как под ветром качаются тополя. В углу налево Богомолов и Верочка играют в шахматы. За большим столом Ладыгин раскладывает насыпс. В фанаре на тахте полулежит Ольга с книгой.

Верочка. Так я возьму у вас коня.

Богомолов. А я — так!

Верочка. И так возьму.

Богомолов. Да? Гм... Что же мне делать?

Верочка. Вы сегодня играете очень рассеянно...

Ладыгин. Рассеянность — признак влюбленности.

(Ольга смотрит на него через книгу.)

Верочка. Шах королеве.

Богомолов. Уже? Что такое? Действительно, я играю, как теленок.

Ладыгин. Сравненьице не лестное, но...

Ольга. О чем вы гадаете?

Ладыгин. Конечно, о том, любит ли она меня.

Ольга. Она — купчиха?

Ладыгин. Почему?

Ольга. Мне так кажется.

Ладыгин. Вы сегодня злая. *(Смотрит на часы.)*

Ольга. Я не бываю доброй.

Верочка. Вы проиграли. Шах королю... Видите?

Богомолов. Вижу. Странно.

Ладыгин. Ужасно медленно тянется этот день...

Богомолов *(встал)*. Вот надпись для часов:

Мы временем владеть не можем,
Минуты счастья не уможим,
Но если день наполнен горем,
Работой ход часов ускорим.

Верочка. Это чье?

Богомоллов. Мое. Сам сочинил.

Ольга. Когда?

Богомоллов. Не помню.

Ольга. Я впервые слышу.

Верочка. Вы пишете стихи?

Богомоллов. Писал. И всё почему-то грустные.

Потом — стало стыдно — бросил.

Верочка. Чего же стыдно?

Богомоллов. Не умею сказать. Так как-то, знаете... взрослый человек, с бородой, гидротехник и вдруг — пишет стихи! Да еще лирические.

Ладыгин. Да, это — нелепо! Борода и стихи...

Верочка. Очень многие поэты носили бороды...

Ольга *(иронически)*. Да что вы?

Ладыгин. Вообще борода — нелепость... *(Мешает карты.)* Когда дяди Жана нет дома — здесь скучно, как в монастыре.

(Верочка, собрав шахматы, уходит на террасу.)

Ольга. Вы очень любезны.

Ладыгин. Я — откровенен. Не умею кривить душой.

Богомоллов *(Ольге)*. Он — прав. Здесь скучно. По-моему, источником скуки является владыка здешних мест, — в нем неиссякаемый запас эдакой каменной скуки.

Ольга. Ты сплетничаешь.

Богомоллов. Что это за книга?

Ольга *(смотрит на титул)*. Поль Адан.

Богомоллов *(целует руку ее)*. Пойду схожу на работы.

Ольга. Скоро вернешься?

Богомоллов. Скоро... Утром эти звери опять сломали бур... И кто-то украл ремни. *(Уходит.)*

Ладыгин (*оглянулся, не видит Верочку, прошел в фонарь, садится на тахту, обнимает Ольгу*).
Пойдем к тебе.

Ольга. Нельзя.

Ладыгин. Почему? Пойдем!

Ольга. Перестаньте! Я не хочу...

Ладыгин. Как ты меня мучаешь, это ужас, ты невероятно капризна. Ну, поцелуй меня крепко...

Ольга. Здесь не место.

Ладыгин. Тогда — пойдем к тебе.

Ольга. Я же сказала...

Ладыгин. Но, чёрт возьми... Вы издеваетесь надо мной, что ли?.. Я не могу так... Если я люблю, то — надо меня любить. Ты так ласкова с мужем, — это неприятно волнует меня.

Ольга. Неужели?

Ладыгин. Конечно! Надо, моя милая, ясно знать, на какую лошадь ставишь, как говорят англичане.

Ольга. Это они в подобных случаях так говорят?

(Верочка идет с террасы.)

Ольга (*усмехаясь*). Вы — удивительный! Не думала я, что существуют такие упрощенные люди.

Ладыгин (*обнимает ее*). Во всех случаях!

(Верочка, садясь у стола, двигает стул, открывает ящик.)

Ладыгин (*вскочил на ноги, выглянул и, смущенно улыбаясь, идет на террасу, говоря*). Ах, вы здесь?..

(Ольга встает, выходит в комнату, молча смотрит на Веру, та встала и тоже смотрит в лицо Ольге.

Немая сцена.)

Ольга. Вы хотите сказать мне что-то?

Верочка. Нет.

Ольга (*после паузы*). Но, может быть, скажете?

Верочка. Нет. (*Идет к двери налево.*)

Ольга. Желаете остаться немым судьей?

Верочка (*горячо*). Я ничего не желаю... я никого не хочу осуждать...

О л ь г а *(иронически)*. Благодарю вас!
В е р о ч к а. Но — разве это любовь?
О л ь г а. Ага, все-таки вы заговорили...

(Верочка быстро уходит.)

О л ь г а *(постояв несколько секунд, закрывает лицо руками, потом бормочет)*. Боже мой — что я делаю?.. Боже мой...

Ж а н *(входит)*. Вот мы и приехали! Вы одна здесь, божественная? *(Садится.)* Устал! Никон зол, точно голодный волк. Ветер. В городе пылица. Что с вами, богиня? А? Вы бледненькая и опрокинутая — что такое?

О л ь г а. Ничего. Нервы. Пойду отдохну.

Ж а н *(прот<ягивает> руку)*. Минуточку, минутку. Позвольте мне еще раз побеседовать с вами.

О л ь г а. Бесполезно.

Ж а н. Милости прошу, а не жертвы! Присядьте.

О л ь г а. Благодарю вас. *(Ходит.)*

Ж а н. Ольга Борисовна! Я — циник!

О л ь г а. Кажется, вы недавно называли себя романтиком?

Ж а н. Обмолвился. Нет, я — циник! Я смотрю на вещи просто: вы — красавица и заслуживаете божеских почестей. Вам необходимо вставить себя в раму, достойную вашей красоты. Жить с водолеем...

О л ь г а. Я прошу вас...

Ж а н. Нисколько не хочу обижать Якова Сергеевича. Но я вижу, что вы ему не нужны, — ему вообще ничего и никого не нужно. Это человек преждевременный, отвлеченнейший мечтатель, поэт и тому подобное. Да здравствует! Но — при чем здесь вы? Не понимаю!

О л ь г а. И что же дальше?

Ж а н. Дальше — Никон.

О л ь г а. Вы знаете, как называется ваша профессия?

Ж а н. Знаю — приживал, паразит.

О л ь г а. Нет, хуже.

Ж а н. Знаю — сводник.

О л ь г а. И — все-таки?

Ж а н. И все-таки! Я циник, но я по-своему люблю Никона и желаю ему счастья. Счастье — это вы. Всё — вам, всё — для вас. Жизнь — ну, жизнь пустяки, но — состояние — это уже не пустяки, а около шести миллионов! Ольга Борисовна, — дело стоит так: лично мне невыгодно, чтоб эта комбинация осуществилась, ибо я знаю, войдя в дом Никона, вы меня — фюить.

О л ь г а. Извините, но мне кажется, что вы или пьяны, или с ума сходите!

Ж а н. Да — почему? Речь идет о деле, и повторяю вам — невыгодном для меня. Но — в дружбе я — рыцарь, да-с, рыцарь, не менее того... Ольга Борисовна, пред вами — всё, сзади вас — одни словесные бубенчики и пустота!

О л ь г а. Не смейте говорить так.

Ж а н (*струхнул*). Не буду. Не стану. Фу... Ведь экая вы... женщина! Понять нельзя какая. Но — клянусь! — действительная женщина.

О л ь г а. Послушайте... это Букеев просил вас говорить со мной?

Ж а н. Ни-ни! Ничего похожего! Я — сам, за свой страх из чувства рыцарской дружбы, ей-богу! Знаю, что есть риск получить пощечину, но — иду на вы!

О л ь г а. Что вы за люди все? Вы, Букеев, Ладыгин? Не понимаю.

Ж а н. И не надо, не понимайте! Мы сами ни черта не понимаем, ей-богу. Живем вплоть до смерти, а для чего? Необъяснимо. (*Серьезно.*) Послушайте, Никон несчастный парень. Он только однажды искренно любил, но возлюбленная оказалась с премией, — у нее был туберкулез, и она умерла в Давосе. Он — хороший парень... А что касается Нины Аркадьевны, то это не более как шутка, знаете, от скуки... Ну, например, один купец московский, говорят, слоненка у себя в комнате держал... Ах, да что там! Ольга Борисовна, подумайте... Я ухожу, — топают на лестнице... Ольга Борисовна, — прошу вас! Это очень серьезно!

(*Входит с террасы Нина.*)

Н и н а. Какой прот<ивный> ветер! *(Огляд<ивает> их.)* Вы — ссорились?

Ж а н. Мы?

Н и н а. У вас такой взъерошенный вид.

Ж а н. Это — вдохновение посетило меня. Я рассказал Ольге Борисовне историю, дrrrr-аму, которую видел в синемаатографе.

(Ольга уходит к себе.)

Н и н а. В чем дело?

Ж а н. А что?

Н и н а. Отчего она такая?

Ж а н. Мамочка, я ей сейчас наговорил столько, что — знаете — удивительно, как она на ногах устояла! Разоблачил, так сказать! И о Ладыгине и — вообще! Говорю — лучше вы, сударыня, того — цюрюк, цюрюк! ¹ То есть — пожалуйте назад. Авантюристок, говорю...

Н и н а. Врете!

Ж а н. Я? Когда это?

Н и н а. Всегда! Вы меня надуть хотите, сударь!

Ж а н. Господи! Я — вас?

Н и н а. Смотрите, друг мой! Я вашу дипломатию понимаю...

Ж а н. Ах, как вы несправедливы ко мне!

Н и н а. Я насквозь вижу вас.

Ж а н. Гм!

Н и н а. Да, да! Вы из тех, кто всегда идет за победителем...

Ж а н. Таковы все люди...

Н и н а. Но — еще неизвестно, кто здесь победит...

(Верочка входит с ключами.)

Ж а н. *(Верочке <1 нрб.>).* Там покупки из города привезены, будьте любезны принять. Никон просит к ужину оленью ногу...

В е р о ч к а. Хорошо.

Н и н а. А где Никон Васильевич?

В е р о ч к а. У себя.

¹ назад *(нем. zurück).*

Ж а н *(уходя)*. Какой сегодня нервный день!

Н и н а. Верочка!

В е р о ч к а. Да?

Н и н а. Присядьте на минуту. Я хочу спросить вас — вы ничего не замечаете?

(Верочка молчит, играя ключами.)

Н и н а *(нак<лопаясь> к ней)*. Не правда ли, эта Ольга Борисовна охотится за Никоном Васильевичем?

В е р о ч к а *(удив<ленно>)*. Нет!

Н и н а *(взволнованно)*. Однако — это так. Вы — девушка, человек неопытный, вам непонятны наши женские хитрости.

В е р о ч к а. Да... я ничего не понимаю...

Н и н а. Но вы должны понять, что эта авантюристка угрожает вашим интересам...

В е р о ч к а. Мне? Моим интересам?

Н и н а. Да, конечно! Ведь если она вотрется в доверие Никону Васильевичу, заберет его в руки... тогда ваше будущее...

В е р о ч к а. Какое мне дело до этого?

Н и н а. Но — как же? Вы девушка, вам нужно выйти замуж, для этого необходимо приданое...

В е р о ч к а. Нина Аркадьевна, мне ничего не нужно. Мне нужно уйти отсюда... Вы говорите, кто-то за кем-то охотится. Здесь все охотятся друг за другом, а — жизни нет.

Н и н а. Вы, конечно, понимаете, что я говорю вполне бескорыстно...

В е р о ч к а. Только Яков Сергееч — один он...

Н и н а. Ах, он глуп.

В е р о ч к а. Нет, неправда! Он — слепой, потому что честный.

Н и н а. Поверьте мне, это — дурак и болтун.

В е р о ч к а *(возмущенно)*. Это прекрасный человек.

Н и н а. Вы увлекаетесь им, — да?

В е р о ч к а. Да!

Н и н а. О, боже мой! Но, милая моя, это смешно!

В е р о ч к а. Пусть будет смешно...

Букеев *(входит)*. Что — смешно?

(Верочка поспешно уходит.)

Букеев. Что такое? Чего она убежала?

(Жан на террасе прячется за дверь.)

Нина. Я с ней беседовала о Якове Сергиче.

Букеев. Да. Ну так что же?

Нина. Мне кажется, она увлекается немножко...

Букеев *(кивая на дверь Богомолова)*. Им?

Нина. Да.

Букеев. Гм... *(Задумался.)* А — он?

Нина. Что?

Букеев. Он тоже увлекается Верой?

Нина. Вам это интересно?

Букеев. Нет... но...

Нина. Но?

Букеев. Все-таки — племянница, родственница...

Нина. Это ли интересует вас?

Букеев. А что ж еще?

Нина. Может быть, нечто другое? Или — некто другой?

Букеев. Ну... кто — другой?

Жан *(с террасы, озабоченно)*. Вы не видели учебного, а?

Букеев. Нет.

Жан. В какую щель земли провалился он?

Нина *(подозрительно)*. Зачем вам его?

Жан. Там пришли с работ.

Нина. Вы где были сейчас?

Жан. Я? Везде! Ника, надо бы, дорогой мой, решить вопрос о плотине для пруда и о барражах в овраг, а? Наш водопроводчик очень беспокоится...

Нина. Вы будете говорить о делах?

Жан. Немножко!

Нина. Тогда я уйду...

Букеев. Чего же тут решать? Пусть строит.

Жан *(дождавшись ухода Нины)*. Вовремя я пришел?

Б у к е е в. Что?

Ж а н. Она, кажется, начинала кислый разговор?

Б у к е е в. Похоже. Скучная женщина. Да, так пускай строит... что ж...

Ж а н. Ничего не нужно строить, — к чему тебе вся эта канитель с водой, если ты решил продать имение? Ведь у тебя цель — удержать здесь его жену, и только для этого затеял ты орошение и всю... чепуху?

Б у к е е в. Ну, не совсем для этого. С водой за имение дороже дадут.

Ж а н. На кой тебе чёрт — деньги!

Б у к е е в. Денег мне не нужно, это верно.

Ж а н. Вот видишь! Уговаривайся с нею и махай за границу...

Б у к е е в (*расхаживая*). С ней так нельзя... нельзя, брат!

Ж а н. Отчего? Почему?

Б у к е е в. Ты не понимаешь. Я, брат, серьезно влюбился... кажется...

Ж а н. Когда ж ты влюблялся несерьезно?

Б у к е е в. Ты сам говорил, что последняя женщина, как сороковой медведь...

Ж а н. Мало ли что я говорю! А ты — не верь. Я, брат, не хуже водопроводчика могу говорить на все темы, потому что я человек вдохновенный и фантастический. Водопроводчик говорит, что жизнь есть непрерывное движение и все мы несчастны, потому что не чувствуем этого, а всё стараемся остановить движение, уцепившись за что-нибудь, укрепив себя...

Б у к е е в (*задумчиво*). Опоздал я укрепиться.

Ж а н (*не слушая его*). Это он верно говорит. Пускай всё движется, дело и мысли. Я не знаю, что сделаю завтра, но сегодня я хочу хорошо пожить...

(*Ладыгин и Богомолов с террасы.*)

Л а д ы г и н. Ну и ветер!

Ж а н. Стремление, движение...

Б о г о м о л о в (*с досадой*). Дядя Жан, когда же привезут бетонные трубы?

Ж а н. Едут трубы!

Богомолов. Послушайте,— это не годится! Мы тратим бесполезно такую массу времени и денег... **Никон Васильевич,** — вы бы распорядились поостроже.

Букеев (*кивая на Жану*). Это вот всё он...

Богомолов. За два месяца с лишком мы ничего не сделали... Если на днях не будет труб, я должен буду прекратить бурение...

Жан. Беспокойный вы человек, Яков Сергеевич!

Богомолов. Да вы поймите — скоро пойдет вода.

Жан. И прекрасно.

Богомолов. Вы шутите?

Букеев. Ты бы, Жан, того... в самом деле...

Ладыгин. Хорошо бы чаю выпить!

Жан. Сейчас распоряжусь...

Богомолов (*смеясь — Букееву*). Если смотреть со стороны, так вся эта затея — чужое дело для вас...

Букеев. Н-да... Чужое дело? Вот вы, батенька, обо всем думаете... и говорите... А вот — скажите мне: что значит — моя жизнь? То есть не моя, Букеева, жизнь, а вообще когда человек, — вы, например, — говорите: моя жизнь!

Богомолов. Позвольте — не понимаю.

Букеев (*слегка раздражаясь*). Ну — как не понять? Я говорю: моя жизнь, а — что в ней мое? Вот у меня имущество, о нем заботиться надо, а мне — лень. Или — племянница — о ней тоже надо заботиться, а я не умею... (*Раздраженно*.) Вообще — что в моей жизни — мое? Ничего нет, кроме забот!

Ладыгин (*смеется*). Курьез! Да вы раздайте имение нищим...

Букеев. Я говорю серьезно!

Ладыгин. И я тоже.

Букеев (*Богомолову*). Ну-с? Как же?

Богомолов. Вы сегодня дурно настроены. А вот когда эта огромная ваша земля будет орошена, когда везде вокруг насадят сады, парки, возникнет образцовый курорт, первый в России, и когда весной всё зацветет, заиграет на солнце, появятся в аллеях и около куртин цветов женщины, дети, — тогда вы скажете: это мною сделано...

Букеев. И — только? Ну-у... Это будет через двадцать пять лет. А я хочу сейчас чего-нибудь... для себя, для одного себя, вот этого, такого вот.

Ладыгин. Очень верно! Что вы скажете, философ?

Богомоллов. Ничего не скажу. Но — если вы серьезно говорите, — это несчастье.

Букеев. То-то вот и есть, что серьезно.

Богомоллов (*убежденно*). Тогда — вы несчастный человек. Для счастья необходимо чувствовать радость труда, творчества...

Букеев. Мужик трудится всю жизнь, а радости — не видать в нем.

Богомоллов. Потому что его труд изнурителен, подневолен и ничтожен по результатам. Он съедает всю свою работу, и это не дает ему возможности чувствовать себя исторической личностью, человеком, украшающим землю для радостей будущего.

Букеев. Радости будущего! Какое мне дело до них?

Ладыгин. Совершенно верно! Мы люди сегодняшнего дня, и — только!

Букеев (*упрямо встр<ахивает> головой*). Нет, батенька, ваша философия — не для всех. Вот бог — для всех. Но в бога мы не верим... то есть не то что не верим, а забываем о нем. И получается у нас не жизнь, а так себе что-то... И лучше не философствовать...

Ладыгин. Да. Это никого не приводит к добру. У меня был роман с курсисткой, она тоже занималась спортом, но — такая странная! — ужасно любила рассуждать.

Богомоллов (*смеясь*). Как вы рассказываете!

Ладыгин. Это — правда, уверяю вас! Бывало, в самые неподходящие моменты она вдруг спрашивает: «А почему ты меня любишь?» Я говорю ей: «Потому что ты женщина...»

Букеев. Да. Конечно. (*Усмех<ается>.*)

Ладыгин. Но ей этого мало: «Есть, говорит, много женщин и мужчин, но почему ты любишь меня, а я — тебя?» и так далее! Ужас! Я потерпел эту философию месяца три и написал ей: «Прощай, Ирочка!

В любви не философствуют, а кто занимается этим, тот — глуп!» Страшно обиделась!

Б о г о м о л о в (*хохочет*). Да — неужели?

Л а д ы г и н. Уверяю вас! Книжки ужасно портят их...

Б у к е е в (*усмехаясь*). Простой ты человек, Борис, очень я люблю тебя за это... В Харькове был жеребец — Гамилькар, кажется, — двести тысяч за него заплатили. Издох... Он, я думаю, был похож на тебя...

Л а д ы г и н. Ну, брат, — сравнил!

(*Богомоллов смеется.*)

Л а д ы г и н (*вдруг*). Я считаю ваш смех неуместным.

Б о г о м о л о в. Почему же?

Л а д ы г и н. Так. Мне он не нравится.

Б о г о м о л о в. Очень жаль, но иначе смеяться я не могу.

Л а д ы г и н. Я прошу вас не смеяться.

Б о г о м о л о в. Никогда?

Л а д ы г и н. Прошу...

Б у к е е в. Полно, Борис! Ты с ума сошел...

Л а д ы г и н. Нет, позволь...

О л ь г а (*являясь в двери комнаты*). Что за крик?

Б у к е е в. Спорят.

О л ь г а. Яков! Ты споришь?

Б о г о м о л о в. Нет.

О л ь г а (*Букееву*). Вы?

Б у к е е в. Вот он...

О л ь г а. С кем же?

Б о г о м о л о в. Сам с собой, очевидно.

О л ь г а. Не понимаю.

Л а д ы г и н. Видите ли, я...

О л ь г а. Да?

Л а д ы г и н. Я не допускаю, когда надо мной издеваются. (*Встает, уходит.*)

О л ь г а (*нахмылилась, удивленно*). Что такое?

Б о г о м о л о в. Никон Васильевич сравнил его с жеребцом.

Б у к е е в. Ну... не стоит говорить об этом. Я его сейчас успокою... Чудак тоже... (*Уходит.*)

О л ь г а. Что было здесь?

Б о г о м о л о в. Да — ничего! Я говорю: Букеев уподобил его жеребцу, это было так неожиданно, я засмеялся, а он рассердился на меня и заговорил со мной эдаким, знаешь, дуэльным тоном...

О л ь г а (*под^авляя* тревогу). И — только?

Б о г о м о л о в. И только!

О л ь г а. Он такой спокойный.

Б о г о м о л о в. Как бык.

О л ь г а (*после паузы*). Яков, мне нужно поговорить с тобой сегодня.

Б о г о м о л о в. Чудесно. Поговорим.

О л ь г а (*гляд^{ит}* его волосы). Ты свободен вечером?

Б о г о м о л о в. Да я весь день свободен. Здесь не работают. Вообще, здесь... странно! Я думаю, и ты тоже чувствуешь это. Тебе неудобно здесь?

О л ь г а. Нет, ничего. Хотя... я, может быть, уеду...

Б о г о м о л о в. Что стесняет тебя, скажи?

О л ь г а. А как ты думаешь?

Б о г о м о л о в. Букеев?

О л ь г а. Почему?

Б о г о м о л о в. Он смотрит на тебя, как жаждущий на источник свежей воды... Какой неуклюжий человек, какой ненужный! Богат, богатство — сила, а в его руках оно — ничто! Ничего не делает, ничего не любит. И даже, кажется, себя не умеет любить.

Д у н я ш а (*входит*). Пожалуйте к чаю...

О л ь г а. Мне не хочется идти туда...

Б о г о м о л о в. Попроси, чтоб тебе принесли.

О л ь г а. А ты идешь?

Б о г о м о л о в. Хочешь, — останусь с тобой...

О л ь г а. Дуняша, — принесите нам сюда.

Д у н я ш а. Слушаю...

Б о г о м о л о в. Вот и поговорим, — да? Давно я не беседовал с тобой...

О л ь г а. Да. Ты не очень ищешь этого.

Б о г о м о л о в. Здесь не хочется серьезно говорить, — честное слово. Это — шуточная жизнь, ее делает дядя Жан, шутник. (*Остановился.*) Знаешь, что нужно, Ольга? Нужно, чтоб люди поняли, как они

одинокими во вселенной, — только тогда их воля устремится к познанию друг друга и свяжет их единым чувством близости. Только сознавая трагизм бытия, глубоко чувствуя его тайны, мы все обернемся друг ко другу, ибо тогда нам станет понятно, что для человека нет и не может быть ничего ближе и дороже человека. Человек делает бессмертными мертвые вещи, может быть, он со временем...

О л ь г а. Господи! Как ты прав, когда сказал, что здесь, в этом доме, не место серьезной мысли.

Б о г о м о л о в. Мы поставлены в мире так оскорбительно, так иронично, что нам надо отвернуться от этой иронии.

О л ь г а. Кто понимает ее?

(Дуняша вносит поднос с чаем.)

О л ь г а. Люди — неразумны.

Б о г о м о л о в. О, это неправда!

О л ь г а. Ты слеп, люди — неразумны.

Б о г о м о л о в. Это так кажется, потому что разум каждого обращен на самого себя и мелкое, а не — в мир и на великое его...

О л ь г а. Во мне живет неразумная сила. Я хочу бунтовать. Мне трудно. Мне всегда чего-то не хватает. Я не могу, не умею жить...

Б о г о м о л о в. Странно ты говоришь, Ольга, это ново для меня.

О л ь г а. Разве ты меня знаешь? Ты — тоже непонятен мне. Ты вызываешь у меня желание спорить с тобой, не соглашаться. Я хочу стащить тебя на землю, чтоб ты был ближе ко мне... Ах, я не знаю, чего хочу!

Б о г о м о л о в *(смотрит на нее)*. Может быть, ты...

О л ь г а. Влюбилась, да? Это ты хотел спросить, да? Нет, я не влюблена, но... слушай, Яков, я изменила тебе.

Б о г о м о л о в. Нет. Не верю...

О л ь г а. Да.

Б о г о м о л о в. Здесь?

О л ь г а. Это всё равно...

Б о г о м о л о в. Наверное — не здесь...

О л ь г а. Почему?

Б о г о м о л о в. Ну — с кем же здесь? (*Ходит, опускает голову.*)

О л ь г а. Что ты молчишь?

(*Богомоллов взглянул на нее молча.*)

О л ь г а. Говори же...

Б о г о м о л о в (*тихо*). Что же я скажу тебе, друг мой, что? Я не знаю, что сказать.

О л ь г а. Разве тебе не больно?

Б о г о м о л о в (*пож[<]имая* плечами). Ты хочешь, чтоб я кричал? (*Трет лоб.*) Как, должно быть, это неудобно и противно — отдаваться двоим... наверное, один из них возбуждает брезгливость...

О л ь г а (*почти кричит*). Что ты говоришь?

Б о г о м о л о в. Тебе неприятно? Извини... с тобой я привык говорить обо всем, что думаю. И вот, неожиданно, я вспомнил жалобы проституток.

О л ь г а (*вскочив*). Противный головастик, у тебя нет души, у тебя только мозг, бессердечное насекомое...

Б о г о м о л о в. Что ты? Друг мой, — что ты...

О л ь г а. Уйди прочь!

Б о г о м о л о в. Неужели ты думаешь, что я хотел оскорбить тебя? Пойми, что это невозможно. Я столько пережил с тобой хорошего, я так благодарен тебе за это, и — ведь я тебя люблю! За что ты сердишься? (*С улыбкой.*) Это я должен сердиться, — ведь ты изменила мне, если это не выдумка!

О л ь г а. Нет! Это правда! (*В отчаянии.*) Боже мой, я ничего не понимаю!

Б о г о м о л о в. Ну, хорошо, это правда, ты изменила мне, коварная женщина.

О л ь г а. Как ты можешь шутить, как ты смеешь?

Б о г о м о л о в. Успокойся, Ольга, не кричи... В чем дело?

О л ь г а. Но — разве это не оскорбляет тебя?

Б о г о м о л о в. Не будем говорить обо мне... (*Под[<]ошел*, полож[<]ил руку на плечо ей.) Ольга, — ведь это не серьезно, да? Ведь если б ты полюбила кого-то... ты вела бы себя иначе? не так ли? Забудем же об этом, Ольга, если это ошибка...

О л ь г а. А если это моя месть тебе?

Б о г о м о л о в. За что?

О л ь г а. За то, что ты далеко от меня...

Б о г о м о л о в. И ты решила уйти еще дальше? Нет, — я думаю — это не так. Я ведь знаю — ты меня любишь, я это чувствую.

О л ь г а. Как трудно с тобой! Ты точно издеваешься.

Б о г о м о л о в. Ольга, я понимаю, что быть красивой женщиной — это иногда большое несчастье. Она — сокровище, отовсюду к ней тянутся завистливые, жадные и часто грязные руки, все хотят обладать ею... я понимаю, как легко потерять себя в этой ядовитой атмосфере вождельний.

О л ь г а (*в тоске*). Кто говорит со мной? Человек, имеющий право любить меня, умная книга или какая-то непонятная мне идея? Я с ума сойду!

Б о г о м о л о в. Послушай же, дитя мое! Ведь я не виню тебя ни в чем...

О л ь г а. Обвини! Оскорби!

Б о г о м о л о в. Не будем говорить глупостей... Ты ошибаешься, думая, что я не страдаю. Нет, по-своему — я оскорблен, — не тобой, а — пошлостью события, прости меня — случилось пошлое. Это не страшно, но мучительно, именно потому, что пошло...

О л ь г а. О, боже мой...

Б о г о м о л о в. Ты знаешь — я люблю любить, люблю самое чувство любви и умею любоваться им, — ты это знаешь. Помнишь?

О л ь г а. Да. Это было...

Б о г о м о л о в. Это всегда со мной. На всю жизнь женщина — ты — останешься для меня владычицей мира, существом, от которого все племена и народы, силой, побеждающей смерть и уничтожение. Тебя ради возникло на земле всё прекрасное, от тебя вся поэзия жизни, всё для тебя — преступления и подвиги, — всё! Любовью к тебе насыщена жизнь, и пусть теперь формы любви несовершенны, грубы, но — настанет время, когда это лучшее чувство наше насытится религиозным сознанием и мы будем любить, обожая друг друга...

О л ь г а (*сквозь зубы*). Проклятый сказочник...

Б о г о м о л о в. Если на земле возможно счастье, оно настанет тогда, когда мы пойдем величие женщины.

О л ь г а. Живет в тебе какой-то тихий дьявол... Я не знаю — можно верить твоим словам?

Б о г о м о л о в. Надо верить, Ольга! Из всех иллюзий жизни вера самая лучшая.

О л ь г а. Всегда, за всем, что ты говоришь, я чувствую глубоко скрытую иронию. Во что ты веришь?

Б о г о м о л о в. В тебя. Верь и ты в свое назначение — одарять мир любовью, лаской, счастьем... Что есть лучше этого? Что?

О л ь г а. Я не знаю.

Б о г о м о л о в. Мы все очень бедные люди, друг мой, и нам необходимо делиться друг с другом всем, что мы имеем... (*Обнимает ее.*) Ну, ты успокоилась немножко?

О л ь г а. Да. Ты заговорил меня... Ты точно с ребенком говоришь со мной.

Б о г о м о л о в. Я тебя люблю...

О л ь г а. Я чувствую, что тебе жалко меня... О господи! Где же любовь?

Б о г о м о л о в. Перестань!

О л ь г а. Почему, почему ты не спросишь, зачем я сделала это?

Б о г о м о л о в. Если хочешь — скажи.

О л ь г а. А тебе — безразлично?

Б о г о м о л о в. Не могу же я просить тебя — покайся!

О л ь г а. Если б ты любил...

Б о г о м о л о в. Ну, хорошо, — я сам стану рассказывать о тебе. Ты хотела попробовать, не разбудит ли любовник страсть мужа, да?

О л ь г а. Если бы так?

Б о г о м о л о в. Ну, — тогда это поступок отчаяния, который вызван моей небрежностью к тебе.

О л ь г а. Знаешь — ты... тебя все считают наивным человеком...

Б о г о м о л о в. Проще говоря — дураком. Милая,

давай прекратим это... Ведь ты не Верочка, которая так любит психологические разговоры...

О л ь г а. И с которой ты кокетничаешь... Она тебе нравится?

Б о г о м о л о в. Мне все люди интересны, но я люблю только одного человека — тебя. Может быть, я непонятно люблю, но — лучше не умею... Вот я с наслаждением смотрю, как ты внутренне растешь, и не хочу мешать росту самого прекрасного на земле, что я знаю. Мы помирились?

(Ольга молча смотрит на него.)

Б о г о м о л о в. Да?

О л ь г а *(обнимая)*. Ты умеешь успокоить душу... да, ты умеешь это... Но — твоя любовь? Нет, я не чувствую ее... не чувствую!

Б о г о м о л о в. Что же мне делать? Побить тебя, как бьют мужики баб... хочешь? *(Крепко обнимает ее.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната. Поздний вечер. В фонаре горит лампа, над столом — люстра. Верочка в углу за столом пишет. Нина в кресле, Ладыгин ходит, хмурый.

Нина. Я вхожу, а у них нежная сцена. Ах, извините!

Ладыгин. Целов<аться> в проходной комнате, это — пошлость!

Нина. Он нисколько не смутился, представьте!

Ладыгин. Дурак... А она?

Нина. Что?

Ладыгин. Она — смутилась?

Нина. У нее было счастливое лицо.

Ладыгин. Не понимаю.

Нина. Чего же не понимать? Когда женщину ласкает любимый человек, она счастлива.

Ладыгин. Гм. Предоставьте мне судить об этом...

Нина. То есть? Что вы хотите сказать?

Ладыгин. Ничего.

Нина (*Верочке*). Ах, Веруня, я забыла, что вы здесь... Вы так тихо скрипите, точно мышка. Вам неприятен этот разговор?

Верочка. Почему? Мне безразлично.

Нина. Вы ведь немножко увлекаетесь Богомолывым.

Верочка. Вы уверены в этом?

Нина. Ах, деточка, это так заметно.

Ладыгин. Я, например, ничего не замечал.

Н и н а. То — вы, а то мы, женщины. Мы искреннее мужчин и всегда сразу выдаем себя...

(Ладыгин вынул револьвер из кармана, играет им.)

Н и н а. Ай, что это у вас! Спрячьте, спрячьте, — видеть не могу...

Л а д ы г и н. В нем один патрон...

Н и н а. Всё равно! Я вас прошу...

Л а д ы г и н. Извольте! Но это очень смешно...

Н и н а. Пускай будет смешно! Я не вы<но>шу этих глупых вещей. Вот так на моих глазах один кадет, дальний родственник мой, играл револьвером да в ладонь себе — бац!

Л а д ы г и н. В ладонь? Это надо уметь!

Н и н а. В ладонь левой руки! У него потом пальцы не сгибались от этого... Вы знаете, Борис, сегодня утром я имела курьезную беседу с Богомоловым. Я сказала ему, что он очень интересный и я скоро, кажется, влюблюсь в него.

Л а д ы г и н. Есть во что!

Н и н а. Вы слушайте! Он почти испугался, во всяком случае был очень смущен и вдруг говорит м<не>, что совершенно не способен на роль любовника.

Л а д ы г и н *(усм<ехаясь>)*. Так и сказал?

Н и н а. Ну да.

Л а д ы г и н. Вот болван.

Н и н а. И вслед за тем начал хвалить вас.

Л а д ы г и н. Меня? Он?

Н и н а. И как еще! Вы и простой, несложный человек, у вас честное лицо...

Л а д ы г и н *(хохочет)*. Нет — серьезно? Честное лицо — а?

Н и н а. Как странно вы смеетесь!

Л а д ы г и н. Нет... знаете... это — трюк! Я — несложный... чёрт его возьми!

Ж а н *(выход<ит>)*. Как приятно — здесь смеются! Вера Павловна, — вас просит Никон.

<Верочка уходит.>

Ж а н. Вы знаете — сегодня у нас будет музыка, приедет из города этот... ну, известный, как его?

Н и н а. Затея Ольги Борисовны, конечно?

Ж а н. Не могу знать...

Н и н а. Ну, вы-то знаете...

Л а д ы г и н. Дядя Жан,— я сегодня стрелял по бутылкам на пятьдесят шагов и попал из семнадцати тринадцать раз.

Ж а н. Поздравляю. Хоть в цирк! *(Садится.)*

(Дуняша входит, что-то говорит Нине.)

Н и н а. Хорошо, идите, я сейчас. Господа, Никон Васильевич просит валериановых капель.

Л а д ы г и н *(хохочет)*. Он?

Ж а н. Вероятно, для Веры.

Н и н а *(уходя)*. Ну, конечно, для нее.

Ж а н. Н-да-а. Начинаем плакать.

Л а д ы г и н. Глупости. Надо переменить мысли, как говорят французы.

Ж а н. Это водопроводчик вызывает слезы.

Л а д ы г и н. Удивляюсь, как его терпит Букеев.

Ж а н. На то есть своя причина.

Л а д ы г и н. Ольга?

Ж а н. Что это вы так фамильярно?

Л а д ы г и н. Мое дело.

Ж а н. Неужели можно поздравить, а?

(Ладыгин молча усмехается.)

Ж а н. Вот как. Значит, иногда и спорт полезен.

Л а д ы г и н. Спорт, батенька, всегда полезен, этим вы не шутите.

(Никон входит хмурый, молча оглядывается.)

Ж а н. Кого ищешь?

Б у к е е в. Никого не ищу. *(Кивая на дверь Бого-молова.)* Он дома?

Ж а н. Гулять ушел.

Л а д ы г и н. С женой?

Ж а н. Да. В саду сидят, вероятно.

(Ладыгин идет на террасу, смотрит в сад.)

Б у к е е в *(глядя вслед Ладыгину)*. Вера первничает.

Ж а н. Что с ней?

Б у к е е в. Замуж пора.

Ж а н. Нина Аркадьевна говорит...

Б у к е е в. Знаю, что она говорит... Я, брат, тоже, кажется, уеду куда-нибудь...

Ж а н. А как же Ольга Борисовна?

Б у к е е в. Так же. С ней ничего не выйдет.

Ж а н. Да ты сначала попробуй. Вот Ладыгин — он не дремлет! Сейчас похвастался мне успехом у нее...
<Не закончено.>

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Андреева, 1961* — «М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы». Изд. 2. М., «Искусство», 1961.
- Андреева* — то же. Изд. 3, 1968.
- Архив Г₁-хш* — Архив А. М. Горького, т. I. История русской литературы. М., Гослитиздат, 1939; т. II. Пьесы и сценарии. 1941; т. III. Повести, воспоминания, публицистика. Статьи о литературе, 1951; т. IV. Письма к К. П. Пятницкому, 1954; т. V. Письма к Е. П. Пешковой, 1955; т. VI. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке, 1957; т. VII. Письма к писателям и И. П. Ладыжникову, 1959; т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., Изд-во АН СССР, 1960; т. IX. Письма к Е. П. Пешковой. М., Гослитиздат, 1966; т. X. М. Горький и советская печать. М., «Наука», кн. 1, 1964; кн. 2, 1965; т. XI. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым, 1966; т. XII. Художественные произведения. Статьи. Заметки, 1969; т. XIII. М. Горький и сын. Письма. Воспоминания, 1971.
- Бялик* — Б. Бялик. М. Горький — драматург. М., «Советский писатель», 1962.
- Воровский* — В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956.
- ВС* — М. Горький в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1955.
- Г, Материалы* — М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., Изд-во АН СССР, 1934; т. IV, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.
- Г и революция 1905 г.* — М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Г-30* — М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., Гослитиздат, 1949—1953.
- Г Чтения*, 1961—1964 — Горьковские чтения, 1958—1959. М., Изд-во АН СССР, 1961; Горьковские чтения, 1961—1963. М., 1964.
- К* — М. Горький. Собрание сочинений, тт. 1—21. Berlin, Verlag «Kniga», 1923—1928.
- Коцюбинский* — М. М. Коцюбинский. Собрание сочинений в 4 томах. М., Гослитиздат, 1965.

- ЛБГ* — Личная библиотека М. Горького.
- ЛЖТ_{1-IV}* — Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. I — IV. М., Изд-во АН СССР, 1958—1960.
- Лит Насл* — Горький и советские писатели. «Литературное наследство», т. 70. М., Изд-во АН СССР, 1963; М. Горький и Л. Андреев. «Литературное наследство», т. 72, 1965.
- Луначарский* — А. В. Луначарский. Собрание сочинений в 8 томах. М., ГИХЛ, 1963—1967.
- Сб Зн* — «Сборник товарищества „Знание“».
- Станиславский* — К. С. Станиславский. Собрание сочинений в 8 томах. М., «Искусство», 1954—1958.
- Федин* — Конст. Федин. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., «Советский писатель», 1968.

В тринадцатый том настоящего издания вошли пьесы и драматические наброски, написанные Горьким в период с 1907 по 1917 г. Пьесу «Фальшивая монета» автор датировал 1913 годом (окончательный вариант относится к 1926 г.). Пьесы «Последние», «Встреча», «Чудаки», «Васса Железнова (Мать)», «Зыковы», «Старик» выходили отдельными выпусками в издании *Л*, а «Фальшивая монета» — в издании *К*. Все они включались автором в собрание сочинений *К*.

Остальные произведения, вошедшие в настоящий том, при жизни автора не издавались.

Тексты тринадцатого тома подготовили и примечания к ним составили: *А. М. Крюкова* («Праздник и ярмарка в заводском поселке»), («Сцена для импровизации»), («Яков Богомолов»), *В. А. Максимова* («Последние»), *Ф. Н. Пицгель* («Васса Железнова»), *И. А. Ревякина* («Встреча», «Старик», («Петр Васильевич»), («Василий Буслаев»), *М. А. Семашкина* («Фальшивая монета»), *А. А. Тарасова* («Чудаки»), *Ю. И. Шведова* («Зыковы»).

Тексты рассмотрены и утверждены Текстологической комиссией под председательством *В. С. Нечаевой*.

Принципы распределения произведений в томах изложены в предисловии к изданию (см.: т. I, стр. 5—10).

В научном редактировании тома принимал участие *Н. Н. Жегалов*; в технической и организационной работе, связанной с подготовкой тома к печати, участвовала *И. И. Соколова*.

ПЬЕСЫ

ПОСЛЕДНИЕ

(Стр. 5)

Впервые напечатано отдельной книгой: М а к с и м Г о р ь к и й. Последние. Пьеса в четырех действиях. Berlin, Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren I. Ladyschnikow, 1908, и одновременно в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1908 год», книга двадцать вторая. СПб., 1908, стр. 1—99.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Машинопись пьесы — AM_1 , озаглавленная «Отец», — со значительной авторской правкой (ХПГ-42-19-1).

2. Машинопись — AM_2 — под заглавием «Последние», послужившая оригиналом набора для Л (ХПГ-42-19-2).

3. Текст из ХХII *Сб Зн* с цензорскими вычерками и штампом: «К представлению признано неудобным. С.-Петербург, 10 июня 1908 г.» (ХПГ-42-19-3).

4. Текст из ХХII *Сб Зн* без авторской правки, послуживший оригиналом набора для К (ХПГ-42-19-4).

5. Текст из т. X $Гр_2$ с авторской правкой (ХПГ-46-22-1).

Печатается по т. X $Гр_2$ со следующими исправлениями:

Стр. 14, строка 16: «мы ему простили» вместо «ему простили» (по всем другим источникам).

Стр. 16, строка 3: «прищуриваясь» вместо «прислушиваясь» (тоже).

Стр. 19, строка 11: «всё время ходит» вместо «она всё время ходит» (по AM_1 и Л).

Стр. 22, строка 15: «пока он остынет» вместо «пока не остынет» (по всем другим источникам).

Стр. 23, строка 7: «Садитесь за стол!» вместо «Садись за стол!» (тоже).

Стр. 23, строка 28: «грубости» вместо «грубостей» (тоже).

Стр. 27, строка 3: «девочка» вместо «девчонка» (тоже).

Стр. 28, строка 30: «Л ю б о в ь. А ты находишь удобным...» вместо «П е т р. А ты находишь удобным...» (по $AM_{1,2}$ и Л).

Стр. 34, строка 18: «Они там бояться» вместо «Они бояться» (по всем другим источникам).

Стр. 44, строка 29: «Это мне не интересно» вместо «Это мне интересно» (тоже).

Стр. 45, строка 29: «сконфужен» вместо «сконфуженно» (по $AM_{1,2}$, Л, *Сб Зн*₂₂, К).

Стр. 49, строки 33—34: «услышат Петр и Вера» вместо «услышит Петр или Вера» (по Л).

Стр. 69, строка 9: «что ты погубил» вместо «что погубил» (по всем другим источникам).

Стр. 69, строка 36: «Л ю б о в ь. Хорошо, но отцу — вредно...» вместо «Л ю б о в ь» (незаконченная авторская правка в Гр₂; см. контекст).

Стр. 74, строка 8: «подозрительно» вместо «презрительно» (по АМ_{1,2} п. Л).

К работе над пьесой, первоначально называвшейся «Отец», Горький приступил, по-видимому, летом 1907 г. 28—29 августа (10—11 сентября) 1907 г. М. Ф. Андреева сообщила И. П. Ладыжникову: «Алексей Максимович кончает драму, уже написано три акта, и дописывает четвертый. На днях напечатаю ее и пришлю Вам <...> Пьесы я еще не читала, про первый акт он сам говорил, что, кажется, ему удалось» (Андреева, стр. 154). В конце августа (начале сентября) Горький сообщил сыну Максиму: «Написал пьесу для театра „Отец“...» (Архив ГХИИ, стр. 37). 2 (15) или 3 (16) сентября 1907 г. он, посылая пьесу Ладыжникову, писал:

«Вот Вам пьеса, не знаю, удалась ли она мне? Личное мое впечатление — неопределенно.

Зная условия немецкой сцены, Вы, я думаю, сразу можете определить, поставят ли ее в Берлине. В России она, конечно, не пойдет, а потому и печатать ее там — нет смысла, значит — пожалуй, ее не стоит и Вам издавать, если ее не примут в театр?

Мне хотелось бы все-таки, чтобы Вы представили ее Рейнгардту или другому директору уже в переводе, как рукопись, ничего не говоря заранее о содержании и теме ее, — можно так?» (Архив ГХИИ, стр. 165).

Не получив ответа от Ладыжникова, Горький в письме от 20 или 21 сентября (3 или 4 октября) вновь спрашивал: «...как думаете о пьесе?» (Архив ГХИИ, стр. 166). Ответа снова не последовало. В письме к Ладыжникову от 29 сентября (12 октября), выражая удивление по этому поводу, М. Ф. Андреева подчеркивала: «А. М., посылая пьесу, был очень и очень неуверен, что она будет пригодна для постановки в Берлине, и известие о том, что это так и есть, его не удивило бы...» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-2-1-25). Ответ Ладыжникова (письмо его не сохранилось) был неблагоприятным, о чем свидетельствует письмо Горького, написанное не позднее 6 (19) октября: «Неудача с „Отцом“, — отвечал Горький, — меня не огорчает, ибо — сам знаю — попытка неважная. Оставьте эту вещь под спудом, но едва ли я когда-либо возвращусь к ней. Исправлять ошибки — занятие вредное...» (Архив ГХИИ, стр. 166).

Однако вскоре Горький вернулся к пьесе. 6 или 7 (19 или 20) ноября 1907 г. он сообщил К. П. Пятницкому из Флоренции: «„Отца“ я исправлю и пришлю, вероятно, из Рима» (Г-30, т. 29, стр. 32). В конце ноября (начале декабря) 1907 г. писатель приехал в Рим, где прожил до конца года. Здесь он возобновил и, видимо, закончил работу над пьесой.

В процессе доработки автор дал пьесе новое название —

«Последние» и сделал много сокращений; в частности, исключил некоторые детали, связанные со «злостью дня» (слова Леща об отношении правительства к Думе, его рассуждения о кадетях и т. п.). Были внесены изменения в образы Софьи и Любови. Введен новый персонаж — нянька Федосья. Существенно изменен финал¹.

Возвратившись 23 декабря 1907 г. (5 января 1908 г.) на Капри, Горький уведомил Пятницкого: «На днях пришлю пьесу в переделанном виде...» (*Архив ГГВ*, стр. 223). 6 (19) января он писал Пятницкому: «Дорогой друг — посылаю рукопись, печатайте ее, когда хотите...» (там же, стр. 224). Видимо, одновременно новый текст пьесы был отослан Ладыжникову, так как уже в конце марта 1908 г. она вышла отдельной книгой в издании *Л* (*ЛЖТII*, стр. 28).

XXII *Сб Зн* с пьесой «Последние» вышел в свет 8 (21) мая 1908 г. (*ЛЖТII*, стр. 37).

В этой публикации пьесы царским цензором вычеркнуто следующее место (см. в наст. томе стр. 40, строки 16—21):

«С о к о л о в а. Он, конечно, революционер, как все честные люди в России...

С о ф ь я (*повторяет, ударяя на слове «честные»*). Как все честные люди?

С о к о л о в а. Да. Вам это кажется неправдой?

С о ф ь я (*не сразу*). Я не знаю.»

С восстановлением этих строк пьеса «Последние» печаталась по тексту XXII *Сб Зн* во всех последующих собраниях сочинений Горького.

После 1933 г. автор подверг пьесу правке, воспользовавшись для этого печатным текстом т. X *Гр₂*. Он внес уточнения в характеристику Ивана Коломийцева, расширил высказывания Федосьи, подчеркивающие ее роль свидетельницы всех преступлений «последних», несколько «снизил» образы Якова, Софьи, Любови² (см. варианты).

Большая часть буржуазной прессы встретила новую пьесу Горького враждебно.

Для рецензента газеты «Россия» пьеса «Последние» была явлением «красной юродствующей и хулиганствующей литературы» («Россия», 1908, № 763, 21 мая). Василий Сп-ло-вич (В. С. Кривенко), рецензент «Нового времени», заявлял, что в пьесе «нет жизни {...} а видны лишь одни потуги над оплевываньем полицейских чинов...» («Новое время», 1908, № 11599, 28 июня).

Ю. И. Айхенвальд выражал лицемерное «сожаление», что пьеса «Последние» «не может опровергнуть известной статьи Д. В. Философова „Конец Горького“». Айхенвальду особенно не понравилось то, что Горький в пьесе соединяет «психологию»

¹ О творческой истории пьесы см.: *Бялик*, стр. 237—244.

² См.: Б. В. М и х а й л о в с к и й. Пьеса «Последние». — *Г и революция 1905 г.*, стр. 211—235.

ческое» «с моментами много порядка — с политикой, с отзвуками русской революции — бомбами, покушениями, убийствами» («Русская мысль», 1908, № 6, отд. II, стр. 119).

Об «пстощении» художественного дарования Горького писал в связи с появлением «Последних» (а также «Варваров» и «Врагов») Эллс (Л. Л. Кобылинский) на страницах символистского журнала «Весы». Исходя из убеждения, что истинный художник всегда избирает «путь строжайшего индивидуализма» и однако «презирает» как буржуазию, так и демократию, теоретик символизма обрушился на Горького за то, что он «подменил» задачи эстетические задачами, лежащими «вне сферы искусства». Рецензент заявлял, что Горький — как и Лев Толстой в «Воскресении» — «изменил» искусству («Весы», 1908, № 7, стр. 55—57).

Некоторые буржуазные газеты и журналы старались придать своим отзывам видимость объективности. Драма Горького, считал рецензент кадетской газеты «Речь», «так слаба, что о ней не хотелось бы говорить из уважения к прошлому автора» («Речь», 1908, № 145, 19 июня). Из всего, написанного Горьким «в драматургической форме», пьеса «Последние» является «особенно слабым» произведением, — утверждал А. А. Измайлов, — «только по некоторым афоризмам, по метким словечкам узнается в „Последних“ Горький» («Биржевые ведомости», 1908, № 10501, 14 мая). Г. М. (М. О. Гершензон) квалифицировал «Последних» как «посредственное произведение». Однако, по его же словам, «как ни слаба пьеса Горького, но в ней есть достоинства и, главное, есть исторический смысл. Горький показал «последних слуг старого режима»; здесь уже всё сгнило, больше здесь уже не на что опереться» («Вестник Европы», 1908, № 8, стр. 767).

С высказываниями либерально-буржуазных критиков солидаризировались критики-меньшевики. «Это не драма, не комедия, да и вообще не сценическое произведение», — утверждал В. П. Кранихфельд, считая, однако, что пьеса «не лишена живого и серьезного интереса <...> как кусок, вырванный из нашей современной действительности, вырванный при том же рукою чуткого и мыслящего наблюдателя» («Современный мир», 1908, № 7, отд. III, стр. 76).

Другой меньшевистский критик — М. Неведомский (М. П. Миклашевский) писал в 1912 г. на страницах журнала «Запросы жизни»: «Для меня нет никакого сомнения, что та обнаженная тенденциозность и тот blanc et noir¹, какими страдали его повести вроде „Матери“ и драмы, как „Последние“ и др., явились прямым результатом некоторого пленения догмой, схемой» (цит. по кн.: Мпх. Неведомский. Зачинатели и продолжатели. Пб., 1919, стр. 372).

Постановка пьесы в Берлине послужила новым поводом для нападок на Горького как в русской, так и в зарубежной буржуазной прессе. Пьесу ставил Макс Рейнгардт, премьера состоялась 24 августа (6 сентября) 1910 г. («Русские ведомости», 1910, № 198, 28 августа). Специальные корреспонденты многих русских газет

¹ белое и черное (франц.).

в Берлине сообщали: «Пьеса успеха не имела» (там же), «пьесу можно считать проваленной», «публика встретила ее весьма холодно», «занавес опускался без единого хлопка. Полный, тяжелый неуспех. Играть плохо. Артисты не разобрались в ролях» («Биржевые ведомости», 1910, № 11886, 26 августа, и № 11890, 28 августа); «...как публика, так и вся столичная критика в унисон отнеслись крайне отрицательно к новейшему драматическому произведению нашего писателя» («Утро России», 1910, № 236, 29 августа). Многие немецкие газеты, давая отчет о премьере, также отрицательно отзывались о «Последних»: «Это — не более, как сумма мучительных наблюдений несчастной русской жизни, без всякой внутренней связи <...> Тяжелый вечер, с которым не хочется связывать имен как театра Рейнгардта, так и Горького» («Vossische Zeitung») ¹. «Для всех друзей Горького <...> спектакль принес горькое разочарование» («Lokal Anzeiger»).

Исключение составил отзыв, помещенный в «Berliner Tageblatt». Автор его хотя и замечал, что «можно многое сказать против пьесы», которая «и несвязна <...> и повторяет банальные места», — вместе с тем утверждал: «...тот, кто это писал, — был и останется поэтом <...> Его поэтическая душа чувствуется в лучших местах пьесы...»

С отзывом о пьесе «Последние» выступил видный деятель социал-демократического движения Латвии, публицист и литературный критик Я. Э. Янсон (Браун).

В докладе о новейшей русской литературе, который был прочитан Янсоном перед финскими студентами в Хельсинки, он говорил: «В своей новейшей драме „Последние“ Горький дает отрывок из жизни власть имущих сегодняшнего дня России и показывает семейный быт одного русского полицмейстера». Янсон-Браун не находил в пьесе «драматической силы», но подчеркивал: «...мы весьма далеки от того, чтобы включиться в хор буржуазных литераторов и критиков, что писательская сила Горького теперь сходит на нет! Наоборот, мы имеем все основания полагать, что талант Горького еще далеко не развился в полной мере и что русская литература может ожидать от него еще много великого и значительного» (цит. по ст.: В. А. Ш т е й н б е р г. К вопросу о связях М. Горького с Латвией. — «Известия АН Латвийской ССР», 1956, № 1, стр. 51).

Начало сценической истории пьесы относится, по-видимому, к июню 1908 г.

5 (18) июня «Последние» были поставлены в Ташкенте на сцене Летнего театра (антреприза З. А. Малиновской и А. В. Полонского) («Ташкентский курьер», 1908, № 123, 5 июня; ЛЖТ II, стр. 40).

10 (23) июня того же года драматургическая цензура в Петер-

¹ Здесь и далее цитаты из немецкой прессы даются по обзору, помещенному в газете «Биржевые ведомости», 1910, № 11890, 28 августа.

бурге запретила «Последние» к представлению на сцене. Мотивировалось это тем, что «перед зрителем проходит целый ряд служащих в полиции лиц, представленных автором отъявленными мерзавцами...» (ЛЖТ_{II}, стр. 40).

Однако 28 июля (10 августа) 1908 г. пьеса шла на сцене Общедоступного театра (антреприза И. М. Арнольдова) во Владивостоке («Далекая окраина», 1908, № 377, 27 июля; ЛЖТ_{II}, стр. 45).

В 1910 г. «Последние» ставились в Кутаисском драматическом театре грузинским режиссером М. Ф. Корели (1876—1929), сумевшим миновать цензурные рогатки (см.: М. Корели. Запрещенная пьеса Горького «Последние» в репертуаре Кутаисского театра 1910 года.— Сб.: «Максим Горький и деятели грузинской культуры». Тбилиси, 1970, стр. 55, 58).

Одна из первых постановок пьесы была осуществлена областной социал-демократической организацией Смихова (Чехия) 20 февраля 1909 г. в Интимном театре. Специально для этой постановки пьеса была переведена на чешский язык Станиславом Минаржиком¹.

Стр. 12. *Черные сотни* — вооруженные банды, создававшиеся по наущению царских властей с октября 1905 г. для борьбы с революционным движением.

Стр. 26. *Кассандра, наверное, была уродом, вот почему ей не поверили...* — Кассандра — дочь троянского царя Приама. Согласно древнегреческому мифу, она обладала даром прорицаний, но бог Аполлон обрек ее на печальную участь: никто не верил предсказаниям вещей Кассандры, хотя сбывалось всё, что она предсказывала. В «Иллады» Кассандра изображается «прекраснейшей дочерью» Приама, «златой Афродите подобной» (см.: «Илиада». М., 1967, стр. 223, 414).

Стр. 34. *...есть басня — раненый лев, которого лягают ослы...* — Басня И. А. Крылова «Лев состаревшийся» (1825).

Стр. 34. *Горе побежденным!* — «крылатая фраза», происхождение которой относится к эпизоду войны римлян с галлами. По преданию, галльский вождь Бренн в 388 г. до н. э. наложил на побежденный Рим контрибуцию. Римляне отказались взвешивать золото слишком тяжелыми гирями врага. Тогда Бренн, издеваясь, положил на весы свой меч и воскликнул: «*Vae victis!*» («Горе побежденным!»).

¹ 23 апреля 1913 г. «Последние» игрались в Интимном театре по-русски на специальном представлении, устроенном русским драматическим кружком в Праге.

В 1913 г. Б. В. Морковин писал Горькому из Праги о постановке «Последних» и в 1912 г.: «Если бы Вы приехали сюда, увидели бы, наверно, Вашу пьесу на русском языке, в одном из здешних театров <...> В прошлом году ставились Ваши „Последние“ <...> Пьеса имела большой успех» (Архив А. М. Горького, КГ-рэн-5-27-2).

Стр. 35. *Дети... как много в этом слове...* — Своеобразная перефразировка пушкинских строк: «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!» («Евгений Онегин», гл. 7, строфа XXXVI).

Стр. 37. *Во-о Францию два гренадера...* — Начало стихотворения Генриха Гейне «Гренадеры» («Die Grenadiere»), перевод М. Л. Михайлова.

Стр. 77. *Звезды ясные, звезды прекрасные...* — Стихотворение К. М. Фофанова (1885).

Стр. 80. *Какой прекрасный комик пропадает!* — Видимо, перефразировка слов римского императора Нерона, сказанных им перед смертью: «Какой великий артист должен сойти в могилу в моем лице!» (см.: Г. С в с т о н и й Т р а н к в и л л. Жизнь двенадцати цезарей. СПб., 1904, стр. 296; экземпляр этой книги есть в ЛБГ).

Стр. 84. *Жизнь и смерть — две подруги верные, две сестры родные* ∞ *Смерть покорно служит делу жизни... Слабое, ненужное — гибнет...* — Ср. в статье Горького «О цинизме», написанной в ноябре 1907 — январе 1908 г.: «Жизнь и смерть — две верные подруги, две сестры родные, времени бессмертного бессмертные дочери ∞ Смерть покорно служит делу жизни...» (Г-30, т. 24, стр. 11, 12).

ЧУДАКИ

(Стр. 85)

Впервые напечатано отдельной книгой: М а к с и м Г о р ь к и й. Чудаки. Сцены. Berlin, I. Ladyschnikow Verlag, (1910) (на обложке вместо «Сцены» — «Комедия») п одновременно — в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1910 год», книга тридцать вторая. СПб., 1910, стр. 1—152.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Машинописный текст с авторской правкой — АМ (ХПГ-48-4-1).

2. Машинописный текст (цензурный экземпляр пьесы) (ХПГ-48-4-2).

3. Печатный текст т. X Гр₂ с авторскими поправками (ХПГ-46-22-1).

Печатается по т. X Гр₂ со следующими исправлениями:

Стр. 89, строка 12: «целуя руку» вместо «целуя руки» (по АМ и Сб Зн₃₂).

Стр. 94, строки 4—5: «в девять часов» вместо «в десять часов» (по АМ).

Стр. 96, строка 12: «выходят» вместо «входят» (по АМ).

Стр. 109, строка 6: «мой» вместо «моя» (по АМ и Сб Зн₃₂).

Стр. 111, строки 21—22: «нет им границ!» вместо «нет им границ, а?» (по АМ).

Стр. 112, строка 18: «в глаза ей» вместо «в глаза ее» (по АМ и Сб Зн₃₂).

Стр. 123, строка 38: «бледнея» вместо «бледная» (по Сб Зн₃₂).

Стр. 124, строка 38: «повторю» вместо «повторяю» (по АМ и Сб Зн₃₂).

Стр. 134, строка 8: «стучит посуда» вместо «стучат посудой» (по АМ и Сб Зн₃₂).

Стр. 135, строка 17: «жизнь» вместо «жизни» (по АМ и Сб Зн₃₂).

Стр. 140, строка 29: «Вздохнул» вместо «Вздохнул» (по АМ и Сб Зн₃₂).

Замысел пьесы «Чудаки» и начало работы над ней относятся, по-видимому, к весне 1910 г. В письме к Е. П. Пешковой от 15 (28) мая Горький сообщал, что ему «необходимо немедленно же писать пьесу» (Архив ГИХ, стр. 92), и в следующих письмах ей же: «Начал писать пьесу...», «Некоторые твои слова целиком попали мне в пьесу. Пишется не легко, ввиду новизны темы и общего утомления. Но — думаю, что скоро кончу» (там же, стр. 93). О работе над новыми пьесами Горький не раз упоминал в письмах А. В. Амфитеатрову, относящихся к маю — июню 1910 г. В одном из них он шуточно сообщает Амфитеатрову: «Сижу, яко прикован к стулу и столу, и сочиняю пьесу бабскую» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-1-25-71); в другом: «Написал я, чёрт меня побери, пьесу и даже, может быть, две. Когда — осенью? — придетё Вы, буду её читать. А может быть — их» (там же, ПГ-рл-1-25-72). Писатель уведомлял Л. А. Сулержицкого в конце мая: «А я — пишу фарсы. Написал один в четырех актах...», где «самоистребляются разные недобитые судьбою люди» (Г-30, т. 29, стр. 119).

О «Чудаках», как о завершённой пьесе, 8 (21) июня 1910 г. М. Ф. Андреева сообщала Р. П. Аврамову, работавшему в издательстве И. П. Ладьяжников: «В России большая пьеса „Чудаки“ будет печататься только осенью и, д. б., не ранней, так что самое её переводить можно, а печатать нет» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-1-15-4).

Автор подверг текст пьесы значительной стилистической правке в машинописи, послужившей оригиналом набора для издания Л. Посылая эту машинопись в Берлин, Горький зачеркнул на титульном листе заглавие «Чудаки» и написал: «Название можно изменить, сделать более понятным для немцев. В России пьеса будет печататься осенью» (Архив А. М. Горького, ХПГ-48-4-1).

Дополнительные поправки в тексте были сделаны автором при подготовке пьесы для XXXII Сб Зн. Оригинал набора не сохранился, но имеющаяся в Архиве А. М. Горького машинописная копия пьесы (цензурный экземпляр) позволила установить первоначальные авторские исправления к этому изданию. Другие разночтения между Сб Зн и Л, возможно, явились результатом более поздней правки, возникшей в процессе набора Сб Зн и сделанной по согласованию с автором.

Сотрудник «Знания» С. П. Боголюбов регулярно извещал Горького через находившегося в то время на Капри К. П. Пятницкого о ходе работы над изданием пьесы в России. 29 августа (11 сентября) 1910 г. он писал: «„Чудаки“ для сборника уже на-

бираются» (Архив А. М. Горького, П-ка «Зн», 8-1-33), а 15 (28) сентября ставил в известность, что «„Чудаки“ уже напечатаны начисто» (там же, 8-1-35). 5 (18) октября 1910 г. XXXII Сб Зн вышел в свет. Незадолго до этого пьеса была выпущена отдельным изданием Л в Берлине. Текст этого издания был положен в основу К, а затем — Гр₁ и Гр₂. Текст же Сб Зн остался «боковой» редакцией.

Возвратившись к «Чудакам» после 1933 г., Горький вычеркнул несколько реплик в I и IV действиях, правя пьесу по т. X Гр₂. Это — последний авторизованный текст пьесы.

29 июля (11 августа) 1910 г. в газете «Одесские новости» было напечатано сообщение: «По словам берлинских газет, в издании Ладыжинкова вышли две новые пьесы Горького: первую („Дети“) Горький назвал фарсом, вторая — четырехактная пьеса „Странные люди“ — из жизни русского общества после революции». Это сообщение с неточными сведениями вызвало недоумение у М. Ф. Андреевой. «Только что прочла в „Одесских новостях“, — писала она Аврамову в Берлин 6 (19) августа 1910 г., — что у Ладыжинкова „вышли“ две пьесы М. Горького — „Дети“ и „Странные люди“ <...> неужели уже вышли?» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-1-15-8). Вероятно, в берлинских газетах лишь анонсировалась пьеса Горького. Еще более неточное объявление поместила та же газета 18 (31) августа, уверяя читателей, что в пьесе Горького «Странные люди» «рисуеться жизнь интеллигентного класса в дореволюционную эпоху» («Одесские новости», 1910, № 8193).

Предполагалось, что новая пьеса Горького пойдет в Московском Художественном театре. В августе Горький отправил ее В. И. Немпровичу-Данченко со следующим письмом: «Посылаю „Чудаков“, рукопись „Детей“ — у Сулержицкого. Убедительно прошу прочитать рукопись и ответить мне возможно скорее» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-27-8-12). Однако спектакль не был поставлен.

Интересовалась пьесой и другие театры России. Драматург О. И. Дымов обратился к Горькому от имени Нового драматического театра в Петербурге с просьбой разрешить постановку «Чудаков». М. Ф. Андреева отвечала Дымову 11 (24) июля: «Алексею Максимовичу будет, конечно, очень приятно узнать, что Ваш театр, через Ваше любезное посредство, обещает отнестись к его пьесе с особенным тщанием, и я знаю, что в принципе он ничего не имел бы против ее постановки у Вас» (Андреева, 1961, стр. 140).

В первых числах сентября 1910 г. в печати появилось сообщение: «На днях в цензуру представлена дирекцией Нового драматического театра пьеса Максима Горького, законченная им на острове Капри. Вся новая вещь Горького проникнута живым глубоким оптимизмом. Лейтмотив ее — вера в жизнь, в победу, в солнце. Это опять то настроение, которым полон профессор Протасов в „Детях Солнца“» («Биржевые ведомости», 1910, № 11900, 3 сентября). Эта информация была перепечатана газетой «Раннее утро» (1910, № 205, 5 сентября) и другими газетами.

На титульном листе машинописного текста пьесы, представлявшегося в цензуру (Архив А. М. Горького, ХПГ-48-4-2), поставлен штамп цензора: «К представлению дозволено. С.-Петербург, 2 сентября 1910». Вычеркнуты следующие слова и фразы: *Стр. 92, строки 17—18*: «о святом квартальном», «великих простотою души своей, о святых попах».

Стр. 92, строки 39—40: «скверно построенный и полуразрушенный».

Стр. 94, строка 24: «говорит, противно стало».

Стр. 106, строки 11—16: «Однажды вы уже изобразили с вострелл старый, темный зверь...»

Стр. 112, строки 28—29: «Знаешь — иногда мне кажется, что вся Россия — страна недобитых людей... вся!»

Стр. 143, строки 20—21: «„Исаия лжуй“? — Еще раз — „лжуй, Исаия“?».

Одновременно с петербургской постановкой Горький разрешил поставить «Чудаков» Театру К. Н. Незлобина в Москве, труппе И. Э. Дуван-Торцова в Киеве (в театре Соловцова) и труппе Каралли-Торцова в Харькове (см. письмо Горького И. М. Кондратьеву от 10 (23) сентября 1910 г. — Архив А. М. Горького, ПГ-рл-20-3-15).

Перед началом репетиций в Новом драматическом театре М. Ф. Андреева напомнила Дымову 5 (18) сентября 1910 г.: «Не забудьте своего обещания мне написать, как будут идти репетиции, как Вам будет нравиться исполнение и т. д. Если позволите — очень важно, чтобы артист, играющий Мастакова, не утрировал смешных пли, вернее, комических черт, а Елена Николаевна была бы в высшей степени мила, проста и мягка» (Андреева, 1961, стр. 147). А 21 сентября (4 октября), получив сведения от Дымова о ходе работы над спектаклем, писала ему: «Из Ваших слов о режиссуре, об игре „Чудаков“ невольно заключаю, что пьеса идет вяло, а успех она может иметь только в том случае, если ее будет очень хорошо и с увлечением ставить и играть» (Андреева, стр. 187).

24 сентября (7 октября) 1910 г. в Новом драматическом театре в Петербурге состоялась премьера спектакля «Чудаки». Постановка оказалась неудачной. Пьеса была поставлена как бытовая драма с традиционным любовным «треугольником» в центре, роль Мастакова исполнялась в стиле водеvilного простака. Не смогли донести до зрителя глубину авторского замысла и другие театры (премьера в Киеве состоялась в конце сентября, где в один вечер шли две пьесы Горького — «Чудаки» и «Встреча», в Харькове — в конце октября 1910 г.). Рецензенты почти единодушно отмечали неудачи спектаклей, обвиняя, однако, не столько театры, упрощенно трактовавшие пьесу, сколько автора, который «как драматург давно пошел на убыль» и якобы не смог создать в пьесе «ни интриги, ни сценических эффектов, ни построений» («Русское слово», 1910, № 220, 25 сентября). Автор «Театральной странички» в «Современном слове» — Аш (Н. П. Ашешов), обвиняя Горького в «неясности замысла» и «смехотворности его

воплощения», считал, что Матаков — «юридический, лирический элементарных этических мотивов», а остальные герои — «бесцельны, немощны и написаны измученным, раздробленным пером» («Современное слово», 1910, № 980, 26 сентября).

Н. Негорев (А. Р. Кугель) в статье «Судьба Горького» предпослал суждениям о спектакле общую характеристику творчества писателя, утверждая, что «суть Горького художника и поэта — в диких, если можно так выразиться, индивидуализме, в песне Сокола, анархической по духу». Когда же, по мнению автора статьи, писателя обратили «в марксистскую веру» — он пришел к «художественному оскудению и самоупряднению». Пьесе «Чудаки» А. Кугель назвал «сценически примитивной», свел всё ее содержание к «адольтерно-психологическим мотивам», а роль Матакова к «амплуа любовника». Отмечая слабость постановки «Чудаков» в Новом драматическом театре, особенно — исполнение главной роли, Кугель оправдывал актера тем, что «роль эту трудно раскусить» («Театр и искусство», 1910, № 40, 3 октября, стр. 740—743).

Статья Кугеля вызвала ответ Н. Валентинова (Н. В. Вольского) в «Киевской мысли», полемически озаглавленный: «О „судьбе“ М. Горького». Н. Валентинов подчеркивает, что стало модой оплакивать якобы загубленный марксизмом талант Горького. «У Горького-де было органическое мироотношение, а теперь оно задавлено „квазинаучным мирозерцанием“», — цитирует он Кугеля. «Вот возьмем хотя бы „Чудаков“, — продолжает рецензент. — Напиши их Горький в дни раблепства пред ним, литературные газеты немолчно бы кричали, комментировали, восхищаясь, подчеркивая, выставяя достоинства пьесы. Тогда была полоса хвалить, и все хвалили. Теперь полоса ругать, и все ругают» («Киевская мысль», 1910, № 290, 20 октября).

Последнее замечание получило новое подтверждение на страницах харьковского «Южного края» — в рецензии, подписанной инициалами Ф. М. и посвященной постановке «Чудаков» в харьковском «Театре Грикке» труппой Каралли-Торцова. Рецензент нашел в пьесе Горького «что-то тоскливое, серое, чеховское...» и считал, что она «едва ли прибавит что-нибудь к лаврам писателя». Матаков, по мнению рецензента, «живет вне действительности, в мире золотых фантастических снов о какой-то сказочно-красивой жизни и людях, в то же время обманывает свою жену, лжет и цинично, у трупа юноши-борца, соблазняет его невесту» («Южный край», 1910, № 10137, 9 ноября).

По поводу этой рецензии Горький обратился с открытым письмом к редактору газеты:

«Уважаемый господин редактор.

В рецензии о пьесе „Чудаки“ между прочим сказано: „писатель цинично, у трупа юноши-борца, соблазняет его невесту“.

Ваша газета, несомненно, орган культурный в истинном смысле слова, и, питая искреннее уважение к Вам и работе Вашей, я позволю себе спросить Вас: считаете ли Вы подчеркнутую мною фразу — верной, действительно ли, на Ваш

взгляд, Мастаков „соблазняет“ и „дипично“, а также полагаете ли Вы, что всякий юноша, сидевший в тюрьме, непременно „борец“?

Я отнюдь не прошу опубликовать это письмо в почтенной газете Вашей, предоставляя, впрочем, на Ваше усмотрение, — если найдете нужным — печатайте.

Я сказал это лишь потому, что — на мой взгляд — русский писатель вообще заслуживает более внимательного отношения к его работе и его мыслям, более внимательного отношения, чем то, каким его награждают и которое отнюдь не может способствовать росту его уважения к людям» (Архив А. М. Горького, ПГ-рпз-66-22, частично цит. в кн.: *Бялик*, стр. 264).

6 (19) октября 1910 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Ты, конечно, знаешь, что моя пьеса провалилась в Питере? Говорят, однако, что в Киве она шла с успехом. Не верю. А о провале — жалею. Никогда меня не трогали эти провалы, а на сей раз заело! Почему? Потому ли, что нездоровится, или же потому, что в пьесе есть, против обыкновения, нечто личное?» (*Архив Г'IX*, стр. 98). И ей же — в письме от 12 (25) октября: «Когда прочитаешь „Чудаков“ — черкни два слова, как понравится. Я уже писал тебе, что в Питере — пьеса провалилась, — чему, между прочим, очень рад Чириков, чудак! Но — я получил штук пять писем от неизвестной мне публпки — хвалят пьесу, негодуют на постановку» (там же, стр. 99).

Некоторые из этих писем сохранились в Архиве А. М. Горького. Так, С. А. Поперек (С. Недолин) делился с Горьким своими впечатлениями:

«12¹/₄ ночи с 24 на 25 сентября 1910 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я только что из Нового театра, с „Чудаков“ <...> Успех „Чудаков“ под большим сомнением: 1) зал был не полон, 2) аплодисменты „скептические“, 3) разговоры в антрактах — кислые. Кто виноват?

Во-первых, актеры, во-вторых — актеры и в-третьих — актеры <...> Один живой человек был в пьесе — Александровский-Самоковасов. Он показал, что и „бывший“ полицейский — „человек“ да еще какой милый! И, следя за его игрой, мальчишески хотелось, чтобы Зина осчастливила его, — вышла бы за него замуж. Рыбников (Мастаков) дал форменного дурачка. А какая это роль! Какие монологи! Какие коллизии!.. Какая глубина кроется за видимым легкомыслием этого парня!.. Но глубины-то не было дано ни на грош. Елена (Юрьева) — опять глубокий, полнозвучный, сочный аккорд, а видели мы какую-то классную даму из русских немок <...> Бережной дал однотонного, вялого Викула Потехина, и только в сцене прощания с сыном на минуту что-то блеснуло, да и то больше благодаря словам, которые в этом месте чудесны.

Стефанов роль Николая Потехина рычал густейшим басом, туго и без всяких нюансов, напоминая от начала до конца разбойника Спарафучила из „Риголлето“.

Миропольская (Ольга) была очень слаба и провела свои два

диалога с Еленой как-то литературно, без всякого задора и увлечения.

Остальные исполнители, особенно Саша и Зина, были из рук вон плохи.

Декорации грошовой ценности, сусальные какие-то...

Вообще пьеса смазана.

А какая она славная! Что за дивная женщина Елена! Какой размашистый, безалаберный, одаренный и живой этот Матаков, этот русский художник перекапти-поле... Я вижу Книппер в роли Елены, вижу Станиславского или, еще лучше, Качалова в роли Матакова, Москвина в роли Николая Потехина, Артема в роли Викула Потехина и думаю: для хорошей картины нужна хорошая рама, для интересной пьесы — хорошие исполнители (...). Пьеса хорошая, Алексей Максимович!» (Архив А. М. Горького, КГ-п-58-11-6).

Высоко оценил пьесу «Чудаки» М. М. Коцюбинский. «Догадываюсь, — писал он Горькому в октябре 1910 г., — что это я Вас должен благодарить за присылку конторой „Знания“ последнего „Сборника“. Большое спасибо. „Чудаки“, несмотря на Ваше недовольство пьесой, мне очень понравились. Прекрасные типы и положения, интересна задача, вся пьеса прозрачна и звонка» (*Коцюбинский*, т. 4, стр. 302—303).

В печати пьеса «Чудаки» вызвала самые разнообразные отклики.

Отношение реакционно-декадентского лагеря к пьесе наиболее рельефно выразилось в рецензии Антона Крайнего (Зинаиды Гиппиус) на XXXII *Сб Зн.* Для Антона Крайнего несправедливо было самое направление этого издательства — «направленство», по терминологии эстетствующего критика. «Чудаки» были объявлены в рецензии пьесой, написанной «бессильно, мутно, нудно» («Русская мысль», 1911, № 1, стр. 207, 208).

Рецензент «Русского богатства» снисходительно отмечал «хорошие намерения» автора, но усматривал в персонажах пьесы «тусклую схематичность» («Русское богатство», 1910, № 12, отд. II, стр. 141).

Газета «Киевская мысль» не отрицала, что «пьеса задумана интересно». «Быть может, в ней Горький хотел дать картину своих отношений к читающей публике. Он — единственный художник, который продолжал петь гимн жизни, когда русская интеллигенция, разбитая и разочарованная, отвернулась от жизни...» Но рецензент считал, что пьеса «в литературном отношении выполнена слабо. Обычный недостаток Горького — она перегружена разговорами» («Киевская мысль», 1910, № 273, 3 октября).

С. А. Венгеров в обзоре литературы за 1910 г. выделил Горького как по-прежнему непонятного и яркого художника, в «Чудаках» же увидел прозведение среднего уровня («Русские ведомости», 1911, № 1, 1 января).

В. П. Кранихфельд свою рецензию на XXXII *Сб Зн* начал словами: «В то время, как известная, модернизированная часть

нашей критики давным-давно похоронила М. Горького, не без злорадства водрузив на могиле его большой деревянный крест, художник уверенно идет вперед, с каждым новым своим произведением открывая в себе новые и новые, еще не тронутые запасы творческих сил». О «Чудаках» критик писал: «...перед нами всё тот же хорошо знакомый нам, но вместе с тем и какой-то преображенный автор: новые замыслы, новые краски, новые, смягченные тона». Считая, что «„чудаки“ — это люди <...>, играющие в жизни ту или иную роль, павязанную им внешними обстоятельствами», Крапихинский видел причину провала пьесы на театральных подмостках в том, что актеры не смогли сыграть «роль роли», «на сцену театра перенесли сцену, которая называется жизнью» («Современный мир», 1911, № 1, стр. 362, 363).

О «веселом стоицизме» Мастакова, о его «ласковой любви к людям», о его вере в будущее писал В. Л. Львов-Рогачевский («Современный мир», 1912, № 5, стр. 232).

Во втором номере легального большевистского журнала «Мысль» (январь, 1911) была опубликована статья В. В. Воровского «Еще о Горьком» (за подписью «П. Орловский»), явившаяся ответом всем хулителям писателя и его пьесы. Эпиграфом к статье взяты слова Мастакова: «Мне кажется, Лена <...>, что все люди, все вокруг нас с тобой, — живут вторые, третьи жизни, они рождаются стариками, и жить им — лень! Стариками они рождаются, а я — родился впервые, ребенком, я счастлив тем, что молод... и — безгранично люблю всё это... всё живое!». В центре внимания автора статьи — фигура Мастакова, его взгляды на искусство и призвание писателя. Воровскому представлялось, что за «верую» Мастакова в пьесе «нетрудно услышать голос самого автора». Критик видел в пьесе Горького серьезные жизненные, эстетические и философские проблемы современности и утверждал, что ее появление «раз навсегда устраняет все избитые толки о „гибели Горького“, об „упадке таланта“, о которых поспешила поведать миру газетная критика» (Воровский, стр. 311, 312).

3 декабря н. ст. 1910 г. в Париже состоялась премьера любительского спектакля «Чудаки», сыгранного политическими эмигрантами-большевиками. На этом спектакле присутствовал В. И. Ленин. «...когда мы однажды поставили пьесу Горького „Чудаки“, то на спектакль пришел и Владимир Ильич, — писала старейший член партии С. И. Гопнер. — <...> Владимир Ильич выразил свою радость и одобрение по поводу того, что мы поставили пьесу Горького...» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. II. М., Политиздат, 1969, стр. 296).

Стр. 92. ...а человек будет рассказывать мне утешительные сказки про святую Русь... — Речь идет о Н. С. Лескове. Горький писал, что Лесков создал для России «иконостас ее святых и праведников. Он как бы поставил целью себе ободрить, воодушевить Русь...» (Г-30, т. 24, стр. 231). Можно предположить, что в руках Вуккола Потехина был второй том полного собрания сочинений Н. С. Лескова, озаглавленный «Праведники» и содержащий рассказы «Однодум (святой кварталный)», «Пигмей»,

«Несмертельный голован», «Инженеры-бессребреники», «Левша», «Очарованный странник» и др. (СПб., изд. Маркса, 1889; изд. 2, 1897). В ЛБГ имеется полное собрание сочинений Н. С. Лескова в 36 томах — приложение к журналу «Нива» (1902). Тома 3, 4, 5, переплетенные в одну книгу, содержат названные рассказы.

Стр. 103. *Матери Гёте — не поняты.* — Имеются в виду Матери во II части «Фауста».

Стр. 115. *...нас унижающий обман!* — Перефразированная строка из стихотворения А. С. Пушкина «Герой». У Пушкина:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Стр. 121. «*Песнь о Колоколе*» — стихотворение Ф. Шиллера (1799 г.; русский перевод — в 1832 г.).

Стр. 122. *...лет пять тому назад...* — Речь идет о революции 1905 года.

Стр. 137. *...разочарованному чужды все обольщенья прежних дней!* — Из романса М. И. Гляпки на стихи Е. А. Баратынского «Разуверение» (1821).

Стр. 141. *Хорс* — славянский языческий бог.

Стр. 146. *...о Калевале...* — «Калевала», карело-финский национальный эпос, составленный финским ученым и поэтом Э. Лёнротом из карельских, ижорских и финских древних народных рун и северокарельских песен. Горький назвал «Калевалу», «Эдду», «Песнь о Нибелунгах» «монументами словесного творчества» (Г-30, т. 26, стр. 246).

ВСТРЕЧА

(Стр. 151)

Впервые вышло отдельной книгой: М. Горький. Дети. Комедия в одном действии. Berlin, Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren I. Ladyschnikow, <1910>. Затем под названием «Встреча. Пьеса» напечатано в журнале «Современный мир», 1910, № 9, стр. 40—60.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Машинопись (ХПГ-10-2-1) с небольшой авторской правкой (АМ) — оригинал набора для Л.

2. Печатные листы (за исключением двух заглавных) издания Л (ХПГ-10-2-2) с корректорской правкой красными чернилами — оригинал набора для К.

Печатается по тексту журнала «Современный мир» со следующими исправлениями по АМ:

Стр. 152, строка 13: «Татьяна Зобнина» вместо «Татьяна».

Стр. 153, строка 8: «Татьян» вместо «Татьяна».

Стр. 159, строка 13: «женщинов» вместо «женщпн»,

Стр. 161, строка 34: «Уходят» вместо «Уходит» (по смыслу, см. контекст).

Стр. 166, строка 14: «жандара» вместо «жандарма».

Стр. 169, строки 38—39: «замечательный напиток! На чае и березовых почках» вместо «замечательный напиток!»

Кроме того, в текст пьесы вписаны по учтенные в журнальной публикации поправки, сделанные Горьким в АМ:

Стр. 153, строка 14: «позычнее» вместо «да поэчнее».

Стр. 156, строка 24: «М а р ь я. Ах, пардон!» вместо «М а р ь я. Ах, пардон! З о б н и н (грустно). Видно, сообщать надо действовать!»

Стр. 163, строка 36: «к этой пропаже?» вместо «и к этой пропаже?»

Стр. 168, строка 21: «за... за ваше драгоценное здоровье!» вместо «за наше... за ваше драгоценное здоровье!»

Стр. 172, строки 32—33: «объяснить причину ожесточения...» вместо «объяснить причину ожесточения наших умов...»

Стр. 172, строка 36: «Вот наша речь» вместо «Итак, вот наша речь».

Над пьесой «Встреча» Горький работал, по-видимому, весной 1910 г. Впервые он упоминает о ней в письме А. В. Амфитеатрову в конце мая — начале июня (см. наст. том, стр. 507).

Вторично о новом произведении Горький известил Амфитеатрова в конце июля (начале августа): «Написал нечто вроде водевиля — вышло плохо» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-1-25-73).

Но еще 8 (21) июня 1910 г. М. Ф. Андреева сообщила в издательство И. П. Ладьяжникова о том, что Горький написал «одноактную пьеску, очень веселую, живую и полную действия; к сожалению, он не может сейчас же отделать ее начисто и потому пришлет Вам ее не раньше как через месяц — приблизительно» (там же, ПТЛ-1-15-4).

М. М. Коцюбинский, находившийся в это время на Капри, сообщил 10 (23) июня в письме к А. И. Аплакшиной: «Завтра или послезавтра Горький будет читать мне свою новую пьесу, которую он написал для немецкого театра» (Коцюбинский, т. 4, стр. 283). Чтение состоялось 13 (26) июня (см.: «Листи М. М. Коцюбинського до О. І. Аплакшиної». Київ, 1938, стр. 145; а также Коцюбинский, т. 4, стр. 284).

В июне пьеса была отслана Горьким в издательство Ладьяжникова. Это следует из ответного письма сотрудника издательства Р. П. Аврамова от 24 июня (7 июля): «Получил и прочитал „Чудаков“ и „Детей“ <...> „Дети“ — я думаю — здесь пойдут, хотя пьеса и маленькая» (Архив А. М. Горького, КГ-п-1-40-9). Уже через месяц — 29 июля (11 августа) в России стало известно о выходе пьесы в издательстве Ладьяжникова. Об этом извещали «Одесские новости» (№ 8177), ссылаясь на берлинские газеты.

О жанровых особенностях новой пьесы и обстоятельствах ее возникновения Горький в июне 1910 г. писал Л. А. Сулержицкому, что это — «нечто вроде водевиля». «Приехал недавно землячок и рассказал мне пзображенный случай, а я — написал»

«Новый мир», 1961, № 6, стр. 185). Возможно, у пьесы был реальный источник, общий со вторым рассказом из цикла «Жалобы» (см. т. XI наст. изд.), где фигурирует русский купец, приехавший в Геную. Его жизненный прототип писатель мог наблюдать непосредственно. Этот купец, вероятно, и поведal Горькому историю, послужившую сюжетной основой пьесы «Встреча»¹.

В рассказе и пьесе можно заметить один общий мотив. Слова купца из «Жалоб» — «...глядите, вон как иностранный капитал прет на нас...» (т. XI наст. изд., стр. 28) — во многом выражают и настроения персонажей «Встречи», купцов заштатного города Верхнее Мямлино, обескураженных предприимчивостью немца Бубенгофа, который опережает их в деле, сулящем большие барыши.

Из переписки по поводу пьесы ясно, что ранний ее вариант, под названием «Дети», был закончен в середине июня 1910 г. Завершающая правка, в ходе которой возникло и новое название, относится, очевидно, уже к июлю. Число разночтений между двумя вариантами пьесы невелико. Вероятно, тексты имели общую машинописную основу. Первый экземпляр машинописи (АМ), отосланный в издательство Ладьяжникова, содержал небольшую стилистическую правку и четыре вписанных автором ремарки (см., в частности: стр. 155, строка 22 — «задумчиво»; стр. 170, строка 23 — «наливая водки»).

При подготовке пьесы к журнальной публикации писатель правил текст уже по другому экземпляру машинописи. Однако в него не была перенесена правка с первого экземпляра. На этот раз автор ввел в «водевиль» (так пьеса неоднократно называется в письмах) новые ремарки: «тревожно», «отчаянно», «рычит», «разочарованно, не веря», «тихо, утешительно», «убежденно», «указывая на князя», а также несколько реплик с тем, чтобы подчеркнуть комизм происходящего.

Название «Встреча» следует рассматривать как окончательное. Именно так Горький обозначает пьесу в письмах, даже в тех случаях, когда речь идет о берлинском издании, озаглавленном «Дети». Так, по поводу экземпляра берлинского издания пьесы с надписью — «Сердечному человеку Михаилу Михайловичу Коцюбинскому на память. А. Пешков. Capri. 910. Ноябрь», — отосланного вместе с письмом 7 (20) ноября 1910 г., Горький писал: «Посылаю Вам на память „Встречу“ — может, читая, улыбнетесь разок»² (Г-30, т. 29, стр. 138).

В т. 15 К пьеса перепечатана под названием «Дети» по тексту отдельного издания без каких-либо изменений. Возможно, что

¹ Судя по дневнику К. П. Пятницкого, на Капри в мае 1910 г. были нижегородские знакомые Горького В. М. и О. А. Каменские, а в январе купец Веров (Архив А. М. Горького, Д-Пят, 1910, лл. 4—5, 40—41).

² Коцюбинский ответил 7 (20) декабря 1910 г.: «„Встречу“ прочел с двойным удовольствием: каждое слово напоминало мне Ваш голос, движения — и так ярко встал в памяти тот вечер на Капри, когда Вы читали ее» (Коцюбинский, т. 4, стр. 311).

автор и издатели не располагали в то время номером журнала «Современный мир», где была опубликована пьеса.

Еще до выхода журнала «Современный мир» сведения о пьесе проникли в печать.

Под заголовком «Фарс М. Горького» заметка о содержании пьесы с отрывками из нее появилась 19 августа (1 сентября) 1910 г. в газете «Утро России» (№ 227). На следующий день сообщение «Пьеска М. Горького» напечатали «Биржевые ведомости» (веч. вып., 1910, № 11876, 20 августа). 21 августа отрывки из пьесы были помещены в газете «Волгарь» (№ 230), а 22-го «Одесские новости» (№ 8197) извещали: «После долгого перерыва имя Максима Горького снова появляется на страницах толстого журнала: в сентябрьской книжке „Современного мира“ будет напечатана его одноактная пьеса. Особого интереса эта вещь не представляет».

Ознакомившись с этими сообщениями, Горький попросил объяснений у редакции журнала «Современный мир». 16 (29) сентября 1910 г. редактор «Современного мира» Н. И. Иорданский писал Горькому: «Неприятная история с предварительным объявлением о Вашей пьесе показывает, что сейчас не спешиться от репортера. Мы были весьма удивлены и провели расследование. Оказалось, что сообщение в газеты дано нашим заведующим конторою! Он теперь уже покпнул нас для того, чтобы всецело заняться газетною работою, но напоследок не мог отказать от случая сообщить интересное сведение» (Архив А. М. Горького, КГ-п-32-1-3).

Вскоре после выхода в свет «Современного мира» газета «Россия» напечатала журнальное обозрение. Автор его Д. Агов писал, что «„Встреча“, громко названная „пьесой“, есть в действительности пустячный водевиль, написанный, правда, довольно живо и, быть может, сценично, но, в общем, недостаточно интересный по бедности фабулы» («Россия», 1910, № 1495, 2 октября).

Сулержицкий в августе 1910 г. писал Горькому: «...водевиль мне показался так себе — смешно местами может быть, если играть немножко ближе к фарсу. Мне кажется, ты так и писал. Будет ли он напечатан? Если да, то, если у меня будет время, можно ли его ставить в кабаре у нас? В этом году хотят ставить одноактные вещи Мопассана и прочее» («Новый мир», 1961, № 6, стр. 186).

В 1911 г. с пьесой ознакомился К. С. Станиславский. 14 (27) марта он уведомлял писателя о получении пьесы, а 2 (15) апреля писал М. Ф. Андреевой: «Прочел „Встречу“ и пришел в восторг. Разрешите ставить или в Художественном, или в театре одноактных пьес, кот<орый> я думаю с будущего года наладить» (Станиславский, т. 7, стр. 518, 521).

Горький дал согласие. «Хотите ставить „Встречу“? — обрадовался он в письме к Станиславскому. — Пожалуйста, если находите, что стоит» (Г-30, т. 29, стр. 164).

Однако постановка эта не осуществилась.

Первым пьесу «Встреча» поставил киевский русский театр

Соловцова. Игралась она в один вечер с «Чудакамп». Премьера состоялась 30 сентября (13 октября) 1910 г.

Краткие замечания по поводу постановки были высказаны П. <М.> Яр<це>вым в рецензии, напечатанной «Киевской мыслью». «Это фарс — достаточно художественный, — определял критик, — и так надо играть его. В театре „Соловцов“ это было сыграно совсем без стиля — неизвестно, что игралось, а только грубо» («Киевская мысль», 1910, № 274, 4 октября).

Положительную оценку игра актеров получила в статье М. Рабиновича «Письмо из Киева». «Это шутка немного громоздкая», — писал рецензент о самой пьесе и продолжал: «В ней прекрасно, с хорошим комизмом играл г. Кузнецов (Костя Зряхов). Интересную фигуру дал г. Леонтьев (Зобнин)» («Театр и искусство», 1910, № 42, 17 октября, стр. 788).

13 (26) февраля 1914 г. «Встреча» была поставлена в Доме просветительских учреждений в Петербурге группой актеров-рабочих под руководством режиссера П. П. Сазонова. Обозреватель газеты «День» С. Т. (С. С. Тимофеев), извещая об этом, попутно характеризовал и пьесу:

«В этой пьесе М. Горького, — писал он, — много живых бытовых черточек, и вся она проникнута ярким, порою, может быть, грубым юмором.

В обрисовке некоторых типов чувствуется могучий мастер-художник Горький прежнего расцвета своего таланта» («День», 1914, № 46, 16 февраля).

Любители-рабочие исполняли пьесу, по отзыву газеты, «очень старательно, живо и весело», постановка была сделана «интересно, с огоньком» (там же).

ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА

(Стр. 179)

Впервые напечатано литографским способом: М а к с и м Г о р ь к и й. Васса Железнова. Пьеса в трех действиях. СПб., изд. журнала «Театр и искусство» (год не обозначен; вышло в свет около 7 октября 1910 г.). В ноябре 1910 г. появилось отдельным изданием: М. Г о р ь к и й. Васса Железнова (Мать). Спены. Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren I. Ladyschnikow. Berlin, и в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1910 год», книга тридцать третья. СПб., 1910.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Экземпляр литографированного издания пьесы, представленный в драматическую цензуру Главного управления по делам печати и содержащий цензорские вымарки — *ТИ*. На первом листе виза: «К представлению дозволено. С.-Петербург., 11 октября 1910 г.» (ХПГ-5-1-6).

2. Экземпляр того же литографированного издания с надписью: «11 октября пьеса драматической цензурой разрешена с след. вымарками: стр. 3, 19, 23, 33» и перенесением цензорских

изъятый (кроме вычерка на стр. 12, пропущенного, видимо, случайно) (ХПГ-5-1-8).

3. Авторизованная машинопись с правкой — *АМ* — оригинал набора для ХХХIII *Сб Зн* (ХПГ-5-1-4).

4. Машинопись с правкой неустановленного лица (*М*), в основном повторяющей правку предыдущей машинописи — оригинал набора для издания *Л* (ХПГ-5-1-5).

5. Печатный текст пьесы в издании *Л*, послуживший оригиналом набора для *К* (ХПГ-5-1-7).

6. Печатный текст пьесы из т. X *Гр₂*, с нанесенной на него авторской правкой (ХПГ-46-22-1).

Печатается по т. X *Гр₂* со следующими исправлениями:

Стр. 186, строка 22: «и тебя тоже» вместо «и тебе тоже» (по всем другим источникам).

Стр. 190, строка 31: «Он вот говорил» вместо «Он вот говорит» (тоже).

Стр. 192, строка 33: «Эта Липа ваша» вместо «Это Липа вапа» (тоже).

Стр. 197, строка 13: «Эко горе!» вместо «Это горе!» (тоже).

Стр. 199, строка 18: «Вы не постарели, дядя Миша... молодец!» вместо «Вы не постарели, дядя Миша, и молодец!» (тоже).

Стр. 203, строка 33: «так и шепчу» вместо «так я шепчу» (тоже).

Стр. 210, строки 19—20: «изволили взбеситься» вместо «изволила взбеситься» (тоже).

Стр. 211, строка 10: «Тут другое начинается» вместо «Тут другое начнется» (по *ТИ*).

Стр. 214, строка 20: «А ты иди, иди!» вместо «Ты иди, иди!» (по *АМ, М, Сб Зн₃₃*).

Стр. 218, строка 35: «не всё я понимаю» вместо «не всё понимаю» (по *ТИ, АМ, М, Сб Зн₃₃*).

Стр. 220, строка 9: «где же квитанции?» вместо «где же квитанция?» (по всем другим источникам).

Стр. 224, строка 16: «А ты — молчи!» вместо «Ты молчи!» (по *ТИ, АМ, М, Сб Зн₃₃*).

Стр. 227, строка 5: «Я тебя давно» вместо «Я тебе давно» (по всем другим источникам).

Стр. 231, строка 12: «и придете ко мне» вместо «придете ко мне» (тоже).

Стр. 231, строка 23: «Подделали» вместо «Подделано» (тоже).

Стр. 232, строка 34: «вбегает» вместо «вбегая» (тоже).

Стр. 232, строки 35—36: «а я — ничего не чувствую» вместо «а — ничего не чувствую» (тоже).

Работа Горького над пьесой «Васса Железнова» относится к августу — началу сентября 1910 г. Видимо, о «Вассе Железновой» сообщала М. Ф. Андреева в письме актрисе Е. П. Муратовой от 29 августа (11 сентября) 1910 г.: «Сейчас он <Горький> пишет, по-моему, очень хорошую вещь, хоть и пьесу, но еще неизвестно, когда кончит» (*Андреева*, стр. 183). О завершении работы над пьесой имеется свидетельство самого автора в письме А. В. Ам-

фитеатрову, посланном между 2 (15) и 7 (20) сентября: «Написал пьесу о матери» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-1-25-76). 5 (18) сентября М. Ф. Андреева, которая вела с О. И. Дымовым переписку о постановке «Чудаков» в Новом драматическом театре, сообщила ему: «У А. М. есть еще одна пьеса, бытовая, сильно драматическая, но он еще не решил, будет ли ставить ее в нынешнем году, а мне это очень жаль, так как пьеса очень сценична. Только пока прошу Вас никому не говорить об этом, пожалуйста» (Андреева, 1961, стр. 147). В ответ на просьбу Дымова прислать пьесу М. Ф. Андреева писала 21 сентября (4 октября): «К сожалению, не могу исполнить Вашего желания: сейчас же послать Вам пьесу „Васса Железнова“, так как вошли в переговоры с коммерческим отделением при <журнале> „Театр и искусство“ — с г-ном Кугелем. Они были любезны предложить свои услуги, а для меня лично гораздо приятнее и удобнее иметь дело с одним учреждением, чем с каждым театральным предприятием порознь» (Андреева, стр. 187).

Около 10 (23) сентября пьеса была отправлена Горьким в издательство товарищества «Знание». 15 (28) сентября С. П. Боголюбов сообщал К. П. Пятницкому: «Получил „Железнову“: теперь имею весь материал по 33 сборнику и набираю его» (Архив А. М. Горького, П-ка «Зн», 8-1-35). Он же писал Пятницкому 10 (23) октября: «33-й сборник печатаю; жпво кончу» (там же, П-ка «Зн», 8-1-39). Сборник вышел в свет 26 ноября (9 декабря) 1910 г. Несколько ранее пьеса появилась в Берлине, в издании Ладыжникова.

19 ноября (2 декабря) 1910 г. Горький просил Б. Н. Рубинштейна, своего берлинского уполномоченного по издательским делам, выслать пьесу, вместе с некоторыми другими произведениями, парижской группе социал-демократов (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-37-19-1).

Первые три издания — литографированное, Ладыжникова и XXXIII *Сб Зн* — отличаются друг от друга небольшими различиями. Готовя пьесу для *К*, автор не внес в нее изменений. Но впоследствии, уже после выхода т. X *Гр*₂, пьеса была заново отредактирована Горьким на печатном тексте этого издания. Писатель не датировал эту свою работу. Однако есть основания предположить, что правка была проделана в 1935 г., между маем и декабрем, *после* того, как артисты МХАТ 2-го, известив Горького о своем желании поставить пьесу, попросили его внести в нее «некоторые добавления, диктуемые нашей сегодняшней действительностью»¹, но *до* того, как Горький, в декабре 1935 г., написал совершенно новый, так называемый «второй» вариант «Вассы Железновой» (см. в т. XX наст. изд.).

Работа, приведшая к коренной переделке пьесы, прошла, видимо, через несколько этапов, следовавших непосредственно друг за другом. Сначала Горький только отредактировал пьесу

¹ См. заметку в газете «Комсомольская правда», 1935, № 104, 8 мая.

1910 г., не внося в нее кардинальных изменений. Этот текст, печатаемый в настоящем томе, завершает работу автора над первой редакцией произведения. Но уже на этом томе *Гр₂* запечатлен и следующий этап творческой истории пьесы. Он отражен в правке автором списка действующих лиц. Эта правка, не соответствуя ни первой, ни второй редакциям пьесы, занимает между ними как бы промежуточное положение (см. варианты).

Как свидетельствуют приведенные выше письма М. Ф. Андреевой, осенью 1910 г. «Васса Железнова» была предложена театрам. 7 (20) октября 1910 г. текст ее поступил в театральную цензуру. Разрешив пьесу к представлению, цензор сделал следующие изъятия:

Стр. 201, строки 18—20: «точно уборка перед праздником... да... И всё уборка да уборка... а праздника — нет».

Стр. 208, строки 2—9: «Я сам слышал, как он ее учил однажды... ∞ насчет детей... как надо, чтобы дети не родились... Ну его!»

Стр. 219—220, строки 39—41; 1—2: «Богородице, матушке моей, всё скажу — она поймет! Она грешных нас жалеет... Не она ли говорила архангелу ∞ вот она!»

Кроме того, цензор изъял еще два места, одно из которых отсутствует в настоящей редакции (заменено словами: «для крепости в обхождении с дамами» на *стр. 193, строки 24—25*):

«В а с с а (*усмехаясь*). Ну-у? Шпанские мушки, что ли? М и х а и л. В этом роде, только опаснее...», а другое в *ТИ* имело отличия от настоящей редакции. Ср.:

Стр. 182, строки 34—35: «М и х а и л. Пятьсот. В а с с а. Бог с ним, пусть пользуется».

Почти одновременно с представлением пьесы в цензуру одна из газет сообщила: «В издании „Театр и искусство“ выходит новая пьеса М. Горького: „Васса Железнова“, которая, вероятно, пойдет в Новом драматическом театре» («Речь», 1910, № 281, 13 октября). Видимо, в связи с этой предполагавшейся постановкой «Вассы Железновой» Горький писал 16 (29) октября 1910 г. Е. П. Пешковой: «...вожусь с устройством пьес на сценах и со всякой иной премудростью в этом роде» (*Архив Г. IX*, стр. 101).

В Москве пьеса увидела свет рампы — на сцене театра К. Н. Незлобина — 8 (21) февраля 1911 г. В Петербурге она была анонсирована Новым драматическим театром (см. «Театр и искусство», 1911, № 5, 30 января), но спектакль не состоялся: «Назначенная к постановке на 7-е февраля в Новом драматическом театре пьеса М. Горького „Васса Железнова“ накануне генеральной репетиции неожиданно снята с репертуара. По словам „Биржевых ведомостей“, дирекция отказалась ставить пьесу, не желая удовлетворить высоким материальным требованиям, предъявляемым Незлобиным. Дело в том, что исключительное право на постановку этой пьесы в Москве и Петербурге приобретено К. Н. Незлобиным, переуступившим право постановки

„Вассы Железновой“ в Петербурге Новому драматическому театру» («Театр и искусство», 1911, № 6, 6 февраля, стр. 127).

В конце февраля 1911 г., после закрытия сезона в Новом драматическом театре, часть труппы этого театра организовала выступления «Общедоступной драмы» в театре «Зимний Буфф». Сезон открылся 28 февраля (13 марта) спектаклем «Васса Железнова».

Судя по газетным и журнальным отзывам, спектакли сопровождались успехом и в Москве и в Петербурге. 9 (22) февраля Незлобин телеграфировал Горькому: «...на первом представлении „Вассы Железновой“ переполненный зрительный зал шумно приветствовал пьесу» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-7-29-4). «Новая пьеса М. Горького „Васса Железнова“ прошла с несомненным успехом в Москве, у Незлобина» («Театр и искусство», 1911, № 7, 13 февраля, стр. 160). «Вообще это лучшая постановка театра за сезон» (там же, стр. 156). «У Незлобина „Васса Железнова“ прошла в общем с большим подъемом, и подаром публика так горячо вызывала исполнителей» («Московские ведомости», 1911, № 38, 17 февраля). О постановке в «Зимнем Буфф»: «В труппе — „знакомые всё лица“ из Нового драматического театра <...> Все были на месте. Все играли очень хорошо» («Речь», 1911, № 59, 2 марта). «Играли хорошо, выдержанно» («Рампа и жизнь», 1911, № 11, 13 марта, стр. 16).

Новая пьеса Горького вызвала разноречивые отклики читателей, критиков, театральных рецензентов.

Высоко оценил «Вассу Железнову» М. М. Коцюбинский. В декабре 1910 г. он писал Горькому: «Я сейчас под большим впечатлением от „Вассы Железновой“, глубокой, сильной и оригинальной вещи. И как это удивительно сделано! Взят комок грязи — а из него брызжут яркие искры и освещают такие тайники, что даже жутко становится. Вот оно — это бездонное, темное материнское чувство — начало всего живущего! Помому — создана *большая* вещь. И хочется сказать: спасибо — во имя искусства!» (Коцюбинский, т. 4, стр. 311).

А 19 декабря того же года (1 января 1911 г.) Коцюбинский писал М. Ф. Андреевой: «„Васса“ захватила меня, раскрыла такие глубины сердца, в которые даже жутко заглядывать. Помому, это очень сильная вещь и вполне удалась Алексею Максимовичу» (Андреева, стр. 190).

Примерно к этому же времени относится высказывание о пьесе английского критика и драматурга Джорджа Кальдерона. 17 (30) декабря он писал Горькому: «Я прочел недавно с большим интересом Вашу пьесу „Васса Железнова“, так отчетливо характеризующую (как мне кажется) Вашу точку зрения на жизнь, и хочу говорить о ней в статье, которую пишу для „Quarterly Review“ о новейшем русском театре»¹ (Архив А. М. Горького, КГ-ин-ан-1-22-1).

¹ Статья под названием «Русская сцена» напечатана в журнале «The Quarterly Review», 1912, № 432, стр. 21—42.

В январе 1912 г. Общество русских драматических писателей и оперных композиторов присудило «Вассе Железновой» и пьесе Л. Андреева «Gaudeamus» Грибоедовскую премию за 1910—1911 гг. (см. письмо Горькому председателя Общества И. В. Шпажковского от 30 января/12 февраля 1912 г. — Архив А. М. Горького, БИО-10-40-1).

Первые печатные отзывы о пьесе появились после выхода ХХХIII *Сб Зн.* В одной из библиографических статей (без подписи) говорилось: «В своей новой пьесе „Васса Железнова“ М. Горький возвращается к тому своеобразному миру, который дал ему материал для „Фомы Гордеева“. Не столько, впрочем, психологию, сколько быт разношерстных „торговых людей“ удалось изобразить Горькому. Действующие лица пьесы очерчены правдиво и жизненно; и только главной фигуре — властной купеческой вдове Вассе Железновой недостает четкости...» («Новый журнал для всех», 1911, № 27, январь, стр. 122).

Противоположного мнения о главной героине пьесы был критик В. Кр. (В. П. Кранихфельд): «...интересно задумана центральная фигура пьесы — Васса Железнова. Женщина с недюжинным умом и с железной волей, Васса Железнова не брезгает никакими средствами для осуществления поставленной ею себе цели. Даже яд готова она пустить в ход, чтобы устранить со своего пути противника. И все-таки, среди „никудышных“ людей большой разлагающейся купеческой семьи, она одна привлекает к себе внимание и даже, пожалуй, симпатии читателя, потому что в ней одной чувствуется присутствие, наряду с умом и волей, также и сердца, умеющего любить, но не умеющего найти объект для любви» («Современный мир», 1911, № 1, стр. 363).

Художественную выразительность образа Вассы отмечал и В. Тихонович в заметке «Новый сборник „Знания“»: «С художественной стороны образ <Вассы> по своей яркости и силе напоминает героинь Ибсена». В целом пьеса Горького оценена В. Тихоновичем положительно. В отличие от многих рецензентов, Тихонович увидел, что в «Вассе Железновой», как и в некоторых других произведениях сборника, личные, семейные конфликты не являются самоцелью, а служат раскрытию конфликтов социальных: «Если окинуть общим взглядом весь сборник, то бросается в глаза общий его тон. Все выведенные лица не довольствуются узкими личными переживаниями, а имеют ту или иную „религию“, служат определенному „идеалу“ <...> все эти образы пмеют нечто большее, чем эгоистические желания, чем личная жизнь, и в этом заслуга этого сборника „Знания“ и направления, его выдвинувшего» («Руль», 1910, № 263, 6 декабря).

Отрицательно, как «ненужное и неправдоподобное нагромождение всяческих преступлений», оценил пьесу С. А. Венгеров в статье «Литературные настроения 1910 года» («Русские ведомости», 1911, № 1, 1 января).

Постановка пьесы вызвала новую волну рецензий. Театральные рецензенты из буржуазных органов печати, несмотря на несомненный успех постановок, оценивали пьесу отрицательно, хотя и отмечали в ней удачные места. Эм. Бескин в «Москов-

ских письмах» утверждал: «А что он <Горький> все-таки мастер, — об этом свидетельствуют, несмотря на общую тенденциозность, отдельные страницы, отдельные моменты той же „Вассы Железновой“» («Театр и искусство», 1911, № 7, 13 февраля, стр. 156). «„Васса Железнова“, — признавал реакционный критик Бэн (Б. В. Назаревский), — из всех пьес Горького, включая сюда и „На дне“, всё же наиболее сценична. Внимание к ней не падает почти за всё продолжение действия» («Московские ведомости», 1911, № 38, 17 февраля). Однако он же утверждал, что пьеса является «нагромождением эффектов и драматических положений, внешне довольно ловко сшитых друг с другом, но внутренне не имеющих между собой никакой связи» (там же).

Идейный смысл пьесы, ее обобщенно-философский характер в большинстве рецензий либо извращался, либо игнорировался, содержание драмы сводилось к «шаблонной мелодраме». «Краски у Горького так сгущены, картина нарисована такая мрачная, — писал К. Арн (Solus) (К. И. Арабажин), — что никакие обобщения невозможны <...> Это какое-то „дно“, где убивают, отравляют, развратничают, насильничают; заточают детей в монастырь, поддельвают духовные завещания, уродуют человеческую душу и человеческую жизнь, где сильные и безжалостные хищники несут кару только в убожестве своих детей: кривобоких, тупых, безнравственных дегенератов, где нет ни стыда, ни совести, ни жалости к близким людям и родным, где верный и преданный приказчик — только соучастник в преступлениях, где нет ни смысла, ни цели существования <...> Пьеса Горького — мрачный анекдот, эпизод уголовного характера, но не типичное воспроизведение быта <...> Никакой идеи не извлечь из этой криминальной пьесы» («Солнце России», 1911, № 18, март, стр. 10).

И все-таки одна из тем пьесы — тема социального вырождения русской буржуазии — была почувствована К. Арабажиным и вызвала у него резкое возражение. «Наша нарождающаяся буржуазия, — возмущался он, — которой еще столько нужно создать на Руси, по мнению Горького, — уже разлагающаяся, гниющая среда, уже покаранный богом в подрастающем поколении...» (там же).

Типичность образов пьесы отрицал и рецензент право-кадетской газеты Влад. Азов (В. А. Ашкинази): «В литературе так много семейств, история и судьба которых живо меня интересуют <...> А вот семья Железновых несколько мне не интересна <...> Что в ней — в этой семье? Итоги настоящего? Ключи прошлого? Истоки будущего? Россия в ней, что ли, отразила свой лик <...>? Ничего подобного <...> Это скучный рассказ господина N о своих знакомых гг. Железновых, проживающих в городе NN» («Речь», 1911, № 59, 2 марта).

По-разному, но почти всегда примитивно, без проникновения в глубину, трактовался образ Вассы. Упомянутые рецензенты или рассматривали его как перепев давно известных образов, или недоумевали по поводу его смысла. Эм. Бескин утверждал, что Васса — «какая-то Кабаниха от мещанства, убежденно сознающего, что без греха не проживешь <...> Несомненно,

здесь, в этой ненависти к мещанам, пересол, натяжка, тенденция <...> Мещанка не обогрится в крови <...> Если Васса Железнова способна на преступление — она просто уголовный персонаж, а не мещанка. Что же касается инстинкта материнства — он совершенно тот же для мещанки, как и для женщины другого класса. И желание ударить пнемно по этому месту так искусственно, так не выдерживает художественной критики, что кладет печать тенденциозной фальши на всю пьесу. Это пнемно та классовая тенденция, которая взяла у Горького верх над чутьем художника, которая привела в тупик этого мастера слова» («Театр и искусство», 1911, № 7, 13 февраля, стр. 156).

Влад. Азов пронизировал: «Сухая и черствая Васса Железнова нежно ухаживает за своим садом, и это дает повод ее невестке произносить какие-то туманные тирады о саде будущего. Ах, сады меня тоже очень интересуют, — например: „Вишневый сад“, — но какое мне дело до сада старухи Железновой? Наверно в нем растет крыжовник и из этого крыжовника старуха варит осеннее варенье. Какое мне дело до этой старухи и до ее варенья?» («Речь», 1911, № 59, 2 марта).

«Удивительная пьеса! — писал Бэн. — Чем дальше в нее вдумываешься, тем меньше видишь в ней смысла. Что побуждает Вассу на все ее преступления? Она оправдывается любовью к детям? Кого же из детей она любит безумно материнскою любовью? По ходу действия — никого. Семена она презирает за его глупость, к Павлу относится с брезгливым состраданьем, Анна для нее только выгодный сообщник, ее отношения с дочерью носят чисто деловой характер <...> Поэтому все разглагольствования ее о любви к детям звучат нестерпимую фальшью, хотя автор и подчеркивает и выдвигает на первый план эти ее рассуждения» («Московские ведомости», 1911, № 38, 17 февраля). Если для большинства критиков Васса — просто отрицательный образ, то Бэн ощущает авторскую симпатию к ней, и это ставит его окопчательно в тупик:

«Образ Вассы всё время расплывается, теряется в противоречиях, и зрителю как-то трудно уловить ее очертания <...>

Какая, наконец, основная мысль пьесы? Может быть, автор хотел представить гниение, разложение „буржуазной“ семьи? Очень вероятно, но только зачем тогда он выставил Вассу, отталкивающую нас своими поступками, в таком симпатичном свете?» (там же).

В приведенных критических высказываниях образ Вассы фигурировал как однозначно-отрицательный; но были и противоположные суждения, со столь же однозначной оценкой. Так, В. Иль (В. Н. Ильнарская) писала: «Горький любит женщину, любит хорошей любовью, рыцарски. Он ставит женщину на пьедестал и даже жестокости ее находит оправданье. В последней пьесе — „Васса Железнова“ он выставил женщину — не побоялся выставить все ее недостатки, но всему этому нашел оправдание в ее стремлении к творчеству новой жизни, хотя бы ценою страшных жертв <...> она украшает грязную, черную землю цветами, а свою темную жизнь мечтой о прекрасных, здоровых

внуках, которые будут жить красивой, здоровой жизнью» («Рампа и жизнь», 1911, № 7, 13 февраля, стр. 10).

Некий критик, подписавшийся инициалами С. В., говорил о Вассе, что она «с никчемными сыновьями и сродственниками расправилась» и собирается нянчить внучат, пытался истолковать ее образ философически: «Она убивает, она и рождает — не символ ли Времени, рождающего и пожирающего собственных детей?» Критик сожалел, что до этого символа у Горького трудно добраться «через непроходимую толщу скучных бытовых мелочей, через нагроможденное без нужды уродство, через ненужные мелодраматические эффекты» («Театр и искусство», 1911, № 10, 6 марта, стр. 207).

Идейный смысл и общественно-политическое содержание «Вассы Железновой» раскрыл В. В. Воровский в критическом этюде «Две матери», напечатанном в большевистской газете «Звезда», 1911, № 4, 6 января. Критик-марксист сопоставил два образа — Ниловны (из романа «Мать») и Вассы¹. Так же, как и Ниловна, Васса, по словам Воровского, «тоже любящая и болеющая душой за своих детей мать» (*Воровский*, стр. 320). «Две матери, вышедшие из той же среды, вынесшие сходные душевные задатки, проникнутые тем же чувством материнской любви, попав в различные общественные обстановки, стали противоположностями друг к другу...» (там же, стр. 323). Трагедия Вассы — в противоречии между материнским чувством и собственнической «моралью», в том, что эта женщина «продала свою волю, свой ум, свои силы дьяволу золота, и все ее чувства и действия отныне подчинены воле этого хозяина» (там же). «Богатство становится самоцелью, абсолютной жизненной задачей <...> И к этой формуле богатства ради богатства подгоняются и притягиваются за волосы те человеческие отношения, которыми стараются оправдать и осмыслить такое накопление. Не материнская любовь руководит в конце концов этим стремлением Вассы к деньгам, а само это стремление приводит ее к необходимости

¹ Избранный Воровским аспект свидетельствует о пронзительности критика, подошедшего к одной из важнейших философско-нравственных проблем творчества Горького. Образ женщины-матери, постоянно привлекавший внимание Горького, был связан для него с идеей вечного созидания, борьбы за торжество жизни на земле. Вместе с тем для Горького характерен социальный подход к этой теме. 15 декабря 1926 г. Горький писал Ольге Форш: «Мое, от юности свойственное мне, преклонение и удивление перед силою женщины <...> давно уже навело меня на мысль, что <...> власть над миром должна перейти к жене и Матери Земли» (*Лит. Насл.*, т. 70, стр. 593). Впоследствии, как вспоминает академик И. И. Минц, писатель говорил: «А вот название „Мать“... У меня временами появлялось желание дать серию образов... Мать — волчица, стяжательница у них, и мать — страдалница во имя счастья для всех у нас, у передового класса...» («Литературная газета», 1968, № 18, 1 мая, стр. 6).

сделаться матерью, то есть иметь „законных“ наследников. Свои дети никуда никуда, и вот она подыскивает себе детей-наследников к готовому состоянию. „<...> Не удались сыновья, внуками жить буду...“ (там же, стр. 322).

«Васса Железнова» шла на сцене не только столичных, но и провинциальных театров: в Николаеве, Таганроге, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Симбирске и др., причем в некоторых из них — до того, как была поставлена в Театре Незлобина. Об отдельных постановках Горький знал. Так, в письме, относящемся к осени 1910 г., И. М. Касаткин сообщал Горькому из Нижнего Новгорода: «Позавчера здесь, в Народном доме, ставили первый раз „Вассу Железнову“» (Архив А. М. Горького, КГ-п-34-16-15). «Видел в театре „На дне“ и „Вассу Железнову“, — писал из Ростова-на-Дону в октябре 1910 г. П. Х. Максимов (там же, КГ-п-49-2-1).

В некоторых театрах «Васса Железнова» продержалась несколько лет, но затем из репертуара исчезла. Новая сценическая жизнь пьесы началась уже после Октябрьской революции. В 1920 г. «Репертуарная коллегия при Петроградском театральном отделении, рассмотрев вопрос о репертуаре Петроградского драматического театра, высказала пожелание, чтобы этот театр принял русский бытовой репертуар с трагическим уклоном». Среди предложенных к постановке пьес значилась и «Васса Железнова» («Жизнь искусства», 1920, № 581, 13 октября). Но в это время пьеса поставлена не была. Многочисленные постановки «Вассы Железновой» были осуществлены позднее, в 1930-х годах.

Стр. 186. ... *Риголета кособокая*... — Риголетто — придворный шут в одноименной опере Д. Верди, написанной по драме Жюльо «Король забавляется».

Стр. 190. ...*все дела рук человеческих — грех один*. — «Философия» секты бегунов, основанной в последней четверти XVIII века богатым солдатом Евфимием, призывавшим рвать всякие связи с обществом и ждать «конца света».

Стр. 201. *Время было такое... особенное*. — Имеются в виду события 1905—1907 годов.

Стр. 205. *Валаамова ослица* — выражение, возникшее из библейской легенды о заговорившей ослице прорицателя Валаама (Библ. Числа, гл. 22, стихи 27—28).

Стр. 206. ...*плод любви несчастной*... — Из раннего стихотворения А. С. Пушкина «Романс» («Под вечер, осенью ненастной», 1814), получившего распространение в качестве популярного романа.

Стр. 219. *Не она ли говорила архангелу*... — Далее Васса пересказывает соответствующее место из «Хождения богородицы по мукам», популярного памятника апокрифической литературы (см.: «Памятники отреченной русской литературы», собраны и изданы Николаем Тихонравовым, т. II. М., 1863, стр. 27).

ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА

(Стр. 235)

Впервые напечатано отдельной книгой: М. Горький. Фальшивая монета. Сцены. Berlin, Verlag «Kniga», 1927. На шмуцтитуле обозначено: «Написана в 1913 году».

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф пьесы, без заглавия, с большой правкой автора, представляющий собой первую редакцию — ЧА (ХПГ-47-6-1).

2. Автограф и машинопись (первый акт — 7 стр.) с многочисленными авторскими вставками и наклейками — АМ₁ (ХПГ-47-6-3).

3. Отрывки и отдельные сцены из II и III действий — автограф (ХПГ-47-6-4).

4. Автограф с заглавием рукой автора — «Фальшивая монета», со вставками и наклейками, и машинопись с большой авторской правкой — АМ₂ (ХПГ-47-6-2).

5. Примечания к пьесе — черновой автограф на 3-х листах — ПЧ (ХПГ-47-6-5).

6. Выписки из пьесы «Фальшивая монета», список актеров на немецком языке (ХПГ-47-6-6).

7. Пролог к пьесе «Любительский спектакль» — автограф, написанный темно-синими чернилами со вставками на полях и большими вычерками синим карандашом (ХПГ-47-6-7).

8. Надпись для обложки «Фальшивая монета» — факсимиле Горького (ХПГ-47-6-8).

9. Сцена из пьесы, фотокопия: «Глинка сносит с верха зеркало ∞ Дурак...» (ХПГ-47-6-9).

10. Машинописный текст с неавторской правкой и вставкой, с которого переводилась пьеса на венгерский язык — М (ХПГ-47-6-10).

11. Отрывок из пьесы — по-видимому, набросок к прологу «Любительский спектакль» (ХПГ-49-14-1).

Печатается по отдельному изданию К со следующими направлениями:

Стр. 242, строка 40: «с узлом на руке» вместо «с узлом в руке» (по АМ_{1,2}).

Стр. 243, строки 1—2: «пожарище-то каково!» вместо «пожарище-то каково!» (по ЧА и АМ_{1,2}).

Стр. 243, строки 2—3: «всюю ноченьку» вместо «всю ноченьку» (по ЧА и АМ_{1,2}).

Стр. 247, строки 39—40: «Чему быть, того не миновать...» вместо «Чему быть, тому не миновать» (по ЧА и АМ₂).

Стр. 252, строка 36: «Глинка напоминает» вместо «Глинка напоминает» (по АМ₂).

Стр. 254, строки 38—39: «Что ты какая?» вместо «Что ты такая?» (по ЧА и АМ₂).

Стр. 266, строки 38—39: «Меня он интригует» вместо «Меня он интересует» (по ЧА и АМ_{1,2}).

Стр. 270, строки 10—12: «Я — пряталась, я жила, сама

себя не видя... как в тюрьме жила в темноте души моей!» вместо «Я пряталась в темноте души моей» (по *АМ₂*).

Стр. 270, строка 13: «изумлен ее возбуждением» вместо «изумлен, с возбуждением» (по *АМ₂*).

Стр. 270, строки 27—28: «с жадностью к деньгам» вместо «с жадностью и деньгами» (по *АМ₂*).

Стр. 271, строки 29—30: «смотрит на них, говоря угрюмо и зло» вместо «смотрит на них угрюмо и зло» (по *АМ₂*).

Стр. 276, строка 30: «Н а т а ш а (тихо). Всегда? Нет!..» вместо «Н а т а ш а. Всегда? Нет!..» (по *АМ_{1,2}*).

Стр. 281, строки 31—32: «протоколы допроса и ваше заключение по делу Краевых» вместо «протоколы допроса по делу Краевых» (по *АМ₂* и *М*).

Стр. 282, строка 39: «Яду выпил!» вместо «Я выпил!» (по *АМ₂*).

Стр. 286, строка 9: «Стоит у двери» вместо «Стоит у дверей» (по *АМ₂*).

Стр. 289, строка 35: «возбужденный» вместо «возбужденно» (по *АМ₂*).

Стр. 291, строка 9: «пожалуй, это я его свел с ума...» вместо «пожалуй, что я его свел с ума...» (по *М*).

Стр. 291, строки 10—12: «Тут был человек... он давно ходит за мной, он изуродовал всю мою жизнь» вместо «Тут был человек, он изуродовал всю мою жизнь» (по *ПЧ*).

Замысел пьесы «Фальшивая монета» связан с возникшей у Горького идеей создать мелодраму нового типа. «В личной беседе, — вспоминал А. В. Луначарский, — наш знаменитый писатель говорил мне, что собирается написать пьесу в стиле старых мелодрам. Я горячо приветствовал эту мысль» (А. Луначарский. Социализм и искусство. — В кн.: Театр. Книга о новом театре. СПб., 1908, стр. 34). Эту же мысль Горький развивал в письмах к русским театральным деятелям — К. С. Станиславскому, Н. А. Румянцеву и другим. 16 (29) августа 1910 г. он писал Л. А. Сулержицкому: «Думаю о мелодраме, но — особенного типа. Считаю мелодраму — настоящейшей потребностью времени и необходимостью для России» («Новый мир», 1961, № 6, стр. 187).

После отъезда гостившего на Капри (декабрь 1911 — январь 1912 г.) члена правления МХТ А. А. Стаховича Горький в письме к Румянцеву и актрисе Художественного театра Т. В. Красковской сообщал: «Собираюсь писать для вас, по его (Стаховича) заказу, пьесу: в ней будет часовых дел мастер, фальшивомонетчики, настоящий князь, поэт и — боров! Огромный, девять пудов весу, тоже аристократ, норкширский! Часы будут, мыши, тараканы, курицы — очень весело! Вообще — поставяюсь!» (*Лит Насл.*, т. 74, стр. 69).

Видимо, в это время Горький и приступил к работе над пьесой «Фальшивая монета». М. Ф. Андреева в письме к Т. В. Красковской (начало 1912 г.), имея в виду Стаховича, спрашивала: «Писал ли „генерал“, как Вы его называете, о задуманной Алексе-

ем Максимовичем пьесе „Часовой мастер“? Пожалуй, эту действительно в Художественном театре играть будут, если судить по началу» (*Андреева*, стр. 707).

Опираясь на письмо Горького к П. П. Крючкову от 3 января 1927 г., в котором говорится, что в 1913 г. И. П. Ладыжников, будучи на Капри, перепечатал пьесу на машинке, — можно высказать предположение, что первая редакция пьесы была закончена в ноябре — декабре 1913 г. Тогда же она была перепечатана в нескольких экземплярах, из которых два (2-й и 3-й) позднее послужили основой для второй и третьей редакций пьесы. Эти экземпляры хранятся в Архиве А. М. Горького (ХПГ-47-6-3 и ХПГ-47-6-2).

Уже в ранней редакции пьесы был ряд персонажей, сохранившихся в окончательном тексте, в частности — кривой часовщик Яковлев. У этого персонажа был реальный прототип. «Презжал дядя Яков с гитарой, — рассказывал Горький в повести „Детство“, — привозил с собою кривого и лысого часовых дел мастера, в длинном черном сюртуке, тихонького, похожего на монаха <...> Был он темненький, его единственный глаз смотрел на всех как-то особенно пристально...» (*Г-30*, т. 13, стр. 140). Об этом же человеке Горький вспоминал и в статье «О сказках» (1935): «...к моей матери сватается одноглазый часовщик Яковлев, а она не хочет выходить замуж за него, хотя у одноглазого три тысячи в банке лежит...» (*Г-30*, т. 27, стр. 397). В рассказе «Несогласный» надзиратель Курнашов вспоминает: «...перешел я к часовщику, был такой часовщик <...> кривой. Три года прожил у него, гляжу — а он монету чеканит золотую» (*Г-30*, т. 14, стр. 193). Об этом же прототипе кривого часовщика Горький писал и в наброске ответа на анкету m-me Куделлус, отпосыщаемся, видимо, к 1927 г.:

«Я начинаю пьесу от человека, а человек начинается для меня с его мысли [с речи], т. е. с наиболее таинственного в нем.

[Обычно происходит так: случайно] Лет [тридцать] д в а д ц а т ь п я т ь тому назад старик, часовых дел мастер, в Крыму, в Ялте, сказал при мне моему другу, доктору:

— Ваш золотой — фальшивый.

Он сказал это с радостью, в которой чувствовалось озлобление.

[Спустя] Я почему-то вспомнил эт[у]и [фра] слова в 913 году и задумался: почему старик был обрадован, найдя монету фальшивой?

Затем я стал писать пьесу на эту тему» (*Лит Насл.*, т. 74, стр. 68—69).

Почему именно в тот период Горький настойчиво возвращался к «кривому часовщику» и, наконец, в 1912—1913 годах, вспомнив слова ялтынского старика, начал писать пьесу? Это объясняется рядом причин. Одна из них связана с известным спором о «карамазовщине». С 1910 г. В. И. Непирович-Дагченко стал включать в репертуар Московского Художественного театра инсценировки произведений Достоевского, в их числе и романа

«Бесы». Горький считал это «затеей» несвоевременной, мешающей подъему настроения в демократических слоях, выгодной тем, кто внушает «отвращение к жизни, к человеку» (Г-30, т. 24, стр. 148).

В начале 1914 г. в беседе с журналистом М. Ниротморцевым Горький, подчеркнув свое отрицательное отношение к инсценированию произведений Достоевского Художественным театром, говорил: «Человечество не может дальше жить в полосе пессимизма и отчаяния...». В этой беседе он развивал свою заветную мысль о новых сценических формах:

«Что касается будущих сценических форм, то, мне кажется, они еще не найдены<...>

Старая драматическая форма отжила свой век, новая только намечается. Вообще драматическое произведение ближайшего будущего рисуется мне как мелодрама, проникнутая романтическим <на>строением» («Утро России», 1914, № 38, 15 февраля).

Первая редакция пьесы «Фальшивая монета» и была написана Горьким в форме новой мелодрамы. Эта редакция не удовлетворила автора и осталась неопубликованной (см. ее в томе вариантов; впервые напечатана в *Лит. Насл.*, т. 74). К этому времени относится попытка Горького переработать пьесу — написать новый, менее «благополучный» финал, но эта переработка не была доведена до конца. Когда же он вернулся к пьесе в 20-х годах, его увлечение мелодрамой прошло: работая над пьесой, он упорно стал освобождать ее от элементов мелодрамы, существенно меняя характер коллизии и весь стиль.

Архивные материалы, относящиеся к «Фальшивой монете», состоят из 150 страниц большого формата и около 60 листов малого формата автографов Горького, 30 страниц машинописи с авторской правкой и множества небольших отрывков, вырезанных из машинописных страниц и также правленных рукой Горького.

Самой ранней из сохранившихся рукописей является ЧА, содержащий законченный текст трех действий, из которых последнее имеет две картины. Судя по многочисленным вставкам, вклейкам, вычеркам, эта рукопись является уже результатом большой предварительной работы.

Все персонажи, кроме Лузгина, действующие в печатной редакции, имеются уже и в ЧА. Кроме них, встречается одно лицо, позднее исключенное Горьким. Это Кирик, подмастерье Яковлева, «юноша лет 23, с лицом скопца». Характеристика выродившегося дворянства в лице Кемского и Глинкина, алчности и фальши мещанства в лице Яковлева, Бобовой, Клавдии и Дуни была дана Горьким уже на первом этапе работы.

Первые два действия в ЧА по содержанию мало отличаются от печатного текста. Но Сожителев (в последней редакции — Стогов) здесь не сыщик, а фальшивомонетчик, старающийся втянуть в свои дела Яковлева. Это придает иной характер столкновению действующих лиц. Сожителев говорит с Полной грубо, требовательно; в первоначальном варианте, обнаруженном под налейкой, речь Сожителева была еще грубее (см. варианты). Ни-

чего не сообщается и о прошлом Полины, кроме неясного упоминания, что у нее на душе какой-то грех и что она сидела в тюрьме.

Последнее действие в ЧА развивалось в направлении, прямо противоположном окончательному тексту — *АМ₂*. Узнав о преступной деятельности Сожителява, Полина приняла решение спасти его. Ее слова о том хорошем, что есть в душе каждого человека, смогли повлиять даже на Бобову и Яковлева.

«Примирительная» концовка пьесы не удовлетворила Горького и, вероятно, очень скоро вызвала потребность в переработке пьесы, в освобождении ее и от тех мотпвов, которые приводили к этой развязке.

На следующем этапе работы, который можно назвать попыткой создания второй редакции пьесы — *АМ₁*, Горький поставил Сожителява и Полину в совершенно иные отношения друг к другу. Радикальное изменение главной сюжетной линии не требовало столь же решительной перестройки боковых линий. Поэтому автор не стал переписывать все сцены заново — ему достаточно было переработать текст, который касался отношений Полины и Сожителява. Оставив прежнюю завязку, Горький направил внимание Сожителява в сторону Наташи. Полина стала вызывать у Сожителява только жалость. В соответствии с новым замыслом, Горький изменил положение Наташи в семье: она — не жена, а невеста Глинкина.

Каким должно было стать III действие в *АМ₁*? В Архиве А. М. Горького сохранился набросок плана III действия и два варианта (в отрывках), относящихся к первой его части. Как план, так и оба варианта III действия не дают ответов на многие вопросы. Но основное изменение, внесенное Горьким в пьесу, совершенно ясно: Горький отказался от финала, в котором звучали слова Полины о «всеобщей жалости».

Новая попытка Горького переработать пьесу относилась к 1923—1924 годам. 13 июля 1924 г. в письме к поэту В. Ф. Ходасевичу Горький сообщал: «Сочиняю пьесу, у которой главное действующее лицо — Чёрт, он фабрикует фальшивую монету» («Новый журнал», 1952, кн. 31, стр. 195). 10 августа Горький получил письмо от М. И. Будберг, в котором речь идет о «пьесе с чёртом»: «Как подвигаются Атамановы? А пьеса? В одном американском журнале есть пьеса с чёртом, но плохая» (Архив А. М. Горького, КГ-рзп-1-157-60). Фантастический мотив пьесы наиболее отчетливо отразился в прологе к «Фальшивой монете» — «Любительском спектакле», где основным героем оказался Чёрт — Лузгин. Лузгин — частный поверенный (в *АМ₁* — агент полиции) вводится и в пьесу, ему уделено большое внимание. Наброски «Любительского спектакля» написаны на оборотной стороне рукописи «Дела Артамоновых» — первой главы, пад которой писатель работал примерно в это же время. Судя по фрагментам, Горький собирался дать для пьесы специальное обрамление с элементами фантастики, состоящее из пролога, сцен между действиями и эпилога.

Эта редакция «Фальшивой монеты» осталась незавершенной. Сюжет приобрел иной характер. Полина кончает самоубийством.

Из пьесы убран Кирик, его реплики передаются Ефимову и Якову, а идея «наследства» и «наследников» — Лузгину. С последним связан появляющийся в пьесе новый философский мотив, занявший в *АМ₂* важное место, — тщетные поиски людей, имеющих право на «невыносимо большое наследство», символизирующее совесть и честь.

Весной 1926 г. немецкий режиссер Макс Рейнгардт предложил Горькому написать для берлинского театра пьесу. Горький принял это предложение. 24 июня 1926 г. он сообщал А. К. Воронскому, что должен был прервать работу над «Жизнью Клима Самгина», чтоб переделать для театра Рейнгардта одну из пьес, написанных им в 1913 г. (*Архив Г_x*, кн. 2, стр. 36). О том же он сообщал в письме к И. А. Груздеву от 5 мая 1926 г.: «...продаю немцам пьесу, написанную 13 лет тому назад, которую я ни печатать, ни ставить не хотел. Горестно» (*Архив Г_x*, стр. 49).

Судя по письмам М. И. Будберг к Горькому, пьеса была им закончена весной — летом 1926 г. и дважды перепечатана (в мае и августе). Это была последняя редакция «Фальшивой монеты». Отличие ее от предыдущей редакции состоит в том, что из пьесы удален фантастический элемент (аллегорический образ Чёрта), яснее определены психологические характеристики персонажей и их отношения (см. ниже пояснения Горького к пьесе).

Сразу же после окончания работы над пьесой писатель послал ее «Русскому театру»¹ Татьяны Павловой. Получив пьесу, антрепренер этого театра Я. Л. Львов писал М. И. Будберг 2 июня 1926 г.: «Сообщите мне, можно ли сейчас же ставить в Америке „Фальшивую монету“» (*Архив А. М. Горького*, ПТЛ-10-86-3). 9 октября 1926 г. он же сообщал: «Татьяна Павловна в Америке не поставила „Фальшивую монету“, ибо сезон был чрезвычайно короткий — всего 90 дней <...> „Фальшивую монету“ Татьяна Павловна начала репетировать. Но мы не знаем, где лучше сделать премьеру: в Турине или в Милане, где труппа играет с 15 ноября до 7 декабря. Напишите мне, не могли бы приехать Алексей Максимович и Вы на последние репетиции и на премьеру. Это было бы очень ценно» (там же, ПТЛ-10-86-8).

21 мая 1926 г. рукопись пьесы была выслана в Будапешт переводчику Гуго Геллерту (см.: *Архив Г_{viii}*, стр. 163).

К этому же времени появляются в советских газетах сообщения о «новой» пьесе Горького. Первое упоминание — в корреспонденции Е. Геркена (посетившего писателя в Сорренто в мае 1926 г.): «Зимой в берлинском театре Рейнгардта пойдет его новая трехактная пьеса „Фальшивая монета“. Начатая еще в 1913 году, она только теперь им закончена» («Красная газета», веч. вып., 1926, № 143, 22 июня).

Директор МХАТ 2-го И. Н. Берсенев, побывавший в

¹ Русский театр был основан в Италии актрисой Т. П. Павловой (наст. фамилия — Зейтман). В его репертуар входили почти все пьесы Горького. С наибольшим успехом в Италии и в Америке шла пьеса «На дне».

августе в Италии, опубликовал краткое сообщение о своей встрече с Горьким:

«Наша беседа с А. М. была чрезвычайно интересна <...> Я попросил Алексея Максимовича прочесть мне его новую пьесу.

История этой пьесы такова. Она была задумана довольно давно. Были сделаны наброски к первым двум актам, но дальше дело не пошло. Когда в прошлом году Макс Рейнгардт предложил Горькому написать для его театра пьесу, Алексей Максимович вспомнил об этих набросках и принялся за работу. Весной текущего года и была закончена „Фальшивая монета“.

На следующий день после моего посещения А. М. он читал мне „Фальшивую монету“. В ней много бытового юмора, который Горький передал с большим мастерством и силой. Вся пьеса выдержана в тонах Горького, с его скупым, острым и образным языком <...>

После окончания чтения мы стали обмениваться мнениями о пьесе. Алексей Максимович ухватился за сделанное мною замечание по поводу последнего акта и, когда на следующее утро я входил к нему, он встретил меня словами: „А я уже финал переделываю“.

От имени 2 Художественного театра я просил Алексея Максимовича предоставить нам пьесу „Фальшивая монета“ в исключительное пользование. Он согласился» («Вечерняя Москва», 1926, № 204, 6 сентября).

Эти сообщения подхватили газеты Вены, Праги, Милана, Берлина и других городов Европы. К Горькому в Сорренто со всех сторон стали поступать запросы от издателей, театральных деятелей, переводчиков.

В июле 1926 г. к Горькому обратился с письмом чешский журналист и переводчик Винценц Червинка:

«...на днях я читал в „Красной газете“, что у Вас есть новая пьеса „Фальшивая монета“, которую зимой будут ставить в Берлине.

Как чешский переводчик русских авторов для обоих первых чешских театров в Праге (Национальный театр и Городской театр) имею честь просить Вас, не угодно ли Вам будет прислать мне оригинал Вашей драмы для перевода <и постановки> на сцене театра, который ставил Ваши пьесы „Мещане“ и „На дне“» (Архив Г_{VIII}, стр. 423—424).

В письме от 6 августа представитель издательства «Petropolis» просил П. П. Крючкова помочь получить ему исключительное право на распространение и постановку пьесы «Фальшивая монета» в Германии и других странах (Архив А. М. Горького, КГ-изд-48-5-1).

13 октября от имени издательства «Новая Москва» к Горькому обратилась С. А. Малиновская: «...в издательство поступают требования на Вашу пьесу „Фальшивая монета“. М. б., Вы будете добры указать, с кем вести переговоры по этому вопросу. Редакция очень ждет Ваших пьес» (Архив А. М. Горького, КГ-изд-47-20-1).

20 ноября 1926 г. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей сообщало Горькому: «Директор одного из самых крупных театров в Праге <...> желает поставить в своем театре Вашу пьесу „Фальшивая монета“» (там же, КГ-коу-3-87-2).

Пьесу готовили к постановке сразу в нескольких театрах СССР, Германии, Италии и других стран. Шли репетиции в МХАТ 2-м; пьеса была принята к постановке в Ленинграде Академическим театром драмы (письмо В. В. Шверубовича Ладыхникову от 18 ноября 1926 г.— Архив А. М. Горького, ПТЛ-6-60-1).

В сентябре 1926 г. Горький выслал рукопись в издательство «Книга» П. П. Крючкову. Тогда же экземпляр машинописи был передан переводчику Эрihu Бёме, представителю театральных предприятий в Берлине. 14 октября 1926 г. Э. Бёме написал письмо Б. Рубинштейну, высказав опасение, что пьеса (особенно — финал) не будет понята немецкими зрителями. Переводчик ставил десять вопросов автору (Архив А. М. Горького, ПТЛ-ш-1-3-1).

В связи с этим Крючков писал Горькому 14 октября 1926 г.:

«Перевод Вашей пьесы уже закончен, переводчик Бёме отделяет только некоторые места <...> Завтра буду говорить с переводчиком, он не понимает конца пьесы и просит дать ему пояснение пьесы и характеристику лиц. Я не берусь это делать и очень просил бы Вас написать мне подробно о пьесе, чтобы я мог передать это переводчику.

Из разговоров с немцами я выношу впечатление — они восторгаются первыми двумя актами, а третий им не понятен — они не понимают конца. Александр Моисе, который читал манускрипт пьесы, сказал мне сегодня — он ждал еще четвертого акта, — третий акт кончится, а зритель будет ждать еще. Напишите мне Ваше мнение об этих суждениях, дабы я мог давать без риска пояснения немцам, а им это нужно сделать» (Архив А. М. Горького, КГ-п-41а-1-5).

Дать пояснения к пьесе просили и другие переводчики и театральные деятели. Горький написал Эрihu Бёме: «*Стогов* — агент уголовной полиции, он явился в город искать фальшивомонетчиков. Вполне естественно, что он находит Бобову, приемщицу краденого, известную полиции. Стогов — порядочный человек, но в прошлом у него что-то темное, скорее — ошибка, чем преступление. Полина говорит о нем: „Был кассиром на вокзале“, значит, возможны просчет или потеря денег, объясненные как растрата. Он способен к работе более почтенной, но утратил надежду найти такую работу. К себе относится равнодушно, как человек, уже проигравший лучшее свое; свое полицейское дело — не любит. На людей смотрит презрительно, считая себя наказанным ими выше его вины. При случае не прочь отомстить за это. Ознакомься через Бобову с трудной жизнью Полины, он ее жалост, готов помочь ей, но Наташа своей живостью и душевным здоровьем быстро изменяет его отношение к Полине. С Наташей он говорит искренно, однако не питая никаких надежд, что она ему поможет жить.

Лузгин — душевнобольной, этим всё сказано. Однако это не делает его фигурой драматической в первых двух актах, он — комичен, но без шаржа, разумеется. Себя, в зеркале, он видит врагом своим, существом, которое испортило ему жизнь. Была в его прошлом драма, в которой потерпел его сын. И, очевидно, сыграла губительную роль женщина. В его крик: „Где сын“ вставьте: „мой“. „Ты съела сына моего? Это ты оторвала его от меня? Ты или нет? И будешь ты царицей мир-ра“. Эта фраза из оперы „Демон“ — из арии Демона Тамаре — лейтмотив его болезни. Он — частный поверенный по делам, действительно ищет наследников к выморочному имуществу, — имущество это воплощается для него в фальшивой монете. Но можно думать, что имущество, которое некому унаследовать, это: честь, совесть и т. д.

Клавдии — 25—28 лет. Ее замечание о фальшивой монете вполне понятно: фальшивую монету делают в этом городе.

Зеркала нет в первом акте. Лузгин видит его во втором. Но, конечно, можно повесить его и в первом. Предложите режиссеру найти место для сценки, которую я прилагаю.

Почему повивальная бабка, т. е. акушерка, — „проклятая“? Да просто Стогову захотелось обругать ее.

Кемской не впервые приносит Наташе уток. Он их покупает, но говорит, что сам застрелил. В третьем акте Бобова говорит об этом.

Конец первого акта должен оставить впечатление комическое.

„Наша жизнь полна чудес“ — фраза из глупейших кафешантаных куплетов:

„Наша жизнь полна чудес,
Всё то, что красиво,
Всё то, что фальшиво,
Нам дарит веселый бес,
Да, да — веселый бес,
Верный друг всех повес“ и т. д.

Из слов Клавдии о кинематографе выкиньте „вчера“.

Смысл пьесы можно найти в словах Стогова, Вами подчеркнутых ¹.

Отношение Полины к Стогову вначале — отношение женщины, оскорбленной им и не верящей ему, затем — у нее является надежда, что, может быть, Стогов серьезно хочет помочь ей. Но он уже не видит ее из-за Наташи, <Полина> чувствует, что Наташа искренно заинтересована им, и — боится этого.

Очень важна сцена между Полиной и Наташей в начале третьего акта, тут Полина ясно видит, что ей надеяться не на что.

¹ В своем письме Э. Бёме подчеркнул слова в реплике Стогова: «...настоящего человека отличить от фальшивых можно, только поставив на него свой знак. Но это — портит его».

Кемской искренно, почти до слез, огорчен тем, что Наташа не дала ему торжественно объявить себя ее отцом.

В огорчении Ефимова своим безличием допустимы даже нотки драматизма. Это, на мой взгляд, роль для очень серьезного комика.

Яковлев, мне кажется, достаточно ясен. В 3-м акте, когда он плачет, он может тронуть сердце.

Также, я думаю, понятны Глинкин, Бобова, Дуня.

Полагаю, что темп игры не должен быть медленным и что в пьесе следует подчеркнуть элементы комедийные» (*Г-30*, т. 12, стр. 460—461).

На просьбу переводчика написать «Пролог» к пьесе Горький ответил:

«Я [не считаю пьесу символической, и] не могу написать „Пролог, который ввел бы зрителя в символическое значение пьесы“, мне она кажется достаточно ясной и уже не очень символической. Но, может быть, пьеса будет понятнее, если в конце 3-го акта после гордых слов Ефимова: „А ведь, пожалуй, это я его свел с ума!“ — Лузгин скажет так:

Лу з г и н (*указывая на зеркало*).

Тут был человек... он давно ходит за мной, он изуродовал всю мою жизнь. (*Повышая голос.*) Сына оторвал от меня... Женщину... Был фальшив, как бес. Притворялся, что знает несокрушимые законы. Он — правду оболгал... он оболгал всю правду.

Занавес) (Архив А. М. Горького, ХПГ-47-6-5).

Пьеса «Фальшивая монета» получила резко отрицательную оценку еще до выхода ее в свет. Эта оценка принадлежала А. В. Луначарскому, прочитавшему произведение в рукописи. Не дожидаясь выхода пьесы из печати и появления ее на сцене, он писал в статье «Фальшивая монета»:

«Уж подлинно можно сказать, что если страна жаждет от Горького ценного подарка, то в этой пьесе она получает уплату своего долга фальшивой монетой <...>

Ложь — это главное действующее лицо пьесы <...> Не проходит пяти минут, чтобы на сцене не указывалось на какую-нибудь скрытую ложь или она не выявлялась бы перед вами.

Сумасшедший, ищущий наследника для мнимого наследства <...> представляет собою <...> символ, долженствующий выразить идею писателя, а именно то, что правда пропала, а может быть ее и вовсе нет. Никто ее не отыщет, и весь мир живет в тенетах сплошной лжи.

Если не понимать эту пьесу символически, тогда она лишается абсолютно всякой ценности, и ее не стоило бы даже писать <...> Но если понимать пьесу как широко символическую, то и тогда вряд ли пьеса эта может кого-либо удовлетворить. Совсем непонятно изображение этого разваливающегося дома с проживающими в нем убогими жильцами. Зачем умалчивать, что рядом с ложью имеется огромный, свежий, светлый, зову-

пций к простору, прорыв в самую настоящую правду. Как можно, затеявая символическую пьесу, характеризующую „жизнь вообще“, умолчать, что существует революция с ее идеями, ее лозунгами, ее строительством <...> мое личное мнение сводится к тому, что пьеса эта вовсе не нужна нашему театру и ничего к лаврам Горького прибавить не может» («Красная газета» веч. вып., 1926, № 273, 18 ноября).

Выступление Луначарского вызвало острые дискуссии о «Фальшивой монете» в театрах и на страницах газет. Та же «Красная газета» поместила под заголовком «Вокруг „Фальшивой монеты“» материалы обсуждения пьесы в Ленинградском академическом театре драмы, предварив их небольшой заметкой «От редакции»:

„Фальшивая монета“ Горького, холодно встреченная литературной критикой, нашла сдержанный прием и в театрах. Постановка пьесы Московским Художественным театром, запоздавшим ее от Горького, еще окончательно не решена. В академической драме вопрос этот детально разбирался в последние дни. Ставить ли „Фальшивую монету“? И какой же ключ найти к ней? В обсуждении этих вопросов, сообщалось далее, приняли горячее участие ведущие актеры театра — И. Н. Певцов, В. Р. Раппопорт, Ю. М. Юрьев и другие.

Указывая на трудность восприятия пьесы, ее некоторую символичность, актеры тем не менее изъявили готовность «приложить все усилия для того, чтобы сценически раскрыть ее в наиболее убедительном виде». „Фальшивая монета“ дразнит воображение, создавая порою четкие и яркие образы и, вместе с тем, давая большой простор фантазии художников театра. Что касается современности этой пьесы, то здесь <...> дело должно решиться результатами работы театра» («Красная газета», веч. вып., 1926, № 281, 26 ноября).

Несмотря на то, что многие актеры и режиссеры стремились понять пьесу, выступление Луначарского оказало настолько сильное влияние, что театры приостановили репетиции, а вскоре и совсем отказались от постановки «Фальшивой монеты».

Горький воспринял критику Луначарского как несправедливую. 28 ноября 1926 г. он писал В. И. Ходасевич: «Луначарского читал. Раньше не писал рецензии о вещах, которые еще не напечатаны, но — это было лет десять тому назад. Тогда такие штуки считались неприличными. Пьеса написана была мною в 913 году, а Луначарский спрашивает: почему в ней нет никакой революции? Ох...» («Новый мир», 1968, № 3, стр. 44). Одновременно о том же он писал и Крючкову: «Выходка Луначарского — неприлична, ибо не принято писать рецензии на пьесы, на рассказы, не явившиеся еще в печати. Литература создается для публики, а не для критиков, Луначарскому следовало бы подождать первого представления, а затем уже и „раздраковать“ пьесу. И — причем тут революция, если пьеса написана в 913 г.? Ну, ладно, это пустяки» (Архив А. М. Горького, ПГр-21а-1-94).

За границей перед постановщиками пьесы также возникали

трудности. Горький спрашивал у Крючкова в письме от 23 декабря 1926 г.: «Что с пьесой у Рейнгардта? Пойдет ли она и когда пойдет? Я очень прошу Вас известить меня об этом или пусть известит Рубинштейн. Из России о пьесе тоже ни слова ни духа. Театр на мое письмо не ответил». 3 января 1927 г. он писал ему же: «...хочется знать: что же с пьесой? Пожалуйста — нельзя ли спросить Рейнгардта или его директоров».

„Фальшивую монету“ Иван Павлов Ладыж(ников) печатал на машинке в 913 году, на Капри. Почему бы ему не сказать об этом Луначарскому?» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-95, 96).

22 декабря 1926 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Не слышала ли ты чего-нибудь о моей пьесе — пойдет ли она и когда пойдет и что вообще будет, когда ее поставят? И будет ли Луначарский свистеть?» (Архив Г₁х, стр. 260). Два дня спустя он писал ей же: «...спроси, пожалуйста, Берсенева, — 2-й МХАТ, — что с моей пьесой? Пойдет она? Почему он не ответил на мое письмо, в котором я писал ему, что если рецензия Луначарского испугала театр и труппа боится материальных убытков, — я ничего не буду иметь против, если Берсенов снимет пьесу с репертуара (там же, стр. 261). И 17 января 1927 г. вновь обращается к ней: «Что же: провалил Луначарский мою пьесу? Немцы тоже, кажется, не поставят ее. Испугалпсь. Неловко ставить пьесу, обруганную министром народного просвещения» (там же, стр. 263). 26 января 1927 г. опять напоминает, не получив ответа на свое письмо: «...я просил тебя сообщить мне, что случилось с пьесой и прислать рецензию Луначарского о ней. А также справлться во 2 МХАТе у Берсенева, идет ли пьеса?» (там же).

16 февраля А. К. Воронский, в то время редактор журнала «Красная новь», писал Горькому: «Получил Вашу драму „Фальшивая монета“; мне было передано, что печатать ее можно будет, когда она пойдет в одном из театров. До сих пор я не знаю, как дело обстоит с театрами. Разрешаете ли Вы ее отдать в набор? Жду ответа» (Архив Г₁х, кн. 2, стр. 46).

Горький ответил Воронскому: «Пьесу мою печатать не пужно, я не хочу этого по некоторым соображениям. А Вы, напечатав ее в „Кр. Н.“, создадите „прецедент“, завалят Вас рукописями пьес <...> Гораздо больше возмутил меня министр народного просвещения, на днях мне прислалл его статью „Фальшивая монета“. Как литератор, он должен бы помнить, что до опубликования литературного произведения отрицательные приговоры о таковом — не допускались литературной традицией. Неопубликованная вещь — преступление, еще не совершенное и уж во всяком случае не подлежащее единоличному осуждению, хотя бы судья и был министром».

Затем: министр нар(одного) просвещения обязан писать грамотно. Фраза:

„Уж подлинно можно сказать, что если страна жаждет от Горького ценного подарка, то в этой пьесе она получает уплату своего долга фальшивой монетой“ <...> это — оскорбительно.

Пьесу можно назвать неудачной, уродливой — как угодно, но никто не имеет права говорить мне, честно 35 лет работающему в русской литературе, что я делаю „подарки“ или плачу долг фальшивой монетой» (Архив Г_х, кн. 2, стр. 47—48).

8 января 1927 г. М. Ф. Андреева обратилась с письмом к Луначарскому. Она писала: «...что касается „Фальшивой монеты“, Анатолий Васильевич, разве Вам не сказали, что пьеса была написана в 1913 г. и только не была ни напечатана, ни играна?» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-3-1-1).

Узнав об этом, Луначарский тотчас же направил открытое письмо к читателям «Красной газеты», признав свою ошибку и отказавшись от необоснованных требований к автору пьесы:

«Прошу редакцию известить читателей вечерней „Красной газеты“ о следующем:

Несколько месяцев тому назад мне стало известно, что один из московских театров получил рукопись новой пьесы А. М. Горького под названием „Фальшивая монета“. Весть об этом быстро распространилась по Москве, Ленинграду и, можно сказать, по всей стране. В номер вечерней „Красной газеты“, выпущенной в помощь жертвам Леншанкавского землетрясения, редакция пожелала включить отзыв об этой новой пьесе Алексея Максимовича. Театр любезно предоставил мне рукопись, и, на основании ее, я написал свой отзыв. Пьеса, как помнят читатели этой статьи, несколько огорчила меня; при всей художественности многих ее деталей, мне показалась абстрактной такая постановка вопроса о правде и лжи нашей жизни, какая дана в пьесе. Но, оказывается, я был введен в глубокое заблуждение. Как мне сообщают из достоверных источников, пьеса „Фальшивая монета“ написана была в 1913 г., т. е. не только до революции, но даже до империалистической войны. Само собой разумеется, что в этом случае к ней приходится подойти совсем с другой точки зрения и всё, что я написал о ней, является неправильным.

Прошу читателей извинить меня за то, что я, будучи так введен в заблуждение, ввел в заблуждение и их» («Красная газета», (веч. вып.), 1927, № 18, 20 января).

Горький с большим вниманием следил за изданием пьесы, держал корректуры, интересовался оформлением. Об этом свидетельствует обширная переписка между типографией Шпамера в Лейпциге, печатавшей пьесу, и издательством «Книга» в Берлине. 18 декабря 1926 г. типография Шпамера направила «Книге» письмо, в котором сообщалось, что корректура ей выслана. 20 декабря Крючков пишет Горькому:

«Посылаю Вам гранки пьесы „Фальшивая монета“ — будьте добры просмотрите и пошлите мне обратно.

Книга выйдет в конце января» (Архив А. М. Горького, КГ-п-41а-1-6).

23 декабря Горький возвратил корректуру, сообщив: «...в этом пакете посылаю начало романа, а корректуру пьесы — отдельно, заказной бандеролью и „espresso“» (Архив А. М. Горь-

кого, ПГ-рл-21а-1-95). 28 декабря типография Шпамера подтвердила получение корректуры от издательства «Книга», обещая принять все исправления и сделать соответствующую перверстку (Архив А. М. Горького, КГ-изд-34-1-12).

29 марта 1927 г. пьеса «Фальшивая монета» вышла в свет. В этот день Б. Рубинштейн писал Горькому: «...посылаем Вам заказной бандеролью 10 экз. Вашей книги „Фальшивая монета“» (там же, КГ-пзд-32-6-1).

А 10 апреля 1927 г. Горький уже подарил отдельное издание «Фальшивой монеты» Е. П. Пешковой (Архив А. М. Горького, Дн-Г-кн-6-19-10). В этот же день к Горькому поступил и отзыв первого читателя Д. А. Лутохина:

«...благодарю Вас за книги, а превыше всего за Вашу личную. Не скрою: ждал романа — Вы не писали, кончен ли он. Пьесы же я читаю нечутко, хотя детство мое и прошло за кулисами нар. театра в Рязани. К жрецам сцены я чувствовал влюбленность, а Ибсена почитал за пророка. Но с тех пор огрубел и грубою всё больше. Вот, вероятно, почему я недостаточно проникся „Монетой“ <...> не хватает мне воображения. Вернее, его не хватает, гл. обр., для 3-ей картины. Таких, как Наташа, я не встречал, но она пленяет: будь помоложе, посватался бы... Яковлев выпукл... Понятен, хотя и адски пошел, Глинкин... Как родной страдаешь Полина... Но вот Стогов и Лузгин — темны — и в кладовой масок, накопленных моим скудным житейским опытом, нет подходящих... Смутен Кемской. И третье действие я читал, перечитывал, но еще не прочел!

Диалог пьесы — меткости и <ап>лучших вещей для театра: Горя от ума, Ревизора, Грозы, Чайки, На дне. Поражает экономия эстетических средств — простота действия волшебная: словно сама жизнь <...> И так волнующа мысль о фальшивой и подлинной правде, так остро дали Вы ее на живых людях. Мысль соблазнительная, задерживаться на ней смутительно. Скольких эта попытка заглянуть в глаза истине делала Лузгинами...

Но 3-я сцена не развязывается, как хотелось бы — ни действия, ни проблемы. Словно нужно дописать 4-ую! Вы отметили „Монету“ 13 г.? Но разве Вы не перерабатывали ее: особенно в первых двух сценах простота приемов, та мудрая скупость, к которой и гении приходят только в более зрелую эпоху творчества...

„Монета“ не то, что хотел бы услышать от Вас, но поройтесь в портфеле своем — и дайте нам еще „Монету“: так хочется больше от Вас пмечь. Не хватает *значительности* культуре современности» (Архив А. М. Горького, КГ-п-46а-1-99).

В январе 1927 г. в венгерском журнале «Nyugat» (№ 1) был напечатан перевод «Фальшивой монеты». В недошедшем до нас письме к М. И. Будберг Оскар Геллерт, видимо, задавал Горькому вопросы, аналогичные тем, с которыми к нему обращался переводчик Э. Бёме. 10 января Горький ответил ему:

«...я отказываюсь комментировать пьесу, это было бы не в моих привычках. Я написал нечто, и всякий читатель имеет

право понимать написанное мною, как ему угодно. Себя же я не считаю в праве рассказывать, как нужно понять написанное мною.

Из письма Вашего к м-ше М. Будберг вижу, что Вас смутило нелепое заявление г. Мартон о том, что Рейнгардт будет переделывать мою пьесу.

Само собою разумеется, что ни о каких „переделках“ не может быть речи, и мне по этому поводу ничего не известно (Архив Г VII, стр. 162).

Отношение Горького к своей пьесе было противоречиво. По свидетельству Е. П. Пешковой и М. И. Будберг, писатель любил «Фальшивую монету». Однако в письмах к И. А. Груздеву Горький выразил неудовлетворенность пьесой. 15 августа 1926 г. он писал: «Я хотел бы не думать о деньгах год и спокойно писать. Не удастся это. И вот написал для денег — чего никогда еще не делал — пьесу. Плохую, конечно» (Архив Г XI, стр. 66). В ноябре того же года: «„Фальш<ивую> монету“ пришло вскорости, она печатается в Берлине. Пьеска плохая, ничего нового в ней нет» (там же, стр. 91). 23 января 1928 г.: «...прилагаю вырезки из римских газет о „Ф. М.“. Как видите — римляне эту пьесу не понимают. Я тоже — в этом случае — чувствую себя римлянином» (там же, стр. 165).

Стр. 242. «Философия составляла любимый предмет Агафьи». — Агафья Михайловна — персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», старая няня в доме Константина Левина.

Стр. 242. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства. — «Как это удивительно делаю мыло, — сказал он <Левин> ∞ Ты посмотри, ведь это произведение искусства» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 18. М.—Л., ГИХЛ, 1934, стр. 181).

Стр. 244. «На земле весь род людской...» — арка Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст» (либретто Ж. Барбье и М. Карре по драматической поэме Гёте).

Стр. 250. Сморгонь — городок в Виленской губернии Ошмянского уезда, между речками Гервяткой и Океной. Здесь долгое время была школа для дрессировки медведей, которые отсюда вывозились в Западную Европу. Школу эту основали польские магнаты Радзивиллы. Она была известна под именем «Сморгонской академии».

Стр. 252. Глинку напоминает, оперу «Жизнь за царя». — Опера М. И. Глинки «Иван Сусанин» (либретто Г. Розена), впервые была поставлена 27 ноября 1836 г. в Большом театре, в Петербурге, под названием «Жизнь за царя».

Стр. 268. «И будешь ты царицей мир-ра-а»... — арка Демона из оперы А. Г. Рубинштейна «Демон» по поэме М. Ю. Лермонтова (либретто П. Висковатова).

ЗЫКОВЫ

(Стр. 293)

Впервые напечатано отдельной книгой: М. Горький. Зыковы. Сцены. Berlin, I. Ladyschnikow Verlag, <1914>. Первое действие опубликовано в журнале «Современник», 1915, № 1, стр. 7—19.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф, без заглавия и без списка действующих лиц, на четырех страницах — ЧА (ХПГ-32-2-5).

2. Беловой автограф, без заглавия, без списка действующих лиц, с тремя слоями правки — БА (ХПГ-32-2-1).

3. Авторизованная машинопись с заглавием, подзаголовком, списком действующих лиц, с двумя слоями правки; второй слой — не использован в прижизненных изданиях — АМ (ХПГ-32-2-4).

4. Наборный экземпляр издания Л — машинопись с переносом авторской правки рукой неустановленного лица (ХПГ-32-2-2).

5. Цензурный экземпляр со штемпелем на обложке: «К представлению дозволено. С.-Петербург, 30 октября 1913. Цензор драматических сочинений» (подпись неразборчива) (ХПГ-32-2-3).

Печатается по АМ со следующими исправлениями по БА:

Стр. 316, строка 18: «М у р а т о в (*привстал, усмехаясь*)» вместо «М у р а т о в (*встает, усмехаясь*)».

Стр. 323, строки 18—19: «оба притихшие, подавленные» вместо «оба притихшие».

Стр. 333, строки 15—16: «словно ударился обо что,— ослеп и озлился» вместо «словно ударился».

Пьеса «Зыковы» написана, по свидетельству Горького, в 1912 г. Посылая первый акт в журнал «Современник» и мотивируя свой отказ опубликовать пьесу целиком, Горький писал в редакцию 15 (28) декабря 1914 г.: «Всю печатать не нахожу удобным, ибо со второго акта в ней появляется немец, довольно жуликоватый. Хотя пьеса написана в 912-м, но сие обстоятельство немца не украшает. А сквернейшим его п без меня побразят» (Архив А. М. Горького, ПГ-риз-66-18-2, оригинал — в ЦГАЛИ). «Старенькой вещью» назвал Горький «Зыковых» в сентябре 1913 г. в письме к А. В. Амфитеатрову (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-1-25-16). Однако в июле и августе того же года он продолжал работу над «Зыковым» — правил беловой автограф и полученную первую машинопись.

Переписка Горького и характер авторской правки позволяют установить время окончания работы над «Зыковыми», но по имеющимся материалам трудно определить, когда была начата пьеса. Сохранившийся в Архиве А. М. Горького черновой набросок трех диалогов может быть отнесен и к 1912 г. и к более

раннему времени. Воспроизведенная в наброске «зыковская» ситуация — женитьба отца Прокопа Иваныча на Паше — невесте сына (названного в одном случае Петром, в другом — Антоном), — видимо, не предполагала «зыковского» развития сюжета: намеченные твердые и независимые характеры исключали проблематику «усталого» поколения детей буржуазии.

Получив в январе 1912 г. предложение от Художественного театра написать к весне пьесу и делясь со своими корреспондентами разнообразными драматургическими планами, Горький нигде не обмолвился о подобном замысле. 13 (26) апреля он сообщил Е. П. Пешковой: «Тороплюсь кончать разные мелкие делюшки, чтоб скорей написать пьесу» (*Архив ГИХ*, стр. 140), не уточняя, о какой пьесе идет речь.

Новое упоминание о работе над пьесой появляется через год с лишним — вскоре после короткого визита на Капри в мае 1913 г. администратора Художественного театра Н. А. Румянцева. Находившийся на Капри Ладьяжников 3 (16) июня 1913 г. писал М. Ф. Андреевой о Горьком: «Спит и пишет пьесу, говорит, что в десять дней окончит ее, а потом будет отдыхать» (*Андреева*, стр. 241). 16 (29) июня 1913 г. в письме к Румянцеву Горький пожаловался: «...ододело меня нездоровье и не удалась еще одна пьеса! Еще одна!» (*Лит. Насл.*, т. 74, стр. 69). Была ли «неудавшаяся» пьеса «Зыковыми», к которым Горький вернулся спустя год, или это была разочаровавшая его «Фальшивая монета»? — ни переписка, ни воспоминания на этот вопрос не дают определенного ответа. Однако, когда Горький покинул Капри и, 1 (14) июля 1913 г. встретившись в Болонье с М. Ф. Андреевой, Н. А. и Т. В. Румянцевыми, вместе с ними отправился отдыхать в Римини, — он захватил с собой новую пьесу.

Из Римини он писал Е. П. Пешковой 11 (24) июля 1913 г.: «Завтра читаю пьесу. Потом, вероятно, pošлю ее тебе, печатать» (*Архив ГИХ*, стр. 151). Читал Горький «Зыковых». В последующей летней переписке говорится только об этой законченной пьесе.

После чтения в Римини Горький снова возвращается к работе над «Зыковыми». Второй слой правки БА (первый возник при переписывании набело) в основном сосредоточен на втором акте и корректирует характер Павлы, выявляя наивное хищничество и эгоизм героини и сближая ее с Хеверном и Муратовым. На трех страницах из тетради Горький пишет новый диалог Антипы и Павлы (стр. 320—321 от слов: «Только — гляди: времени у меня мало» кончая словом: «(Ушли)»). Вписывает диалог Хеверна и Павлы (стр. 323—324 от слов: «Хеверн (Павле)» до слов: «Хеверн. Пожалуйста...»). Сокращает речи Муратова, лишая его отношение к Софье романтической увлеченности. Можно предположить, что эта правка явилась откликом Горького на обсуждение в Римини, ибо присутствовавший на чтении актер Художественного театра Л. М. Леонидов, уже вернувшись в Москву, спрашивал спустя месяц Горького в письме: «Переделали ли Вы второй акт Вашей пьесы?» (*Архив А. М. Горького*, КГ-ди-6-8-1). Тогда же Горький исправил первоначальное имя

сестры Зыкова Варвары на Софью, а перед тем как сдать рукопись на машинку, еще раз почистил текст, закрепляя сделанные ранее вычерки синим карандашом.

В начале августа 1913 г. Горький получил с машинки первые две копии «Зыковых». «На днях вышлю Вам пьесу, — писал он И. П. Ладыжникову 8 (21) августа, — потолкуйте с Румянцевым, куда ее пристроить...» (*Архив Г_{VII}*, стр. 226). Но, прежде чем выслать пьесу, Горький тщательно выправил первый экземпляр и вписал много новых ремарок. Отослав Ладыжникову второй экземпляр, Горький оставил у себя первый — *АМ* — и скоро вновь отправил его Е. П. Пешковой для перепечатки. «Если некоторые слова не разберешь, оставь для них место. Печатай 2 экземпляра, возврати вместе с рукописью», — писал он ей 27 августа (9 сентября) (*Архив Г_{IX}*, стр. 152). Е. П. Пешкова правку Горького воспроизвела в точности — на сохранившемся цензурном экземпляре нет ни одной авторской пометы, текст его целиком совпадает с наборным экземпляром Ладыженкова. Последняя правка на *АМ* появилась уже позднее, после того, как обе новые копии в октябре 1913 г. были отосланы Ладыжникову в Петербург. Кроме немногих вычерков, существенно не затрагивавших текста, Горький несколько изменил финал первого акта, добавив заключительную реплику Михаила.

Сценическая судьба «Зыковых» сложилась неудачно. Уже в Римини Горькому стало известно о намерении Немировича-Данченко инсценировать роман Достоевского «Бесы». Горький высказал резко отрицательное отношение к этой идее Румянцеву и Леопидову. 16 (29) августа 1913 г. Леонидов писал Горькому: «Вспомнивая Ваше мнение, я был очень против „Бесов“, но он (Немирович) мне рассказал, что пьеса будет называться: Николай Ставрогин, отрывки из романа „Бесы“. <...> Я сказал Вл. Ив., что Вы против „Бесов“, он сказал, что охотно готов доказать свое желание» (Л. М. Леонидов. Воспоминания. Статьи. Беседы. Переписка. Записные книжки. М., 1960, стр. 282).

Немирович-Данченко стремился сохранить дружественные отношения с Горьким, тем более, что разрыв с ним означал для театра потерю новой горьковской пьесы. В письме к Горькому от 28 августа (10 сентября) 1913 г. М. Ф. Андреева приводит выдержку из полученного ею письма Т. В. Румянцевой: «Я говорила с В(ладимиром) И(вановичем) о пьесе <„Зыковы“>. Он очень ждет ее. Он обожает Алексея Максимовича и ценит и ставит высоко. Кажется, написал уже и насчет „Бесов“...» (*Андреева*, стр. 252). 14 (27) августа Горький получил от Немировича-Данченко телеграмму, текст ее он воспроизвел в письме к Ладыжникову от 15 (28) августа, в котором излагал свои условия театру и еще раз подтверждал неприятие новых устремлений Немировича-Данченко:

«Дорогой Иван Павлович, вчера утром послал Вам пьесу, а после обеда получил телеграмму Немировича:

„Приношу благодарность за обещание прислать пьесу. Мне передали Ваш взгляд на Достоевского, позвольте Вам написать письмо“.

Обещания прислать пьесу именно Художественному театру я, кажется мне, никому не давал. Сердце мое не лежит к этому мрачному учреждению, где показывают голого Достоевского и где законодателем является Немирович, „заказывающий“ такие штуки, какова „Катерина Ивановна“ <пьеса Л. Андреева>.

Однако уж если дело поставлено так, что я дал обещание, — нужно его исполнить, но следует поставить театру некоторые обязательные условия.

Первое: я прошу решить вопрос, будет принята пьеса или нет, в течение недели. Это — максимум времени.

Второе: если пьесу примут, — пусть дадут две тысячи авансом.

Третье: пьеса должна быть поставлена в начале сезона.

Если же пьеса будет забракована, предложите ее Марджанову на тех же условиях» (*Архив Г VII*, стр. 227).

Несмотря на изменившееся отношение к театру, Горький, верный своему слову, писал Немировичу-Данченко 17 (30) августа: «Я просил Ладыжникова переслать рукопись пьесы Вам и полагаю, что он уже сделал это <...> Если пьеса не будет принята, — передайте, пожалуйста, рукопись Н. А. Румянцеву» (*Архив А. М. Горького*, ПГ-ди-27-8-13).

В тот же день в газете «Русское слово» (1913, № 189, 17 августа) появилось интервью Немировича-Данченко «Инсценированные бесы». О реакции Горького на это выступление Немировича-Данченко рассказывает М. Ф. Андреева в письме к Т. В. Румянцевой, которая по поручению мужа обратилась к ней за пьесой: «Голубушка моя, пьесу Николаю Александровичу выслать не могу, так как Алексей Максимович прислал мне телеграмму с просьбой задержать пьесу у себя, пока не получу от него письма. Должно быть, до него дошло „Русское слово“ с интервью Владимира Ивановича по поводу „Бесов“, а также известие о репетициях и о постановке этой инсценировки в Художественном театре <...> Владимир Иванович в своем интервью даже не коснулся этого антиобщественного значения романа „Бесы“, и его объяснения вряд ли могли переубедить Алексея Максимовича. Пока я не получу письма от Алексея Максимовича, пьеса останется у меня» (*Андреева*, стр. 252).

23 августа (5 сентября) Горький писал Ладыжникову: «Я очень рад не дать пьесу Художественному театру, мне противна затея Немировича с „Бесами“, буду печатно протестовать против этой пропаганды садизма. Очень прошу Вас: устраивайте пьесу у Марджанова, где-нибудь, но скорее! Крайне нужны деньги» (*Архив Г VII*, стр. 228).

Разногласия между Горьким и Немировичем-Данченко, исключившие возможность постановки «Зыковых» на сцене Художественного театра, вызвали широкий общественный резонанс после публикации открытого письма Горького «О „карамазовщине“» на страницах газеты «Русское слово» (1913, № 219,

22 сентября) и нового выступления «Еще о „карамазовщине“» («Русское слово», 1913, № 248, 27 октября).

В конце августа «Зыковы» оставались на руках у М. Ф. Андреевой, и она с согласия Горького вступила в переговоры с режиссером Свободного театра К. А. Марджановым.

Московская газета «Столичная молва» 9 сентября 1913 г. (№ 326) сообщала о приезде в Москву М. Ф. Андреевой, о том, что она вступает в труппу Свободного театра и будет играть в новом сезоне в пьесе Горького «Зыковы». Сообщалось также о состоявшемся накануне, т. е. 8 сентября, чтении «Зыковых» в Свободном театре. «Пьеса произвела очень сильное впечатление на присутствующих. После чтения М. Горькому была послана следующая телеграмма: „Чтя драму, слились с Вами душой. Зовем душой. Горячо благодарим. Свободный театр“. О чтении пьесы в Свободном театре и о том, что пьеса включена в число ближайших постановок», писала и газета «Руль» (1913, № 424, 9 сентября).

В интервью корреспонденту «Столичной молвы» (1913, № 326, 9 сентября) М. Ф. Андреева сказала: «В самом начале наших переговоров с К. А. Марджановым, К. А., знакомя меня с задачами Свободного театра, говорил мне, что прежде всего нужно стараться, чтобы новый театр нашел и дал бодрые, свежие ноты, так недостающие и нашему искусству и нашей жизни». Именно в этой пропаганде бодрости и духовного здоровья М. Ф. Андреева видела точки соприкосновения Свободного театра и Горького. Однако Свободный театр составлял свой репертуар преимущественно из оперетт, исключенной являлась «Сорочинская ярмарка» Мусоргского, премьерой которой открылся Свободный театр (см. извещение об абонементе Свободного театра на сезон 1913 г. — «Руль», 1913, № 421, 25 августа).

Еще до чтения «Зыковых» в Свободном театре М. Ф. Андреева писала Горькому в уже цитированном письме от 28 августа (10 сентября) 1913 г.: «...не знаю я совсем, кто у них в труппе, не испортят ли они пьесу, ведь „Чудаков“ уже испортили. И еще смущает меня все-таки, что хоть и „художественная“, а оперетка значится в программе Свободного театра. Позволь мне сначала посмотреть самой на то, что у них делается и происходит<...> Очень мне по душе твое решение прямо печатать пьесу в том случае, если она не пойдет у Марджанова, то есть если я увижу, что в Свободном ее играть некому» (Андреева, стр. 251—252). И в сентябре — ему же: «Отчего ты так пессимистически настроен относительно Свободного театра? Дошли какие-нибудь слухи? Или с моих слов?» (Архив А. М. Горького, КГ-рзи-1-159-25). Опасения оказались основательными, и М. Ф. Андреева пьесу из театра взяла. «С большой, большой грустью шлет он <К. А. Марджанов> Вам пьесу Алексея Максимовича, согласно Вашему желанию», — писала Н. Д. Марджанова Андреевой (ЦГАЛИ, ф. 2052, 17).

Отказавшись от постановки «Зыковых» на двух столичных сценах, Горький запросил Ладжжнкова из Неаполя 13 (26) сентября 1913 г.: «Вы не ответили мне: надо ли послать в Берлин пьесу, т. е. высылать ли Вам рукопись?» (Архив Г_{VII}, стр. 229).

До получения письма Ладыжников сообщил Горькому: «Пьесу „Зыковы“ пришлите мне в Петербург для Берлина. Необходимо ее дать театру в Берлине и в Вене. Я уже писал об этом в Берлин и имею определенное предложение» (письмо от 11/24 сентября. — *Архив Г_ВИ*, стр. 335). 1 октября в. ст. Горький ответил из Неаполя: «Пьесу и „Детство“ я пришлю, уже возвратясь на Капри, отсюда не могу достать их, рукописи заперты, поручить найти их — некому» (там же, стр. 230). Вернувшись на Капри, он выслал Ладыжникову обе машинописные копии; одна из них была представлена в цензуру 20 октября 1913 г., а другая предназначалась для берлинского театра. Но в Берлин машинопись не попала (постановка на немецкой сцене не состоялась), а была, по-видимому, возвращена Горькому и использована им для публикации в «Современнике».

Цензор, разрешая пьесу к представлению и пометив на титуле: «Искл<ючительно> психолог<ическая>», вычеркнул следующие фразы и слова:

Стр. 325, строки 20—22: «в тревожный год казаки стояли у нас и каждую ночь свистели все. Пьяные, песни поют. Монахинь — не уважали, и...»

Стр. 362, строка 37: «дворянишек».

Критика почти не обратила внимания на новую пьесу Горького. Напечатанный первый акт ее был воспринят как самостоятельное произведение.

В большой статье о последних произведениях Горького — «На рубеже» — В. М. Королицкий писал о «Зыковых», что «сцены» не вносят ничего нового в концепцию «тревожного и протестующего мирозерцания», свойственного Горькому последнего времени. Основную коллизию «сцен» Королицкий передавал следующим образом: «Антипа Зыков с желчью говорит о людях. Они для него ничто; ему всё едино, что люди о нем подумают. Он находит, что если им чем-нибудь обязан, то лишь горем да обидами <...> При таком своем мизантропическом взгляде Антипа в личной жизни совершает отвратительный поступок — отбивает у сына невесту» («Вестник Европы», 1916, № 5, стр. 409).

Нововременец В. П. Буренин трактовал конфликт «Зыковых» в ницшеанском, якобы излюбленном Горьким плане столкновения силы и слабости. «Антипа — представитель активности во вкусе г. Горького, а сын Антипы — представитель пассивности. Типичные „активные“ герои великого Максима, как известно, обладают титаническим мирозерцанием <...> для этих героев всё человечество „гнида“ и ничего больше. Таким упрощенным понятием отличается и лосопромышленник Антипа» («Новое время», 1915, № 14030, 3 апреля).

Рецензент газеты «Руль», которому удалось ознакомиться со всей пьесой во время чтения ее в Свободном театре, писал: «Новое произведение написано в тонах чисто реальных; фон пьесы — быт заволжских промышленников. В основу положен элемент драматический. В пьесе много действия и движения.

В последнем акте драматическая коллизия, переживаемая действующими лицами, хотя и сопровождается выстрелами, но разрешается в финале в сторону „благополучного“ окончания» («Руль», 1913, № 424, 9 сентября).

Новые статьи о «Зыковых» появились уже в советские годы в связи с постановкой пьесы на сцене петроградского Народного дома режиссером Н. П. Арбатовым (премьера состоялась 9 июля 1918 г.). Незадолго до премьеры газета «Новая жизнь» сообщала: «В театральном мире возбуждает живой интерес предстоящая новинка. В ближайшее время на сцене Народного дома поставлена будет пьеса М. Горького „Зыковы“, написанная <...> несколько лет тому назад <...> но не поставленная до сих пор на русской сцене по цензурным условиям. М. Горький предоставил свои права по этой постановке в пользу 1-ой Артели женщин профессионального труда» («Новая жизнь», 1918, № 121, 23 июня). Об успехе спектакля писала на страницах той же газеты Е. Замысловская в рецензии «Новая пьеса М. Горького „Зыковы“»: «Постановка удачна, за исключением мелких недочетов <...> Все играли хорошо. В антрактах вызовы были продолжительны, что сильно затянуло пьесу» («Новая жизнь», 1918, № 135, 11 июля). Положительная оценка спектакля Е. Замысловской вызвала контррецензию С. Тимофеева, трактовавшего пьесу Горького с вульгарно-социологических позиций. Рецензент обвинял автора в «яркой апологии силы, индивидуализма и... буржуазии», в тенденциозном умалении «молодой России», представленной как «дегенеративное, рахитичное, бездарное и бескровное племя!» («Театр и искусство», 1918, № 24-25).

Обстоятельные оценки «Зыковых» появились спустя четверть века в связи с новыми постановками «Зыковых» во многих театрах Советского Союза.

Стр. 306. *Личарда* — слуга короля Гвидона и королевы Милитрисы Кирбитовны в «Сказке о славном сильном храбром и непобедимом витязе Бове королевиче и о прекраснейшей супруге его королевне Дружевне» (см.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки в 5-ти томах, т. 1. СПб., 1881).

Стр. 313. «*Старый муж, грозный муж...*» — песня Земфиры в поэме А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

СТАРИК

(Стр. 367)

Впервые напечатано отдельным изданием: Максим Горький. Старик. Пьеса. Berlin, I. Ladyschnikow Verlag, <1918>; затем в книге: «Петербургский альманах», книга первая. Петербург — Берлин, 1922.

В архиве А. М. Горького хранятся:

1. Авторизованная машинопись (АМ) с заглавием, написанным рукой автора, и с правкой неустановленного лица — оригинал набора для Л (ХПГ-46-24-3).

2. Машинопись из той же закладки, что и АМ, с такой же правкой (ХПГ-46-24-5).

3. Печатный текст Л с типографскими пометками, но без правки. Очевидно, использовался при подготовке набора для К (ХПГ-46-24-4).

4. Печатный текст Л с правкой, произведенной автором для перевода на английский язык и издания в США — Пр Л (ХПГ-46-24-2).

5. Черновой автограф с характеристиками действующих лиц пьесы — ЧА (ХПГ-46-24-1).

В Музее Государственного академического Малого театра хранятся суфлерский и режиссерский машинописные экземпляры пьесы, связанные с первой постановкой. На первых страницах каждого из них — печать Правления Малого театра с датой: 23 октября 1918 г.

Печатается по тексту «Петербургского альманаха» со следующими исправлениями по АМ и Л:

Стр. 369, строка 12: «одетая» вместо «одета».

Стр. 372, строка 18: «Талан» вместо «Талант».

Стр. 373, строка 38: «среди бела дня» вместо «среди белого дня».

Стр. 374, строки 14—15: «Яким Лукич» вместо «Яков Лукич».

Стр. 379, строка 12: «юрунда» вместо «ерунда».

Стр. 382, строка 21: «с семичасовым» вместо «с семичасовым поездом».

Стр. 385, строка 7: «склизкое» вместо «склизистос».

Стр. 385, строка 34: «Идите» вместо «Идемте».

Стр. 386, строка 29: «а сама» вместо «сама».

Стр. 388, строка 2: «попью» вместо «выпью».

Стр. 391, строка 9: «пройдет в мачехи вам» вместо «пойдет в мачехи к вам».

Стр. 394, строка 17: «невероятно» вместо «неприятно».

Стр. 394, строка 24: «бежал» вместо «убежал».

Стр. 395, строка 20: «а вы мно» вместо «вы мне».

Стр. 399, строка 33: «нет свету» вместо «нету свету».

Стр. 400, строка 30: «не надумал» вместо «не выдумал».

Стр. 401, строки 36—37: «честно-смирненно отстрадал, а ты — отрекся закона» вместо «честно отстрадал, а ты отрекся от закона».

Стр. 401, строки 35—36: «хорош чин» вместо «хороший чин».

Стр. 409, строки 23—24: «долго жить» вместо «долго ждать».

Стр. 411, строка 34: «и у тебя» вместо «у тебя».

Стр. 414, строка 13: «ладно, трѳх» вместо «ладно, трех».

Стр. 414, строка 15: «Омману» вместо «Обману».

Стр. 416, строка 18: «остановился, поглядел в небо» вместо «остановился поглядеть на небо».

Стр. 421, строка 18: «и врут» вместо «врут».

Стр. 424, строка 32: «негромко» вместо «громко».

Стр. 425, строка 34: после «утром дела...» — «(Ушел.)»
(по Пр Л).

Стр. 426, строка 12: «идет Старик» вместо «идет Степаныч».

Стр. 426, строка 37: «(из сада). Как это он?» вместо «Как это он?».

Стр. 428, строка 16: «божьи-то дела» вместо «божьи дела-то».

Замысел пьесы «Старик» возник у Горького, вероятно, еще в начале 1910-х годов, когда в русских театрах стали инсценироваться романы Достоевского. Идейная направленность пьесы ассоциируется со статьями Горького «О „карамазовщине“» и «Еще о „карамазовщине“» (1913), вызвавшими бурную дискуссию на страницах русских газет и журналов.

О времени создания пьесы говорится в отделе «Хроника. Ненапечатанное» журнала «Дом искусств»: «Максим Горький — пьеса „Старик“ (написана в 1915 году, печатается в № 1 „Северного альманаха“¹ изд-ва З. И. Гржебина) («Дом искусств», Петербург, 1921, № 1, стр. 75). Это указание является, по видимому, авторским, так как Горький был членом редколлегии журнала.

В. А. Десницкий обратил внимание на связь творческой истории пьесы с неосуществленным замыслом романа о российском Жане Вальжане, начало работы над которым относится к осени 1914 г. Замысел был подсказан Горькому судьбой купца П. В. Рябинина. Приговоренный за убийство к каторге, Рябинин бежал, жил под чужой фамилией и разбогател (см.: Г, *Материалы*, т. III, стр. 370—371). В пьесе «Старик» Мастаков тоже осужден на каторгу за убийство, бежит, меняет фамилию и достигает материального благополучия.

Осенью 1917 г. Горький намеревался передать пьесу в один из театров Москвы. «На днях,— писал он 9 (22) октября Е. П. Пешковой из Петрограда в Москву,— я вышло тебе пьесу, а ты передашь ее Драматическому или иному театру. Студия <Первая студия МХТ>, наверное, не сладит, хотя я и ей пошлю» (*Архив Г.И.*, стр. 204). Вероятно, тогда же Горький извещал Е. К. Малиновскую, возглавлявшую художественно-просветительский отдел Моссовета: «На днях пошлю Вам очень хорошую пьесу Голсуорси „Стачка“,— сейчас я редактирую ее перевод. Потом пришлю свою — „Старик“...» (*Архив А. М. Горького*, ПГ-рл-25-44-47).

23 октября 1917 г., как свидетельствует запись артиста В. В. Лужского, Горький прочел пьесу «Старик» в Первой студии МХТ: «Около 4 час. дня почти все, бывшие на ретейцы в театре, пошли в I Студию слушать чтение М. Горьким его новой пьесы „Старик“» (*Архив Г.И.*, стр. 383). Об отношении слушателей к пьесе И. Я. Гремиславский в своих воспоминаниях го-

¹ Так предполагалось назвать «Петербургский альманах».

ворил: «На этом чтении был и я. Очень глубокого впечатления эта пьеса не произвела. Может быть, потому, что ожидали услышать в ней что-либо более отвечающее настроением момента. Припоминается такая деталь: на вопрос К. С. <Станиславского>, как выглядит Старик, Горький заметил: „Точно так же, как Москвин сделал Луку. С котомкой, с лубяным лукошком“» (там же).

В конце 1917 г. Горький предполагал напечатать пьесу в одном из сборников, выпускавшихся издательством «Парус», о чем упоминал в письме к К. А. Треневу (см.: *Лит Насл.*, т. 70, стр. 445). Но издание сборника не состоялось.

29 июня 1918 г. Горький читал пьесу в Петрограде. Об этом сообщалось в газете «Новая жизнь»: «29 июня М. Горький прочел в Тенишевском зале в пользу голодающих работников умственного труда свою неизданную пьесу „Старик“». В заметке говорилось о большом успехе пьесы у слушателей («Новая жизнь», 1918, № 127, 2 июля).

Издательство И. П. Ладыжникова в Берлине выпустило пьесу отдельным изданием, очевидно, в начале лета 1918 г. Время издания позволяет установить письмо Б. Н. Рубинштейна Ладыжникову от 21 июня того же года: «Посылаю Вам также экземпляр пьесы „Старик“ и при первой возможности пошло Вам дальнейшие экземпляры» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-14-16-1). Вместе с письмом Рубинштейн отправил Ладыжникову «Каталог издательства И. Ладыжникова в Берлине» на 1917 год (I. Ladyschnikow Verlag. Berlin, 1917, Katalog A), дополненный им от руки наименованиями тех книг, которые выпущены в 1918 г. Среди них значится и пьеса «Старик». Однако издательство, видимо, не смогло переслать автору экземпляры отпечатанной пьесы. Во всяком случае, в письме к Рубинштейну от 30 июня 1920 г. Горький, предлагая издательству Ладыжникова свои воспоминания о Л. Н. Толстом, выражал готовность передать через З. И. Гржебина и пьесу «Старик»: «Он же <Гржебин>, — писал Горький, — может передать Вам пьесу мою „Старик“, — если Вы хотите» (там же, ПГ-рл-37-19-29).

Гржебин получил текст пьесы для публикации в «Петербургском альманахе». Переговоры с ним об издании и составе альманаха велись Горьким еще в первой половине 1919 г., как это явствует из записки Гржебину от 13 мая 1919 г.: «Я стою на том, чтоб альманах был издан у Вас» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-11-20-5). В отчете издательства Гржебина на 1 октября 1919 г. альманах уже значился среди книг, которые набраны (там же, КГ-изд-15-20-1). Однако печатание альманаха задержалось, и он вышел в свет в начале 1922 г.

Текст пьесы «Старик» в альманахе отличается некоторыми смысловыми и стилистическими уточнениями от опубликованного в 1918 г. в издательстве Ладыжникова, а также от поставленного Малым театром в начале 1919 г.

Возможно, что писатель решил править пьесу после тех разноречивых оценок, которые вызвала постановка ее на сцене.

О том, насколько остро Горький воспринимал ложные толкования пьесы в это время, свидетельствуют воспоминания К. И. Чуковского о реакции писателя на выступление одного профессора¹, который «вздумал распространяться публично о его гуманной любви к „униженным, падшим людям“, о той жалости к „меньшому брату“, которой будто бы проникнуты все книги Горького <...> Речь была юбилейная, но слушавший ее юбиляр отнесся к ней отнюдь не юбилейно. Он нахмурился, застучал пальцами по столу, и когда оратор стал расхваливать его пьесу „Старик“, в которой он будто бы озарил своего старика „чеховским кротким сиянием“, Горький встал и сердито сказал:

— Прошу прощения! Это не так! Вы не поняли того, что прочли. „Униженных и падших“ я терпеть не могу... И этого вашего старика ненавижу. Вообще русские старики для меня отвратительны, да, отвратительны. Особенно эти... гуманные.

Оратор сбился и еле дошамкал свою речь до конца. Первый раз за всю свою жизнь я видел, чтобы юбиляр полемизировал с тем, кто пришел его чествовать, но никакие юбилеи не могли помешать Алексею Максимовичу громко опровергнуть враждебные мысли...» (ВС, стр. 579).

Горький заново отредактировал пьесу, видимо, в первой половине 1919 г. (до июня). Отдельными штрихами писатель выделил существенные черты в характерах главных героев: сильнее подчеркнул садизм Старика; резче обозначил мягкость и нерешительность Мастакова; обострил отношения между Стариком и Девицей; усилил сценическую выразительность образа Харитоновна.

Последняя правка пьесы, произведенная автором не по тексту «Петербургского альманаха», а по изданию Л, относится к началу 1923 г., когда готовился перевод «Старика» на английский язык для издания в США. Писатель преследовал специальную цель — сделать пьесу более понятной для иностранных читателей и зрителей. Горький дополнил текст тремя значительными по объему вставками (в третьем и четвертом действиях), выделив важнейшие философско-полемические мотивы произведения (см. варианты, а также Г-30, т. 12, стр. 378—379, 399—400). Кроме того, он частично устранил трудные для перевода выражения и сделал небольшие сокращения².

Перевод пьесы под названием «Судья» вышел в США в 1924 г.: *The Judge. A play in 4 acts. With a preface by M. Gorky «The modern drama». Auth. transl. by M. Zakrevsky and V. H. Clark. New York, McBride, 1924.*

В предисловии к этому изданию, озаглавленном «Современная драма», Горький выразил свое отношение к наиболее актуальным, с его точки зрения, проблемам драматургии и раскрыл философско-психологический смысл пьесы:

¹ Речь идет о выступлении Ф. Д. Батюшкова в редакции «Всемирной литературы» 30 марта 1919 г.

² В этой редакции пьеса напечатана в Г-30, т. 12, стр. 347—404.

«Предлагаемая мною пьеса кажется мне интереснее других моих произведений, написанных в диалогической форме, но это не значит, что она совершенно лишена дидактики <...> Мне кажется, что в этой пьесе я хотел показать, до чего отвратителен человек, влюбленный в свое страдание и поэтому считающий себя вправе мстить всем и каждому за то, что лично ему пришлось потерпеть в жизни.

А когда человек уверен, что страдание дает ему право считать себя исключительной личностью и мстить другим за то неприятное, что пережил он, — это человек не из числа тех, кто, на мой взгляд, достоин уважения ближних.

Вы поймете меня, представив себе субъекта, который поджигает дома и города только по той причине, что ему лично — холодно.

Не думаю, что театры Америки найдут эту пьесу достаточно интересной для них, — кажется, среди американцев не так популярна теория очищения души страданием, как была популярна эта теория в России. Говорю — была, в надежде, что Россия измучена вполне достаточно для того, чтоб почувствовать органическое отращивание к страданию» (*Г Чтения*, 1964, стр. 5—6).

Готовя пьесу для иностранного читателя, Горький написал развернутую характеристику ее действующих лиц (*ЧА* хранится в Архиве А. М. Горького):

М а с т а к о в — лет 40—45, светловолосый, бородатый, типичное лицо хорошего русского мужика. Непокойная совесть вызывает у него неуверенность речи, осторожность движений. Но когда возбуждается — в сцене со Стариком — страшен. Однако — не надолго. В общем — добрый, мягкий человек.

П а в е л — лет 20—22. Лицо туповатое. Самолюбив, зол, глуп. Двигается тяжело, неловко.

Т а т ь я н а — 17—19 лет. Милое, наивное лицо, одета просто и красиво. Избалована, капризна.

З а х а р о в н а — лет 60. Бодрая старуха, к людям — равнодушна, но любит дом, в котором живет, хозяйство, этим и объясняется забота о людях.

С т е п а н ы ч — лет 50. Тупой, равнодушный человек.

С о ф ь я — 30—35 лет. Энергична, насмешлива, самоуверенна. Красива. Любит покровительственно относиться ко всем, как старшая.

Х а р и т о н о в — лет 45—50. Живой, подвижный человек, с острой бородкой, с склонностью к юмору и клоунаде, эксцентричен, говорит бойко. В общем неудачник и жуликоват.

Я к о в — лет 25. Слащаво красив, глуповат. Одет как приказчик модного магазина, — щеголь дурного тона.

К а м е н щ и к — старый человек, о чем-то задумавшийся, о важном, может быть — о цели жизни, о боге. Живет как во сне.

С т а р и к — лет 60—65. Одет в полумонашеское платье, — в длинный подрясник. Лицо злое, взгляд исподлобья. Движения гибкие, змеиные. Притворяется сутулым, но вдруг — выпря-

мится и страшен в ненависти к людям. Считает себя пострадавшим невинно и любит заставить людей страдать, любит мучить их. В этом — все наслаждения его жизни. Мастер, художник страдания. В минуты возбуждения отвратителен и страшен, как всякий садист.

В конце пьесы его поражает неудача мести, он чувствует себя проигравшим последнюю игру и боится, как бы полиция не привлекла его к делу о самоубийстве. В сцене с Софьей он сначала испугался, но быстро понял, что Софья не страшна, ибо не способна отнестись к нему, как к вредному насекомому, не сможет раздавить.

Д е в и ц а — тупое, животное лицо с неподвижными глазами. Жадна, чувственна, глупа. Держится почти неподвижно и мертвыми глазами щупает все вещи, всех людей» (Архив А. М. Горького, ХПГ-46-24-1; см. также: Г-30, т. 12, стр. 463—464).

В американское издание приведенная характеристика действующих лиц вошла с некоторыми изменениями (см. варианты).

Отклик на авторское чтение пьесы «Старик» 29 июня 1918 г. в Петрограде поместила газета «Наш век». Ее корреспондент П. А. (П. К. Губер) относил пьесу к подлинным художественным ценностям, с восхищением говорил о ее языке: «Язык пьесы составляет ее сильную сторону. Здесь много метких, образных выражений, много неожиданных и ярких эпитетов, которых нельзя выдумать и которые можно только позимствовать из обширной сокровищницы живого народного слова» («Наш век», Петроград, 1918, № 106, 2 июля). Губер особо останавливался на «зловецем» образе Старика, который доминирует в пьесе: «Старик тверд, как камень, жесток и богомолен. Ни смутить, ни разжалобить его невозможно. К несчастью, сам автор в последнем действии несколько ослабил впечатление, дав понять, что Старик в глубине души согласен взять деньги за молчание и лишь желает предварительно потешиться властью над своею жертвой. Было бы лучше и больше соответствовало бы основному настроению пьесы, если б Старик до конца остался неумолим и неподкупен» (там же). Губер писал о самобытной манере чтения автора и высказывал пожелание, чтобы пьеса «скорее появилась в печати».

Разноречивые оценки пьесы вызвала ее постановка на сцене. А. Треплев (псевдоним А. А. Смирнова), не считая пьесу творческим завоеванием Горького, рассматривал ее всё же как яркое художественное произведение. «В руках менее тонкого автора, — писал он, — сюжет „Старика“ дал бы канву лишь для примитивной у г о л о в н о й д р а м ы. Горький не безуспешно пытался углубить к а з у с и сделать его интимно узорчатее...» («Вестник театра», 1919, № 2, 6—7 февраля, стр. 5). Критик полагал, что в «Старике» отражен «б ы т, еще дышащий вчерашним днем», что пьеса была бы «злободневной» и «сенсационной», «появись она не теперь, а в конце 1916 года». В облике Старика Треплев

увидел прямое отражение распутинских черт — пустосвятства и пошлости, религиозного фанатизма и распутства: «Правильнее было бы назвать пьесу „Старец“. Ибо центральное место в ней занимает человек, весьма родственный по складу, по всей „воровской“ ухватке с пресловутым роковым героем конца „Дома Романовых“ — Григорием Распутиным...». Эти прямолинейные поиски исторического прототипа не помешали критику высказать суждения, относящиеся к идейному «нутру» пьесы, которое, по мнению Треплева, связано с горьковским решением проблемы «преступления и наказания». Как полагал критик, Горький пересматривает эту старую проблему в свете пролетарской морали. Образом Старика с его философией страдания писатель, по определению Треплева, «профанирует „идею“ Достоевского», а пьеса в целом утверждает: «На слом „карыты прошлого“! Да есть ли прошлое для того, кто живет и действует в настоящем, кто работает для будущего?!» (там же, стр. 6).

Толкование пьесы, в корне искажающее ее смысл, было дано в небольшой статье Амчера, опубликованной в пролеткультовском журнале «Гудки». Произведение осмыслялось как символическая драма: «В пьесе резко обозначаются два мира: с одной стороны — мечанский, обывательский мир Мастаковского дома, с другой — буйно протестующий мир Старика.

И жалкой попыткой примирить непримиримое является вся якобы плодотворная деятельность Мастакова — Гусева» («Гудки», 1919, № 1, март, стр. 25).

Появление пьесы «Старик» на страницах «Петербургского альманаха» было отмечено лишь краткими аннотациями в журналах «Печать и революция» и «Красная новь». В отзыве первого из названных журналов говорилось о некоторой неразгаданности происходящих в пьесе событий: «Драматические сцены Горького построены на идее возмездия или, если хотите, страдания. Человек, невинно осужденный, бежал с каторги, переменил фамилию, разбогател, человек хороший, занимается благотворительностью. К нему приходит „старик“, сотоварищ по каторге, нельзя понять с какими целями — шантажирует или это, по Достоевскому, своеобразный искатель правды, а вернее изувер» («Печать и революция», 1922, № 2, стр. 359). В качестве художественно яркой фигуры выделялся образ Старика, остальные персонажи определялись как «бледноватые».

А. К. Воронский в небольшой заметке сделал попытку установить связь пьесы с предшествующим творчеством писателя. «В основе пьесы, — писал он, — лежит хорошо знакомый читателю горьковский мотив: человек — превыше всего; человек есть мера всех вещей. „Старик“ — воплощение сухой, формальной, жестокой, бездушной, бесчеловечной отвлеченной справедливости — совести и правды, тиранствующей бесцельно и изуверской» («Красная новь», 1922, № 3, стр. 267). По мнению критика, в «Старике» в некоторой степени проступили ошибочные воззрения Горького на русский национальный характер, а также политические колебания писателя в первые годы Октябрьской революции.

Неоправданным рассмотрением пьесы в свете ошибочных выступлений писателя, по-видимому, объясняется и отрицательная оценка этого произведения А. В. Луначарским в статье «Горький и театр» (1925). Утверждая, что Горький — по преимуществу прозаик и «берется за драму, как иной раз блестящий пианист берется за виолончель», Луначарский так отозвался о пьесе «Старик»: «...писатель <...> может еще подарить нас каким-нибудь произведением, более ярким, чем его „Старик“, я вновь повторяю, что у Горького можно многому поучиться» (А. Луначарский). О театре. Сборник статей. Л., «Прибой», 1926, стр. 99, 100).

Первая постановка пьесы «Старик» состоялась в Малом театре. По свидетельству артиста С. А. Головина, инициатива постановки принадлежала актерам. «Как только, — рассказывал он, — у власти стали актеры, сейчас же начали добывать пьесу Горького. Когда Алексей Максимович приехал в Москву, к нему поехали Александр Иванович <Южин-Сумбатов> и Садовский и просили отдать пьесу в Малый театр» (Г Чтения, 1961, стр. 402).

18 сентября 1918 г. М. Ф. Андреева в письме к Южину-Сумбатову, руководившему в то время Малым театром, сообщала: «...я передала Ваше желание Алексею Максимовичу поставить его пьесу „Старик“ в Малом театре. Он просил меня передать Вам его душевный привет — Вам и артистам Малого театра, а также, что он весьма рад передать Вашему театру для постановки в этом сезоне пьесу „Старик“» (Г Чтения, 1961, стр. 403).

Решение о постановке было принято 25 сентября 1918 г., о чем Горького извещал Южин-Сумбатов: «Совет Малого театра <...> поручил мне принести Вам искреннюю и глубокую благодарность за предоставление нам права постановки „Старика“ <...> Пьеса сделала исключительное впечатление при чтении ее в Совете, принята им, конечно, единогласно, и решено приступить к ее постановке <...> Обо всех формальных сторонах дела (например, подписании условия и т. д.), а также о распределении ролей и режиссере Вам будет на днях писать член Правления по художественной части Пров Михайлович Садовский. Я только выполняю этим письмом постановление Совета, как его председатель, но к этой, так сказать, официальной своей обязанности не могу не прибавить выражение моей личной большой радости, что Ваша пьеса получена Малым театром при моем участии» (там же).

Договор с Правлением Государственного Малого театра на право представления на сцене театра пьесы «Старик» был заключен Горьким 30 сентября. Пункт 3-й договора гласил: «Я, Пешков, обязуюсь в продолжение двух лет со дня подписания сего условия не отдавать означенной пьесы для представления на частных сценах Москвы, разумея под этими сценами не только устраиваемые в черте города и уезда его, но и пригородные, загородные» (там же).

В разделе «Театральная пестрядь» журнала «Театральный курьер» сообщалось:

«На днях из Петрограда прибыл оригинал условия, подписанного Малым театром, с одной стороны, и М. Горьким — с другой.

Автор предоставляет Московскому государственному драматическому театру исключительное право постановки новой своей пьесы сроком на два года.

В сопроводительном к контракту письме на имя заведующего художественной частью Малого театра П. М. Садовского М. Горький сообщает, что он думает приехать для переговоров о постановке и совместного с артистами-щепкинцами чтения пьесы в середине октября.

Тогда приблизительно и выяснится распределение ролей в „Старике“, в которой одну из центральных фигур, кажется, возьмет на себя О. О. Садовская.

Ставить „Старика“ будет очередной режиссер г. Платон» («Театральный курьер», 1918, № 19, 9 октября, стр. 6).

В начале октября 1918 г., отвечая Садовскому, письмо которого к Горькому не сохранилось, писатель извещал его о скором своем приезде в Москву и желании встретиться с артистами Малого театра:

«Примите сердечную мою благодарность за то лестное для меня отношение, которым Вы и Александр Иванович Сумбатов почтили мою пьесу, — кстати скажу, написанную наспех и изобилующую недостатками.

Поговорить о ней с Вами я весьма желал бы, надеясь и даже будучи уверен, что добрая беседа помогла бы мне исправить некоторые неясности пьесы и тем облегчить Ваш и Ваших товарищей труд.

Я буду в Москве между 10-м и 15-м числами и тогда попрошу Вас устроить беседу о пьесе» (*Г-30*, т. 29, стр. 385).

О чтении Горьким — 24 октября 1918 г. — пьесы «Старик» артистам Малого театра содержится краткая запись в книге репетиций сезона 1918—1919 года: «Чтение пьесы „Старик“ М. Горького. Вызывалась вся труппа. Читал автор» (*Г Чтения*, 1961, стр. 404). Вспомнив об этом впоследствии, артистка Малого театра Е. Н. Гоголева писала: «Это было днем, в холодном зрительном зале. Горький, накиннув пальто на плечи, читал неторопливо, негромко. Он едва заметно менял интонацию, но мы видели его героев, как живых. После читки и во время репетиции мы жадно расспрашивали Алексея Максимовича — каждый о своей роли. Он отвечал охотно, вдумчиво, точно, обращал внимание актеров на некоторые детали, ранее казавшиеся незначительными» («Литературная газета», 1949, № 84, 19 октября).

Премьера состоялась 1 января 1919 г. Роли исполняли: Мастаков — П. М. Садовский и И. А. Рыжов; Павел — В. И. Освецкимский; Татьяна — Е. Н. Гоголева; Захаровна — О. О. Садовская и В. Н. Рыжова; Степаныч — Н. Ф. Костромской; Софья Марковна — Е. И. Найденова; Харитонов — Н. К. Яковлев;

Яков—В. В. Кумельский; Каменщик — И. Д. Лавин; Старик — С. А. Головин; Девица — В. Н. Пашенная. Постановщик — И. С. Платон, художник-декоратор — К. Ф. Юон.

Как позднее вспоминали участники спектакля — Садовский, Головин, Найденова, — многое в пьесе осталось тогда для них неясным. Пьеса отчасти была воспринята как своеобразный «политический памфлет», связанный с ошибочными публицистическими выступлениями Горького в газете «Новая жизнь» (см. стенограмму беседы с П. М. Садовским, С. А. Головиным и Е. И. Найденовой по поводу постановки в Малом театре пьесы Горького «Старик» 24 февраля 1941 г., стр. 2. Всероссийское театральное общество, Кабинет Горького и советской драматургии; см. также: «История советского драматического театра в 6-ти томах», т. I. М., «Наука», 1966, стр. 140). «Несмотря на то, что спектакль готовили около двух месяцев, при ежедневных репетициях, — рассказывал Садовский, — театру не удалось верно и глубоко раскрыть идею пьесы. Ее трактовали как семейно-бытовую драму и несчастье в одном доме, случай в семье Мастакова» (С. Д у р ы л и н. Пров Михайлович Садовский. Жизнь и творчество... М., 1950, стр. 187—188). Сам Садовский стремился раскрыть заложенную, по его мнению, в образе Мастакова деятельную силу.

Именно такая трактовка пьесы давалась и в пояснении к спектаклю «Старик» в Малом театре, напечатанном вместе с его программой в «Вестнике театра»: «...в ряде коротких и отрывистых сцен раскрывается в драме мучительное противоречие между случайной и нелепой будничной жизнью и непререкаемой высокой ценностью творческой личности человека — один из основных и существеннейших мотивов литературной деятельности Горького» (Приложение к «Вестнику театра». «Программы и либретто московских театров», 1919, № 2, стр. 1).

Тем не менее, как вспоминала В. Н. Пашенная, спектакль «Старик» имел «большой успех». «Играли мы <...> очень много — и в театре и в районах. Я играла характерную роль девицы Маринны. Под внешней забитостью в Маринне живет затаенная сила. Этот образ у Горького сочный, колоритный» (В е р а П а ш е н н а я. Искусство актрисы. М., «Искусство», 1954, стр. 121). По впечатлениям Е. Н. Гоголевой, от образа, воплощенного Пашенной, веяло подлинной жизненностью. «Ее молодое, но потухшее лицо, — вспоминала Гоголева, — вдруг становилось хитрым и завистливым, а взгляд, обычно ушедший в себя, загорался жадностью; мгновениями под привычной маской каменного безразличия обнаруживался животный страх» (Г Ч т е н и я, 1961, стр. 408).

Высокую оценку современники дали исполнению О. О. Садовской роли няньки Захаровны. Яркость игры актрисы отмечал журнал «Бирюч петроградских государственных театров» (1919, № 11-12, 23—31 января, стр. 122). Как вспоминал В. А. Филиппов, «по мощи реалистического проникновения этот образ Садовской можно сравнить лишь с ею же созданной тра-

гической фигурой Матрены»¹ (*Г Чтения*, 1961, стр. 406). По мнению Гоголевой, «Садовская была проста настолько, что трудно было сказать, игра это или сама жизнь» (там же).

На одном из спектаклей «Старика» в Малом театре присутствовали В. И. Ленин и Н. К. Крупская. По свидетельству И. С. Платона, «Владимир Ильич сказал, что ему понравилась игра артистов» (газета «Малый театр», 1939, № 3, 21 января).

Стр. 372. ...наказано, чтобы таланта в землю не зарывать ∞ В Евангелии, Христом. — Имеется в виду притча о талантах, изложенная в Евангелии от Матфея, гл. 25, стихи 14—30.

Стр. 383. «Последний попешный денечек» — одна из пространственных солдатских песен; наиболее полный вариант ее приведен в сб. «Песни славянских народов». Пг., 1914, стр. 26—27.

Стр. 385. *Бонмо* — от франц. *un bon mot*, остроумное выражение.

¹ В пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

НАБРОСКИ. НЕЗАКОНЧЕННОЕ

〈ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ〉

(Стр. 431)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. VI. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке. М., 1957, стр. 132—134.

В Архиве А. М. Горького хранятся девять автографов со стихотворными набросками к произведению о Василии Буслаеве: «Ой, ребята — праздник, праздник...» (ХПГ-51-7-4); «Красно солнышко на вечере...» (ХПГ-51-7-6); «А еще выпьем, братцы, меду стопу...» (ХПГ-51-7-5); «Больно ты, Василий, красно говоришь...» (ХПГ-51-7-2); «В этом тереме вьюги зимние...» (ХПГ-51-7-3); «Полонили меня вьюги зимние...» (ХПГ-51-7-1); «Мамёлфа» и «Чернавка» (ХПГ-51-37); «А впадает Ердань-река...» (ГЗ_{VI}-8-33); «Мужики Залешане» (ХПГ-52-33). Порядок их печатания устанавливается по бумаге и смыслу. Бумагой, на которой написаны наброски (с водяными знаками — Original Ligat Mills; Superfine Parchment Mill; Richter & Co Napoli), Горький пользовался в 1909—1912 гг. Листок с наброском «Полонили меня вьюги зимние...» содержит более позднюю приписку автора красным карандашом: «В. Буслаев. Испортил мне Амф<итеатров> это дело!»

Печатается по автографам.

В Архиве А. М. Горького, кроме того, хранится стихотворный набросок «Как пошли мужики Ускреенские...» (ГЗ_{VI}-9-58):

Как пошли мужики Ускреенские,
Как оне ли два брата,
А пошли на медведя охотиться.
Оне взяли вина полтора ведра,
По пути полведра вина выпили,
Охмелели малость, да...
А медведь на них из лесу поглядывал,
Он, братяга, винишко-то унюхивал.
Видит он — охмелели...
Подошел к ним — они не шевелятся,
Ни руками, ни ногами аж не двигают,
Только помигивают — песни рычат.
Вот и взялся медведь винишко пить.
Уж он пил его, пил — вовсе выглохтил.
Повалился медведь рядом с братьямш.
Они — рычат, он — похваливает.

Отрезвели братья — домой пошли,
Подхватили зверя под лапochи,
Ведут его — сами песни <поют>,
А сельские смотрят, похваливают, посмеиваются:
«Вот они, наши добры молодцы».

Написанный по новой орфографии, набросок по сюжетно-тематическим признакам близок отрывку «Мужики Залешане». Это позволяет предположить, что он представляет поздний авторский текст одного из фрагментов к произведению о Василии Буслаеве.

Так как листок с наброском был найден среди заметок к пьесе о кулаке, исследователи связывали его с этим позднейшим горьковским замыслом. С большей вероятностью, к пьесе о кулаке относится другая запись, сделанная на том же листке (см. *Архив ГVI*, стр. 166).

Замысел произведения о Василии Буслаеве возник у Горького очень рано, а образ былинного богатыря интересовал его на протяжении всей жизни. В письме от 12 мая 1930 г. О. Д. Форш спрашивала Горького о его неосуществленном замысле: «...прошу сообщить, много ли осталось у вас под спудом? Из напечатанного мне известна лишь „Похвальба“¹ в „Моих университетах“. Кажется, больше нет нигде. И какое отношение имеет пьеса Амфитеатрова к этой вашей теме?» (*Лит Насл.*, т. 70, стр. 608).

Горький ответил большим письмом из Сорренто от 8 июня 1930 г. «О Василии Буслаеве, — писал он, — могу сообщить следующее: в 97 году XIX-го века аз, многогрешный, соблазнен блх картинками художника Рябушкина² и тотчас же начал сочинять „плачевную трагедию, полную милой веселости“, как назвал свою „Жизнь Камбиза“ Том Престон³ <...> Сочинял, и — Ваську начал у меня превышать, заслонять Потанюшка Хроменький, направляя ладью Васькиных мечтаний на скалы и мели внутренних противоречий. Васька в Иордань-реке купаться хочет, а Потаня, зная географию, говорит ему: „А текёт она, Ердань-река, а текёт она в море Мертвое“. Мамёлфа Тимофеевна внушает Васе: „Люби воду тскучую“, окаянная Девка Чернавка требует с него биологической дани, во сне ему снится обаятельная Дева-Вьюга, и вообще — получилась чертовщина. Бросил. Но, живя на Капрее, снова взялся за этот сюжет и мно-

¹ Речь идет о монологе Василия Буслаева, включенном Горьким в воспоминания «А. П. Чехов».

² Художник А. П. Рябушкин (1861—1904) в 1895 г. опубликовал десять рисунков на сюжеты из русского народного эпоса в альбоме «Русские былинныи богатыри», вышедшем как приложение к журналу «Всемирная иллюстрация». Один из рисунков изображал новгородского богатыря Василия Буслаева. Ряд иллюстраций Рябушкина к былинне о Буслаеве появился в журнале «Шут» в 1898 г. (№№ 15—18, апрель — май и №№ 20—22, май — июнь).

³ Английский драматург (1537—1598).

гажды говорил о нем с Амф(итсатровым), — он фольклор знает, хотя — очень внешне. Не думайте, что я его в чем-то подозреваю, нет! Но он тоже соблазнился „сюжетом“ и, на мой взгляд, обработал его очень поверхностно, хотя и путано. При чем тут Римлянин? Васькина трагедия — очень строга. Действуют в ней, кроме него, — Мать Мамёлфа, Чернавка, Потаня-скептик, Костя Валюжанин (?) — человек факта, и двоеглавый и даже треглавый Мужик Залешанин. Вот и всё» (Г-30, т. 30, стр. 171).

К работе над пьесой о Буслаеве Горький приступил, по-видимому, в 1898 г. Это подтверждается свидетельством Е. П. Пешковой. Рассказывая о жизни Горького в Нижнем Новгороде в 1898 г., она отмечала: «Как раз в апреле <...> он с увлечением засел за работу над „Фомой Гордеевым“ и собирал материалы для пьесы „Василий Буслаев“» (Ек. П. Пешкова. Отрывки из воспоминаний о Горьком. — «Ученые записки Горьковского госуд. пед. ин-та им. М. Горького». Серия филологическая, вып. 42. Горький, 1963, стр. 84).

От первоначальной работы Горького над произведением, посвященным Буслаеву, до нас дошел «хвастливый Васькин монолог». В 1902 г., не позднее 23 апреля (ЛЖТ, стр. 369—370), автор читал его А. П. Чехову и А. Н. Алексину. Горький вспоминал:

«Чехову понравился этот монолог, взволнованно покашливая, он говорил мне и доктору А. Н. Алексину:

— Это хорошо... Очень настоящее, человеческое! Именно в этом „смысл философии всей“. Человек сделал землю обитаемой, он делает ее и уютной для себя. — Кивнув упрямо головой, повторил: — Сделает!» (т. VI наст. изд., стр. 58).

К этому замыслу Горький очевидно вернулся в 1908—1909 годах. Писатель А. А. Золотарев вспоминал: «Боюсь настаивать, но кажется, что именно в это время Горький рассказывал отдельные сцены своего „Васьки Буслаева“ <...> так и не законченного им. Мне запомнились силуэты Мамёлфы Тимофеевны и девки Чернавки в мастерской передаче Алексея Максимовича» (Архив А. М. Горького, МоГ-4-16-1).

По свидетельству Ю. А. Желябужского, Горький в период пребывания на Капри «страстно увлекался историей Новгорода» (Архив А. М. Горького, МоГ-4-17-1)¹.

К февралю 1912 г. замысел изменился². Рассказывая о жизни Горького на Капри в интервью «Одесским повостям», И. А. Бунин сообщал: «У Шалапина и Горького возникла интересная мысль — написать оперу о Ваське Буслаеве. Они и меня втягивают в это дело. Вопрос, впрочем, решится с проездом ожидаю-

¹ Вероятно, с раздумиями о Василии Буслаеве связаны пометы Горького в книге: «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. Ореста Миллера». СПб., 1869. Книга сохранилась в ЛБГ.

² См. упоминание в дневнике К. П. Пятницкого. — Архив А. М. Горького, Д-Пят, 1912, л. 20.

щегося на Капри Глазунова, которому будет, конечно, предоставлена самая ответственная работа. О своем участии в этой затее я пока сказать ничего не могу. А дело интересное!» («Одесские новости», 1912, № 8659, 1 марта).

Информация об этом появилась и в газете «Росспя»:

«Из-за границы сообщают, что Шаляпин и Максим Горький написали либретто для оперы „Васька Буслаев“, музыку для которой выразил согласие написать А. К. Глазунов.

Сюжетом для либретто послужили похождения известного ушкуйника Васьки Буслаева» («Россия», 1912, № 1940, 11 марта).

О совместном создании оперы о Василии Буслаеве идет речь в письме Ф. И. Шаляпина Горькому от 12 (25) марта 1912 г. (см.: «Федор Иванович Шаляпин», том первый. М., 1959, стр. 349—350).

Видимо, к либретто оперы и относятся публикуемые наброски: «Ой, ребята — праздник, праздник...», «Красно солнышко на вечере...», «А еще выпьем, братцы, меду стопу...», «Больно ты, Василей, красно говоришь...», «В этом тереме вьюги зимние...», «Осенние ветры...», «Разпеваюсь — п душа моя...», «Полонили меня вьюги зимние...», «Мамёлфа» и «Чернавка». К этим наброскам, на основании цитированной выше переписки Горького с Форш, присоединены набросок «А упадет Ердась-река...» и стихотворный отрывок «Мужики Залешане».

Можно предположить, что в последний раз писатель возвратился к этому замыслу вскоре после Октябрьской революции. В воспоминаниях К. А. Федина приводится его разговор с Горьким в 1920 г. Речь шла о сери драматических картин и инсценировок из всемирной истории. Горький, по словам Федина, сказал тогда:

«Я, знаете, очень верю в эту идею исторических картин. Меня самого подмывало написать. И тема была превосходная — Великий Новгород, Василий Буслаев. Нет богатыря более русского — любил молодец землю, поозоровал на ней, но и потруился славно!

— Что же вам помешало написать?

— Не что, а кто: Александр Амфитеатров помешал. Рассказал я ему о своем намерении, он ухватился, — я, говорит, напишу. Ну, что поделаешь: отдал ему, что было собрано у меня о Василии. И вот недавно появилась пьеса „Васька Буслаев“... Хорошая вещь. Я полагаю — лучшее из всего когда-нибудь сочиненного Амфитеатровым¹. Но, разумеется, я не приписываю себе ничего из достоинств пьесы <...> — Жалко. Очень хотелось самому написать» (Федин, стр. 34).

Исследователи, сопоставляя дошедшие до нас наброски о Василии Буслаеве с текстами известных былин о нем², приходят

¹ Напечатано в 1922 г.: А. А м ф т е а т р о в. Василий Буслаев. Представление в 4-х действиях. Берлин — Ревель. «Библиофил».

² «Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым» (М., 1878), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым»

к заключению, что Горький использовал фольклорный материал творчески, создав свой образ Василия Буслаева. Писатель также смело трансформировал и развивал образы, едва намеченные в былинах — Потанишки Хроменького, Кости Валюжанина, Мужика Залешанина.

Оставив замысел произведения о Василии Буслаеве, Горький не потерял интереса к самому этому образу. Как свидетельствует Федин, в 1935 г., беседа в Горках с литераторами, Горький советовал Александру Прокофьеву написать о Буслаеве поэму (*Федин*, стр. 353—354). По свидетельству И. А. Груздева, Горький мечтал много лет о том, чтобы побудить кого-либо из русских композиторов написать оперу о Василии Буслаеве, мотивируя это тем, чтобы «петь всем людям о России, показать всем, как она — внутри, в глубине своей — талантлива и крупна, обятельна» («Вечерняя Москва», 1943, № 141, 17 июня).

В художественных произведениях, статьях, выступлениях и письмах Горького, относящихся к советскому периоду, немало упоминаний о Василии Буслаеве.

Обобщающий смысл, который Горький находил в образе новгородского ушкуйника, раскрыт им, в частности, в письме к Федину от 21 декабря 1932 г. Рассказывая о жизненных прототипах своих купцов, в частности об Александре Петровиче Большакове, «строителе храма и старосте его, грязном распутнике», Горький отмечал его сходство с былинным героем, испытывавшим предел дозволенного: «Взгляните-ка, как сказочно быстро богатели московские текстильщики, поволжские лесопромышленники и судовладельцы. И, право же, пред каждым стоял вопрос: всё ли позволено? И, „со страхом испытую милость господню“, позволяли себе всё» (*Г-30*, т. 30, стр. 267). И заключал: «Видите, какая штука? Васька Буслаев — не выдумка, а одно из величайших и, м. б., самое значительное художественное обобщение в нашем фольклоре» (там же, стр. 268).

Опираясь на сказанное Горьким, Федин отметил буслаевские черты и в центральном образе пьесы «Егор Булычов и другие». Герой пьесы, по мнению Федина, как «удалец Васька», «пытал, испытывал судьбу назло положенному людям и богом пределу», стремясь перебороть «наихудшего из противников» — смерть (см.: *Федин*, стр. 354).

Стр. 432. *Мамёлфа* — в былинах Амелфа (или Омелфа) Тимофеевна, также Офимья Александровна — мать Василия Буслаева.

Стр. 432. *Чернавка* — в былинах о Василии Буслаеве фигурирует девушка-служанка. Девушка-богатырь, она помогает Василию и его дружине в боях с новгородцами.

Стр. 432. *А впадает Ердань-река...* — Имеется в виду река Иордан в Палестине. Река эта, впадающая в Мертвое море, упо-

(изд. 2-е, том II. М., 1910), «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» (СПб., 1873).

мишается в былинах о путешествии Василия Буслаева с дружиною к «святым местам». Как повествуют былины, Буслаев купался раздетым в священной реке Иордан, — по народным и религиозным верованиям это считалось греховным:

«Ай Васплий сын Буслаевич!
Нагим телом в Ердань-реки не куплются,
Нагим телом купался сам Иисус Христос!
А кто куплется, тот жив не бывает»

(«Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...», СПб., 1873, стр. 726).

Стр. 432. *Мужики Залешане*. — В былинке о Василии Буслаеве, записанной Киршей Даниловым, упоминаются «мужики Залешана», с которыми богатырь не дерзнул попробовать свои силы. Они становятся содружинниками Василия Буслаева:

«Пришли тут мужики Залешана,
И не смел Васплий показаться к ним.
Еще тут пришло семь братѳв Сбрѳдѳвичѳ —
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатой стал»

(см.: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М., 1878, стр. 51).

«Мужики Залешане» становятся дружинниками Василия Буслаева и в сказке о нем (см. «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 5. М., 1863, стр. XVI).

〈ПРАЗДНИК И ЯРМАРКА В ЗАВОДСКОМ ПОСЕЛКЕ〉

(Стр. 433)

Впервые, под условным заглавием «Либретто оперы», напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 158—161.

В Архиве А. М. Горького хранится черновой автограф — ЧА (ХПГ-49-3) с большой авторской правкой. Произведение не закончено, без заглавия. Написано по старой орфографии, на бумаге, которой Горький пользовался в каприйский период, до 1913 г. В рукопись вложен листок с пометкой И. П. Ладыжникова, сделанной, по-видимому, позднее: «Либретто к задуманной опере».

В дневнике К. П. Пятницкого записано 9 (22) марта 1907 г.: «К обеду в Hôtel Continental приходит Nougues (Нугес)».

Вечером все сидят в комнате М. Ф. (Андреевой). Алексей Максимович сочиняет либретто для оперы (Архив А. М. Горь-

кого, Д-Пят, 1907, стр. 24). Запись сделана в период пребывания Горького в Риме, в отеле «Континенталь», после посещения музеев.

Спустя год, в марте 1908 г., Горький сообщил Е. П. Пешковой: «Пишу оперное либретто для одного композитора-француза» (*Архив ГГХ*, стр. 47). (Возможно, имеется в виду Жан Нугес, о котором упоминалось в дневнике Пятницкого.)

Есть основания отнести оба эти свидетельства к публикуемому произведению и предположить, что оно написано в 1907—1913 годах.

Печатается по ЧА.

〈СЦЕНА ДЛЯ ИМПРОВИЗАЦИИ〉

(Стр. 437)

Впервые, под условным заглавием «Сцена пьяного (Сценарий для импровизации)», напечатано в книге: Русские классики и театр. Л.—М., «Искусство», 1947, стр. 372—374.

В Архиве А. М. Горького хранится авторизованная машинопись с правкой автора и подписью на последней странице: «А. Пешков» — АМ (ХПГ-44-15-1), без заглавия. Машинопись приложена к письму Горького К. С. Станиславскому от марта 1911 г.

Печатается по АМ.

Произведение написано Горьким в феврале — марте 1911 г. Замысел его, связанный с идеей театральной импровизации, возник, возможно, раньше.

«...20 лет тому назад, — писал Горький в апреле 1930 г., — я предлагал К. С. Станиславскому организовать студию, в коей молодежь, изучая театральное искусство, пробовала бы вместе с этим создавать коллективно и пьесы, как это делали „бродячие“ труппы артистов до Мольера» (письмо М. Чумандину — Г-30, т. 30, стр. 163).

В письме Л. А. Сулержицкому, одному из руководителей будущей Студии, относящемся к лету 1910 г., Горький с восторгом отзываясь о народном театре Эдоардо Скарпетта в Неаполе, который идет «от Полишинеля — от Петрушки нашего — но как!» («Новый мир», 1961, № 6, стр. 183).

Встреча со Станиславским, находившимся на Капри с 17 по 20 февраля (со 2 по 5 марта) 1911 г., вновь обратила мысль Горького к театру импровизации. В эти дни Станиславский сообщил М. П. Лилиной: «Он (Горький) решил писать нам мимодраму» (*Станиславский*, т. 7, стр. 514).

В интервью газете, которое режиссер дал по возвращении из заграничной поездки, сообщалось (в репортерском изложении): «Первая мысль об этом (о театре импровизации) родилась в беседах о положении театра и его будущем между К. С. Станиславским и М. Горьким. В Неаполе есть небольшая труппа актеров,

которые являются сами и коллективными авторами пьес своего репертуара. Этот своеобразный театрик очень увлек автора „На дне“. Он увидел тут какие-то совершенно новые, неожиданные возможности для театра будущего <...> М. Горький занялся обстоятельной разработкой этой мысли. И в начале настоящего сезона прислал в Москву большую рукопись¹ на эту тему с изложением своих взглядов и предположений и с рядом схем для будущих пьес...» («Русские ведомости», 1913, № 80, 6 апреля).

В русле этих исканий и экспериментов и возникла, по-видимому, одна из первых таких «схем». Посылая ее в марте 1911 г. Станиславскому, Горький писал:

«Вот, дорогой Константин Сергеевич, посылаю Вам обещанный рисунок — сцены пьяного; мне хотелось только сообщить Вам мою мысль, и, само собою разумеется, — за Вами право изменять эту сценку, как Вам будет угодно.

Кажется — вышло скучно, но — я не понимаю пьянство иначе, как болезнь или как результат некоего душевного надрыва. В данном случае — взял последнее.

Боялся впасть в шарж и, видимо, наклонился в сторону скучного. Но, повторяю, посмотрите на это, как на схему» (Г-30, т. 29, стр. 162).

14 (27) марта 1911 г. Станиславский отвечал Горькому: «Спасибо за хорошее письмо и за присылку рукописей: а) сцена пьяного, б) „Встреча“, в) два экземпляра „Почти святой“.

Сцену пьяного прочел. Думаю, что из этого можно что-то сделать. Буду пробовать, когда освободится время...» (Станиславский, т. 7, стр. 518).

К идее создания «коллективной пьесы» Горький возвращался в эти годы неоднократно. «Приезжайте, — приписал он в письме М. Ф. Андреевой Станиславскому 22 января (4 февраля) 1912 г., — будем писать комедию коллективно. А. Пешков» (Андреева, стр. 216).

В конце января (в первой половине февраля) 1912 г. М. Ф. Андреева сообщила Т. В. Красковской: «Алексей Максимович усердно внушал ему <А. Стаховичу> о желательности приезда на Капри как можно больше наших художественников и развивал ему план „коллективной пьесы“. Обещал написать пьесу сам» (там же, стр. 218).

Газета «Русские ведомости», корреспондент которой беседовал с Горьким по его возвращении из-за границы, сообщала, что в вопросах театра писателя «очень занимает мысль об актере как творце пьесы» («Русские ведомости», 1914, № 33, 9 февраля). «Актер должен быть таким же полноправным творцом пьесы, как и автор, должен уметь импровизировать, стремиться глубже и точнее передать идею, предложенную автором, — так передавались высказывания Горького в другой корреспонденции, озаглавленной „Максим Горький о лозунге времени театра“. — Пре-

¹ Имеется в виду письмо Горького Станиславскому от 29 сентября (12 октября) 1912 г. (Г-30, т. 29, стр. 259—270).

следуя эту мысль и желая практически осуществить ее на сцене, я сам написал несколько таких сценических заданий, которые дают широкий простор актеру, одаренному способностью творить и импровизировать. Все мои наброски переданы мною в Студию Художественного театра» («Новь», 1914, № 28, 15 февраля).

Осуществлены эти замыслы Горького не были, но работа над ними велась. Об этом сообщал Станиславский в упоминавшемся интервью газете «Русские ведомости» (1913, № 80, 6 апреля). Тогда же он писал М. Ф. Андреевой:

«Виноват я и перед Алексеем Максимовичем в том, что не держал его в курсе наших проб по „*commedia dell'arte*“ <...>

Но секрет в том, что самой сути мысли Алексея Максимовича, т. е. того, что так прекрасно выражено им в его статье, переданной мне Румянцевым, никто еще не знает <...>

То, чего хочет Алексей Максимович, не так просто. Теперь, после года работы, мы начинаем подходить к тому, что нужно» (Андреева, стр. 246).

Попытка создать театр импровизации была предпринята не только Станиславским и Сулержицким в Студии МХТ, но и другими режиссерами. «...вчера Марджанов, — писала М. Ф. Андреева Горькому 28 сентября (11 октября) 1913 г., — громогласно объявил на общем собрании Свободного театра, что при большой сцене параллельно будет устроен зал Камерного театра, в котором каждый участвующий „может выявить себя“. „Алексей Максимович уже давно носит с идеей коллективного творчества, мечтает о театре импровизаций. Он не откажет нам в своем участии, и нам выпадет на долю честь провести его идею в жизнь, если мы сможем и сумеем“» (Андреева, стр. 255—256).

Идея театральной импровизации заинтересовала Е. Б. Вахтангова, пытавшегося осуществить ее в Студии МХТ, участником которой он был, а несколько позднее — в руководимой им Студенческой драматической студии и других театральных коллективах (Е. Б. Вахтангов. Записки. Письма. Статьи. М.—Л., 1939, стр. 287—295, 343—344).

Стр. 438, 439. *Я н-не сержу-усь, зоть больно но...* — Романс Р. Шумана на слова Г. Гейне «Я не сержусь, хоть больно ноет грудь» (1840).

〈ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ〉

(Стр. 440)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. VI. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке. М., 1957, стр. 131—132.

В Архиве А. М. Горького хранится черновой набросок — ЧА (ХПГ-49-9).

Датируется 1911 г. на основании письма Горького к К. С. Станиславскому от второй половины апреля 1911 г. с Капри. В нем Горький кратко передавал сюжет задуманной пьесы: «Напишу еще одну штучку: в уездном городе Дремове жена по-

датного инспектора с доктором на свидание пришла, а обыватели из этого спектакль устроили. Наблюдают, изучают и обмениваются ценными мыслями. А забрасываемая мелким хламом человечья любовь, может быть, единственная в жизни и единственно чистая, — погибает в смехе и издевках» (Г-30, т. 29, стр. 164).
Печатается по ЧА.

〈ЯКОВ БОГОМОЛОВ〉

(Стр. 441)

Впервые, под условным заглавием «Яков Богомоллов», напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 70—115.

В Архиве А. М. Горького хранится черновой автограф — ЧА (ХПГ-48-9-2), с большой правкой, осуществленной автором одновременно с написанием основного текста. Пьеса не закончена: написаны первый, второй, третий акты и начало четвертого; заглавие отсутствует.

В рукопись вложены отдельные листы со вставками к пьесе:

1. Список действующих лиц — более ранний, судя по содержанию, почерку и бумаге, чем тот, который опубликован на стр. 442 настоящего тома:

«Яков Серге[и]ич	Верочка Трефплова
Полина [Васильевна] Ивановна	Ольга Васильевна Мосолова
Нина Аркадьевна, ее мать	Букеев
Жан, [ее муж] отец	Дуняша
Никон Пастухов	Нянька
Борис Ладыгин	Стукачев, лаксѣй.

Несколько ниже этого перечня рукой Горького написано: «Женщина — действительная». На том же листе автором сделана пометка «86—85 стр.», относящаяся, по-видимому, к тексту рукописи другого произведения Горького — «Автобиография Шалаяпина», написанного одновременно с первыми набросками к пьесе.

2. Незаконченный текст на листе, приложенном ко второму акту:

«Жан помногу пил и ел,
Только это и умел.
Он так вкусно ел да пил,
Что до смерти счастлив был.

Есть такая песенка:

Борис Иванович, это не про вас поется?

Л а д ы г и н. Очень рад, если про меня.

Кроме того, в Архиве А. М. Горького имеются другие материалы, относящиеся к пьесе (см. варианты).

Печатается по ЧА со следующими исправлениями, сделанными по смыслу:

Стр. 462, строка 34. «С т у к а ч е в. Дуняшу бы» вместо «С т у к а ч е в. Наташу бы».

Стр. 462, строка 37: «Д у н я ш а. За что это» вместо «Н а т а ш а. За что это».

Стр. 462, строка 39. «Д у н я ш а. Вы дольше моего» вместо «Н а т а ш а. Вы дольше моего».

Стр. 492, строка 1: «Затая Ольга Борисовны» вместо «Затая Л. Борисовны».

Введены наименования действующих лиц, отсутствующие у автора, а также необходимые ремарки.

Все слова в тексте, написанные сокращенно, дописаны.

Прямыми свидетельствами о времени работы Горького над пьесой мы не располагаем. Косвенные источники позволяют отнестись к возникновению замысла к лету 1916 г., точнее, ко времени между 13 (26) июня и 1 (14) августа 1916 г., когда писатель жил в имении миллионера Ушкова¹, в Форосе, работая совместно с Ф. И. Шаляпиным «над его автобиографией» (*Г-30*, т. 29, стр. 363).

Делясь впечатлениями о жизни в Форосе, Горький писал И. П. Ладыжникову 30 июня (13 июля) 1916 г.:

«Общество крайне интернационально: хозяйка² — венгерка, затем Роджерс³ и артисты Михайловского театра; прислуга — латыши, эсты; рабочие — татары и украинцы.

Стоит сухая, жаркая погода; огромный парк нечем поливать, хотя в нем и устроен бак на 200 000 ведер. Дождей — нет. Газет — тоже. Никто ничем не интересуется...» (*Архив Г VII*, стр. 234).

Уговаривая в письме к Е. П. Пешковой от 28 июня (11 июля) 1916 г. сына Максима приехать с матерью в Форос, Горький писал ему шуточно: «Здесь имеются: теннис, удав, кегли, пруды с рыбой и лебедями, которых не едят почему-то <...> Парк, состоящий из множества деревьев, среди которых множество дорожек, находится на берегу Черного моря, до самых краев залитого мокрой и бесцветной водой. Это ли не заманчиво? <...> Хозяйка — венгерка, а хозяин — миллионер» (*Архив Г IX*, стр. 188).

16 (29) июля 1916 г. — Ладыжникову: «Здесь живут иностранцы всех наций, павлины, удавы, антилопы, быстрые собаки, русские же люди — сплошь малограмотны, к печатному слову относятся, как черти к ладану, а кроме всего этого — с утра до вечера пьяны и поют песни <...>

На днях приехал хозяин Фороса, это неинтересный человек, вполне безнадёжный как лицо, способное на работу культурную. Форос превращается в курорт с водолечебницей и т. д. Здесь — все бредят курортами...» В том же письме Горький признавался: «Мною овладел писательский зуд, а писать — некогда!» (*Архив Г VII*, стр. 235—236).

¹ Г. К. Ушков — один из акционеров чайной фирмы «Губкин и Кузнецов», родственник жены Ф. И. Шаляпина, Марии Валентиновны.

² Жена Г. К. Ушкова — Маргид.

³ Француженка Генриетта Роджерс, артистка.

В воспоминаниях Н. С. Туйкова, инженера-мелиоратора, работавшего в имении Ушкова в то время, когда там жили Горький и Шалапин, хозяин имения характеризуется как человек, которому «были присущи большие странности: поступки его нередко принимали характер самодурства». Это, впрочем, не лишило Ушкова коммерческой целеустремленности, выразившейся и в попытке провратить свое имение в город-сад.

«Алексей Максимович расспрашивал меня о жизни в Форосе, о будущем городе-саде,— вспоминал Туйков.— Я подробно рассказал Горькому о планировке этого города. Горький слушал очень внимательно. Потом он спросил меня: „А где же Ушков возьмет воду для снабжения этого города-сада? Мне кажется, что того источника, который сейчас снабжает Форос водой, для города недостаточно?“ С этим замечанием Алексея Максимовича я полностью согласился. Я рассказал ему, что Ушков думает устроить бассейн на два миллиона ведер. Горький спросил: „Чья это идея?“ Я ответил: самого Ушкова. Тогда Горький улыбнулся и сказал: „Большинство капиталистов или самодуры или невежды, особенно в вопросах техники“» (Н. С. Туйков. А. М. Горький в Форосе.— *Г Чтения*, 1964, стр. 251—253).

Из этих впечатлений и возник, вероятно, замысел пьесы о Якове Богомолове. Есть предположение, что в произведении отразились и другие жизненные наблюдения писателя, в частности, связанные с пребыванием в Коктебеле, на даче М. А. Волошина, в августе — сентябре 1917 г. (см.: Р. Вуль. А. М. Горький в Крыму. Симферополь, 1961, стр. 75—85).

Можно предположить, что первые попытки Горького реализовать замысел относятся ко второй половине 1916 г., к периоду работы над «Автобиографией Ф. И. Шалапина» или сразу по окончании ее осенью того же года.

В пользу такого предположения говорит и совпадение по внешнему виду — почерку, цвету чернил, бумаге — листа с ранним списком действующих лиц пьесы — с последними страницами рукописи «Автобиографии Шалапина» (Архив А. М. Горького, ХПГ-50-1-1).

Пьеса написана по старой орфографии. Это позволяет датировать ее временем до начала 1920-х годов.

Не исключено, что Горький предполагал вернуться к этому произведению в дальнейшем. Как вспоминала М. И. Будберг, пьеса должна была закончиться самоубийством Букеева («Стенограмма беседы М. И. Будберг с научными сотрудниками Института мировой литературы имени А. М. Горького, 8 декабря 1959 г.»— Архив А. М. Горького, МоГ-2-48-1).

Существует и другая версия окончания пьесы. По воспоминаниям Н. Г. Виноградова-Мамонта (руководителя театрально-драматической мастерской Красной Армии в Петрограде), встречавшегося с Горьким осенью 1919 г., писатель рассказывал группе театральных деятелей о пьесе, «пока не законченной», «названия которой не установил»: «Жил водопроводчик-инженер Яков. Человек вроде Чехова или молодого Станиславского. Человек — деяние. Человек — красавец. Колокольня над

пошлостью. Одержим идей. Приятель его, реальный политик, убежден, что Россия будет вроде рая на земле через 25 лет. Попал Яков к миллионеру в Букеевскую Орду. Там одна светлая душа: девушка-подросток. Полюбила духовность Якова. Жена Якова — умница, красавица. Но отдалилась от мужа. Временно, конечно. А вокруг нее — любовь, обожание, соблазны, похоть». Пьеса должна была завершиться сценой: Якова пытается убить студент, которым была временно увлечена жена Якова. Девушка заслонила Якова и была убита. «Букеев орет: „Пали и в меня из своей пушки!“ Но жив остался. Патрона не хватило или что-нибудь другое.

Яков — жене: „Осыплет девушку цветами и уедем отсюда“. — „Куда?“ — „К человеку, который убежден: земной рай в России будет через 25 лет“» (Запись Н. Г. Виноградова-Мамонта, которую он сам отнес к ноябрю 1919 г. Личный архив вдовы Виноградова-Мамонта в Москве).

Документальных данных, подтверждающих ту или другую версию окончания пьесы, нет.

Стр. 446. *Камо бегу от лица твоего?* — «Камо пойду от духа твоего; и от лица твоего камо бегу?» (Псалтырь, псалом 138, стих 7).

Стр. 448. *Влюбленные и любящие всегда талантлив, ярки.* — В очерке «Лев Толстой» Горький приписывает эти слова Толстому: «Талант — это любовь. Кто любит, тот и талантлив. Смотрите на влюбленных, — все талантливы!» (Г-30, т. 14, стр. 288).

Стр. 451. «*Коль славен...*» — церковный христианский гимн «Коль славен наш господь в Споне»; русский текст М. М. Храскова (1733—1807), музыка композитора Д. С. Бортвянского (1751—1825).

Стр. 469. «*Аминь, — ему грянули камни в ответ.*» — Заключительная строка стихотворения Я. П. Полонского «Бэда-проповедник» (1841).

Стр. 472. *Поль Адап* (1862—1920) — французский писатель и публицист, получивший известность в России в 1910—1912 годах, со времени выхода в свет в переводе на русский язык романов «Декорация жизни», «Красные мантии», «Стадо Клариссы» и других.

Стр. 482. *В Харькове был жеребец — Гамилькар, кажется — двести тысяч за него заплатили. Издох...* — Отзвук на шумевшей в 1906—1907 годах истории с английским скакуном Гальтимором. В 1899 г. он был куплен русским правительством за 200 тысяч рублей, поставлен на племенной пункт в Харьковской губернии, но через шесть сезонов неожиданно перепродан в Германию за 120—150 тысяч рублей. Здесь он пал в 1917 г. О «славе» Гальтимора упоминает А. И. Куприн в интервью «Петербуржской газете» в августе 1908 г. (Вас. Р е г и н и н. У А. И. Куприна... — «Петербуржская газета», 1908, № 232, 24 августа).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. М. Горький Капри. 1907—1908 гг.	4
«Последние». Страница машинописи с правкой М. Горького	11
«Васса Железнова». Машинописная страница с правкой М. Горького	183
«Фальшивая монета». Страница машинописи с правкой М. Горького	267
«Зыковы». Начало пьесы. Автограф	297
«Старик». Характеристика действующих лиц пьесы. Автограф	371
«Яков Богомолов». Страница, на которой обрывается рукопись. Автограф	491

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

	Текст	Примечания
Последние. Пьеса в четырех действиях	5	500
Чудаки. Сцены	85	506
Встреча. Пьеса	151	514
Васса Железнова. (Мать.) Сцены	179	518
Фальшивая монета. Сцены	235	528
Зыковы. Сцены	293	543
Старик. Сцены	367	549

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ АВТОРОМ. НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

<Василий Буслаев>	431	561
<Праздник и ярмарка в заводском поселке>	433	566
<Сцена для импровизации>	437	567
<Петр Васильевич>	440	569
<Яков Богомолов>	441	570
ПРИМЕЧАНИЯ	495	573
Условные сокращения		497
Вступительная заметка		499
Список иллюстраций		574

*Печатается по решению
Президиума Академии наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР*

*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. М. ЛЕОНОВ (главный редактор),
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ, В. А. БЯЛИК, С. С. ЗИМИНА,
Г. М. МАРКОВ, А. И. МЕТЧЕНКО, А. С. МЯСНИКОВ,
В. С. НЕЧАЕВА, В. В. НОВИКОВ,
А. И. ОВЧАРЕНКО (зам. главного редактора),
В. М. ОЗЕРОВ, Б. Л. СУЧКОВ, Е. Б. ТАГЕР,
К. А. ФЕДИН, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

Тексты подготовили и комментарии составили:

*А. М. Крюкова, В. А. Максимова, Ф. Н. Пицкель,
И. А. Ревякина, М. А. Семашкина, А. А. Тарасова,
Ю. И. Шведова*

Ответственный секретарь издания *М. А. Семашкина*

Редактор тринадцатого тома *Б. А. Бялик*

*

Редакторы издательства *А. И. Корчагин* и *М. Б. Покровская*
Оформление художника *Н. А. Седелникова*
Технические редакторы *А. П. Ефимова* и *О. М. Гуськова*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

*

Сдано в набор 16/VIII 1971 г. Подписано к печати 18/IV—1972 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 30,24
Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 298 500 экз.
Тип. зак. № 2297. Цена 1 р. 50 к.

*Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главополиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28*

